Николай
Сизов

Николай
Сизов

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

РОМАН

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1987

84Р7
С34

Художественное оформление
Э. НАСИБУЛИНА

Сизов Н. Т.

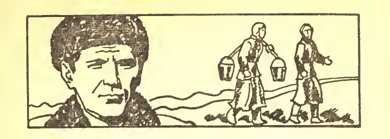
С34 Трудные годы: Роман/Худож. Э. Насибулин.— Современник, 1987.— 704 с., ил.— (Новинки «Современника»).

«Трудные годы» — роман о партийных работниках, руководивших подъемом и обновлением разоренной врагом деревни В центре внимания автора оказались многие эксперименты и нововведения, которые испытывало на себе сельское хозяйство в пятидесятых — начале шестидесятых годов.

С $\frac{4702010200-312}{М\text{-}106(03)-87}$ 89—88

ББК84Р7
Р2

КНИГА ПЕРВАЯ



Глава 1

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Зима в Приозерье в тот год наступила рано.

Морозы до звени сковали землю, посеребрили палый лист, что сплошным блеклым ковром устилал подмосковные рощи, своим холодным дыханием высушили сырые туманы в оврагах и низинах. Потом крупными мохнатыми хлопьями пошел снег. Он шел не переставая несколько дней. За неделю и поля и луга были тепло укутаны полуметровым снежным покрывалом. Деревья оделись в пушистые белые шапки, пышные снежные гроздья степенно покачивались на гибких ветвях. Не было снега только на гладких речных заводях — ветры сдували его отсюда, чтобы говорливые любознательные реки вдоволь налюбовались зимним холодным небом и белизной первых снегов.

А снег все шел и шел.

Это радовало всех, кто имел хоть малейшее отношение к земле.

Хлеборобы выходили за ворота, брали в пригоршни пористую холодно-колючую снежную кипень, прищурясь, вглядывались в сплошную кисею, что опускалась на поля, и говорили один другому:

— Знать, снежная зима обещает. С урожаем будем.

Сосед вздыхал, тоже мял в руках податливый холодный комок, тоже вглядывался в белесо-туманную даль и, вздохнув, соглашался:

— Да, хорошо бы. Оскудела, обеднела наша земля...

. . . .

Удачину не спалось. Он долго ворочался с боку на бок, но, чувствуя, что сон ушел окончательно, встал и, накинув на плечи пестрый мохнатый халат, направился в ванную. Холодная вода из-под крана взбодрила его, но настроение

не улучшалось, в голове роились и роились мысли, не дававшие покоя все эти дни.

Итак, сегодня приезжает Курганов, новый первый. Нужно будет вводить его в курс дел. Конечно, это не такая уж трудная штука — ознакомить с делами района нового человека ему, Удачину, который в этом районе родился, вырос и проработал добрый десяток лет. А тогда в чем же дело? Почему такое слякотное настроение?

Виктор Викторович лукавил сам с собой — причину он знал. Знали ее и другие руководящие работники Приозерья.

— Загрустил наш второй секретарь. Обидно, что опять на старой стезе остается,— говорили они между собой.

— Ну полноте, чего выдумали. Дел по горло, весь район на плечах — вот и сумрачен.

— Э, нет. Плохо вы знаете Удачина. Обида его гложет. Как же, столько лет в районе, а вот поди же, главного опять из области присылают...

Всего месяц назад вот такой же бессонной ночью Удачин мучительно думал о том, как закончатся развернувшиеся в районе события? Заденут ли его? Или гроза обрушится лишь на Баранова — первого секретаря?

Все события тех дней вновь вставали перед Удачиным. Вот идет заседание бюро райкома партии. Готовится обычный очередной пленум об итогах сельскохозяйственного года. Что тут особенного? Но вдруг вызов Баранова в обком. По одному его виду, когда вернулся из Ветлужска, многие поняли сразу: беседа в обкоме была не из приятных... Конечно, основания для такого разговора были — дела в приозерских селах обстояли неважно.

Виктор Викторович досадливо поморщился, вспомнив подробности пленума — суровое молчание зала, когда Баранов пытался найти какие-то успехи района, веселые усмешки и аплодисменты, когда резко и беспощадно-прямо выступал секретарь обкома. И шумливое одобрение предложения обкома — снять руководство за развал сельского хозяйства.

Ни Удачина, ни третьего секретаря, правда, не тронули, и Виктор Викторович был донельзя рад этому, ведь могло быть куда хуже. А потом, когда успокоился, зародились и другие мысли: «А почему, собственно, в район надо присылать кого-то? Разве он, Удачин, не справится с ролью первого секретаря? Справился бы не хуже любого другого, убежденно говорил себе Виктор Викторович. Но как и кому об

этом скажешь? Не пойдешь же сам в обком с просьбой о выдвижении... А собственно, почему бы и не пойти?» — иногда думал Удачин, но решимости, однако, не хватило. И вот сегодня приезжает Курганов...

Утро, наконец, пробилось сквозь ночь и вставало над Приозерском хмурое, неприветливое.

Удачин долго стоял у палисадника своего дома, вглядываясь в пробуждающийся городок. Над трубами многих домов клубились сизые дымки. На улицах все больше появлялось хозяек, идущих по воду и на рынок. Вдалеке в МТС затарахтел трактор.

Милыми и родными показались Удачину все эти приметы зарождающегося дня в родном городке. У него вдруг сделалось теплее на душе, и уже без прежней хмури в глазах он пошел по улице.

Его окликнул Костя Бубенцов — райкомовский шофер:

— Виктор Викторович, уже в райком?

— Да. Дела есть.

— Я тоже сейчас приеду. Только подшамну малость.

— Зачем тебе так рано? Можешь не спешить.

— Нельзя, Виктор Викторович. Новый-то хозяин, говорят, беспокойный, вдруг потребуюсь.

Напоминание о Курганове больно кольнуло Удачина, вернулись прежние мысли и чувство досады. Вот сегодня приедет этот самый товарищ Курганов. Совсем новый человек, ни он никого не знает, ни его никто не видел... А приедет хозяином, ты ему подчиняйся во всем. Поймав себя на неприязненных чувствах к Курганову, Удачин упрекнул себя за это и постарался думать о другом.

Райком был заперт, сторож встретил Удачина удивленно.

— Что так рано, Виктор Викторович?

— Да вот позвонить надо кое-куда.

— Понимаю, забота гложет... А хозяин-то новый, слышал я,— головастый мужик.

— От кого же ты это слышал?

— Земля слухом полнится.

— Ну-ну, ладно, увидим,— проворчал Виктор Викторович и стал подниматься по лестнице.

Глава 2

СУДЬБЫ, ИДУЩИЕ РЯДОМ

Рабочий день первого секретаря обкома начинался рано.

Дежурный по приемной предупредил Курганова, что придется подождать, так как у товарища Заградина посетители.

Курганов попросил свежие газеты и, удобно устроившись в углу широкого кожаного дивана, принялся за чтение.

В комнате стояла спокойная уютная тишина. Косые, чуть тепловатые лучи зимнего солнца, пробиваясь сквозь тонкие шелковые шторы, наполняли ее мягким, чуть желтоватым светом. Мирно тикали и через каждые четверть часа мелодично отзванивали время массивные часы, что стояли в углу у окна. Телефоны трещали поминутно, но тихо, без раздражающих трелей. Люди, входившие сюда, тоже говорили сдержанно, немногословно.

Курганов оторвался от газеты и задумался. Он только вчера приехал из командировки, основательно подустал, и было приятно посидеть вот так, на мягком диване, и немного собраться с мыслями.

Вызов к Заградину его не удивил. Он только что был в командировке в двух самых дальних районах области и предполагал, что секретарь обкома будет интересоваться итогами этой поездки. Но сама встреча с Заградиным волновала, настраивала на воспоминания. В Ветлужске Курганов работал всего полгода, его послали сюда после окончания курсов переподготовки партийных и советских работников. Участок дали важный — избрали заместителем председателя облисполкома. Курганов долго не соглашался, возражал, доказывал, что хотел бы на более живую работу.

Вскоре после этого в области произошли большие изме-

нения — сменилось почти все руководство. Первым секретарем обкома был избран Заградин.

Когда Заградин на пленуме увидел Курганова, он удивился и обрадовался одновременно. Значит, опять сошлись стежки-дорожки?

Взяв его за локоть, Заградин спросил:

— Как ты оказался здесь? Ты же на учебе?

— Уже кончил, Павел Васильевич. Вот сюда послали. В облисполкоме тружусь. Народное образование, культура — все мои дела.

— Скажите пожалуйста, Курганов — и вдруг на такую спокойную стезю подался.

— Что вы, Павел Васильевич. Какая уж спокойная, вздохнуть некогда.

— Ну ладно, ладно. Очень рад, что встретил тебя. Заходи.

Курганов улыбнулся, вспомнив этот разговор, а воспоминания все мелькали одно за другим.

Павел Васильевич Заградин не любил рассказывать о себе. Биография как биография, жизнь как жизнь. Но люди, близко знавшие Заградина, считали, что о его жизни можно писать книги.

...В один из осенних дней девятнадцатого года отряд Красной Армии, в котором служил отец Павла — Василий Заградин, на рысях проходил через его родную деревню Черемшанку. Заградин на десяток минут забежал домой, чтобы взглянуть на сына и жену. Увидеть же ему пришлось только сына — худенького подростка.

Он сидел на лавке у окна, деловито грыз печеную черную картофелину и смотрел на проходивший отряд.

— Здорово, сынок,— хрипло проговорил Заградин и, прислонив к косяку карабин, подошел к Павлу.

Тот недоверчиво посмотрел на рослого красногвардейца, не узнав сначала, потом лицо его дрогнуло, и он уткнулся в пропахшую пылью и потом грудь отца.

— А мать где? — ничего не подозревая, спросил Заградин.

— Мамки... мамки... нет.— И Павел, уже не сдерживаясь, заплакал.— Померла мамка. Неделя, как на кладбище свез...

Василий Заградин пошатнулся от этих слов, с трудом опустился на лавку. Долго сидел молча, шершавой рукой обнимая худенькие плечи сына.

В тот день в первом эскадроне красногвардейского отряда появился новый боец.

Рядом с рослым и плечистым отцом Павел казался особенно маленьким и щуплым. Но в глазах его было столько какой-то суровой решимости, что бойцы приняли его как взрослого, с чувством скупой дружеской ласки.

Крутое, вихревое тогда было время. Много чудесных, удивительных людей полегло, много замечательных жизней оборвалось на полях Дона, Кубани, на широких степных просторах Украины. Навсегда остался лежать в крымских степях и Василий Заградин. В Черемшанку, в пустой, совсем осиротелый и ветхий дом Павел вернулся один.

Шли голодные, холодные и... удивительные двадцатые годы.

По заданию укома партии Павел едет восстанавливать шахты.

Как воздух был нужен уголь, топливо, чтобы наполнить топки паровозов, оживить потухшие котлы московских, тульских, коломенских, серпуховских заводов и фабрик, чтобы отопить и осветить квартиры горожан. Многие районы подмосковного угольного бассейна тогда были только обозначены на маркшейдерских картах геологов, были лишь застолблены инженерами для будущих разработок. А действовавшие шахты почти все были выведены из строя. Только в Скопине под Рязанью да в Донском несколько шахт могло давать бурый, смолистый уголь. И хотя шахты были допотопными, полукустарными предприятиями, все же решили использовать и их, раз они могли дать хоть немного энергии и тепла. Но возродить шахты оказалось не простым делом.

Это, однако, не обескуражило комсомольский отряд и его вожака Павла Заградина. Сутками ребята пропадали в подземелье — откачивали затопленные штреки, разыскивали по забоям обушки и лопаты, по винтику собирали и как зеницу ока круглосуточно охраняли подъемную машину.

Ели только хлеб, черствый, затвердевший, запивая его кипятком. Но скоро из Скопина по заржавленным железнодорожным путям пошли длинные, расхлябанные составы с углем для Тулы, Коломны, Москвы.

Да, у Павла Заградина была та добротная закалка, которая помогала ему делать многое, что другим казалось невозможным, добиваться результатов там, где их уже не ждали, выходить из безвыходных, казалось, положений.

Жизнь бросала его в десятки самых разных мест. Он строил Магнитку и Горьковский автозавод. В него стреляли

кулаки на Ставрополье, когда создавались первые колхозы. Убежденные его проникновенным словом, шли на штурм коварных плывунов строители московского метро. А перед самой войной Заградин возглавлял в Мосбассе одну из крупнейших городских партийных организаций.

Здесь-то он и узнал Курганова. Парторг шахты 17-бис понравился ему сдержанностью, серьезностью, неторопливым, вдумчивым отношением ко всему, что делал, слушал, говорил.

Тогда у шахтеров был глубокий прорыв с добычей угля, и начальник комбината в присутствии Заградина беседовал с руководителями трестов и шахт, требуя одного — увеличения добычи. Дошла очередь и до семнадцатой шахты. Начальник комбината назвал цифру, дополняющую план. Начальник шахты молча согласился. Парторг, однако, возразил:

— Повышать план шахте нельзя, работаем на пределе. Через месяц — пожалуйста — триста тонн можете прибавлять, а не сто.

— Почему именно через месяц? На что рассчитываете?

— Войдут в строй два новых забоя.

— Значит, вы усилили подготовительные работы за счет очистных, то есть за счет добычи?

— Мы идем в плане.

— Сейчас нас интересует уголь, а не прожекты, товарищ Курганов. Затея с форсированием подготовительных работ несвоевременна.— И, обращаясь к начальнику шахты, сердито, отрывисто бросил:— С завтрашнего дня все бригады на добычу. Прибавляем к ежесуточному плану сто тонн.

Но Курганов возразил вновь:

— С подготовительных работ людей не снимем. Поэтому сто тонн не планируйте. А прибавить уголька попробуем. Думаю, тонн пятьдесят осилим.

Начальник комбината возмутился:

— Я не понимаю, кто у вас командует шахтой?

Курганов, пожав плечами, спокойно ответил:

— Шахта — это прежде всего люди, а ими не командуют, ими руководят...

Заградин, сосредоточенно слушавший спор, негромко сказал:

— Ничего, пусть дают пятьдесят тонн. А через месяц поднимите им план на триста. Посмотрим, твердое ли слово у парторга шахты.

— Хорошо, договорились,— спокойно ответил Курганов

и встал. Когда все вышли из кабинета, начальник комбината заметил с раздражением:

— На семнадцатой у нас не начальник, а рохля.

— Зато парторг, по-моему, с головой,— с улыбкой проговорил Заградин.

Так состоялась первая встреча Курганова с Заградиным. А вскоре сошлись и их фронтовые дороги. Во время великой битвы на Волге член Военного совета армии генерал-майор Заградин не раз бывал в особой танковой бригаде, встречался с ее комиссаром Кургановым, видел бригаду и в деле. И опять ему бросилось в глаза размеренное спокойствие этого человека, чувствующееся на каждом шагу, влияние на людей.

Когда при встречах выдавалась свободная минута, Заградин и Курганов любили вспоминать столицу, Подмосковье, знакомых горняков. По-мужски немногословно строили планы мирных дней.

Как только наши войска начали освобождать от фашистов Советскую землю, Заградина отозвали из армии и послали на восстановление подмосковной кочегарки. Скоро он запросил к себе и Курганова. Узнавая Заградина все ближе, Михаил Сергеевич глубоко привязался к нему и, хотя у самого была уже седина на висках, относился к своему старшему другу с каким-то юношеским восторгом и сдержанной, мужской влюбленностью.

Потом Заградин уехал в Москву, но с Кургановым встречался всегда просто, по-приятельски. Правда, дружеская рука Заградина всегда посылала Михаила Курганова туда, где было трудно. Наметился прорыв в «Лисичанскстрое» — Курганова послали туда, осложнилась обстановка на «Запорожстали» — Заградин рекомендует послать в Запорожье Курганова. Однако это всегда вызывало у него не досаду, а гордость.

...Курганов так углубился в воспоминания, что секретарю пришлось окликать его дважды.

— Товарищ Курганов, товарищ Курганов, пожалуйста.

Заградин встретил его весело, с широкой улыбкой, любовно поглядывая на мощную, плотную фигуру.

— Ну, рассказывай, как живешь-можешь? Как съездил? Интересного много увидел?— Заградин, задав эти вопросы, откинулся на спинку кресла и приготовился слушать.

Но зазвонил телефон, и он снял трубку.

Пока Заградин разговаривал, Курганов изучающе рассматривал его. Чисто, хорошо выбритое худоватое лицо,

небольшие, но удивительно живые, проницательные глаза, коротко остриженный ежик седых волос. Темно-серый свободный костюм, белая сорочка, строгий серый галстук. Как всегда, все аккуратно, все просто.

Кабинет Заградина был похож на лабораторию ученого. На стенах — почвенная карта области, сравнительные данные по урожайности в центральных областях России. А большой длинный стол для заседаний сплошь заставлен пробирками, стеклянными баночками, пакетами с семенами.

Заградин знал село не с налета, не в «общем и целом», а точно и глубоко. Занимался им не от случая к случаю, а постоянно и с любовью. Совсем недавно он приехал в Ветлужск, а все настоящие хлеборобы уже побывали у него или он у них, многих он уже знал так хорошо, что встречался с ними, как со старыми друзьями.

Заградин, кончив говорить по телефону, посмотрел на Курганова:

— О чем задумался, Михаил Сергеевич?

— Да вот думаю, как вам ответить. Столько вопросов сразу.

— Не знаешь, с чего начать? Что же, помогу тебе. Возьмем быка за рога. Не скучно ли тебе сидеть в исполкоме, не тянет ли твою беспокойную душу в район?

Помолчав немного, Заградин задумчиво продолжал:

— Без толковых людей, без организаторов все наши потуги на селе — пустое дело. Вопрос, собственно, стоит так — сумеем мы укрепить село кадрами — значит, сумеем поднять колхозы, не подберем нужных людей — ничего не сделаем. Это надо понять всем. Ну, а если о тебе говорить, то что ж, тут все ясно. Село ты знаешь, партийную работу тоже, молодой...

Курганов усмехнулся.

— Ничего себе молодой, сорок стукнуло.

— Когда?..

— Позавчера.

— В гости-то не позвал. Эх, Курганов, Курганов. А тоже другом называешься.

— Постеснялся.

— Признайся уж лучше, что лишнюю рюмку пожалел.

— Ну что вы, Павел Васильевич.— Курганов махнул рукой и, понимая, что Заградин шутит, сам вернулся к прерванному разговору.— Значит, собираться в район?

— А ты против?

— Нет, не против.

Говоря так, Курганов не кривил душой. Хотя работа у него сейчас не малая, довольно хлопотная, все же полного удовлетворения он не чувствовал. Правда, когда выезжал в район, то по старой привычке заходил на фермы, на поля, в МТС. Толковал с колхозниками, агрономами, врачами, механиками... Когда обком подбирал уполномоченных обкома в районы на посевную или уборку, Курганова всегда называли одним из первых.

— Только вот что меня смущает, Павел Васильевич. Недавно в исполком-то пришел и уже ухожу.

— Ну и что? Депутатам мы объясним. Сагитируем их, чтобы тебя отпустили.

Заградин встал, посмотрел в окно и продолжал:

— Агитировать за село нам придется многих. К сожалению, далеко не все у нас понимают, что происходит в деревне.

Курганов встал тоже и, когда Заградин замолчал, со вздохом заметил:

— Могу только подтвердить ваши слова. Когда на селе побываешь — сердце кровью обливается. Очень трудное положение во многих колхозах, очень трудное. Как война подорвала их, так на ноги никак и не встанут. Долги у некоторых артелей такие, что и за пять лет не рассчитаются, замороженные счета — обычное явление... Беспокоится у нас кто-нибудь о деревне? Ведь не только в наших ветлужских колхозах такое положение. У соседей тоже не лучше. Почему же никто всерьез не задумывается об этом? Почему?

Заградин молча походил по кабинету и, остановившись против Курганова, проговорил:

— Вопросы твои правильны. Резонны. Только позволь, коммунист Курганов, спросить, а кто будет отвечать на эти вопросы? Сердце, видите ли, кровью обливается. Трогательная фраза, а пустая. Хочу, чтобы ты понял мою мысль: битву за село нам надо начинать с себя. Нам, коммунистам, надо уяснить, что дело зашло далеко. Очень далеко. Значит, ответы на твои вопросы должны дать не кто иной, а мы с тобой. Понимаешь, мы сами. И не словами, а делами. Урожаем. Область наша одна из крупных в России. Уступаем по размерам и населению только Московской. А с урожаем — мы в числе самых отсталых. Да что тебе толковать — ты и сам знаешь: зерновых в прошлом году собрали по десять центнеров с гектара. Это же горе, а не урожай. А картофель? Он всегда замечательно родился на наших почвах. А получили

всего по семьдесят — восемьдесят центнеров. А овощи? Пойди в магазин и купи капусту, морковь, лук. Днем с огнем не найдешь. И это в области, где протекают Ока, Ветлуга, Славянка, Таех, Протва, где полно озер, приречных пойм. Ну, в общем, сидим в прорыве, и довольно глубоком. Сказалась, конечно, война. Много она нам бед принесла, что и говорить. Но дело не только в этом. Плохо занимаемся хозяйством, без знания дела, без мысли, без хозяйской сноровки. Земли запустили, севообороты запутали.

Заградин, проговорив это, долго молчал, а потом вдруг тихо проговорил:

— Вчера был в ЦК. На секретариате.

Курганов не отрываясь смотрел на Заградина, ожидая, что он скажет еще. А Заградин продолжал:

— Понимаешь, Михаил Сергеевич, задачу передо мной поставили, конечно, резонную, что тут скажешь. Все правильно. Поднять область, сделать так, чтобы была одной из ведущих среди центральных областей. Из отсталой, потребляющей области превратить в производящую. Не иначе. Ты понимаешь? Задача правильная, что и говорить. Но когда я попытался поставить некоторые наши вопросы, ну такие, что позарез надо решать,— все руками замахали. Товарищ Маленков даже рассердился. Вы, говорит, в ЦК с мешком не ходите.

Оба замолчали. Потом Заградин еще более озабоченным голосом проговорил:

— Так что берись за район. Приозерье тебе думаем дать. Район большой, был когда-то передовым, а сейчас труднейший, имей это в виду. Справишься — похвалим, не справишься — жалеть не будем.

Выйдя от Заградина, Курганов подумал: «Надо команду предупредить» (так он в шутку называл свою семью). Найдя свободную комнату, он позвонил домой. К телефону подошла Елена Павловна.

— Хозяйка? Сообщаю новость. Уезжаю. То есть мы уезжаем.

— Куда?— Голос Елены Павловны прозвучал встревоженно, но Курганов безошибочно уловил в нем и нотки заинтересованности.

— В Приозерск.

— Час от часу не легче. Как же так, Михаил? Ведь только обосновались, парень к школе привык. Ты бы хоть посоветовался с женой-то.

— Вот я и советуюсь.

— Ты же сказал — едем.

— А как же, конечно, едем. Я на днях. А вы чуть позже.

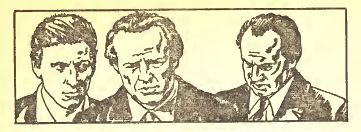
— И что это у нас за жизнь, Курганов?

— А что, плохая?

Услышав продолжительный вздох жены, Михаил Сергеевич с шутливой строгостью проговорил:

— Ну, ну, Ленок, не вздыхать. И собирай пожитки.

Через три дня Курганов выехал в Приозерск.



Глава 3

КАЖДЫЙ НАЧИНАЕТ ПО-СВОЕМУ

Часам к девяти утра в приемной райкома партии появились посетители. Первым вошел Макар Фомич Беда — высокий, худой и всегда озабоченный председатель колхоза «Смерть империализму». Хмуро посмотрел на дверь кабинета Удачина. За этой дверью ему не раз и основательно попадало. Вообще Макару Фомичу попадало на любом совещании, хотя он устраивался где-нибудь в самом дальнем углу, чтобы не быть на глазах у начальства.

Вера Толстихина, вчерашняя школьница, технический секретарь райкома, приветливо обратилась к нему:

— Макар Фомич, здравствуйте. Вы у нас сегодня первый посетитель.

— Вот те на. Тогда, может, попозже зайти?— Но затем, подумав какое-то мгновение, отчаянно махнул рукой.— Э, все равно... Дело у меня неотложное.— Потом доверительно спросил:— А что, очень строг?

— Не знаю, Макар Фомич. Видела-то я его всего три минуты, после пленума.

Вера целиком оправдывала свою фамилию. Низенького роста, плотная, кряжистая, с белесыми, всегда чуть удивленно поднятыми бровями. Она была хорошо известна как в Приозерье, так и во всех сельсоветах, колхозах, МТС и даже самых дальних бригадах.

Как бы далеко ни был человек, ни визжали и ни ныли в трубке неизбежные помехи, Вера добьется, докричится, найдет кого надо.

В приемную вошел председатель райисполкома Мякотин, или Петрович, как его звали все,— добродушный подвижный толстяк с розовым лицом и синими доверчивыми глазами. Он был старейшим работником района, знал всех от мала

до велика, и все знали его. Он прошел в кабинет Удачина, и скоро оттуда послышались его рокочущий голос и переливчатый тенор хозяина кабинета.

Вновь открылась дверь, и в приемной появился председатель колхоза «Луч» Морозов. Макар Фомич Беда с готовностью подвинулся на диване, пригласив вошедшего сесть рядом. Однако смотрел при этом на Морозова независимо, с чувством подчеркнутого достоинства. Морозов поздоровался с Бедой, церемонно пожал руку Вере и спокойно спросил, показывая на дверь кабинета первого секретаря:

— Уже здесь?

— Пока нет.

Из своего кабинета вышел Удачин, поздоровался с Морозовым и, остановившись против Беды, удивленно спросил:

— А вас, товарищ Беда, что, тоже вызывали?

Макар Фомич неохотно ответил:

— Нет, я сам, к товарищу Курганову.

— Вот как! Но он же только ночью с поезда. Неужели вам так экстренно?

Беда молчал. Разговор со вторым секретарем райкома у него никогда не получался. «Ну о чем говорить с ним? Все равно не поймет»,— думал Беда. Раскрываться перед ним Фомич не хотел, не мог. Уж очень много наболело на душе, чтобы говорить об этом так... для разговора.

Незаметно появилась Нина Родникова.

Виктор Викторович живо повернулся к ней, лицо его окрасилось чуть заметным румянцем. Нина тоже немного смутилась. Она торопливо поздоровалась с Удачиным и хотела подойти к Беде и Морозову. Но Виктор Викторович остановил ее.

— Прошу, комсомол, прошу,— приветливо проговорил он и открыл дверь своего кабинета.

— Меня предупредили, чтобы я пришла к товарищу Курганову...— Нина уже справилась со своим замешательством и говорила спокойно. Только на ее бледновато-матовом лице с высоким лбом остались чуть заметные следы румянца да в глазах еще стояла минутная досада.

— А... тогда прошу прощенья,— несколько обескураженно протянул Виктор Викторович и с озабоченным видом вернулся к себе в кабинет.

Нина села между Морозовым и Бедой, и скоро у них завязался шумный, оживленный разговор. То слышался

тонкий, мягкого тембра голос Нины, то ровный, спокойный голос Морозова, то нервически задорный и хрипловатый басок Беды.

Курганов вошел неожиданно, хотя его ждали все. Войдя в приемную, поздоровался, снял шапку-ушанку, осторожно в уголок между шкафом и дверью стряхнул с нее снег, расстегнул синее с серым воротником пальто и стал здороваться теперь уже с каждым в отдельности. Когда дошел до Макара Фомича, переспросил:

— Беда? Какая? Что случилось?

— Нет, я Беда. Председатель колхоза. К вам приехал.

— Ах вот как.— Курганов весело, непринужденно засмеялся.— Тогда прошу прощения.

Курганов подошел к Вере:

— Ну что же, хозяйка, веди в хоромы. Вас, товарищи, прошу чуток обождать. Совсем немного.

Удачин, войдя вслед за Кургановым в кабинет, спросил:

— Может, посетителей-то отпустить? Пусть завтра приедут. Сегодня вряд ли сумеете с ними переговорить.

— Почему?

— Ну как же? Пока с районным звеном познакомитесь...

— Ничего, ничего, с районным звеном мы познакомиться успеем. Начнем с товарищей, приехавших из колхозов. Тем более я их кое-кого приглашал.

В кабинет вошел Василий Васильевич Морозов. Сел на один из стульев ближе к письменному столу и вопросительно взглянул на Курганова.

— Я слушаю.

— Слушать, собственно, товарищ Морозов, собираюсь я. Расскажите о вашем колхозе, о ваших делах, о себе...

— Дела у нас не ахти какие веселые.

— Ну, ну, чего ты прибедняешься? Колхоз-то один из сильных,— заметил Мякотин.

Морозов молча пожал плечами и стал рассказывать. Говорил, думая про себя: «Не будем пока бисер метать. Посмотрим, что за вождь приехал. Может, ему до наших-то дел и забот мало?»

Курганов спросил:

— Озимой пшеницы вы по сколько собрали?

— По пятнадцать центнеров.

— А Бардеева по двадцать пять.

— Это кто такая?

— Бригадир в колхозе имени Димитрова. Под Москвой.

Очень дельная и умная женщина. Много выдумки вкладывает в дело. Заезжал к ней. С умом работает. Так же примерно, как вы на картошке.

Морозов довольно улыбнулся и подумал: «Значит, уже знает. Интересно». Вскинув глаза на Курганова, проговорил:

— Картофель у нас хорош. Это верно.

Михаил Сергеевич, записав что-то в блокнот, попросил:

— Расскажите подробней, как работаете с ним?

Морозов оживился и начал рассказывать.

— О, это целая история. И все наша комсомолия. Это Нина Семеновна их взбудоражила.

— Кто это?— спросил Курганов.

— Ну, Родникова — комсомольский секретарь. Она тогда участковым агрономом была. Вот и разворошила ребят — давайте да давайте молодежный участок создадим, посадим картошку по-новому, как академик Эдельштейн советует.

— Летом участок много отнимал рабочих рук?— спросил Курганов.

— В этом-то все и дело, что нет. Всю междурядную обработку машинами сделали, только на прополке и оправке кустов ручной труд применялся. В общем, эти десять гектаров дали нам доходу столько же, сколько двадцать пять с обычной посадкой.

— Каково? А?— обратился Курганов к Удачину.

— В «Луче»-то? Да, да. Знаю. Но широко применить этот метод нельзя. Нет проверенных данных. Да и одна ласточка весны не делает. Один факт, как бы значителен он ни был,— это еще не доказательство. Мы не можем подвергать риску наши колхозы. Им и так тяжело.

— Вот заладили: риск, риск.— И Морозов с досадой махнул рукой. Повернувшись к Курганову, он со вздохом закончил:— Вот так уж который раз толкуем.

Курганов, однако, не стал больше продолжать спор и начал расспрашивать Морозова о других делах. Василий Васильевич отвечал на его вопросы, а сам по-прежнему пытливо изучал Курганова. «Вишь какой — сам говорит мало, а все спрашивает да слушает»,— подумал он.

И вдруг вопрос, неожиданный и резкий, заставивший Василия Васильевича насторожиться:

— А правда, что вы отказали соседям в размоле зерна на своей мельнице? И луга по левобережью у них забрали — это как?

— Скосили, чтобы зря не пропадали. У них и скота-то

три или четыре десятка голов. Много ли им сена-то надо?— с усмешкой проговорил Морозов.

— Не об этом речь. Разговор идет о другом. Живете в колхозах, а поступаете, как единоличники.

— А что я говорил тебе, товарищ Морозов? То же самое и говорил. Именно.— Голос раздался у самых дверей. Там стоял Беда и слушал разговор.

Он сначала терпеливо ждал в приемной, а потом пошел прямо в кабинет, заявив ужаснувшейся Вере, что дело у него неотложное и он не может ждать, пока там выговорится Морозов.

— Входите, входите и садитесь, товарищ Беда,— пригласил Курганов, показывая на стул рядом с Морозовым.

Макар Фомич, воспользовавшись наступившей паузой, проговорил:

— Не по-соседски поступает Василий Васильевич, это вы очень верно подметили, товарищ секретарь.

Беда говорил мрачно, со вздохом, но без особой заинтересованности. Его беспокоило не то, что было, а то, что будет. Курганову же надо было знакомиться с людьми, знать их качества — и деловые и личные. А для этого приходилось возвращаться к их делам и поступкам. Потому-то он и заговорил с Морозовым о взаимоотношениях с соседями.

Василия Васильевича Морозова весь этот разговор насторожил:

— Раз так, у меня тоже есть вопрос. Разрешите задать, товарищ секретарь.

— Сколько у тебя средний удой на корову, Фомич?

Беда неохотно ответил:

— Наше сенцо у вас, значит, и удои тоже.

— Нет, ты отвечай. Не хочешь, так я скажу. Тысяча литров. А у нас две с половиной тысячи. Только неинтересно все это.

— Почему?— удивился Курганов.

— А очень просто, Петрович,— повернулся Морозов к Мякотину,— припомните-ка, сколько я картофеля сдал?

— Ну сколько?— встрепенулся Мякотин.— Помог району, помог.

— Вот именно, помог. Два плана сдал.

— Ну прежде всего сдали-то вы не дяде, а государству, и притом не бесплатно.

— Нет, нет, не бесплатно, товарищ Удачин. Ужасно как много получили. Прямо-таки разбогател колхоз.

— Столько, сколько полагается.

Морозов вздохнул и продолжал:

— Желаю знать, доколе буду отдуваться за соседей? Доколе лодырям будет скидка?

Беда вскочил со стула.

— Вы, вы, товарищ Морозов, того... Не заговаривайтесь. У нас люди работают от зари до зари.

— Работают от зари до зари, а едят сухари,— сострил Морозов.

— Бедность не порок,— ответил Беда.

— Была не порок когда-то. А теперь порок, да еще какой.

Курганов внимательно следил за этой перепалкой, затем вмешался.

— Я с вами согласен, товарищ Морозов, нельзя передовых без конца заставлять отдуваться за отстающих. В этом вы правы. Но вы скажите, что сделать, чтобы отстающих не было.

— Ну, знаете, я человек маленький. Скажу только одно — землю надо любить. Негоже, чтобы поля, луга, угодья пустовали. Не обрабатывают поля — забрать, луга не косятся — отдать тому, кто выкосит.

— Ну, забрали, отдали другим. Допустим. Но как же все-таки быть с теми, у кого забрали?

— Вот тогда они и зашевелятся.

— Не завидую я вам, Макар Фомич. С таким соседом держи ухо востро.

— Ну с этим-то соседом мы люди свои, сочтемся,— с улыбкой протянул Морозов.— Как думаешь, Фомич?

— Возможно, что и так. Только ты, Василий Васильевич, не забывай, что живем-то мы в социалистическом государстве.

— Да, да, я это поминутно помню. Как и его основной закон: кто не работает — тот не ест...

Видя, что сейчас может вновь разгореться спор, Курганов встал и проговорил:

— Ну, ладно, товарищи, к этим вопросам мы с вами еще вернемся, и не раз. Сейчас я хотел бы посоветоваться с вами вот о чем.

Михаил Сергеевич прошел к окну около двери и взял на подоконнике какой-то сверток. Вернувшись к столу, развернул его и вытащил три небольших мешочка. Осторожно развязал их и высыпал содержимое на стол отдельными кучками. В одной лежали крупные янтарно-желтые зерна,

в другой — белые с желтинкой, в третьей — коричневатые с вишневыми прожилками.

— Фасоль?— спросил Мякотин.

— А вы как думаете?— спросил Курганов, обращаясь к остальным собеседникам.

— Какие-то бобы,— неуверенно проговорил Удачин.

Подкидывая на ладони тяжелые янтарные зерна, Морозов пробасил:

— Знаю, что за штука. Кукуруза.

Курганов подумал: «До чего же мы действительно запустили дело, людей до чего заморозили. Руководители райкома, вожаки колхозов ни черта не знают, кукурузу от фасоли отличить не могут. Тысячу раз был прав Заградин, говоря мне в напутствие, что главное — косность, медвежье спокойствие у людей побороть, заставить их беспокоиться, искать...»

— Да, кукуруза. Вот это «стерлинг», это «сибирячка», это «бессарабка». Одна из самых замечательных, самых урожайных зерновых культур.

Курганов прочел за последнее время немало книг о кукурузе. Прохаживаясь от стола к окну, он перечислял и перечислял качества этой культуры.

— Урожайность — сам-пятьдесят, а то и сам-семьдесят. Ну-ка назовите, какое еще зерно дает такое потомство? Такого больше нет или почти нет. А полезные свойства злака? Да их трудно перечислить. Кукуруза — это хлеб, крупы, спирт, крахмал, сахар, напитки. А ее кормовые качества? Равных кукурузе культур и по этим свойствам нет.

Удачин тяжело вздохнул. Мякотин, посмотрев на него и Курганова, нерешительно проговорил:

— Нежная культура. Солнышко любит.

— Тепло она любит, это верно,— согласился Курганов.— Но растет и в центральных районах. Под Москвой в том числе. Если руки приложить.— И, обращаясь уже к Беде и Морозову, проговорил:— Хочу попросить вас начать.

Беда опять взял на ладони тяжелые округло-продолговатые зерна.

— Это, дорогой товарищ Беда, такая штука, что если за нее взяться как следует, так любой колхоз за год-два на ноги встанет.

Беда и Морозов молчали.

Василий Васильевич прикидывал, где ее разместить, новую-то культуру, как встретят это задание правленцы, колхозники.

Глаза Макара Фомича тоже сначала загорелись задором, особенно когда Курганов рассказывал об урожаях этой культуры. Но, вспомнив причину своего приезда в райком, он быстро расстался с радужным настроением. Ему даже досадно сделалось. Вот, подумал он, какой он, новый-то. Не спросит, как дела, как управляемся со своими уже изведанными культурами, а задаст дело, которое еще неизвестно, чем и кончится. Тут и так бьешься как рыба об лед — то семян нет, то долги одолели, то эмтээсовцы мудрят, а он новую мороку придумал — кукуруза. И Беда со скептическим видом, ссыпав с ладони зерна обратно в мешочек, проговорил:

— Конечно, заманчиво. Но не для нас. Не вызреет.

— Ну, ну, Макар Фомич. Зачем спешите? И у нас вызреет. Но если даже и не вызреет на зерно, то все равно не страшно. Все равно выгодно.

— Это как же так?— спросил Морозов.

— Я же объяснял: зеленая масса — это такой корм, что лучше любого сена, любых концентратов. Скот от него за уши не оттянешь.

— На корма?— Удачин непонимающе смотрел на Курганова.

— А что?

— Овчинка выделки не стоит.

— Да что вы такое говорите? Давайте считать.— И Курганов крупно, стремительно набрасывает в своем блокноте цифры — одну, другую, третью. Затем спрашивает:— Ну, как?

— Возможно, вы правы, товарищ Курганов, я не спорю,— стараясь держать себя как можно спокойнее, ответил Удачин.— Но согласитесь, что походя, наскоро такие вопросы не решаются. Вы, надеюсь, знаете, что у района имеется план, утвержденный областью. Посевные площади под каждую культуру определены, на основе этого сверстаны хлебозаготовительные планы... Когда ознакомитесь с районом, все это станет яснее, тогда можно будет обсудить и новшества, о которых вы толкуете.

Михаил Сергеевич стоял у стола, перебирал на ладони тяжелые, отливающие восковой желтизной зерна и внимательно слушал Удачина. Когда тот кончил, Курганов обратился к Мякотину:

— А вы как думаете?

Иван Петрович замялся, потом не очень уверенно проговорил:

— Я? Я бы тоже высказался в том смысле, что хорошо бы, так сказать, изучить обстановку, наши условия. А потом уже обсудить.

— Не спешить, взвесить, изучить. Все это, видимо, правильно. Только у нас с вами не так-то много времени.

— Но с районом-то вы познакомиться должны?— грубовато заметил Удачин.

— Обязательно. Как видите, уже знакомлюсь.

— Как-то странно начинаете.

Курганов улыбнулся.

— Что вы, Виктор Викторович, так рано меня критиковать начинаете? Знакомлюсь, как мне кажется целесообразным. Думаю, что здесь каких-то обязательных правил нет. Одни начинают так, другие этак. Я, например, очень рад, что знаю уже двух председателей, товарищей Морозова и Беду. Кое-что уже знаю и о их хозяйствах.

— Вот именно кое-что,— заметил Удачин.— А задание уже даете. Эту самую кукурузу.— Он хотел сказать это мягко, но вышло с раздражением, грубовато.

Курганов, нахмурясь, отрезал:

— Да, если хотите, даю задание. Партийное поручение даю коммунистам — руководителям колхозов. С них начинаем...— И, посмотрев на Морозова и Беду, спросил:— Или товарищи тоже думают так же — подождем, да посмотрим, да как бы чего не вышло?

В это время Вера доложила о секретаре райкома комсомола. В кабинет вошла Родникова. Курганов сразу обратился к ней:

— Вот кстати пришли. У нас тут идет спор, толкуем...

— О кукурузе,— определила окончание фразы Нина.

— Да, именно о кукурузе. Вот агитирую товарищей взяться за нее, а они все в один голос утверждают, что не вызреет, солнца, говорят, в Приозерье мало. Как думаете?

Нина взглянула на Морозова и Беду и спокойно ответила:

— Я уверена, что кукуруза у нас расти будет.

— Ну, а как вы, Макар Фомич?— спросил Курганов Беду.

— Я? Это, наверно, выгодно. Только передовым... А нам... не до этого.— Беда сказал это тихо, со вздохом.

— Так вы все время и будете в бедненьких да захудаленьких ходить. Разве так можно рассуждать, товарищ Беда?— поморщился Удачин.

— Что это вы на меня навалились,— нервно ответил

Макар Фомич, вставая.— Не сидим сложа руки, работаем. Да ведь сами знаете, хозяйство-то наше.— И Беда опять опустился на стул.

Курганов вдруг понял, что с Бедой надо говорить иначе, его явно мучали какие-то другие, неотложные заботы. Михаил Сергеевич обратился к Морозову:

— Что ж, Василий Васильевич, вас я больше задерживать не буду. Считаю, что мы договорились с вами о следующем: весь картофель в этом году садим квадратно-гнездовым — раз. На той неделе вы выступаете на эту тему с лекцией для актива района — это два. Затем... беретесь за кукурузу — на первый год гектаров десять — пятнадцать... Вот пока и все.

— Да-а,— озадаченно протянул Морозов,— ничего себе. Целая программа.

— Между прочим, вот советую почитать. Это из опыта некоторых передовых колхозов.— И Курганов подвинул Морозову несколько небольших брошюр.— Потом позвоните. Хорошо? Ну а через недельку-две я заявлюсь к вам.

Проводив Морозова, Курганов подошел к Беде.

— Ну что же, займемся с вами, Макар Фомич. Вы чем так расстроены?

— Видите ли, товарищ Курганов, мы отстающие.

— Это я знаю.

— У нас катастрофа. С кормами. Последний возок сена сегодня пошел на скотный. Коровы — одна тень осталась. Хоть ремнями подвязывай. Лошадей тоже едва держим...

— И все-то у вас несчастья, все вас спасать надо,— с раздражением проговорил Удачин. В тон ему мрачно проворчал и Мякотин:

— Да. Действительно. Нос вытащат, хвост увязнет, хвост вытащат, нос завяз.

— А знаете, почему плохо в колхозе?— задорно и сердито спросила Родникова.— Потому что молодежи там нет.

Но Мякотин, сумрачно посмотрев на нее, проворчал:

— А молодежь разбежалась, потому что в колхозе плохо.

— Конечно. Значит, надо думать об этом, заинтересовать людей, тогда не побегут.

Курганов попросил:

— Ну давайте, Макар Фомич, рассказывайте.

Беда с готовностью вытащил из кармана засаленный блокнот, послюнявил большой палец и приготовился к подробному и обстоятельному разговору... Удачин и Мякотин переглянулись и оба поднялись.

— Мы, пожалуй, пойдем,— проговорил Виктор Викторович.— «Смерть империализма» мы, конечно, приветствуем. Но дела этого «гиганта», как и его председателя, нам известны.

Михаил Сергеевич обратился к Родниковой:

— А вы? Вы тоже спешите?

— Нет, нет.

— Тогда послушаем вместе.— И, наклонившись к Беде, попросил:— Только вы, пожалуйста, подробнее, Макар Фомич.

Прошел час и еще час, а Беда, Курганов и Родникова все говорили и говорили... Наконец вошла отчаявшаяся Вера и напомнила, что ждут другие приглашенные товарищи.

Курганов подосадовал:

— Эх, жаль, ну да ладно. Отложим, Макар Фомич, наш разговор на денек, на два.

— Хорошо. Я приеду.

— Ну что вы. Зачем же? Завтра или послезавтра я сам буду у вас.

Беда обрадовался, но не поверил. Помолчав, ответил:

— Будем ждать и готовиться.

— Готовиться нечего. Не в гости приеду...

Приняв еще несколько человек, Курганов обратился к Родниковой:

— Ну, а теперь поговорим с вами, а то вы заждались. Начнем с вашей записки в обком...

Глава 4

КОГДА РОДИЛСЯ ХРИСТОС?

Машина мягко шуршала по скрипучему снегу, в кабине было тепло и уютно. Обстановка располагала к разговору, но Костя Бубенцов чувствовал себя стесненно с новым начальником и не знал, как держаться,— то ли заговорить, то ли помолчать.

Костя Бубенцов принадлежал к тому племени шоферов-фанатиков, которые считают, что выше их призвания, значительнее их труда ничего нет и быть не может. Любовь к технике, к машине у него зародилась уже давно, со школьной скамьи, с занятий в школьных кружках. Эту любовь он сохранил и сейчас. Она скрашивала хлопотную и беспокойную жизнь райкомовского шофера, наполняла ее особым смыслом и содержанием.

Машину вдруг тряхнуло на корневищах деревьев, Курганов взглянул на Костю. Лицо шофера сморщилось в болезненной гримасе.

— Вы что, больны?

Костя удивленно взглянул на Курганова.

— Нет. Почему вы спрашиваете?

— А почему вы морщитесь?

— Так я же на недостатки в собственной умственной деятельности досадую. Забыл про эти чертовы корни. Ведь машине-то от таких выкрутасов и толчков не очень приятно. Да и вас отвлек. Судьба района в мыслях, а тут на тебе — разные подскоки.

— Судьба района... слова-то какие.

— А как же? Я ведь не новичок, понимаю. Вы теперь третий мой хозяин.

Бубенцов возил прежнего секретаря Баранова целых три года, привык к нему, знал все его привычки, друзей

и недругов, знал излюбленные маршруты. Приказ Баранова обычно гласил: «Ехать быстро, но спокойно, не отвлекать меня разговорами, ибо в голове у меня судьба всего района...»

Обо всем этом, сдержанно вздыхая, думал Костя. О Баранове же думал в это время и Курганов. Они не были знакомы, встретились лишь в приемной Заградина, когда Михаил Сергеевич заходил к первому секретарю обкома за последним напутствием. Познакомились. Баранов с плохо скрываемым раздражением отрывисто бросил:

— А, спаситель Приозерья. Мои так называемые ошибки едете исправлять? Посмотрим, посмотрим.

Михаилу Сергеевичу хотелось поговорить с Барановым, расспросить о районе, о людях, выслушать советы. Но после такой встречи это желание пропало. Он сдержанно ответил Баранову:

— Ну зачем вы так, я же у вас не вотчину отобрал...

Заградин сказал ему о Баранове:

— Мы долго приглядывались к нему. Решать не спешили. Многие о нем отзывались как о волевом, сильном работнике с твердой рукой... Но когда я присмотрелся к нему и к делам в районе тщательнее,— стало ясно, что это далеко не так. Вместо воли — любование своими правами, вместо настоящей организаторской работы — шум и треск, показная сторона, вместо делового разговора с людьми — властный окрик этаким руководящим басом... Конечно, таких «экземпляров» у нас не много, но и не мало. Да, да, не мало, и бороться с ними не легко, потому что кое-кому такой стиль руководства нравится и кажется единственно возможным...

Машина вырвалась из лесного коридора и остановилась на опушке. Костя выпрыгнул из кабины.

— Один момент, капот чуток открою, а то температура под сто.

Михаил Сергеевич тоже вышел, встал на пригорок около дороги и огляделся.

Сосновый бор стоял плотной стеной. Он словно не решился спускаться и остановился на самой кромке взгорья, послав на разведку ельник и кустарники. Михаил Сергеевич невольно залюбовался картиной зимней ночи. Залитые трепетным лунным светом поля и перелески, причудливые нагромождения облаков, торопливо проплывающие по небу, а вдали, по всей равнине, золотые мерцающие блестки — огни деревень. Чем-то бесконечно родным и до слез волнующим пахнуло на Курганова.

Он долго еще стоял на взгорье, наслаждаясь холодной тишиной ночи...

Когда они тронулись вновь, Костя, поняв настроение Курганова, увлеченно стал рассказывать о районе, о его лесах, рощах, приречных местах. Бубенцов любил свое родное Приозерье. По его словам, реки здесь огромные, чудо-реки, леса — непроходимые, луга — с такими травами, что коса не берет...

— А вы, Михаил Сергеевич, на Бел-камень ездили?

— Нет, еще не ездил. А что?

— Ну как же. Это прямо-таки командный пункт. Весь район с него будто на ладони.

— Да, я слышал. Надо как-нибудь собраться. А сейчас расскажите-ка мне о Березовке, куда мы едем. Что за колхоз, что за люди там, чем дышут, как живут?

Костя беспокойно поерзал на сиденье, потом со вздохом проговорил:

— Вот этого, товарищ Курганов, я, пожалуй, сделать не смогу. В Березовку еду всего второй раз. Не любил ее товарищ Баранов. Ну, не любил, и все. Как один раз съездили, так и все, шабаш.

— Почему же?

— Председатель, говорит, там бирюк, и люди бирюки. Это, говорит, не колхоз, а пародия.

— Пародия? Вот как,— удивился Курганов.— Ну что ж, посмотрим.

. . . .

...«Ну, так с чего же начнем наш разговор?» — Курганов обратился с этим вопросом к колхозникам, когда, сняв пальто и ушанку, пробрался к столу. Он сел на лавку между Бедой и шустрым пареньком лет шестнадцати, который с озабоченным видом сидел за столом, держа наготове раскрытую тетрадь и карандаш. Михаил Сергеевич зябко повел плечами, потер руки и пристально посмотрел на сидевших людей. Пожилая женщина молча встала с задней лавки и вышла в сени. Скоро она вернулась с синим эмалированным чайником и такого же цвета кружкой. Из носа чайника вился парок.

— Вы замерзли, видно. Погрейтесь.

— Вот за это спасибо. Большое спасибо. Это очень хорошо с мороза-то.

Курганов налил в кружку чай и осторожно, маленькими

глотками начал пить. Желтоватая горячая жидкость, приятно обжигала губы, согревала кровь.

— Оно, конечно, греться сподручнее бы чайком другого рода, да ведь туговато у нас. А может, Фомич, раскошелишься для такого гостя? Ведь замерз человек.— Говоривший колхозник в зеленой, выцвевшей гимнастерке, с целой планкой орденских ленточек, чуть виновато посматривал на Беду и левой рукой (правой у него не было, а пустой рукав был аккуратно заткнут за пояс) сворачивал цигарку.

Курганов, услышав его, хотел ответить резко, но, взглянув на говорившего, понял, что сказано это было от всего сердца, и теплое, какое-то щемящее чувство к людям, с надеждой глядевшим на него, остановило готовые сорваться с губ Михаила Сергеевича резкие слова.

— Понимаю, о каком чае вы говорите, товарищ. Но он нам сейчас не подходит. Так что спасибо.

— Да я так, чтобы вы согрелись,— смущенно пробормотал колхозник.

— Того чаю мы с вами выпьем в другой раз, ну, например, когда закончим сельскохозяйственный год. Идет?

Мужики вразнобой зашумели:

— Долгонько ждать.

— Пока солнце взойдет, роса очи выест.

В это время раздался глуховатый басок Беды:

— Кто хочет что-либо сказать товарищу Курганову, нашему первому секретарю?— Беда пристально оглядел собравшихся, спросил еще раз, затем, озабоченно вздохнув, махнул рукой.— Значит, начинать мне? Так я понимаю?

— Да, да, Фомич. Обрисуй положение,— раздались голоса.

Макар Фомич откашлялся и размеренно, не спеша начал разговор. Однако спокойствия ему хватило ненадолго. Слишком близко все это было для него и для людей, что собрались здесь, слишком близко касалось каждого.

— Колхоз наш, дорогой товарищ Курганов, был организован в числе самых первых по району, мы, собственно, начинали это великое дело в наших краях. И шло оно у нас, скажу не хвастаясь, неплохо, ладно шло. Всегда в первой пятерке по району были. Ну, а потом война. Тяжко она нам досталась. Одни детишки да старухи в Березовке остались. А потом и фрицы нагрянули. Не то что сараи — погреба и подполья — все перевернули. Обездолили Березовку. Ну, выкинув фрицев, стало государство нам помогать, на ноги

ставить. Отстроились мы немного, скот подвырастили, а вот окончательно опериться не можем... То одного недостает, то другого... Долги к земле гнут... Как подумаешь, чем мы для района являемся,— в глаза людям смотреть совестно...

— Какой был урожай в этом году?— спросил Курганов.

— Вы про что спрашиваете, Михаил Сергеевич?

— Ну, про пшеницу, например?

— Восемь центнеров.

— Не жирно.

— Куда там, стыдоба. Картошку и ту еле-еле до ста центнеров дотянули. Рожь тоже плохо выросла, овес еще хуже. Теперь корма. Луга, покосы есть, а взять траву сил не хватает. В итоге — без кормов. И купить не на что. Одним словом, куда ни кинь — все клин.

— Почему так много долгов? Ведь почти миллион.

Беда нехотя ответил:

— Постепенно нашло. Да еще шефы помогли.

— При чем здесь шефы?

— Как это при чем? Электрификацию начали. Станцию построили для всей нашей округи. Ничего, хорошая станция, большая. Да не осилили мы, чтобы полностью ее оборудовать. Генераторов надо три, а поставили только два. Кто внес денег побольше, тот с электричеством, с энергией. А кто победнее — шиш. Вот видите.— Беда указал на керосиновую лампу, стоявшую на столе, и на почти новую электропроводку, тянувшуюся по потолку. Над столом висел черный пустой патрон.— Оно, конечно, электричество нам здорово необходимо, во как оно нужно,— продолжал Макар Фомич, проведя рукой по горлу,— но из щей похлебки не сваришь... Внесли мы сто пятьдесят тысяч. Нам говорят: еще сто надо. А где их взять?— Беда замолчал, а потом, вздохнув, продолжал:— Вы, наверное, спросите, а в чем все-таки дело? Почему Березовка никак не встает на ноги? А потому, что силенок мало. Семнадцать человек работоспособных — гляди-ка какая армия. Опять же и эмтээсовцы к нам едут с неохотой. Поля маленькие, платим неаккуратно.

Беда поглядел на Курганова и продолжал:

— Но вы не думайте, Михаил Сергеевич, что мы уж совсем на обе ноги споткнулись. Зерновые нынче убрали, семена засыпали. И поголовье немного увеличили. Но вот корма, корма нас губят.

— А как с трудоднем?

Беда молчал. Молчали и колхозники. Они ждали, что скажет председатель, хотя, что он мог сказать, хорошо знали.

Было говорено и переговорено об этом и не раз, и не два.

— Трудодень за урожаем ходит,— неохотно, со вздохом выговорил Беда.

— Плохо с трудоднем, чего тут,— выкрикнула женщина, что приносила Курганову чайник с кипятком. На нее зашикали, но Беда, наоборот, поддержал:

— Правда плохо. Что по зерну, что по овощам. А денег даем совсем мало, очень даже мало. Ну, а без этого и труд не в труд. Интересу нет. Так что помогайте, товарищ Курганов. Без помощи не выплывем. Вся надежда на вас. С товарищем Барановым мы так и не договорились. Ну, да это дело прошлое, а забот и нынешних много.

Курганов долго молчал, молчало и собрание. Потом Михаил Сергеевич озабоченно спросил:

— Так чем же вам надо помогать?

— Концентратов хоть немного...

— С МТС порядок навести...

— Долги бы отсрочить, счет в банке разморозить. Иначе ни дохнуть, ни охнуть...

Все эти голоса раздавались из разных углов избы. Мрачноватые, не веселые это были голоса. Было в них и чувство горечи из-за того, что приходится докучать такими просьбами секретарю райкома. Но что делать, если иного выхода нет? И люди обращались к Курганову с надеждой и уверенностью. Он должен поддержать, должен помочь колхозу подняться на ноги. Ведь не зря же он приехал к ним к первым, как врач безотлагательно едет к больному?

Михаил Сергеевич понимал, что, высказывая свои просьбы, колхозники обращаются через него — Курганова — к партии, которую он представляет. И всем своим существом еще раз ощутил, как велико и ответственно порученное ему дело.

...Утром чуть свет Курганов был уже на ногах.

Макар Фомич шел бодро, но в душе побаивался. Как взглянет секретарь на их дела?

Пришли на конюшню, Курганов долго ходил по узкому проходу, разделявшему стойла, ласково трепал теплые морды лошадей. Потом подошел к Беде и спросил:

— Так, говоришь, плохо с кормами-то, председатель?

— Плохо, очень плохо, Михаил Сергеевич.

— А скажите-ка, Макар Фомич, Иисус Христос когда родился?

Беда растерялся.

— Точно, право, не помню, но во всяком случае — больше тыщи годов прошло.

— Церковь утверждает, что родился он за один год до нашей эры, то есть тысяча девятьсот пятьдесят один год назад. Да. И при рождении его положили в ясли. Заметьте, Макар Фомич, в ясли. Значит, это устройство уже тогда было известно человечеству.

— Да. Конечно. Но я не понимаю...

— Почему я говорю об этом? Да потому, что у вас их, яслей-то, нет ни в одном стойле. А ведь с полу лошадь берет лишь половину корма, добрую же половину втаптывает в навоз.

Все молчали. Да и что можно было сказать? Еще весной, когда вывозили навоз, поломали ясли, а новые сделать не собрались. Макар Фомич не раз ругал за это завхоза. И сейчас так посмотрел на него, что тот поспешил быстренько пройти по какому-то делу в конец конюшни. А Курганов между тем продолжал:

— Вот, скажем, и навоз. Зачем же хранить его в стойлах? Посмотрите, сколько накопилось... Чтобы выйти из стойла, лошади приходится почти трехметровый прыжок делать. Или вы их к каким-нибудь соревнованиям готовите?

На молочнотоварной ферме, не в пример конюшне, было чисто, и хотя скот был действительно худоват, но содержался в порядке. После обеда пошли в овощехранилище, на дальние займища, где проводилось снегозадержание, по пути завернули на лесопункт. В правление вернулись только вечером. И буквально через полчаса вся изба была полна народу. Никто не уходил, хотя всех семьи ждали ужинать, в окно правления уже не раз постукивали ребячьи руки, напоминая батькам или маткам, что пора кормить свое потомство. Но не до того им было, каждый хотел знать, что же скажет секретарь райкома, что ответит на их просьбы.

Курганов понимал, что люди ждут от него не обычных ободряющих слов, а конкретных, ощутимых дел. Ему и самому хотелось как-то обрадовать людей. И он мог бы сделать это легко. Все, что просила Березовка или даже пять таких колхозов, район мог дать. Но в этом ли был выход? Ведь другим-то артелям тоже надо поднимать хозяйства. Как быть с ними?

— Ну что ж, дорогие товарищи,— задумчиво начал Курганов.— Дела у вас действительно неважные, подбились вы основательно, и помочь вам, безусловно, нужно. Чем, как, в каком объеме — сейчас не скажу, надо прикинуть,

рассчитать. Но поможем, обязательно поможем. Но и к вам требование: думайте, думайте, что можно и нужно сделать, чтобы Березовка зажила в полную силу.

— В партии-то, поди, думают о наших делах,— проговорила Прасковья Пыхова.— Скажут, что надо делать.

— Партия думает над нашими делами. Это вы правильно говорите. Но из Москвы каждому колхозу готовый совет не дашь. Что в Березовке делать, давайте думать вместе...

Михаил Сергеевич оглядел сидевших перед ним людей. Все слушали внимательно, с серьезными задумчивыми лицами. Он подумал: верят. Но как сделать, что и как сказать, чтобы верили не только умом, а и сердцем, чтобы дошли эти простые, но важные истины до сознания каждого?

— Надо смотреть, прикидывать,— продолжал Курганов,— что выгоднее. Мне рассказывали, что у вас когда-то было неплохое свинопоголовье. Верно? Наивыгоднейшее это дело, скажу я вам... А река? Она же рядом. Рыба, птица — тоже очень выгодно, если с умом взяться. Конечно, я говорю это ну в предварительном порядке, что ли. Надо самим все прикинуть. Агрономов тоже попросим подумать. Пусть помогут определить, что для вас наиболее выгодно, на что ваши земли больше всего сподручны.

Заметив задумчивость Беды, Курганов спросил:

— Что, Фомич, все сомнения душу гложут?

Беда засмеялся.

— Я вот о чем подумал. Кукуруза, картофель, овощи. Очень хорошо. Только куда я овес дену? Где его посею? А у нас ведь его тридцать га. Мы вот уже несколько лет воюем с райзо, чтобы картофельный клин увеличить, а овес поджать,— и все без толку. Не разрешают.

Курганов долго о чем-то сосредоточенно думал, потом ответил:

— Овес, между прочим, тоже культура нужная. Но вам надо отстаивать свои интересы, доказывать, что выгоднее.

Беда глубоко вздохнул.

— Мозоли на языке набил, доказывая. Куда там... Ты, говорят, не по-партийному рассуждаешь, дальше своей Березовки и видеть не хочешь, не государственный, говорят, ты человек, Беда.

— Неладно, конечно, получается. Ты тут, Макар Фомич, прав. Только вот с какого конца подойти, пока не знаю... Давайте решать сообща.

Разговор продолжался еще долго. Костя уже не раз

прогревал машину, шумом мотора нарушая вечернюю тишину улицы. Наконец Михаил Сергеевич поднялся.

— Ну что ж, товарищи, пожалуй, можно кончать.

Вслед за ним вышли все, тесно столпились около машины.

Открыв дверцу, Курганов устроился на сиденье. Костя дал мотору полный газ, и машина стремительно рванулась с места. Из-под колес брызнули снежные фонтаны. Колхозники бросились в стороны.

— Это что такое?— удивленно и сердито спросил Курганов. Он видел, как снежная пыль обдала женщин.— Почему рвете с места? Чтобы этого больше не было.

— Есть, товарищ Курганов,— удрученно ответил Костя. А про себя подумал: «Баранов любил, чтобы сразу, пулей, а этот ругает...»

...Ехали молча. Невеселые мысли Михаила Сергеевича были заняты Березовкой. Через полчаса въехали в Голубево.

В центре деревни на высоком бугре сиял электрическими огнями клуб. В окнах виднелись движущиеся тени людей. Слышались задорные трели гармоники.

— Колхоз «Вперед»,— пояснил Костя.— Один из лучших. Подшефный товарища Удачина.

— Как — подшефный?

— Ну, закрепленный за ним. Сюда ни один уполномоченный не ездит, только Виктор Викторович.

— Зайду в клуб, посмотрю, как молодежь веселится.

В просторном зале клуба было полно молодежи. Юноши и девушки сидели на стульях и лавках, расставленных вдоль стен. Середина была свободна. В центре ее друг против друга стояли две девушки и задорно перебрасывались частушками. Шло веселое соревнование. Частушки следовали одна за другой, и каждая вызывала громкий смех, возгласы одобрения. Чувствовалось, что они имели совершенно точные адреса и откликались на какие-то события в колхозе.

Михаил Сергеевич уселся на лавке в щебечущей кучке девушек. Молодежь сначала несколько стеснялась чужого человека, но скоро разговор пошел непринужденно и легко. Курганов узнал, что сегодня здесь только местная молодежь, но в субботу приходят и из других деревень. Даже от Беды приходят.

— Это же, поди, километров пятнадцать. Верно?— немного удивленно спросил Михаил Сергеевич.

— Ну и что? Надо же погулять-то? Кино опять же посмотреть.

— Далековато,— задумчиво проговорил Курганов. И мысли его унеслись далеко от этой вечеринки. «Удивляемся, почему молодежь уходит из некоторых колхозов. А как может быть иначе? Права Родникова. Очень мало думаем, как и чем ее заинтересовать. А ведь без молодежи дела в колхозах не поднять».

Михаилу Сергеевичу не хотелось уходить, но время перевалило за одиннадцать. Пора было ехать. Ушел он так же незаметно, как и пришел, попрощавшись лишь с ребятами и девушками, что сидели рядом.

Глава 5

ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА

Курганов проснулся около восьми часов. В гостинице стояла тишина — не слышалось хождений по коридорам, разноголосого говора в вестибюле, бормотания радиорепродуктора. День был воскресный, и обитатели гостиницы отсыпались.

Наскоро позавтракав в буфете, Михаил Сергеевич вышел на улицу. У подъезда стояла райкомовская «Победа».

— Вы что это заявились?— спросил Михаил Сергеевич Костю.

— Так вы же собирались с райцентром знакомиться?

— Правильно. Уже пошел.

— Пешком?

— Как видишь. А ты поезжай в гараж. Пока можешь быть свободен.

Курганов не спеша шел по улицам и площадям города, с удовольствием вдыхая колкий морозный воздух. Вид белых опрятных домов с занесенными снегом палисадниками, сизые дымки, вьющиеся из труб, день, который был еще весь впереди и сулил и встречи с людьми, и новые впечатления, настроили Михаила Сергеевича на бодрый лад.

Он подошел к Дому культуры, разместившемуся в здании бывшего собора. Белобрысый паренек колол дрова на ажурных чугунных плитах крыльца. Михаил Сергеевич неодобрительно глянул на него, и тот, поняв упрек, перебрался с поленом на обледенелую землю.

Здание отапливалось плохо, в зале стоял сыроватый запах нежилого помещения.

Курганов спросил у парня:

— Почему так холодно в зале?

— Дров нема. Вот привез сегодня возок из райисполкома, ну и истоплю.

— А почему дров нет?

— Не привозят.

— Кто же?

— Известно кто. Коммунальный отдел.

— А что у вас сегодня?

— О! Сегодня богато. Днем — утренник для детворы, вечером концерт — для взрослых, конечно. Областная филармония дает. Потом танцы. Приходите, раз интересуетесь.

— А что? Может, и приду.

Михаил Сергеевич пошел дальше и остановился около массивного каменного здания старинной архитектуры. Это была школа. Он вытер ноги о деревянную решетку и вошел в дом. Сразу оглушило гомоном детских голосов.

В актовом зале был утренник. Ребятишки, взявшись за руки, отплясывали какой-то веселый танец. В центре сидел баянист и, склонив набок голову, упоенно подыгрывал танцующему кругу. Шум, гам, звонкие голоса ребят наполняли зал до краев. У окна сидела полная пожилая женщина. Седые, аккуратно зачесанные волосы, на плечи накинута мягкая пуховая шаль. Она как-то удивительно просто и в то же время серьезно беседовала с шумливой стайкой ребят, донимавших ее расспросами.

— Я Курганов, секретарь райкома. Зашел школу поглядеть, с вами познакомиться.

— Очень приятно, здравствуйте. А я Никольская Антонина Михайловна.— Говоря это, она внимательно поглядела в лицо Курганова, пытаясь отгадать, что привело его сюда.

Приозерские руководители бывали в школе и раньше, но Курганов в район только что приехал, и его приход показался Антонине Михайловне не случайным.

«Наверное, опять насчет помещения»,— подумала она. Школу уж несколько раз пытались забрать под здание райкома и райисполкома, но областные организации не разрешали. «А сейчас,— тревожно думала Антонина Михайловна,— конечно, заберут, новый-то секретарь, говорят, человек крутой и в области известный».

Михаил Сергеевич заметил обеспокоенный взгляд Никольской и спросил:

— Вы, вижу, удивились, почему я зашел?

— Да, немного..

– Ну прежде всего мы товарищи по профессии.

— А вы что, педагог?

— По образованию. Правда, работать по специальности почти не удалось. Вот только в облисполкоме школами занимался.

Антонина Михайловна всплеснула руками.

— Так вы тот самый Курганов?

— Тот самый,— засмеялся Михаил Сергеевич.

— Извините,— объяснила Антонина Михайловна.— Я на осеннем учительском совещании не была, приболела. Потому вас не знаю, не видела.

— Ну ничего, потеря не велика. Знакомлюсь с Приозерском, потому и к вам заглянул. Не помешал?

— Нет, нет, что вы. Сегодня здесь у нас утренник младших классов, а с ними, сами знаете, хлопотно, вот все мы и собрались.— И Антонина Михайловна показала на девушек-учительниц, что занимали ребят. Одна из них что-то объясняла им, другая показывала новую игру, третья разучивала стих.

Курганов долго любовался ребятней, а потом в сопровождении Антонины Михайловны осмотрел школу.

— Чисто — это хорошо. Только холодновато и парт мало: скамейки — это не то, весь вид портят. Что же райисполком не тормошите?

Никольская махнула рукой.

— Как не тормошим? Надоела всем.

— Ничего, заходите и к нам, в райком. Кстати, и о дровах и о партах поговорим.

— Хорошо, обязательно зайду Завтра же.

Недалеко от школы размещалось несколько магазинов.

Михаил Сергеевич решил зайти и сюда. Когда он открыл дверь «Гастронома», тяжелый спертый воздух ударил в нос. По грязному мокрому прилавку, потягиваясь, ходил большой рыжий кот. Он удивленно скосил на Курганова зеленоватые воровские глаза, поднял трубой хвост, сладко потянулся, лениво спрыгнул на пол и скрылся между ящиками.

За прилавком, удобно устроившись на перевернутых бочках, коротали время два здоровых, краснолицых продавца. Единственный посетитель — пожилой дородный мужчина в щегольских белых бурках и черном романовском полушубке, с большой плетеной кошелкой в руках, облокотясь на прилавок, участвовал в их трапезе. На окне стояла пустая поллитровка, и мужчины закусывали, вкусно похрустывая

солеными огурцами и крупно нарезанными кусками розовой аппетитной колбасы.

В магазин вошли две скромно одетые девушки и спросили говядину или курицу.

— А индейку не хотите? Нету, не видите, что ли? — грубо сказал один из продавцов.

— А когда же будет?— не отступала одна из посетительниц.

— Вот поднимем на должную высоту колхозную деревню, тогда приходите за мясом и всем прочим. А пока, извините, не держим.

— Но ведь бывает же?

— Изредка бывает.

— Но нам сегодня надо.

— На рынок — и весь вопрос. Вот так,— захохотал продавец, мохнатым цветистым полотенцем обтирая потное, покрасневшее от водки лицо. Засмеялись и его приятели.

Девушки растерянно переглянулись и поспешно пошли к дверям.

Курганов хотел вмешаться, но в это время в магазин вошли две новые покупательницы. Одна — высокая, крупная, с густыми черными бровями и ярко накрашенными губами. Беличья шуба на ней была расстегнута. По магазину она ходила крупными мужскими шагами. Ее спутница была, наоборот, низенького роста, в скромной коричневой шубейке и сером пуховом платке. Чувствовалось, что она как-то стеснялась своей подруги и краснела, когда та начинала говорить очень резко и требовательно.

Продавцы мгновенно преобразились, заскользили за прилавками. С подчеркнутой готовностью, с умиленными физиономиями они вопросительно останавливались перед покупательницами:

— Что брать будем сегодня? Говядинки, баранины, филе?

— Что получше.

Продавцы засуетились еще пуще. Один из них торопливо побежал в задние помещения магазина и скоро вернулся со свежей тушей барашка. Другой из-под прилавка извлек отличный оковалок говядины. Все это понравилось покупательницам, и скоро аккуратно упакованные свертки с мясом исчезли в авоськах.

Продавцы после их ухода помолчали, потом один, ковыряя спичкой в зубах, проговорил:

— Неплохо живет начальство. А?

Другой лениво отозвался:

— А ты, поди, хуже?

Приятели захохотали...

Лениво перебросившись еще парой слов, они наконец обратились к Курганову:

— Вам что, гражданин?

— Да вот интересуюсь, читаю...

— Читают, между прочим, в читальнях, а здесь покупают. И потом, того...

— А я не спешу.

Продавцы переглянулись: «Что за птица? Лицо незнакомое».

— А что все-таки вам нужно?

— Я хотел бы видеть заведующего.

— Заведующего нет. Зачем он вам?

— Да нужен. Вас отвлекать от столь интересного занятия,— Курганов показал на подоконник, где поблескивала бутылка,— я не буду. А с ним хочу потолковать. Например, почему для одних покупателей все есть, а для других — пустые полки?

— Ну, это вас не касается.

— Меня все касается, уважаемый, все. Передайте заведующему, чтобы завтра пришел в райком партии. К Курганову.

— А кто это Курганов?— нагловато спросил краснолицый. Но второй дернул его за рукав и засуетился.

— Товарищ Курганов, что же вы сразу-то не сказали. Да ведь если бы мы знали...

— До свиданья,— прервал его Михаил Сергеевич.— Не забудьте, что я сказал.— Он вышел, хлопнув дверью.

«Ну и порядочки,— думал он.— Жулье чувствует себя совсем безнаказанно. Ну подождите, тряхнем мы вас, как следует тряхнем...»

Курганов зашел еще в два или три магазина, постоял у киоска в очереди за газетой и пошел к южной окраине городка. Его обгоняли юноши и девушки, группами и в одиночку, с лыжами на плечах.

Южная окраина города вплотную подходила к знаменитым приозерским холмам. Вначале они шли полого, но постепенно достигали большой высоты и круто, почти отвесно обрывались над шумливыми водами Славянки. Вершины гор, особенно самая высокая из них — Бел-камень, густо заросли елью, сосной. Террасы же чуть ниже вершин — дубняком и березой. Все это сейчас было покрыто глубоким

пушистым снегом и выглядело ярко, свежо, празднично.

Скоро он добрался до подножия холмов. Это была ровная довольно обширная площадка, покрытая толстым слоем снега и взятая сейчас в полон лыжниками. Они сидели на полузанесенных снегом скамейках, на старых пеньках, на больших белых валунах или просто на затвердевших сугробах, прилаживая свою спортивную снасть.

Курганов разыскал лыжную станцию, расположенную в небольшом летнем павильоне. Здесь было полным-полно народа. Михаил Сергеевич попытался увидеть заведующего этим шумным хозяйством, однако это не удалось.

Выйдя, Михаил Сергеевич залюбовался видом, что открывался на Приозерск.

Славянка огибала его аккуратным широким полукольцом. Ветры сдули с нее снег, отполировали прозрачный лед, и он в солнечных лучах сверкал и искрился, как хрусталь.

Кто-то осторожно тронул Михаила Сергеевича за плечо. Он обернулся. Перед ним стояла Нина Родникова.

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич.

— Здравствуйте, здравствуйте.

— Как вы сюда попали?

Курганов пожал плечами.

— Видимо, так же, как и вы.

Нина недоверчиво спросила:

— Пешком?

— Насколько я знаю, трамвая здесь пока нет.

— Пока нет,— засмеялась Нина.

— И лыжной базы тоже нет,— тем же тоном продолжал Курганов.

— База есть. Пойдемте покажу.

— Это тот сарайчик? Ну уж и база.

— База плохонькая, верно. Хотели соорудить, да не из чего. Никак лесу не выпросим у исполкома. Энтузиазмом же лес не заменишь.

— Это верно,— улыбнулся Курганов.

...Побродив еще с полчаса по лесным тропам, Курганов вышел на дорогу и стал спускаться вниз.

Туча, грозившая испортить солнечный день, остановилась на полпути, как раз над гребнем холмов, и, видимо, раздумывала — полонить ли ей все небо или оставить его над Приозерском синим и солнечным.

Курганов шел не спеша, углубившись в свои постоянные мысли. Глядя на улыбающиеся и раскрасневшиеся лица молодежи, нарядные костюмы лыжниц, на опрятные белые дома Приозерска, на сверкающие корпуса деревообрабатывающего комбината и авторемонтного завода, что были пущены совсем недавно, он невольно подумал: «Черт возьми, все входит в норму, все обретает нужный ритм, набирает жизненные силы. А с селом плохо. Почему?» Наверно, уж в тысячный раз он задавал себе этот вопрос. Почему? Что надо делать? Курганов перебирал в памяти все, что делалось и должно будет делаться по району. Как будто довольно обширная программа действий. Но спокойствия на сердце не было, в нем всегда жила смутная тревога. Все время сверлила мысль: «А достаточно ли? Что еще недодумано? Что недоделано?»

Тревожило и беспокоило многое. Вот надо вводить новые культуры. А семян дали с гулькин нос. Заградин рассказывал, что выделенные фонды только одну треть районов обеспечат. Значит, кто-то где-то, видимо, не верит в эту культуру, сомневается. Дело, конечно, неизведанное. И вот же овес. Курганов припомнил свой недавний разговор с облисполкомовцами. По старой памяти они были с ним откровенны.

— Ну хорошо, снимем мы с тебя этот самый овес. А кому передадим?

— Но ведь невыгодно же. Поймите.

— Понимаем, все понимаем, а помочь не можем. План есть план. Он спущен сверху.

Или взять задолженность маломощных колхозов МТС. Ведь если здраво разобраться и прямо, не увертываясь, посмотреть на вещи,— нечем им рассчитываться. Нечем. Вон Беда прикинул — их колхозу, чтобы покрыть долг перед МТС, надо в течение двух лет отдавать весь урожай. Не оставляя даже семян. Значит, что же, так и держать такие колхозы с замороженными счетами, в вечных долгах? К чему это приведет? Какой интерес работать в таком колхозе? Ведь людям надо жить — есть, одеваться, детей растить? Нет, это совершенно ясный вопрос — с безнадежной задолженностью надо что-то делать. У колхозов долги эти как гири на ногах. И еще: почему мы платим колхозу за центнер сдаваемого государству картофеля почти в три раза меньше, чем он обходится? За молоко и масло — в два раза? Почему? Вопросы эти он задавал не только себе, а и в обкоме, в облисполкоме. Заградин ему как-то, осердясь, ответил так:

— Этих «почему» я тебе могу задать еще больше. Нужда

законов не знает. Страну кормить надо? Надо. А это, дорогой мой, задача...

К концу дня Курганов вернулся в райком. Сегодня здесь было тихо — слышно, как большие часы в приемной мерно отсчитывали время. Яркий солнечный зайчик, отражаемый большим бронзовым маятником, беспокойно метался по комнате. Удачин и Мякотин были в райкоме. Иван Петрович с легкой обидой проговорил:

— Что же вы нас не предупредили? Мы бы вам показали всю районную столицу.

— Да сначала хотел просто прогуляться, а вышло иначе.

— Ну, как, понравился наш Приозерск?

— Вы знаете, понравился. Большинство домов в порядке, улицы очищены, и даже песочек на тротуарах.

— Старается наш райкомхоз,— довольно улыбнулся Мякотин.

Однако Михаил Сергеевич суховато спросил:

— Иван Петрович, что у нас с топливом? В Доме культуры и в школе хоть тараканов морозь. Вы разберитесь, в чем там дело, и завтра же мне скажите. И, пожалуйста, следите за этим.

— С подвозом у нас трудновато, но накручу холку кому надо.

Курганов, обращаясь к обоим собеседникам, задал новый вопрос:

— Видимо, с фондами на товары нас подзажали? Уж очень бедно в магазинах.

Удачин ответил:

— С товарами плохо. На днях приезжала ко мне сестра, пошла в магазин. Парень ее у кого-то увидел заводной автомобиль и ну просить — купи! Да. Пошла она. А в магазине говорят: «Все продали». Потом продавщица ей шепчет: одну штуку найду. Сестра-то, дуреха, возмутилась и ушла. А я ей потом сказал: «Чего же ты растерялась? Чай, от переплаченной трешницы мы бы не обеднияли».

Курганов удивленно посмотрел на Удачина, помолчал и продолжал:

— Дело не только в отсутствии товаров. Жулье и пьяницы в магазинах чувствуют себя как в раю. Особенно в «Гастрономе».

— Черт его знает. А жена постоянно хвалит этот магазин,— с недоумением проговорил Мякотин.

— Наводите порядок, Иван Петрович. Да и вы погля-

дывайте,— повернувшись к Удачину, закончил мысль Курганов.

Михаил Сергеевич говорил хмуро, недовольно. На душе была досада. Бывает иногда так, что трудно полностью узнать, раскусить человека. И хорошее есть у него, и плохое... Но вот появляется одна какая-нибудь черточка, деталь, фраза, поступок, пусть мелкий, еле заметный,— а в нем весь человек с его характером, нравами, привычками, взглядами на жизнь. Конечно, по одной такой детали нельзя судить окончательно, тем более делать какие-то выводы, но игнорировать ее тоже нельзя. Вот почему рассказ Удачина о том, как сестра покупала сыну игрушку, никак не выходил у Курганова из головы.

Что это? Ограниченность? Обывательщина? Или просто случайно оброненные фразы? Курганов еще взглянул на Удачина. Тот озабоченно переговаривался с Мякотиным. Подумалось: «Видимо, все-таки случайность. Что-то сегодня у меня настроение неважное, на все смотрю придирчиво».

Встряхнув плечами, как бы сбрасывая с себя это настроение, Михаил Сергеевич подошел к окну. По улице целая гурьба мальчишек катала большие снежные комья. За окраиной села по заснеженным взгорьям вилась укатанная санями и машинами дорога. По ней шли подводы. Куда ведет эта дорога? В какие места, к каким людям? Как мало ты еще знаешь, Курганов, Приозерск, его людей. Ох как мало. А надо знать все, и узнавать скорей, как можно скорей...

Курганов вернулся к столу, придвинул к себе календарь, долго делал на его листах пометки. Вызовы, беседы, встречи. Работники райкома, райисполкома, райсельхозотдел, комсомол, газета, милиция, районо. И колхозы, колхозы... Они заняли добрую половину испещренных записями листков.

Глава 6

В ГОСТЯХ У «ОТЦОВ РАЙОНА»

Мысль пригласить Курганова на ужин возникла у Вероники Григорьевны Мякотиной. Она с ней носилась несколько дней, советовалась с мужем, созвонилась с Виктором Викторовичем. Оба они согласились, хотя Удачин считал, что скорее всего первый секретарь откажется от визита к подчиненным. Но — попытка не пытка, в воскресенье в райкоме Мякотин решился. Момент был подходящий. Сидели втроем — он, Курганов и Удачин.

Курганов сказал:

— Вы меня не без оснований критиковали, что не расспрашиваю вас о районе. Может, поговорим сегодня? Удобно, никто не помешает. Как? Или есть личные планы на выходной? Тогда отложим.

— Михаил Сергеевич, тут есть одно предложение. Живете вы пока один, по-холостяцки. Ну так вот, приглашаем вас поужинать с нами. Сегодня наши хозяйки пельмени готовят.

Курганов согласился быстро:

— Спасибо. С удовольствием.

— Тогда я на минутку выйду и дам команду,— произнес Мякотин.

— Как впечатление от поездки к Беде?— спросил Удачин.

Курганов, подумав немного, ответил:

— Что же вам сказать? Вы ведь знаете, каково у них положение. Что, много у нас таких артелей?

— Да, наверно, половина.

— Березовка, безусловно, в очень тяжелом положении, но на ноги поставить ее можно,— задумчиво проговорил Курганов.

— Дай бог, как говорится.

— Нет, бог тут нам не помощник. Без его помощи придется ее в люди выводить. А народ там, Виктор Викторович, просто чудесный. Честное слово...

Когда Иван Петрович вернулся, Курганов уже внимательно слушал Удачина о делах в районе. Вступил в беседу и он. Оба, проработавшие здесь немалые годы, хорошо знали и экономику, и хозяйство, и людей Приозерья. И это было как нельзя кстати Курганову, который внимательно слушал, старался запомнить каждую цифру, каждый факт, каждую деталь. Разговор шел долгий, оживленный, горячий

...Когда Мякотин позвонил домой и сообщил, что они придут с Кургановым, подготовка к ужину приняла энергичный характер. На помощь Вероника позвала и Людмилу Удачину. Вероника Григорьевна, уже немолодая, но весьма деятельная и энергичная женщина, охотно дружила с несколько застенчивой и молчаливой Удачиной — ведь более или менее дружно жили между собой их мужья, а кроме того, по мнению Мякотиной, жене председателя исполкома ровней могут быть лишь жены секретарей райкома.

Когда Людмила Удачина появилась в передней Мякотиных, подруги шумно расцеловались, хотя не виделись всего несколько часов.

— Значит, будет?— спросила Людмила.

— Конечно. Я же говорила. Мякотин звонил и предупредил, что все должно быть на самом высоком уровне.

— Тогда давайте соображать, как будем угощать новое начальство.

— Начальство,— не скрывая поток недовольства, проговорила Вероника Григорьевна.— Ни черта в области не знают людей.

Людмила согласилась:

— Виктор то же самое говорит.

— Конечно, ну сама посуди — кто лучше знает район — наши или этот самый Курганов? Ну да ничего. Поглядим — увидим. В Приозерье ни один приезжий долго не задерживается.

...Мужчины заявились в девятом часу вечера. Они ввалились в переднюю шумные, заснеженные, промерзшие.

Вероника Григорьевна поздоровалась с Кургановым улыбчиво, приветливо, но подчеркнуто независимо. Людмила под внимательным взглядом Михаила Сергеевича смутилась. Курганов подумал: «Где это я их видел? Откуда их знаю?»

И, вспомнив утреннюю сцену в «Гастрономе», поморщился.

Гости столпились у телевизора. Через Приозерск недавно прошли из Москвы трансляционные линии, и приозерцы были охвачены телевизионной горячкой. Курганов рассказал, что его «команда» тоже поставила ему непременное условие — иметь ни много ни мало, а «Ленинград».

— И большая у вас «команда»?— спросила Вероника Григорьевна.

— Да нет, из потомства двое — сын да дочь. Дочь уже студентка, учится в институте, а парень еще малец — десятый год.

Курганов с интересом вглядывался во все, что его окружало. Мякотины жили в отдельном доме. Вероника Григорьевна долго и упорно воевала за свое гнездо. Немало понадобилось усилий, отчаянных споров и раздоров с мужем. И вот уже три года, как Мякотины живут «как люди».

Вероника Григорьевна, заметив, что Курганов с интересом осматривает их «гнездо», спросила с оттенком гордости в голосе:

— Как у нас, не очень плохо? Есть где отдохнуть председателю исполкома?

— О!— рассмеялся Курганов.— Не только председателю исполкома, а турецкому паше и то под стать эти хоромы.

Вероника Григорьевна пригласила всех к столу. Он ломился от закусок. Ветчина, севрюжка, колбасы. В нескольких глубоких тарелках соленья — огурцы, помидоры, грибы. В центре стола толпилась стайка бутылок.

— Да вы целый пир затеяли,— заметил Курганов.

— Ну что вы, Михаил Сергеевич,— потупилась Мякотина.— Мы ведь специально-то не готовились. Вы уж не взыщите.

Пока усаживались за этот обильный стол, Курганов невольно вспомнил свою сегодняшнюю прогулку по городу, посещение «Гастронома».

Он почувствовал досаду, что согласился прийти сюда. «Да. Пожалуй, лучше бы обойтись без пельменей, а поужинать в гостинице. Ну да ладно — теперь уже поздно». Но чувство досады не проходило.

Когда все уселись, Иван Петрович предложил Курганову:

— Вам слово, Михаил Сергеевич.

— Просим, просим. За вами программный, так сказать, установочный тост,— пытаясь шутить, но мрачновато проговорил Удачин.

Курганов натянуто улыбнулся.

— Ну нет, здесь давайте обойдемся без директив и установок. Я предлагаю выпить за наших любезных хозяек... Они немало потрудились, чтобы так угостить нас.

— Да что вы, какой там труд!

— Не говорите. Такое,— Курганов показал на стол,— дается не легко.

Женщины, польщенные, улыбались, не замечая никакого намека в словах Михаила Сергеевича.

Людмила, сидевшая недалеко от радиоприемника, включила его. Послышалось тихое гудение нагревающихся ламп, потом комнату наполнили взволнованные звуки оркестра. Курганов закрыл глаза, задумался.

— Шестая симфония Чайковского,— проговорил он, вздыхая.

— Вы, видимо, любитель музыки?— спросила Вероника Григорьевна.

— Ну, Чайковского-то просто нельзя не любить.

— Я согласна с вами,— вдруг горячо и как-то нервно проговорила Людмила Удачина.— Иногда от хорошей музыки я даже плачу.

— Возвышенная душа,— с иронией подтвердил Удачин.

— Ну, такие слезы, Людмила Петровна, в упрек не ставятся,— заметил Курганов.— Если уж говорить откровенно, то такой грех и со мной иногда бывает. Я, когда бываю в Москве, обязательно на симфонический концерт стараюсь попасть.— И, вздохнув, добавил:— Только вот бывать там приходится редко.

Они завели разговор о московских театрах и актерах, но ни Мякотин, ни Удачин разговор этот почти не поддерживали.

— Жизнь наша хлопотная, не до театров,— со старческой озабоченностью проговорил Мякотин.— Так порой забегаешься, так тебя закритикуют да заинструктируют, что про самого себя забудешь. У меня уж и годочки сказываются.

— Вот это вы зря,— горячо возразил Курганов.— Вам сколько?

— Пять десятков стукнуло.

— До старости вам шагать и шагать. Зря вы торопитесь.

— Да я не так чтобы уж очень,— стал было объяснять Мякотин, но Михаил Сергеевич, повернувшись к Веронике Григорьевне, продолжал:

— Вы что же плохо воспитываете мужа? Строже, строже надо держать нашего брата в руках. В театры, кино, на концерты тащите его, а о годах и вспоминать не давайте.

Вероника махнула рукой:

— Да он прибедняется. Он еще подковы гнуть может. Только вот живот наел.

— Опять же вы виноваты. Не кормите. Не давайте есть, и все.

— Попробуй его не накорми. Ты, говорит, что, Советскую власть хочешь голодом уморить?

Удачин, улучив паузу, прямо спросил:

— Ну, каково ваше впечатление о приозерцах, Михаил Сергеевич?

Курганов пожал плечами.

— Я слишком мало времени проработал, чтобы судить о людях. Думаю, что, как и везде, есть и хорошие, есть и плохие. Больше, конечно, хороших.

— Я имею в виду руководящий актив.

— Ну, а о руководящем активе надо судить по делам в районе.

Мякотин озабоченно заговорил:

— Вот вы говорите, что район надо вытянуть за два-три года. Это, конечно, очень хорошо. Но ведь помощь, помощь нам нужна. А будет ли она, эта помощь? Вот в чем вопрос.

Мякотин уже по предварительному впечатлению понял, что Курганов опытен, бесспорно, знает село и, по всей видимости, имеет твердый характер. Иван Петрович робел перед Кургановым и все эти дни никак не мог найти правильный тон разговора с ним. Поэтому он очень обрадовался согласию Курганова поужинать вместе, надеясь, что в домашней обстановке эта робость пройдет. «Выпьем, поговорим чуток, приглядимся друг к другу»,— думал он. Но вот выпить как следует явно не удавалось. Почти не пьет Курганов-то. А жаль. Какие закуски стоят почти нетронутыми!

Курганов внимательно поглядел на Мякотина, потом перевел взгляд на Удачина, на женщин. Все ждали его ответа.

— Видите ли, помощь району, конечно, нужна. И область помогать будет. Но не следует забывать, что у нее пятьдесят пять районов и поддержки ждут все.

— «Помощь», «поддержка»... Все это слова. А здесь нужны не слова, а дела. Областные же товарищи пока только критикуют да делают оргвыводы.

— Ну это вы зря, Виктор Викторович,— возразил Курганов.

— Ничего не зря. Факты вещь упрямая.

— Какие факты?

— Долги за колхозами — это факт. Семян не хватает — факт. Нет кормов, и скот гибнет — это, к сожалению, тоже факт. А области хоть бы что.— Все это Удачин проговорил спокойно, рассудительно и налил всем рюмки.

Мякотин молчаливо кивал в знак согласия.

Курганова обозлила их мрачная солидарность. «Будто панихиду справляют,— с досадой подумал он.— И главное, говорят и думают так, словно кто-то другой, а не они виноваты».

— За район отвечаем мы с вами, а не обком и облисполком. Будем толково хозяйничать — помогут, плохо поведем дела, за оргвыводами тоже дело не станет. Пока же хозяйничали плохо,— проговорил Михаил Сергеевич хмуро.

— Поглядим, как у вас пойдет,— не сдержался Удачин.

Курганов, однако, миролюбиво ответил:

— Ну, вам не глядеть положено. Вместе, Виктор Викторович, вытягивать район будем.

Мякотину эти слова понравились, они в какой-то степени уже отвечали на беспокоившие его вопросы. Заметил их и Удачин. Чтобы смягчить обстановку, он проговорил:

— Мы что же? Мы готовы сделать все, чтобы помочь вам.

— На нас вы можете надеяться. Мы вам сделаем все,— подтвердил несколько захмелевший Мякотин.

— Не то говорите, дорогие товарищи. Не то. Что значит — мне будете помогать? Вы же сами руководители района. В одной упряжке идем. Нам предстоит поднять людей, убедить, что можно укрепить наши колхозы. Можно. И самим, самим поверить в это твердо. Иначе ничего у нас не выйдет. Разве можно сдвинуть такое дело, не веря в него?

Вероника Григорьевна зорко следила за разговором мужчин и, когда Курганов не обратил внимания на выпады Удачина, подумала: «Этот по пустякам не взъерошится. Выдержки на троих хватит». Послушав еще немного, Вероника Григорьевна, поднявшись, проговорила:

— Людмила Петровна, пора подавать на стол, что было обещано — пельмени.

Курганов заметил:

— Людмила Петровна что-то помалкивает. Наверно, мы наскучили ей.

— Не обращайте внимания,— ухмыльнулся Удачин.— Людмила Петровна у нас натура романтическая.

Удачина ничего не ответила, только посмотрела на мужа как-то чуть виновато и испуганно, как бы спрашивая: «Я сделала что-нибудь не так?» Удачин опустил глаза и занялся какой-то закуской, а Курганов подумал: «Что-то не очень ладно между ними».

Мякотин снова завел разговор о делах колхозов. Между ним и Удачиным зашел спор о севооборотах и о землях района. Из мерно текущего разговора можно было понять одно — земли в Приозерске хуже некуда.

Михаил Сергеевич слушал молча. Удачин и Мякотин говорили о том, что, в сущности, очень интересовало Михаила Сергеевича, но желания активно включаться в разговор не было. О делах района говорилось много, даже очень много, но спокойно, без глубокой заинтересованности и искреннего интереса. А Михаил Сергеевич органически не выносил этого. Он был убежден, что излишнее спокойствие в людях исходит из равнодушия к делу, из лени их натур.

В то же время сидеть молча и портить людям настроение было не в характере Курганова.

«Чего я на них тоску навожу,— подумал он о себе с упреком.— Это просто свинство с моей стороны. Я же в гостях». И Михаил Сергеевич, постучав вилкой по фужеру, предложил:

— Знаете что, товарищи, все это очень интересно, а для меня особенно, но мы же совсем замучаем наших хозяек. Да и сами не отдохнем. Делу время — потехе час. Предлагаю переменить тему. Тем более что пельмени исключительно вкусны, настоящим сибирским не уступят, честное слово. А уж сибиряки в этом понимают толк.

— Вы бывали в Сибири?— спросила Удачина.

— Пришлось. Немного. Перед войной.

— Поди, охота там...— мечтательно протянул Мякотин.

— И не говорите,— махнул рукой Курганов.— А между прочим, как у нас в районе с охотой? Рек, озер много — должна быть дичь и рыба. Мне шофер говорил, что места есть знатные.

Михаил Сергеевич был из тех, кто, поймав за полдня ерша или уклейку, считает, что это дар небесный, из тех, кто готов без конца восторженно рассказывать о том, как однажды он слышал удивительную песню глухаря или тетеревиный ток.

Когда Иван Петрович стал рассказывать о Крутояров-

ских заводях в пойме Славянки, где весной садятся огромные стаи диких уток и гусей, Курганов в восторге даже встал из-за стола и нетерпеливо прошелся по столовой. Казалось, если бы не мороз на дворе, то он сегодня же помчался бы в эти самые крутояровские плавни.

Людмила Петровна предложила:

— Что мы все говорим да говорим, хоть бы песню спеть, что ли?— и, сказав это, покраснела.

Курганов ее сразу поддержал.

— Правильно. Давайте песню.

Спели «Заветный камень», «Скалистые горы», их сменил «Орленок». Осмелел и Мякотин, чуть дребезжащим тенорком он затянул «По диким степям Забайкалья», и его тоже все дружно поддержали.

Часов в одиннадцать Курганов собрался уходить. Хозяева и Удачины очень удивились такому раннему уходу, но Михаил Сергеевич настойчиво просил отпустить его отдыхать.

Он распрощался со всеми и вышел на улицу. До гостиницы было далековато, и Михаил Сергеевич радовался этому, хотелось пройтись.

Думалось о людях, с которыми его столкнула новая работа. И Удачин и Мякотин люди вроде хорошие, но есть что-то в них такое, что раздражает, глушит чувство симпатии. Что именно? Наверное, вот что — неоправданное довольство собой, уверенность, что они люди необычные, не какие-то там рядовые, а особенные, «руководящие». Раздражает еще это спокойствие, поразительная убежденность, что они делали и делают все возможное, чтобы поднять район. Особенно непонятен Удачин. Что за человек? Что за работник? Почему нервничает? Почему ершится? Видимо, не может свыкнуться с переменами.

...А в доме Мякотиных в это время горячо обсуждали прошедший вечер, делились впечатлениями о Курганове.

Удачин на вопрос Мякотина о госте ответил мрачно: «Поживем — увидим».

— Ну, а твое мнение?— спросил Иван Петрович жену.— Каковы твои наблюдения?— в душе он всегда признавал, что Вероника не лишена ума, и советами ее не пренебрегал, хоть и делал при этом снисходительный вид.

Вероника Григорьевна, подумав, ответила:

— Не легко вам будет, не легко. Думайте да гадайте, какие тропки проторить к нему.

Глава 7

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

Утром в понедельник, как только Курганов появился в райкоме, Вера доложила ему, что приходил Пухов из райторга. Сейчас он у Удачина.

— А что у него ко мне?

— Говорит, что-то неотложное.

— Ну хорошо. Но сначала я посмотрю газеты.

Через несколько минут Вера вошла вновь.

— Пришла Никольская — директор школы. Примете ее?

— Антонина Михайловна? Очень хорошо. Пусть заходит.

Войдя в кабинет, Антонина Михайловна спросила:

— Ну, как вам понравился Приозерск? Экскурсия не разочаровала?

— Впечатлений много, самых различных. Кстати, почему Бел-камень? Что-то сказочное, былинное.

— А вы не смейтесь — он действительно знаменитый. Отсюда Димитрий Донской наблюдал за движением своих дружин к полю Куликову. На Бел-камне был сторожевой пост мятежных отрядов Ивана Болотникова. Да и в наше время Бел-камень пригодился. Семен Буденный бывал здесь в период гражданской, выбирал пути для своих конных отрядов. С вершин приозерских холмов наши генералы руководили разгромом танковой армии Гудериана.

— Тогда немудрено, что приозерцы гордятся своим городом.

— Я уверена, что и вы его полюбите. Честное слово, полюбите. И город, и все наше Приозерье.

— Я тоже так думаю. Иначе не будет от меня толку ни городу, ни селу.

Никольская вздохнула и задумчиво ответила:

— Да. С селом у нас совсем плохо.

— Ну, такой вывод верен лишь частично. Не во всех колхозах плохо.

— Не во всех, но во многих. У меня ведь везде мои бывшие ученики — и в колхозах, и в сельсоветах, и в сельпо. Заходят. Рассказывают. И знаете, Михаил Сергеевич, конечно, советчик в этих делах я плохой, но кажется мне, что первейшее дело — это возродить у людей веру в то, что они встанут на ноги. Без этого колхозы не поднять.

— Это вы очень верно говорите. Очень правильно,— согласился Курганов. И продолжал:— Урожаи у нас низки. Недопустимо низки урожаи. Низки же потому, что плохо обрабатываем землю, мало вносим удобрений.

— А удобрений мало вносим потому, что скота нет, а скота нет потому, что кормов мало,— в тон Курганову проговорила Никольская.

Курганов улыбнулся.

— Значит, круг, заколдованный круг получается. Верно ведь? И тем не менее из этого круга не один, а десятки выходов. Вот слушайте...

Антонина Михайловна внимательно слушала Курганова, и ей невольно думалось, что на селе сейчас нужны именно вот такие одержимые, неуемные люди. А Михаил Сергеевич вдруг замолчал, чуть виновато улыбнувшись, проговорил:

— Заговорил я вас. Извините. А ведь у вас, наверное, ко мне свои дела.

— Откровенно говоря, дела, конечно, есть. Но под всем, что вы сейчас говорили, я подписываюсь не задумываясь.

— Спасибо. А теперь я вас слушаю.

— Представьте, у нас в городе нет детской библиотеки. Ребята у нас страшно любознательные, но книжку взять негде. Книжный фонд — более десяти тысяч томов — валяется где попало. Мы на сессии райисполкома эти вопросы поднимали, на учительских совещаниях говорили, в область писали, а воз и ныне там.

— Но для библиотеки ведь нужно не такое уж большое помещение?

— Конечно, несколько комнат. И все-таки это трудно. Очень трудно. Но ведь надо же искать выход.

Курганов вздохнул:

— Давайте искать этот выход вместе. Подумайте, мо-

жет, есть на примете какой-нибудь дом, который плохо используется? Может, какие-нибудь районные организации подуплотнить?

Никольская озадаченно проговорила:

— Не знаю, право.

— Ну, ладно. Мы сами посмотрим. Может, что найдем. Еще что, Антонина Михайловна?

— Опять хочу вернуться к селу, Михаил Сергеевич. У меня нечто вроде предложения или совета, что ли. В районе более полутора тысяч старшеклассников да около тысячи человек в техникумах. Не отправить ли их летом в колхозы? Ну, допустим, какая-то часть молодежи поехать не сможет — по домам подастся. Но ведь тысяча, а то и тысяча пятьсот человек может поехать. Дело-то это не новое, в некоторых областях оно довольно хорошо организуется. Предлагали и мы не раз попробовать, да, видимо, не до нас было. Вот об этом я и хотела поговорить...

Предложение Никольской глубоко взволновало Курганова. Он понял, что оно шло от всего сердца и исходило не только от нее самой, но и от ее товарищей по профессии. Он подошел к Антонине Михайловне и крепко пожал ей руку.

— Спасибо вам, Антонина Михайловна. Предложение ваше замечательное, и мы всячески его поддержим. Да, да. Безусловно, поддержим и распространим по всему району...

Когда Никольская вышла из кабинета, Курганов долго стоял у окна, задумавшись и чуть-чуть улыбаясь. И дело было не только в этих будущих ребячьих отрядах, нет. Не только этому радовался Михаил Сергеевич. О селе начинали думать все — вот что волновало и радовало Курганова.

После Никольской в кабинет вошел низенький, одутловато-толстый человек с красноватым лоснящимся лицом. Он простецки улыбался, обтирал платком бритую голову, а глаза, маленькие, чуть видные за розовыми мешочками щек, сверлили Курганова, изучали, спрашивали, прикидывали... Он подошел к столу, вытянулся, опустил руки по швам и удивительно тоненьким, так не шедшим к его массивной фигуре голосом пропел:

— Докладывает Пухов. Глава торговой фирмы «Приозерский райторг».

Курганов удивленно поглядел на Пухова и мрачновато спросил:

— Вы давно были в «Гастрономе»?

«Ну, начинается»,— холодея, подумал Пухов. Ему уже рассказали, где побывал Курганов, и начальнику райторга стоило немало труда шутить и улыбаться. Но он твердо решил внушить Курганову мысль, что Пухов — энергичный, подвижный человек, толковый, пробивной работник. А что надо создать такое впечатление, он понял из разговора с Мякотиным. Иван Петрович, напутствуя его, сказал прямо:

— Курганов терпеть не может мямлей и нытиков. Сам он колготной, будто ртуть, таких и любит, имей это в виду

Не дожидаясь ответа, Курганов продолжал:

— Там у вас невесть что творится. Грязь, товаров ни черта нет, продавцы охамели до того, что, не стесняясь, белым днем водку глушат...

— Безобразие. Я им за это всыплю,— гневно провозгласил Пухов.

— Вообще дела в вашей фирме, видимо, обстоят явно неблагополучно. Я, правда, недавно в районе и видел мало. Но где бы ни заходил в магазины — одна картина: нет даже самых обычных, не дефицитных товаров.

— Например?— вскинул белесые ресницы Пухов.

— Например, мыла, галош, чулок, бритв... Да легче перечислить то, что есть.

— Ассортиментный минимум у нас строжайше соблюдается, товарищ Курганов.

— Минимум-то, может, и есть, а товаров нет. Между прочим, самым плохим качеством работника я считаю склонность к преувеличениям.

— Не совсем понимаю!

— Ну, когда занимаются очковтирательством.

— Теперь понимаю.

— Вы зайдите в магазин «Хозтовары» около рынка. Ведь там, кроме мастики для полов и синьки, ничего нет. А колхозников туда приходит немало. И они, конечно, почем зря клянут районные власти.

— Недостатки в нашей деятельности, наверно, есть, я не отрицаю,— проговорил Пухов.— Но прошу учесть,— поднял он палец,— причины абсолютно объективные.

Курганов встал, прошелся от стола к окну. Вернулся, потом в упор поглядел на Пухова и тихо, но твердо проговорил:

— Причины, видимо, конечно, есть. Но давайте условимся так: вам поручено дело — извольте за него отвечать. Если не наведете порядок в магазинах, не разгоните пьяниц

и хамов, какие подвизаются, например, в «Гастрономе»,— пеняйте на себя. Пощады не ждите. Но не только это. Ассортимент товаров надо расширить. Атакуйте облторг, центросоюз, промкооперацию. Где будут отказывать — подключайте райисполком. И чтобы в нашей торговой сети появились такие «редкостные» предметы, как грабли, косы, лопаты, топоры, бруски...

— Труднейшее дело, доложу вам. Не хотят работники промышленности учитывать запросы колхозных масс.

— Меньше громких слов, Пухов. Связывайтесь с Ветлужском, Москвой, соседними областями, толкайтесь в местную промышленность. Условливаемся, Пухов,— месяц, два — вот вам срок.

Пухов торопливо записывал, хлопал глазами, вздыхал, потом, встав со стула, торжественно проговорил:

— Михаил Сергеевич, заверяю вас, как нашего главного руководителя, костьми ляжем...

— Костьми ложиться не нужно, но срок забывать не советую...

— Эх, если бы всегда торговле такое внимание было, мы бы тогда...

Курганов поморщился, прервал Пухова и продолжал свою мысль:

— И займитесь ворами и жуликами. Я не принадлежу к тем, кто всех работников торговли стрижет под одну гребенку. Но проходимцев за прилавками терпеть не будем. И еще к вам просьба...

— Пожалуйста, Михаил Сергеевич.

— Был я у Бел-камня. Ну, товарищи дорогие. Такие изумительные места, красота какая, а руки приложить никто не хочет. Лыжная база — скорее курятник, а не база.

— Ну, это не по нашей части. Есть же комитет физкультуры.

— Комсомольцы рвутся своими силами построить павильон, а лесу достать не могут.

— У нас лесу тоже нет,— торопливо проговорил Пухов.

— Но у вас на складе лежит десять сборных домов. Вот вы бы и отдали парочку ребятам.

— А откуда вы это узнали?

— Порядок дела не портит, однако...

— Не могу отдать, Михаил Сергеевич. Резерв.

— Чей? Что за резерв?

— Районного руководства.

— Районного руководства? Ничего не понимаю. Зачем он районному руководству?

Пухов замялся.

— Ну мало ли зачем. Понадобится.

— Сколько времени лежат эти дома?

— Три или четыре года.

— Бить вас некому. Резерв. Тоже мне хозяева. Такая ценность мертвым грузом лежит.— Курганов нажал кнопку звонка. Когда Вера вошла, мягко, но коротко бросил:— Родникову к телефону.

Пока соединяли с райкомом комсомола, Курганов молчал. Его собеседник тоже помалкивал. Раздался приглушенный звонок, Курганов взял трубку.

— Товарищ Родникова? Здравствуйте. Вот у меня в кабинете товарищ Пухов. Он согласен отдать вам для базы на Бел-камне два сборных дома. И еще один он поставит для своих нужд. Да, да. Обещает быстренько открыть кафе или в крайнем случае буфет с горячим кофе. Ну, благодарите не меня, а фирму «Приозерский райторг». Да, да. И еще вот к вам какая просьба. Свяжитесь с Антониной Михайловной Никольской. Да, да. Директор школы. Они очень интересное дело затевают. Ребят будут готовить к работе в колхозах. Отряды хотят организовать. Инициатива очень нужная, ее нам надо всячески поддержать. Обязательно поддержать.— И, положив трубку, спросил:— Вы все поняли, Пухов?

— Все, как на ладони.

— Желаю успеха.

Уходя, Пухов, как бы между прочим, проговорил:

— Совсем забыл спросить вас, Михаил Сергеевич, продукты будет сама хозяйка забирать или организовать доставку?

— Какие продукты?

— Ну всякие, какие понадобятся. Только дайте указания: как, куда, когда?

Глаза Курганова холодно блеснули под нахмуренными бровями.

— Указание вам следующее: закрытое распределение товаров, какие бы они ни были — мясо это или икра, шубы или туфли,— прекратить.

— Но позвольте...

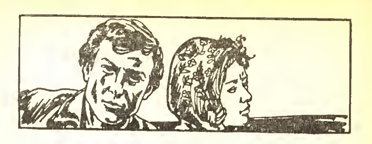
— Не позволю. Ни вам, ни себе, никому. И прошу иметь в виду, что есть вопросы, по которым не следует дожидаться повторных указаний. Ясно? Вы меня поняли?— этот вопрос

Курганова прозвучал так многообещающе, что Пухов ответил незамедлительно:

— Будьте спокойны. Все понял.

Из кабинета Пухов вышел, отдуваясь, вытирая пот своим огромным платком. Закрыв за собой дверь, он, ни к кому не обращаясь, со вздохом проговорил:

— Правду говорят — понедельник день тяжелый.



Глава 8

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ...

На Алешино опускался морозный вечер. Весь день вьюжило, теперь разведрило, и на небе проглянули темно-синие просветы с мерцающими россыпями звезд.

Скоро сумеречную тишину улицы нарушили переливистая трель гармоники и голоса молодежи.

Выйдя из дома, Василий Крылов остановился около калитки, прислушался. Любил он эти вечерние часы. Будь то ранней весной, когда удивительно пахнет оттаивающая земля и журчат ручьи, будь то летом, когда голову дурманят запахи волглых трав, или как сейчас, когда все спит под снегом и мороз пощипывает нос и щеки,— все равно, в любое время года вечера в родном Алешине, суматоха и кутерьма молодежных сборищ с их песнями, шутками, весельем для Василия всегда были полны обаяния.

В дальнем конце улицы зазвенел девичий голос: «Я на реченьку гляжу, в голубую даль, никому не расскажу про свою печаль...»

Василий прислушался, и радостная улыбка озарила лицо. Конечно же Зина, это ее голос. Он застегнул пиджак, поправил ушанку и зашагал по дороге.

...Позже, когда были перепеты все песни, а снег около правления колхоза стал от танцев твердый, как лед, и молодежь начала расходиться по домам, Василий, взяв Зину Корягину за руку, тихо сказал:

— Посидим немного.

Они поднялись на крыльцо детского сада. Дом этот стоял посреди деревни, на небольшом взгорье, и казалось, что через дома и огороды он вглядывается в далекие заснеженные поля и перелески. Когда-то он принадлежал первому деревенскому богатею Курмыцкому.

Большое крыльцо с тонкими витыми столбами и затейливым кружевным козырьком выходило в сад, обнесенный высоким палисадником. Василий перчаткой смахнул снег со ступенек и усадил Зину. Потом быстро заглянул в ее большие серые глаза. Сегодня они были опять грустные.

— Ты что, Зинуша?

— Да так,— Зина плотнее закуталась в шаль, проговорила:— Опять был разговор с отцом...

...Василий и Зина дружили давно. Еще когда бегали в начальную школу, деревенские мальчишки дразнили их «женихом и невестой»... Посмеивались и взрослые. С годами дружба перешла в любовь... Но свадьбы пока не предвиделось. И причиной этому были крупные нелады между Василием Крыловым и отцом Зины — Степаном Кирилловичем Корягиным, председателем колхоза. Характер у Корягина был суровый, властный. Он не раз во всеуслышание заявлял, что в Алешине представляет всех — и партию, и Советскую власть...

Крылов и его товарищи порой никак не могли понять своего председателя. Им было, например, совершенно непонятно, как Корягин мог решиться изменить норму высева пшеницы? Оказалось, он хотел сэкономить и иметь резерв зерна. Что же касается будущего урожая, он рассуждал просто: авось повезет. Не всегда ведь вымокали посевы. Ну разве это хозяйский подход к делу? Комсомольцы возмущались и по такому поводу: осенью, хотя колхоз и не выполнил план мясопоставок, два бычка были порешены для Праздника урожая. А история с поросятами? В Алешине была свиноводческая ферма, и ферма неплохая. Так вот, кое-кто из района и области повадился брать поросяток именно здесь. Породистые, гладкие, упитанные. Ребята шпыняли за это председателя при каждом удобном случае, а он огрызался, бранился, шумел.

Нет, не было взаимопонимания между комсомольцами и председателем алешинского колхоза.

Ни для кого не было секретом, что Степан Кириллович не одобряет дружбу своей дочери с Василием Крыловым.

— Вот что, Зинаида,— не раз говорил он ей.— Бросайка ты свои шашни с ним. Не нравится мне твой выбор.

Зина прекрасно понимала, что примирить двух таких разных людей, как Василий и отец, будет трудно.

Часто она с болью спрашивала:

— Ну почему тебе не нравится Василий?

— Горлопан это, а не парень. Пустой.

— Ты же не прав, отец. Разве он плохо работает?

— Работает! Глотку драть он мастер.

Дочь видела, что переспорить отца трудно, и прекращала разговор. Она полагалась на время, но время не помогало. К своему огорчению, Зина видела, что и Василий все больше проникается неприязнью к Степану Кирилловичу.

Зина узнала, что сегодня у них опять была стычка, и вышла на улицу удрученная.

Недавно под нехватку кормов колхоз выбил в районе изрядный куш концентратов. А через две недели от алешинских сараев ушло пять иногородних грузовиков, доверху навьюченных сеном. Крылов, возмущенный, пошел к Корягину.

— Нехорошо получается, Степан Кириллович.

— Ты это о чем?

— Да об истории с кормами и с сеном.

— Ну, помогли тулякам. Что же тут зазорного?

— Как-то неладно все это выглядит. Давайте на правлении разберемся.

— А в чем разбираться-то? Все в ажуре. И соседей выручили, и мы не в накладе. Не о себе ведь пекусь. Хозяйство вести — это, милый, не портками трясти, так в народе-то говорят? Усекай, комсомол, учись, пока я жив.

Но не только об этом был спор у Корягина с Крыловым.

...Несколько лет назад в Алешине был организован пункт «Заготзерна». В закромах колхоза хранилось около тысячи центнеров государственной ржи. И теперь поступило распоряжение начать переброску зерна на элеватор.

Как только начали вывозку, в колхозе пошли разговоры, что хлеб сильно отсырел. Василий Крылов, услышав об этом, вспомнил, что несколько дней назад видел колхозные амбары открытыми. Стояла оттепель, шел мокрый снег с дождем, и Василий удивился тогда — зачем в такую погоду открывать амбары? Теперь он понимал, почему это было сделано.

Василий пошел к крайнему амбару и насыпал полведра ржи. Серовато-коричневые зерна были влажны и покрыты мельчайшими каплями — будто росой.

— В чем дело? — спросил Корягин, увидя Крылова, входящего в правление с ведром.

— Нельзя такое зерно отправлять, Степан Кириллович.

— А что, я за пазухой высушу тысячу-то центнеров?

— Не надо было увлажнять...

— Что ты городишь? Кто его увлажнял?

— Кто приказал открыть амбары в такую слякоть?

Корягин не предполагал, что вся его хитрость, давно задуманная и, казалось, так ловко осуществленная, будет просто и безошибочно раскрыта. А ведь как все было продумано! Верные тридцать — сорок центнеров осталось бы в колхозных амбарах.

Корягин встал из-за стола, подошел к Василию.

— Ну чего ты мечешься? Давай разберемся.

Корягин говорил долго, мягко, рассудительно. Выходило, что никто не хотел увлажнять зерна. Бросил мельком и такую фразу, что ничего плохого не будет, если колхоз, скажем, получит какие-то там отходы. Это ведь сущие крохи. Не себе в карман прочит Корягин это зерно.

Василий понял, что его хотят уговорить, и он суховато повторил:

— Надо проветрить амбары, благо погода сухая. Потом уж вывозить.

— Совсем ошалел,— зло бросил Корягин.— Свои инструкции оставь при себе.

— Степан Кириллович, вы прекрасно понимаете, чем все кончится. И знаете, что надо сделать.

— Ну, а раз я знаю, так и не лезь со своими советами. Молод еще.

— Смотрите. Я вас предупредил.

Вечером Степан Кириллович говорил с дочерью. Разговор вышел крутой, тяжелый и неприятный.

Зина слушала отца и мучительно, лихорадочно думала. Она опять то оправдывала его, то становилась на сторону Василия. Но все чаще и чаще спрашивала себя: «Почему, в самом деле, Василий взъелся на отца? За что его так ненавидит?»

...Зина сидела мрачная, нахмурив брови, обхватив руками колени. Он попытался осторожно привлечь ее к себе, но она отчужденно отодвинулась.

— Я не думала, Василий, что ты... такой. Зачем это тебе? Зачем? Перед кем ты выслуживаешься?

Василий удивленно, ошарашенно спросил:

— Зина, что ты говоришь?

Она порывисто встала и сбежала с крыльца. Поднялся и Василий.

— Провожать не надо.

Василий постоял с минуту, затем вышел за калитку. Зина на ходу быстро завязывала шаль и ни разу не обернулась.

Механически, бездумно он пришел домой и долго бесцельно бродил по комнате.

В голову приходили самые разнообразные мысли. «А может, я не прав? Почему все-таки мы никак не можем договориться с Корягиным? Почему все чаще и чаще стали спорить с Зиной? Может, дело во мне? Может, я что-то не так понимаю?» Василий вдруг отчетливо представил себе, что вот он явился к Корягину и признал свою неправоту. Что последует за этим? «А последует вот что, дорогой товарищ Крылов. Опять в правление будут наведываться какие-то темные личности, опять из Алешина на базар потянутся ночные обозы. Пожалуй, кое-кто будет доволен. Доходы-то обязательно вырастут. И колхозники вновь будут сидеть на собраниях молча, отводя друг от друга глаза, будто связанные круговой порукой». Мысль услужливо рисовала Василию картины его капитуляции. Он представил себе, как сникли бы ребята, как пропал бы их задор. А колхозники! Они здоровались бы с ним, с комитетчиками не так, как сейчас,— кто приветливо, кто сухо, но все с уважением. Нет, встречали бы с обидным, холодным безразличием.

И еще картина. Вот Василий в доме Корягина. Хозяйские повелительные нотки в голосе Степана Кирилловича, когда он хвастливо наставляет его, как вести дела, субботние и воскресные «чаепития», начинающиеся с водки и кончающиеся ею же.

Год-два, а потом и он, Василий Крылов, будет так же крякать после выпитой чарки, так же будет лосниться его лицо, и так же, как и тесть, он будет хитро мудрить над тем, как выгоднее жить...

Нет, Зинаида Степановна, это не для нас.

...Комитет комсомола собрался вечером в читальном зале клуба. Часам к семи все ребята были на месте. Задержался лишь сам Василий. Он зашел в правление колхоза, чтобы пригласить на заседание комитета Корягина.

Зашедшая в правление колхозница сказала Василию:

— Велел сказать, что не придет к вам, некогда ему.

— Ну что будем делать? — спросил Василий комитетчиков.

— Как что? Сегодня же сообщить в райком.
— Он-то уверен, что мы только попугаем его...
— Ну и пусть надеется.
Зина сидела, опустив голову, не глядя на товарищей. Когда ее попросили, чтобы она сказала свое мнение, Зина даже не подняла головы:
— Не знаю.
...Комитет комсомола поручил Василию Крылову утром выехать в Приозерск и доложить райкому партии о случае с зерном...
С комитета Зина ушла первой. Вслед ей дружно раздалось:
— Зинуша, возьми батьку в оборот... пусть одумается...
Проходя мимо Василия, она встретилась с ним взглядом и тотчас отвернулась.
— А ведь ей очень тяжело, ребята,— проговорил кто-то

Глава 9

ПИТОМЕЦ ТИМИРЯЗЕВКИ

Сгущались сумерки зимнего вечера. В холодном, аспидно-черном небе одна за другой загорались далекие голубоватые звезды. Снег скрипел под ногами, предвещая крепкий мороз.

Нина Родникова торопливо шла домой. День сегодня выдался беспокойный, хлопотливый, она устала, а сейчас еще донимал холод. Хотелось поскорей оказаться в теплой, натопленной комнате, выпить горячего-горячего чая, а потом, устроившись около горячей печки, взяться за книжку. Сегодня Нина купила в райкомовском киоске томик Леонида Андреева, и ей не терпелось полистать его, перечитать любимые рассказы.

Она уже хотела подняться на крыльцо, как ее окликнул Удачин. Нина остановилась.

Виктор Викторович, видимо, спешил — дышал учащенно, говорил чуть сбивчиво.

— И бежите же вы... Что так торопитесь?

— Холодно! — И Нина выдохнула клубистую сизоватую струю.— Видите? Совсем промерзла, пойду пить чай.

— А меня угостить не собираетесь?

— Отчего же,— несколько замявшись, ответила Нина.— Зайдите.

— Спасибо, Нина. Так тяжко на душе. Хоть вы поймите.

— Случилось что-нибудь? Ну идемте, дома расскажете.

...Отношения между Удачиным и Ниной Родниковой давно уже были предметом глухих разговоров в Приозерске.

Началось это еще в первые дни после приезда Нины в район. Как-то в хмурый осенний день Удачин возвращался из Ветлужска. На шоссе, километрах в тридцати от Приозерска, стоял автобус — с ним, видимо, что-то случилось, и пассажиры толпились около, терпеливо дожидаясь, пока шофер починит поломку. Когда «эмка» Удачина, обходя автобус, чуть уменьшила ход, к ней устремилось несколько человек. Виктор Викторович сразу заметил Родникову. Она стояла поодаль, на бровке шоссе, не обращая внимания на машину и кутерьму около нее.

Костя Бубенцов тоже заметил девушку. Он обменялся взглядом с Удачиным, сразу понял его и объявил нетерпеливым пассажирам:

— Граждане, мы подвезем вот эту гражданочку, она с вещами. Так что уж извините нас.— Он выскочил из машины и предложил:

— Пожалуйста, гражданочка,— и подхватил чемодан, не особенно дожидаясь согласия Нины. Потом подошел к какой-то старушке, сидевшей на своих узлах, помог и ей забраться в автомобиль.

Когда машина тронулась, Удачин повернулся к спутницам и шутливо-строго спросил:

— Ну, пассажирки, рассказывайте, кто такие и куда путь держите?

Виктору Викторовичу было под сорок, но цветущее здоровье, подвижная натура, вечные хлопотливые поездки по району сохранили ему моложавый облик.

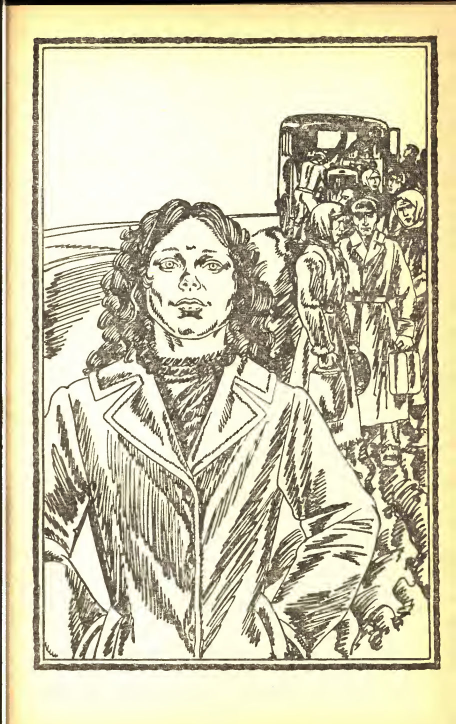
Нина Родникова ему понравилась сразу. Молодое, чуть подрумяненное смущением лицо, серые мягкие глаза, пышные каштановые волосы. Виктор Викторович оживленно переговаривался с нею, расспрашивая об учебе, о товарищах, о ее планах. Усиленно хвалил район. Он так оживился, что даже старушка, что до сих пор тихо сидела в уголке, и та увлеклась разговором и стала вторить восторженной хвале родным местам. Шофер тоже нет-нет да и вставлял свое слово.

Нина ехала и думала, что ей удивительно везет последнее время. В самом деле, по окончании Тимирязевской академии послали, куда хотелось — в родное Приозерье. Ребята устроили замечательные проводы. Наконец, эта встреча.

Подъехали к Приозерску. Удачин спросил Нину:

— Где вы решили остановиться?

Нина замялась.



— Не знаю, право. Заеду в райзо. А потом до своей Березовки буду добираться.

— Ну, в райзо сейчас никого нет. И в Березовку тоже поздно. Давай, Костя, к Северьяновне. Это наш Дом приезжих,— объяснил он Родниковой.

Щеголеватую «эмку» Удачина знали все, и потому, как только машина подъехала к Дому приезжих, у подъезда их встретила подвижная черноглазая женщина, радушно приглашая зайти обогреться.

— Нет, Северьяновна, спасибо, мы-то к вам по пути. А вот товарища Родникову примите как следует.— И Виктор Викторович подал руку Нине.

Утром в райзо Нине предложили остаться в аппарате. Она отказалась и выпросила назначение в левобережный куст, там был нужен агроном, да и к Березовке было поближе.

Впоследствии Удачин несколько раз приезжал в колхозы куста, всегда находил какие-то вопросы к Нине, подолгу говорил с ней, старался побыть на ее участках.

Втайне от Нины он добился ее перевода в аппарат райзо. Как ни упиралась, как ни просила она оставить ее поближе к живому делу,— ничто не помогло. Пришлось перебираться в Приозерск.

Вскоре после перевода Нины в город Удачин позвонил ей и пригласил в райком. Разговор вышел непринужденный, простой, Виктора Викторовича интересовали данные по пропашным культурам, и Нина подобрала все, что было можно. Потом пошли вместе с другими работниками райкома в клуб — на какой-то вечер. Сам он быстро ушел с него, Нина же, любившая танцевать, осталась. А когда возвращалась домой, Удачин, видимо, случайно встретил ее вновь, и они долго ходили по заснеженным улицам городка.

Виктор Викторович, прощаясь, задержал руку Нины и, вглядываясь в лицо, спросил:

— Заходите, Нина Семеновна, заходите. И мне разрешите иногда звякнуть. Хорошо?

Нине показалось, что говорит он как-то многозначительно.

Придя домой, она долго не могла уснуть. Какое-то смутное чувство тревоги возникло в душе. И причиной его были встречи с Удачиным. В самом деле, почему происходят они? Зачем? Женским инстинктом она чувствовала, что Виктор Викторович неравнодушен к ней. Это было видно по многим еле уловимым деталям — по его минутному смуще-

нию при встречах, по повышенной энергичности в ее присутствии. И ей было приятно, что такой человек — видный, авторитетный, которого знал весь район,— как-то меняется от ее взгляда. Но затем радость, уходила, ее отгоняли мысли о семье Виктора Викторовича...

Людмилу Петровну Удачину Нине показали на каком-то собрании в клубе. Скромно одетая, невысокого роста женщина, просто державшаяся с людьми. Нина, когда увидела ее, невольно смутилась, но потом упрекнула себя: «А что мне краснеть и смущаться? Почему?»

В первые месяцы пребывания Нины в Приозерске, когда Удачин звонил и предлагал ей «побродить по улицам», Нина не отказывалась. Она уже успела немного привыкнуть к ласковому, уверенному голосу Виктора Викторовича, к его дружеским советам и заботам. «А что, собственно, особенного? — думала Нина.— Почему бы и не пройтись?» Виктор Викторович вел себя спокойно, дружески. Много спорили, смеялись, обоим было легко.

Но в один из вечеров Виктор Викторович долго говорил о себе, а потом вдруг признался Нине, что она ему самый близкий человек. Говорил взволнованно, горячо, сбивчиво. Чувствовалось, что разговор ему дается не легко.

Потом он обеспокоенно спрашивал, почему она молчит, ничего не отвечает ему, и вновь повторял свою неуверенную, несвязную речь.

Самые противоречивые мысли клубились в голове Нины, смятенные чувства наполняли сердце. «Зачем он это? Почему? Разве я дала повод?» Но затем подумалось по-другому: «А чему ты удивляешься? Ведь ты чувствовала, знала, что так будет, видела приближение этого разговора...»

Но, боже мой, как мало отклика чувствовала она в своем сердце на взволнованные слова Удачина. Сейчас она поняла, что нет у нее ничего к Виктору Викторовичу, ровным счетом ничего. Правда, ее тянуло к нему, чего-то не хватало, когда она отказывалась от встреч. Но то была, видимо, просто общность интересов, чувство товарищества, естественное стремление человека к дружескому слову, общению. Но чувства, взволнованного, трепетного,— его не было. Нине захотелось как-то смягчить ответ, чтобы не обидеть Удачина.

А Виктор Викторович, не поняв ее состояния, продолжал развивать свои мысли.

— Я думаю, Ниночка, ты не из тех, кто живет пред-

рассудками, всего боится, озабочен только тем, что о нем скажут и что подумают знакомые, соседи или сослуживцы. Такие взгляды давно сданы в архив, они остались только в романах классиков.

— Вы что же, за полную свободу нравов?

— Я против того, чтобы советский человек был рабом условностей.

Нина заговорила тихо, задумчиво, как бы вглядываясь в себя.

— Спасибо вам, Виктор Викторович. Большое спасибо за все, но вы для меня — товарищ, друг. И нам не надо больше говорить об этом. Ну зачем все это? Поймите — не надо, честное слово.— Последние фразы Нина произнесла несвязно, глухо, нервно и вдруг заплакала.

Удачин, удивленный, стал ее успокаивать.

— Что с тобой, Нинок? Почему слезы?

А что она могла сказать ему? Она и сама не знала, почему ей так грустно, тоскливо и тяжело. Удачин был раздосадован, удивлен. Человек не очень твердых моральных правил, имевший и мимолетные встречи, и короткие романы, он не думал, что эта худенькая девушка с небрежной челкой каштановых волос прикует его мысли, свяжет волю, заставит думать о ней, и только о ней.

Отказ Нины лишь вначале обескуражил Виктора Викторовича. «Еще не привыкла, да и пересудов боится,— думал он.— Ну, ничего, положимся на время». И он попрежнему осторожно, но настойчиво искал встреч с Ниной. И даже разговоры, которые время от времени возникали о них в Приозерске, не останавливали его.

Нина, перейдя в райзо, сначала работала в инспекторской группе, но ее тянуло ближе к своей специальности — к пропашным культурам. Вскоре в этом секторе освободилась должность агронома, и она попросилась туда. Вот теперь это было ее любимое дело, и Нина, старательная, трудолюбивая по натуре, стала дотошно, внимательно изучать состояние пропашных в Приозерье.

Несколько недель подряд по вечерам Родникова рылась в архивах райзо, разыскала сводные планы района за десять и пятнадцать лет, просмотрела многие десятки папок с отчетами, актами, докладными записками, проштудировала не одну сотню различных таблиц и сводок. Ей хотелось выяснить, как выглядел посевной клин пропашных в районе за последние годы, как складывалась урожайность — спад наблюдался или рост? Какие сорта картофеля, капусты

прижились в колхозах? И вот кропотливая работа подошла к концу. Тысячи прочитанных бумаг, сотни перелистанных пыльных папок, бесконечные вереницы просмотренных цифр — все уложилось на небольшом ватманском листе. Две линии — черная и зеленая — пересекли клетчатую поверхность листа, стремительно уйдя вниз, по самую низкую клетку. Пропашные культуры медленно, но верно выживались с приозерских полей. Год от года сужался клин, снижались урожаи, земли отвоевывали другие культуры. Картофеля приозерские колхозники несколько лет назад собирали в среднем по сто пятьдесят — сто шестьдесят центнеров с гектара, а сейчас средний урожай по району сто, от силы сто двадцать! Резко снизился также урожай капусты, свеклы, моркови. Поздние сроки сева, случайный семенной материал, небрежная обработка почвы, что создавало полное раздолье сорнякам,— вот это и предопределяло низкие урожаи.

Утром она пошла к Ключареву — заведующему райзо и молча положила на стол свою таблицу. Тот удивился, исподлобья поглядел на молодого агронома.

— Что за картинка?

— Картина, показывающая, как мы из года в год сужаем пропашной клин.

— Ну и что?

— Как что? Колхозы-то беднеют.

— Посевные планы нам спускает, как известно, область. Так что мы с вами, так сказать, сбоку припека,— отрезал он.

— Да что вы такое говорите, товарищ Ключарев? Ведь наше Приозерье всегда славилось картофелем, капустой, луком, морковью. А по картофелю — так нам не было равных. Такие сорта, как «ранняя роза» и «эпрон», лучше нас никто не выращивал. На ранних овощах многие наши колхозы богатели. А вы говорите — область, облзо. Если они не так планируют посевные задания, то это безобразие.

Ключарев удивленно таращил глаза на Нину и молчал. Наивная непримиримость агронома Родниковой буквально лишила его дара речи.

— П-позвольте. А вы-то, собственно, тут при чем? Вам то что за дело до этого? Скажите, какой специалист нашелся. В области сидят люди, не хуже нас с вами понимающие, что к чему.

Нина встала со стула. Чуть прищурясь (это всегда было признаком ее гнева), посмотрела на Ключарева:

— Извините меня, но вы рассуждаете, как чиновник, как бюрократ.

— Что? Как? Вы это кому сказали?

Но Нины уже не было в кабинете.

Она решила не отступать и пошла в райком, к Удачину. Виктор Викторович слушал ее долго, казалось, внимательно, иногда что-то помечал в своем блокноте. А сам пристально глядел на Нину. Девушка решила, что это серьезное внимание к ее словам, к делу, с которым она пришла. Но когда кончила, удивилась, Виктора Викторович вдруг проговорил:

— А вы знаете, Нина, мы решили вас перевести на другую работу.

— Меня? На другую работу? Почему?

— Вчера вечером бюро райкома партии решило рекомендовать вас секретарем райкома комсомола.

— Меня?

— Да, вас.

— Но как же? Почему? Я же агроном. И совсем не знаю комсомольскую работу.

— Как это не знаете? В академии-то вы довольно активно работали в комсомоле. И комсорг курса, и член комитета. Да и у нас вы не последняя фигура в комсомольской организации. Член бюро райкома. Верно ведь?

— Все это так. Но я хочу работать по специальности.

Виктор Викторович встал, подошел к Нине, положил ей руку на плечо. Нина встала, осторожно высвободилась и, чуть отойдя от Удачина, насупленно ждала, что он скажет.

Удачин, стараясь говорить мягче, заметил:

— Мой вам совет: возражения оставьте. Они никого не убедят.

— Да почему никто не спросил моего согласия? Никто даже не поговорил?

— Вот я и говорю. По поручению бюро. Разве этого мало? Ведь работа в райкоме, с молодежью — она же очень тесно связана с селом.

— Хорошо. Я подумаю. А как ваше мнение по этому вопросу? — Нина указала на рулон ватмана.

Удачин развернул таблицу, долго глядел на нее, затем молча вернул Нине.

— Вопрос, конечно, заслуживающий внимания. Но понимаете, боюсь, что несвоевременный. План этого года уже

сверстан. Ни семян, ни свободных площадей. Потом как-нибудь подумаем.

Нина аккуратно свернула чертежи, пристально посмотрела на Удачина, чуть заметно улыбнулась:

— Удивительное совпадение мыслей, хоть говорите другими словами.

— У кого? — не поняв, спросил Удачин.

— У вас и Ключарева.

— А разве это плохо?

— Не знаю. Я-то по наивности думала, что помогу вам этим. Думала и думаю сейчас, что пропашные для нашего района — это то звено, за которое надо бы ухватиться.

Удачин выслушал ее, не возражая, а затем, скупо улыбнувшись, проговорил:

— Завтра я жду, Нина Семеновна, ваш ответ о новой работе.

Будучи уже секретарем райкома комсомола, Нина завела разговор о пропашных с Барановым. Баранов слушал Нину молча, терпеливо, не перебивая. Про себя же думал: «Вот есть же люди. То ли по земле они ходят, то ли в облаках витают — не поймешь. Агроном, рассудительная и не глупая, за дела в комсомоле вроде хорошо взялась, а реального понимания жизни нет. Неужели не понимает, что нам не до ее проектов да прожектов? Район хромает на обе ноги, а она в фантазии ударяется». И Баранов так подытожил их разговор:

— Хорошо, мы подумаем. Обязательно подумаем.

Больше сказать Родниковой у него так ничего и не нашлось.

Нина решила написать письмо в обком партии. Целую неделю она размышляла, сомневалась. Потом целую неделю писала. Ответа ждала с нетерпением. Ждала неделю, месяц, два. А его все не было.

«Видно, я ничего не понимаю... Или что-то другое. А может, просто затерялось где-нибудь мое послание?»

Но письму, однако, затеряться не дали.

Когда Курганов перед своим отъездом в Приозерск был на беседе у Заградина, тот сказал ему:

— В сельхозотделе подобраны наиболее характерные письма из Приозерского района. Почитай их. Особенно внимательно посмотри письмо агронома Родниковой. Его в архиве недавно нашли. Письмо, по-моему, толковое. Женщина, видимо, хорошо знает район. Статистика у нее за

целых двадцать лет. Обязательно прочти и разыщи самого автора.

Нине Родниковой, разумеется, было приятно, что Курганов начал знакомство с ней с этого письма в обком, читал и перечитывал его, был согласен с многими ее мыслями и предложениями.

— Расширение пропашного клина? Правильно. Принимаем. Картофель, капуста, огурцы, помидоры — все надо ввести в права гражданства. Все правильно, и все принимаем. Но этого мало. Нам надо думать о том, чтобы поднять урожаи и зерновых и пропашных. Надо вводить в севооборот кукурузу, чумизу, горох, бобы, осваивать агротехнику. Без нее мы будем топтаться на месте. Имейте в виду, что вам над всеми этими делами придется основательно потрудиться.

— Мне? Почему? Я ведь сейчас на другой работе.

— А я именно об этой работе и говорю. Молодежь, молодежь должна браться за эти дела. С задором. С настоящим комсомольским огоньком.

— Молодежь у нас замечательная.

— Знаю. С такими ребятами, как, например, в Голубеве и Алешине, горы свернуть можно.

— А как же посевной план года? Семена?

— Если будем ждать сложа руки — ничего не будет. Если будем воевать — что-нибудь да отвоюем. Так что давайте воевать. Согласны?

— Конечно, согласна. Я думаю, с такой программой все согласятся.

— Все, говорите? — Курганов выжидающе смотрел на Нину.

— Нет, не все.

— Именно не все. И тем не менее воевать будем. Обязательно будем. И комсомолу первые ряды. Идет?

— Идет, Михаил Сергеевич,— в тон ему, чуть задорно, но с полной серьезностью ответила Родникова и встала со стула.

А потом пошла хлопотная, суматошная, но чертовски интересная жизнь. Курганов никогда ничего не забывал и, раз дав поручение, обязательно спрашивал за него, и спрашивал всерьез, без скидок.

В хлопотах и заботах, в постоянной беготне по Приозерску и в поездках по району Нина стала все реже вспоминать Виктора Викторовича.

Сегодняшняя их встреча на морозной пустынной улице

вызвала у Нины какое-то чувство досады. Ей не хотелось, чтобы Удачин заходил к ней, но она не сочла себя вправе отказать ему в этом.

— Вот что я тебе скажу, дорогая Нина Семеновна, не нравится мне твой вид. Не нравится.

— Чем же?

— Скучная, грустная, бледная. И мы должны из этого сделать выводы. Должны тебя развеселить.

— Да нет, вы ошибаетесь, Виктор Викторович. Честное слово, ошибаетесь.

— Удачин, между прочим, ошибается довольно редко. Прошу это иметь в виду.— И с этими словами достал из кармана куртки бутылку портвейна.

Нина села ближе к печке, грела руки в волнах теплого воздуха, задумчиво смотрела в трепещущее пламя. Да, встреча с Удачиным ее почему-то расстроила. Это было странно. Ведь еще недавно ее тянуло к нему, их прогулки по вечерним улицам Приозерска были приятны, волновали. Она чувствовала тогда себя как-то спокойно, уверенно и немного приподнято. Было и еще одно чувство — гордость. «Смотри, Нинка, Удачин и тот перед тобой не устоял»,— думала она иногда. Но теперь все было иначе. Правда, Нина и сейчас еще испытывала перед Удачиным чувство какой-то робости, и сегодня, когда вошли в эту комнату и Виктор Викторович взял ее руки в свои, у Нины чуть дрогнуло сердце, приятное волнение прошло по телу. Но длилось это одно мгновение. Эти ощущения вновь сменило какое-то беспокойное чувство. Она поймала себя на мысли о том, что было бы лучше, если бы Виктор Викторович ушел.

Нина, с трудом оторвавшись от своих мыслей, проговорила:

— Будем чаевничать?

— Ну нет, дорогая Нина Семеновна, не только чаю, а и вина выпьем. А что? Разве мы не имеем права выпить хоть раз?

Нина пожала плечами. Она была смущена и не знала, как вести себя. Чувствуя, что веселость гостя наигранная, что смутно у него на душе, она не хотела оскорбить его слишком явной холодностью, оттолкнуть подчеркнутым безразличием. Что-то мешало, а что, она и сама не понимала. Мысли от волнения немножко путались.

— За что же мы выпьем? — все так же бодрясь, спросил Удачин.— Давайте знаете за что? За испорченные ав-

тобусы и за неисправные дороги. Ведь если бы дорога к Приозерью была тогда хорошая, то не сломался бы автобус и не высадил бы пассажиров. А раз так, то я не встретил бы в один из осенних дней Нину Семеновну Родникову. Вот так.

— Ну, велика беда. Не встретили бы на шоссе — так увиделись бы в Приозерске или в колхозах.

— Колхозов много, агрономов тоже не мало. И в жизни так легко могли бы разминуться... А потом, ведь не каждая встреча входит в душу,— сказал Удачин, в упор глядя на Нину.

Видя, что Нина лишь притронулась к рюмке, Удачин шумно запротестовал:

— Ну, нет, так дело не пойдет. Прошу, прошу. И даже просто-напросто обязываю. В порядке партийной дисциплины.

Выпив еще две или три рюмки, Удачин помрачнел, вдруг потерял интерес ко всяким другим темам разговора, кроме как о Курганове. Видимо, очень больно ранил этого человека приезд Михаила Сергеевича в Приозерье.

— Чем же все-таки покорил вас, Нина Семеновна, Курганов? Чем? — вновь уже в который раз спрашивал Удачин.

— Ну, слово «покорил» не подходит. А руководитель, по-моему, это настоящий.

Удачина глубоко уязвили эти слова Нины о Курганове.

— А мне он не нравится.— Виктор Викторович задумчиво и мрачно смотрел на струйку пара, бегущую из конфорки, вертел на скатерти рюмку с портвейном.— Не нравится, и все. Уж очень рьяно берется за все, очень самоуверенно. Без сомнений, без раздумий. И главное — все на эффект, на впечатление бьет. Красуется, как павлин. Экскурсия на Бел-камень, походы по магазинам, по школам... За большую фигуру себя выдает. В вождя играет... Говорит-то, слышала, как? Можно подумать, что только истины изрекает.

— Да что вы, Виктор Викторович! Я слышала и видела, как он говорит с людьми. Какая там игра в кого-то. Я думаю, он и в мыслях этого не имеет. По-моему, вы просто не объективны и рассержены.

— Хотите сказать, что обида глаза застлала?

— Во всяком случае, Курганов не такой.

— Не знаю, не знаю. Поглядим — увидим,— глухо согласился Удачин и замолчал.

Потом он поднял голову и долго-долго смотрел на Ни-

ну. В желтоватом отблеске света бронзовели волнистые пряди волос, тяжелые пушистые ресницы чуть прикрывали серые задумчивые глаза, голубая кофточка плотно обтягивала грудь.

«Опять я в свои районные дрязги ударился,— подумал Удачин.— Очень ей это нужно». Он выпил еще и настойчиво угощал Нину. Она выпила тоже. Вино ей понравилось. Выпила еще. Терпкий сладковатый вкус долго еще стоял у нее во рту, а все тело наполнилось ощущением какого-то легкого воздушного тепла.

Потом Удачин пел под гитару. И хоть голос у него был не ахти какой, пел он с чувством, душевно. И песни помнил хорошие, волнующие.

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Теплых и ласковых встреч...

Нина тоже подпевала тихо, вполголоса. Ее смутное, тревожное настроение рассеялось, на сердце было спокойно и даже весело. Может, от двух или трех рюмок портвейна, может, от оранжево-желтого трепетного огня в печке, может, от таких наивных, но удивительно волнующих слов песни...

— А вы, оказывается, хорошо поете, душевно. Я и не знала.

— А вы многого не знаете, Нина Семеновна.

— Например?

Удачин положил гитару на стулья около окна, сел совсем рядом с Ниной и после длительной паузы ответил:

— Не знаешь, например, что мне очень трудно без тебя. Понимаешь, очень трудно... Люблю я тебя, понимаешь, люблю. Тянет меня к тебе так, что справиться, совладать с собой никак не могу. С женой говорю — тебя вижу, смотрю на улицу, идет какая-нибудь дивчина, а мне ты кажешься, во сне тоже только ты грезишься. В общем, взяла ты в плен Удачина, да и все тут. Хоть казни, хоть милуй.

Говорил Удачин горячо, глухо, торопливо. Нина вспомнила такой же его сбивчивый, взволнованный разговор, который произошел несколько месяцев назад. Ей сделалось почему-то неловко за свою холодность к Виктору Викторовичу. «Может, действительно мучается, а я с ним как снежная королева. Ну, а что же делать? Ведь нет же в сердце ничего. Ну, ничего, кроме какого-то грустного чувства со-

жаления». О чем? Она и сама этого не знала. Нина задумалась, хотела высвободить свои руки из рук Виктора Викторовича, но не сделала этого.

А Удачин волновался все больше, говорил все торопливей и горячей. Он уж и сам верил в то, что говорил.

Когда руки Нины после робкой попытки высвободиться доверчиво остались в его руках, Виктор Викторович торопливо и крепко обнял ее, умоляюще хрипло зашептал:

— Нина, Ниночка, Нинок, дорогая моя...— Он жарко дышал ей в лицо, жадно ловил ее губы, а руки торопливо, лихорадочно, но привычно рыскали по упругому телу.

Нина отворачивала от него пылающее лицо, тщетно отталкивала мягкие сноровистые руки.

— Вы с ума сошли, оставьте меня, что вы делаете?!

Но Удачин уже ничего не видел и ничего не слышал... Он лишь бессвязно повторял одно и то же:

— Я останусь здесь... С тобой останусь...

...Потом он, отойдя к окну, курил долго, жадно, глубоко затягиваясь. Через некоторое время, услышав глухие всхлипывания Нины, заговорил:

— Нинок, ну что ты? Зачем эти слезы? Мы же любим друг друга. Верно? А раз так, то и плакать нечего. Хочешь, я и на самом деле здесь, у тебя, останусь? Правда, завтра разговоров не оберешься. Языки, конечно, начнут чесать... Любителей таких сенсаций у нас много...

Он вновь направился к дивану. Нина, будто подброшенная пружиной, вскочила на ноги и, отбежав в угол к окну, глухо, сквозь слезы проговорила:

— Уходите, сейчас же уходите.

Удачин подошел к ней.

— Но, Ниночка, зачем же так? Мы же теперь, можно сказать, свои.

В голосе, помимо его воли, слышались самодовольные, победные, чуть покровительственные нотки.

— Если вы сейчас же не уйдете, я позову хозяйку, людей позову,— уже с угрозой и без слез сказала Нина.

— Нина, но послушай...

— Ненавижу вас. О, как я вас ненавижу!

Удачин отошел от нее, пожал плечами, оскорбленно проговорил:

— Ну что ж. Спасибо за откровенность. В таком случае, мне ничего другого не остается, как действительно уйти.

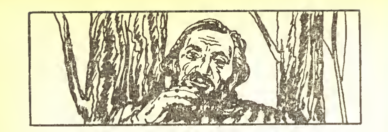
Собирался он молча. Затем, остановившись в дверях, проговорил:

— Я ухожу. Но хочу дать один совет. Будь разумной и волну не поднимай. Кроме конфуза, ничего не добьешься.

— Да уходите вы в конце концов. Уходите же...

И, бросившись на диван, закрыв лицо руками, Нина громко, навзрыд заплакала.

Удачин торопливо закрыл за собой дверь...



Глава 10

НЕ КАЖДЫЙ ПОДАРОК К СЕРДЦУ

Курганов позвал Веру и предупредил, что сегодня вечером он в райкоме не будет — встречает семью. Вера всполошилась:

— Что же вы, Михаил Сергеевич, ничего не сказали? Ведь, наверное, дома-то у вас и не прибрано и не протоплено. Да и кушать, наверное, ничего не подготовлено. А потом, как же вы их с вокзала-то повезете? Ведь грузовик или пикап понадобится, а вечером где вы его найдете?

— Думаешь, не найдем? — озабоченно спросил он.— А такси? Ведь у нас же их целых пять в районе. А?

— Да, но когда приходят поезда, они нарасхват.

— Ну, ничего, что-нибудь придумаем.

Опасения Веры были, однако, напрасны. Благодаря расторопности и дружеским связям с шоферами Косте довольно легко удалось забронировать полуторку. Поезд прибыл без опозданий. Вот и шестой вагон. На подножке стояла кургановская «команда». Первым спрыгнул Миша, Курганов-младший, как звали его в семье. В руке он держал большую связку книг, а под мышкой — сибирского кота Макса. Коту было явно неудобно. Его пушистый хвост доставал почти до земли, а задние лапы то и дело царапали валенки парня. Но Макс сидел смирно и даже закрыл глаза, как бы говоря: «Ничего не поделаешь, надо мириться с временными неудобствами...»

Миша-маленький бросился к отцу на шею. И книжки и кот полетели на снег. Макс сначала удивленно посмотрел на своего кумира, не понимая, в чем дело. Потом, узнав Курганова-старшего, задрал хвост и стал тереться о его чесанки.

Елена Павловна заботливо-тревожно вглядывалась в лицо Михаила Сергеевича, пытаясь уловить: изменился ли он? Похудел или поправился? «Похудел, здорово похудел и пожелтел»,— заметила она и, поцеловав мужа, тревожно спросила:

— Ты что, болен?

— Откуда ты взяла? Ничуть.

— Ничуть. А вид-то, вид-то каков?

— Вид? Вид нормальный. Это освещение здесь такое мрачное.

Михаил Сергеевич и Костя стали вытаскивать из купе вещи. Миша тоже суетился, пытаясь помочь. Скоро они все вместе, гуськом направились на площадь, где стояла машина.

— А куда же ты своего приятеля дел?

— Макса? Вон идет,— показал рукой Миша. И верно, Макс степенно шел сзади Миши, ни на шаг не отставая от него.

Машина остановилась в конце улицы.

— Ну вот и наши хоромы,— проговорил Курганов, показывая Елене Павловне и сыну небольшой домик, весь скрытый за густыми кустами, запушенными снегом.— Недурно, верно?

Костя усмехнулся, хотел что-то сказать, но, встретив прищуренный взгляд Курганова, поспешил замолчать.

Дом, где жил прежний секретарь райкома Баранов,— большое двухэтажное здание с пристройками, сарайчиками, верандами, разными клетушками и погребами,— стоял за высоким забором на берегу озера. Огромный сад и огород были старательно разделаны райкомовскими сторожами. Несмотря на свою страсть к различным сельскохозяйственным опытам и наблюдениям, занимать этот дом и сад Михаил Сергеевич отказался.

— Велик. Зачем такая махина?

А тут еще вспомнился разговор с Никольской о помещении для районной библиотеки. И судьба райкомовского особняка была решена.

Домик же, что подобрали Курганову, по размерам не шел в сравнение с секретарским особняком.

Две просторные комнаты, прихожая, кухня, небольшой, но густо заросший сад, обнесенный палисадником,— вот и все, но он с первого же взгляда понравился Елене Павловне. Миша пока молчал. Но когда отец сводил его на заднее крыльцо и показал заснеженный огород с кус-

тами смородины, крыжовника и малины и спуск, круто обрывающийся у реки,— Миша также вполне одобрил выбор отца.

— А Елена Павловна уже расставляла вещи. Совсем по-домашнему за тонкой перегородкой кухни слышался стук кастрюль, чугунков, тарелок. Макс терся около хозяйки и подхалимски поглядывал на нее. Его раскосые зеленые глаза недвусмысленно напоминали, что пора ужинать.

Послышались какая-то возня и голоса со двора. Елена Павловна пошла туда.

Михаил Сергеевич и Миша стояли около небольшого хлевочка, обнесенного свежевыструганными жердями, с тонким еловым штакетником и любовались двумя поросятами. Поросята были пухлые, упитанные, бело-розовые, будто только что сошедшие с рекламных картинок. Двор был хорошо утеплен, и чувствовали они себя здесь совсем привольно. Миша уже окрестил их какими-то невероятными именами и чесал то одного, то другого. Поросята, безмятежно привалившись к стенке хлева, блаженно хрюкали.

— Чьи же это животины? — наглядевшись на поросят, спросил Курганов Костю.

— Как чьи? Ваши, Михаил Сергеевич.

— Нет, я серьезно спрашиваю. Видимо, прежние хозяева оставили?

— Говорю вам, Михаил Сергеевич, ваши свинушки. Сегодня утречком привез. Самолично. Подарок вам на обзаведение хозяйством.

— Подарок? Мне? От кого же?

— Из Алешина, от тамошнего председателя Корягина. Хрюшки — первый сорт. Мы ведь кое-что понимаем,— Костя проговорил это с гордостью.

— Да, да, это видно.

Курганов больше ничего не сказал и пошел в дом. Вернулся он к этому разговору только через час, когда они с Мишей разобрали все вещи, а Костя подробно проинструктировал Елену Павловну, в каких магазинах что продают, какие цены на продукты на базаре и о чем судачат сегодня и будут судачить завтра приозерские хозяйки.

— Так из Алешина?

— Что? — не понял Костя.

— Поросята-то.

— Да, да. Оттуда.

— А кто тебя посылал туда?

— Товарищ Ключарев. Езжай, говорит, к Корягину, он в курсе, директивы спущены... Да вы не беспокойтесь,— увидя мрачное выражение лица Курганова, поспешил успокоить Костя.— Все в ажуре, и даже кормежка им обеспечена...

— И сколько же их было?

— Кого?

— Ну, поросят, поросят сколько было?

— Шесть штук.

— А где же остальные?

— Товарищу Удачину и Мякотину, как полагается...

— Так, так. Значит, по паре всему начальству?

— Да. Основному, так сказать, руководству.

— Дела...— задумчиво протянул Курганов.— Дела-а-а...— Потом, в упор взглянув на Костю, резко произнес:— Вот что, товарищ Бубенцов. Поросят грузите в машину и сейчас же отправляйтесь в Алешино. Утром мне лично доложите, как довезли и кому их сдали. Ясно? А впредь, если привезете из колхоза хоть щепку, хоть огурец,— работать в райкоме не будете. Ясно?

Костя растерянно смотрел на гневное лицо Курганова, мял в руках шапку и старался понять, что произошло.

— Миша, Михаил Сергеевич,— мягко вмешалась Елена Павловна,— может, завтра? Ведь ночь на дворе.

— Нет, не завтра, а сегодня. Сейчас. Немедленно.

Костя поспешил согласиться.

— Ясно, Михаил Сергеевич. Слетаю мигом.

...Скоро во дворе раздались недовольное, злое хрюканье разбуженных поросят, их приглушенные визги. Чтобы не поднимать шума, Костя закутывал орущие рыла полой полушубка.

— Да молчите вы, окаянные,— зло шипел он, устраивая корзину с поросятами на заднее сиденье.— В легковой машине поедете, понимать должны. Из-за вас вон сколько километров придется отмахать. И неизвестно еще, чем кончится данная эпопея.

Поросята, будто вняв гневным увещеваниям шофера, успокоились.

Скоро машина выехала из ворот. Костя оглянулся на окна, как бы ожидая — не передумал ли Курганов, не остановит ли его? Но нет. В окне вырисовывался силуэт Курганова, склонившегося над столом. Михаил Сергеевич толковал о чем-то с сыном. Костя остервенело нажал на педали,

и «Победа» рванулась вперед, взвихрив клубы сыпучего сухого снега.

...История с поросятами заставила Курганова задуматься. Что это, случай? Обычное подхалимство или хуже? Ведь совсем недавно было решение Центрального комитета партии и правительства об охране колхозной собственности. Что, его здесь не знают, что ли? Или это попытка приручить нового секретаря? Но поросят-то прислали и новому и старому, да и председателю тоже. Значит, первый испуг после постановления прошел, и хапуги да дельцы снова взялись за свои дела?

Утром, придя в райком, Курганов попросил вызвать к телефону Корягина. Тот уже по ночному визиту райкомовского шофера почувствовал — что-то случилось. Он долго выспрашивал Костю, почему новый секретарь обратно прислал поросят? Что за причина? Что велел передать? Но толком от него так ничего и не добился. Когда в правлении раздался требовательный телефонный звонок, Корягин подумал: «Ну, начинается».

Голос Курганова был спокоен. Он вежливо и даже приветливо, как показалось Корягину, поздоровался с ним.

«Может, пронесет?» — подумал Степан Кириллович. Курганов спрашивал о семенах, о завозе удобрений, о договоре с МТС... А потом вдруг будто выстрелил:

— А теперь объясните-ка, что это вы за подарок мне прислали?

«Может, поросята не понравились? — мелькнула вдруг у Корягина мысль.— Так это же легко поправить...»

— А что, Михаил Сергеевич, не потрафили?

— Да, да. Именно не потрафили. Всю ночь думал, а так и не догадался, за какие заслуги наградили?

— За будущие дела, Михаил Сергеевич. От всей души. От всей колхозной общественности.

— Так, так.

— Ну да. А как же? Не имей сто рублей, как говорится...

Корягин несколько успокоился и опрометчиво перешел на шутливо-игривый тон. Курганов со вздохом и плохо скрытым презрением вдруг произнес:

— Да, видимо, правду мне говорили, что вы в махинациях увязли, как паук в тенетах. Приезжайте-ка в райком...

Услышав эти слова, Корягин вдруг немощно, болезненно пробормотал:

— Болен я, Михаил Сергеевич. Болен.

— Что с вами?

— Ни дохнуть, ни охнуть. Радикулит проклятый. Замучился.

— Ну что же? Приедете, как выздоровеете.

— Есть, товарищ секретарь.

Курганов, не попрощавшись, положил трубку и вызвал Костю.

— Вы Корягина видели?

— А как же? Все сделано, как было приказано.

— Он что, больной?

— Кто? Корягин? — удивился Костя.— Как жеребчик, вокруг меня бегал. Все выспрашивал — отчего да почему вам поросята не понравились. Был вполне здоров.

...Курганов, как это всегда бывало с ним, нащупав что-то большое и важное, проникся нервно-возбужденным настроением.

Весь этот и следующий день он занимался только этим делом, но ясности, однако, не прибавилось. В райкоме все считали, что с соблюдением Устава сельхозартели порядок наведен. В райзо были уверены, что все, что было взято в колхозах,— возвращено. И даже показали Курганову официальный отчет, что посылали в область. Выглядел он солидно, убедительно. Каких-либо новых данных не имелось. Прокурор района, Никодимов, даже удивился:

— У нас никаких сигналов нет, товарищ Курганов. А раз нет криминала, сами понимаете — вмешиваться прокуратуре нельзя.

Курганов позвонил в редакцию газеты. К телефону долго никто не подходил, затем раздался недовольный голос:

— Что нужно?

— А кто у телефона? — поинтересовался Курганов.

— У телефона Олег Звонов.

— А кто это — Олег Звонов?

— Ну, товарищ, если вы не знаете, кто Олег Звонов, то нам говорить трудно.

Курганов невозмутимо ответил:

— Давайте все-таки попробуем. Моя фамилия Курганов. Я секретарь райкома партии.

Олег, будто мяч, подскочил с кресла, где до этого сидел развалясь, и скороговоркой застрочил:

— Слушаю вас, товарищ Курганов. Внимательно слушаю ваши указания.

— Тогда просьба к вам: подберите все письма и мате-

риалы, какие есть в редакции, о нарушителях колхозного устава... О любителях колхозной свинины, гусятины, колхозных кур, уток и прочей живности...

Олег Звонов, а по паспорту Иван Морковин,— был глубоко убежден, что давным-давно перерос районный масштаб. Он был высок ростом, худ, носил длинные, под «служителя муз» волосы. На лице постоянная томность, скука, этакая снисходительность ко всему, что двигалось, ходило, существовало вокруг него. Весь его вид как бы говорил: «Раз вы хотите, чтобы я жил на этой грешной планете, раз мир не может обойтись без Олега Звонова, я, так и быть, выполню эту обязанность, но понять меня, понять — это, знаете ли, вряд ли удастся...» При этом его зеленые с коричневыми крапинками глаза утомленно щурились, редкие, но старательно подбритые усы под хрящеватым носом скорбно опускались вниз. Олега тянуло к «руководящим», как муху на мед. Он всеми силами старался быть там, где бывали Баранов или Удачин.

Вот и теперь, получив такое ответственное задание от самого первого секретаря, Звонов не пощадил ни своего нового костюма, ни умопомрачительной рубашки (сегодня он собирался на танцы).

Чихая от пыли, он лихорадочно перебирал папки, гремел дверками шкафов и ящиками столов, свалил две чернильницы, но скоро уже шагал по коридору к Курганову, неся под мышкой толстую папку писем, гранок, оттисков, сверстанных полос.

— Олег Звонов явился с материалами согласно вашему указанию.

Курганов, взяв из рук Олега пухлую папку, сначала читал спокойно, потом лицо его медленно начало розоветь, а скоро Михаил Сергеевич встал и взволнованно зашагал по кабинету, не выпуская из рук какого-то листка.

— Скажите, какова судьба вот этого письма?

— Какого, товарищ секретарь?

— Из Бугров. Тут речь идет о поросятах и о птице.

— Мы получили ответ из райзо, что меры приняты.

— Какие меры? Поросята-то где?

— Поросята? Не знаю, право. Но ответ мы получили.

— Ответ-то вы получили, а поросята где? Преобразованы в отбивные или хрюкают у кого-нибудь на даче? Нет, это невероятно, просто невероятно.— Курганов помолчал и затем, взяв из папки следующее письмо, продолжал:— А вот здесь речь идет о целом стаде уток и гусей. Из кол-

хоза имени Чапаева пишут. Пошло стадо утром на озеро. Скоро туда же двинулась легковая машина и полуторка. А вечером домой стадо вернулось наполовину меньшим. Это уже просто грабеж.

Олег пожал плечами.

— Может, охотники за диких приняли?

— Спокойствия вам, я гляжу, не занимать. Вы растили когда-нибудь птицу? Знаете, что это такое?

— Нет, конечно, не растил. Но как журналист, разумеется, сталкивался. Ну там с курями, утками.

— Вот оно и видно, что только сталкивались. И, наверное, больше всего за обеденным столом. Вырастили бы сами сотню-другую этих самых курей, тогда бы знали, что это такое.

— Это вы правильно заметили. Я очеркист, литератор. И курей, конечно, не растил. Но мнение свое, конечно, имею. И по этим проблемам в том числе. И очень хорошо, что у нас приняты очистительные, так сказать, радикальные меры...

Курганов вопросительно посмотрел на Звонова. Тот ни на секунду не отвел взгляда и, видя, что Курганов заинтересовался его словами, продолжал:

— Можно к вам, товарищ Курганов, обратиться с просьбой?

— С просьбой? Пожалуйста. В чем дело?

— Когда будете выезжать в район, прихватывайте меня.

— А что, разве в редакции нет транспорта?

— Есть, но желал бы сопутствовать лично...

— Сопутствовать? Чепуха какая.— Писать надо вот о чем, товарищ литератор,— и Курганов приподнял и обратно положил на стол пухлую редакционную папку.

— Понимаю,— торопливо согласился Олег.— Мы сделаем выводы. Обязательно. Я передам все полученные указания ответственному редактору.

Курганов вновь посмотрел на Звонова. «Может, пояс-ничает? Шута разыгрывает?» Но нет, Звонов говорил с полной серьезностью.

Беседа с районными работниками как будто успокоила Курганова, прочитав же письма, что принес ему Звонов, Михаил Сергеевич встревожился еще больше.

На следующий день в райком было приглашено человек двадцать руководящих работников района. Причина вызова не была сообщена, и в приемной приглашенные

оживленно переговаривались между собой. В кабинете у Курганова в это время сидели Удачин и Мякотин. Здесь, судя по возбужденным лицам, разговор шел горячий.

— Что же у нас делается? Оказывается, кое-кто по-прежнему пасется у колхозного добра. Ну, стали осторожнее, тащат не так нагло и открыто, но ведь тащат. В райзо полное спокойствие, суют мне благополучную сводку под нос, прокурор заявляет, что он не видит криминала, редакция все сигналы под спуд кладет. А мы? Что же райком? Объясните вы мне, бога ради, почему у нас такое спокойствие? — Помолчав, Курганов продолжал:— Вы думаете, случайно нам поросят подбросили? Нет. Значит, у товарища Корягина совесть не чиста, вот он и хотел связать нам руки: куда, мол, они денутся, раз сами у колхозного пирога поживились? Нам надо сделать так, чтобы все — понимаете? — все поняли: тот, кто обирает колхоз,— наш враг. Да, да. Самый настоящий враг, с которым надо бороться.

— А что делать с поросятами? — спросил Мякотин.

— А вы разве их не отправили обратно?

— Нет, пока нет.

— Вернуть немедленно. Я не понимаю, почему вы не сделали этого раньше.

— Мы не придали этим хрюшкам столь важного политического значения,— с сарказмом ответил Удачин. Курганов поднял на него глаза, спокойно заметил:

— И зря не придали.— Затем суховато проговорил:— Я пригласил группу актива. Надо проверить, что делается в колхозах. Пусть основательно посмотрят, разберутся.

Удачин и Мякотин молчали.

Это совещание уполномоченных райкома было на редкость коротким. Курганов говорил резко, озабоченно.

— Задача ваша, товарищи, вот какая. Надо внимательнейшим образом посмотреть, как выполняется решение Центрального Комитета партии и Совета Министров о соблюдении колхозного устава. У нас имеются сведения, что выполняется оно в некоторых колхозах плохо. Есть еще, оказывается, деятели, которые любят колхозную свининку, любят уточек, и гусей, и другую живность. Этих гастрономов мы должны найти. Найти и разоблачить.

В наступившей тишине раздался голос Озерова:

— Товарищ Курганов, а как быть тем товарищам, которые сами любят поросятинку с хренком? Которые сами

кое-что имеют из колхозной живности? Как им-то ехать с таким заданием в колхозы?

— Отвечу на ваш вопрос, товарищ Озеров. Партия предупредила всех — не трогайте колхозное добро. И дала возможность исправить допущенные ошибки. Кто этого не сделал, пусть сделает сейчас, пока еще не поздно. Ну, а упрямым мы напомним, что такое партийная дисциплина...

После совещания в кабинет Удачина зашли Мякотин, Никодимов и еще несколько районных работников. Все молчали. Удачин зло спросил:

— Ну что молчите? Говорите, зачем пришли.

— Посоветоваться надо, Виктор Викторович. Дело-то ведь не шуточное,— озабоченно проговорил Никодимов, худой, высокий, с вечно хмурым лицом.

— Да, шутки кончились,— съязвил Удачин.

— Вот дома шуму будет, если возвращать скотину придется,— протяжно произнес Мякотин.— Не приведи боже...

— Круто берет товарищ Курганов, ничего не скажешь. Как бы не поскользнулся...— Удачин проговорил это ни на кого не глядя, отвечая каким-то своим мыслям.

— Хоть посоветовался бы. Так нет, куда там, все сам,— с озлоблением пробурчал Никодимов.

Мякотин поморщился.

— Не о том говорите. Характер у нового крутоват. Это верно. Да сейчас это дело пятое. Что делать, вот о чем следует толковать.

Все вопросительно глядели на Удачина, а он сидел молчаливый, злой, тяжело облокотившись на покрытый зеленым сукном стол. Наконец, хмуро взглянув на собеседников, медленно проговорил:

— Надо вернуть колхозам скот.

— Виктор Викторович! Да вы что? — Никодимов вскочил со стула.— Я, например, за все уплатил, буквально за все. У меня все законно, все тютелька в тютельку. Чист по всем статьям.

Удачин нехотя взглянул на него и, чуть пожав плечами, проговорил:

— Сколько вы заплатили за телку? Гроши.

— А сколько бы ни было. Важен факт.

— Вот именно. И если ты хоть что-нибудь понимаешь в своих прокурорских делах, то должен знать, как этот факт обернется.

— Значит, возвращать? — упавшим голосом переспросил Мякотин.

— Ничего. Это на пользу,— ответил Удачин,— будете знать, что такое новая метла.

На совещании у Курганова некоторые районный работники почувствовали себя неважно, когда Озеров задал свой каверзный вопрос. Никодимов вспомнил о своей ласковой, глянцевитой телочке, что была год назад привезена ему Корягиным. Ключарев сразу представил себе, что будет с его многочисленным «табуном» уток и гусей, которые так хорошо откармливались на одном из колхозных прудов. А начальник райотдела милиции, любитель верховой езды, вспомнил, что его Метеор — трехлеток чистых кровей — имеет своей родиной колхоз «Октябрь»... Немалые основания для раздумий имели и Удачин с Мякотиным.

Нельзя сказать, что они выделялись из актива своими наклонностями к личному хозяйству. Нет, но светлого примера собой все же не являли. Иван Петрович Мякотин мог бы, конечно, заявить, что сам-то он категорически против всяких телок и поросят. Зачем они, собственно, ему? Но... чего не сделаешь, чтобы было спокойно дома? Потому-то и пришлось уступить настояниям жены. Правда, за телку он уплатил. Имея уже некоторый опыт, он быстренько перевел по почте и стоимость двух поросят, что прислал ему Корягин. Но видишь, как Курганов все поворачивает. Кто берет из колхоза — тот враг. Скажет тоже. Выходит, что он, Мякотин, всю жизнь отдавший организации колхозов,— их враг? Нет, товарищ Курганов, действительно вы того, крутовато берете. Скоро, однако, эти воинственные мысли прошли, сменились сомнением, и Мякотин не мог не признать, что Курганов прав, и стал нещадно упрекать себя:

— Зря послушал свою ведьму...

Когда он, сумрачный и злой, пришел домой, Вероника Григорьевна тревожно спросила:

— Что случилось? Неприятности?

— Скотину велено вернуть.

— Какую скотину?

— Самую обыкновенную — телку, что во дворе стоит. Поросят...

— Да ты что? Нашел чем шутить. Зорька уже вполне сложившаяся корова. А поросятам я скормила черт те сколько разной разности, а теперь вернуть?

— Да, вернуть. И чем скорее, тем лучше.

— Но ведь за них уплачено. Я спрашиваю тебя, уплачено?

— Допустим.

— Ну и все. Скорей я тебя в дом не пущу, чем отдам Зорьку.

— Меня ты можешь не пускать, но Зорьку все равно отдашь.

— Знать ничего не знаю, слышать ничего не хочу. А если ты такая тряпка, что не можешь отстоять какую-то паршивую коровенку, то грош тебе цена. Какой же ты, к черту, председатель?

— Боюсь, что так думаешь не только ты...— Иван Петрович замолчал и прошел в свою комнату.

Утром Мякотин (чуть ли не впервые в жизни) показал, что он, уж если на то пошло, все-таки хозяин в доме... Корова и поросята были отправлены по старым адресам. Все это поразило Веронику Григорьевну до такой степени, что она слегла.

Иначе прошло обсуждение этого вопроса в семье Удачиных. Людмила спокойно заявила, что раз нужно, то готова расстаться и с Пеструшкой, и поросячьим семейством, тем более что душа у нее к ним не лежит

Глава 11

ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ НЕ СРАЗУ...

Николай Озеров неделю отсутствовал в Приозерске — ездил в область на семинар. Вернулся только вчера и попал прямо на совещание к Курганову. Номер газеты готовился без него, а в нем шла целая полоса, посвященная итогам комсомольского рейда по торговым точкам. Материал был довольно резким и вызвал у Озерова сомнение — все ли в нем достоверно? Николай заглянул к комсомольцам. Здесь было шумно, весело, суматошно. Настроение приподнятое, воинственное. Редактор выложил ребятам свои сомнения, а они выложили перед ним еще целую кипу материалов. Озеров успокоился. Однако позже вечером, когда Николай уже собрался уходить из редакции, позвонил Удачин. Он предложил материалы рейда пока не публиковать, задержать. Легко сказать — задержать, когда тираж номера на выходе. Озеров долго не соглашался, но Удачин настойчиво повторил свое требование. Что было делать? Публиковать материалы, несмотря на запрет секретаря райкома? Он мог это сделать, но номер готовился без него, и глубокой убежденности в том, что поступить надо именно так, у Озерова не было. Он решил материалы рейда снять. С трудом подобрали подходящую замену из загона, скрипя сердце раскатали последний рулон бумаги, и уже под утро исправленный номер пошел в печать. Настроение у Озерова было скверное. Он злился и на себя, и на Удачина, и на всех работников редакции. Особенно его огорчил молоденький наборщик — Цыпкин, или Цыпа, как его все звали. Он стоял у кассы и, споро набирая какую-то заметку, словно не замечая Озерова, говорил:

— Конечно, чтобы такой материал опубликовать, ре-

дактору надо кое-что иметь. Например, характер. А такое у нас не водится.

Весь следующий день Озеров возился с материалами рейда. Перечитал все акты комсомольских постов, письма, что были в редакции, выписки из жалобных книг, вновь и вновь вчитывался в подборку, что снял с номера.

Да, материал резкий, но факты — никуда не денешься, они налицо. «Не понимаю, почему Удачин против? Зачем задержал публикацию? Придется пойти к Курганову. И к Удачину придется зайти»,— подумал Николай. Это было неприятно. Взаимоотношения редактора и второго секретаря райкома были натянутыми. Удачин то нещадно ругал газету, то вдруг начинал ею интересоваться до того, что читал планы номеров, гранки, полосы. Озерову такая опека не нравилась, и он не раз говорил об этом Удачину. Тот обещал как-нибудь вырвать время встретиться для подробной беседы, но встреча все откладывалась. Правда, особой потребности в ней Озеров, как и Удачин, тоже не испытывал.

Войдя в кабинет Виктора Викторовича, Николай по недовольному виду хозяина понял, что тот не в духе.

— Вы, товарищ Озеров, имейте в виду, что мы вам потакать не будем. Я, во всяком случае. Что-то там проверяете, что-то обследуете, что-то контролируете. Кто вам это поручал? Кто знает об этих ваших мероприятиях? Никто. Гробите наших виднейших работников района. И опять мы не в курсе. Вы что же, хотите стать выше районного комитета партии? Не выйдет, товарищ Озеров.

— Но послушайте, Виктор Викторович...

— Нет, уж вы послушайте, Николай Семенович, раз пришли. Перед нами гигантские задачи — вы должны быть набатом, зовущим колоколом, сиреной. Да. Сиреной. Звать трудящихся к борьбе.

Озеров удрученно думал: «Глухарь. Настоящий глухарь. Тот, когда поет, то любуется своим цоканьем и ничего не слышит. И этот так же...»

— Виктор Викторович, почему вы все-таки велели снять материал рейда? Может, у вас какие-то дополнительные сведения есть? Может быть, они опровергают итоги проверки?

Удачин резко повернулся в кресле, вперил свой взгляд в Озерова.

— Ну, если говорить точно, то категорических указаний я вам не давал. Я посоветовал отложить, подождать

И, думаю, имел на это право. Вы требуете объяснения. Хоть я и не обязан их давать, тем не менее скажу. Да, материалы легковесны, бездоказательны, не подтверждаются фактами. В них надо тщательно разобраться. И я это сделаю. Товарищ Курганов — человек у нас новый, ему это сделать пока трудно. Это сделаю я. И руководящий актив порочить не дам.

Озеров газетчиком был опытным. Он редактировал многотиражки на заводах, сотрудничал в областной печати. И дела у него везде шли неплохо. Но вот здесь, в Приозерске, он никак не мог попасть в тон. Секретари райкома его невзлюбили с первых же дней. Почему? Этого, пожалуй, не смогли бы сразу сказать ни Баранов, ни Удачин, ни сам Озеров. Зато актив района относился к нему хорошо. Ровный, спокойный характер, уважительное отношение к мнению других сразу подкупали людей. А одна особенность этого молчаливого, сдержанного человека бросалась в глаза и была предметом шуток и добродушных насмешек товарищей: Озеров был до крайности застенчив. Это свое качество он хорошо знал и старался побороть. Но получалось это пока плохо. Работал Озеров много, дело нравилось, и все-таки газета не получалась — о делах района говорилось вяло, тускло. Сначала, правда, появлялись более или менее резкие выступления, но итогом их были укоризненные взгляды руководящих лиц, а то и обстоятельный разговор у одного из секретарей райкома о «необходимости знать обстановку в районе».

Озеров не боялся этих бесед, не пугали его и укоризненные взгляды, но все же они настораживали его, сдерживали, порождали неуверенность в своей правоте. Ведь район-то он действительно пока знал слабо. Да и прав был Баранов, когда говорил, что отставание района с селом требует от газеты не истерических выкриков, а глубоко продуманного освещения жизни колхозов, причин отставания. С этим нельзя было не согласиться.

Особенно ухудшились отношения с райкомом после резкого выступления Озерова на районной партконференции.

Баранов и Удачин по-своему оценили это выступление:

— Редактор-то, оказывается, того... демагог, критикан...

И потом не раз судили да рядили, как быть. Не плохо было бы иметь работника посильнее, говорил то Удачин, то Баранов. Но поставить, однако, этот вопрос в обкоме не ус-

пели, подоспели другие события, и стало не до Озерова.

В кабинет Михаила Сергеевича Озеров вошел огорченный беседой со вторым секретарем.

— Здравствуйте, здравствуйте. Садитесь,— ровно проговорил Курганов.— Перелистал я подшивку «Голоса колхозника». Не нравится мне наша газета,— сказал он.

— Не нравится? Почему же?

— Знаете, только виньеточек да голубков не хватает. Когда ее читаю, невольно вспоминаю слова какой-то песни: «Тихо и плавно качаясь...»

Озеров молчал.

Курганов чуть обеспокоенно спросил:

— Вы не согласны со мной?

— Сегодня вот хотели ударить по торговле — не дали. Получили указание — материал снять.

— Чье указание?

— Товарища Удачина.

— Редактор-то вы, а не Удачин.

— Я возражал.

— Значит, плохо возражали. Но самое слабое место газеты — село.

— Более половины материалов в каждом номере о селе...

— Дело не в количестве, а в том, какие вопросы брать под обстрел, на что нацеливать людей. Вы были вчера на совещании, слышали, какие дела творятся с уставом? Кстати, куда вы едете?

— В Алешино.

— Вот, вот. Оттуда тоже сигналы есть, и очень тревожные. Даже мне успели подарок прислать. Очень добрый там председатель.

— Корягин? Делец. Его у нас все знают,— заметил Озеров.

— Но дело не только в Алешине. А разве в других колхозах нет таких фактов? Есть. И письма об этом есть. В том числе и у вас в редакции.

— Есть, Михаил Сергеевич. Есть.

— Почему же вы их держите в папках? Почему молчите?

Сигналов о нарушениях Устава сельхозартели в редакции было действительно немало, и Озеров, как-то подобрав целую пачку писем, пошел с ними к Удачину. Там был и Мякотин. Оба внимательно слушали, сокрушались, возмущались, но посоветовали не очень рьяно выступать по

этим вопросам, потому что меры уже принимаются, колхозам возвращено много скота, птицы, денег.

«Ну подумай сам,— внушал ему то один, то другой.— Зачем шуметь? Чтобы взбудоражить обывательские толки? Разве в этом задача?»

И все-таки Озеров опубликовал несколько материалов. Но их просто замолчали. Видя, что выступление газеты осталось незамеченным, Озеров пошел к Баранову. В ответ неопределенное: «Разберемся». И еще одно замечание, как бы между прочим: «Нельзя видеть нарушителей устава только среди руководителей, не тот берете крен. Смотрите глубже». Озеров подобрал наиболее яркие факты и послал в областную газету фельетон. Но оттуда даже не последовало ответа. Вот тогда-то он и подумал: «А может, прав Баранов? Может, действительно не туда бьем?»

Слова Курганова оторвали его от этих воспоминаний.

— Надо воевать против таких явлений, воевать. Если материалы верны, то почему вы их маринуете? Что, боязно? Так боязливым за такие острые участки, как газета, не надо браться. И еще. У нас есть пока люди, которые хотят легко жить. Надо обрушиваться на них. Всеми силами. Мы очень слабо разъясняем один из наших основных законов — кто не работает, то не ест. Порой у нас получается так, что кто не работает — тот ест даже лучше... Затем по самодурству надо бить. Много у нас этаких князьков развелось. Я председатель — что хочу, то и ворочу. Показывать таких... Всему честному народу. За пропаганду агротехники беритесь. Да как следует. Плохо с этим делом у нас.

Курганов говорил не спеша, обдумывая каждую фразу. Озеров торопливо записывал.

— Вы поймите, товарищ Озеров, что надо вздыбить весь район, все силы поднять. Спят люди, будить их надо. Разуверились они. В колхозных делах разуверились. Надо их веру возродить. И все это надо делать не откладывая, а сейчас... Как видите, дел много...

Когда разговор подошел к концу, Озеров спросил:

— Михаил Сергеевич, а как быть с торговцами? С материалами рейда?

— А что тут неясного? Там у нас до черта безобразий. Воров и жулья развели — девать некуда. И комсомольцы молодцы, что проверили их. Это я им рейд посоветовал. Но коль у товарищей появились сомнения — проверьте все еще раз, разберитесь. Шельмовать честных людей

не надо, но и жуликам поблажки не давать. Вот и все

Когда Озеров вышел из кабинета, Курганов задумался Озеров ему определенно нравился, но из головы не выходили слова Удачина: «С ущербинкой человек...» «Приглядеться надо,— думал Михаил Сергеевич.— Обязательно приглядеться. Чем он там не понравился Удачину? Почему?»

...Возвращения Озерова от секретаря райкома ждали все работники редакции. Как только он вошел, его забросали вопросами:

— Что он сказал? Что ему не нравится? Как отозвался о газете?

— Говорит, что только голубков и виньеток не хватает.

— Это как понимать? Что он имеет в виду?

Вопросы сыпались один за другим, и Озеров поднял руки вверх, призывая свою немногочисленную аудиторию к молчанию. Но где, когда, какой газетчик может успокоиться, не узнав, что его интересует и занимает? Это бы противоречило законам, традициям, кодексу журналистской чести, если хотите. И Озеров, зная это, поспешил удовлетворить любопытство своих собратьев по перу.

— Сказал, что газета гладкая и спокойная.

— Вот это оценочка...

— Ну уж это слишком...

— Почему слишком? Верно.

— Почему верно?

— А почему не верно?

Замечание Курганова взбудоражило людей.

Нетерпеливо прервав кого-то из говоривших, аудиторией овладел Олег Звонов. Газетчики переглянулись между собой, кое-кто улыбнулся, но все затихли. По их лицам можно было видеть, что они ждут чего-то занятного.

На сегодняшнее внезапное совещание работников редакции Звонов пришел с опозданием. Но не в его характере было молчать, тем более что он услышал довольно странные высказывания. И то плохо, и это, и язык сух, и остроты нет, и «простыней» много. Это был, конечно, явный намек на его крупные работы — очерки, подвалы. Вот почему Олег сразу обрушился на выступавших.

— Что это вы тут расходились, господа сенаторы? Или Цезарь вдали от Рима? Что вам так не понравилось в нашем органе? Что вы так полощете его? Разве мы не жжем глаголом сердца людей? Разве не корчатся от наших критических стрел разные бюрократы и нерадивые руководи-

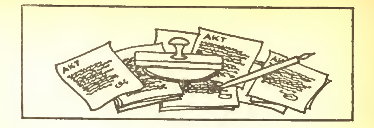
тели? — И пошел, и пошел...— Уж не так-то у нас плохо, черт возьми...— Речь Звонова, может быть, длилась бы и дольше, но кто-то, улучив короткую паузу, заметил:

— А вот товарищ Курганов говорит, что газета наша плохая.

Звонов поперхнулся, подумал самую малость и тут же продолжал:

— Знаю. В курсе. Был я у него. Толковали довольно подробно. И, конечно, товарищ Курганов, он смотрит в корень. Я с ним согласен. В основном и я то же говорю...

Раздался хохот. Звонов хотел продолжать, но все шумели, смеялись, и он сел, обиженный на всех и вся. Опять его не поняли...



Глава 12

ПОЕЗДКА С БОЛЬШИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

...Озеров приехал в Алешино в середине дня. Корягин встретил его радушно и сразу пригласил попить чайку.

— Что это вы так сразу, Корягин?

— Да ведь, поди, замерзли?

— Прозяб немножко, это верно, но чайку попьем все-таки попозже. Сначала потолкуем.

На вопросы Озерова Корягин отвечал охотно, уверенно, с готовностью, он уже был наслышан о совещании в райкоме и приезда уполномоченного ждал.

— Да, да, были грешки в прошлом, но ведь то было давно, теперь все в ажуре. Вот извольте, товарищ редактор,— и Корягин подвинул Озерову толстую книгу с аккуратно заполненными графами, с колонками цифр. Из них явствовало, что колхоз отпустил разным важным учреждениям и лицам трех коров, пять телок, пятнадцать поросят, тридцать штук птицы... Но здесь же стояли суммы оплаты, указывалось основание для выдачи скота: «По решению собрания колхозников от такого-то числа», «По решению правления, утвержденному собранием такого-то числа...».

— Значит, все эти выдачи разрешались самими колхозниками?

— А как же? Они хозяева. Мы-то ведь что? Только исполнители.

Озеров посмотрел на Корягина и ничего не сказал. Он долго листал объемистые папки документов, которые подкладывали ему Корягин и счетовод колхоза Пташкин, худенький остроносый человек в пенсне с тонкой серебряной цепочкой. Он за эти два или три часа не сказал ни слова и все только подкладывал и подкладывал разные папки

Корягину, а тот, цепко взглянув на них, передавал Озерову.

К вечеру Николай Озеров вышел из правления на улицу. Голова шла кругом, в мыслях была полная сумятица. Корягин, сопровождавший гостя, вновь настойчиво приглашал почаевничать. Озеров отказался. Что-то ему было не по себе от всей этой проверки, от нудного Пташкина, от его мгновенно опускающихся глаз, от назойливой услужливости Корягина.

— Так, значит, не хотите чайку? — еще раз спросил Степан Кириллович, останавливаясь около своего дома.

— Нет, нет, спасибо. Не буду вас беспокоить.

— Обижаете вы меня, но неволить не буду. Всего вам лучшего.

А чаю хотелось. Да и проголодался Озеров. Решил пойти в чайную.

Когда он вошел в зал, свободных мест почти не было. Недалеко от буфетной стойки за столиком сидели трое — двое уже пожилых мужчин и один совсем молодой парень. Они закусывали, о чем-то не спеша толковали. Чернявый, белозубый, похожий на цыгана говорил громко, часто улыбался и в такт своим словам решительно рубил рукой воздух. Другой, пожилой, говорил скупо и редко. А парень, что сидел с ними, поворачивал голову то к одному, то к другому и все хотел вставить свое слово, да не мог.

«Ну вот — и место свободное, и отличный случай потолковать с людьми, узнать, чем они живут, чем дышат. Каково действительное положение дел в колхозе?»

— Добрый вечер, товарищи. Можно к вам? Если, конечно, не помешаю? Стою, не знаю, где пристроиться.

Собеседники замялись, а потом чернявый добродушно проговорил:

— Садитесь, гостем будете, а пол-литра поставите — за хозяина сочтем.

— Пол-литра? — чуть озадаченно спросил Озеров.— Можно, конечно, и пол-литра...

Но от собеседников не скрылось его замешательство, и они рассмеялись. Молчавший до сих пор молодой парень проговорил:

— Да вы не пугайтесь, он шутит.

Тут уже задело Озерова.

— Ну, пугаться мне нечего. Такой расход по плечу.— И он быстро направился к буфету. Мужчины, несколько

обескураженные, молчали. Потом пожилой с упреком заметил чернявому:

— Зря ты так, может, у парня и денег-то кот наплакал, да и хватит нам. Выпили уж.

— Так я же пошутил.

— У каждого человека гордость есть.

— Ну ничего. Мы его тоже угостим,— и чернявый вытащил из своей холщовой, аккуратно завязанной сумки сверток с продуктами.

Николай вернулся к столу, неся на тарелке несколько рюмок с водкой.

— Раз так, значит, так,— и чернявый подвинул Николаю тарелку с колбасой и салом.

Озеров поднял рюмку:

— Что ж, со знакомством. Николай.

Мужчины назвали себя. Озеров спросил:

— В район или из района?

— Из района. А вы?

— Да вот до здешнего председателя.

— Какое-нибудь такое-этакое дельце?

— Да, именно.

Молодой парень, чуть насупясь, недовольно заметил:

— К Корягину посетителей — будто к попу на пасху. Вы, конечно, извините. Я это не про вас.

— Я понимаю.

— Умный, значит, хозяин, потому и идут. К дураку не пойдут,— проговорил пожилой.

— Хозяин, как же,— неопределенно и мрачно протянул парень.

— Теперь хозяйничать-то стало потруднее — за каждого поросенка или куренка ответ держи,— заметил Озеров.

Ему ответил чернявый:

— Тут главное в том, как исполком работает. Вот в чем вопрос.

— Какой исполком? — удивленно спросил Озеров.

— Вот этот,— широко усмехнувшись, разъяснил веселый собеседник и постучал себя по лбу. Озеров весело рассмеялся. Пожилой мужчина вдруг спросил:

— Не слышали, говорят, новый секретарь приехал в Приозерск. Здорово, говорят, подкручивает. Собрал все районное начальство и говорит: «Ну-ка, проверим, не обижает ли кто колхозы?» Да и посылает всех их, начальников-то, по деревням, проверять. Ну, многие, конечно, гото-

вы: дескать, хоть сейчас. А некоторым туго, на секретаря не смотрят. Прокурор вдруг животом замаялся, начальник райзо тоже заявил, что ему операцию делать самое время, грыжа одолела. А почему? Потому что несподручно ехать. Прокурор не одного порося съел, да еще и телку, говорят, прихватил. Поневоле животом замаешься, как к колхозникам-то ехать. Ну и некоторые другие по тем же причинам разные недуги почуяли.

— К нам тоже уполномоченный приехал. Поди, по этим же делам,— проговорил парень.

— Кто приехал-то?

— Озеров — редактор районный.

— А...— все так же весело протянул чернявый.— Корягин его в два счета обштопает. Нашему Кириллычу палец в рот не клади, сразу руки не будет.— Чернявый говорил так, что было трудно понять, то ли он осуждает Корягина, то ли восторгается им.

— Есть такая поговорка — как веревочке ни виться, а конца не миновать,— в раздумье заметил Озеров...— Ну как спрячешь, если, допустим, кому-то отпускали поросят? Ведь это не иголка. Верно?

— Верно-то оно, конечно, верно. Только не совсем. Поросята, они ведь тоже животина смертная. Многие того... допустим, будто душу богу отдали. По акту-то. А на самом деле прокурорских гостей ублажали... Или еще ход. Молочный поросенок — что он стоит? Или, допустим, трехмесячная чушка? Гроши. Ну, а если подкормить с полгода? Это уже порядочная свинья. Но взять-то, взять-то за нее можно как за молочного поросенка? В книгах же все тютелька в тютельку.

В сущности, Озеров должен был бы знать все эти нехитрые приемы жуликов и их покровителей. Да, он слышал о подобном, и не раз, но ему предстояло не только обнаружить эти комбинации, а и доказать.

Новые знакомые скоро распрощались и ушли, а молодой парень подсел к Озерову.

— Ночевать-то где думаете?

— Да советовали у Фоминой остановиться, говорят, хозяйка гостеприимная.

— У тетки Настасьи? У «последних известий»? Правильно.

— Как вы сказали? У «последних известий»? Почему?

— Да у нас так зовут ее. Пошли. Провожу вас до дома.

Фомина встретила Озерова ворчливо, но добродушно.

Это была крупная старуха с уверенным и спокойным выражением лица, с сухими узловатыми руками. Все — и ситцевое в горошек платье на ней, и дорожки на полу, и занавески на окнах, и скатерть на столе — все сияло чистотой и уютной опрятностью. Озеров, довольный, огляделся и еще раз стал извиняться за неожиданное и позднее вторжение.

— Да ладно уж, не извиняйся. Я привычная. Все начальство в моей горнице ночует, хоть и не любит этого наш председатель.

— Не любит? Почему же?

— Говорит, что в курс колхозных дел ввожу.

— А что же тут плохого? Ему же, Корягину, легче.

— Я тоже так думаю, а он не согласный. Чай пить будешь или уже пил?

— Пил, спасибо.

— Ну пил так пил. Хорошо. Тогда иди устраивайся на отдых.

Озеров хотел поподробнее поговорить с Фоминой, но видел, что из-за позднего времени хозяйка к разговору не расположена. Перемолвившись еще несколькими словами, он ушел в горницу и лег спать. «Утро вечера мудренее»,— подумал Озеров и не ошибся. Утром разговор затеялся сам собой.

— Ну как дела, мамаша? — бодро спросил он, сидя за завтраком.

— Это ты про какие дела меня спрашиваешь?

— Ну, про колхозные, конечно.

— Колхозные наши дела известные.

— Это верно. По району вы в отстающих не числитесь. Но...

— Что же это вам не по нраву у нас?

— Скажу, Настасья Фоминична. Скажу. Вот я сохранность имущества, живности разной проверяю и удивляюсь. Все в полном порядке. А ведь знаем — дарили и продавали. Далеко, значит, концы спрятали.

Настасья Фоминична долго молчала, сосредоточенно вглядываясь в широкие, белесые от частого мытья половицы, словно ожидая увидеть сквозь них что-то важное. Потом заговорила:

— Когда этот декрет вышел, ну, чтобы, значит, все колхозам вернуть, мы очень обрадовались. В самом деле, подумай, до чего дошли? Нахлебников-то около колхоза будто тараканов развелось. Ну и, значит, этот декрет от партии —

очень хороший декрет. Но ведь опять же правду говорит народная мудрость — дурная рука и золото в пустель превратить может. Оно, конечно, сейчас тише стало, куда тише. Того уже нет, чтобы мед, барашков да поросяток возами в район возили. Нет этого. Греха на душу брать не хочу, наговаривать не буду. Ну, а что отдали да продали, не вернуть, с воза упало — считай, пропало.

— Ну, а зачем отдавали, зачем решали? Вы же хозяева. Взяли бы да и проголосовали против.

— Проголосовали? А где проголосовать-то?

— Ну, на собрании.

— А у нас их года два как не было. Корягин-то наш хитрее хитрого. Прихожу я как-то к нему — сена мне надо было выписать для своей коровенки. Ну, пришла. Выписал. Все чинно, благородно. А потом спрашивает: «Бабуся, хочу я с тобой согласовать один вопросик. Прокурору нашему паршивенького поросеночка хотим снарядить. Иначе дело у промартели мы не высудим. Ты как, не супротив?» Я молчу, обдумываю, а он уже тараторит: «Ну, значит, согласная? Очень хорошо». Я и слова сказать не успела, он уж того, прощевай, говорит, Настасья Фоминична, заходи опять, когда понадобится... На днях правленцы все бегали по селу да подписи собирали. Ко мне тоже приходили. Подпиши, говорят, что дала свое согласие на продажу поросят, барашков, телок и другой животины. Только нет. Не на ту напали. Я-то, говорю, может, по глупости и была согласная, да вон центральная власть согласия не дает. А я, говорю, центральной-то власти слушаться привыкла. Как же, говорят, теперь быть? А так, говорю, как написано: пусть возвернут наше добро. Ну, потоптались они у меня в избе, потоптались да и ушли. Вечером встретились с Корягиным, он и говорит: «Ненадежный ты, Фоминична, элемент».— «Какая уж,— говорю,— есть».

И, заканчивая разговор, посоветовала Озерову:

— Ты, милок, к нашему комсомолу сходи, к Васятке Крылову. Ребята у нас шустрые. Они то и дело шпыняют председателя, чтобы, значит, вернуть все.

— Да, да. Я обязательно с ребятами повстречаюсь. С этого и день решил начать.

Комсомольцы обрадовались Озерову:

— Это хорошо, что вы у нас. Дела тут такие, что надо обязательно району вмешаться.

Ребята рассказали Николаю все, что их так волновало и тревожило...

Потом Озеров сходил в сельский Совет, потолковал с ветврачом, заглянул в школу. Позже пришел в правление. Он теперь довольно ясно представлял ту картину, которая крылась за аккуратно разграфленными страницами бухгалтерских книг. Требовалось лишь уточнить некоторые детали.

— У меня, Степан Кириллович, к вам всего два-три вопроса. Прежде всего прошу вас ответить: что стряслось с теми пятью поросятами, что пали этой осенью? И что с гусями? Я никак не разберусь. У вас указано, что облторгу отправлено десять гусят. А у меня есть сведения, что отправлены взрослые, так сказать, вполне оперившиеся гусыни и гусаки.

— Но ведь я вам показывал акты и все нужные документы.

— Да. Но акты заверены райветлечебницей, а не участковым ветеринаром.

— Ну, боже мой, какая разница? Ветеринар был в отъезде.

— Это точно?

— Да, конечно.

— Но я был сегодня у него. Он никуда не уезжал.

— Прямо-таки целое следствие,— зло выдохнул Корягин.— Что еще вы хотите?

— С гусями как?

— А что с гусями? Я вам говорю, да и из документов видно, отправлены гусята, а не гуси.

— Но неужели облторг гусят не мог найти без вашего колхоза? У него же под боком целая птицефабрика. И еще. Вам облторг уплатил переводом за трех бычков живым весом в сто пятьдесят килограммов. Заметьте — не каждый по сто пятьдесят, а все три дали такой вес. Но ведь они были годовички. И уж самый что ни на есть захудалый бычишка через год весить пятьдесят килограммов никак не может. Верно ведь?

— Не знаю. Лично их не взвешивал. Могу сказать одно — дрянные бычишки были, выбраковали мы их.

— Объясните еще мне, Степан Кириллович, такое. Вы утверждаете, что все эти чушки, телки и бычки и даже птица отпускались по решениям собраний. Верно?

— Да именно. Вам же протоколы показывали. Пташкин, дай сюда папку с протоколами.

— Не надо папку. Я смотрел ее. Но удивляет то, что

многие колхозники не помнят этих собраний. Правда, индивидуальные беседы на эти темы были, в памяти у них запали...

Корягин долго молчал, потом, сузив в гневе глаза, хрипло проговорил:

— Что еще, товарищ упал-намоченный?

— Еще? Ну, например, я бы хотел посмотреть решение о шести поросятах, что вы недавно отправляли руководителям района.

— А зачем вам бумажки смотреть? Вы самих свиней посмотрите — они на ферме пребывают.

— Что верно, то верно. Все они прибыли обратно. Но в этом вы не виноваты.

...Николай уехал из Алешина почти с готовыми материалами и выводами. Ему не терпелось скорей добраться до Приозерска, сверить кое-что в районных организациях и сесть за материал для райкома и для газеты. «Ох, и фельетон отгрохаем»,— думал он, кутаясь в свое легонькое пальто и плотно зарываясь в сено возка.

Как только редактор выехал за Алешинскую околицу, Корягин позвонил Удачину. Торопясь и волнуясь, рассказал о проверке, панически просил вмешаться.

Удачин хорошо понимал, почему волнуется Корягин. Не очень-то спокойно чувствовал себя и сам Виктор Викторович. Эти три бычка, что были устроены для трех товарищей из области (охота, как ни говорите, сближает людей), и поросята, списанные как безвременно, но естественно почившие, его беспокоили. Лично себе Виктор Викторович их не брал, но где они обрели новое местожительство, второй секретарь райкома знал хорошо.

— Я очень прошу, Виктор Викторович,— ныл Корягин в трубку.— Примите меры. И потом, уполномоченных в колхозы, да по таким делам, надо посылать посерьезней. А то приехал какой-то газетчик с какими-то темными элементами по чайным якшается, а наутро, пожалуйста, уже выводы строчит...

— По каким чайным? Ты это о ком и о чем? — насторожился Удачин.

— Да про вашего Озерова. Весь вечер там болтался.

— Значит, пил? С кем?

— Ну, пить, кажется, не пил, но...

— Я говорю, с кем пил? — тоном, не допускающим возражений, переспросил Удачин.

Корягин понял и с ухмылкой ответил:

— Ну, желающие выпить всегда найдутся.

— Ты вот что,— раздельно и многозначительно проговорил в трубку Виктор Викторович,— немедленно узнай все и позвони. И кроме того, напиши. Мне лично. Ясно? Это очень важно...

Глава 13

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Поздно вечером Озеров, продрогший и усталый, приехал в Приозерск и сразу пошел в редакцию.

Увидев промерзшего редактора, Звонов засуетился, достал у кого-то полсотни и побежал организовывать ужин.

У Озерова дома иногда собирались сотрудники газеты. Под праздники, случалось, выпивали по рюмке водки, но больше пробавлялись пивом или чаем. Много шумели, спорили, обсуждали свои газетные дела. Инициатором таких встреч обычно был Звонов. Он и часу не мог прожить один — ему нужны были шум, крик и... почитатели его таланта. Вот и сегодня он поминутно звонил, требуя, чтобы Озеров скорей шел домой.

Но редактор все не шел — он ждал верстку завтрашнего номера. Наконец принесли влажные полосы, и он стал быстро и ловко прощупывать наметанным взглядом каждую строчку. «Ну, сегодня нас не упрекнешь в беззубости»,— подумал Николай, просматривая материал комсомольского рейда по торговым точкам, обновленный и дополненный. Крупная шапка, колючий текст, едкая карикатура — все било прямо в цель.

— Постарались ребята,— сказал он и, подписав номер в печать, пошел домой.

Звонов встретил Николая в передней.

— Имей в виду — у нас в берлоге гость. Пухов.

— Пухов? С какой стати?

— Да понимаешь — зашел в магазин, а он там. Видит — я беру разную снедь, ну и напросился. Просто неудобно было отказать.

Озеров за время совместной работы привык к самым

неожиданным поступкам Звонова. Но сегодняшняя история поставила его в тупик. «Что ему пришло в голову? Ведь прекрасно знает, что я Пухова терпеть не могу». Из комнаты раздавался веселый, беззаботный смех заведующего райторгом. «Веселье-то некстати,— поморщился Николай.— Завтра материалы комсомольского рейда наконец появятся в свет. Увидя газеты, Пухова не будет так громоподобно хохотать. И откуда у человека такое спокойствие? Неужели у него даже мысли не появляется о расплате? Или он так уверен в своей безнаказанности?»

— Ты, Звонов, просто не думаешь, что делаешь! Ну зачем ты пригласил его? Угощайтесь без меня и поскорей заканчивайте. Я пойду в редакцию.— Озеров вновь стал надевать пальто, собираясь уйти, но дверь из комнаты отворилась, и на пороге появился Пухов. Широкое лицо гостя лоснилось, глаза от выпитой водки блестели, в них искрилось довольство.

— А, хозяин явился, достопочтенный Николай Семенович. А мы тут без вас как путники в пустыне. Правду говорят — без хозяина и дом сирота.

Говоря все это, он снял с Озерова пальто, настойчиво взял его под руку и повел в комнату.

Уходить было уже неудобно.

— Так вы в Алешине, у Корягина были? — спросил Пухов.— Ну тогда понятно, почему домой не спешили. Корягин — мужик хлебосольный. Поди, закормил редактора. Его дочка совершенно невероятные беляши готовит. Когда мне в тех краях бывать приходится, всегда к нему заглядываю.

— А частенько в тех краях бываете? — спросил Озеров.

— Наш брат охотник куда не забредет. С Корягиным-то мы на Крутояровские плавни хаживали. Уток там видимо-невидимо. Вот давайте осенью организуем экспедицию.

— Про Крутоярово я тоже слышал. Места, говорят, привольные,— сумрачно произнес Озеров.

Олег, знавший страсть Озерова к охоте, удивился его тону. От Пухова настроение хозяина тоже не осталось скрытым, но он решил не замечать его. Это было, по его мнению, самое правильное при сложившихся обстоятельствах. Не убегать же в самом деле из-за стола только потому, что кто-то плохо настроен? Пригласили в гости, так пусть свое настроение оставят при себе. А потом, дело есть дело.

А Пухов пришел сюда не только для трапезы. И он снова вернулся к поездке Озерова в Алешино, снова стал усиленно расхваливать Корягина, вспоминать их совместные охотничьи приключения.

— Корягин — личность занятная, это вы верно говорите.

— А как же, конечно, верно, Николай Семенович,— восторженно подхватил слова Озерова Пухов.— И что особенно важно у него в характере, так это его верность друзьям.

— Верность — это, я вам скажу,— вещь,— невнятно выговаривая слова, заметил Олег, уплетавший ветчину с хреном.

А Пухов продолжал:

— Этот не продаст и не выдаст.

— Да? — живо спросил Озеров. Ему сразу вспомнилось, как Корягин старательно уходил от всех вопросов Озерова о фамилиях людей, кому уплывало колхозное добро.

— Вернейший товарищ. Как себе, можно верить. Когда тут началась кутерьма с проверкой насчет колхозной живности, кое-кто перетрухнул. Даже из областных руководителей. Звонит ко мне мое непосредственное начальство и говорит: «Как,— говорит,— там Корягин-то, чепуховину нести не будет?» А я отвечаю: «Если с Корягиным дело имели, можете не волноваться». Успокоил, значит. Ну, а пользуясь тревогой начальства, и кое-какие вопросики протолкнул. Так и так, говорю, новый народ появился, одеть надо. Обещали. Венгерские полушубки должны занарядить, бурки на коже. Очень нужные вещи нашему брату, кто по району мотается.

— Вы будете нашим спасителем, Пухов,— заявил Олег.— Полушубок, да еще венгерский,— это вещь.

Озеров же хотел продолжать прежний разговор.

— А что, ваше начальство, ну, начальник облторга Потапенко, неужели в городе птицу разводит?

Пухов усмехнулся:

— Зачем же в городе. У него дача, и неплохая, скажу вам. А вокруг нее садик, огородик, ну и, конечно, птица. Любит он ее, птицу-то, ох любит. И здорово знает. Едем с ним по деревне, куры из-под машины так и шмыгают, так и шмыгают. А он любуется и изрекает: леггорн, плимут-рок, род-айленд, ушанка... Прямо специалист.

— Да, видимо, знаток. Но все же не пойму, зачем ему понадобилось целое стадо гусей?

— Да какое там стадо? Десяток гусынь и гусачков.

Дочку замуж выдавал. С бо-о-льшим человеком роднился. Нельзя было лицом в грязь ударить. Неделю гуляли. Разве двумя-тремя штучками обойдешься?

— Причина серьезная,— чуть усмехнувшись, сказал Озеров. «Ну и разделаю я их за эти штучки. Ох и разделаю»,— подумал он. Николаю захотелось сбить уверенность с Пухова. До какой наглости дошел! Об афере с гусями рассказывает, как о забавной истории!

— Между прочим, эти гусачки, я думаю, еще выплывут.

— Выплывут? Это как же? — Пухов уже клял себя за то, что разболтался. Он вопросительно взглянул на Олега.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, более веселом и интересном. Гуси хороши в жареном виде.— Довольный собственной шуткой, Олег рассмеялся. Пухов живо поддержал его, хотя последние слова Озерова серьезно насторожили его. «Пора начинать тот, нужный разговор»,— решил он.

— Скажите, Николай Семенович, вы ведь в колхозах бываете часто, к райкому стоите близко, следовательно, все знаете, так сказать, из первоисточников. Был я тут в нескольких колхозах, свои сельпо ездил инспектировать. Бурлят люди в деревнях. Большие дела у нас затеваются.

— Да, дела большие,— согласился Озеров.— Но даются они не легко.

— Что-то не вижу задора в ваших словах, Николай Семенович. Курганов, так тот на колхозные темы спокойно говорить не может. Сам горит и других зажигает.

Озеров удивленно посмотрел на Пухова.

— Кого же мне зажигать здесь? Вас?

«Ведь нет ему никакого дела до колхозов, до всех наших дел, просто он завязывает связи с нужным человеком,— подумал Николай.— Надо кончать этот разговор». И он, неприязненно посмотрев на гостя, занялся едой. Наступило долгое и неловкое молчание.

Пухов понял, что контакта с хозяином дома не получается. «Может, попугать уходом?»

— Что ж, мне, пожалуй, пора.

— Да что вы, Пух Пухович, товарищ Пухов, я хотел сказать,— не очень связно, но запротестовал Олег.— У нас еще вон сколько снеди!

— Это верно. Но я вижу — хозяин устал.

Пухов повернулся к Озерову и, глядя своими масленистыми глазами прямо ему в лицо, начал говорить проникновенно и вкрадчиво:

— У меня закон — никогда не делать вреда хорошим людям.

Озерова покоробило.

— Знаете, Пухов, я тоже стараюсь придерживаться этого правила. Но ведь бывает, что, не делая зла одному, мы приносим вред многим. Вот пример. Завтра в газете вы прочтете материал о ваших делах — итоги рейда по торговым точкам. Вам это будет малоприятным подарком, а покупателям, делу — польза.

Пухов побледнел. То, чего он боялся пуще огня, что всеми силами отодвигал, старался обезвредить, из-за чего, собственно, и пришел сюда — статья в газете,— появится завтра. Он представил, как люди, прочтя ее, будут злословить, как начнутся комиссии, вызовы в райком, в исполком, туда-сюда...

— Но там ведь не все правильно. Проверяли комсомольцы — молодо-зелено. Неужели вы допустите, чтобы оклеветали честных людей?

— Материал проверен. Честных людей никто не трогает. И обсуждать это сейчас бесполезно.

— Николай Семенович.— В голосе Пухова, кроме просительно-умоляющих ноток, появилась неизвестно откуда взявшаяся твердость.— Очень вас прошу приостановить... Обяжете на всю жизнь.

— Сними ты его к черту, этот злополучный загон. От греха...— вступился Звонов.

Озеров хмуро глянул на него, пожал плечами.

— Что ты бормочешь? Газетчик! Номер уже печатается.

Пухов просительно зачастил:

— Ну так что? Вы же ответственный редактор? И если вы не можете, то кто же может?

— Никто.

— А райком?

— И райком не может. Да и нужды нет снимать.

— Значит, не хотите? Так я вас понял?

Озеров перестал себя сдерживать. Его прорвало. «С какой стати я должен миндальничать с этим прохвостом?» — подумал он и вслух сказал, повышая голос:

— Да, вы правильно поняли. Почему я должен это сделать? Чтобы угодить вам? Вы жульничаете, воруете, обираете, обманываете людей, а я должен вас оберегать? Нет, Пухов, не по адресу явились.

Пухов стоял около стола, обтирал салфеткой багровое,

вспотевшее лицо. Звонов торопливо старался их успокоить.

— Старики, старики. Что за шум? Будьте джентльменами. Призываю к немедленному перемирию. Ну что ты так разошелся, мсье Озеров? Зачем, куда и почему мечешь стрелы? Подумаешь — событие, какая-то заметка. Ну, сними, черт с ней, задержи, а там видно будет.

Резко повернувшись к Звонову, Николай, прищуря в гневе глаза, бросил:

— Вы, Звонов, оставьте эти советы при себе. Если вас привлекают и не дают спать лавры стяжателей, то вам надо подаваться из редакции, и как можно скорее.

— Значит, у нас в советской торговле работают одни жулики? — фальцетом завизжал Пухов.

Озеров, даже не повернувшись к нему, вдруг успокоился и с холодной вежливостью сказал, как бы кончая разговор:

— Я этого не думаю. А вообще, товарищ Пухов, переговоры наши окончены — соглашение не состоялось. Спокойной ночи.

Он подошел к двери и открыл ее.

Пухов, ни слова не говоря, опрометью ринулся из столовой. Звонов, сторонкой обходя Николая, тоже вышел вслед. Они с Пуховым о чем-то приглушенно, шепотом поговорили в передней, и скоро их шаги простучали по лестнице.

Когда они ушли, Николай долго стоял посреди комнаты. «Вот подлец,— думал он,— хотел купить меня, умаслить. Ворюга проклятый. Правильно я его выгнал, правильно... Ну, а этот наш пустозвон? Он-то что? Какого черта путается с этими пуховыми?»

Через полчаса раздался телефонный звонок. Николай взял трубку. В ней зазвучал басовито-воркующий голос Удачина:

— Озеров? Здорово. Удачин говорит. Как живешь-можешь? Как съездил? Замерз, поди? Знаю, знаю, доложено. Смотри, не заболей. Значит, завтра торговцев громим?

— Идут материалы по райторгу.

— И сильно драконим?

— Материал резкий.

— Кого же, так сказать, препарируем?

— Пухова и его компанию.

— Что, и колхозные дела фигурируют?

— Что вы имеете в виду?

— Ну... взаимоотношения с колхозами — телятки там, поросятки?
— Нет. Завтра идут материалы комсомольского рейда — те, что снимались с номера.
— Но теперь-то они проверены?
— Да, Виктор Викторович. Проверены.
— И все-таки не мешало бы их показать.
— Но вы же их знаете.
— В первом варианте. А каковы они сейчас? Надо посмотреть.
— Ну, теперь уже поздно.
— Почему поздно?
— Номер печатается. А может, даже напечатан.
— Эта трудность преодолимая. Есть вещи поважнее.
— Например?
— Например, авторитет людей, которые могут быть скомпрометированы.
— Виктор Викторович, факты проверены, номер в печати, материал снять не могу.
Наступила пауза. Затем Удачин чуть замедленно, как бы в раздумье проговорил:
— Видишь ли, Озеров, если работать вместе, то надо понимать друг друга. Нам с тобой давно пора найти общий язык. Ты меня слышишь?
Озеров вздохнул.
— Да, слышу. Но снять материалы невозможно.
— А ты узнай. Невозможного для коммунистов не бывает.
— Виктор Викторович, снимать материал не буду.
— Это что, окончательно?
— Да.
— Ну что ж. Всего доброго.
— До свидания.
В трубке щелкнуло, послышались гудки.
Озеров долго смотрел на нее, затем медленно, механическим движением повесил на рычаг. Этот разговор был куда труднее, чем шумная перепалка с Пуховым. Он задумался. «Чего, собственно, хочет Удачин? С Кургановым публично не спорит, даже вроде подтверждает: «правильно сказал», «точно подметил», а на собраниях, заседаниях бюро частенько прячет в подбородок ухмылку. Зачем ему, второму секретарю райкома, этот самый Пухов? Ведь деляга же, прохвост, невооруженным глазом видно. И еще вопрос. Почему Курганов так доверяет Удачину?

Но, позволь, а кому же тогда он должен доверять, как не второму секретарю? Ведь это же ясно, как божий день. Должен разобраться. Верно. А ты? Разобрался?» — Николай встал, прошелся по комнате, подошел к окну и долго стоял, прислонясь горячим лбом к холодному, глянцевитому стеклу. Не хотелось ни спать, ни есть, ни работать. Вышел в переднюю, набросил пиджак, шапку и вышел на улицу...

. . . .

— Значит, ни в какую?

— Ничего слушать не хочет. Говорю же вам — выгнал.

— Да, редактор у нас с заскоком.

— Ну, против вас-то не устоит. В конце концов ведь вы и приказать ему можете.

— Э, нет. Приказать, к сожалению, не могу. Он волен печатать те материалы, которые считает необходимыми. Свобода слова — это, брат, не шутка.

— Думаю, что с вами ссориться он не захочет?

— Я тоже так думаю... Однако...

Этот разговор происходил между Пуховым и Удачиным вскоре после того, как Озеров так невежливо выпроводил незваного гостя.

Удачин, выслушав торопливый, сбивчивый рассказ Пухова, оставил его в столовой и прошел в кабинет. Пухов много бы отдал, чтобы слышать его разговор с Озеровым, но Удачин его с собой не позвал. Через несколько минут Виктор Викторович вернулся в столовую злой, озабоченный. Увидев выражение его лица, Пухов понял все.

Лошадка закусила удила...

Значит, завтра все прочтут эту клевету?

— Завтра все равно наступит. Это уже, так сказать, необратимый процесс...

— Что же делать, Виктор Викторович? Что делать?

— Пока не знаю. Надо обдумать.

— И что за порядки повелись, что за карусель завертелась у нас в Приозерске? Какие-то щелкоперы могут походя угробить честного, незапятнанного человека. И некому тебя защитить. Некому приструнить этих борзописцев. Хоть бы люди-то были настоящие, а то так, сопляки. Им до района-то, до наших бед да нужд и дела нет. Я ему про колхозы, про укрупнение, а он и слушать не хочет, не интересно это ему. Приятель же его, ну этот, Трезвонов, кажется, так этот вообще тип подозрительный. Мне, говорит, наплевать на всех и на все. Укрупняетесь,

говорит, вы там, разукрупняетесь. Я выше всего этого...

— Ты что? Что ты тут наговорил? А ну-ка повтори, да поподробней, и не тарабань, по-людски говори.

Пухов повторил сказанное.

— Да. Очень интересно. Вот что, Пухов. Напиши обо всем этом Курганову. Срочно. Его такая информация наверняка заинтересует. А если кто-то еще был при этом...

Даже Пухов не сразу сообразил, куда клонит Виктор Викторович. А когда понял, сказал, задохнувшись от восторга:

— Виктор Викторович! Понял вас. Умно и дельно. Упредить надо, упредить. Ну спасибо...

Поостыв немного, Пухов вздохнул.

— Но материал-то в газете все-таки появится. Все равно завтра все будут ухмыляться и глумиться надо мной.

— Знаешь, Пух Пухович, бывают вещи и хуже. Это еще не самое страшное.

. . . .

Идя по морозным улицам Приозерска, Николай думал о том, как все неладно, через пень колоду у него получается. Вот полгода, как он здесь, а ясности — никакой. Дела идут неважно. Никак не привыкнет к людям, к району. И тоска, тоска по дому, по Надежде не оставляет его ни на минуту. Помнит он поминутно все — ее лицо, голос, походку, манеру щурить глаза, когда смеется. В суете дней, за работой он не давал себе погружаться в эти воспоминания. А сейчас они окружили его со всех сторон.

...Мысль о переезде в район приходила Озерову не раз. Особенно настойчиво она стала беспокоить его, когда на партийном собрании курсов повышения квалификации газетных работников, где он учился, обсуждалось решение Центрального Комитета партии об отборе коммунистов для работы на селе.

Он родился и рос в деревне, любил ее, всегда с волнением и трепетом вспоминал детство. В деревне ему нравилось все — и нелегкий, но такой ощутимо предметный труд на полях, и бесхитростное непосредственное веселье деревенской молодежи, неторопливые, чуть хитроватые, с лукавинкой во взгляде люди, и задумчивый шелест берез на деревенских улицах.

Вышло, однако, так, что из деревни он ушел надолго, за плечами уже и техникум, и работа в газетах. Женитьба тоже еще крепче привязала его к городской жизни. Надя работала нормировщицей фабрики имени 1 Мая, роди-

лась и выросла в Москве, деревенской жизни не знала и не любила.

А Николай все острее тосковал по родным местам. Особенно тяжело было весной. Ведь настоящая шумливая и бурная весна бывает только в деревне. Иногда в выходной день Озеровы выбирались за город. С загоревшимися глазами Николай любовался изумрудной, атласной озимью, слушал трепетный шепот деревьев, ошалелые крики грачей над полями и перелесками. Такие поездки глубоко будоражили душу. Хотелось приложить свои руки к мягкой, пахучей земле, ходить здесь не праздным, хоть и любознательным горожанином, а заботливым, старательным хозяином.

— Нет, черствая у тебя душа, Надежда,— говорил он жене, когда та торопила его заканчивать прогулку.— Природу, землю ты не понимаешь.

Когда Николай после долгого раздумья пришел к секретарю парткома с просьбой о посылке его на село, тот очень одобрил его решение, но спросил:

— А как дома? Ведь молодая-то твоя тово... упрямая.

— Это верно, упрямая. Ну да ничего, думаю, поймет, если любит.

Но Николай ошибся.

Надежда Озерова наотрез отказалась следовать за мужем. Не помогали ни уговоры, ни просьбы, ни скандалы. Николай решил ускорить отъезд — находиться дома стало тягостно. Он случайно столкнулся в обкоме с Костей Бубенцовым, тот с охотой согласился доставить Озерова прямо в райком. И вот сложено нехитрое имущество, чемодан стоит, уткнувшись в дверь, стопка книг, надежно перевязанная шпагатом, сиротливо жмется на диване.

— Ну так как же, Надя, может, помиримся? — Николай подошел к жене и, взяв ее руки в свои, долго и пристально смотрел ей в лицо, ловя взгляд.

Надя, вскинув на мужа большие и когда-то такие теплые глаза, сухо, с сердцем сказала:

— Тебе же какой-то там Приозерск дороже меня? Ну и торопись. Скатертью дорога.

— Послушай, Надя, неужели ты меня так и проводишь?

Надя, не ответив, вышла из комнаты.

— Ну что ж, до свиданья, Надежда Михайловна,— вздохнув, проговорил Николай и, взяв чемодан, открыл дверь.

— Серьезно переживает хозяйка-то,— проговорил Костя, помогавший Озерову выносить вещи.

— Да, расстроилась...

Через несколько минут Костя, выйдя из квартиры, куда он ходил за оставшейся связкой книг, озабоченно проговорил:

— Плачет. Очень плачет.

— Да? Очень, говорите? — чуть растерянно переспросил Николай и торопливо взбежал по лестнице. Но вернулся скоро. Остановился около машины, долго смотрел на окна квартиры и со вздохом проговорил:

— Поехали.

Костя мельком окинул взглядом грустную, какую-то поникшую фигуру Николая и подумал: «Временный».

Работая в райкоме, он нередко наблюдал, чем кончались такие случаи. Очень скоро новый человек отбывал обратно «по семейным обстоятельствам»...

Долго ехали молча. Николай погрузился в свои невеселые мысли. Сегодня он убедился, что Надя, в которой он был уверен так же, как в себе, оказывается, его не понимает. И не любит. В самом деле, если бы любила, если бы он был ей дорог, то разве важно, где жить,— в Приозерске, Рязани или в Москве? Важно, чтобы вместе. Значит, все, что было между ними,— не настоящее, ошибка.

Костя не трогал пассажира разговорами: «Пусть обдумает свои дела».

Машина мчалась вперед. Яркое солнце лило свои пока еще холодноватые лучи на заснеженные поля, серую глянцевитую ленту дороги.

По шоссе то и дело сновали машины, неторопливо двигались колхозные подводы, целые ватаги ребят возвращались из школ. Николай пристально вглядывался, чем заняты люди. Везде шла спокойная, деловая жизнь. Вот женщины сортируют зерно, плотники ладят новый сруб, вот целая группа молодежи возит бумажные мешки, видимо с удобрениями. Все это было приятно и близко сердцу Николая. Постепенно он успокаивался.

— Обойдется, обязательно обойдется,— нарушив долгое молчание, проговорил Костя. И Николай ответил ему:

— Будем надеяться. Ну, а если нет, то что же — нет хуже беды, если жена — что гири на ногах...

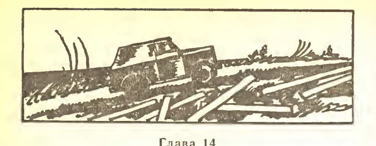
Косте эти слова понравились. Он с заметным одобрением посмотрел на Николая и степенно согласился:

— Правильно говорите. Очень правильно.

И про себя подумал: «А может, и ничего товарищ? Может, не временный?»

. . . .

До рассвета ходил Озеров по зимним улицам... Город пробуждался. На востоке, на сумрачном небе уже проступали синеватые пятна рассвета, когда Николай, поеживаясь от утреннего холода, тяжелой походкой пошел к себе домой.



Глава 14

А ОНИ ВЕДЬ ДРУЗЬЯ

Курганов по утрам редко приходил прямо в райком. Из дому он уходил рано, а в кабинете появлялся часам к десяти — одиннадцати. Где только не бывал он за эти утренние часы. То зайдет на завод, то в школу, то в клуб или магазин. С торговцами у него была особая «дружба». Теперь каждое утро в магазинах ждали — придет или не придет Курганов? Правда, и без него не давали покоя то профсоюзы, то комсомол, то газета — все вдруг обрели и желание, и право контролировать... Но хуже всего, когда заходил он сам...

Частенько Михаил Сергеевич добирался и до пригородного хозяйства имени Горького. Совхозные поля начинались сразу же за окраиной Приозерска. Вот уже полгода совхоз взял новое направление — овощеводческое и плодово-ягодное.

Когда Курганов приехал в район, он увидел, что совхозы и колхозы Приозерья больше сеяли овса, ржи и очень мало овощей, картофеля, почти совсем не разводили скота. Такая картина была не только в глубинке, но даже в пригородах, где выгода молочно-овощеводческой специализации была, казалось, предельно ясна.

Теперь Курганов ревностно следил, как пригородники готовятся к переходу на новые культуры. Ну как не зайти, допустим, на строительство парников? Как не посмотреть на подготовку овощехранилищ? Или не заглянуть в лабораторию? Да мало ли еще интересных мест, мало ли людей, с которыми надо встретиться. Одним словом, эти ранние утренние часы у Михаила Сергеевича были, по его собственным словам, своеобразной зарядкой.

Сегодня Курганов приехал в райком в половине один-

надцатого прямо со стройки птицефабрики. Блокнот Михаила Сергеевича был почти весь исписан претензиями, вопросами, предложениями. Как только Курганов вошел в свой кабинет, вслед за ним пришел Удачин. Курганов, поздоровавшись, сразу же упрекнул:

— Что же вы, Виктор Викторович, взялись следить за строительством птицефабрики, а на площадке и не бываете?

— Никак не мог собраться.

— А я у них был сегодня. Дела-то идут плоховато. Многое можно было бы давно решить, но никто не занялся вовремя. Вот смотрите.— И Курганов перелистал несколько исписанных листков блокнота.— Нет леса, стекла, цемента. Немного и надо-то, а дело стоит.

— Хорошо, Михаил Сергеевич, я непременно займусь этим делом. Завтра же поеду и разберусь.

— Нет уж, теперь повремените, а то что же мы друг за другом будем ездить.

Михаил Сергеевич мельком взглянул на разложенную на столе районную газету.

— О, кажется, сегодня торговцы в почете! Вы читали?

— Читал, Михаил Сергеевич.

— Посмотрим-ка, что тут есть?

Прочитав материал, он с чуть мелькнувшей усмешкой заметил:

— А здорово, честное слово. Молодцы.

— С нашими газетчиками, к сожалению, редко бывает, чтобы били в точку,— хмуро заметил Удачин.

— В этом и мы виноваты. Подсказываем мало.

— Что вы, Михаил Сергеевич! Разве Озерову мало подсказываем? Не в коня корм...

— Я давно примечаю, что вы недовольны, только не ясно, то ли газетой, то ли редактором?

— И тем и другим.

— Газета слабоватая — согласен. А Озеров?.. Думаете, не то?

— Да, к сожалению, не то.

— Почему вы так думаете? Каковы причины?

— Над причинами, по совести говоря, не задумывался, а вот следствие налицо. Работает кое-как, спустя рукава, самоуверен до крайности, а главное, чего я ему не могу простить,— это абсолютное равнодушие, безразличное отношение к нашим делам и заботам... Ну а потом... в личном

плане — тоже чепуха, живет один, как бирюк, жену привозить не хочет. За галстук закладывает...

— Не ошибаетесь?

— Нет, Михаил Сергеевич, не ошибаюсь. Вот вам самый последний факт. Сегодня мне звонили из Алешина. По вашему поручению Озеров ездил туда разбираться с нарушениями колхозного устава. И даже там умудрился связаться с какими-то темными личностями, выпивку затеял.

— Не может быть.

— Я тоже так думал. Но источник верный.

— Кто вам сообщил?

— Сначала позвонил Корягин. Я не очень поверил. На уполномоченного района могут невесть что наговорить. Но сегодня из Алешина приехал работник прокуратуры. Он подтвердил.

Курганов мысленно упрекнул себя: «Как еще плохо я знаю здешних людей и медленно, очень медленно знакомлюсь с ними. Озеров? Неужели он такой?» Верить не хотелось. Михаил Сергеевич из всех людских слабостей и пороков пьянство презирал сильнее всех. Люди, не способные устоять против «зеленого змия», теряли в его глазах всякую ценность.

Удачин, видя, какую реакцию вызвало у Курганова его сообщение, поспешил предложить:

— Если вы не возражаете, я еще раз все проверю. Лично проверю. И доложу вам. Хорошо?

— Да, да. Пожалуйста.

Удачин вышел, а Курганов еще долго мрачно размышлял над их разговором. Через полчаса он снова позвал Удачина.

— Вы знаете, редактор сегодня именинник. Вот полюбуйтесь,— и Михаил Сергеевич протянул ему письмо, где стояли подписи Пухова, Корягина и еще двух или трех человек. Удачин взял бумагу. Читал не спеша, тщательно.

— Ну что скажете?

— Только то, что говорил вам полчаса назад. Не такой нам редактор нужен. Не такой.

— Если все это правда,— Курганов указал на письмо,— значит, Озеров не коммунист, а обыватель. Ясно вам? — Курганов быстро прошелся по кабинету. Письмо Пухова вывело его из себя.

Михаил Сергеевич, всю жизнь проработавший с людьми, прекрасно разбирающийся в человеческих характерах, досадовал на себя за близорукость. Ему вспомнились беседы с Озеровым, его любознательность, быстрота восприятия, какое-то чистое, восторженное отношение к делам района. И все это оказалось притворством. Да что же это за человек?

Курганов обладал твердым характером, и это уже чувствовалось в районе. Узнали люди и другую его черту — принципиальность. Не показную, не ту, что проявляется на чрезмерном уважении к своему «я», а настоящую, партийную, когда при решении любых вопросов берутся в расчет лишь интересы дела. Именно этим правилом руководствовался он и при подборе людей. Он окружал себя деловыми, толковыми помощниками, умеющими работать страстно, напряженно, самоотверженно. Он не боялся новых имен, порой мало ему известных. Не любил таскать за собой «хвосты» — людей с прежних мест своей работы. Была у Курганова неистребимая вера в простую истину — хорошие работники есть везде. Просто их надо вовремя заметить и поддержать.

И он, конечно, был не святой — ошибался иногда в людях, хотя и не часто. Эти ошибки переживал мучительно и долго. Вот и сейчас его взяло сомнение:

— А может, все это чепуха?

Удачин медлил с ответом.

— Ну чего же молчите?

— Видите ли, Михаил Сергеевич. Я не знаю — правда это или нет. Но согласитесь, такую версию трудно придумать. Почему-то ни о ком другом не написали, а именно о нем, об Озерове?

— Все это так, но газета — это участок особый. Чем она острее, чем лучше, тем больше недоброжелателей у редактора.

— Вот прочел я материал о торговцах, и знаете, неспокойно на душе, чувствую — неладно тут.

— За торговцев вы зря ратуете. Безобразий у них полно, и стегать их надо. С жуликами мы должны воевать. Беспощадно воевать.

— Хорошо, если это удар по жулью. А если просто ловко скроенный охранный щит товарища Озерова? Тогда что?

— Тогда товарищ Курганов должен будет признать

свою ошибку. И, между прочим, это не будет чрезвычайным событием. Первые секретари тоже ошибаются. И не редко.

— Так как же дальше, Михаил Сергеевич?

Курганов не успел ответить. В кабинет вошел Овсянин, уполномоченный комитета госбезопасности по Приозерску. Это был высокий, стройный человек, с четкой военной выправкой, густой русой шевелюрой и серыми, улыбчивыми глазами. Курганов всегда любовался Овсяниным — внешне он напоминал ему доброго молодца из русских сказок. Михаил Овсянин работал здесь недолго, приехал за несколько месяцев до Курганова, с трудом отпросившись из центрального аппарата. Вел себя на редкость просто, в актив района вошел быстро, не чурался никаких поручений райкома. Все это выгодно отличало его от молчаливых, замкнутых предшественников.

Он четким шагом подошел к столу, поздоровался с обоими секретарями.

— Прошу извинить, но дело срочное.

— Мы слушаем вас.

— Ко мне приехали два оперативных работника — один из области, другой из центра. Их интересует Звонов.

— Какой Звонов? Кто это? — спросил Курганов.

— Работник нашей газеты.

— Ах, этот разбитной парень? Да, да. Помню. А что значит «интересуются»? Как это понимать на вашем языке?

— Они имеют ордер на его задержание.

Вздохнув, Михаил Сергеевич вернулся к столу.

— Беспокойное у них дело,— проговорил он.

Виктор Викторович заметил:

— А Звонов-то, между прочим, друг-приятель Озерова.

— Да? Час от часу не легче.

Курганов исподлобья посмотрел на Удачина и долго сидел задумавшись. Потом снова прочел заявление Пухова и... отбросил его от себя, словно оно жгло ему руки. Проговорил медленно и глухо:

— Отложите все дела, разберитесь со всем этим. Подробно разберитесь.

— Хорошо, Михаил Сергеевич. Все будет сделано.

Вскоре Курганову позвонил Озеров. Но ни говорить с ним, ни встречаться Михаилу Сергеевичу уже не хотелось. Разговор получился сухой, натянутый. Оба это по-

чувствовали. Так хорошо начавшийся день был испорчен. Михаил Сергеевич предупредил Веру, что не будет в райкоме до ночи, и, вызвав машину, уехал в колхозы. Так он делал всегда, когда хотел отвлечься от тревожных раздумий, обрести душевное равновесие.

Глава 15

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

Машина мчалась в Ветлужск. Поля, перелески, дома, мелькавшие по сторонам,— все выглядело сегодня каким-то удивительно чистым, свежим, как будто прибранным,— вчера выпал легкий сверкающий снег и все преобразил.

Прошло несколько дней, как Михаил Сергеевич вернулся из Москвы. Это была идея Заградина. В обкоме партии уже несколько раз обсуждался вопрос о ликвидации колхозной чересполосицы. Люди, которые, как и он, душой болели за колхозы, все яснее понимали, что раздробленность хозяйств больше терпеть нельзя. Она мешает стать на ноги. Но немало было и таких, кто считал укрупнение колхозов надуманным, даже вредным. Такие настроения были и в областном аппарате, и в районах. Вот почему Заградин решил послать группу районных работников в Москву — посмотреть, как москвичи начинали и как проводят эту работу.

Заградин понимал, что дело это сложное. Не все его поймут сразу. Даже среди руководителей, он это ясно чувствовал, появится глухое, но упорное сопротивление. У одних от неумения понять, уяснить причины отставания колхозов, у других — от желания прожить поспокойнее. Именно поэтому районные работники, когда Павел Васильевич говорил с ними, ссылались на географические и исторические особенности Подмосковья, утверждали, что укрупненные хозяйства здесь себя не оправдают, не привьются. Близость промышленных центров, видите ли, предопределяет мелкие сельскохозяйственные производства. Нечего сказать, тоже аргументы. А в результате капусту выращивают во всем районе только десяток колхозов,

ягодники, сады, рыболовство — буквально редкость. А животноводство? Это же курам на смех. Да разве так оно должно вестись в районе, расположенном в поймах нескольких рек? И притом же недалеко от Москвы, где основные потребители молока, мяса, жиров? И разве порядок, что Москва и подмосковные города завозят львиную долю картофеля, овощей, мяса из отдаленных районов страны?

Одним словом, теория о географических и исторических особенностях, якобы предопределяющих мелкое хозяйство в центральных областях и в том числе в Ветлужске,— это маскировка инерции, нежелания искать путей к подъему колхозов.

В обкоме Заградин, усаживая всех приехавших за длинный стол, предупредил: «Говорить сегодня будем не мы, а вы...» И стал подробно, не жалея времени, выспрашивать секретарей райкомов о делах в колхозах, МТС, совхозах соседей. Интересовало все — и подготовка к весне, и глубина снежного покрова на полях, и ход сортировки семян, и топят ли в школах, и как дела в больницах. Но об укрупнении колхозов говорилось больше всего.

Этот неторопливый обмен мыслями, предположениями, сомнениями длился целый день. Когда все было выслушано — «за» и «против», все взвешено, Заградин подытожил:

— Что же, я думаю, можно смело сделать вывод, что актив нашей области считает укрупнение необходимой и неотложной мерой подъема колхозов... Так?

Все согласились, что — так.

— Тогда за работу...

После совещания Заградин сообщил Курганову, что комиссия обкома и облисполкома удовлетворила заявку района на семенные ссуды, машинно-тракторным станциям района выделено дополнительно пятнадцать новых тракторов и пять комбайнов.

— И еще одно — самое главное...— Заградин, говоря об этом, чуть помедлил.— Наверху решается вопрос о списании с наиболее слабых колхозов задолженности по государственным поставкам и натуроплате МТС. У тебя в районе,— он посмотрел список,— таких колхозов тридцать два... Но звонить в колокола еще рано. Как решится, пока не знаем. Знаем только одно — есть товарищи, которые там отчаянно дерутся за это. Но есть и такие, которые не менее

отчаянно сопротивляются. Так что будем надеяться, но пока молчать. Что же касается Березовки, Нижней Слободы и Пустоши — им можете сказать об этом завтра. Мы на свой страх и риск решили их вопрос на исполкоме — освободили от долгов.

Курганов встал и взволнованно проговорил:

— Не знаю, как и благодарить.

Выйдя из кабинета секретаря обкома, Курганов остановился среди приемной и стал вытирать платком вспотевшее от волнения лицо.

— Что, крепко попало? — сочувственно поинтересовался кто-то.

— Попасть — не попало, а помогли, крепко помогли,— ответил Курганов, широко улыбаясь.

В Приозерье Курганов уехал тут же, едва попрощавшись с товарищами. На сердце было светло. Он думал о том, как порадуются березовцы и другие колхозники.

Сразу же за Ветлужском начинались леса.

Курганов вышел из машины и, не выбирая тропки, прямо целиной углубился в ельник. Давно уж он не видывал такой красоты.

Ели стояли задумчивые, пышно убранные снегом. Иногда стремительная белка прыгала с верхушки на верхушку или ветер трогал их мохнатые шапки — ели вздрагивали и окутывались завесой почти невесомого снега.

Где-то деловито стучал дятел. Михаил Сергеевич долго искал его и, наконец, увидел на старом сухом дереве.

Не жалея своей манишки и нарядных красных штанов, он старательно долбил длинным носом по коре, и дробный стук гулко разносился по всему лесу. Курганов, не торопясь, прошел в глубь леса и скоро вышел на опушку. Отделяя лес от широкого поля, здесь стояла цепочка берез. На их верхушках чернели мохнатые комья, похожие на котиковые шапки. Это были тетерева, устроившиеся здесь поклевать промерзших березовых почек. А сверху, с белесого зимнего неба приветливо светило солнце. Под его лучами все здесь выглядело удивительно ярким, настраивало мысли на торжественный лад. Человек по натуре волевой и не сентиментальный, Курганов не мог без волнения смотреть на красивые места. Какой-нибудь кусочек бирюзового неба или изгиб реки приводил его в мечтательное состояние, напоминал что-то далекое, забытое — детские годы. Вот и сейчас, стоя почти по колено в снегу, глубоко вдыхая чистейший морозный воздух, настоянный на

хвое, Михаил Сергеевич глубоко задумался, замечтался. Обеспокоенный его долгим отсутствием, Костя время от времени подавал сигналы.

. . . .

Совещание районного актива было назначено на двенадцать часов дня, но около райкома уже с утра царило оживление. Подъезжали санки, кошевки, старенькие, видавшие виды «эмки», «газики», полуторки. Люди, устроив свои машины или лошадей, степенно здоровались друг с другом, окликали знакомых, шли в чайную погреться.

Беда приехал, когда уже все места у коновязи были заняты. С трудом найдя место, привязал лошадь, положил ей сена и направился в чайную. У самого входа догнал Корягина.

— Что за актив, Степан Кириллыч, не знаешь?

— Говорят, объединение...

— Какое еще объединение?

— Ну, всех в один колхоз.

— Ничего не понимаю.

Вспомнив, что Корягин — приятель Удачина, Макар Фомич увязался за ним. Но тот или ничего толком не знал, или не хотел говорить.

Так в неведении Беда и пришел в райком. Василий Васильевич Морозов окликнул Беду и показал на свободное место рядом с собой. Пойти или нет? Уж очень не любил Макар Фомич сидеть впереди. Но к Морозову у него были просьбы. Видно, пойти.

— Ну, сосед, как живы-здоровы? — приветливо спросил Василий Васильевич, когда Беда подошел к креслу.

— Да потихоньку. К вам с докукой собираемся... О семенах потолковать. Хочется «розовую скороспелку» завести.

— Сорт добрый.

— Вот то-то и оно. Помоги, выдели пару тонн.

— В обмен или взаймы до осени?

— Да лучше бы до осени, конечно. А то ведь у нас все закрома под метелку выметены.

— Ну что ж, доложу правлению. Подумаем. Соседям помогать надо.

— О чем актив-то? — спросил Макар Фомич.

— Да, думаю, обычное. О мерах укрепления, о путях улучшения, о средствах обогащения...

— И об укрупнении колхозов,— многозначительно посмотрев на соседа, проговорил Беда.

Василий Васильевич подумал: «Удивительное дело. Ну прямо, что называется, в точку бьют». Слова Беды глубоко его взволновали. Он давно уже подсознательно чувствовал, что дальнейшее развитие колхозов упирается в малые масштабы хозяйства. Правда, направление его мыслей было несколько иным: почему бы не расширить свои поля и угодья за счет тех, что маломощные соседи не могут освоить. Казалось, чего тут плохого? Но Курганов сбил его доводы сразу, при первом же разговоре. «Сосед хоть по миру иди, лишь бы мне выгода. Так? Не по-советски это, не по-партийному. Ну, а возьми ты такой вопрос: как будешь поступать, когда соседние колхозы войдут в силу, разбогатеют? А это обязательно будет, и скоро. Ведь они свое-то потребуют обратно. Обо всем этом ты думал, товарищ Морозов?»

Совещание началось.

— Вопрос у нас, товарищ, один — о мерах по укреплению колхозов, о повышении доходности хозяйства,— объявил председательствующий Удачин.

Морозов, улыбаясь, взглянул на Беду: что я тебе говорил? Но Макар Фомич сосредоточенно смотрел на сцену.

— Докладчик товарищ Курганов.

... Михаил Сергеевич говорил не спеша, обстоятельно, заглядывая в свои записи и таблицы, объясняя диаграммы, развешанные на занавесе позади трибуны. Рассказал о поездке по подмосковным колхозам, которые уже вели работу по объединению, о передовых колхозах, где работали Ажирков, Генералов.

— А разве мы не можем иметь такие же хозяйства? Такие же и даже большие урожаи? Можем. И должны. Но нам серьезно, прямо-таки катастрофически мешают чересполосица, карликовые хозяйства. Ну посудите сами. Был я не так давно у товарища Беды. Вот он сидит в зале. Все вы его знаете, и он не даст мне ошибиться. Какие дела у него в колхозе? Посевная площадь триста гектаров, трудоспособных семнадцать человек. Тягло — семь коняг. А колхоз, заметьте, называется «Смерть империализму». Поди, как империализму страшно от такого «гиганта»?

Зал засмеялся. Скупо улыбнулся и сам Беда.

— Нет, товарищи дорогие, с такими масштабами, с такими площадями мы далеко не уйдем. Мы распыляем средства, сужаем применение новой техники, нерационально используем землю, терпим огромные излишества на управлении колхозным производством. Да это и понятно.

Какой колхоз ни будь, а председатель нужен? Нужен. Заместитель? Тоже нужен. Счетовод? И счетовод. Да бригадир, да завхоз, да кучер начальству. Одним словом, набирается порядочно. Был я как-то в одном колхозе, на правобережье. Захожу в правление. Сидит председатель, около него человек пять здоровенных мужиков и что-то обсуждают. Спрашиваю:

— Как дела?

Председатель рассудительно отвечает:

— В центре дела ничего, идут. А вот на периферии...

— На какой периферии?

— Ну, в бригаде, в звеньях, на ферме...

— А давно,— говорю,— вы на этой периферии были?

— Да,— говорит,— поди, с неделю назад. В центре дела заедают.

Весь зал весело рассмеялся. Раздались голоса:

— Какой колхоз? Кто председатель?

— Я обещал его не подводить. Пусть сам расскажет.

Доклад продолжался. Участники собрания слушали внимательно. Особенно их привлекала уверенность Курганова в том, что все поправимо, надо только приложить труд, мысль, энергию...

Вот, наконец, он сообщил активу о семенных ссудах, выделенных району, о тракторах для МТС и о списании задолженности с трех самых отсталых колхозов по натуроплате и госпоставкам...

— Конечно, одна ласточка весны не делает. Это мы хорошо понимаем. Но, как говорится,— лиха беда начало. У нас есть все основания предполагать, что и по другим отсталым артелям в скором времени будет принято решение о снятии или снижении задолженности...

Многие не поверили — не ослышались ли?

Курганов сказал это ровным голосом, но потом остановился. Он-то очень хорошо знал, какое нелегкое это было дело для тех, кто толкал и продвигал его... Его волнение передалось залу. В рядах зашумели, зааплодировали. Сидевшие около Беды увидели, как он побледнел и, не таясь, утер слезу, катившуюся по морщинистой щеке. Из зала в президиум летели записки, все хотели знать больше, подробнее.

Удачин с трудом утихомирил народ, и Курганов закончил доклад.

После перерыва началось обсуждение. Больше всего Курганов боялся, что выступающие будут «толкать» обыч-

ные пустые речи, каких немало произносилось на райкомовских совещаниях. Он вообще не выносил пустословия, а легковесные рассуждения о сельских делах приводили его в гнев. Для Курганова, как и для большинства его товарищей по партии, для большинства колхозников, агрономов, зоотехников, трактористов, положение дела на селе представлялось по-настоящему большой, тяжелой бедой, недугом, болезнью, которая требует незамедлительного и решительного лечения. Пусть не все мыслили в такой резко выраженной форме, не все видели конкретные результативные пути лечения этого недуга, но тревога за деревню была у всех у них главным, что определяло их интересы, стремления, поступки и, пожалуй, их жизнь... Вот почему Курганов считал кощунством пустословие при обсуждении колхозных дел. Но опасения его были напрасны. Люди говорили о своих делах горячо, чувствовалось, что это не обычное дежурное совещание. Решили, не откладывая, начать в районе укрупнение колхозов. Под конец на трибуну поднялся мрачноватый мужчина. Он долго откашливался, поправлял свитер на шее, пил воду.

— Я из Завьялова, председатель «Эры социализма». Костров моя фамилия. Хочу дать справку. Насчет периферии... Это про нас здесь говорил товарищ секретарь.

Смеялись над Костровым долго и весело. «Периферия» стала теперь его второй фамилией.

Глава 16

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ — ЗЕМЛЕЙ ЖИТЬ

Хорошее настроение Курганова после совещания испортили Удачин с Мякотиным.

— Я считаю, что мы допускаем ошибку, начиная объединение колхозов сразу по всему району. Лучше сначала проверить на какой-то зоне.

— А урожай? — спросил Курганов.

— Что урожай? — не поняв, переспросил Удачин.

— Как будем решать проблему урожайности?

— Ну как... Урожай и в крупных колхозах сам не придет. Его поднимать надо.

— Вот это верно, согласен. Надо поднимать. И делать это значительно легче будет в крупных, а не в карликовых колхозах.

— А где гарантия, что укрупнение даст то, что нам надо?

— При чем тут гарантия? Мы с вами не торговые переговоры ведем. Практика колхозного строительства, опыт передовых артелей довольно ясно говорят о выгодности крупного хозяйства.

— Это я уже слышал.

Слушая Курганова на активе, Удачин все время хотел возражать, спорить, критиковать, хотя в силу своего опыта и знаний понимал, что Курганов предлагает разумные меры. Но давняя обида и раздражение брали верх. Откуда такая самоуверенность? Без году неделя, как в районе, а рассуждает, словно знает больше всех. Но, видя решительное настроение актива, выступить все же не решился.

«Скажу ему после, без этих горлопанов. Если дело с объединением выгорит — никто не придерется, а не выгорит — я об этом разговоре напомню».

— Смотрите, Михаил Сергеевич, как говорится: гладко было на бумаге... Вот только с севом как?

— С каким севом? О чем вы?

— Ну, помните, как один деятель, тоже районного масштаба, отвечал товарищу Сталину: сдвиги есть, перелом намечен, но с севом плохо...

И Удачин стал развивать свои мысли. Он не верит, что изменение посевного клина, новые культуры, укрупнение артелей дадут то, чего ожидает Курганов. Уж если маленькие колхозы никак не встанут на ноги, то как это сделают большие хозяйства? Возрастут посевные площади, возрастут планы. Хорошо. Ну, а люди, техника, средства? Где все это? Откуда взять? Или, может, товарищ Курганов имеет какие-то особые ресурсы, о которых мы не знаем?

Михаилу Сергеевичу стоило больших усилий сдержать себя и не прервать Удачина. Наконец он не выдержал и, глядя в упор на Виктора Викторовича, заметил:

— Вы все вопросы задаете. А как будет то, да как будет это? Между прочим, Владимир Ильич Ленин как-то заметил, что один дурак может задать столько вопросов, что на них не ответят двенадцать мудрецов. Вы все отвергаете, все подвергаете сомнению. Но что предлагаете взамен?

Удачин молчал.

Иван Петрович Мякотин тоже мучался сомнениями. Привыкший к спокойному, размеренному ритму, он никак не мог угнаться за новыми порядками в районе. Как быть? Конечно, Курганов здорово закручивает, все это очень заманчиво. Но с другой стороны, Виктор Викторович тоже, пожалуй, прав. Он район знает как свои пять пальцев. Распланировать да разграфить на бумаге легко. А как оно окажется на деле?

Мякотин озабоченно заметил:

— Вот вы, Михаил Сергеевич, о севооборотах толковали. Конечно, планы вы нарисовали хорошие. Картофель — серебро, кукуруза — золото и так далее. Но он, картофель-то, каждый год в поле остается. Убирать некому. И вообще пропашные у нас не идут. Родятся плохо. Что же касается кукурузы, то что же... не видели ее, не знаем. Как бы не зарваться. Надо бы подождать, осмотреться.

— Да поймите вы, не можем мы ждать. Неужели это не ясно? Надо искать пути, использовать все, что можно. Я,

как правило, считаюсь с мнением своих товарищей по работе. Но при непременном условии — если эти мнения мотивированы, подтверждены фактами. Ваше мнение по поводу укрупнения колхозов ошибочно. За укрупнение сама жизнь. Это подтвердили все участники актива. Убеждает это вас или нет? Молчите? Значит, все еще сомневаетесь? Ну так вот что я вам скажу. Сомнение — полезное дело, пока вопрос решается. Но теперь оно становится вредным фактором. Советую это уяснить. И давайте браться как следует за дело.

Курганов подошел к Удачину, положил руку на плечо и проговорил тихо:

— Надо кончать метаться, Виктор Викторович. Дел много, тележка тяжелая. Давайте будем везти ее сообща. Это моя просьба и требование.

Удачин попытался сгладить обстановку:

— Вы не думайте, Михаил Сергеевич, что я, например, против решений актива. Нет и нет. Я просто обращаю внимание на трудности. А если решили, то что же... Я солдат. Я подчиняюсь.

Вслед Удачину заговорил Мякотин:

— И я не против. Ничуть. Но с точки зрения, так сказать, нашей районной специфики, с целью предупреждения ошибочных выводов...

Курганов помрачнел. Эта готовность Удачина и Мякотина согласиться с ним, их цветистые рассуждения огорчили его больше, чем их возражения. Правда, сейчас было не до этих тонкостей, раз согласны — будут работать. Но настоящей уверенности в этом не было. Курганов хорошо знал, что значат второй секретарь и председатель исполкома в районе.

«Да, укрупнение колхозов — орешек крепкий,— подумал он.— Всем экзамен. Посмотрим...»

На следующий день уполномоченные райкома поехали в колхозы. Курганов взял себе левобережный куст. Это был барометр района. Как там аукнется — так во всем районе откликнется.

Приехав в Алешино, он до глубокой ночи придирчиво осматривал хозяйство. Колхозники впервые видели такого дотошного секретаря райкома.

— Рожь и пшеничка мелковаты, очистка тоже не очень хороша,— проговорил Курганов, рассматривая пригоршню зерна.

Пришли в овощехранилище. Только спустились по

скользким ступенькам, он остановился и попросил идущих сзади не закрывать двери.

— Почему? — спросило сразу несколько голосов.— Ведь специально подтапливаем помещение. Что же тепло зря выветривать?

— У вас же овощи гниют. Вы что, запаха не чувствуете?

Один из колхозников залез в правый отсек хранилища и стал торопливо добираться до нижних слоев картофеля. Скоро принес несколько картофелин. Их кожура почернела и покрылась белыми крапинками.

— Недосмотрели. Завтра переберем.

Курганов особенно интересовался, какова урожайность и что выдали на трудодень.

Услышав, что зерновых пришлось по килограмму, он сразу припомнил многие колхозы, где он бывал за последнее время,— Березовку, Дубки, Пустошь. Вот если бы и там могли выдать по килограмму на трудодень! Люди смогли бы жить безбедно. Ведь расчет очень прост. Любой добросовестный колхозник может за год выработать триста — четыреста трудодней. Следовательно, четыреста килограммов зерна. Двадцать пять пудов. Да картошка, капуста, молоко. И потом личное хозяйство, хоть и небольшое, но есть — куры, гуси, а у кого, глядишь, и поросеночек... Но основой, стержнем должен быть вот этот килограмм на трудодень. Без него все рушится, все летит к чертям. И телок, и поросята, и капуста с огорода — все это хорошо, но все должно прилагаться к главному, к этому стержню — килограмму на трудодень.

Из обхода полей и ферм возвратились к вечеру.

В правлении колхоза было светло, уютно, в печке весело потрескивали сухие дрова. Шторы на окнах, стол, покрытый красным сукном,— все добротное. Курганову это понравилось.

— Правильно, очень правильно,— проговорил он, показывая на обстановку в правлении.— Нам надо устраиваться как следует, на солидную ногу.

Корягин обрадовался этим словам. Он держался с Кургановым настороженно, все время начеку. Промашка с поросятами, история, затеянная Озеровым,— все эти дела не были еще завершены из-за болезни Степана Кирилловича. Чем они кончатся? Но все это казалось мелочью по сравнению с укрупнением колхозов. Это дело такое, что проморгать его никак нельзя.

Когда на районном партийном активе Корягин услышал об объединении, он сначала всполошился. Но поразмыслив, успокоился. «Пугаться, пожалуй, не стоит. Скорей наоборот. Если, например, присоединить к нам Соленково, это будет просто здорово. Там кирпичный завод, глиняные карьеры. С умом использовать — так наивыгоднейшее дело. Кирпич-то всем нужен. Они — шалавы — в какую-то гордость играют. А кому нужна эта их гордость? Бугры — тоже неплохой сосед. Теплицы у них, парниковое хозяйство. Сад опять же. Правда, хозяева тоже не ахти».

Приезда Курганова в Алешино люди ждали с особым интересом. Не терпелось знать, как будет проводиться это самое укрупнение? Кого и с кем будут объединять? Добровольно или обязательно? Сразу или постепенно?

Беседа Курганова с алешинцами сразу пошла стремительно, без пауз. Курганов спрашивал и отвечал, ему отвечали и тоже спрашивали. Он без утайки рассказал о положении дел в колхозах. Говорил по памяти, по своим наблюдениям и так уверенно, будто работает в районе по крайней мере несколько лет.

— Ваш колхоз лучший среди ближайших соседей. Вы богаче, порядка у вас больше (хотя, скажем прямо, его еще тоже маловато). Ваши дела более или менее хороши. Но... по сравнению с делами отстающих. Да, да. Именно так. Урожаи у вас плоховаты. И я удивляюсь — почему вы ими довольны? Ну что же это за урожай — пятнадцать центнеров пшеницы? Как же вы думаете дальше дело вести? Как будете доходность поднимать?

— Доходность у нас, товарищ Курганов, неплохая. Очень даже неплохая,— не скрывая гордых ноток в голосе, проговорил Корягин.

— Знаю. Но доход доходу рознь. Нам ведь не каждый доход впору.

Именно после этих слов Курганова поднялся Крылов. До этого он сидел молча, внимательно вслушиваясь в выступления, порой оживленно переговариваясь о чем-то с группой молодежи, что его окружала.

— Товарищ Корягин, дайте я скажу несколько слов.

— Чего же ты раньше сидел и думал? — недовольно проворчал Степан Кириллович.— Пора уже кончать.

Но слово Крылову все же предоставил. Все знали о распрях между председателем и комсоргом, были свидетелями не одной их стычки на колхозных собраниях. Видимо, быть ей и сегодня.

— Вы, товарищ Курганов, высказали очень верную мысль — дескать, доход доходу рознь. Не каждый рубль подходит колхозному карману. Времена, когда говорили, что деньги не пахнут, давно прошли. Но вы, товарищ Курганов, сказали не все, не развили этот тезис.

Корягин рассмеялся откровенно и громко. В зале тоже улыбались.

— Так, так. Комсомол хочет поправить партию,— хрипловато от непрошедшего смеха проговорил Корягин.

— Партию поправлять не собираюсь. Нет необходимости. А вот товарища Курганова дополню.— И Василий, сосредоточенно поглядывая в свой блокнот, продолжал говорить.

Михаил Сергеевич внимательно прислушивался к словам Василия и любовался им. Тонкое, худощавое лицо, густые вразлет брови, черная непокорная прядь волос, энергичная порывистая жестикуляция.

«Горячится малость. Так же, как и мы горячились в свое время, но молодец»,— подумал Михаил Сергеевич.

Скоро лица людей, сидевших в зале, посерьезнели, перестал улыбаться Корягин. То, что говорил Крылов, заставило всех насторожиться.

— Суть не только в том, что доходы наши не ахти какие большие. Суть в том, откуда эти самые доходы берутся. Я хочу разобраться с этим вопросом сегодня. Не выносить же его на объединительное собрание — перед соседями срамиться. А доходы наши, скажем прямо, не всегда чистенькие.

В зале зашумели. Корягин, свирепо взглянув на Крылова, проговорил хрипловато:

— Ты думай, что говоришь.

— Ты, товарищ Корягин, подожди мне рот зажимать. Не удастся. Купля да перепродажа яблок вроде не наше дело, а покупаем и перепродаем. А сколько мы сена продали каким-то ходокам из-под Тулы? Пять грузовиков ушло, до неба навьюченных. А потом под нехватку кормов концентраты получили. Может, скажете, не так говорю? Неправду толкую? — Василий поглядел на Корягина, обвел взглядом собрание. Все, потупясь, молчали. Крылов продолжал: — Почему мы ни в Приозерске, ни в соседних городах ни на одном рынке свои палатки не ставим? Да потому, что без палатки-то втрое дороже продукты продаем.— Василий помолчал немного и глуховато закончил: — Я, конечно, понимаю, что говорю не очень-то приятные вещи. Но вы хоро-

шо знаете, что я говорю правду. Я считаю, что раз укрупнение, то по-новому и жить надо. Что мы, разве честно разбогатеть не сможем? Как те колхозы, о которых рассказывал товарищ Курганов?

Василий не спеша направился на свое место.

— Лишние догадки невпопад живут,— сказал Корягин.— Тебе понятно, Крылов, о чем я толкую? Ты что же хочешь, чтобы наши люди опять дуранду с мукой мешали? Чтобы как у соседей — на аптечных весах выдачу на трудодень взвешивать? — И, повернувшись к Курганову, добавил: — Вы, товарищ Курганов, не обращайте внимания на то, что наш комсорг напел. Он у нас такой, его частенько заносит.

В ответ на эти слова участники собрания разрозненно зашумели — кто одобрительно, кто осуждающе.

Курганов не был склонен отнестись к словам Крылова, как советовал Корягин. Он уже многое слышал об алешинском председателе. В Приозерске его хвалили за хозяйскую хватку, оборотистость, за умение нажить копейку. Когда Курганов запросил данные об урожайности в колхозе, то удивился: на чем же алешинцы наживают свои доходы? Однако работники райзо постарались всячески рассеять его сомнения, успокоили они тогда Курганова. Теперь сомнения у Михаила Сергеевича ожили вновь. И не надо было ему ничего объяснять, зря старался сделать это Корягин. Курганов не первый год работал на селе и хорошо знал, что раз доходы колхоза растут не на полях и фермах — значит, они идут от каких-то посторонних источников. И лишь услышав из выступления Крылова, что алешинцы возили сено под Тулу, а яблоки в Архангельск, он сразу понял все. «Вот откуда ваши доходы, товарищ Корягин, подторговываем, спекулируем потихоньку...» Эти мысли быстро пронеслись в сознании Курганова, и он еще более настороженно посмотрел на Корягина. И сразу все, что он слышал о Степане Кирилловиче и хорошего и плохого, обрело четкую и ясную форму, слухи и предположения превращались в уверенность. Видимо, он и в самом деле деляга...

Не любил Михаил Сергеевич таких неясных и скользких людей. И, однако, сейчас не время об этом. Надо решать главное, основное. «А до Корягина доберемся...»

Курганов попросил слова, заговорил, задумчиво, даже мечтательно.

— Недавно пришлось мне побывать в колхозе «Борец»

у Петра Ивановича Ажиркова. Вот живут люди. По-настоящему живут. По высокой мерке. Зерновых выдали по три килограмма, картофеля — по пять, овощей — по десять килограммов на трудодень.

— Значит, земли у них — не то что наши,— зашумело собрание.

— Земля такая же, ничуть не лучше. Да и где в центральных областях земли лучше ваших?

— А где же этот колхоз?

— Да недалеко. В Бронницком районе Московской области.

— По три килограмма?

— Вот это да. Жить можно.

Переждав эти вопросы и восклицания, Курганов продолжал:

— И ведь никаких особенных секретов у них нет. Просто разумное ведение хозяйства.

— А каков там клин?

— Около полутора тысяч гектаров.

— Ничего. Размах основательный.

— Возможности и у вас не меньшие. Вот возьмем картофель. У нас в районе он родится, как нигде. Не культура, а клад. Но ведь вы добились-таки себе заниженного плана, а квадратно-гнездовой способ так и не хотите применять. Расширьте посевы картофеля, доведите урожайность ну хотя бы до двухсот центнеров с гектара — убедитесь, как это выгодно. И беритесь за корма, ищите выход. Я считаю, что таким выходом является кукуруза. Без нее, без кукурузного силоса вы всегда будете свое поголовье держать на голодном пайке. А кукуруза для животных — это самый желаемый корм. И хоть колхоз вы прибрежный, луга у вас не плохие, но на одном сене без сочных кормов животноводство не поднимете.

— Я, между прочим, в толк никак не возьму, чего вы от нас хотите, товарищ секретарь? — мрачно, глядя в зал, а не на Михаила Сергеевича, вдруг спросил Корягин.— Дела у нас идут? Идут. У государства на шее не сидим? Нет. Не ясно, чем и кому мы не угодили, кому перешли стежки-дорожки?

Собрание одобрительно загудело, а затем смолкло.

Курганов суховато проговорил:

— Что мы хотим, я сейчас скажу. Да думаю, вы уже знаете это. Давайте не будем ворошить старое. Забудем, по крайней мере, то, что можно забыть. Но отныне хозяй-

ствовать надо иначе. По-честному. И давайте договоримся об этом твердо. Иначе — хоть законы у нас и мягкие, но... ну да что говорить. Вы меня понимаете... Одним словом, давайте пробиваться к богатству не темными дорожками, а через урожай. Так вернее, надежнее.

Все понимали, зачем приехал Курганов. Но хотели, чтоб он сказал сам, чтобы назвал эти новые и пока пугающие слова — укрупнение, объединение... И он спокойно, как что-то обыденное сказал:

— Объединяться надо, товарищи, объединяться, чтобы вести хозяйство по-настоящему, нужны масштабы другие.

— С кем же объединяться-то? Как говорится, к кому свататься? — Вопрос задали из самых дальних рядов.

— Как с кем? С соседями.

— А они, соседи-то, как? Согласны?

— С ними пока не говорили. Начинаем с вас.

Тишина настала такая, что было слышно, как где-то в сенях тихонько скребется котенок.

— Дело такое...

— Как бы не ошибиться...

— В этом году получили по килограмму, а в будущем получим шиш.

— Это почему же? — спросил Крылов.

Ответил ему Егорыч,— мрачноватый, насупленный колхозник, что сидел на краю скамейки около печки.

— А ты пораскинь мозгами-то. В Буграх уж сколько лет ничего не выдают на трудодень? И сколько долгов за ними? А раз объединимся, они и на нас лягут, долги-то.

— Зато у них вон какой сад растет. И опять же теплицы, парники. Ты это считаешь?

— То журавль в небе, а по мне лучше синица, да в руках.

— Отсталый ты человек, Егорыч.

— То-то ты передовой. Мы хребет гнем, а кто-то будет нашими трудами пользоваться? Очень здорово. «Как молотить, так у Ивана брюхо болит, а как обедать — так где моя большая ложка?» Соседи лодыря гоняли, а мы их вывози на своем горбу? — Он повернулся к Михаилу Сергеевичу:— Товарищ Курганов, это самое объединение обязательное или добровольное?

— Добровольное, добровольное,— ответил Курганов.

— Тогда я против, против, и все.

Кто-то из молодежи проговорил сквозь смех:

— Скажите пожалуйста, Егорыч против. Ужас как страшно.

Корягин пока не выступал, но бросал то одну, то другую реплику, а по ним нетрудно было догадаться, чего он хочет.

Наконец он поднялся:

— Я скажу, товарищи дорогие, так: хозяйство у нас вполне на уровне. Я не знаю, почему не нравятся товарищу Крылову наши доходы? А мне они, например, нравятся.

Корягин, сказав это, подождал секунду, ожидая одобрительного смеха собрания, но все молчали. Тогда он чуть торопливо продолжал:

— Хозяйство, я говорю, у нас хорошее, крепкое, мы довольно неукоснительно идем в гору. Но и объединение, товарищи, нам не во вред. Конечно, при некоторых условиях... А именно, какие же это условия? Сейчас я все объясню досконально. Ну, прежде всего, конечно, чтобы не мы присоединялись к каким-то там нищим Буграм да непутевому Соленкову, а пусть они присоединяются к нам. Это раз. Второе — кадры. Кадры в основном должны остаться алешинские. Я думаю, товарищ Курганов, вы убедились, какой у нас вполне подкованный актив,— и Корягин показал рукой на зал.

Курганов поморщился. Председатель алешинского колхоза ему не нравился все больше.

— Так как, принимает райком наши условия? — спросил Корягин и, высоко подняв правую руку, добавил: — По рукам, секретарь?

Курганов отстранился от него и спокойно, раздельно, с укоризной проговорил:

— Вы что это, Корягин, с райкомом торговаться вздумали? Где будет головная усадьба, кто будет у руководства — все это будут решать сами колхозники. Они хозяева. Следовало бы давно это уяснить. И притом не только алешинские, но и бугровские, и соленковские. На равных условиях и на равных правах...

— Тогда мы не согласны.

— Кто это мы? — холодно кольнув Корягина взглядом, спросил Курганов.

— Ну, алешинцы.

— Алешинцы тоже не все одинаково думают.

— А я уверен, что в основном все.

— Ошибаетесь, Корягин.

— Тогда пусть говорят массы,— показал рукой на зал Корягин.

— Правильно. Пусть говорят. Послушаем.

К столу подошла Настасья Фомина.

— Товарищи, граждане! Вот слушала я, что вы тут говорите, и думала: уж очень ожесточились мы, забывать многое стали. Нехорошо это. Слов нет, побогаче мы соседей. Тольно ведь на месте-то ничего не остается. Сегодня мы богаче, а завтра они. И в Буграх и в Соленкове люди старательные, работящие. Мы их знаем. Я думаю, не во вред нам соединение-то будет. Вот тут товарищ секретарь говорил про картошку. Истинная правда. А я скажу о капусте.— Глаза Настасьи загорелись.— Говорила я об этом не раз. Капуста наивыгоднейшая вещь, если за нее с умом взяться. В Буграх умеют ее выхаживать. Раньше бугровские соленья аж в Москве славились. На капусте колхоз озолотиться может. Точно говорю. Подсчитывала...

После Настасьи к столу подошла молодая девушка.

— Вот тут некоторые товарищи про соседей говорили. Будто они уж действительно хуже некуда. Я думаю, неправда это. Я вот согласна с Настасьей. У них, у соседей-то, есть кое-что получше нашего.

— Ребята, например,— ехидно, со смешком пробасил кто-то из зала.

Девушка задорно ответила:

— А что? И ребята в Буграх неплохие — факт.

— Неплохие, только подкормить надо,— буркнул Корягин.

— Ну и подкормим. Это ведь не старое время — родниться по богатству, в гости ходить по достатку, а грабить друг друга по хитрости. Теперь, товарищ Корягин, другие времена. Ты что, забыл это? Выходит, жизнь соседа тебя не касается, пусть как хочет. Да это же отсталость. Сказываются у тебя, Степан Кириллыч, пережитки, ох как сказываются.

«Пусть еще раз соберутся с мыслями и решат сами. Так крепче, надежнее будет»,— подумал Курганов. Он мягко проговорил:

— Насколько я понимаю, вам, дорогие товарищи, надо все это обдумать? Верно?

— А что? Конечно, надо. Не портки покупаем. Вопрос серьезный,— проговорил Егорыч.

Курганов предложил Корягину:

— Ну что ж, на сегодня хватит. Давайте кончать.

— Кончать так кончать. Я понимаю так, что стороны к соглашению не пришли.

Курганов пожал плечами.

— Пусть все подсчитают, взвесят и «за» и «против». А завтра соберетесь и решите.

— А вы? Разве вы не будете у нас завтра?

— Нет. Обещал быть в Буграх.

— А позвольте полюбопытствовать, с кем же вы их будете объединять, если мы не согласимся? — Корягин, спрашивая, усмехался.

— Как это с кем? У вас соседей-то сколько? Со всех четырех сторон. У них то же самое. Кое у кого из бугровцев есть мысль слить хозяйство с правобережцами.

— Ну, это ерундистика. Река же.

— А что река? Скажите, какая непреодолимая преграда.

— Настырный вы, товарищ Курганов. Не мытьем, так катаньем. Не вышло в Алешине, подаетесь в Бугры.

— С чем не вышло, Корягин?

— Ну, с объединением.

— А вы что же, решили отказаться? Вы против? Я что-то по настроениям колхозников этого не заметил.

Когда Михаил Сергеевич направился к выходу, Крылов вслед ему проговорил:

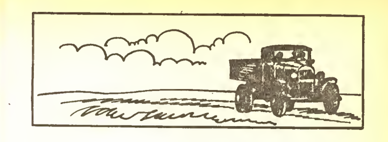
— Вы не беспокойтесь, товарищ Курганов. Народ у нас такой, поспорить, поразмыслить любит, но решает дела, как надо.

Курганов, улыбаясь, ответил:

— А я не беспокоюсь. Я, как и вы, верю в алешинцев.

...Поздно ночью на квартире у Виктора Викторовича Удачина раздался звонок. Корягин, похохатывая, рассказывал приятелю о собрании, о том, как провалился со своей идеей объединения первый секретарь. Оба собеседника были довольны.

Однако на следующий день в Алешине снова шло собрание. Продолжалось оно почти всю ночь. И решение об объединении с соседями было принято.



Глава 17

ДВА БЫЧКА — НЕ ПОТЕРЯ

В райкоме наступила горячая пора. Со всех концов Приозерья звонили, ехали, шли люди, организующие объединение колхозов. Курганову доставалось больше всех.

Однако именно эта беспокойная атмосфера больше всего и была по душе Михаилу Сергеевичу. В ней он дышал свободно. Отвечал одному, спорил с другим, ругал третьего, хвалил четвертого. Если бы Курганова вдруг лишить всего этого, он бы сразу постарел на десяток лет.

Сегодня забот у первого секретаря было особенно много. За три дня, что он пробыл в колхозах, дел накопилось столько, что казалось, их не переделаешь и за неделю. Он попросил пригласить Мякотина и руководителей райзо, а сам углубился в чтение протоколов общих собраний колхозников, информаций уполномоченных райкома, телефонограмм, переданных из колхозов и сельсоветов и торопливо записанных Верой,— все об объединении. Здесь же он нашел и телефонограмму из Алешина. Корягин рапортовал первому секретарю райкома о том, что алешинцы вынесли решение об объединении. Михаилу Сергеевичу приятно было, что его уверенность в алешинских людях оправдалась. «Ох, наверно, не легко им было»,— подумал Курганов. Следующее письмо подтвердило эту мысль: тоже из Алешина, но от Крылова.

«Одиннадцать раз выступал товарищ Корягин, чтобы сбить нас с панталыку, но мы не дались. Он выступает — и мы речь держим. Он один довод — мы два. Ну, добились-таки результата, поняли наши односельчане, что к чему».

Когда все вызванные собрались в кабинете, Курганов попросил Мякотина:

— Рассказывайте, Иван Петрович, какова картина по району.

Иван Петрович доложил положение и добавил:

— На нашу молодежь сейчас большой спрос. Вы знаете о решении березовцев?

— Нет, не знаю, а что такое?

— Они решили объединиться с громовцами и с Рубцовом. Но просят прислать в их колхоз Родникову. Агрономом.

— Родникову? А откуда они ее знают?

— Да она же ихняя, березовская. Хотели в правление избрать. И еще требуют прислать им председателя.

— Что, и председателя прислать? Но там же товарищ Беда,— забеспокоился Курганов.

— А он сам инициативу проявил.

— Почему же?

— Труса празднует,— небрежно заметил Ключарев. Но ему возразило сразу несколько голосов:

— Ну зачем вы так? Макар Фомич и так из последних сил тянет. Шесть десятков с гаком. Другой в его упряжке давно бы в отставку подался.

В разговор включился Мякотин:

— Беда, конечно, ветеран района, но укрупненный колхоз ему не по плечу.

Курганов задумчиво проговорил:

— Таких, как Фомич, беречь да беречь следует. Это наш золотой фонд. Потолковать с ним надо. Может, и впрямь тяжело. Тогда толкового и молодого к нему на выучку. Ну, а на счет Родниковой? Как вы считаете? — спросил Курганов у Мякотина.

— Я думаю, надо отпустить,— ответил тот.

— А кто же тогда в комсомоле будет?

— Не знаю, право. Может, Рощин, нынешний второй секретарь? Хороший парень.

— Ну и прекрасно.

— Но, товарищ Курганов,— зачастил Ключарев,— у нас очень плохо с аппаратом райзо. А раз Родникову можно отпустить с комсомола, я прошу отдать ее нам. Хотя она и не сахар. У нас со специалистами просто катастрофа:

— Ну, разошелся,— примирительно отозвался Курганов.— Как же ты колхозы поднимать собираешься без агрономов?

— Почему без агрономов? Райзо — это штаб. А в штабе должны быть специалисты.

— Штаб, штаб. Любите вы, Ключарев, громкими словами пылить. А колхозами как следует не занимаемся. Треть посевного клина под овсом держим. Нет, прежде всего спецов в колхозы надо послать.

Вошла Вера:

— Паренек какой-то рвется к вам, Михаил Сергеевич. Я ему объясняю, что не время сейчас для приема, а он настырный такой — у меня, говорит, дело государственное.

— Позовите его.

В кабинет вошел Крылов и, смущенный, остановился у дверей.

— Здравствуйте. Я Крылов из Алешина.

— Узнаю. Здравствуй, Крылов из Алешина,— приветливо поздоровался Курганов.— Садись. Слушаем тебя.

— Народ у нас гуляет.

— Ну что же. Погулять иногда тоже надо. Почему гуляют-то? — с интересом глядя на парня, проговорил Курганов.

— По случаю объединения.

— Причина стоящая.

— Так-то оно так. Только жалко. Двух бычков сегодня порешили.

— Как — порешили?

— Ну, зарезали, значит.

Курганов поднялся с кресла.

— Да не может быть! Ты не ошибаешься, Крылов? — Михаил Сергеевич, спросив так, упрекнул себя: не зря же парень ночью за пятнадцать верст пришел в райком.

Крылов рассудительно ответил:

— Как тут можно ошибиться?

— Но в чем же дело? Почему порешили бычков?

— Все равно, мол, объединяемся.

— Все это от несознательности, от недопонимания,— озадаченно произнес Ключарев.

— А что же Корягин? Что же он? — настороженно спросил Курганов.

— Гуляет вместе со всеми. Мне, говорит, все равно у руля не быть, так пусть о колхозном добре новые хозяева пекутся.

— Черт знает что такое! — возмутился Курганов.

— Хотели еще одного бычка заколоть,— продолжал Крылов,— только мы не дали. Свой пост у фермы выставили. Целая баталия вышла.

— Ну, а сейчас, все гуляют или уже кончили? — озабоченно спросил Мякотин.

Все вопросительно смотрели на Крылова.

Василий махнул рукой.

— Гуляют.

— Так они могут опять наведаться к ферме? — тревожно бросил кто-то.

Василий усмехнулся:

— Пусть наведаются. Там теперь заслон крепкий. Все комсомольцы мобилизованы.

— Молодец, комсомолия,— сказал Мякотин и, обращаясь к Курганову, предложил:

— Я думаю, надо поехать туда? Может, мне?

— Поехать, безусловно, надо. Но не сегодня. Ну что с пьяными людьми толковать? А завтра пусть поедут прокурор, милиция. Разберутся, кто все это затеял. Надо, чтобы гуляки поняли — мы не будем сквозь пальцы смотреть на такие художества.

В кабинет вошел вызванный Кургановым Костя и тихо кашлянул, давая знать, что он тут.

Обратившись к Василию, Михаил Сергеевич спросил:

— Замерз? Устал? Может, чаю?

— Да нет, ничего.

— Теперь домой?

— Да, конечно.

— Хорошо. Отправим тебя. Костя,— распорядился он,— доставь, пожалуйста, товарища Крылова в Алешино. А обратным рейсом привези сюда Корягина. Ясно?

— Товарищ Курганов,— заметил Василий,— Корягин-то того... не совсем в форме.

— Ничего. Ты, Костя, все окна в машине настежь. Авось протрезвится. Ну, до свидания, Василий. Спасибо тебе и ребятам. Заходи, когда будешь в Приозерске, не стесняйся.

Когда Василий и Костя вышли из комнаты, Курганов вопросительно поглядел на Мякотина, Ключарева, на других работников, что сидели в кабинете.

— Что это? Случай? Чудачество распоясавшегося самодура или хуже? Два бычка — не шутка. А если и в других селах такие любители телятины нашлись?

В этот момент раздался телефонный звонок. Звонил Удачин.

— Где вы? — нетерпеливо спросил его Курганов.— Дома? А когда сможете прийти сюда? Очень хорошо. Ждем вас.

Через полчаса Удачин входил в кабинет. Он имел утомленный вид, вошел усталой походкой. Мрачно поздоровавшись, уселся на свое постоянное место — в угол, образуемый столом Курганова и длинным столом заседаний.

— Что-то все такие, будто на поминки собрались? — спросил он, ни к кому не обращаясь.

— Причины есть.— Курганов старался говорить спокойно, но в голосе то и дело прорывались взволнованные, тревожные нотки.— В Алешине гульбище устроили, скот режут. Вот сидим и думаем, что это — первая ласточка или исключительный случай?

— В «Красном знамени» и «Баррикадах» тоже, собственно, из-за этого сыр-бор разгорелся.

— Вот как? Ну-ну, рассказывайте,— нетерпеливо попросил Курганов.

— В «Баррикадах» после собрания решили устроить нечто вроде пирушки. Зарезали трех барашков. А в «Знамени» узнали и возмутились. Они и так со скрипом шли на объединение, доходы-то у соседей вдвое ниже. Ну, а после истории с баранами рассердились вовсю. Это, говорят, разве хозяева? Пропойцы, а не колхозники. Мы, говорят, хотели в люди их вывести, а они вот что удумали. Ну, собрались и к председателю: «Не хотим объединяться с «Баррикадами», и все тут». Тот уговаривать — ни в какую. Звонит мне. Послал нашего инструктора, пусть разберется.

— Когда это было? — глухо спросил Курганов.

— Вчера.

— А в других колхозах таких случаев нет?

— Нет, кажется, нет.

Курганов мельком посмотрел на него и встал.

— А почему вы сами не поехали в эти колхозы?

— Но я же был в других!

— Надо было быть там, а не в других.

— А что, собственно, случилось? Пошумят малость, потом остынут.— Удачин говорил недовольным тоном, давая понять Курганову, что ему не нравится этот разговор.

Вызвали к телефону прокуратуру, милицию, Овсянина.

Сигналов ни у кого не было. Курганов все не хотел, не мог успокоиться и поручил Вере обзванивать колхозы и сельсоветы.

Когда Вера вышла, Михаил Сергеевич в раздумье заметил:

— Как сильно еще дает себя чувствовать старая деревня, ее привычки и замашки. Праздник, гулянье на всю округу. И коммунист Корягин в тот же хор включился и даже запевает в нем. А ведь предложи любому такому «весельчаку» зарезать своего телка — глаза вытаращит от удивления. Тут же колхозное — поэтому пей, гуляй. Да, не простая штука переделывать человека, воспитать у него такое же отношение к общему, как к своему...

Вера доложила, что приема дожидаются комсомольцы, уезжающие в деревню для работы в укрупненных колхозах.

Это сообщение напомнило Курганову разговор о Родниковой. Он спросил Удачина:

— Березовцы просят к себе Родникову. Как вы думаете?

Удачин, не задумываясь, ответил:

— Надо отпустить.

Он считал, что это самый подходящий случай. После памятного вечера на квартире у Нины они встречались редко и только на людях. Удачин несколько раз пытался уладить разрыв с Ниной, трижды звонил ей, пытаясь договориться о встрече, но получил такой непримиримо-холодный, такой отчужденный и решительный отказ, что настаивать больше не решался. Он не без основания считал, что в подобных случаях женщина становится или близким человеком, или врагом. Близким человеком Нина ему явно не стала, и перспектив на это не было. Значит, лучше, если она уедет из Приозерска.

Комсомольцы вошли в кабинет возбужденные и вместе с тем сдержанные.

Курганов внимательно вглядывался в молодые лица, шутил, задавал вопросы.

— Ну как, теперь готовы к отъезду? Не подведете?

Все вспомнили, как месяц назад они вот так же сидели в этом кабинете и на такой же вопрос Курганова дружно ответили:

— Готовы, Михаил Сергеевич. Целиком и полностью.

— Раз так, очень хорошо,— сказал тогда первый секретарь.— На большое и ответственное дело идете. Потре-

бует оно от вас всех сил, всей энергии, а может, и всей жизни. Если кто чувствует, что ноша эта не по плечу,— скажите, не стесняйтесь. Неволить здесь нельзя. Есть такие? — Задавая этот вопрос, Михаил Сергеевич мягко, улыбчиво смотрел на ребят. Подождав немного, он продолжал: —Значит, таких нет? Ну что ж, совсем хорошо. Вы поймите,— проникновенно говорил он,— с мандатами партии едете. Всегда это помните. Будете стоять во главе бригад, а некоторые и во главе колхозов. А это теперь огромное и довольно сложное хозяйство. Чтобы правильно его вести, надо многое знать. Правда, отбирали товарищей, бывавших в деревне, знающих село, разбирающихся в сельскохозяйственном производстве.

— Это нам не в диковину.— Голос раздался с конца зала, басовитый, уверенный.

Курганов с интересом ждал, что еще скажет этот широкоплечий парень в матросском бушлате.

— Что-то я вас не знаю, товарищ. Как ваша фамилия? — спросил Михаил Сергеевич.

— Отченаш моя фамилия. В район я приехал недавно.

— С деревней-то знакомы? Это важно, очень важно. Ну, скажите нам, какие отрасли хозяйства вам известны? Полеводство, животноводство? И что из животноводства лучше знаете? С птицеводством, например, дело иметь не приходилось?

— Мне? С птицами? — Отченаш смутился, мучительно думая, к чему приведет этот, так непредвиденно начавшийся разговор. «И дернула меня нелегкая высказаться»,— думал моряк.

— Знаю это дело, сталкивался.

— Ну, вот, очень хорошо. Какая же птица у нас может быть наиболее выгодной?

— Какая птица? Ну, например, гусаки.

— Гуси? Верно. Птица хорошая. Ну, вот и расскажите нам о гусях...

— О гусях?

— Да. О гусях. Какие бывают породы? Какие выгоднее...

— ...Гуси... Так, значит, гуси... гусаки, значит. Гуси и гусыни бывают разные, водяные, водные — плавучие, так сказать... ну и сухопутные, которые траву едят...

Дружный хохот оглушил моряка. Смеялись все — и его соседи — ребята и девушки, и Рощин, и Курганов.

Потом Михаил Сергеевич в раздумье проговорил:

— Да, о гусях у вас представление небогатое. Ну, а расскажите, что читали по агротехнике? По вопросам колхозного строительства?

Иван Отченаш понял, что безвозвратно гибнет. Сейчас его отчислят из группы, и тогда — прощай планы, мечты и надежды. Говорить неправду, однако, он не мог. Многие нужные статьи он аккуратно собирал и складывал, но прочитать их пока не было времени, и поэтому, вздохнув, объяснил:

— Не читал я пока, товарищ Курганов. Думал так, что прочту на месте.

Курганов задумался, долго чертил что-то в своем блокноте, потом мягко сказал:

— Нет, ребята, так дело не пойдет. Давайте-ка разберемся, что вы за аграрники.— И Михаил Сергеевич стал тщательно спрашивать каждого, что он знает, чего не знает, каково его представление о селе. Отвечали туго. Что ни вопрос, то или молчание, или ответ по догадке.

Наконец, Курганов со вздохом произнес:

— Ну, что ж, героическая комсомолия, думаю так, что в колхозы вы пока не поедете.

Наступила мрачная тишина. Потом не очень уверенно, но тревожно-настойчиво посыпались вопросы: «Как?», «Почему?», «Как же?», «Вы не беспокойтесь, мы не подведем».

Курганов встал, поднял руку:

— Минутку, минутку, товарищи. Прошу внимания. Сейчас всем домой. А с завтрашнего дня на учебу. На семинар. Хотели сначала практиков колхозных пропустить, да ладно, начнем с вас.

Потом начались занятия в комсомольской группе районного семинара колхозного актива, а Отченаша теперь звали только Гусаковым. Он сердился, ругался, грозился, но ничто не помогало.

Семинар окончился. И вот комсомольцы опять у Курганова.

— Ну так какие же бывают гуси?

Отченаш встал и отчеканил:

— Арзамасские, гуменники, холмогорские, калужские, псковские, уральские...

Курганов, смеясь, остановил его:

— Все ясно. Теперь вы впросак не попадете.

Михаил Сергеевич желал ребятам успехов. Слова были обычные и простые, но была в них настоящая большая

вера в ребят. И это окрыляло, словно чудесный ток проходил в их сердца через рукопожатие Курганова. Счастливые и нетерпеливые выходили они из кабинета.

На улице их охватил холодный январский ветер, мороз покалывал щеки. Но никто не замечал этого. На душе у каждого было и тревожно и радостно одновременно. Впереди маячили неизведанные большие дороги.

Вскоре после ухода комсомольцев вернулся из поездки Костя.

— Хорошо, что явился. Рассказывай.

— Приехал я это, значит, в Алешино. Веселье там — дым коромыслом. Песни, пляски, музыка. И правление колхоза, и клуб огнями переливаются, вся улица дрожит — такие там переплясы идут. Я в правление. Нету председателя. Домой к нему. Тоже нету. Тогда я, значит, по избам...

— Привез ты Корягина или нет?

— Привез, привез, Михаил Сергеевич. Снегом оттирается на улице, хмель сгоняет.

В кабинет Корягин вошел довольно смело. Его пухлое помятое лицо было красно.

— Здравствуй, начальство! Горячо приветствую. Зачем понадобился Степан Корягин?

Курганов сдержанно спросил:

— Вы в состоянии говорить серьезно, или вам надо проспаться?

— Что вы, Михаил Сергеевич. Да я трезв, как стеклышко. Ну выпил, конечно, малость, но чтобы я не мог понимать руководящих товарищей? Слушаю вас в оба уха.

— И давно вы этим балуетесь?

— Водкой-то? Она мне не во вред. Мой организм вполне приспособленный.

— Скажите-ка, что вы там за праздник справляете?

Корягин поднял вверх указательный палец:

— Укрупнились! А укрупнение, как вы сами нам разъясняли,— новый шаг вперед. Ну вот и обмываем, так сказать, этот шаг.

— И сколько же бычков вы съели?

— Одного. Да и бычок-то был так себе. Цыпленок, а не бычок.

— Одного, говорите?

— Одного.

— Точно?

— Или двух? Кажется, двух. Да. Парочку. Но это не бычки, а так себе. Ерунда. У нас теперь стадо-то большое.

— Съели бы и трех, да колхозники не дали. Верно? — зло глядя на Корягина, проворчал Мякотин.

Корягин сразу озлобился.

— Колхозники! Разве это колхозники? От горшка два вершка. Тоже мне колхозники. Я им еще покажу кузькину мать за эту кадриль.

Курганов гневно спросил:

— Слушайте, Корягин, неужели вам не жалко колхозного добра? Резать скот! Да это же черт знает что такое.

— Жалко ли мне, говорите? — Лицо Корягина сделалось вдруг багровым, веселые глазки-пуговки стали темно-синими, слова он почти выкрикивал.— А что мне жалеть? Какой резонт? Я наживал, я старался, а теперь все под одну крышу, в одну графу с соседом? И кто-то будет командовать? Ну, а раз так — пусть.

Корягин вдруг всхлипнул, махнул рукой и закончил:

— Вот сдам колхоз и приду к вам, подбирайте должность.

Курганов смотрел на него зло, левая бровь чуть подергивалась.

— Должность, говоришь, тебе готовить? Да? — Пройдясь по кабинету, он остановился против Корягина.— Должность уж не знаю, найдем ли. А вот судить будем. Непременно будем.

— Это за что же?

— За вред, что принес колхозу. Открытым, показательным судом будем судить. Так и знай. До свиданья.

Корягин хотел что-то сказать еще, но, встретившись со взглядом Курганова, попятился из кабинета.

Когда Корягин ушел, Михаил Сергеевич мрачно произнес:

— Теперь вам ясно, чем руководствуются такие вот корягины? Хлебные местечки терять не хотят. Их, видите ли, с сиденья попросили. Княжить теперь не будут. Хозяин, говорят, хороший. Да какой это, к черту, хозяин? Это самодур, забияка.— Помолчав, уже спокойнее, но так же сурово Курганов продолжал: — Вот что, товарищи. Дело чрезвычайное. Это, если хотите знать, стремление нанести колхозам урон в самый сложный период перестройки. Если не принять мер — вред будет такой, что и представить трудно. Надо немедленно собирать секретарей партийных организаций, председателей колхозов... И чтобы органы власти проявили свой характер. Куда смотрит про-

куратура? Милиция? Разве все это их не касается? Вызывайте-ка их всех завтра утром.

Удачин усомнился:

— Михаил Сергеевич. Надо ли все это? Пойдут разговоры по всему району, до области дойдет.

Курганов даже не счел нужным спорить. Он, нахмурясь, попросил:

— Виктор Викторович, я считаю это дело наиважнейшим. Подумайте — и вы согласитесь...

...Ночью Курганов вызвал по телефону Ветлужск и обстоятельно доложил Заградину о случившемся. Павел Васильевич встревожился, подробно выспросил о деталях. Все меры, о которых рассказал Курганов, он одобрил и велел информировать его подробнее и чаще. А утром руководители многих областных ведомств и учреждений были вызваны в обком. Предметом разговора был звонок Курганова.

Любители гульнуть по поводу нового шага вперед, как оказалось, нашлись не только в Приозерье...

Глава 18

ЧЕЛОВЕК С УЩЕРБИНКОЙ

На заседании райисполкома обсуждалась работа сельских школ.

Занятые колхозными делами, райком и райисполком как-то перестали последнее время интересоваться школами. Забыли о них на время и сельские Советы и колхозы. И вот исполком получил письмо от нескольких колхозников: в школах нет дров, учителя и ученики мерзнут, правления колхозов не выделяют лошадей, и ребята порой добрый десяток километров добираются пешком. Иван Петрович забил тревогу, послал в села работников райисполкома, в несколько школ поехал сам.

Разговор в исполкоме касался не только дел хозяйственных. Зашла речь и об учебниках, и о программах, о связи школы с колхозами и совхозами.

— По-деловому товарищи подходят,— тихо сказал Мякотин Курганову, чуть нагнувшись к нему.

— Далеко не все,— ответил Курганов и показал глазами на Озерова.

Николай сидел в самом дальнем углу кабинета. Приспособившись на подоконнике, он что-то писал в блокноте и, казалось, совсем не слушал, о чем говорят вокруг. Вот он оторвался от бумаг и рассеянно смотрел куда-то в одну точку. Впечатление было такое, что Озеров ждет не дождется, когда кончится заседание, когда отпустят людей заниматься своими делами.

Курганов вспомнил разговор с Удачиным, его слова: «Вялый, сонный, с какой-то ущербинкой...»

«А ведь, пожалуй, прав Удачин-то».— Михаил Сергеевич поймал себя на мысли, что думает о редакторе с раздражением.

К концу заседания, когда Курганов выступал, Озеров снова попался ему на глаза, и снова у него была все та же мина. «Витает в облаках, его мало интересует, над чем мы тут бьемся»,— подумал Михаил Сергеевич и повел речь о характере коммуниста, о том, какими качествами он должен сейчас обладать.

Голос его зазвучал взволнованно:

— Мне хотелось бы обратить внимание на необходимость большей инициативы и энергии в работе. Почему мы не углядели за школами раньше? Понадобились письма, жалобы колхозников, чтобы исполком, районо занялись делом, которое, собственно, обязаны постоянно держать в поле своего зрения. У некоторых наших работников нет чувства беспокойства, чувства ответственности за порученный участок. Надо понять, что от коммуниста требуется самая действенная политическая активность, настоящая партийная страстность. Грош цена коммунисту, который работает от сих до сих, без тревоги и равнодушно взирает на происходящие в жизни явления, на окружающие его факты. Вот недавно толковали мы с редактором нашей газеты, товарищем Озеровым. Критиковали его за серость газеты, за ее беззубость. И что же? Изменилось что-нибудь? Нет. Пока нет. А ведь газета и в этом вопросе, что мы обсуждаем, могла бы куда более ощутимо нам помочь. Могла бы, а не сделала этого. Редактор же спокоен, он добру и злу внимает равнодушно. Так можно вести себя, когда не любишь порученное тебе дело, не веришь в него. Тогда надо сказать честно...

Курганов говорил с гневом. Он думал о тысячах колхозников, готовящихся сейчас к весне, в мороз и слякоть сортирующих семена, работающих на вывозке навоза, удобрений, в холодных сараях латающих машины... И разве мог он, Курганов, спокойно мириться с тем, что кто-то из актива, из руководителей не делает всего того, что обязан делать, чтобы облегчить труд этих людей? Разве мог он согласиться пусть с малейшим неверием в дело, которому коммунисты района, тысячи и тысячи людей отдавали свои силы, разум, энергию?

Судьба Озерова? Да, она занимала его. Он не раз спрашивал Удачина, не ошибается ли он в своем мнении о редакторе, верны ли материалы о нем? Удачин уверенно убеждал Курганова, что Озеров, безусловно, неподходящая фигура в газете. Да и странное поведение Озерова, его стремление уйти в тень, не быть на переднем плане, не-

которая робость и молчаливость — все вместе создавало у Михаила Сергеевича убеждение, что, видимо, действительно Озеров человек случайный в активе, человек с «червоточинкой».

Вот почему сейчас в словах Курганова слышалось столько недовольства и осуждения. Критикуя Озерова, он объявлял беспощадную войну всем, кто любил отсидеться в дальнем углу, старался смотреть на события со стороны, кто думал прожить, не беспокоя и не утруждая себя.

...После заседания исполкома многие активисты подходили к Озерову и спрашивали об одном и том же: «Что случилось? За что тебя так?» Озеров только удивленно пожимал плечами. Он не знал, что ответить. Вышел на улицу. Холодная, звездная ночь охватила его стужей, неуютной гнетущей тишиной.

Озеров, однако, не знал, что все это было не концом, а началом. Не знал многого и Курганов, когда выступал на заседании исполкома.

Поздно вечером к нему пришел Овсянин.

— Что стряслось? Опять оперативники из области прибыли? — невесело пошутил Курганов.

Овсянин хмуро посмотрел на него и удивленно спросил:

— А вы уже знаете?

— Ничего я не знаю, просто догадался по вашему виду. Так кто их интересует?

— Озеров.

— Ну, знаете ли, это уж того, слишком.— Курганов, как всегда в минуты волнения, встал и прошелся от стола к окну.— Да, да. Слишком. Что они к нему имеют? Что предъявляют?

— Точно не знаю. Но полагаю, по делу Звонова, а тот, как вырисовывается ситуация, связан с какой-то группой отщепенцев.

— Звонова я почти не знаю. Но не верится, чтобы на него кто-нибудь имел серьезные виды. Не того полета птица. А что же касается Озерова, тут уже совсем непонятно.

Курганов замолчал, задумался. Он зрительно представил себе Озерова, открытый, спокойный взгляд, припомнил, что сегодня, когда на исполкоме зашла речь о нем, Озеров слушал удивленно, но без испуга. «А вдруг я чего-то не знаю или не понимаю? Вот ведь и семейные дела

у него не в порядке, и выпивка в Алешине была, и заявление опять же... Может, потому он и неактивный, что гнетет его что-то? И все-таки — нет, не может быть». Михаил Сергеевич в раздумье спросил Овсянина:

— А если мы не дадим санкции? Что тогда?

— Это, конечно, осложнит задачу приехавших товарищей. Но они могут и обойтись.

— Что, могут взять и увезти коммуниста в тюрьму? Если даже райком против?

— Могут, Михаил Сергеевич.

— Так тогда и меня забрать могут? Так, что ли?

— Ну, с вами, конечно, посложнее,— ответил Овсянин.

Курганов вспылил:

— Ну вот, тогда пусть и берут меня, раз у них такие широкие полномочия. А Озерова я им не дам. Нет, не дам.— Курганов свирепо нажал кнопку звонка. Вошедшей Вере сказал глухо: — Ветлужск закажите. Обком. Срочно. И Озерова ко мне.

— Хорошо, Михаил Сергеевич.— Невозмутимая Вера закрыла дверь. Таким взвинченным она Курганова еще не видала.

Овсянин тоже удивленно посмотрел на него.

— Михаил Сергеевич, а вы не ошибаетесь? Ведь у вас на Озерова тоже есть материалы. И как я слышал — довольно серьезные.

— Какие материалы?

— Ну, что товарищ Удачин собирает.

— Райком ничего ни на кого не собирает. Он просто проверяет поступившие сигналы.

— И вы сами тоже не верите Озерову. Сегодня-то как его разделали.

— Это, однако, вовсе не означает, что его надо сажать в кутузку. Придется вашим товарищам оперативникам подождать. Сначала мы сами во всем разберемся.

— Так что не приходить к вам моим гостям?

— Ну, приходить-то пусть приходят. С ними шутить нельзя, а то и впрямь до моих седин доберутся. Вдруг обнаружится, что я потомок персидского шаха.

Овсянин скупо улыбнулся на эту невеселую шутку и стал прощаться.

Глава 19

ГУСЬ — ПТИЦА СЕРЬЕЗНАЯ

Ивана Отченаша судьба забросила в Приозерье совершенно случайно.

Как-то еще на действительной службе он увидел в журнале «Огонек» цветной фотопортрет девушки. «Настя Уфимцева из Приозерья» — так гласила подпись под снимком. Что за Приозерье, Отченаш не знал, а портрет произвел на него неизгладимое впечатление. Иван решил во что бы то ни стало разыскать девушку.

Написал письмо в журнал. Ответа нет. Другое, третье, четвертое, наконец, предупредил редакцию, что будет писать до тех пор, пока не получит ответ на свои вопросы: где находится Приозерье, кто такая Настя Уфимцева и как ее найти?

То ли подействовала эта угроза, то ли у кого из работников отдела писем дрогнуло сердце, но скоро Отченаш получил из редакции письмо. Оказалось, что Приозерье не очень далеко от Москвы. А Настя Уфимцева — одна из героинь района. Демобилизовавшись, Отченаш приехал сюда. Однако разыскать Приозерье оказалось куда более легким делом, чем симпатичную Настю Уфимцеву. То ли это была ошибка фоторепортера, то ли его фантазия, но никто в Приозерье Насти Уфимцевой не знал.

Разыскивая объект своего увлечения, Иван Отченаш не забыл, что в кармане у него комсомольский билет и нельзя ему, словно странствующему рыцарю, бесконечно путешествовать по городам и весям.

Ему было в общем все равно, где бросать якорь. Родных у него не было — отняла война. «А почему бы не остаться здесь, в этом самом Приозерске? — думал он.—

Люди как люди, места красивые, городок вполне подходящий, девчата очень даже интересные».

На знаменитом экзамене у Курганова Отченаш понял, что тот не верит в него, в невесть откуда взявшегося парня с черным упрямым ежиком на крупной голове, залихватскими усиками и с черными смешливыми глазами. «Раз так, то это вопрос принципиальный,— решил про себя моряк.— Раз так — задача заключается в том, чтобы некоторые товарищи поняли, как они ошибаются в Иване Отченаше. И зря вы, товарищ Курганов, усомнились в нем, зря думаете, что какая-то там птица, пусть даже гусь, нам не под силу». Встреча, произошедшая у него с Василием Васильевичем Морозовым, была как нельзя кстати.

Когда отобранные для работы на селе комсомольцы проходили семинар, Василий Васильевич заметил в Доме колхозника молодого моряка, который ни на минуту не расставался с книжками, он и в кино шел с ними, и, сидя за обедом, что-то читал, и ночью, к неудовольствию соседей, жег свет до зари. Все эти книги были по птицеводству. Василий Васильевич познакомился со странным моряком и стал уговаривать его поехать работать не куда-нибудь, а именно к нему, то есть в «Луч».

Морозов давно вынашивал план организации птицеводческой фермы в Крутоярове. Стоит оно в излучине Славянки. За деревней, словно по цепочке, тянутся несколько небольших озер. Летом они густо зарастают ряской, речной осокой, пестреют нежными кувшинками. В озерах много рыбы, любят здесь отдыхать стаи перелетных уток. Когда Василий Васильевич проезжал мимо озер, всегда вздыхал: «Эх, добраться бы до вас!»

Но не доходили руки, не было средств, людей. А теперь, кажется, можно подумать и об этом.

— Ты, парень, и не планируй куда-то там ехать. Раз тебе эти самые гуси покоя не дают, значит, это перст судьбы, значит, ты специально предназначен для наших краев, а говоря конкретно, для нашего колхоза.

— Да, но пошлют ли меня к вам?

— Ну это ты уж предоставь мне.

— И вот Иван Отченаш вместе с Морозовым обходят Крутоярово, любуются мощным, красивым изгибом Славянки, чуть угадывающимися в снегах озерами. Вернувшись в правление, потирая озябшие на морозе руки, Василий Васильевич спросил:

— Так с чего же начнем?

— Я думаю, Василий Васильевич, вот с чего. Прежде всего...

Но, не договорив, Иван бросился к окну. По улице шло небольшое стадо гусей. Здоровенный белый как кипень гусак чинно шагал впереди, а за ним след в след, перекликаясь и обсуждая какие-то свои гусиные дела, шло еще шесть птиц.

— Вы понимаете, что это такое? Это же арзамасский гусь. Понимаете? Арзамасский. Это же чрезвычайно интересный факт. Просто даже удивительный. Надо немедленно узнать, чье это стадо.

Гусак и его подопечные, как оказалось, принадлежали старухе Кривиной. Иван сразу же пошел к ней и долго объяснял, что за ценность она имеет. Затем, нахмурясь, строго предупредил — ни в коем случае этих гусей не резать, не продавать и вообще беречь.

— Много односельчан таких птиц держат? — спросил Отченаш собеседницу.

— Гусей-то? Нет. Не держат у нас птицу.

И это было действительно так. Гусей и уток здесь имели немногие. К рыбе тоже большого интереса не проявляли.

— Было когда-то,— объясняли при беседах колхозники,— разводили птицу. И рыбкой баловались. А сейчас — нет. Хлопотливо. Скот — куда выгоднее — луга у нас заливные.

— Вот организуем птицеферму, тогда посмотрите, как это «невыгодно».

— Что ж, посмотрим.

Иван понимал, что люди соглашаются с ним из вежливости, а гуси, утки и караси — для них — дело не совсем серьезное и уж, во всяком случае, не такое, чтобы под него отводить самые хорошие луговые участки в излучине Славянки.

А такое предложение Отченаш внес на собрании бригады через неделю после приезда. Надо же иметь место для выпаса птицы? Встретили его слова таким гневным шумом, что он сначала растерялся. Потом, успокоившись, вытащил из кармана черную клеенчатую тетрадь, дождался тишины.

— Раз такое дело, раз многие товарищи не понимают значения птицы, я должен популярно разъяснить роль птицеводства в условиях коллективного хозяйства.

— Вот, вот, расскажи нам, что такое гусь,— раздался чей-то насмешливый голос.— Объясни, что это за птица и с чем ее едят...

Но когда Отченаш вставал на свой курс, сбить его было трудновато. Вот и сейчас он поднял руку и невозмутимо продолжал:

— Вы знаете, что наша односельчанка Марфа Кривина обладает большой, я бы сказал, огромной, ценностью?

В зале засмеялись. Кто-то заметил:

— Я всегда говорил, что у этой старой чертовки что-то есть. Золотишко или бриллианты обнаружили?

— Зря смеетесь, уважаемые товарищи. Я не шутя говорю. Марфа обладает стадом гусей, не каких-то там тулузских или, скажем, серых, а настоящим арзамасским гусем. Считаю своим долгом обратить ваше внимание на следующее: незадолго до революции в Петрограде вышла книга князя Урусова, книга по птицеводству. Удивительно, но факт есть факт. Вот что писал этот самый князь: «Арзамасский гусь, происхождение которого покрыто сединой веков, отличается крупным ростом, мощным сложением, особенностью к откорму и чисто белым оперением. К сожалению, эта чисто русская полезная порода быстро вырождается. Белые стада арзамас ких гусей уходят в область преданий». Вы понимаете? В область преданий. А оказывается, арзамасский гусь по нашим улицам гуляет. А ведь он, арзамасский гусь,— это, товарищи, явление. Возьмем вопрос о выносливости. Например, когда еще в России не было железных дорог, гусей гнали в Москву и Питер своим ходом, то есть пешком. Представляете, сколько им приходилось шагать? Чтобы предохранить от увечья лапы, догадливые арзамасцы разливали расплавленную смолу и загоняли на нее гусей. Смола прилипала к лапам, обволакивалась песком, застывала, и гуси спокойненько доходили до столицы.

— Интересно-то как,— проговорила молодая колхозница, лузгавшая семечки и аккуратно собиравшая скорлупу с них в ладошку, сжатую лодочкой. В тон ей кто-то из колхозников проговорил:

— Может, и пахать на гусях будем?

Отченаш, не обращая внимания на эти шутки, продолжал свою речь.

— Отвлекся я малость от сути вопроса. Но не без умысла. Вы думаете, почему я рассказываю вам все эти истории? Да чтобы вы поняли, что гусь — это не просто птица.

Раньше в народе говорили: «Без десятка гусей — мужик не хозяин». И еще так: «Гусь — это бесплатное мясо на ногах». Правильно говорили. И совсем непонятно, необъяснимо даже, почему у нас в колхозе птица не в почете. Вот можно часто услышать, что гусь свинье не товарищ. А почему так сказано? Да потому, что гусь свинье сто очков вперед даст. Мясо у гуся по питательности лучше свиного, в нем больше белка. Жиров у гуся сорок шесть процентов, а у свиньи только тридцать семь. Потом перо, пух...

— Да уж у свиньи какой пух? — Реплику опять бросила молодуха, лузгавшая семечки. Все рассмеялись. А мрачноватый колхозник проговорил:

— Жрут они, говорят, очень много, гуси.

— Ну уж это извините. Научно доказано, что гусь кушает гораздо меньше свиньи. У нее на прирост одного кило мяса, если взять, допустим, зерно, идет четыре кило, а у гуся всего два...

Кто-то спросил:

— И что, только арзамасские гуси такие молодцы?

— Почему только арзамасские? — Отченаш, обрадованный начинающейся заинтересованностью аудитории, восторженно разъяснил: — Хороших пород много — холмогорские, калужские, псковские, уральские, крупные серые и еще много других есть.

А потом вопросов было столько, что Иван не раз вставал в тупик. Но он все равно радовался: «Ну, кажется, расшевелились...»

Собрание бригады закончилось довольно поздно. Расходясь с него, колхозники переговаривались между собой:

— Отчаянный парень этот Отченаш.

— Он просто помешался на гусях.

— Зря ты говоришь. Дело он затевает стоящее.

— Ну это еще надо посмотреть.

А в группе девчат вперемежку с песнями и шутками слышалось такое:

— Девчонки, а морячок-то ничего.

— Ничего, только вроде не совсем в норме. Гуси, гуси — других слов будто и не знает.

— А ты хотела, чтобы он больше насчет гусынь соображал?

...Под птицеферму решили переоборудовать своими силами два огромных сарая, что стояли в некотором отдалении от деревни на берегу Славянки. Здесь были склады

«Заготсено», но они перебрались на правобережье, поближе к железнодорожной станции, и сараи были переданы колхозу.

— Может, техника в районе попросим? — спросил Ивана Морозов.

— Да нет. В районе, насколько я знаю, их, техников-то, раз-два, и обчелся, а ждать нам некогда. Вы не беспокойтесь, все сделаем. Голова на плечах есть, книжки тоже, да и видели мы кое-что. Сделаем... Только плотников выделите, тес и кирпич подбросить не забудьте.

Приехав с правления, Иван, торопливо обжигаясь горячими щами, пообедал и сразу же отправился в сараи. Здесь до ночи осмотрел все и замерил, а ночью почти до утра сидел за расчетами.

Утром пришли трое плотников, присланные из соседней бригады. С ними Иван уговорился довольно быстро. Труднее оказалось с печником. Печника ни в Крутоярове, ни в других бригадах не оказалось. Пришлось идти в соседнее село Краюхино. Здесь ему указали, где живет дед Юсим — единственный на всю округу печник. Кудлатый, рыжий Юсим с маленькими воспаленными глазами и белыми, как у молочного поросенка, бровками, несмотря на раннее утро, был навеселе. Отченаш рассказал ему суть дела.

— Не возьмусь,— причмокивая, будто он проглотил что-то вкусное, ответил Юсим.

— Это почему же?

— А так, не возьмусь, и все.

Иван опешил.

— Но ведь надо. Неужели не понимаешь?

— Не возьмусь,— опять промямлил старик и опять вкусно причмокнул.

— Дак почему, черт возьми?

— А так. Не интересно это мне. Я человек старый и должен свою организму сохранять. Такой теперь закон. Человек у нас самый ценный капитал.

Отченаш, ни слова не говоря, положил на стол сторублевку.

— Не возьмусь.

Иван положил еще две бумажки, решительно поднялся со стула и проговорил:

— Так завтра жду с утра.

— С утра так с утра,— ответил Юсим, словно и не было у них ни торга, ни спора.

Возвращаясь в Крутоярово, Иван думал: «Вот старый черт. Типичный сквалыга, осколок проклятого прошлого. Аж глаза загорелись, когда на столе три сотни оказались. Ну да бес с ним, важно, чтобы печи сложил».

Теперь Иван дневал и ночевал в сараях; он никому не давал покоя — то помогал плотникам, то бежал в контору к Морозову, жалуясь, что до сих пор не пришла машина с кирпичом, то дотошно спрашивал Юсима, будет ли тяга в печах и будет ли тепло в помещениях...

Через неделю Морозов заглянул на ферму. Войдя в сарай, он неподдельно удивился. Помещение было побелено, широкие решетчатые окна с фрамугами застеклены, вдоль стен два ряда секций-хлевов для гусей из чисто оструганного штакетника. В широком коридоре между ними кормушки, поилки с подставками. Все было сделано добротно, старательно.

То же самое было и во втором помещении. Василий Васильевич понимал толк в хозяйственных делах, и, как ни прикидывал, как ни старался, придраться было не к чему.

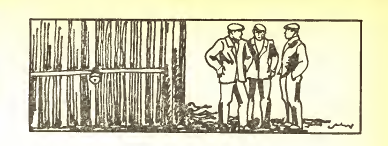
— Хотел за лазы упрекнуть, ан нет — и их предусмотрел.

— А как же? Птица в эти самые лазы будет прямо на водные процедуры отправляться.

Морозов еще раз обошел оба помещения и протянул Ивану руку.

— Вы что, уже уходите? А у меня к вам несколько вопросов.

— Не ухожу, а поблагодарить хочу.



Глава 20

ЛЮДЯМ НАДО ВЕРИТЬ

Уже более двух недель Озеров не работал. Через несколько дней после заседания райисполкома его вызвали в отдел пропаганды райкома и сообщили, что газету будет временно подписывать заместитель.

— Это как понимать? Меня что, снимают?

— Пока нет. Но лучше, если на некоторое время ты отойдешь от дел.

И вот Николай дома.

Он бесцельно бродит по квартире, берет в руки книгу, но строчки расплываются перед глазами. Часами сидит у окна, наблюдая уличную жизнь Приозерска.

Вот проехала полуторка. В кабине, кажется, восседает кто-то из знакомых. Но кто, разобрать не мог. Прошла группа школьниц. Громко смеются, разговаривают. Лица раскраснелись от мороза. Вот идет колонна новеньких тяжелых грузовиков. На бортах размашисто выведенные мелом слова: «Транзит. Мосбасс». Машины гружены станками, ящиками, тюками. Это груз для шахт.

Потом еще колонна машин. На одних надписи: «Тула», на других — «Орел», на следующих — «Курск». С мощным гулом пробегают красные и голубые автобусы, шуршат по асфальту «Победы» и «Москвичи». Неутомимо, неугомонно живет автомагистраль, один из многочисленных кровеносных сосудов страны и города. Ничто не изменилось здесь оттого, что редактор районной газеты, что называется, висит на волоске. И кажется, никому здесь нет дела до Николая Озерова.

Почти каждый день приходил кто-нибудь из работни-

ков редакции. Они видели, с каким обостренным интересом слушал Озеров их рассказы о делах, которыми жил район, и не скупились на новости... Приходил Гаранин из райкома, Мякотин заглянул на полчаса. Петрович тяжело вздыхал, было видно, что он глубоко сочувствует Николаю. И конечно, все прикидывали и так и этак, как быть ему, Озерову. Одни стояли за то, чтобы писать в обком, в ЦК, другие советовали дождаться выводов комиссии райкома. Завернул как-то Макар Фомич Беда — он приезжал в райзо и, узнав о несчастье с редактором, поспешил к нему. Вообще, случившееся с Озеровым не прошло в районе незамеченным. В отделах райкома частенько раздавались звонки, спрашивали, что случилось с Озеровым, за что освободили, где он будет работать. Когда об этом рассказали Курганову, он задумался, а увидев Виктора Викторовича, спросил:

— Говорят, актив обеспокоен судьбой Озерова?

— Друзья и приятели ратуют. У него их много.

— Когда друзей много — это неплохо.

— Ну, его-то друзей мы знаем.

— Скорей заканчивайте проверку. Что он делает? Что думает делать?

— Что делает? Сидит дома и пьет водку.

— Вы что, предполагаете или знаете?

— Да нет, точно говорю. А использовать? Не знаю, Михаил Сергеевич. Думаю, что в районе ему делать нечего.

— Ускорьте проверку. Заканчивайте.

— Хорошо, Михаил Сергеевич.

После этого разговора «дело Озерова» пошло быстрее. Его вновь и вновь приглашали к Удачину, и всегда он выходил от Виктора Викторовича обескураженный. Его поражало стремление Удачина доказать то, чего не было. Никакой пьяной оргии в Алешине не было, а Удачин требует сказать, с кем выпивал, сколько, долго ли продолжалось веселье. А заявление Пухова и Корягина? Ведь ясно же, что чепуха. Однако от него требуют признаний. Но особенно настойчиво Удачин проверял все, что касалось Олега Звонова.

— Значит, вы не отрицаете, товарищ Озеров, что находились в близких дружеских отношениях с неким Звоновым?

— Скорее в товарищеских. Работали вместе. Но, между прочим, этот самый некий Звонов хорошо известен и вам.

— Вы подтверждаете,— продолжал Удачин,— что вы бывали у него, он бывал у вас?

— Подтверждаю.

— Из этого следует, что вы не могли не знать о его сомнительных настроениях и связях.

— Из этого вовсе ничего не следует. Ни о каких его сомнительных связях и настроениях я не знал.

— Но этого же не может быть?

— И, однако, это именно так.

— Зря, Озеров, вы хитрите перед партией.

Такие встречи были уже не раз. Они выводили Озерова из себя, взвинчивали нервы, наполняли тревогой.

Как-то вечером после очередного монотонного допроса у второго секретаря Озеров выбежал от него взбешенный до крайности. Виктор Викторович добрался до семейных дел Озерова. Судя по его вопросам, выходило, что Николай сам бросил жену, не хотел брать ее сюда, в Приозерск, чтобы иметь полную свободу действий.

— А зачем, собственно, мне эта самая свобода действий? — спросил Николай Удачина.

Виктор Викторович многозначительно улыбнулся.

Озеров, не прощаясь, выбежал из кабинета. Он решил сейчас же пойти к Курганову: «Пусть кончают эту канитель скорее. Так и скажу. Пусть принимают любое решение, но скорей. Тогда хоть какая-то ясность будет. Поеду в область, в Москву. Не преступник же я, черт побери».

Именно в таком решительном настроении он и зашел в кабинет Курганова. Михаил Сергеевич не удивился. Он пригласил Озерова присесть и, закончив беседу с заведующим райзо Ключаревым, ровным, немного усталым голосом проговорил:

— Я слушаю вас.

— Я к вам, Михаил Сергеевич.

— Вижу, что ко мне.

— Хочу попросить, чтобы Удачин скорее заканчивал следствие.

— Следствие? Почему следствие? Проверка. Партийная проверка — это не следствие.

— Партийная проверка предусматривает прежде всего доверие к человеку, веру в коммуниста. А тут... Разве так ведется настоящая партийная проверка? Да что и ожидать от Удачина? Его же хлебом не корми, только дай возможность очернить человека.

— Что же, он так любит чернить людей?

— Тех, кто не в тон с ним поет,— не пожалеет.

— Не любите вы его?

— А вы бы поинтересовались, кто его любит? Не много таких наберете.

— Качества руководителя не всегда определяются любовью подчиненных.

— Ну, партийный руководитель, не пользующийся уважением коммунистов,— пустое дело.

— Возможно. Вы и меня, поди, не жалуете своими симпатиями?

— А что у меня за основания для этого? От работы отстранили, навешали черт-те каких обвинений, готовятся партийный билет отобрать. И все это не иначе как с вашего согласия. Значит, мне вы не верите, а поверили клеветникам вроде этого прохвоста Пухова...

Курганов, однако, не обратил внимания на столь резкий тон и заинтересованно спросил:

— А что собой представляет этот Звонов?

— Звонов? Шалопай он, хвастун бесшабашный. Это верно. Но чтобы влезть во что-то политическое? Нет. Уверен, что это какое-то недоразумение.

— Ну что ж. Это хорошо, что вы верите в своих товарищей.

— А знаете ли вы, каково человеку, когда ему не верят? Это очень, очень тяжко.

Курганов пристально посмотрел на Озерова и чуть медленно заметил:

— А вы не делайте поспешных выводов. Не все разуверились в Озерове. Не все.— Проговорив это, Михаил Сергеевич протянул Николаю руку и добавил:— А ваше дело мы закончим в ближайшие дни.

— «Дело»... Мрачновато звучит,— краешком рта улыбнулся Озеров.

— Ну, ну. Не надо так скептически смотреть на вещи. И советую быть бойцом, а не кающейся Магдалиной. Если вы, конечно, имеете право на это, если вы чисты перед партией...

Оставшись один, Курганов позвонил Гаранину.

— Зайти можете? Собираетесь? Вот и хорошо.

Вместе с Гараниным пришел Мякотин.

— Видите ли, Михаил Сергеевич,— как всегда, чуть медлительно и со вздохом заговорил Иван Петрович,— мы с товарищем Гараниным долго думали, прежде чем гово-

рить с вами, долго взвешивали и пришли к убеждению, что мы, то есть райком, ошиблись.

— О чем речь? В чем ошиблись?

— В деле Озерова.

— Ну, одним словом, не виноват Озеров,— решительно произнес Гаранин.

— А факты? Какие есть факты для таких выводов?

— Факты, собственно, те же, что проверяет комиссия Виктора Викторовича. Только как их понимать и как проверять. Я вам должен рассказать один небольшой эпизод. Позавчера я был на рабочем собрании в совхозе имени Горького. Там профсоюз отчитывался. И вот очень уж гладко шло собрание. Я спрашиваю: «Что это у вас все тихо и мирно, будто и в самом деле все хорошо?» — «Почему,— говорят,— все хорошо? Далеко не все».— «Ну, а почему же речи такие, будто юбилей справляете?» — «Да ведь знаете, товарищ Гаранин, критика — это дело такое... Вон у вас редактор покритиковал торговцев в газете и скоренько свернулся, вылетел...» Ну я, конечно, разъяснил, как и что, но осадок у меня остался неприятный.

— А у меня на днях были Морозов и Беда. Морозов-то насчет птицефермы хлопочет, а Беда — насчет лесной делянки и стекла, парниковое хозяйство затевают... Ну так вот. Очень они обеспокоены озеровским делом.

Курганов долго сидел задумавшись. Сегодняшняя беседа с Озеровым и этот разговор вновь подняли в душе тревожное беспокойство. Хотя Курганов и отстоял Озерова перед товарищами из области, полной уверенности в своей правоте у него не было, как не было уверенности и в виновности редактора. Но если до сих пор он ждал выводов комиссии, то сейчас понял, что ждать больше нельзя.

— То, что зашли со своими сомнениями, хорошо. Но дело это не простое. Не забывайте, что кое-кто в области следит, как мы его решаем.

Несколько вечеров подряд Курганов читал объемистое дело, что принес ему Удачин, вызывал Озерова к себе, приглашал людей, что знали его ближе...

...Озеров вернулся домой поздно. Все тело ныло, словно после тяжкой, непривычной работы, в голове стоял шум. Николай, сняв пальто, кепку, медленно прошел в комнату, сел на стул у окна и стал смотреть на улицу. Мысли неслись стремительно, сменяя одна другую.

Что произошло? Как все будет дальше? И еще одна мысль неотступно жила с ним. Это мысль о Наде. Где она

сейчас, что делает? Как отнесется к тому, что произошло с ним? Ему вдруг мучительно, до боли захотелось видеть жену, рассказать ей все, все, посоветоваться, проверить свои сомнения. Николай быстро подошел к телефону, заказал Москву. Линия в это время была не очень перегруженной, и скоро московская телефонистка уже вызывала его квартиру. Послышался далекий голос Нади. Но Николай узнал бы его из тысячи тысяч.

— Николай? Это ты? Очень хорошо, что позвонил. Рассказывай, рассказывай, как ты там живешь-можешь? Соскучился по мне или еще нет?

Озеров слушал эти торопливые возгласы жены, и у него вдруг опять, как было нередко в эти дни, появилась мысль бросить все к чертям, собрать свой нехитрый скарб и махнуть домой — в теплую, уютную квартиру на Чистых прудах. Николай представил себе, как бы обрадовалась Надя, увидел ее улыбку — ослепительную, радостную — и даже зажмурился. Но видение держалось недолго. Оно исчезло очень быстро, словно испугавшись нового вопроса Нади:

— Когда вернешься-то, муженек? А то смотри, не опоздай.

— Надя, у меня есть разговор к тебе. Понимаешь, дела складываются так, что из газеты, кажется, уходить придется. Вот хотел посоветоваться...

Надя тут же ответила:

— А чего тут советоваться? Кончай там все — и домой. Хочешь, я приеду за тобой?

— Да нет, спасибо. Уезжать мне пока нельзя.

— Ну, а что случилось-то? — настороженно спросила Надя.

Озеров рассказал ей о своих бедах все, ничего не утаив. Надя недолго помолчала, а потом с иронией заговорила:

— Значит, довоевался Аника-воин? Получил свое сполна? Будешь теперь знать, как не в свои сани садиться. Скажу по совести, я рада, что сбили твою спесь. Допрыгался. На село, видишь ли, он собрался. Колхозы поднимать. Сознательный больно. А я вот теперь еще посмотрю, брать тебя к себе обратно или не брать. Я еще подумаю. А что? Имею на это полное право.

Надя говорила еще долго, а Николай слушал, не перебивая ее ни одним словом.

— Ну что молчишь? Алло? Ты слышишь меня?

— Да. Слышу.

— Я говорю, ладно, приезжай, так и быть. Посмотрю что с тобой делать...

— Спасибо. Но из района я уезжать не собираюсь. Вот если бы ты ко мне приехала, было бы очень хорошо.— И, вздохнув, Николай добавил: — Мне было бы легче, Надя.

— Что? К тебе? Ты думаешь, что говоришь? Сам без работы сидишь и меня сорвать хочешь?

— Я думаю попроситься в колхоз. И если бы ты приехала...

Николай понимал, что эти слова могут окончательно поссорить его с Надей, что она эти слова примет за издевку, но не сказать их не мог. Она сейчас очень нужна была ему.

Надя даже задохнулась от гнева:

— До свиданья, Озеров.

Трубка сухо щелкнула, раздались частые гудки. Николай устало вздохнул, отошел от телефона и прилег на диван.

Глава 21

ЕСЛИ НА ФАКТЫ СМОТРЕТЬ ПО-РАЗНОМУ

Бюро райкома нынче затянулось. Весь актив уезжал в колхозы, и вопросов накопилось много. Дело Озерова разбиралось в самом конце заседания.

Докладывал Удачин. Он, как и все, сегодня устал, но важность вопроса, напряженное внимание присутствующих требовали бодрого, уверенного тона.

— Прежде всего я должен сказать членам бюро, что заявления, поступающие в райком на Озерова, бывшего нашего редактора, в основном подтвердились.

Неясный шепот прошел по кабинету, то тут, то там послышался приглушенный говорок.

— Разрешите доложить подробно.

И Виктор Викторович начал обстоятельно рассказывать, сопоставлять факты, комментировать, подчеркивая наиболее характерные детали.

Главным пороком он считал стремление Озерова использовать газету для своих низменных, как он выразился, целей. По его докладу выходило, что многие выступления газеты предопределялись какими-то особыми интересами Озерова.

— Конечно, критиковать наши недостатки надо. Я бы даже сказал, что их надо критиковать беспощадно. Но шельмовать советских людей нельзя. Да, нельзя, товарищи. А здесь мы наблюдаем именно такие явления. И это, товарищи, не только позорит Озерова как коммуниста, но кладет тень и на всю нашу районную партийную организацию...

— Факты, факты давайте,— нетерпеливо крикнул кто-то.

— Сообщим и факты,— не спеша ответил Удачин.—

Как-то товарищ Озеров ездил в колхоз «Заря». Ну, колхоз этот, сами знаете,— не из передовых. Ресурсы у него бедные. Впечатления у редактора он создать не мог. И что же? Через два дня в газете появляется разгромная статья о разных непорядках и безобразиях в колхозе.

— О чем идет речь? — нервно выкрикнул Озеров.

— О вашем фельетоне «Шито-крыто».

— Но ведь семена в колхозе действительно хранились возмутительно, разворовывались.

— Товарищ Озеров,— укоризненно покачал головой Удачин,— вам будет дано слово.— И, сказав это, продолжал: — Советую членам бюро вспомнить фельетон о делах в Болотовской МТС. Сколько там было желчи и доморощенного остроумия. Не было там только одного — правды, объективно проверенных фактов.

— Значит, материалы о механизаторах-вымогателях не подтвердились? — спросил Мякотин.

— Видите ли, Иван Петрович. Болотовских механизаторов мы с вами знаем. Перехваливать их нельзя. Но и ругать надо за то, в чем виноваты. Ведь верно? Ну так вот. А факты, о которых писал фельетонист, эти факты высосаны из пальца. Далее... Вы помните, что совсем недавно газета опубликовала материал о работе торговой сети...

Внимание участников заседания обострилось еще больше. Материал был резкий, его читали все, и точку зрения комиссии, проверявшей материалы об Озерове, услышать было интересно.

— Так вот, товарищи. Мы подробно исследовали это дело. И что же? Оказалось, что большинство фактов выдумано, является плодом больного воображения авторов.

— Воровства и безобразий в торговле у нас хоть отбавляй,— громко сказал Гаранин.

— Это, безусловно, верно, товарищ Гаранин, и мы были бы благодарны редакции за разоблачение подобных явлений. Но руководитель редакции у нас озабочен другим: как бы зацепить и скомпрометировать не главных виновников и расхитителей, а тех, кто ему особенно неугоден. Главное острие статьи направлено против Пухова. А почему? Да потому, что Пухов подал в райком заявление о некоторых неблаговидных поступках товарища Озерова...

Раздались возмущенные голоса членов бюро.

— Ну это уже безобразие!

— Как же так можно?

— Оказывается, по мнению товарища Озерова,— можно.— Голос Удачина приобрел оттенок твердости и гнева.— Факты, которые приводит в своем письме товарищ Пухов, подтвердились, и подтвердились полностью. Нами установлено, что товарищ Озеров имеет явно непартийные взгляды, частенько поговаривает о катастрофических делах в колхозах, сомневается в целесообразности мер, принимаемых для укрепления сельхозартелей. Одним словом, Озеров не верит в политику нашей партии...

— Но это же чепуха,— взволнованно выкрикнул Озеров.

— Расскажите, с кем на эти темы говорил Озеров, кто это подтверждает? — спокойно попросил Курганов.

— Это подтверждает Пухов в своем заявлении, подтверждает Корягин, подтверждает, наконец, и некий Звонов в своих показаниях. После этих слов стих шумок, наступила тяжелая, напряженная тишина. Удачин обвел всех взглядом и спокойно продолжал: — С Пуховым, например, Озеров говорил на эти темы совсем недавно у себя на квартире.

— Что-то непонятно,— заметил Мякотин.— То Озеров пропечатал этого Пухова, то откровенничает с ним?

— Все понятно, Иван Петрович. Именно потому он материал о Пухове и напечатал, что хотел обезопасить себя.— Удачин положил руку на толстую, пухлую папку.— Есть документальные подтверждения этому.

Затем Виктор Викторович в деталях рассказал об алешинской поездке Озерова, не преминул коснуться его семейных дел, утверждая, что он бросил жену и развалил семью, многозначительно вернулся к Звонову и связям Озерова с ним, а в заключение подробно разобрал газету, ее недостатки. Монотонно, но весомо и уверенно звучал его голос.

— Товарищ Курганов неоднократно со всей резкостью критиковал «Голос колхозника». Это была очень точная и верная критика. Не зря газету у нас зовут не голосом, а шепотом колхозника. И причина здесь, товарищи, одна — нельзя хорошо вести дело, если в него не веришь, нельзя сделать боевую газету, когда в душе у тебя червоточина, гниль сомнения...

Виктор Викторович говорил уверенно. Произнеся одно-два предложения, он останавливался, чуть-чуть склоняя

голову набок, и как бы прислушивался к своему голосу.

— И все-таки непонятно,— в задумчивости произнес Мякотин.

— А что именно? Что вам не ясно, Иван Петрович? — Удачин настороженно повернулся к нему.

— Да все. Все не ясно,— спокойно и мрачновато, не глядя на Удачина, ответил Мякотин.

— Все, что я сказал, товарищи, это голые факты. Нравятся они нам или не нравятся — значения не имеет. Я уверен, что у нас хватит партийной принципиальности должным образом рассмотреть этот вопрос. Пора решить его. Добавлю лишь следующее: Озеров до сих пор не осознал своих ошибок, ведет себя беспринципно. Он уверяет, что не виноват. Все считает клеветой, наговорами на него. Следовательно, он не хочет быть откровенным перед нами, перед райкомом, перед партией. Ну, а такое поведение, конечно, никак не совместимо с высоким званием коммуниста.

Удачин сел. Все молчали и не смотрели друг на друга.

— Есть ли у кого вопросы? — подчеркнуто спокойно спросил Курганов.

— Пусть Озеров скажет,— раздались голоса.— Пусть объяснит.

Курганов еще раз спросил участников заседания, нет ли вопросов, а затем проговорил:

— Ну что ж, товарищ Озеров, вам слово.

Николай встал. Он знал, что от того, как сумеет сейчас объяснить все, четко и ясно осветить события, зависит и доверие этих людей к нему, и вся его дальнейшая судьба. Совсем недавно он ясно, четко представлял себе свою речь, знал, что и как будет говорить. Но сейчас, когда надо было эти слова сказать людям, он растерял их. Волнение перехватывало горло. Как доказать свою правоту, чтобы это дошло до сознания людей, чтобы они поверили ему, его совести, его сердцу?

— Ну, так мы слушаем вас,— напомнил Курганов.

Озеров откашлялся, расстегнул и снова застегнул пиджак.

— Да, да. Я понимаю. Вот здесь докладчик сообщил бюро, что все факты, которые против меня выдвинуты, подтвердились. Но я удивляюсь, как они могли подтвердиться, если их не было?

— Это как же понимать? Совсем не было? — вопросительно глядя на Озерова, задал вопрос Мякотин.

— Ну, если не делать из мухи слона...

— Это надо доказать, Озеров.— Курганов смотрел на него вопросительно и твердо.

— Постараюсь это сделать.

— Говори прямо,— ободряя Озерова взглядом, заметил Гаранин.— Даже плохая правда лучше хорошей лжи.

— Хорошо. О так называемой пьянке в Алешине. Обстоятельства были следующие: приехал в колхоз. Надо где-то ужинать. Зовет Корягин — не хочу к нему. Иду в чайную, сажусь на свободное место, тем более что за столом интересный разговор.

— И ты клюкнул с этими интересными собеседниками,— с сарказмом заметил Удачин.

— Мы выпили ровно по одной рюмке.

— Ага, значит-таки выпили,— усмехнулся Удачин.

— Я это не отрицаю. И если за рюмку можно осуждать, то я виноват.

— Есть данные, что выпито больше,— с многозначительным видом заметил Удачин.

— От кого эти данные? От проходимца Корягина?

— Товарищ Озеров, вы осторожнее, Корягин коммунист.

— Могу повторить, что сказал. Я не удивлюсь, если Корягин возведет и еще большую напраслину.

— Почему вы так думаете? — спросил Курганов.

— Понимаете, товарищ Курганов, коротко на этот вопрос не ответишь. Корягин — это не просто личность, это явление, с ними, с корягиными, надо бороться и бороться.

— Борец за правду,— усмехнулся Удачин.— Уж не свои ли опусы имеете в виду?

— Да, и опусы тоже, Виктор Викторович. Жалею только, что один из них лежит в гранках. После этой статьи Корягин бы еще не так завертелся. Не хуже Пухова.

— А что за статья, и почему ее не напечатали?

— Не успел. Отстранили.

Курганов нажал кнопку звонка и попросил Веру разыскать в редакции статью Озерова об алешинском колхозе. Потом кивнул Озерову:

— Продолжайте.

— Теперь по поводу материала о торговцах. Тут Удачин утверждал, что я опубликовал его из каких-то личных побуждений. Но это же ерунда, товарищи. Ну, допустим, что я такой-сякой, плохой и заинтересованный. А комсомольцы? Они что? Тоже по злобе на Пухова рейд провели?

— А вы не прячьтесь за чужие спины. На неопытности ребят хотите выехать? — не сдержался Удачин.— Такого я от вас все-таки не ожидал.

— А я от вас не ожидал и такой проверки, и такого доклада.

Курганов постучал карандашом по столу.

— Спокойнее, спокойнее, товарищи. Озеров, продолжайте.

— О моих обывательских разговорах, о сомнении и неверии в дело подъема колхозов... Ну что я могу сказать? В наше дело, товарищи, в дело партии я верю. Верю и умом, и всем моим сердцем. Был ли у меня разговор с Пуховым? Да. Был. Я сказал, что объединение — дело трудное, работа предстоит огромная. А он мне: что-то, дескать, без огня говорите? Ну почему, скажите мне на милость, я должен перед этим жуликом свою убежденность доказывать? Ведь это все равно что перед свиньей бисер метать.

Многие рассмеялись, а кто-то из актива спросил:

— А как он у тебя оказался?

— А черт его знает как. Звонов его притащил.

Кто-то рассмеялся, но большинство присутствующих насупилось. Напоминание о Звонове сразу погасило симпатии к Озерову, заставило усомниться в том, что было только что несомненным и ясным.

— Вы объясните людям эту историю со Звоновым? — мрачно заметил Мякотин.

— А что, собственно, я могу объяснить? Знаю его, как и всех работников редакции. Способный очеркист, только бесшабашный до крайности. Но если он дрянь, если он виноват в том, в чем его обвиняют, то что же? Пусть отвечает. Но должен сказать откровенно — не верю я, что Звонов такой...

Когда Озеров закончил выступать, некоторые члены бюро подумали: «Кто же все-таки прав?»

Курганов внимательно вслушивался в выступления, в вопросы, в реплики и листал подшивку «Голоса колхозника», уже всю испещренную его синим карандашом. Мнения участников заседания разделялись. Одни были за наказание Озерова, другие спрашивали:

— Помилуйте, почему? За что?

Удачин выступал еще раз, два или три раза поднимался, чтобы ответить на вопросы. Озеров тоже трижды подходил к столу, уточняя детали, пикируясь с Удачиным, с Никодимовым, Ключаревым. А Курганов молчал. Он за все заседание ни в репликах, ни в вопросах, что задавал, не высказал

своего отношения ни к той, ни к другой стороне. Но тот, кто его знал поближе, видел, что точка зрения первого секретаря к делу Озерова определилась, он проверял ее теперь на мнениях членов бюро и других активистов.

— Ну так как же будем решать? — спросил, глядя на всех, Курганов.

— Поставить крест на всей этой истории, и все,— хмурясь, предложил Мякотин. Многие одобрительно зашумели, но Удачин многозначительно пообещал:

— Не выйдет!

Помедлив, Михаил Сергеевич раздельно проговорил:

— Думаю, что комиссия не совсем права в своих выводах.

— Вот как? Не разобрались вы, Михаил Сергеевич,— заметил Удачин.

— Возможно. Давайте разбираться вместе. О пьянке в Алешине. Вот мне принесли статью Озерова об алешинских делах. Хорошая, острая статья. Если Корягин знает о ней, то он подтвердит не только выпивку Озерова, а даже то, что наш редактор брат папы римского... О торговцах. Да, здесь в материалах есть кое-какие передержки. Грубовато критикуем. Но возникает два вопроса: первый — почему мы усматриваем здесь некие личные побуждения Озерова? Какие основания для этого? Непонятно, товарищи из комиссии. И вопрос второй — почему наша прокуратура набрала в рот воды и молчит? Почему не ведется следствие? Взяли бы да разобрались. Виноваты работники торговли — их за бока, редакция виновата — на нее управу найти.

— Ждем выводов райкома,— проговорил, торопливо поднявшись, Никодимов.

— Ждете выводов, а тем временем пусть жулики следы заметают. Так?

— Но, товарищ Курганов, материал-то ведь липа,— не удержался Удачин.— Ну, комсомольцы ладно, они по молодости. А редактору-то надо думать...

Толя Рощин все это время молчал и никак не мог определить — выступать ему или не выступать? Что сказать и как? Когда же Удачин бросил эту реплику, Толя не выдержал. Он покраснел, его белесый хохолок задорно затопорщился. Не прося слова, Толя встал и произнес короткую, гневную речь:

— Товарищ Курганов, Михаил Сергеевич! Товарищи члены бюро! Это как же понимать? Выходит, мы несмышленыши? А Комсомольск-на-Амуре? А Днепрогэс? А «Молодая

гвардия»? А Зоя Космодемьянская? А три ордена на знамени комсомола? Конечно, мы понимаем, нам, приозерцам, надо здорово подтягиваться. Работать и работать. Но заявить так, как товарищ Удачин,— это политически ошибочно, это неверие в силы Ленинского комсомола. Факт. А зря. Молодость тут ни при чем, товарищ Удачин. Просто вам жаль своего дружка Пухова. А он жулик. Все Приозерье об этом знает. И материалы, что мы дали в газету, никому не опровергнуть. Даже прокурору. А товарищ Никодимов подбирался к нашим материалам: что, да как, да почему? Не выйдет, товарищ прокурор. Я говорю об этом официально. Я готов понести любое наказание, но заявляю: в газете про торговцев все было правильно. Вы извините, Виктор Викторович, но факты есть факты. Я кончил, Михаил Сергеевич.

Выпалив все это, Толя сел.

Курганов с чуть заметной улыбкой поглядывал на Толю и на членов бюро. Те тоже улыбались. Коммунисты Приозерска любили свою смену.

— Ну теперь мне можно продолжать? — шутливо спросил Курганов у Толи.

Рощин пунцово покраснел и серьезно ответил:

— Да, да, пожалуйста.

Все рассмеялись, а Михаил Сергеевич продолжал свой разговор:

— Если даже половина приведенных фактов о хищениях правильны, то все равно надо вывести это жулье на чистую воду. Судить без всяких скидок. У нас же все чего-то ждут. Прокурор ждет, милиция ждет, исполком тоже в ожидании.

— Я посоветовал товарищам не спешить,— мрачно вставил Удачин.

— Плохо посоветовали. Выходит, что из материала, который был опубликован в газете, не был сделан главный вывод — не наказаны виновники. Вместо этого мы ищем грехи редактора, копаемся в его побуждениях, допрашиваем, почему он опубликовал этот материал, чем руководствовался. Комсомольцев обижаем. Всему этому есть довольно точное определение — игнорирование сигналов печати, зажим критики... А партия за это не хвалит.

— Вот это правильно. Очень правильно,— раздались голоса.

— Теперь о настроениях Озерова. Скажу вам прямо — не верю я ни Пухову, ни Корягину. Нет, не верю. Но дело,

товарищи, даже не в том, говорил Озеров с Пуховым или не говорил, выражал ему свои сомнения или не выражал. Коммуниста и его мысли, его душу и сердце определяет прежде всего дело, которое ему поручено,— маленькое оно или большое, все равно. Вот эта сторона в Озерове меня беспокоит. Мне скажут: Озеров работал много. Не спорю, согласен. Но работать много — это еще не значит работать хорошо. Вы помните, мы не раз толковали о нашей газете. Готовясь к сегодняшнему бюро, я просмотрел ее еще раз. И вот, судя по газете, не очень-то горячая душа у нашего редактора. Остроты, настоящей партийной остроты, боевого духа в газете нет. Посмотрите статьи о колхозах, об МТС, о политической работе на селе, в бригадах. Все правильно, все грамотно, все аккуратно. Но все спокойно, без сквознячка, без задора. И это, товарищи, от редактора. Робость? Скромность? Да, скромность у Озерова не отнимешь. Но ведь все хорошо в меру. А если скромность живет рядом с робостью, переходит в пассивность, то тут уже хвалиться нечем. Да, нечем... Сейчас от коммунистов, от каждого из нас требуется не просто много работать, не просто выполнять, что поручено, а отлично работать, отдавать делу всю силу ума и сердца. Мы с вами ответственны не только за свой участок труда, но и за своего соседа, за товарища, за каждую бригаду, за каждый колхоз...

Курганов говорил тихо, умеряя голос, но страстно, горячо, убежденно, и люди невольно заражались его горячностью, его мыслями, его волнением.

— Что же касается остального... то что же? За семейные дела я бы основательно пробрал... гражданку Озерову. Да, да, не его, а ее. Ну, а история со Звоновым... Здесь вопрос вообще особый, в нем мы разберемся отдельно. Наказывать Озерова за этого шалопая пока не вижу оснований. Но, конечно, решать с ним надо. Как? Надо дать ему возможность доказать, на что способен. Можно и в газете оставить. Я уверен, он повел бы ее теперь иначе. Но можно обсудить и другой вариант. Куда бы ты хотел, Озеров?

Николай встал и сдавленным голосом, хрипло выдохнул:

— Как решит райком. Если можно, просил бы дать мне колхоз.

— Колхоз? — Курганов вопросительно оглядел присутствующих.— А что? Это мысль.

— Актив нас не поймет,— торопливо проговорил Удачин.

— Актив поймет, если решим правильно.

— Я с вашими предложениями не согласен.

— Ну что ж. Это ваше право. Но вариант, ей-богу, стоящий. Годы еще не ушли, грамотный. К селу тянется. Нет, я бы подумал, серьезно подумал. Дать ему колхоз, да самый тяжелый, и пусть развертывается.

Вокруг раздались оживленные возгласы:

— Он потянет.

— У него пороху хватит.

Курганов, помедлив, спросил:

— Как будем решать, товарищи?

— Удовлетворить просьбу.

Когда кончилось бюро, Курганов подозвал Озерова:

— Не подведешь? Обида не помешает?

— Не подведу, Михаил Сергеевич.

— Ну, смотри. Спрос с тебя теперь будет большой.

— Ничего. Выдюжу.

— Ну тогда в добрый час, как говорится. Смотри в оба, зри в три.

Поздно вечером, когда все ушли. Курганов потянулся так, что хрустнули суставы, и схватил Удачина в охапку.

— Вы прямо-таки рады чему-то? — удивленно спросил Виктор Викторович, высвободившись и не приняв шутливого тона Михаила Сергеевича.

— Рад, Удачин, честное слово рад. А разве это не радость — человека не потерять?

— Посмотрим, что будет дальше.

— Посмотрим, посмотрим. А проверки, между прочим, да еще секретарю райкома, надо вести более объективно.

— Но, Михаил Сергеевич...— начал было Удачин. Однако Курганов прервал его:

— На сегодня хватит. Пошли по домам.

Глава 22

ПОЕЗЖАЙТЕ В БЕРЕЗОВКУ

— Садитесь, Озеров. Как, не передумали?

— Нет, Михаил Сергеевич. Не передумал.

Озеров пристально посмотрел на Курганова. Суховатое обветренное лицо, задорные с прищуром глаза. Простая, теплая, немного усталая улыбка. Михаил Сергеевич тоже внимательно приглядывался к Николаю, словно видел его впервые. Расспрашивал о службе, о жизни в Москве, о работе в газетах. Спросил еще раз о семье. Николай, помрачнев, рассказал.

Курганов, помолчав, немногословно посочувствовал:

— Не терзайте себя этим. Одумается же она в конце концов.

— Боюсь, долго мне ждать придется.

Михаил Сергеевич взял Николая за локоть и подвел к большой карте района, что висела на стене между двумя книжными шкафами.

— Вот наша с вами территория. Район — один из самых крупных, из самых отсталых и... самых перспективных в области. Да, да. Именно так.— И Михаил Сергеевич стал подробно рассказывать о Приозерье. Говорил подробно, увлеченно, с задором.

Озеров, не утерпев, заметил:

— Когда это вы все успели узнать? В районе-то ведь недавно?

— Знаю я район пока неважно. А знать надо, ох как надо. Не только каждый колхоз, а каждый лесок, каждую полянку. Я уж не говорю о людях. Без этого просто-напросто нельзя работать.

Помолчав, Курганов проговорил:

— Советовались мы утром. Думаем вас послать в Бере-

зовку. Колхоз объединил три артели. Хозяйство получается неплохое. Около семисот гектаров посевных площадей, немалое стадо. Как, не возражаете против Березовки?

Озеров пожал плечами.

— Я целиком полагаюсь на решение райкома.

— Тогда на том и кончим,— проговорил Курганов и крепко пожал Озерову руку. Проводив его до двери, вдогонку бросил: — А сюда, в райком, по любому вопросу, в любое время...

— Спасибо, Михаил Сергеевич.

Избрали Озерова дружно, без особых сомнений и колебаний.

Сыграла свою роль обстоятельная речь, которую произнес Мякотин, и ответы Николая на вопросы.

Колхозники расспрашивали Николая о его стежках-дорожках, спросили, почему решил ехать в деревню. На этот вопрос Николай ответил коротко:

— В деревне родился, в деревне рос, в деревне и жить хочу.

Но тут же почувствовал, что такого ответа мало, и стал рассказывать подробнее — про учебу, работу, как задумал податься в деревню. О размолвке с Надеждой тоже сказал. Потом подошел и к тому, что произошло в Приозерске. Мякотин упомянул об этом вскользь, Николай — подробнее. Слушали его внимательно, живо реагировали на простой и откровенный рассказ.

После собрания Макар Фомич Беда забрал Николая к себе на ночевку и, как только сели за ужин, прямо заявил:

— Вот что, Николай Семенович, давайте напрямки. Меня вы не бойтесь и не думайте, что мою должность заняли. Я сам райком просил. Мне и бригадирства в Березовке по горло хватит. Нелегкое это дело, когда тебе седьмой десяток пошел. Колеса уже не те. Так что ты не думай об этом. И не робей, помогать будем. Ну, а кто не туда потянет,— взнуздаем, народ у нас таких не любит.

Этот разговор снял с души Николая немалую тяжесть. Он действительно мучился мыслью, что переступил дорогу Макару Фомичу.

Недели две или три ушло на ознакомление с хозяйством. Николай с утра до поздней ночи пропадал в бригадах, оглядывал каждый амбар, каждую машину, каждого телка.

Уханов — бригадир второй бригады, походив с ним

целый день по сараям, фермам да складам, утирая рукавом фуфайки пот со лба, проговорил:

— Ты, Озеров, двужильный какой-то. Целый день как заведенный.

Дел у Николая было так много, что еле хватало времени на еду и короткий сон. Никто не вставал раньше его, никто не ложился позднее. Озеров будто преобразился. Все его существо было полно беспокойством и той неукротимой энергией, которая рождается в человеке для любимого дела.

Медленно, но неуклонно приходило уважение людей. Он видел, что колхозники слушали его советы, охотно принимались за дела, которые он поручал. От этого ему радостнее становилось на душе и было жаль, что длинна ночь и короток день.

Но, конечно, не все обходилось гладко. Испортились отношения с механизаторами. Прежнее руководство колхоза старалось с эмтээсовцами жить в дружбе во что бы то ни стало. Николай, когда ему Беда рассказал, какие мытарства приходилось испытывать правлению, чтобы заполучить ту или иную машину, возмутился и резко выступил по этим вопросам на совещании в районе.

— Не рано ли войну-то начинаешь, редактор, то бишь председатель,— сердито бросил ему директор МТС.

Николай тут же ответил:

— Если будете работать, как работали раньше, будем обходиться без вас.

— Понимать в технике надо. Понимать. Это вам не в газетку пописывать. Машина — она штука тонкая...

Сказал это директор с сердцем, с плохо скрытой досадой.

Видимо, с его легкой руки и пошли по МТС гулять разговоры, что новый председатель Березовки не любит технику, недолюбливает механизаторов и хочет обойтись без МТС. Этот конфликт, видимо, затянулся бы, но один незначительный случай помог Озерову.

Как-то в Березовку на вспомогательный машинный пункт прибыли три новых гусеничных трактора. Машинные сараи были неподалеку от правления колхоза.

Однажды утром от сараев раздался высокий звенящий гул работающего мотора.

— Вот ведь какие обороты дает,— тревожно проговорил Николай, прислушиваясь и болезненно морщась. Быстро выйдя из правления, направился к машинам.

— Зачем так мучаешь машину? — спросил он молодого парня, сидевшего в кабине и суетливо перебиравшего рычаги управления.

Тракторист мельком посмотрел на председателя и снисходительно ответил:

— Это, товарищ председатель, не по вашей части. Техника, знаете ли, дело сложное.

— А ну-ка пусти.

Тракторист нехотя спрыгнул на землю. Николай сел за руль, включил скорость, отпустил педаль сцепления. Мотор взвыл, но машина стояла на месте, глухо и бессильно вздрагивая. Озеров соскочил с сиденья и полез под машину. Скоро оттуда послышались его отрывистые приказания:

— Ну-ка, дай разводной. Теперь торцевой... Пассатижи... Большую отвертку. Концы.

— Да вы же измажетесь, товарищ Озеров. И холодно притом же,— растерянно говорил тракторист, подавая ключи. Ему уже было не по себе, что председатель колхоза чинит его машину. Засмеют теперь в МТС.

Через полчаса Николай вылез из-под машины весь грязный, с измазанными руками и лицом, но с довольной улыбкой.

— Сцепление, говоришь? Тоже мне знаток. Блокировочный механизм плохо отрегулирован,— сообщил он трактористу и чуть нравоучительно продолжал: — Муфта сцепления должна легко и полностью отключать двигатель от трансмиссии и плавно включаться при трогании с места... Так, кажется, говорится в инструкции по приемке тракторов, в том числе и ДТ-54, из капитального ремонта. А? Или я ошибаюсь?

Тракторист удивленно молчал.

— Кто принимал машину?

— Механик... И я участвовал.

— «И я». Раззява ты, братец. Ну, пробуй.

Парень недоверчиво поднялся в кабину. Через несколько секунд трактор взревел мотором, мощно рванул гусеницами и пошел по площади.

— Ну, как? — спросил Озеров после того как машина, сделав круг, вернулась.— Нормально?

— Полный порядок. А у нас болтали, будто вы, товарищ Озеров, не очень-то... уважаете технику.

— Трактор от телеги отличить не сумею? Так, что ли?

— Вроде того,— засмеялся тракторист.

Николай ушел в правление, на ходу ветошью обтирая руки, а тракториста окружили подошедшие механизаторы, колхозники.

— Ну как? Подучил тебя малость?

— Да, механик он, видно, здорово опытный.

Несмотря на незначительность этого случая, он принес Николаю немалую пользу. О нем иначе начали говорить в МТС, сломался ледок отчуждения.

И однако, мрачное настроение не покидало Николая. Колхозники, и особенно колхозницы, частенько говаривали между собой:

— Что это председатель у нас потерянный, невеселый какой-то?

На душе у Николая было действительно смутно. Мысли о разрыве с Надей не выходили из головы. Он гнал их от себя, но они ни на минуту не давали покоя. Днем было легче. Бурливый круговорот дел и обилие самых разнообразных забот не давали Николаю времени на долгие размышления. Но вот наступали ночные часы, затихала, засыпала усталым сном деревня. Угасал последний огонь у кого-то из припоздавших колхозников, а в избе председателя он все горел и горел почти до самого утра.

Удивительно долго читались книги, что лежали на столе. И вовсе не авторы были виноваты в этом. Шолохов, Джек Лондон и Чехов были любимыми писателями Николая. И однако, всего лишь несколько страниц чеховского томика было перевернуто за многие дни. Устремив глаза на залитые светом страницы, Николай часами не шевелясь просиживал за столом.

Скромный, несколько застенчивый во всем, что касалось его лично, он и о людях судил по себе. Не видя причин для разрыва, он был уверен, что Надя просто капризничает и скоро приедет к нему. Не может не приехать. Она очень ему нужна. Даже больше, чем в Приозерске. Он скучал по ней, ждал ее постоянно. Но там были товарищи, знакомая работа в редакции. И, самое главное, было ожидание ее приезда. Сейчас он нуждался в ее присутствии еще больше, но веры в ее приезд оставалось все меньше.

Как бы ему хотелось сейчас поговорить с Надюшей, поспорить, посмеяться вместе. Они когда-то очень любили вместе читать, грустить и смеяться над печалями и радостями героев книг. Да и вообще, какой же это дом, если в нем

нет ее, если комнаты не наполнены ее шумной суетой, сварливой, но веселой воркотней?

Через несколько дней после приезда в Березовку он написал жене письмо. Подробное, большое. Сообщал, как доехал, устроился, как приняли в колхозе. Писал так, словно между ними ничего не произошло. После отправки письма прошла неделя, потом вторая, третья — ответа все не было. Николай написал второе письмо. Может, первое не дошло? Но ответа не пришло ни на второе, ни на третье. Четвертое было короче, а после пятого он понял, что писать бесполезно. Эта мысль, хотя и не новая, впервые так отчетливо и беспощадно ясно вошла в сознание Озерова и потрясла его. Он похудел, осунулся. Ввалившиеся глаза в темных орбитах глядели сумрачно, с затаенным страданием. Как мог, Николай крепился, чтобы люди не замечали его состояния, но скрыть это было совсем не просто.

Глава 23

КАК ВЕРЕВОЧКЕ НЕ ВИТЬСЯ...

Как и ожидал Пухов, выход газеты с материалами комсомольского рейда вызвал и в Приозерске и во всем районе самый живой отклик. Уж очень распустились некоторые торговые работники за последнее время, очень свободно и безнаказанно себя чувствовали. За что бы их ни ругали, ответы всегда были одни и те же: на это нет фондов, это не выделила область, это не поставляет промышленность... Комсомольцы и газета несколько приоткрыли завесу, сотканную из этих отговорок. Оказалось, что дело не только в малых фондах, а и в том, куда эти фонды идут. Пухову и его сподвижникам после выхода газеты пришлось пережить немало неприятных дней. На улицах, на заводах, в колхозах, в учреждениях только и было разговоров об их делах. Пухов целую неделю выходил из дома затемно, возвращался только вечером. Но вот чьим-то старанием по району пошли разговоры о том, что материалы в газете не подтверждаются... Пухов начал успокаиваться и стал показываться на людях. Когда же отстранили от работы Озерова и в райкоме стали подробно интересоваться его, Пухова, заявлением, Пух Пухыч, как звали его друзья, почти успокоился. «Кажется, этому щелкоперу улепетывать придется из Приозерья,— думал Пухов об Озерове.— И правильно. Чем дальше такие от нашего города, тем лучше...» Как-то он встретил бывшего редактора около райкома. Николай возвращался после очередного разговора с Удачиным и почти ничего и никого не видел перед собой. Пухов остановил его и сухо, покровительственно проговорил:

— Ну как, товарищ Озеров? Сладка она, жизнь-то? Не скучаете?

— Что вам надо? — зло спросил тот.

— Я говорю, как живется-можется? Поди, каетесь теперь, что так нахамили мне. А ведь я тогда с добром к вам пришел, по-человечески... Просил как порядочного человека. Эх, вы... Дело ваше, скажу вам, прямо неважнецкое. Очень даже. Уж я знаю.

Как ни плохо был настроен Озеров, как ни тяжело было у него на душе, но уйти так, не ответив Пухову, он не мог.

— Это все, что ты хотел мне сказать?

— Да, все. А что же еще?

— Ну а теперь меня послушай. На чистую воду тебя еще выведут, обязательно выведут. Тюрьма по тебе, Пухов, давно плачет. И ты там будешь, помяни мое слово.

Проговорив это, Озеров повернулся и пошел от Пухова прочь.

Вскоре после бюро райкома, обсуждавшего дело Озерова, на квартиру к Удачину пришел Никодимов. Был он хмур и зол, глаза обеспокоенно и тревожно бегали с предмета на предмет, говорил нервно, взбудораженно.

— Посоветоваться зашел. Обдумать надо, что делать, как быть. Дела нешуточные.

Удачин сидел за столом. Он не спеша отрезал хлеб, взял с тарелки кусок сыра и стал лениво есть. Так же вяло, не спеша налил чай. Никодимов нетерпеливо ерзал на стуле, вставал с него и вновь садился. Удачин видел, что прокурор нервничает, но успокаивать его не спешил. Подвинув к Никодимову тарелку с сыром, предложил:

— Закуси. А то нервничаешь очень.

— Выпить бы,— пробасил Никодимов.

— В буфете, кажется, есть. Возьми. Мне не хочется.

Долго ели молча. Потом Никодимов заговорил вновь:

— Так как же, Виктор Викторович? Что делать-то будем?

— Что делать? — Удачин, переспросив Никодимова, опять замолчал. И потом протяжно, в задумчивости вымолвил: — Вопрос не простой.

Виктор Викторович ответил так не зря. Вопрос был действительно не простой. На бюро по делу Озерова Удачин шел довольно уверенно — все было продумано, все взвешено и уточнено. Он, конечно, хорошо знал, что было и чего не было за редактором. Но давняя взаимная неприязнь, независимое поведение Озерова, его стремление разворошить дело Корягина и очернить Пухова, а главное — возрастающий интерес к Озерову со стороны Курганова были главными побуди-

тельными причинами, озлобившими второго секретаря райкома. Виктор Викторович очень старательно и рьяно готовил дело Озерова, был убежден, что бюро райкома поддержит предлагавшееся им решение вопроса, о других возможных вариантах даже не помышлял. Однако бюро не вняло имеющимся фактам, не прислушалось к доводам и выводам комиссии.

Осадок от этого заседания у Виктора Викторовича и его друзей остался очень нехороший. Удачин чувствовал, что многие работники к нему стали относиться иначе, с холодком, с настороженностью. Да, обстоятельства изменились и изменились основательно. И что ответить на вопросы Никодимова, Виктор Викторович просто-напросто не знал.

— Я понял Курганова так, что торговцев надо брать за бока,— озабоченно проговорил прокурор, опять вызывая Удачина на разговор. Виктор Викторович согласился:

— Да, я тоже так понял.

— Ну а как же быть?

— А что ты меня к стенке припираешь? Как быть, что делать? Думайте вы с Пуховым. Головы-то есть.

Никодимов удивленно посмотрел на Удачина и с досадой проговорил:

— Голова-то у меня есть, и что предпринимать я, конечно, знаю. Только... как это говорится? Не пили сук, коль сидишь на оном...

Удачин с некоторым удивлением посмотрел на Никодимова. Такого злого разговора от него он, кажется, не слышал ни разу. Он прекрасно понимал, на что намекает Никодимов, и спросил:

— А что, дела у него, у Пухова-то, каковы? Взысканием не отделается?

— Если затеят документальную ревизию его точек, то двух-трех статей не миновать.

— Малоприятная перспектива.

— Да. Завидовать нечему. Надо что-то предпринимать. А то и сам увязнет и других очернит.

— Ну я лично этого не боюсь.

— Уверяю вас, Виктор Викторович.

— А в чем ты меня хочешь уверить? В кассы я не лазил, за товары и продукты платил собственным рублем, о чем может быть разговор? Надеюсь, и другие делали так же.

— Знаете, Виктор Викторович, молва-то, она вроде

сажи, не липнет, а чернит... Нет, Пухова в обиду давать нельзя.

Удачин недовольно проворчал:

— Ну, я кажется, делаю все, что могу.

— Да, конечно. Если бы не ваша помощь, он давно бы испекся. Уж это точно. А вот как сейчас его вытащить?

— Ты прокурор, законник — советуй.

Никодимов пристально посмотрел на Удачина, будто проверяя, искренне ли он говорил эти слова, и не спеша, со значением проговорил:

— Есть одна идея, не знаю, правда, как удастся осуществить, но, кажется, это единственный выход.

— Ты о чем? Что придумал? Говори яснее.

— Надо Пухову временно исчезнуть... Ну уехать, заболеть... последнее даже лучше.

— Как это — заболеть? Болеют ведь не по указанию прокуроров.

— Бывает, что болеют и так...

...Рассмотрения вопроса об Озерове Пухов ждал с лихорадочным нетерпением. Каждый раз, когда в номере гостиницы начинал звонить телефон, он сразу же, не дожидаясь повторного сигнала, снимал трубку. Вплоть до последних дней он и сам готовился к этому бюро, но в самый последний день Удачин сказал ему, что присутствовать на бюро ему, пожалуй, не следует. Говоря по совести, Пухов не жалел об этом, он не без основания боялся заседания. Пришлось бы встречаться с Озеровым, отвечать на вопросы. Да и с Кургановым встречаться Пухов не очень стремился. Он чувствовал, что первый секретарь райкома явно не жалует его своими симпатиями. В Ветлужске в это время «горели» какие-то фонды. Пухов уехал выбивать их и задержался, к заседанию бюро приехать не смог.

Курганов, когда услышал, что Пухова не будет на бюро, сначала возмутился, а потом махнул рукой:

— Ладно, разберемся без него.

...Никодимов позвонил совсем ночью, когда вернулся к себе от Удачина. Его сообщение о том, что Озерова не тронули, повергло Пухова в уныние. Прокурор, почувствовав это, поспешил его успокоить:

— Ты, старик, не куксись, а делай выводы, мотай на ус. Надо не охать и ахать, а дело делать.

— Но что, что делать-то? Ты скажи, посоветуй. Ведь раз так повернулось дело, от комиссий да проверок житья не будет.

— Курганов потребовал провести документальную ревизию всей сети.

— Ну вот. А ты говоришь: не паникуй. Тут и не так еще запаникуешь. Ты ведь знаешь, я для друзей делал все...

— Совет такой — ложись в больницу. Завтра же. Ты болен, понимаешь? Болен.

— А что это даст? Что тут умного? Ревизии да проверки все равно нагрянут, да еще без меня. Ревизорам-то даже легче будет.

— Пусть проверяют, пусть ревизуют. Но раз это будет без тебя, то ты всегда можешь не согласиться, опротестовать. Ты же знаешь, заочно такие дела не решаются. Значит, ждать тебя будут. А время и не такие беды лечит... Вот так, старина. Значит, болеем...

...Пухов в ту же ночь вернулся в Приозерск. И в ту же ночь из Приозерска обратно в Ветлужск ушли полуторка и легковушка, доверху нагруженные тюками, узлами, ящиками. На всякий случай Пух Пухыч решил перебросить к родственникам часть своего имущества. Так кое-что: ковры, сервизы, отрезы... Ну а вещички покомпактнее — новые шелестящие сторублевки, облигации золотого займа — в количествах, лишь ему известных, оставил у себя. Даже жене не доверил. Жизнь — она штука такая. Все может быть, все может случиться.

На следующий день Пухова прямо из кабинета увезли в больницу с острым приступом какой-то серьезной болезни...

Недели через две или три Никодимова вызвал Курганов.

— Что у нас делается по материалам о торговле?

Никодимов стал пространно объяснять:

— Понимаете, товарищ Курганов. Пухов нам все карты спутал. Взял и заболел.

— Да, я слышал это. Что с ним?

— Я не знаю точно, что за болезнь, но говорят, пролежит долго. Даже не знаю, как и быть.

— А что вас затрудняет? Нас с вами должны интересовать не только Пухов, а и его дружки. И даже не столько они сами, сколько порядок в магазинах. Вот почему и шел разговор о проверке торговой сети, о привлечении к этой работе как нашей общественности, так и контрольно-ревизионных работников из области. Поручалось также работников ОБХСС подключить в эти дела. Почему вы никак не стронетесь с места?

— Некоторые важные оперативные мероприятия мы провели.

— Какие это мероприятия? Что вы имеете в виду?

— Ну некоторые первичные действия. Много сделать нельзя, пока Пухов болен — уголовно-процессуальный кодекс...

Курганова взорвало:

— Первичные меры, уголовно-процессуальный кодекс... Слова, слова все это, Никодимов. Вы лучше объясните: почему делу до сих пор не дан законный ход? Почему вы ничего не сделали из того, что предлагалось вам на бюро райкома? Почему тянете с ревизиями? Почему не дали санкции на обыск у Пухова?

— Но я же вам объяснил. Болен он.

— Знаю, и объяснение ваше слышал. Однако столь тяжкая болезнь не помешала ему вывезти две машины вещей.

— Личная собственность у нас неприкосновенна. Я, правда, не знаю, что он там вывез и куда вывез...

— И плохо, что не знаете, об этом я как раз и говорю. И мне не понятно, почему секретарь райкома должен напоминать прокурору о его обязанностях?

— Вы говорите так, будто я сам персонально виноват в чем-то,— обиделся Никодимов.

— Не знаю, не знаю, пока не знаю...

Никодимов вышел из райкома белый как полотно. Он прекрасно понял, что больше тянуть нельзя, опасно. Курганов теперь, конечно, не отступится. А ведь шло все как надо, все было, кажется, и взвешено, и предусмотрено. «Все, да вот оказалось, не все. Но кто же мог предположить, что Курганов будет влезать в такие детали? Казалось бы, какая ему разница, когда мы займемся Пуховым — сейчас или через месяц? Да, теперь оперативно-следственные мероприятия по торговцам надо раскручивать, иначе тебе, прокурор, несдобровать. И так уже что-то есть у него на уме, у Курганова-то...»

Интуиция Никодимову не отказала. Курганов действительно был серьезно озабочен затянувшейся историей с торговцами. Несколько дней назад он был на вечере вопросов и ответов на стекольном заводе. Такие вечера райком стал практиковать недавно, и они довольно быстро снискали себе широкую популярность. Стекольщики вели разговор и о своих делах, и о работе некоторых районных организаций, с которыми им приходилось сталкиваться. Больше

всех претензий было к работникам торговли. Спрашивали о том, что делается по пуховскому делу.

Начальник ОБХСС, когда Курганов вызвал его к себе, беспомощно развел руками:

— Дело ведет прокуратура, мы помогаем. Разработан совместный план.

— План-то разработан, да что-то дело не двигается.

Собеседник согласился.

— Да. Застряло малость. Пухов же не теряется. Мы убеждены, что в тех машинах, которые он отправил в Ветлужск накануне своей болезни, безусловно, много есть такого, что представило бы оперативный интерес.

— Вы хотите сказать — нахапанное?

— Именно это я и хотел сказать...

После этого разговора Курганов и вызвал Никодимова, а когда тот ушел, позвал Удачина:

— Почему у нас, Виктор Викторович, заглохло дело Пухова? Почему тянем?

— Но он же болен?

— Ну и что?

— Как это что? Не поднимать же его для допросов и расспросов с больничной койки.

Курганов пристально посмотрел на Удачина. Тот встревожился.

— Я проверю, что там делается, и доложу.

— Нет, не надо. Я займусь всем этим сам...

И вот уж из Ветлужска спешат в район несколько работников прокуратуры, облторга, засновали по торговым точкам работники ОБХСС, забеспокоились, забегали сподвижники Пух Пухыча.

Курганов позвонил в райздравотдел.

— Узнайте, пожалуйста, выясните, что такое у нас с начальником райторга, чем болен, долго ли проваляется? И неужели уж так слаба медицина, что не может его на ноги поднять? Может, там что-нибудь очень серьезное, злокачественное, не дай бог?

— Нет, нет. Ничего такого особенного. Просто нервы, они, знаете ли, причина всех причин,— ответил заведующий райздравом.

Удачин, придя как-то в кабинет Курганова и послушав его телефонный разговор с Никодимовым, заметил:

— Вы так рьяно занимаетесь делом Пухова, что можно подумать, будто оно действительно стоит этого.

— Ну а что мне делать, если вы отмахнулись от него?

— Есть же у нас прокуроры, следователи, судьи. Это их дело.

Курганов вздохнул:

— Нет, не только их, а и наше. В белых перчатках нам с вами ходить не положено. Понимаете, Виктор Викторович, для меня борьба с такими, как Пухов,— это вопрос моего мировоззрения. Я не могу, просто не могу проходить мимо таких явлений.

...Через два месяца бюро Приозерского райкома сняло Пухова с работы и исключило из партии. Следствие по его делу тоже подходило к концу. Торговая фирма «Пухов и К⁰», кажется, заканчивала свое существование...

Глава 24

ТОЛЯ РОЩИН ВСЕ МОЖЕТ

В районный Дом культуры привезли новый фильм. Утром Кургановы атаковали главу семьи категорическим требованием пойти в кино. Михаил Сергеевич пообещал и делал все возможное, чтобы вечер не занимать. А это было не легко.

Часов около шести Миша позвонил отцу:

— Папа, ну как? Пойдем?

Михаил Сергеевич с сожалением посмотрел на открытый блокнот. Там была не вычеркнута еще добрая половина записей, а значит, не сделана большая доля сегодняшних дел. Но обещание есть обещание, и деваться было некуда.

— Ладно, заходите за мной.

Когда пришли в Дом культуры, в фойе Курганов увидел Толю Рощина и группу молодежи. Ребята что-то шумно, оживленно обсуждали.

Курганов подошел, поздоровался.

— Здравствуй, комсомол! О чем таком горячий спор?

— Да вот все об отряде,— ответил Рощин.— Никак командира не подберем.

Недавно району отвели в Костромской области большую лесосеку для нужд колхозов. Предстояло срочно организовать освоение делянки, наладить заготовку и вывозку древесины. А времени до конца санного пути было уже в обрез — на дворе стоял февраль. Тогда-то в райкоме партии и решили поручить это дело комсомольцам. Ребята уже были готовы к отъезду, но не могли найти руководителя отряда, человека, хорошо знающего лес и заготовительное дело, умеющего руководить людьми.

— Вот Крылов Корягина предлагает,— продолжал Толя.— А мы отвергаем. Зачем нам такой?

Крылов, слушавший этот разговор, пояснил:

— Лес он хорошо знает, очень хорошо. Годов семь или восемь подряд на заготовки ездил. Бригады всего района под его началом были.

Курганов заинтересовался.

— А что же? Это мысль интересная. Можно подумать. Как он там?

— Ничего. Упрямства да яканья поубавилось.

— Что ж, подумать можно... Расскажи-ка подробнее, что и как у вас?

— Да все идет нормально, Михаил Сергеевич. Очень ждали суда над Корягиным. Вся деревня жила этим.

— Ну и как? Согласны с решением?

— Разговоры есть всякие. Многие считают, что легко отделался. Ну сами посудите — что такое полгода принудиловки?

— А как дела в колхозе?

Курганов давно собирался подъехать в Алешино, но никак не удавалось. Его интересовало все: и что нового в колхозе, и как живет молодежь, какое настроение у людей? Василий отвечал на вопросы рассудительно, кратко, но Курганов заметил какое-то отсутствующее выражение его лица, мрачное, угнетенное состояние.

— Ну, а как личные дела? — спросил он Крылова.

Василий не очень охотно ответил:

— Все так же.

И замолчал. Не знал, что говорить, и Курганов. Михаил Сергеевич, вдруг вспомнив всю его историю, покраснел, досадливо поморщился и мысленно упрекнул себя: «Стареть начал, Курганов, важные дела забываешь...» Это был тот редкий случай, когда Михаил Сергеевич не знал, что сказать человеку.

Елена Павловна и Миша терпеливо ждали его. Наконец Михаил Сергеевич направился к ним. Настроение у него было сумрачное, он досадовал на себя за то, что забыл о крыловской истории и ничем не может помочь ему. Не может? А почему?

После окончания сеанса, когда все вышли из Дома культуры, Курганов взял под руку Рощина и прошел с ним немного вперед.

— Ты Крылова знаешь?

— Васю? Конечно. Хороший секретарь.

— Хороший, говоришь? А еще что ты о нем скажешь?

— Еще? Да вроде ничего. А разве у него есть что-либо компрометирующее?

Курганов досадливо поморщился.

— О чем толкуешь? У парня беда личная.— И Михаил Сергеевич рассказал Рощину, что знал. Толя озадаченно выговорил:

— Да, довольно сложная ситуация. А я, понимаете ли, и не знал.

— Вот то-то и оно-то. Помочь надо.

— А как? Как помочь-то, Михаил Сергеевич?

— Как? А вот как. Поехать секретарю райкома комсомола к Корягину и попробовать решить оба вопроса — и о поездке в лес, и о Крылове. Уладить эту вражду. Как, осилишь?

— Спрашиваете? Я удивляюсь и на Зину Корягину, и на самого Крылова — почему они его слушают?

— Ну-ну, ты, дорогой, полегче. С этим Корягиным справиться не так-то просто. Он не одному нервы изматывал. Да и дочь ведь она ему.

— Я поеду, Михаил Сергеевич. Потолкую с этим самым Корягиным, основательно потолкую.

— Хорошо. Так и решим. Но ты имей в виду — дело деликатное.

И Михаил Сергеевич подробно проинструктировал Толю, как лучше, по его мнению, выполнить это сложное поручение.

Через день Толя был уже в Алешине. Василий, увидя входившего к нему в избу секретаря райкома комсомола, удивился.

— Рощин? Что случилось?

Не отвечая на его вопрос, Толя спросил:

— Расскажи-ка мне, комсорг, как у тебя личная ситуация? Не изменилась?

— Какая ситуация?

— Ну не мудри, не мудри. Говори все как есть. Как у тебя с Зиной?

— Что это райкомовцы так моими делами заинтересовались? Позавчера Курганов допрашивал, сегодня ты.

Но Толя был настроен решительно и суховато оборвал Василия.

— Ты отвечай на мой вопрос. Как у вас?

— Ну что у нас? Замкнулась она, отца ей жалко. А тот

во всех своих бедах меня винит. Какая тут может быть ситуация?

Толя еще больше нахмурил брови и нетерпеливо встал.

— Ну вот что. Тебе быть наготове.— Он посмотрел на Василия и сурово продолжал: — Небритый, лохматый, рубашка не застегнута. Так не годится, приведи себя в порядок, чтобы блестел как стеклышко. И неотлучно быть здесь или на подступах к Корягиным. Когда надо будет — позову.

Василий мрачновато посмотрел на Рощина.

— Сватом заделался? Ничего у тебя не выйдет.

— Не загадывай. Спорь до слез, а об заклад не бейся. Помни, что я тебе сказал.

...Дом Корягиных стоял в конце деревни и своими высокими окнами смотрел прямо на излучину Славянки. Дом был старый, оставшийся еще от деда, но Степан Кириллович держал его в полном порядке. Сквозь легкую порошу зеленела железная крыша, наличники голубели свежо, стекла — ни одной трещинки, а в палисаднике ни одной сломанной доски.

— Здравствуйте, Степан Кириллович. Можно к вам?

Корягин удивленно посмотрел на Рощина:

— Комсомол районный? Если с добром, заходи.

Анатолий снял ушанку, полушубок, не спеша повесил их на крюк, пригладил волосы и подошел к столу, за которым сидел Корягин. На столе стояло несколько оловянных наперстков, с десяток блестящих ружейных патронов, мешочек с дробью.

— К охоте готовимся? — спросил Толя.

— Весна не за горами, а я теперь человек свободный. Когда пригреет, на Крутояровские озера подамся. Птицы там бывает видимо-невидимо.

— А вы, видимо, охотник настоящий,— доброжелательно заметил Толя, показывая на разложенные на столе охотничьи принадлежности.

— Ну какой там настоящий. Во мне вообще ничего настоящего нет.

— Ну-ну, что это вы так? А я ведь к вам по важному делу, Степан Кириллович.

— А что ко мне могут быть за дела? Никаких важных дел к Корягину теперь быть не может. Был Корягин и кончился, нет Корягина. Беспартийный и притом же уголовно наказанный элемент.

— И опять вы, между прочим, зря так. Корягин еще не

кончился, и Корягин докажет, что и кто он есть. Если, конечно, захочет этого... А дело у нас к вам, Степан Кириллович, вот какое...

Корягин вдруг прервал его:

— Подожди малость. Раз разговор о важном, то и вести его надо серьезно. Не на голодный желудок. Давай перекусим чего-нибудь.

— Спасибо, я обедал.

— Зато я не обедал. Погоди, я дочь покличу, она нам живо соберет.

И Корягин тяжелой, шаркающей походкой вышел в сени. Было слышно, как он окликнул Зину. Она, видимо, делала что-то во дворе по хозяйству и ответила издалека:

— Сейчас приду.

— Вот теперь я тебя слушаю,— проговорил Корягин, входя обратно в избу.

...Корягин переживал свое падение молча. Когда его нещадно ругал Курганов, обещая отдать под суд, он в эту угрозу не очень верил. Однако, когда в Алешино приехал следователь, Корягин понял, что слова Курганова — не простая угроза.

Он метнулся в Приозерск к Никодимову.

Прокурор, отведя глаза в сторону, мрачно процедил:

— Знаешь, Корягин, ты не обижайся, но я вынужден... Курганов на меня и так сентябрем смотрит... Что могу — помогу, но не очень-то надейся, подключай всех, кого можешь...

Подключай... Ведь все хороши, когда у тебя хорошо. А как тучи над Корягиным сгустились, так никого не сыщешь. Когда он позвонил Удачину, тот ничего другого не нашел, как посоветовать:

— Знаешь, уезжал бы ты куда-нибудь. Давай я приятелям в область позвоню, пусть тебе помогут устроиться.

«Уехать? Сказал тоже. А дом? А дочь? Да и вообще, почему я должен уехать?»

А Мякотин еще больше удивил Корягина. Иван Петрович долго слушал его сбивчивый, невнятный разговор и вдруг довольно резко остановил:

— Знаешь, Корягин, хватит. Всему приходит конец. Пришел он и для твоих художеств. Ничего я сделать для тебя не могу, да и не буду. Возьмись сам за ум. Пора уж.

В этот момент у Корягина появилась мысль, что, пожалуй, действительно он, Корягин, многое делал не то и не так. Но мысль эта держалась у него очень недолго. Обида, оскорблен-

ное самолюбие были сильнее здравого смысла. Ею, этой обидой, он был полон до сих пор. Да и как было не обижаться? Совсем недавно в колхозе ничего не делалось без его согласия или одобрения. В районе его тоже уважали. Многие даже заискивали. Председатель крупного колхоза, у руководства в почете. А сейчас все, решительно все изменилось. И почему? Неужели два-три каких-то паршивых бычка или десяток гусей дороже Степана Корягина? На работу он не ходил, с людьми не встречался. Лишь немногословный разговор с дочерью да мысли, тяжелые, мрачные,— вот и все, чем жил он все это время.

О дочери Корягин думал сейчас особенно много. Она была очень внимательна к нему, понимая его состояние. Но поставила твердое условие — не пить. «Иначе уйду». И сказала это так твердо, так решительно, что Корягин понял — дочь не шутит. Ее бледное лицо с синими полукружиями под глазами, апатичность и вялость в разговоре, в движениях все больше и больше беспокоили Степана Кирилловича. Он понимал, что причин для такого состояния у Зины достаточно. «Переживает за меня, сохнет по своему Крылову...» В глубине души Корягин постепенно приходил к выводу, что ему уже не переломить характера Зины и, пожалуй, не следует так упорно мешать ей строить свою жизнь. Но все это было только в мыслях и пока где-то очень глубоко.

Приход Толи Рощина сначала удивил и озадачил Корягина, а потом обрадовал. В душе робким огоньком затеплилась далекая, неясная надежда.

— Так какое же у тебя, Рощин, дело ко мне? — усевшись за стол и широко расставив локти, спросил Корягин.

— Дело, Степан Кириллович, вот какое. Снаряжаем мы комсомольский отряд в Шарью, в Костромскую область, на заготовку леса. Большую лесосеку району дали. Триста человек едет. Нужен нам в этот отряд начальник, человек, хорошо знающий лес, работу в лесу, ну, хозяин настоящий. А вы ведь на лесозаготовках-то работали, и немало.

— Пришлось, пришлось. Это верно. И Шарью знаем, и Мантурово, и многие другие места.

Зина, хозяйничая, расспрашивала Толю о районных новостях, а он в свою очередь интересовался, как дела в Алешине. Степан Кириллович слушал их разговор молча. Потом, натянуто улыбнувшись, проговорил:

— Ты расскажи, секретарь, кто надоумил-то тебя, чтобы меня, значит, в лес загнать?

— Почему загнать? Странно вы говорите.

— В лес? В какой лес? Зачем? — Зина насторожилась. Анатолий рассказал ей об отряде и об их предложении Степану Кирилловичу.

— Это же очень хорошо, папа. Честное слово, хорошо.

— В лес-то? Да уж чего лучше. Природа, воздух, снега...

Толя говорил возбужденно, громко, усиленно жестикулируя:

— А знаете, кто нам вас посоветовал? Вася Крылов. Степан Кириллович, говорит, лес знает, как никто. Если он согласится, лучшей кандидатуры не найти. Поговорил я с Кургановым Михаилом Сергеевичем, он тоже поддерживает. «У меня,— говорит,— возражений нет. Мы никому не мстим, у нас каждый, если захочет исправиться,— может. Передай,— говорит,— товарищу Корягину мой совет: пусть всесторонне обдумает это предложение...»

Степан Кириллович внимательно слушал оживленный торопливый говорок Толи и думал над его словами. «Поработать пару-тройку месяцев в лесу, конечно, можно. А если как следует подготовиться, то можно нос кое-кому утереть, показать, что умеет Корягин».

Он спросил глуховато:

— Так, значит, Крылов предложил?

— Крылов, Крылов.

— А сам не пришел уговаривать. Гайка, выходит, слаба. А тоже, в зятья собирается.

Толя только этого и ждал. Он зачастил:

— Хорошо, что вы вспомнили об этом, Степан Кириллович. Правда, я не собирался говорить на эту сугубо личную тему, но раз мы с вами беседуем тэт-а-тэт, то есть сугубо откровенно и доверительно, то скажу вам прямо: надо вам пересмотреть этот вопрос.

— Какой вопрос?

— Ну, о товарище Крылове. В смысле, так сказать, вступления в родственные отношения с вами.

— Почему же пересмотреть?

— Ну как это — почему? Парень он хороший — раз. Любят с Зиной друг друга — два. Тянули вы этот вопрос достаточно — три. И четвертое — многие из-за этого обстоятельства считают вас, ну... не будем произносить резкостей. Я-то, конечно, понимаю, что все это не так. Но знаете, на каждый роток не накинешь платок. Говорят об этом в районе? Говорят. И скажем прямо, плохо говорят. Товарищ Курганов наказал мне — скажи, говорит, Корягину, хватит

ему за худой славой гоняться. Мужик вроде умный, так пусть по-умному и поступает...

Корягин жадно ловил каждое слово Толи, от них спокойнее и теплее становилось на сердце. Сознание, что там, в Приозерске, помнят о нем, не забыли, утешало, в голове нет-нет да и мелькали мысли, что, может, не все потеряно.

Толя спросил:

— Так как же, Степан Кириллович, вняли вы моим сигналам? Уяснили?

— Внял и уяснил.

— Ну, а конкретнее?

— А что — конкретнее? Насчет лесу — подумаю. Ну, а что до Крылова, то не сват же ты, а секретарь комсомола.

— Степан Кириллович! Секретарю райкома комсомола еще и не то приходится делать. А сват я, если хотите, самый настоящий. У вас товар, а у меня купец.— И, сказав это, Толя торопливо сел под матицу — поперечную балку потолка. Слышал, что именно так поступают сваты.

Корягин сумрачно ухмыльнулся.

— Ты это брось. Ты не шути таким делом.— И совсем посерьезнев, добавил: — Об этом с самим женихом разговор будет.

— Когда? Сегодня можно?

— Зачем так торопко? Не пожар, и до завтра терпит

— Хорошо. Вы правы. В таких делах спешка ни к чему, но промедление, между прочим, тоже.

— Пусть завтра заглянет...

Рощин с трудом скрывал свою радость. Шутка ли, такое дело завершить? «А ведь ты, Рощин, парень не промах»,— мысленно похвалил себя Толя и покровительственно проговорил:

— Степан Кириллович, вы очень разумно поступаете. Я знал, что вы в основном сознательная личность.

В избу с ведрами воды вернулась Зина. Степан Кириллович с насмешливой улыбкой обратился к ней:

— Ну, дочь, тут такие дела, что ты и представить не можешь. Комсомольский секретарь не только меня, оказывается, сватать пришел, а и тебя тоже.

Зина, возясь с ведрами, спросила спокойно:

— Что, в лес? Я с удовольствием.

— Э, милая, лес само собой, тут дело посерьезнее.

Зина вышла из-за занавески, удивленно посмотрела на отца и Толю.

— Что-то не понимаю.

— Ну что же тут не понимать? Сватает тебя. За Крылова все болеют, все меня, деспота, уговаривают и убеждают. Боюсь, не выдержу. Смотри, секретарь районного комсомола приехал. Так дело и до самого Курганова дойдет.

— Вполне возможная вещь,— вставил свое слово Толя.— Если понадобится, приедет и Михаил Сергеевич. Он у нас такой.

— Видишь, дочь, что делается? Придется поразмыслить.

Зина не смутилась. То ли с мороза, то ли из-за происшедшего разговора лицо ее зарделось, глаза блеснули гневом.

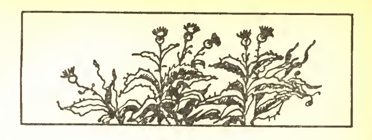
— Все хорошо, только одно забыли — меня спросить. А не мешало бы.

Сказав это, девушка, не оглядываясь, вышла в сени. Толя что-то говорил ей вслед, хотел вернуть, но Степан Кириллович остановил его:

— Не надо, пусть пошумит.— И, вздохнув, добавил: — Ломоть отрезанный. Факт...

Вернулся Толя Рощин домой к Крылову часов в одиннадцать вечера. Был он явно навеселе, говорил много и бестолково.

— Ну, Василь, иди завтра к Корягину. Все улажено. — Потом без всякого перехода объявил: — А завтра с утра как встану, так сразу объяснительную записку писать буду. Ох и попадет же мне от Михаила Сергеевича. Подумать страшно. И правильно. Безобразие какое: секретарь районного комитета комсомола — и так налимонился. Всыплют, конечно. И правильно сделают. Ну, а что мне было делать? Ужас, как мне пришлось биться с этим самым Корягиным. Это же типичный отсталый элемент, типичный пережиток. Ну да ладно. Будем спать. Утро вечера мудренее. С утра сразу сяду за объяснение... Михаилу Сергеевичу...



Глава 25

В БЕРЕЗОВКУ ПРИЕЗЖАЕТ АГРОНОМ

Недели через две после того, как Озерова избрали председателем колхоза, Макар Фомич, изрядно побродив вместе с ним по фермам и складам, сказал:

— Хозяйство теперь у нас такое, что без ученой головы не обойтись.

— О чем вы, Макар Фомич?

— Об агрономе. Агроном нам нужен. Серьезный, умный, деловой агроном.

— Ого, сколько требований. А где же мы такого возьмем? Может, пока обойдемся?

— Как же мы обойдемся при пяти-то бригадах?

Николай понимал, что агроном действительно нужен, но знал, как туго в районе с агротехническими работниками, и решил про себя, что первый год будет пользоваться помощью зональных специалистов и работников МТС. Была при этом и такая мысль, что отсутствие постоянного работника заставит его самого глубже влезть в агротехнику.

— И я,— продолжал Макар Фомич,— имею кандидатуру: Нину Семеновну Родникову. Она наша, березовская, земли наши и хозяйство хорошо знает. Мы давно уже ставили этот вопрос перед районом. Что-то молчат. Толковал я с ней. Думаю, уговорить можно. Да и то, агроном она, чего ей с комсомольцами возиться? Ее дело землю холить.

— Ну, Фомич, слышали бы тебя комсомольцы.

— Ничего бы не сказали. Каждый свое дело должен делать. Родникову учили хлеб растить. Вот и пусть растит. На днях она приезжает с семинара-то. Самая пора в райкоме

и везде, где надо, обговорить. Вы же поймите, без агронома нам больше никак невозможно.

Все оказалось проще, чем предполагал Озеров. Курганов твердо проводил линию на укрепление колхозов знающими людьми, и Родникову было решено отпустить на работу по специальности.

Прошло еще две недели, и вот Нина Родникова в Березовке. Когда она, подъехав к крыльцу, проворно выскочила из кошевки, кто-то из правленцев, посмотрев в окно, заметил:

— Ну, дождались агронома... Детский сад прибыл.

И в самом деле, все у Нины было какое-то маленькое и «невсамделишное», как часто говорили ей ребята. Маленький нос, маленькие руки в голубых рукавичках, почти детские валенки.

— Зря, зря вы так,— нахмурился Макар Фомич.— Нина Семеновна знающий человек. С отличием академию-то окончила.

Николай встретил Нину скуповатой улыбкой. Хоть и вместе, почти под одной крышей работали они, а знали друг друга плохо, встречались только на бюро райкома или активах. И оба поэтому сейчас чувствовали себя как-то неловко, скованно.

— Значит, к нам? — проговорил Николай.— Это хорошо. Очень хорошо.

— Да. Одним словом, «дым отечества нам сладок и приятен».

— Ну что же, раз так, будем работать. Макар Фомич, вы уж, пожалуйста, проявите заботу о товарище, устройте с жильем и вообще...

Нина рассмеялась.

— Да вы, товарищ Озеров, не беспокойтесь. Я ведь здесь человек свой. У меня тут даже собственный дом имеется, если, конечно, он за мое отсутствие не развалился.

— Нет, нет. Цел. Соседи присматривают,— успокоил ее Макар Фомич.

...Свою деятельность Нина Родникова начала со знакомства с производственным планом на новый сельскохозяйственный год, спущенный колхозу. План этот очень озадачил Озерова и всех правленцев. Родниковой Николай рассказал об этом сразу и просил поскорее влезть в дела, чтобы принять участие в предстоящем обсуждении вопроса на правлении. Дал ей свои заметки к этому плану, и Нине пришлось убедиться, что замечания подготовлены со знанием

дела. Здесь все или почти все было учтено — и структура посевных площадей, и чередование культур, и пары. Новые культуры тоже не забыты. Против овса товарищи правильно восстают — безусловно, невыгодная культура на наших землях. А вот против льна они воевать хотят зря. Кое-что подкорректировать придется. Кукурузу почему-то размещают на полях около дальних оврагов. Там же северные склоны. За овощи берутся робко. Ну что такое пять гектаров капусты? Ну и еще кое-что... Но то, что товарищи, и в частности председатель, в хозяйстве понимают толк, порадовало Нину.

Не обошлось без споров между агрономом и руководителями колхоза.

— Вы, Нина Семеновна, очень уж круто забираете. Нельзя вот так, с бухты-барахты играть цифрами. Шутка сказать, кукурузы пятнадцать гектаров, капусты — десять, весь картофель на квадратно-гнездовой способ. Это, знаете ли, фантазией попахивает.

— Ну тогда довольствуйтесь планами райзо. Так будет гораздо легче.

— Нет. Это тоже не годится.

Макар Фомич со вздохом произнес:

— Я вам одно скажу, как бы мы ни мудрили, а заготовки нам сверстают по старому плану.

Нина задорно возразила:

— А вот с этим уж никак соглашаться нельзя. Дело хоть и трудное, но кое-какая возможность скорректировать план у района есть.

— Будем воевать, конечно,— согласился Озеров.— Но нам надо самим все просчитать и взвесить. В каждой бригаде обсудить предполагаемые изменения плана.

Дня через два Родникова поехала во вторую бригаду к Уханову. Он долго и терпеливо объяснял все, что ее интересовало о полях, севообороте, луговых покосных угодьях, показывал карты. Во всем его разговоре сквозила одна мысль — у них все правильно и разумно. Поэтому правлению колхоза нечего беспокоиться за вторую бригаду, не надо ничего ни ломать, ни изменять.

— Ну, а как же быть с кукурузой? С капустой опять же?— спрашивала Нина.

Уханов пожал плечами.

— Надо поискать другие возможности. Мы — объединенный колхоз. Теперь такие проблемы решать легче.

Нина возвратилась в Березовку полная тревоги. «Ведь

если коммунист Уханов так рассуждает,— думала она,— что же нам тогда требовать от беспартийных? Укрупнились пока на бумаге. А на деле все врозь живут — бригадами, будто на хуторах».

В правлении она сразу же рассказала обо всем Николаю. Вид у нее был растерянный. Озеров, заметив это, улыбнулся.

— Ну не надо так мрачно смотреть на вещи, Нина Семеновна. Все утрясется. И вот вам наглядный пример. Вы, верно, знаете, что до сих пор у нас не закончено сведение стада. Третья и четвертая бригады отказались гнать своих коров на ферму в Громово. Доярки заартачились, шум подняли: с какой стати, дескать, мы своих буренок соседям отдадим? Заведующий фермой ко мне: «Как быть?» А я говорю: «Не спешите, пусть женщины поостынут». А потом поручил бригадирам свести их самих в Громово, чтобы они ферму посмотрели. А ферма там у нас получилась не плохая,— с гордостью заметил Николай.— Да и рацион, какой даем коровам, пусть посмотрят. Мы жом из Приозерска возим, и концентраты есть,— опять с чуть заметной ноткой гордости сказал он.— Ну, бригадиры так и сделали.

— Ну и что же? Как доярки? — заинтересованно спросила Нина.

— Вернулись к себе, отвязали своих буренок да скоренько их в Громово. «Что,— говорят,— они хуже громовских, что ли? Громовские-то вон концентраты жуют, со смаком трескают. Это же,— говорят,— безобразие, что нам не объяснили, как дело обстоит».

Но рассказ Нины об Уханове Николая озадачил.

— Нам надо поскорее партийную организацию создавать, вот что. У нас уже семь коммунистов да комсомольцев десять...

А через несколько дней произошло еще одно событие. Приехал Хазаров — бригадир пятой, самой отдаленной бригады — из Рубцова. Был он взволнован, рассказывал путано и сбивчиво.

— Собрались, понимаете, в бывшем правлении и говорят — не желаем. Не желаем, и все тут. Езжай и скажи начальству...

Из расспросов выяснилось, что колхозники пятой бригады раздумали быть в объединенном колхозе. И причина была пустяковая. Начали возить от соседа — Василия Васильевича Морозова семенной картофель. Людей на вывозку картофеля послали из Рубцова, а складывать

семена решили в Березовке — здесь были хорошие хранилища.

«Ну вот, мы, значит, картошку для березовцев возим»,— обиделись рубцовцы. А тут еще Родникова заявила, что все рубцовские угодья по Славянке будут заняты под капусту. «Это что же, значит, все лето, не разгибаясь, торчать на этой капусте придется? — шумели женщины.— Одним словом, не хотим в объединенном колхозе быть, и все тут».

Николай и Макар Фомич вместе с Хазаровым поехали в Рубцово. Собрали людей, протолковали целый вечер. Успокоили.

На следующий день Озеров позвонил в райком. Курганова на месте не оказалось. Тогда он переключился на Гаранина и накинулся на него:

— Я не Юлий Цезарь, чтобы делать сразу сто дел. Пять бригад, сотни людей, а я один. Что вы, товарищи, в самом деле?

— То, что ты не Юлий Цезарь, я примерно догадываюсь,— согласился Гаранин,— а вот почему на меня кричишь — понять не могу.

— Да разве я кричу? Разве так кричат? Ты приезжай к нам, я свезу тебя в Рубцово, вот тогда ты узнаешь, как кричат.

Гаранин взмолился:

— Озеров, скажи, что ты, наконец, хочешь?

— Партийную организацию надо создавать. Почему тянете?

Гаранин прокричал в трубку:

— Ты прав, подзатянули мы это дело. Поправим. Позвоню тебе завтра.

Вечером Гаранин рассказал Курганову о звонке Озерова. Михаил Сергеевич распушил его в пух и прах.

— Это же действительно безобразие. Колхозы уже два месяца живут объединенными хозяйствами, а партячейки до сих пор не созданы.

— Решили тщательно посмотреть людей, кадры. Секретарь партийной организации такого колхоза — дело ответственное. Не шутка. Со всеми знакомимся лично. Или Виктор Викторович, или я. Человек десять уже просмотрели.

Курганов взялся за голову.

— Гаранин,— взмолился он.— Неужели ты не понимаешь, что это самый махровый бюрократизм? Да ведь сейчас, когда укрупненные колхозы начинают свои первые

шаги, партийные организации им нужны, как мать ребенку? Ну что молчите, спорьте, доказывайте, возражайте!

— Не могу.

— Почему?

— Потому, что вы правы. Подзатянули мы это дело. Надо поправлять.

Глава 26

ДОБРОЕ НАЧАЛО — НЕ БЕЗ КОНЦА

Озеров постепенно свыкался со своим горем. Оно еще больше обострило и без того постоянно жившую в нем тягу к людям. Его тянуло в молодежный круг, хотелось повеселиться вместе с ребятами и девушками, спеть песню. Молодежь вначале стеснялась председателя, а потом привыкла, убедившись, что Озеров, оказывается, и запевала, и поплясать не прочь, да и гармонист такой, что поискать...

А Николай, глядя на молодые веселые лица, любуясь ими, по-настоящему отдыхал.

В один из таких вечеров Николай заметил среди молодежи Нину Родникову. Она стояла в окружении девчат и о чем-то оживленно с ними переговаривалась. Вдруг он с удивлением подметил, что ребята исподволь любуются Ниной. Невольно он посмотрел на нее их глазами, как раньше никогда не смотрел на своего агронома. Посмотрел и увидел, что у нее стройная, подтянутая фигура. Одета скромно — белая блузка и серая в складку юбка. Милая приветливая улыбка. На пышной, с бронзовым отливом волне волос голубеет небрежно наброшенная легкая косынка. Чувствовала она себя здесь просто, свободно. Шутила, смеялась.

— Агроном-то наш, оказывается, вон какая,— удивленно заметил Николай, обращаясь к стоявшим рядом с ним девушкам.

— Какая такая? — игриво переспросила одна из них.

— Веселая, компанейская.

— Вас, может, познакомить?

— А мы знакомы.

— То-то я вижу, как вы глазами-то по ней стреляете.

— Ну и фантазерка вы,— смущенно и сердито проворчал Николай и отошел от разбитной собеседницы.

— Ну вот, обиделся председатель. А на что? Ведь приглянулась ему Нина Семеновна,— тараторила девушка с подругами.

— Да ты в своем уме? У него жена в Москве.

— Какая она жена, если с мужем не поехала? Только званье, что жена...

— Брось ты ерунду говорить,— возразили девушке. Здесь стояло несколько молодух, недавно вышедших замуж. Они с подчеркнутой серьезностью рассуждали о семейных делах и, конечно, не преминули стать на сторону законной жены, утвердить нерушимость семейных уз.

Придя домой, Озеров долго стоял у окна. С улицы доносились ночные шумы деревни — отдаленные голоса молодежи, скрип снега под шагами, несколько аккордов гармошки, чей-то приглушенный смех.

Николай думал о себе, о своей жизни. Было грустно и одиноко. И будто отвечая его мыслям, сначала чуть слышно, а потом все явственнее и громче стала доноситься с улицы его любимая песня:

В день осенний улетают
К югу стаи журавлей,
В эти дни я вспоминаю
Радость прежних светлых дней...

Запевал чистый девичий голос, запевал с чувством, трепетно, душевно. Несколько девушек слаженно подхватили песню, и она неторопливо, спокойно поплыла над деревней.

Через несколько дней Николаю и Нине пришлось вместе ехать в Приозерск на пленум райкома партии. Выехали пораньше, чтобы успеть сделать в городе кое-какие дела. Нине надо было встретиться с Ключаревым по поводу удобрений, повидать районного зоотехника. Озерову — зайти в райторготдел, в банк. И все это успеть до начала заседания пленума, иначе потом, когда он кончится, у районных работников будет уйма людей, и к ним не пробьешься.

Дорога пошла через поля соседа — колхоза «Луч», где председательствовал Морозов. На широких открытых снежных равнинах темнели, словно гигантские шахматы, деревянные щиты, сбитые из досок и жердей. На полях поменьше, которые перемежались перелесками, ветрам противо-

стояли высокие снежные валы. Озеров с завистью проговорил:

— Берегут снежок, здесь хлебец будет.

И, повернувшись к Нине, увидел, что она так же одобрительно смотрит на зимнее хозяйство соседа.

— А мы с вами пока снегозадержание только начинаем.

— Ничего, и мы успевать будем,— убежденно проговорила она.— Народ у нас до работы охочий, коль увидят, что труд не зря пропадает,— горы свернет.

И пошел разговор то спокойный, то торопливый про дела колхоза. Они были первой и главной мыслью у обоих.

Как только Николай вошел в здание райкома, в коридоре встретил Гаранина. Тот отвел его в сторону и заговорил:

— Дал нам хозяин духу из-за твоего звонка.

Озеров стал оправдываться.

— Да ничего,— прервал его Гаранин.— Пошло на пользу. Ты не стесняйся, звони.

В зале Николай хотел сесть с Ниной рядом, но не удалось — ее обступили комсомольцы, а самого сразу затормошили знакомые председатели, работники газеты. У всех был один вопрос:

— Ну как?

И Озеров всем так же немногословно отвечал:

— Ничего. Дышим.

В перерыв Николай подошел к Нине, спросил, где ее завтра найти. Она назвала адрес. Хотел спросить, что делает после пленума, но не решился. Он долго бродил по тихим, заснеженным улицам Приозерска, зашел в Дом культуры в надежде увидеть девушку, но так и не встретил.

Когда ехали обратно, он сказал ей об этом.

— Ну? И мне хотелось в кино сходить. Да одной как-то было неловко. А подружки мои, как нарочно, обе в командировке.

Эта поездка растопила тот непонятный холодок отчужденности, что был между Озеровым и Ниной с момента ее приезда в Березовку.

. . . .

Колхоз «Рассвет» в деревне Дубки был не просто отсталый и слабый. В нем, как в зеркале, отражались многие беды, типичные для других артелей Приозерья, происходившие от косности, рутины, неверия в свои силы — всего того, что так бурно ненавидел Курганов.

Сколько усилий было положено, чтобы разъяснить рассветовцам, как важно укрупнение, особенно для них. Но Дубки стояли на своем — не хотим, не желаем. Наконец Курганов решил оставить их в покое, не докучать советами. Но тогда забеспокоились сами Дубки. Вот уже неделя, другая, месяц, а из района никто не едет. Что бы это значило?

Председатель «Рассвета» Степан Лепешкин взволновался не на шутку. По всему было видно, что объединение в районе заканчивалось, а к ним в Дубки никто ни ногой.

— Пожалуй, зря мы того... долгонько торговались... Правленцы молча согласились.

— Действительно, пожалуй, зря куражились. Надо решаться. Нельзя жить на отшибе... Да и правильное это предложение, если разобраться как следует...

А Курганов, словно он находился тут, в этой небольшой комнатушке правления, и все видел, позвонил в правление именно в тот момент. Позвонил и стал выспрашивать Лепешкина, чем занимаются, как готовятся к весне. Степан отвечал не спеша, ничуть не выдавая своего настроения, но сам ждал главного вопроса. А Курганов все его не задавал. Тогда Лепешкин решил начать этот разговор сам. Ободренный взглядами правленцев, он спросил:

— Как с объединением, Михаил Сергеевич? Идут дела?

Курганов секунду помолчал, а потом ответил:

— Объединение закончили.

— Как закончили? А мы?

— Но вы же не хотите? — голос секретаря райкома, как показалось Лепешкину, набух смешинкой.

— То есть как? Мы хотели прикинуть, что и как, но чтобы категорически — этого не было...

— Ну вот и прикидывайте. Не возражаем. Мы тут даже подумали вот о чем — пусть останутся Дубки как есть, не будем их трогать. Как наглядный образец пережитого этапа в колхозной жизни.

— Значит, как экспонат в музее? Как отсталый элемент? Да? Спасибо, Михаил Сергеевич. Мы просим прислать уполномоченного. Народ Дубков требует представителя партии. Вы слышите меня, товарищ секретарь?

Курганов улыбнулся и озабоченно вздохнул:

— Ладно. Раз народ требует — деваться некуда.

В Дубки послали Толю Рощина. Едучи сюда, он, по совести говоря, трусил отчаянно. Шутка ли, в самый упорный,

самый отсталый колхоз послали. Объединять. Курганов так и сказал: «Посылаем тебя, Анатолий, завершать дела по объединению. К самым упорным едешь...»

К поездке в Дубки Толя готовился целую ночь. Запасся самыми разнообразными данными. Составил конспект обстоятельного, исключительно убедительного доклада. Всю дорогу, пока трясся в санях до Дубков, тренировался, давал отпор разным несознательным элементам, приводил яркие доводы в пользу крупного хозяйства.

На собрании, когда Степан Лепешкин предоставил Толе слово, он внимательно поглядел на сидящих перед ним колхозников. Где-то он читал, что опытные ораторы отыскивали в аудитории наиболее сомневающихся и старались своим красноречием убедить прежде всего их. Так сделал и Толя. Он остановил свой взгляд на пожилом колхознике с перевязанной щекой. «Ох, этот особенно воинственно настроен»,— подумал Толя и стал искать следующего своего противника. Им оказалась хмурая молодая колхозница с черными пушистыми бровями. Она по какому-то поводу так осадила своего соседа, что тот быстро замолчал, и даже чуток отодвинулся от нее. «Эта, конечно, тоже против»,— подумал Толя и, сверля взглядом то одного, то другого предполагаемого оппонента, начал свой доклад.

Сначала он обрисовал общемировые проблемы, рассказал о происках американского империализма, обрисовал ход военных действий в Корее. Основательно досталось и Трумэну и генералу Макартуру. Толя без труда доказал, что этот так называемый деятель является попросту марионеткой в ловких руках Моргана и Рокфеллера. Говорил Толя увлеченно, взволнованно. У многих женщин, когда Толя читал строчки из обращения Конгресса сторонников мира, даже блеснули слезы.

Жители Дубков, идя сегодня на собрание, совсем не рассчитывали попасть на такую подробную лекцию о международных делах. А хороших лекций у них не было уже давно, и потому слушали Толю внимательно.

Посмотрев на часы, Толя ужаснулся: неужели он говорит уже час? Лепешкин, заметив его беспокойство, стал успокаивать:

— Ничего, ничего, шпарь дальше. Громи ее, мировую буржуазию. У нас это любят.

И хотя сказано было не без иронии, никто не засмеялся, а Толя продолжал доклад. Но теперь он уже следил за вре-

менем и скоро перешел на внутренние проблемы. К концу доклада добрался и до Дубков.

— И вот, товарищи,— звенел его голос,— если учесть международную и внутреннюю обстановку, странным выглядит позиция некоторых отсталых элементов, не желающих внять голосу разума, не понимающих своей же собственной пользы... Ведь что значит укрупнение колхозов? Это в данный момент важнейшее мероприятие и путь, прямой путь к укреплению колхозного хозяйства. И только люди, не желающие видеть всю прогрессивность этих мероприятий, могут ставить нам палки в колеса. Но мы вынем эти палки, товарищи, вынем и отбросим в сторону...

Толя долго еще говорил в том же духе, затем, остановившись, вздохнул, налил стакан воды из графина, выпил его и закончил так:

— Я уверен, что активисты Дубков не дадут отсталым элементам взять верх, не дадут остановить движение «Рассвета» вперед и примут сегодня правильное, я бы сказал, единственно правильное, решение. А именно — объединение.

Говоря это, Толя вновь пристально посмотрел на пожилого колхозника с перевязанной щекой. Тот сидел, закрыв глаза, и чуть покачивал головой. «Видимо, речь готовит,— подумал Толя.— Ну давай, давай, послушаем, что вы такое скажете». Женщина с пушистыми бровями почему-то шепталась со своим соседом и улыбалась. «А эта, видимо, консультируется. Ну, что же, послушаем и вас, гражданка». Но гражданка с пушистыми бровями вдруг встала и, все так же улыбаясь, обратилась к Толе с вопросом:

— Расскажите, пожалуйста, товарищ лектор, что такое делается в ООН. Очень нас это интересует. Что-то там все заседают, заседают, а что решают-то?

Затем послышались и другие вопросы — все в том же духе. Мужчину с завязанной щекой, оказывается, интересовал вопрос о международном экономическом совещании: что оно может решить, будет ли от него толк? Сосед, сидевший рядом с ним, просил подробнее осветить положение в Египте, кто-то хотел услышать, что произошло в Италии с рекой По и как велико наводнение?

Толя осветил эти проблемы тщательнейшим образом. Но тех вопросов, что ждал Толя, по которым у него было припасено столько основательных доводов и аргументов, этих вопросов все не было. Толя, нагнувшись к Лепешкину, тихо, приглушенным голосом спросил:

— В чем дело?
— Это вы насчет чего?
— Да по объединению. Пусть высказываются.
Лепешкин также шепотом, приглушенно объяснил:
— Да нет, мы уже того... все обсудили. И у соседей побывали. Они тоже согласные.
— Эт-то как же? Почему? Зачем же тогда собрание?
— Как зачем? — шипел в ответ Лепешкин.— Юридически оформить надо? Надо. А насчет разъяснения — вы же очень здорово все разъяснили.
— Что это вы шепчетесь? На миру секретов не бывает,— раздались голоса со скамеек.
Лепешкин поднялся.
— Товарищ Рощин интересуется насчет объединения. Как мы смотрим на этот вопрос?
Кто-то обиженно заметил:
— А Дубки в последних никогда не ходили.
— Вы, товарищ Рощин, между прочим, имейте в виду, что Дубки — это не просто так, деревенька. Мы, между прочим, по урожайности капусты в первой пятерке по области были.
— А удойность? Много ли в районе было ферм с тремя тысячами литров молока на корову?
— Одно только плохо у нас,— это сказала та самая — с пушистыми бровями,— что все это было да быльем поросло...
На эту реплику ответило сразу несколько голосов:
— Ну и что? Не только у нас быльем-то поросло. Выше головы не прыгнешь. Легко упасть, а подняться-то попробуй...
— Надо не охать, а подыматься.
— И то верно.
Словесная перепалка длилась долго. Толя начал беспокоиться, как бы эти споры не погасили возникший энтузиазм, но Лепешкин его успокоил:
— Все будет в ажуре.
За объединение с соседями Дубки проголосовали единогласно...
Толя Рощин встал и торжественно произнес:
— Поздравляю вас, товарищи рассветовцы. Данным, в известной степени историческим собранием заканчивается работа по укрупнению колхозов Приозерья. Следовательно, вы завершили переход нашего района на новый этап жизни колхозной деревни.

И он помчался в сельский Совет звонить Курганову.

Курганов после разговора с Толей долго молча ходил по кабинету и все думал об этом звонке. Он ясно представлял себе Дубки — маленькую деревушку с кургузыми, притулившимися к ветлам домиками, узенькую, занесенную снегом улицу, Степана Лепешкина, лохматого, вечно небритого, всегда спешащего и занятого, но чем-то симпатичного Курганову. «Будем выводить в люди Дубки». Михаилу Сергеевичу припомнились некоторые передовые колхозы, как «Борец» под Бронницами, «Победа» под Дмитровом. Нормальные улицы с новыми избами и коттеджами, с палисадниками, забитыми золотыми шарами и сиренью, современные хозяйственные постройки из белого силикатного кирпича... Будут, будут и Дубки жить по-людски.

Курганов позвонил в гараж, быстро оделся и вышел на улицу.

— Бензин в баке есть? — спросил он Костю.

— Не бедствуем.

— Тогда поехали.

Удивительно разнилась между собой вечерняя жизнь деревень. В одной — полные окна света, говорливые, веселые стайки молодежи на улицах, в других — гнетущая тишина, тусклые и подслеповатые огоньки в окнах. И все это зависело от одного — от состояния дел в том или ином колхозе.

Вот и Болотово. Оно возникло неожиданно, сразу за перелеском. Деревня уже, видимо, спала, хотя еще было не поздно. Не светилось ни одно окно, не было слышно ни одного голоса. Курганов посмотрел на часы. Стрелки мерцали на восьми.

— Да,— тихо проговорил он,— рановато спать ложатся болотовцы.

— А что же им делать, Михаил Сергеевич? Керосин жалеют.

— Вот то-то и оно, что керосин. А ведь пора бы уж вроде и без него обходиться.

— Конечно, пора.

Дома сонно жались друг к другу, прятались за высокими палисадниками, будто стыдясь своего неказистого вида. Недалеко от Болотова им встретилась большая группа молодежи. Ребята и девушки шли, тихо о чем-то переговариваясь.

— Что так притихли? — спросил Курганов, обращаясь к девчатам, стайкой окружившим машину.

— Устали, Михаил Сергеевич.

— Ого! Узнали, смотрите, какие востроглазые.
— Ну, а как же? Милого узнают по походке, а начальство по машине.
Подошла группа юношей. Узнав Курганова, они тоже вступили в разговор.
— Нет, вы нам объясните, товарищ Курганов, почему у нас такое несоответствие? Приходим, понимаете, в Алешино. Сеанс уже идет. Ну что тут сделаешь? Смотрим. Со средины. Ну посудите сами, разве можно чего понять разумному существу? После сеанса просим показать начало. А механик — жила. Если, говорит, все деревни будут ходить в кино, когда им вздумается, то я должен буду крутить свою технику до утра.
— Так и не показал?
— Нет, зачем же,— с гордостью возразил паренек.— Показал, но пришлось поговорить крупно. Пришлось объяснить товарищу значение кино как самого массового из искусств... Одним словом, просьба к вам, Михаил Сергеевич. Подтяните киношников, плохо работают.
— Хорошо, подтянем. Но опаздывать в кино все же не следует.
— Мы понимаем. Но ведь десять километров. На своих двоих...
— Пора бы уж болотовцам и свое кино иметь.
Раздалось сразу несколько голосов.
— Конечно, кто бы возражал. Да ведь финансы поют романсы. В этом вся загвоздка.
— Ну это дело поправимое. Тем более теперь, когда вы объединенный, мощный колхоз. Теперь дело должно пойти.
— Должно бы, да вопрос — скоро ли?
— А это уж от вас зависит. Помните у Некрасова: «Воля и труд человека дивные дивы творят». Чудесные слова. Верно? Вот так. Ну, а притихли-то вы зря. Песню, песню давайте, иначе во всем районе расскажу, какая квелая молодежь в Болотове, даже петь не умеют.
— За песнями у нас дело не станет,— задорно ответила девушка, что первая заговорила с Кургановым.
Попрощавшись с девушками и ребятами, Курганов сел в машину.
Ехали молча. Михаил Сергеевич машинально следил за узкой серебристой полосой света, бегущей впереди машины, но не видел ни этой полосы, вообще ничего вокруг. Мысли были поглощены событиями последних дней, звонком Рощина из Дубков, впечатлениями от болотовской, темной, глухой

улицы, от встречи с ребятами на дороге. Нельзя же и дальше так жить людям, как живут в Дубках или в этом Болотове. Они должны, имеют право жить иначе, по-другому. Только как это сделать? И сделать быстрее?

Мысли вновь вернулись к выступлениям некоторых колхозных вожаков, опубликованным в московских и некоторых центральных газетах. Они поднимали вопрос о слиянии мелких деревень, переустройстве колхозных сел. Может, и нам заняться этим? Но для Приозерья, где колхозы находились в особенно плачевном состоянии, эта идея даже самому Курганову сначала показалась несбыточным и каким-то недосягаемо далеким. Мысль эта, однако, не оставляла его, тревожила уже давно. И эта стремительная поездка по ночным деревням была предпринята под ее воздействием.

Курганов, видя, что шофер поворачивает с шоссе к дому, торопливо проговорил:

— В райком, Костя, в райком.

— Так ведь ночь же, Михаил Сергеевич.

— А мы на полчасика.

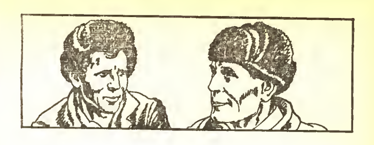
Ему хотелось сейчас, именно сейчас поговорить, посоветоваться с товарищами. Но, уже сняв трубку телефона, он вновь положил ее на рычаг. Нет, пока не надо...

Курганов был человеком увлекающимся, немного романтиком, но взнуздывать себя умел. Хоть и не очень легко это далось ему, но так он сделал сейчас. Рядом с радужными, захватывающими мыслями о крупных, красивых селах, сияющих яркими уютными огнями, возникали тревожные сомнения. Ведь только что прошло укрупнение, новые хозяйства еще не сложились. Люди пока не привыкли и к этому новшеству. Но тут же думалось и по-иному. «Ведь ломку-то полей, севооборотов да всего хозяйства мы все равно затеяли? И ломку основательную. Так не лучше ли делать сразу? Ведь разобщенные, мелкие села и деревни неизбежно будут сковывать нас, тянуть к старому». Вот так, споря сам с собой, приводя и взвешивая то один, то другой доводы, Михаил Сергеевич отправился домой.

Когда среди ночи Елена Павловна зашла в его комнату, Михаил Сергеевич стоял около окна, сосредоточенно вглядываясь в морозную мглу.

— Ты что это полуночничаешь? Люди скоро вставать будут, а ты бодрствуешь. Спать, спать немедленно.

— Ну ладно, ладно, не шуми. Спать так спать. Я человек дисциплинированный...



Глава 27

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Проводить партийное собрание в Березовку приехал Удачин. Он вошел в правление, потирая руки, шумно отряхиваясь от снега, и остановился у порога. Склонившись над столом, почти касаясь головами, сидели, рассматривая какие-то планы, Озеров и Родникова.

Он, разумеется, знал, что Родникова работает здесь, и сначала задумался: ехать или не ехать в «Зарю». Но потом высмеял себя: «Что это я, будто боюсь чего-то?» Глубоко, подспудно жила в нем и другая мысль — может прошла у Нины обида, может, и она думает о встрече, как и он? А Виктор Викторович думал об этом не раз и не два.

Здороваясь с Ниной, он пытливо посмотрел ей в глаза. Нина быстро отвела взгляд. Удачин, однако, хорошо заметил, как много в ее глазах неприкрытой досады от встречи с ним и ледяной и непреклонной отчужденности. Удачин снял и аккуратно повесил пальто, причесал волосы и, закурив папиросу, сел к столу.

— Над чем так усиленно трудитесь?

— Готовимся к собранию,— мрачно ответил Озеров и про себя подумал: «Что это они в райкоме-то? Ведь знают наши отношения. Неужели нельзя было прислать когонибудь другого?»

Но хотя Николай и ворчал про себя, той злости, которая была у него на Удачина раньше, уже не чувствовал. Велика, неистребима была у Озерова вера в хорошие свойства людей. Вот и сейчас он приказал себе: «Ладно, Озеров, спрячь свои обиды. Удачин приехал проводить собрание, ну и пусть проводит...»

— Вот посмотрите.— Николай придвинул Виктору Викторовичу бумаги, что они смотрели с Ниной. Удачин взял папку, прочел вслух:

— «Уточнения правления колхоза «Заря» к производственному плану на 1952 год». Так, так. Вы что же, и этот вопрос обсуждать хотите?

— Да, думаем.

— А стоит ли? Ведь собрание-то организационное? Может, по поводу плана специально соберетесь?

Озеров стал возражать:

— У нас все готово, и откладывать нет смысла.

— Ну, а если затянется первый вопрос?

— Выборы-то? Нет. Думаю, что нет. Люди у нас понимающие.

— Значит, обсуждаем оба вопроса?

— Да, давайте оба.

Виктору Викторовичу ничего не оставалось, как согласиться.

...Коммунисты пришли дружно. Не успел Виктор Викторович закончить телефонный разговор с Приозерском, решив предупредить, что задерживается, а люди уже были в сборе. Организационные дела заняли совсем немного времени. Партийным секретарем колхоза единодушно избрали Макара Фомича. Удачин напутствовал его:

— Ну, бери, Фомич, бразды правления в свои руки.

— Раз оказано такое доверие, то что же? — И Макар Фомич сел за стол.

— Теперь давайте, товарищи, потолкуем о наших хозяйственных делах. Слово председателю.

Николай оглядел собравшихся. Не много еще было коммунистов в «Заре» — всего семь человек. Но, глядя на этих людей, на их серьезные озабоченные лица, Озеров почувствовал себя увереннее и спокойнее.

— Объединились мы пока только на бумаге. А надо, чтобы мы все, все наши люди поняли это умом и сердцем. Ведь сопротивление некоторых бригад размещению новых культур, требование рубцовской бригады об отделении говорят о том, что нет еще у нас настоящего коллектива. Давайте думать, как нам сплотить, объединить наших людей. Без этого нечего и думать поправить наши дела. Я доложу вам сейчас наши изменения к плану колхоза. Но повторяю еще раз — все останется на бумаге, если не сумеем организовать людей... Вот наш агроном,— продолжал Озеров,— да и мы с Фомичом прикидывали и так и этак —

нельзя нам соглашаться со спущенным планом. По старинке он составлен, без учета времени и условий. Зачем, например, нам столько овса? Родится он у нас плохо, культура невыгодная. Теперь лен. Я не специалист, но знаю — в наших краях он не очень хорошо родится. Это хорошо удается на севере и северо-западе. Три года он был у них в плане, и три года был провал с урожаем.

— Раньше лен здесь сеяли,— заметил Удачин.

Беда ответил:

— Давно это было, Виктор Викторович, очень давно. Когда мужики в домотканых штанах ходили.

— Но все-таки сеяли?

Нина заметила:

— Тут у нас небольшое разногласие. Я считаю, что ото льна нам не надо отказываться. Если его с умом растить — золотая культура.

Озеров возражать не стал:

— Ну хорошо. Это можно обсудить. Но все равно план надо перестраивать.

— Что вы предлагаете? Какие ваши-то наметки? — спросил Удачин.

— А наши наметки здесь.— И Николай показал на папку, что лежала перед Виктором Викторовичем.

— Наши планы,— несколько громче обычного проговорила Нина,— таковы: кукуруза — пятнадцать гектаров, капуста — десять, овес — уменьшить вдвое. Картофель — увеличить...

Удачин слушал ее и думал: «Уверенность-то какая. И задор».

Виктор Викторович мысленно ругал себя, что вызвался ехать на это собрание. Он видел, что руководители «Зари» в своих расчетах крепко держатся за землю и переубедить их будет нелегко. Поддерживать же Озерова у него не было никакого желания. Да и почему надо потакать им? Ведь у района план, утвержденный областью. И если каждый колхоз будет кроить спущенные ему задания так, как захочет, то что же будет? Чем район и область будут рассчитываться с государством?

— Все это, конечно, хорошо,— сказал он.— Только вы не учитываете одного важного обстоятельства.— И уже желчно закончил: — Одну «незначительную мелочь». Интересы государства.

Удачин и сам был не рад, что сказал это. Собрание вдруг загудело, людей будто подменили.

Говорили и Беда, и Уханов, и Хазаров, и колхозники, что до сих пор сидели молча. Коммунисты не просто выступали, не просто спорили, они предлагали, спрашивали.. Один за другим сыпались вопросы:

— А если мы вместо овса посеем горох? И нам лучше, и государству. Он у нас здорово родится...

— Капусты сдадим не пятьсот центнеров, а, допустим, девятьсот — годится?

— Картофеля тоже вдвое больше. Плохо?

— Кто живет посевернее, пусть ленок растит, у кого овес родится — пусть овес сеют, а мы за них капустку..

Виктор Викторович, слушая эти вопросы, реплики, предложения, думал: «Распустили мы людей. При Баранове не то было: цыкнул бы — и все, и точка. А теперь? Попробуй. Товарищ Курганов такие турусы на колесах разведет...»

Он уже устал и думал о том, как бы поскорее закончить собрание. Ему вдруг все здесь сделалось чужим, ненужным. «Ну горох там, овес или вика? Какая мне разница? Чтобы кто-то вроде товарища Озерова или Курганова получил за меня, за мои труды и усилия славу, аплодисменты, одобрение начальства? К чертям. Пусть сеют, что велено». Он хотел сказать об этом резко, но раздумал и решил сделать иначе: поручить правлению еще раз все подсчитать и затем приехать в Приозерск.

— А вы нас там будете поддерживать? — прямо спросила Нина. Удачин, пожав плечами, суховато ответил:

— Гарантировать не могу, план сверстан и по району, и по области.

— Но переверстать его еще можно, Виктор Викторович. Уж поверьте...

После собрания, когда Удачин собирался уезжать, Макар Фомич предложил:

— А может, перекусить бы. Вам — на дорогу, нам — на сон грядущий. А?

Озеров и Удачин молчали.

Беда спросил:

— Ко мне пойдем или к вам?

Озеров пожал плечами:

— Пожалуйста, можно и ко мне.

— Пойдемте, Виктор Викторович. Он как-то накормил меня довольно вкусной жареной колбасой.

Виктор Викторович, подумав немного и взглянув на часы, согласился.

— Колбаса — самое популярное блюдо у свободного мужского населения,— проговорил Озеров.

— Это как — свободного? От чего и от кого? — спросил Удачин.

— От милых женских рук,— ответил Николай.

Удачин промолчал. Когда же вошли в избу, Виктор Викторович заметил:

— О, да вы, Озеров, оказывается, действительно живете на холостую ногу. А что же жена? Все еще не приехала?

— Нет. Пока не приехала.

— Но женская рука здесь все-таки чувствуется. А? Факт, факт, чего там. Уж не агрономша ли тут чистоту наводит? — Виктор Викторович шутил чуть покровительственно, не замечая, что получается у него грубо и развязно.

Николай, возившийся со сковородками, выпрямился и недоуменно посмотрел на Удачина.

— Нескладно шутите, Виктор Викторович.— И сказано это было так резко, что Удачин поспешил сгладить неловкость.

— Ну хорошо, хорошо, буду иметь в виду, что вы не понимаете шуток.

Макар Фомич, сидевший молча, строго проговорил:

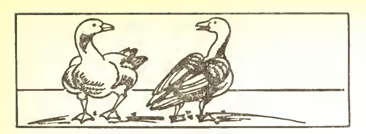
— Нину Семеновну мы знаем с махоньких. Она наша, березовская,— и больше ничего не добавил. Он считал, что этим все сказано достаточно ясно.

За ужином неловкость прошла. Говорили о разном. Удачин рассказал кое-какие районные новости. Макар Фомич все порывался продолжить спор о плане колхоза.

— Хватит, Фомич. Вот приедешь в Приозерск, тогда и добивай нас своим красноречием,— шутливо отмахнулся от него секретарь райкома.

Через час Виктор Викторович уехал. В пути, перебирая в памяти события вечера, он подумал: «Да, зубастый народ пошел». Потом пришла и долго не оставляла мысль: «А почему так вспылил Озеров, когда я пошутил с ним о Родниковой? Ох, боюсь, что неспроста это...»

А Озеров после отъезда Удачина долго не мог ни за что приняться. Приезд Виктора Викторовича оставил у него в душе гнетущий, тяжелый осадок.



Глава 28

«ПТИЧИЙ ГЕНЕРАЛ» ДЕЙСТВУЕТ

Отченаш возвращался в Крутоярово из племрассадника. Полуторку трясло и подбрасывало на неровной мартовской дороге, и каждую такую колдобину Отченаш отчаянно проклинал. Он вез триста гусят, беспомощных, зябких, пискливых. Через каждый час останавливали машину, Иван залезал в кузов, осматривал ящики, заботливо и добродушно разговаривал со своим грузом.

— Что, холодновато? Действительно, февраль жестковат в этом году. Норд-вест зудит и зудит. Мы его знаем. Одним словом, штормит на полную катушку. Но ничего, скоро доберемся, а там у вас такие роскошные кубрики, что одно удовольствие.

Но Ивану и его поклаже явно не повезло. Когда до Крутоярова оставалось каких-нибудь пятнадцать километров, что-то случилось с машиной. Шофер нырнул под капот и стал ковыряться в моторе. Отченаш, обеспокоенный, тоже вылез из машины. Но и вдвоем они ничего не могли сделать.

Видимо, бензонасос отказал,— высказал предположение шофер.

— Насос, насос. Надо с собой нужные части возить,— разозлился Отченаш.— Ты понимаешь, что может быть, если мы через час домой не доберемся? Все гусята померзнут. Понимаешь ты это?

— А гусята, словно поняв, что речь идет о них, подняли вдруг встревоженный, разноголосый писк. Иван бросился в кузов. Щели брезентового полога были закрыты плотно, но в кузове становилось холоднее. Борта машины, обитые полосками железа, крепежные крючки, предохранительная решет-

ка на заднем стекле кабины, покрылись инеем. В отчаянии Отченаш бросился к шоферу.

— Слушай, ехать надо, а то погибнет птица, ну обязательно погибнет.

— А я что — бог? Машина — это тебе не гусь и не амеба какая-нибудь, у нее не одна тысяча частей. Попробуй узнай, что сломается. Придется в МТС идти, заменим насос или подремонтируем.

— В МТС? А где она? Далеко?

— В Болотове. Километра три отсюда.

Иван трагическим жестом показал на кузов грузовика.

— Ну, а что с ними будем делать?

— Да ничего им не сделается, не померзнут твои паршивые птенцы. Полчаса туда, полчаса обратно. Час-полтора. Дождутся.

— Да ты что? Они уже озябли. Слышишь, как пищат? Нет, так нельзя. Давай так: ты останешься здесь, а я побегу в это самое Болотово. Давай твой чертов насос.— И, расспросив о дороге, Отченаш помчался в МТС.

Насоса, однако, здесь не оказалось, старый же ремонтировать было некому — слесарь и механик уехали в Алешино.

Прошло уже, наверное, около часа, как Иван ушел от машины. «Померзнут чертенята, обязательно померзнут»,— в отчаянии думал он и нервно бегал из угла в угол по тесной диспетчерской. В это время его взгляд упал на диван, где он только что сидел. На валике лежало аккуратно свернутое стеганое одеяло. Отченаш молча стоял с минуту, что-то усиленно обдумывая, потом, повернувшись к дежурному, хрипло проговорил:

— Вот что, дорогой, у меня к тебе две просьбы. Первая — как только появится слесарь — пусть срочно чинит насос. А вторая — одолжить вот это одеяло.

— Для чего?

— Для спасения соцсобственности.

— Да, но оно принадлежит лично директору.

— Все равно. Забираю. И вот что скажи, народ в вашем Болотове как? Ничего? Сознательный?

— Народ как народ, люди как люди.

— Ну ладно. Бывай здоров. Через час вернусь за насосом.— И, зажав под мышкой свернутое одеяло, Отченаш торопливо вышел на улицу.

Запыхавшись, он вошел в крайнюю избу. За столом сидел паренек лет десяти. Вертя пальцем русый хохолок, он

сосредоточенно читал какие-то записи в тетради. Иван поздоровался.

Парень удивленно ответил и встал из-за стола.

— Твоя фамилия как?

— Кудряшов.

— Имя?

— Юрка.

— Пионер?

— А как же.

— Так вот что, товарищ Кудряшов. Я директор птицефермы колхоза «Луч». Еду из области, везу гусей. Молодняк. Машина встала, и гусята погибают. Нужна помощь. Надо собрать одеяла. Теплые.

— Одеяла?

— Да. Теплые одеяла, чтобы накрыть их, укутать. Иначе триста замечательных породистых гусят померзнут. Понимаешь?

— Понимаю, конечно. Берите, пожалуйста. У нас два одеяла. Мое и мамкино.

— Хорошо. И знаешь что? Пойдем-ка со мной по домам. Поможешь.

— А что я должен буду делать?

— Агитировать. Разъяснять значение гусиного поголовья.

— Ладно, пойдемте.

По пути к соседнему дому Юрка остановил Ивана:

— Здесь тетка Агафья живет. К ней, пожалуй, не стоит.

— Почему?

— Не даст она.

— Это как так — не даст? Не может этого быть, чтобы на нашей земле проживал такой вопиюще несознательный элемент.

Иван толкнул калитку. Хозяйка — сухая высокая старуха в белом платке на голове, в шубейке-безрукавке — стояла у окна и подслеповато вдевала нитку в ушко иголки. На лавке лежал рюкзак, до половины наполненный какими-то вещами.

— Здравствуйте, бабушка,— приветливо поздоровался Отченаш.— Вроде как бы в поход собираетесь?

— Здравствуйте,— невозмутимо, даже не повернув головы, а только скосив глаза на вошедших, ответила Агафья.— Зачем пожаловали?

Юрка стал торопливо объяснять:

— Тетя Агафья, этот товарищ из колхоза «Луч», он везет гусят.

— Ну и что? Пусть себе везет. У нас, когда я еще девчонкой была, тоже гусей разводили. Белые, серые и даже черные были. Как, бывало, начнут орать во дворе — хоть из дому беги.

— Тетка Агафья, он, то есть товарищ Отченаш, к вам с просьбой.

Агафья положила катушку с иголкой на подоконник и повернулась к посетителям:

— Как ты сказал? Отче наш? На бога хулу несешь? Зачем пришел? Опять золу будешь из печки выгребать? Опять все газеты до единого листочка реквизуешь? Знаешь, гражданин Кудряшов, ты меня из терпения не выводи. «Отче наш», видишь, мне хотят читать. Я тебе такие молитвы прочитаю, что отца и мать позабудешь.— Агафья входила в гнев.

«Ну, будет нам сейчас»,— подумал Юрка.

— Послушайте, товарищ Агафья,— решил спасать положение Отченаш.— Мы по делу к вам. Одеяла нужны, гусята в поле замерзают.— Объясняя все это, Отченаш на всякий случай вслед за Юркой пятился к выходу. И не ошибся. Агафья вдруг повернулась к ним всем корпусом и голосом, переходящим с баса на тенор, завопила:

— Вы что? Измываться пришли? Над старой беззащитной женщиной? Я на вас найду управу. Я не только до Приозерска, я до Ветлужска дойду...

Отченаш и Юрка ретировались в сенцы. А тетка Агафья так захлопнула дверь, что с беленого потолка, словно снежинки, полетели хлопья мела.

Сойдя с крыльца, Отченаш сказал:

— Ведьма с Лысой горы, и больше ничего.

— А откуда вы знаете, что тетку Агафью у нас так зовут?

— Догадался. А ты тоже хорош. Почему не сказал, кто она такая?

— Я говорил.

— Говорил, говорил. Разве так говорят! Надо было решительно, принципиально возразить.

Юрка замолчал, а Иван подумал с отчаянием: «Если такие перепалки, как с Агафьей, начнутся в каждом доме, то гусята вряд ли дождутся помощи».

Но опасения его не оправдались. Люди в Болотове оказались отзывчивыми. Правда, все они то недоуменно по-

жимали плечами, то начинали расспросы или старались что-то посоветовать. Но Иван красноречиво поглядывал на часы, кряхтя, тер руки, показывая тем самым, как холодно на улице, и неизменно уходил из дома с одеялом или двумя. Чтобы нести их, Юрка разыскал еще двух своих приятелей, и скоро из Болотова по шоссе двинулась целая экспедиция — Иван впереди, а трое ребят с охапкой красных, розовых, синих, голубых одеял — сзади. Когда вышли из деревни, услышали сердитый старушечий голос:

— Эй, эй, граждане! Подождите малость, ноги-то у меня не молодые, чтобы вприпрыжку за вами шастать.

Это была Агафья. Она торопливо подошла к Отченашу и сунула ему в руки мягкое, стеганое одеяло.

— Ходят тут всякие, ничего толком не объяснят...— пробурчала она и, повернувшись, пошла к деревне.

Отченаш хотел остановить ее, одеял у него было уже достаточно, но махнул рукой, усмехнулся и торопливо пошел вперед. Ребятня гуськом тронулась за ним.

Экспедиция подоспела вовремя. Гусята уже не пищали, а почти все погрузились в полусон. Им снился теплый пух материнских крыльев, где так тепло. А может быть, водная гладь озер, зеленая, шелковистая трава на лугах.

А может, ничего этого не видели они, но Иван, закутывая ящики добытыми одеялами, был убежден, что гусята видели именно эти картины. «Это уж точно, инстинкт — дело нешуточное»,— подвел он под свою мысль научную базу.

...В Крутоярово приехали поздно ночью. Гусята дремали и нехотя жмурились на свет черными бусинками глаз. Отченаш успокоился. Он осторожно сгрузил птенцов в загородки, проверил запоры дверок, подошел к термометру, что висел на средней стене, легонько щелкнул по нему ногтем. Потом проговорил:

— Ну, кажется, все нормально.

Шофер, гревшийся у печки, показывая на одеяла, спросил:

— А это добро куда?

— Как куда? Завтра отвезем обратно, в Болотово...

...Хлопотлива, беспокойна стала жизнь у Ивана Отченаша. Он дневал и ночевал на ферме, отлучался отсюда, только чтобы пообедать да накоротке поспать. Никому не было от него покоя. Девушки-птичницы обижались:

— Ну, что вы, товарищ Отченаш, все за нами следите? Как корм даем, да выдерживаем ли норму, когда поим, да когда на прогулку птицу гоним. Будто не доверяете нам.

Иван, чуть смутившись, объяснил:

— Почему не верю? Откуда взяли такое? Дело-то, понимаете, новое, ни вам, ни мне как следует не известное, вот и беспокоюсь.

Когда Отченаш приходил в правление, Василий Васильевич кряхтел и настораживался. Он хорошо знал — сейчас моряк будет клянчить для своей фермы каких-нибудь дополнительных материалов, кормов, продуктов.

— Вы понимаете,— настойчиво доказывал Отченаш,— для гусят до трехмесячного возраста немного, ну хотя бы стакан молока в день очень полезно.

— Да, но молоко — это ведь не вода в колодце.

— Да, но гуси — это ведь тоже не что-нибудь такое, а гуси. Ну ладно, не даете молока, давайте обрат, но, конечно, побольше.

— Еще что? — страдающе вопрошал Василий Васильевич.

— Концентратов подбросить надо, картошку опять же вареную они хорошо кушают.

— Ах, хорошо кушают! — ворчал председатель.— Они черта с рогами сожрут, эти спасители Рима, им только дай волю...

Но видя, что Отченаш невозмутимо стоит у стола, подписывал требование.

«Гусиный генерал», «птичий директор», «цыплячий бригадир» — такими кличками награждали Ивана колхозные шутники, однако он не обижался и добродушно отшучивался:

— Ладно, ладно, согласен. Только не забывайте, что цыплят по осени считают.

Гусиное стадо постепенно веселело. В бывших сенных сараях стоял разноголосый звенящий шум. После утреннего кормления гусят выгоняли на улицу для прогулки. Первое время они никак не хотели ходить по тропинкам вокруг фермы, сбивались в кучки, жалобно пищали и старались удрать в помещение. Тогда Иван придумал такое: он шел по тропке и разбрасывал кусочки мелко накрошенного хлеба, смоченного в молоке. Для этого он забирал все отходы в чайной и детском саду. Гусята довольно быстро разобрались, что, если бежать за этим высоким двуногим существом, можно полакомиться. И они бегали торопливо, с нетерпением обшаривая своими красноватыми клювами всякий бугорок на тропинке. Скоро это вошло у них в такую твердую привычку, что без Отченаша они ни за что не хотели совер-

шать прогулок. И Иван, ничуть не смущаясь, шествовал вокруг фермы, а за ним, словно серые клубки, катились и катились шумливые косяки гусят.

Когда Отченаш убедился, что гусята окончательно прижились, его все больше стала занимать мысль об утином стаде. Деньги, ассигнованные на ферму, у него еще оставались, и он уговорил Морозова вновь послать его в область.

— Так ведь мы же не давали заявки на утят? Не дадут.

— Дадут, Василий Васильевич. Я их уговорю. Понимаете, на этих днях у них выход пекинок будет, а ведь пекинская утка — это золото, настоящий клад.

И вот Отченаш снова в пути. Но теперь, наученный горьким опытом, он едет во всеоружии. В кузове машины у него брезент, несколько одеял, сено — это если утята будут мерзнуть. Но на этот раз поездка прошла благополучно, почти без особых приключений, если не считать одной встречи на дороге. Под ровное посапывание мотора Иван то ли задремал, то ли просто забылся немного. Из полусонного состояния его вывел настойчивый продолжительный сигнал обгонявшей их машины.

«Кто это так спешит?»— подумал моряк и опустил боковое стекло, чтобы посмотреть.

Разбрасывая рыхлый снег, их стремительно обгонял «пикап». Иван хотел было закрыть окно, но вдруг обмер. Рядом с шофером сидела Настя Уфимцева. Ну, честное слово, это была она! Челка каштановых волос, выбившаяся из-под шали, задорный, даже, пожалуй, чуток вызывающий взгляд. Да, конечно, она. Отченаш круто повернулся к своему водителю.

— Выручай, друг. Вопрос жизни и смерти. Видишь тот «пикап»?

— Вижу.

— Надо догнать и перегнать.

— Это зачем же?

— Надо. Позарез.

— Машина-то колхозная, ее беречь надо.

— Эх ты, черствая душа. Полцарства за коня, как говорил кто-то из классиков. Царства у меня нет, а двадцатка твоя, если перегоним ту колымагу.

— А не обманешь?

— Полундра. Все будет в порядке. Жми.

Полуторка, взвыв мотором, ринулась вперед.

Вот «пикап» серой точкой замаячил впереди. Точка ста новилась все явственней и ближе, а через пятнадцать или двадцать минут — машины уже почти рядом.

«Пикап» остановился на окраине деревни, около школы. Из него легко выпрыгнула девушка в пуховой шали. Она энергично стала притоптывать ногами в черных аккуратных чесанках, чтобы размяться. А Отченаш смотрел на нее с грустью.

Девушка заметила это.

— Вы что так смотрите, товарищ?

— Да так. Есть причина. Ведь вы не Настя Уфимцева?

— Нет, я не Настя Уфимцева,— в тон ему ответила девушка и улыбнулась.

— Прошу прощения,— откозырял Отченаш и, вздохнув, стал садиться в машину.

— Что так скоро? От ворот поворот? — пошутил шофер.

— Хороша Маша, да не наша. Поехали.

— А как насчет взаиморасчетов? Не забыл?

Отченаш вздохнул:

— Придется раскошеливаться...

Видя мрачное настроение пассажира, шофер попытался его развлечь разговором.

— Думаете, толк будет? — спросил он.

— От чего?

— Ну, от этих пискунов, что везем.

— Ого. Еще какой. Утка — это наивыгоднейшая птица.— Отченаш сразу увлекся затронутой темой.

Пусть то, что он вез, пока еще не утки, а только желтые, пушистые комочки, робко поглядывающие из решетчатых ящиков. Но Иван был уверен, что скоро, очень скоро они вырастут, будут тем, кем он хотел их видеть,— крупными, важными птицами.

К уткам у него почему-то было особое уважение. Еще в детстве он всегда без устали наблюдал, как соседские утки с упоением купались в озерце, как смешно перекидывались хвостом вверх, ныряя за кормом, как степенно, переваливаясь с боку на бок, гуськом шествовали по тропе к водоему или домой после длительного купания. Иван представлял себе огромное стадо выросших уток и потирал от нетерпения руки.

Но все это было пока еще впереди. Пока же с ними предстояли не меньшие заботы, чем с гусятами...

...Дня через три после приезда с птицефабрики Ивана

среди ночи разбудила прибежавшая с фермы Дуняша.

— Что случилось? — тревожно спросил он, узнав свою помощницу.

— Товарищ Отченаш, беда. Дымоход обвалился.

— Вот старый черт,— обругал Иван печника деда Юсима. «Печи такие, что сто лет простоят, домны, а не печи»,— вспомнил он его хвастливые разглагольствования.

— Вот тебе и домны. Пьянчуга проклятый.

Иван прибежал на ферму. Действительно, дымоход обрушился у самого выхода на крышу. «Дело не такое уж страшное, завтра исправим,— подумал Иван.— Но это завтра. А сегодня? До утра все помещение промерзнет».

Он пошел мимо хлевов. Гусята спокойно спали в своих клетушках, спрятав носики или себе под крыло, или в пух соседа. Утята же вели себя беспокойно — не спали, попискивали, беспорядочно жались друг к другу. Им было уже холодно.

— Что делать будем, Дуняша? Померзнут наши утята.

— Конечно. К утру здесь будет совсем морозно.— Девушка задумалась, потом весело взглянула на «гусиного генерала».— Знаете что? Раздадим их колхозникам. Пусть подержат в избах день-два, пока печи починим.

— Вот это идея! Ты, Дуняша, у меня молодец. Голова у тебя прямо государственная. Давай сейчас же перетаскивать наших чертенят в деревню.

И вот Отченаш и Дуняша с двумя накрытыми корзинами торопливо идут к деревне. Взбудоражили они все Крутоярово — кто ругался, кто недовольно бурчал, кто смеялся. Но Иван даже не слышал этого,— он торопливо путешествовал между деревней и фермой и вместе с птичницей носил и носил корзинки с утятами. Приходя в тот или иной дом, он ставил корзинку на пол, осторожно наклонял ее, и оттуда, как желтые мячи, выкатывались утята.

— Вы уж, пожалуйста, устройте, чтобы не замерзли. Можно в корзинку, можно в решето. Только подстелите что-нибудь теплое.

Через несколько дней после этой истории Отченаш пришел к Морозову.

— Помните, Василий Васильевич, я вам рассказывал, что у старухи Кривиной арзамасские гуси. У Чунихиных тоже такие же. И еще в Громове я видел два или три стада. Тоже арзамасские. Это, Василий Васильевич, золотая порода. Я уже говорил. Надо купить этих гусей.

— А где я деньги возьму?

— А вы знаете, что такое арзамасский гусь? — И Иван

развернул перед Морозовым такую яркую картину будущего процветания фермы, так красочно вновь описал этого самого арзамасского гуся, что Василий Васильевич опять не устоял и, ворча, согласился выделить ферме некую сумму на покупку арзамасских гусаков и гусынь. Потом, помолчав, вдруг спросил:

— А как насчет рыбки?

— Какой рыбки? — не понял Отченаш.

— Рыбу, рыбу нам разводить надо. В озерах. Ты вот насчет птицы правильно вник, познал этот вопрос. Теперь подступайся к рыбе. Область обещала выделить полмиллиона мальков. Это знаешь какое дело? Золотое дно будет, а не Крутоярово.

— Рыба? Карпы? Не подготовлен я в этом вопросе. Только знаю, как ершей удить. Но все же подумаю. Не боги горшки обжигали. Обязательно подумаю.

На ферму Отченаш возвращался уже не с пустыми руками. За спиной у него была сенная корзинка, и из нее, тревожно крича, высовывали головы две здоровенные гусыни и гусак. Старуха Кривина, узнав, что гусей берут не под нож, а на потомство, обрадовалась:

— Да я всей душой, пожалуйста, сынок. Хорошие у меня гусочки. Красавцы.

Скоро ферма оглашалась уже не только тоненькими голосами гусят и утят, а и вполне сложившимся, солидным гоготаньем десятка арзамасских гусей и гусынь, купленных Иваном в близлежащих деревнях.

Иван теперь немного освободился от организационной суеты и ходил по ферме довольный, насвистывая мотивы из матросского репертуара. Он с нетерпением ждал весны. Хотелось устроить от фермы хороший спуск к реке, отгородить заводь для молодняка — без мамаш-то они растеряются на широкой глади Славянки. Иван прочел уже немало книг и про рыбу. Ездил он и в колхоз «Победа», что на Московском море. Хозяйство там большое, ведется умно, выгоду дает большую. Сами всегда со свежей рыбой и деньги получают немалые. У Ивана в связи с этим созрели коекакие новые планы. Глядя на жидковатое пока мартовское солнце, Иван говорил ему мысленно:

— Ну давай, давай шевелись, старина. Что-то ты не очень торопишься нынче. Нельзя ли прибавить градусов, очень тебя прошу...

Глава 29
БЫЛО ИЛЬ НЕ БЫЛО, А РАССКАЗЫВАЙ...

Озерова вызвали в Москву в партколлегию. Вызвали внезапно, неожиданно, и он терялся в догадках, что понадобилось товарищу Ширяеву от него. Озерова, председателя никому пока не известного березовского колхоза?

Николай, направляясь в столицу, заехал в райком, но работники орготдела не знали, в чем дело. Курганов и Гаранин были в области, и волей-неволей пришлось идти к Удачину.

Виктор Викторович молча выслушал Озерова и, как бы не видя его смятения, не без тайного злорадства, но внешне спокойно объяснил:

— Могу сказать лишь в общих чертах. Слышал, что партийная коллегия по чьему-то заявлению заинтересовалась твоим делом. Запросили все материалы. Курганова вызвали тоже.

— Что, и Михаила Сергеевича? По моему делу?

— Да. Представь себе.

— Вот чертовщина. Я думал, что все уже закончено. А что они от меня хотят? Не знаете?

— Ну, дорогой мой, откуда мне знать мысли работников КПК?

Озеров не был в Москве почти целый год. Чем ближе поезд подходил к столице, тем мрачнее становилось у него настроение. Мучал и пугал своей неизвестностью сам вызов, беспокоила и саднила сердце предстоящая встреча с Надей. Однако, когда он вышел на площадь Курского вокзала, увидел, как всегда, деловито спешащих москвичей, серую стаю таксомоторов, ожидающих пассажиров, услышал какую-то мелодичную песенку из уличного репродуктора,

у него отлегло от сердца. Он решил пройтись до Чистых прудов пешком. Помахивая в такт шагам легким чемоданчиком, Николай вышел на Кировскую. Его обгоняли незнакомые люди, раз или два даже не очень-то вежливо толкнули, но Николай испытывал удивительное чувство — ему казалось, что всех этих прохожих он знает и они его тоже знают, а не вступают в разговор просто потому, что заняты, некогда. Вот эти два паренька, что обогнали его, они, видимо, торопятся на интересную встречу, а этот толстяк с авоськой — конечно же, выполняет поручение своей второй половины, а вот та элегантная симпатичная женщина со связкой тетрадей, наверное, учительница и спешит к своим питомцам.

Озеров шел домой и не знал, как его там встретят и встретят ли вообще. Завтра ему предстояло идти к Ширяеву, и тоже совсем неизвестно было, чем это кончится. Хотя вины за собой Николай и не чувствовал, но понимал, что в партийную коллегию вызывают не для объявления благодарностей. И все же вопреки всему встреча с любимым городом глубоко радовала его.

Нади дома не оказалось. Соседи объяснили, что она в командировке. Как ни соскучился он по жене, как ни хотелось ему внести, наконец, полную ясность в их отношения, он почему-то обрадовался ее отсутствию. Чувствовал, что не хватило бы у него сил на такой разговор накануне визита к Ширяеву.

В партколлегии его принимал партследователь — подтянутый седовласый мужчина в полувоенной синей гимнастерке. Он усадил Озерова против себя, подвинул пачку «Казбека». Озеров поблагодарил.

— Что, не курите?

— Курил. Пришлось бросить. Сердце не в ладу с никотином.

— Тогда надо беречься.— И, помолчав, следователь значительно проговорил: — Товарищ Ширяев поручил мне разобраться с вашим делом. И доложить лично... Расскажите все самым подробным образом.

— А о чем? Что я должен рассказать?

— Ну как это о чем? Все ваше дело. За что вас обсуждали на бюро райкома? За что сняли с газеты? И так далее...

Озеров посмотрел на своего собеседника. Тот сидел, положив руки на подлокотники кресла, глаза сквозь прищур

глядели холодно, неприязненно, колюче. Белое, пухловатое лицо было сумрачно-непроницаемым. Почему-то создавалось впечатление, что он копировал кого-то,— и эту манеру сидеть, и цедить слова, и класть руки на подлокотники.

Беседа продолжалась долго, часа четыре. Потом их позвали к Ширяеву.

В приемной Озеров встретился с Кургановым. Михаил Сергеевич приветливо поздоровался с ним, крепко пожал обе руки, пытливо поглядел в глаза. Николай почувствовал в этом подчеркнуто-внимательном отношении секретаря райкома надвигающуюся беду, но, стараясь говорить спокойно, спросил:

— Михаил Сергеевич, что случилось? Я же думал, все закончилось. А тут опять — Алешино, Пухов, Звонов. И вызов-то к самому Ширяеву.

Курганов вздохнул.

— Кому-то понадобилось вернуться ко всему этому. Но ты не робей, держись.

Кабинет Ширяева был большой, светлый, отделанный голубоватым линкрустом с дубовыми раскладками. За массивным полированным столом с зеленым сукном сидел хозяин кабинета. Озеров десятки раз видел его фотографию в газетах, но никогда не думал, что он такой невзрачный, с желтовато-бледным, бугристым лицом.

По обеим сторонам стола сидело еще четыре-пять человек. Все они молчали, сосредоточенно изучая какие-то бумаги, лежавшие перед ними.

Ширяев снял очки в тонкой металлической оправе (такие очки раньше носили сельские учителя) и дребезжащим тенорком проговорил:

— Докладывай, милок.

Из-за стола поднялся партследователь, что беседовал с Озеровым, и, раскрыв пухлую папку, начал говорить.

Озеров был уже не молодым человеком, в жизни он кое-что видел. Работа газетчика не раз сталкивала его с неожиданными фактами, событиями и людьми. Немалую школу он прошел и за этот год в Приозерье и Березовке.

И все же, когда слушал, как о нем докладывали Ширяеву,— растерялся. Удивительно, как по-разному можно расценивать одни и те же факты, какое различное толкование могут придать люди, одним и тем же обстоятельствам.

Была слабой, не острой газета? Да, Озерова критиковали за это. Но здесь звучали другие слова. Озеров, оказывается, уводил газету от нужных тем, снижал ее боеспособность, мешал мобилизации масс... Поездка в Алешино? Да, был опрометчивый поступок в чайной, когда Николай купил для своих собеседников по рюмке водки. Но, оказывается, это были методы «желтой прессы», разложение и скатывание по наклонной плоскости. Семейная неувязка? Какая же неувязка, если Озеров просто-напросто ловелас, бросил жену в Москве, а сам вьется вокруг молодых агрономш и колхозниц...

Озеров несколько раз вставал, хотел вмешаться в этот поток обидных и злых слов, но Ширяев каждый раз сдерживал его.

— Сиди, сиди, милок, объяснишь потом.

Но главное докладывающий оставил напоследок. Оказывается, у Озерова гнилое нутро, и даже с антисоветским душком. Разве не об этом свидетельствует заявление Пухова?

— Но сам-то Пухов исключен из партии,—не выдержав, проговорил Озеров.

Докладчик невозмутимо ответил:

— Знаем. Но это ничуть не умаляет вашей вины. Наоборот. Свои сомнения по поводу колхозного строя вы ему высказали? Высказали. Это факт и это главное. Ну, а по поводу связей Озерова с неким Звоновым, которым занимаются сейчас соответствующие органы, докладывать не буду, все материалы, товарищ Ширяев, у вас.

— Да, да. Мы это знаем,— проскрипел Ширяев.

Устремив на Озерова белесоватые старческие глаза, он бросил ему:

— Ну, милок, рассказывай, все рассказывай...

— Что рассказывать, товарищ Ширяев? О чем?

— Как это о чем? По существу.

— А по существу ничего не было.

Ширяев поднял голову, глаза его вспыхнули гневом:

— Было — не было, а рассказывай. И не забывай, где находишься...

Через полчаса Николай вышел, а Курганова оставили. Постукивая сухими, желтоватыми костяшками пальцев по пряжке широкого армейского ремня, Ширяев долго сверлил Михаила Сергеевича подозрительным взглядом.

— Ну, а что скажет секретарь райкома? Как же вы могли его в партии оставить?

— Я считаю, что мы решили вопрос правильно. Озеров хороший, честный коммунист.

— Так, так. Очень ты занятно рассуждаешь, милок. Очень занятно. Газету он вам угробил, пьяница, с антисоветчиками валандается, а по-вашему — хороший? Откуда у тебя эта беспринципщина?

— Я не вижу здесь никакой беспринципщины.

— Вот как? А защищать таких молодчиков, брать их под райкомовское крылышко? Ведь вы даже представителям госбезопасности от ворот поворот дали. Шум подняли такой, что в Москве и то было слышно.

— И оказались правы. Скажу больше. Со Звоновым тоже, по всей вероятности, произошла ошибка. И уверен — в ней тоже разберутся. Иначе зря бы сидел человек.

— Как знать, как знать.

— Что касается Озерова, я лично разбирался во всех его грехах. Это честный, вполне проверенный работник.

Ширяев долго молча смотрел перед собой и, вздохнув, протянул:

— Эх, милок, милок.— Потом сухо бросил: — Заседание окончено. Вы можете быть свободны...

Из здания партколлегии Озеров и Курганов вышли поздно вечером. Москва искрилась вечерними огнями. По тротуарам шли редкие прохожие. Только поток машин от площади Дзержинского к проспекту Маркса двигался почти непрерывно, бортовые фонари машин алели на магистрали беспрерывными движущимися гирляндами.

— Ну куда теперь? — спросил Курганов.

Озеров посмотрел на часы и не ответил.

— До поезда осталось три часа. Домой разве не зайдешь?

— Нет. Был уже. Жена в отъезде.

— Тогда пойдем ко мне в гостиницу, поужинаем, а потом поедешь. Или погуляй по Москве денек, тогда вместе в Приозерск двинемся.

— Нет, Михаил Сергеевич, спасибо. Поеду сегодня.

— Ну, смотри, тебе виднее. А ужинать все же пойдем.

— Михаил Сергеевич, скажите откровенно, как решат?

Курганов задумался.

— Не хочу тебя ни утешать, ни расстраивать, но накрутили на тебя немало. И даже нам — райкому и обкому - достанется.

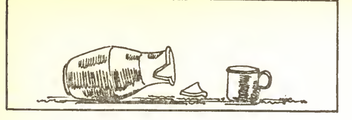
— За что?

— Причины найдут, было бы желание. За либерализм, примиренчество и политическую слепоту.

Курганов замолчал. Молча шел и Озеров. Потом со вздохом проговорил:

— Готов принять любые выводы, лишь бы знать свою вину.— Затем, помолчав, добавил: — Если что решат... ну, крайнее — к товарищу Сталину пойду. Год, два, три буду ждать, а пробьюсь. Не может быть, чтобы так, зря... А? Михаил Сергеевич?

Курганов взял Озерова за локоть, слегка прижал к себе, но ничего не ответил.



Глава 30

ХОЧУ ЖИТЬ, КАК ЛЮДИ

Вечером Курганов пришел домой попить чаю. Миша, как обычно, забросал его вопросами. И что только его не интересовало: правда ли, что в приозерских лесах есть волки и даже медведи, и когда отец наконец соберется на охоту, и правда ли, что приезжает цирк, и пойдут ли они смотреть «Подвиг разведчика»?

Михаил Сергеевич добродушно отбивался:

— Слушай, дружище, ты меня совсем замучил. Лучше доложи-ка, как твои дела в школе?

— А что в школе? — настороженно спросил Миша.— Мама уже все знает, я ей рассказал.

— А что ты ей рассказал? Может, это и мне следует послушать?

— Но ты же устал? Ведь верно, устал?

— Есть малость,— усмехнулся Михаил Сергеевич.— Но все-таки расскажи.

Елена Павловна, собиравшая на стол, включилась в разговор:

— Проработали его сегодня в классе. Пусть расскажет сам.

— А что они ко мне пристают? Я такой, я сякой. Больно нужны они мне.

— Погоди, погоди, я что-то не понимаю. Кто это — они? Расскажи толком.

— Да наши, в классе. Ну, газету я не выпустил, на линейке два раза не был. А тут еще девчонки наябедничали, будто не здороваюсь я с ними и вообще не знаюсь...

— И что же решили?

— Ну, выговор дали. Подумаешь. Больно испугался я ихнего выговора.

Михаил Сергеевич посмотрел на сына. Упрямый нахмуренный взгляд, вихрастая голова чуть опущена вниз — точь-в-точь бодливый козленок.

«Глуп и мал еще, но прощать нельзя»,— подумал Курганов и встал.

Миша удивился.

— Ты что, папа, уходишь?

— Пока нет. Вот напьюсь чаю и пойду.

— Ну, а как же со мной?

— А что с тобой?

— Ну, всыпать мне будешь? Мама говорила, что как придешь, всыплешь мне горячих.

— Да. Полагалось бы. Но будем держать эту меру в резерве. А сейчас договоримся так, и ты тоже, мать, слушай. Пить чай, обедать, ужинать Курганов-младший будет один. Дай ему денег на кино — пусть сходит. Но тоже один. Хочешь на охоту — можешь идти.

— Я? Один?

— Да, один.

— Ты же обещал, что пойдем вместе?

— Обещал. Но ты же ни в ком не нуждаешься, никто тебе не нужен?

— Так это я о ребятах сказал, а не о тебе.

— Э, нет, сынок. Раз ты о ребятах так думаешь, то скоро и отец тебе не нужен будет.

Михаил Сергеевич холодно глядел на сына из-под нахмуренных бровей.

— Папа, но они же придиры и ябеды. Подхалимствуют, понимаешь, перед учителями.

— Вот, вот. Они придиры и подхалимы, а ты лучше всех. Эх, Михаил, Михаил. А я-то на тебя надеялся.

Миша приумолк. Он изредка поглядывал на отца, пытаясь уловить его взгляд, но тот сосредоточенно пил чай и больше не глядел на сына. Потом встал, быстро оделся и попросил Елену Павловну:

— Мать, оденься, проводи меня немного.

— Но Мише надо ужинать.

— Ничего. Пусть товарищ, как личность особая, подождет или готовит ужин сам.

— Хорошо, пойдем...

От двери Елена Павловна бросила сыну:

— Котлеты на плите.

Младший Курганов, когда родители вышли, тяжко

вздохнул и, присев на лавку у окна, пригласил к себе Максика.

— Иди, Макс, сюда. Тебе-то, брат, хорошо, тебе не достается от таких вот черствых родителей. Тебя товарищ Курганов балует. А мне, брат, попадает. Ой-ой как.

Макс не заставил себя ждать. Он, позевывая и выгнув дугой спину, вспрыгнул к Мише на колени и высоко поднял свою усатую морду. Это означало, что ему надо почесать за ушами. При этой процедуре он блаженствовал, мурлыкал на весь дом и тяжко вздыхал, когда удовольствие кончалось.

Вообще Макс, по мнению Миши Курганова, был котом необыкновенным. И Миша, пожалуй, был прав. Ну, прежде всего размеры. В Приозерье сроду не было такого огромного кота. Это единодушно утверждали все мальчишки города. Когда Макс гулял по улице, на него заглядывались и дети и взрослые. А ум? А привязанность? Об этих качествах Макса ходили легенды. Он, например, ежедневно провожал Мишу в школу. Миша идет по тротуару, и Макс бежит сзади, Миша выходит на мостовую, и Макс туда же. Когда Миша скрывался за широкими школьными дверями, Макс стремглав несся домой. Но к концу уроков он уже сидел в сквере против школы и смотрел на дверь. Увидев Мишу, щурил свои зеленые, хитрющие глаза и... ждал. Это было их секретом. Миша ежедневно покупал в школьном буфете сосиску и, выйдя из школы, отдавал ее Максу. Он показывал сосиску издалека и потом, как мог высоко, подымал руку. Макс весь пригибался к земле и вдруг одним махом взлетал в воздух, схватывал сосиску зубами, отбегал в сторону и, урча, косясь глазами по сторонам, мгновенно уничтожал добычу. Иногда дома Миша проделывал то же самое с куском мяса. Но мясо он обвязывал крепким шпагатом и, держа его на весу, дразнил кота. Макс буквально зверел. Он цеплялся за мясо и зубами и когтями, урчал, визжал, шипел, доставляя истинное удовольствие Мише и его товарищам.

Правда, эти упражнения привели однажды к довольно нежелательному происшествию. Шла как-то соседка Кургановых из магазина, в авоське у нее лежал кусок говядины. Макс в это время сидел на перилах крыльца, обдумывая какие-то свои кошачьи дела. И вдруг перед носом у него замелькала злополучная сетка с куском мяса. Он моментально принял решение и с маху прыгнул на приманку. Женщина ахнула от испуга и выпустила авоську, Максу это

и нужно было, он потащил добычу под крыльцо. Но не рассчитал — кусок оказался довольно большим, да и сетка запуталась. Сия операция обошлась Максу дорого — он получил от хозяйки основательную трепку.

Вообще за ним числилось много разного рода похождений и особых свойств. Ну какой кот жрет огурцы! А Макс их обожал и ел в любом виде — соленые, свежие, маринованные. Пить воду, например, как пьют нормальные коты, он не мог, нет, он обмакивал в воду правую лапу и обсасывал ее. Молоко он тоже не лакал, как принято в кошачьем мире, а пил в буквальном смысле слова. Опустит морду в блюдце, свербнет раз-другой — и все.

Костя Бубенцов после долгих наблюдений за Максом сказал как-то:

— Знаешь, Миша, это не кот, а явление, зря ты такой талант под спудом держишь. Он, например, в цирке наверняка бы заслуженным артистом стал. Давай я его в Москву свезу.

Миша после этих слов смотрел на Костю с подозрением и это же внушал Максу.

Таков был Макс, которому сейчас жаловался на свою судьбу Миша Курганов. И Макс, видимо догадываясь о душевном состоянии своего хозяина, делал все, что мог,— он терся мордой о Мишин подбородок, легонько впивался когтями то в Мишины руки, то в коленки, мурлыкал с каким-то диким присвистом, хвастливо размахивал своим огромным пушистым хвостом.

Миша вздохнул тяжело и сел за свой стол заниматься.

...Когда Кургановы немного отошли от дома, Елена Павловна встревоженно спросила:

— Не резковат ты с ним? Ведь он еще ребенок.

Михаил Сергеевич, сдерживая раздражение и досаду, ответил:

— Нет, не резковат, даже наоборот. Теперь ему надо пуд соли съесть, чтобы в школьный коллектив войти.

Елена Павловна вздохнула:

— Побольше бы тебе надо с ним бывать. У него ведь отец — это весь свет в окне.

Михаил Сергеевич задумчиво согласился.

— Это верно, бывать с ним надо больше. Иначе упустим парня, шалопаем вырастет.

Потом они почти до самого райкома шли молча. Когда подходили к зданию, из подъезда вышла молодая женщина. Она рассеянно застегнула пальто, механически по-

правила [illegible]ый берет, опустив голову, будто что-то ища на снежной тропе, пошла по тротуару.

— Это, кажется, Людмила Петровна?

— Да? Я ее не узнал. Что она такая сумрачная? Надо бы спросить.

Когда Людмила увидела, кто ее окликнул, она, не скрывая этого, обрадовалась.

— Ой, Михаил Сергеевич, как хорошо. Здравствуйте. Я заходила к вам, да не застала.

— Пойдемте сейчас.

— А Елена Павловна?

— Елена Павловна пойдет домой. Спокойной ночи, старушенция.

Елена Павловна шутливо заметила:

— Ах так? Старушенцию домой, а Людмилу Петровну с собой на беседу?

— А как же? Седина в голову, а бес в ребро,— шутливо ответил Михаил Сергеевич.

Войдя в приемную, Курганов весело спросил Веру:

— Верочка, чем принято у нас угощать таких посетительниц?

— В условиях райкома, Михаил Сергеевич, только чаем.

— Ох ты хитрюга! В условиях райкома. Ну ладно, давай чай.

— Итак, я слушаю вас, Людмила Петровна. Поди, о муже беспокоитесь? Вчера звонил. Живет неплохо. Грызет гранит науки. Эти семинары, скажу вам, очень нужная вещь для нашего брата. От дел и забот отвлечешься, с товарищами повстречаешься. Так что у него все в порядке. У вас, надеюсь, тоже?

— Я к вам, Михаил Сергеевич, по делу. По личному.

— Ну, ну. Рассказывайте, что случилось?

Для Людмилы приход в райком был мучительным шагом...

Уже давно в семье Удачиных шли неурядицы.

Домой Виктор Викторович приходил поздно, в самом мрачном расположении духа, то и дело жаловался жене на беспокойный нрав и характер Курганова, на его беспощадность к людям, нежелание считаться с его, Удачина, мнением. Снятие Пухова, мягкое обсуждение дела Озерова, осуждение Корягина и исключение его из партии ожесточили Удачина, он все чаще думал, что надо принимать какое-то решение. «Может, уйти? Поехать в обком

и попроситься в другой район или на какую-то другую работу? Да, но поддержат ли? Какие мотивы выставить?»

Перед поездкой на семинар он пришел особенно расстроенным и основательно под хмельком. Людмила обеспокоенно спросила:

— Что с тобой? Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего особенного, если не считать очередной баталии с шефом. Мне это надоело. Не могу я больше. Понимаешь, не могу.

— Но это не причина для того, чтобы приходить домой в таком виде.

— В каком таком? Чего тебе во мне не нравится?

— Многое. Например, что часто пьешь.

— Я часто пью? Да ты с ума сошла. Если я с товарищами выпью рюмку-другую, так это что, пьянство?

— С какими товарищами? Где?

— Ну это уж позволь мне знать.

— Витя, что с тобой происходит? Ну чего тебе надо? Работа большая, интересная, люди тебя знают и уважают. Работай. Так нет, чем-то ты вечно недоволен, всегда обозлен и взвинчен.

Удачин болезненно поморщился.

— Знаешь, Людмила, я хочу хоть дома не слышать этих проповедей и прописных истин. Ей-богу, я давно вышел из детского возраста и в твоих «мудрых» советах не нуждаюсь.

— Судя по тому, как ты себя ведешь, советы тебе явно нужны.

Удачин вспылил.

— Слушай, я категорически требую — не трави мою душу, не терзай меня своими дурацкими разговорами. Все это я не раз и не два слышал. Я просто удивляюсь, как ты, вроде бы умная женщина, не поймешь мое состояние? Я задыхаюсь, понимаешь, задыхаюсь. Не могу больше, понимаешь, не могу!

Людмила подошла к мужу, прижалась к его плечу щекой и тепло, взволнованно проговорила:

— Ну успокойся, Витя, успокойся. Может, я и не права. Но объясни, что с тобой делается? Ну неужели счастье в том, чтобы должность побольше?

Виктор Викторович отстранился от Людмилы и, отойдя к окну, холодно бросил:

— Ты просто дура.

— Спасибо. Но раз ты так злишься, значит, не прав.

— Плевать я хотел и на твое мнение, и на твою правоту. Осточертели вы мне все, и ты в том числе...

Людмила вспыхнула, затем побледнела и встала с дивана. Прижав руки к пылающим щекам, прерывающимся от слез голосом она проговорила:

— Ты ужасный человек, Виктор, ужасный,— и, заплакав, вышла из комнаты.

Семья была главным и единственным, чем жила Людмила вот уже почти десять лет. Она очень сокрушалась, что у них нет детей, и потому всю свою любовь, всю душевную теплоту и нежность перенесла на мужа. Видимо, это не в малой мере повредило и ему и ей. Виктор становился все более капризным и обидчивым, уверовав в беспредельное чувство Людмилы, стал беззастенчиво пренебрегать им. Отношение к жене у него, особенно на людях, стало снисходительно-ироническим.

Людмила видела это, но переживала обиду молча, редко вступая в споры. Она любила Виктора и прощала ему все. Однако в последнее время стала все чаще и чаще задумываться над своей жизнью. Что будет дальше?

Часто она вспоминала разговор с Кургановым в первые дни его пребывания в Приозерске. Узнав, что Удачины не имеют детей и что Людмила не работает, он удивленно переспросил:

— Совсем не работаете?

Она несколько смущенно ответила:

— Дом, хозяйство, о муже надо заботиться...

Курганов замолчал. В глазах его вдруг промелькнула холодная, колючая отчужденность.

После отъезда Удачина в Ветлужск Людмила бездумно просидела целый день за раскрытой книгой, но не прочла ни строчки. Решила пойти к Курганову. Эта мысль, внезапно возникшая в сознании, ободрила ее. Людмила не знала, что скажет секретарю райкома, о чем будет говорить с ним, не знала даже, как объяснит цель своего прихода, но решение идти к нему почему-то казалось ей именно тем шагом, который надо было сделать. И она пошла...

— Ну так я слушаю вас, Людмила Петровна.

Курганов приветливо поглядывал на Удачину и ждал. Он кое-что слышал о неладах в семье второго секретаря. И сейчас чувствовал, что ее приход в райком прямо или косвенно связан именно с этим.

Людмила, сидя против Курганова, долго не могла начать разговор. Михаил Сергеевич не торопил ее, помеши-

вая чай в стакане, краем уха вслушиваясь в приглушенные звуки музыки, лившиеся из радиоприемника.

— С просьбой к вам, Михаил Сергеевич.

— Слушаю вас.

— Родилась я в деревне, росла тоже там. В сельской школе, хоть и немного, но работала. А сижу дома. Надоело. Потому и прошу вас мне помочь.

Михаил Сергеевич замялся.

— Видите ли, Людмила Петровна, в Приозерске у нас с педагогическими кадрами перебор, а вот на селе...

— Это даже лучше.

— Хорошо, подумаем.

— Только... не советуйтесь об этом с Удачиным.

— Почему? Хотите сделать мужу сюрприз?

— Нет... Просто он не поймет.

Людмила сидела за столом, нервно перебирая пальцами бахрому зеленой скатерти. Она подумала о том, что эти слова могут быть восприняты как упрек, наговор на мужа. Она понимала, что осложнит домашние дела своим приходом сюда, но иначе поступить не могла. А сейчас ей сделалось до боли жаль мужа, она почувствовала себя виноватой перед ним. Ведь ему действительно, наверно, тяжело, не зря же он так переживает... «Наверно, не так я делаю, не так...» Людмила начинала упрекать себя за то, что пришла в райком. Но встать и уйти тоже было нельзя. Курганов понял ее состояние, понял, что сказано не все и, видимо, не самое главное.

Он мягко спросил:

— Вы что-то хотели еще сказать, Людмила Петровна?

— Я? Нет, спасибо. А впрочем, да.

— Слушаю вас.

— Мучается Виктор очень. Переживает.

— Мучается? Почему же?

— Да я и не знаю толком почему. Говорит, что с вами у него нелады. Тяжко ему под вашим началом ходить, делать не то, что хочется. Придет домой и мечется, как зверь в клетке. А если выпивши, то и совсем из нормы выходит. Я, конечно, не судья вашим делам. И не могу в них вмешиваться. Только очень хочу попросить вас, Михаил Сергеевич, поаккуратнее с Виктором Викторовичем. Он ведь гордый, очень гордый.

— Да, самолюбия и гордости у него достаточно. Это вы верно говорите. Но что Виктор Викторович так переживает наши споры... Понимаете, Людмила Петровна, ведь

мы не в жмурки играем. Дело делаем. Трудная у нас работа, ох трудная. Ну, все бывает — и споры, и резкое слово. Учту, конечно, что возможно. Но думаю, тут не только в наших спорах дело,— Михаил Сергеевич замолчал, задумался.

Людмила Петровна продолжала свою мысль:

— Я ему не раз говорила: ну, что так переживать? Поспорили, пошумели — какая беда? Нет, не может успокоиться. Я, говорит, в районе каждый кустик да каждый овраг знаю. Почти пятнадцать лет командовал. И верно, каждое его слово у нас — что закон было. А теперь, говорит, на подхвате, на побегушках... Очень прошу вас, Михаил Сергеевич, поаккуратнее с ним, ну, чтобы, значит, не очень раны его бередить. Пока не обвыкнет...

Курганов молча смотрел на Удачину, а затем в задумчивости проговорил:

— Несколько странный разговор мы ведем, Людмила Петровна. Его надо было затевать скорей самому Виктору Викторовичу.

Удачина встала, смущенная.

— Вы извините меня, ради бога. Я, конечно, не в свои дела влезла. Но понимаете... Виктора я знаю лучше, чем кто-либо. За последнее время будто надломилось у него что-то в душе...

Курганов посмотрел на Людмилу, на ее полные слез глаза, мелко дрожащие руки, теребящие бахрому скатерти, и подумал: «А как любит-то она его...» И как можно мягче проговорил:

— Я понимаю вас. Понимаю. И как Виктор Викторович вернется — мы поговорим, объяснимся. Постараюсь, попробую найти с ним общий язык.

— Спасибо.

— А как о работе? Просьба остается в силе?

— Да, да. Конечно.

— Тогда завтра пойдете в районо. Я им позвоню...

Через неделю, когда Удачин вернулся из области с семинара, Людмила Петровна тихо, стараясь унять волнение в голосе, объявила ему:

— Нам надо, Виктор, подумать, как организовать житейские дела. Я иду работать. В Ракитинскую школу.

Виктор Викторович отодвинул от себя стакан с чаем и удивленно посмотрел на жену.

— Что случилось?

— Ничего. Просто я решила начать работать.

— Скажите пожалуйста — она решила. А я решаю иначе: никуда ты не пойдешь.

— Уже есть приказ по роно.

— Ничего, отменят.

— Я очень тебя прошу, не затевай этого дела. Мое решение твердое. А о Ракитинской школе у них есть указание Курганова.

— Ты была в райкоме?

— Была.

Удачин побледнел, в нервном тике задрожала левая бровь, что было у него верным признаком неистовой гневной вспышки. Но он с трудом сдержался и зло, хрипло бросил:

— Может, ты все-таки объяснишь, что все это значит?

— Да ничего особенного. Просто хочу работать. Хочу жить, как люди. Вот и все.

— Та-ак,— протянул Удачин.— Значит, когда мужу трудно — жена в кусты. Очень хорошо. Зря спешишь, корабль еще не тонет.

Людмила хорошо знала Виктора Викторовича, знала его склонность к трагическим, страдальческим жестам, и поэтому этот тон ее не удивил и не испугал.

Она устало и спокойно проговорила:

— Зря ты, Виктор. Бежать я не собираюсь...

Утром Людмила Петровна, встав пораньше, отправилась в Ракитино. Виктор Викторович ее не провожал... Положив подушку на голову и отвернувшись к стене, он притворился спящим.

Глава 31

КОГДА ПРИХОДИТ ВЕСНА

Первые признаки весны заметны в Приозерье уже в конце февраля. По утрам с крыш свисают длинные, сияющие, как алмазы, сосульки. Когда пригреет солнце, с них падают прозрачные крупные капли, выбивая в снегу маленькие круглые лунки. Потом февраль вдруг спохватывается — завьюжит метелями, припустит морозца, запорошит ледяные соты, что проделаны капелью, и снова дает понять, что весна пока еще за горами и хозяин здесь он — февраль. Но вот приходит март. Сереют, оседают снега под солнцем, становится пористым наст. На нем то тут, то там отпечатки следов. Вот трилистник зайчишки, мелкая легкая цепочка, оставленная кумушкой, глубокие строенные следы от мощных лап серого разбойника... Как отпечатались они на снегу, так и оседают все ниже и ниже вместе с настом.

Чернеет, набухает верхней водой снежный покров на реках. Для настоящей, полой воды время еще не пришло, но на реку уже ступить опасно: попробуй разберись — то ли это верхняя вода, то ли полынья открылась. И хотя еще довольно холодно, еще крутит по дорогам поземка, ветры леденят кожу, но на вербах уже проклюнулись и серебрятся мягкие пушистые комочки.

А потом идет половодье — мощное дыхание весны, настоящее ее пробуждение.

Каждый ручеек обретает силу, мчится неудержимо вперед, рушит нависшие над берегами глыбы снега и спешит, спешит. У речушек и рек, правда, нет такой лихорадочной торопливости, как у ручьев, но сила их куда больше. Наполненные бесчисленными весенними потоками, они с треском ломают льды, мчат их в низовья, чтобы передать

старшим сестрам. А эти мощно разливаются по лугам и низинам, берут в полон приречные поймы, опрометчиво подступившие к их берегам рощи, наполняют всю округу своим многоголосым шумом. Удивительна эта музыка полых вод, волнующи картины весенних разливов. Всего тебя охватывает какая-то смутная радостная взволнованность, сердце трепещет, бьется тревожно и гулко, хочется идти и идти за бурными несущимися потоками и совершать тоже что-то огромное, мощное, необычное...

Толя Рощин забежал в райком партии порозовевший, возбужденный.

— Был на Бел-камне. Красота там, товарищи, описать невозможно. Понимаете, Славянка вышла из берегов, стала широченной. Льды ломает, как стеклышки. Одним словом, весна, товарищи дорогие, весна...

В это время в приемную вошел Курганов.

— Что случилось, комсомолия?

— Весна пришла, Михаил Сергеевич,— восторженно объявил Толя.

– Да? Очень интересная новость. А вы молодой весны гонцы, она вас выслала вперед? Так, что ли?

— Да нет, я серьезно, Михаил Сергеевич. На Славянке был. Из берегов вышла.

Курганов, к удивлению работников райкома, тоже поехал взглянуть на пробуждение реки. Весна здесь чувствовалась во всей своей могучей и неотвратимой силе. Река, пробудившись от зимней спячки, бурлила, клокотала, как щепки, вертела огромные льдины, ломала их нещадно, оглашая окрестные поля глухими ухающими ударами, будто стреляла из пушек. Поток шел стремительно, торопливо, словно боясь опоздать к какому-то всеземному весеннему сбору Поля побурели, их то тут, то там прорезали ручьи и потоки, бегущие к Славянке. Леса тоже ожили, шумели весело, стряхивая с себя на рыхлые снега и прошлогодние мхи тяжелые капли весенней влаги...

Поездка к разлившейся Славянке взбудоражила Михаила Сергеевича, наполнила деятельным нетерпением. И вот уже в кабинет, чуть хмурясь, идет Удачин, спешит Иван Петрович Мякотин. Вслед за ними степенно шагает Ключарев, торопливо дочитывая что-то на ходу, торопится Гаранин. Вера уже заказывает на телефонную станцию разговор с колхозами и сельскими Советами.

Когда собрались все, кого вызывали, Курганов весело осведомился:

— На календарь смотрели, товарищи? Нет? Жаль. А на Славянке были? Тоже нет? Очень жаль. Комсомол сегодня просигнализировал, что к нам стремительно жалует весна.— Увидев, что Удачин с недоумением поглядел на него, Курганов рассмеялся: — Ну вот, только немного в лирику ударился, а второй секретарь уже смотрит с укоризной. Ну ладно, тогда давайте, что называется, быка за рога... Как дела, товарищ Ключарев?

— Я вчера вам докладывал.

— То было вчера. А что делается сегодня? Давайте, давайте рассказывайте все по порядку: семена, техника, горючее... А вы,— обратился Курганов к Гаранину,— набросайте, кто куда поедет. Меня планируйте подальше...

Еще не успел Курганов отпустить людей, как позвонили из Бугровского сельсовета и сообщили, что льдом сорвало мост через Славянку. Нужна срочная помощь, иначе целых пять колхозов будут отрезаны от района и МТС не сможет переправить на поля технику...

Вслед за этим позвонил Морозов. Он тревожно сообщил, что унесло заведующего птицефермой Ивана Отченаша. Он приучал стадо гусей к их будущему маршруту на водные просторы Славянки, а льдину оторвало, и его вместе с гусями понесло в низовья. Правда, он моряк, парень отчаянный, а льдина ничего, солидная, но все-таки опасно. Нельзя ли позвонить в воинскую часть, что стоит на нижней излучине Славянки,— пусть там помогут парню. А то еще унесет в самую Оку, а то и в Волгу. А человек он колхозу нужный...

Вошедший в кабинет заведующий районо Кучерявый прямо с порога заговорил своим высоким и почему-то вечно недовольным голосом:

— Михаил Сергеевич, Иван Петрович. Весна ведь.

— Удивил,— буркнул Мякотин.— Сами видим, что не осень.

— Так ведь ранняя. Мы перерыв в занятиях наметили начать пятнадцатого, а я имею сведения, что уже многие учащиеся переправлялись в свои школы через водные стихии, проявляя, так сказать, самый настоящий героизм.

— Иван Петрович, надо сегодня же дать телефонограмму во все сельские Советы и школы о прекращении занятий. Такой, с позволения сказать, героизм нам может дорого обойтись.

А в трубке звенел почему-то радостный голос директора МТС.

— Товарищ Курганов,— кричал он в трубку,— у нас недополучено пятьдесят тонн горючего и десять тонн смазочных. Область тянет... Помогите... Весна же... Она ждать не будет...

Потом оказалось, что прибывшие на днях десять вагонов удобрений пока еще лежат на станции — большинство колхозов выделенные им фонды пока не выбрали.

Многих весна застала врасплох.

Оказалось, что в сельпо не были завезены нужные товары и приреченские деревни могли остаться без керосина, мыла, сахара...

Оказалось, что разлив Славянки приостановил проводку линии связи в левобережный куст. Связисты остались на левом берегу, а их база, материалы и все необходимое — на правом, и они ждали помощи...

Оказалось, что до сего времени в район не пришел вагон с семенной кукурузой. Если он и придет в эти дни — как зерно переправишь в колхозы?

Когда Курганов, в который уже раз позвонив на станцию, сообщил, что вагона все еще нет, Удачин не выдержал и прорвался целой гневной речью:

— Не пойму, о чем думают в области? Удивляюсь. Скоро выезжать на поля, а мы все еще семена по станционным путям ловим. Шуму много, а толку чуть.

Курганов спокойно заметил:

— Да, задержка досадная.

— Мало сказать, досадная. Безобразная задержка А можно сказать и еще больше. Пятьсот гектаров заставили отвести под кукурузу, а семена то ли будут, то ли нет. Надо дать в область такую телеграмму, чтобы забегали. Прямо написать, что это преступная безответственность.

Курганов подвинул Удачину блокнот. Виктор Викторович удивился:

— Зачем это?

— Пишите телеграмму.

Удачин пожал плечами.

— Почему я?

— Но вы же возмущаетесь.

— А как же не возмущаться? Я вообще не понимаю, что у нас делается. Весна нас застала врасплох, явно врас плох. Удобрения лежат на станции, горючее в МТС не завезено, кукуруза гуляет где-то. Что же это за работа?

Удачин увлекся и говорил гневно, покраснев от волнения. Мякотин смотрел на него с нескрываемым удивлением, Ключарев чуть-чуть улыбался. Толя Рощин беспокойно глядел то на Курганова, то на Удачина.

А Курганов невозмутимо слушал. Потом спросил Удачина:

— Вы кончили?

— Пока кончил. Но оставляю за собой право вернуться к этим вопросам.

— Права этого у вас никто не отнимает. Но разрешите напомнить вам об одной незначительной вещи — о ваших обязанностях. Вот если бы так, как говорите вы, заговорил Анатолий,— Курганов кивнул головой на Рощина,— я бы, может, и не удивился.

— Михаил Сергеевич,— поднялся было Толя, но Курганов, подняв руку и остановив его, продолжал:

— Но и то вряд ли. Да и сам он, как видим, не согласен. А вы... да, все правильно, и вы правы в своем гневе. Но виноват-то во всем этом кто?

— Может быть, я? — с сарказмом спросил Удачин.

— Да, и вы тоже. Не хватает, значит, у нас с вами пороху, чтобы охватить все, ничего не упускать из виду. Но в панику вдаваться не следует. Толку от этого мало. Лучше давайте наметим, как поправить, что упустили. Кукурузу я беру на себя... Найду я этот вагон. Не провалился же он сквозь землю. Мякотину разобраться с торговлей. Вы, Виктор Викторович, берете под свое крыло МТС со всеми их бедами...

— Мы, Михаил Сергеевич, возьмемся за удобрения. Умрем, но в колхозы их доставим,— поднявшись со стула, заявил Рощин.

— Умирать, Анатолий, ни к чему. А за удобрения беритесь. Как вы думаете это сделать?

— Шоферов-комсомольцев найдем, выбьем пяток грузовиков у хозяйственников... И возить будем.

— Правильно. Удобрения и кукурузу. Вместе. Совмещенными рейсами...— И, повернувшись к Гаранину, закончил: — Актив — в колхозы. Предложения прошу дать через час.

. . . .

...Пришел апрель. Схлынули полые воды. Остепенились ручьи Стала успокаиваться Славянка. Только в широких бочагах и на крутых изгибах она все еще шумела ворчливо и глухо. В теплых лучах апрельского солнца нежилась,

набирала сил земля. Поля курились еле приметной прозрачной дымкой. На обочинах дорог, на просохших взгорьях речных берегов, на лесных опушках уже зеленела, пробивалась сквозь пожухлые прошлогодние листья нежная, атласная трава.

Макар Фомич проснулся затемно. Рассвет еще только угадывался. С полей тянуло тепловатой сыростью.

«Будить надо председателя, пора. День-то сегодня особенный»,— рассуждал про себя Макар Фомич, направляясь к избе Озерова.

Николай проснулся от первого же стука и через пять минут появился на крыльце.

— Здорово, Макар Фомич.

— Здорово, Николай Семенович. Поздравляю тебя!

— С чем это?

— Как это — с чем? Эх ты, хлебороб. С началом сева. Это же для крестьянина самый светлый день.

— Ты, как всегда, Фомич, прав. Аграрник из меня пока плохой. Ну да ничего. Обучимся. Рановато мы, пожалуй, а?

— Ничего не рановато. Люди уже на полях.

Пока приехали к дальним урочищам, совсем рассвело. Утро выдалось прозрачное, ясное.

Молодой березняк, что тянулся по левому краю дороги, стоял чистый, вымытый ночным дождем, его мелкие и липкие пока листочки мягко шуршали под легкими порывами ветра. На окраине огромного поля, около тарахтевших тракторов, колхозники прилаживали сеялки. Вдали в поле виднелось несколько подвод, это развозили по участкам семена. Озеров и Беда подъехали к загону, поздоровались. Трактористы — оба молодые, вихрастые, уже успевшие основательно измазаться — ответили:

— Привет руководству. Контролировать заявились?

— Почему контролировать?— Беда насупился.— Доброе слово молвить.

— Ну, тогда другое дело. Я ведь почему сказал-то? — сверкнув улыбкой, продолжал парень.— Люди давно в поле, а бригадира и председателя все нет и нет.

Макар Фомич посмотрел на Николая.

— А ты говорил — не рано ли едем?

— Да. Промашку я дал.

Макар Фомич взял пригоршню земли. Николай сделал то же самое.

— Ты, Фомич, учи меня, учи, не стесняйся. По каким признакам определяешь, что земля готова к севу?

— Теперь это даже ребятишки знают. Везде написано.

— Написанное-то я читал, а ты мне на нашем поле покажи.

— Земля должна быть немного рыхлой, чуть прохладной, но не холодной. Внутреннее тепло должно чувствоваться. Иначе зерно прозябнет, долго не взойдет.

— Так, так. Проверим...

Руки Николая бережно, будто что-то редкое и дорогое, держали рыхлую, коричневатую землю. С радостным волнением он ощущал ее ласковую и теплую прохладу.

— Эй, начальство!— крикнули от тракторов.— Хватит гадать на кофейной гуще. Будем начинать-то?

Озеров и Беда вернулись к краю загона. Фомич подошел поочередно к каждой сеялке, посмотрел на регуляторы, быстрым движением руки подровнял зерно в семенных ящиках и посмотрел на Николая:

— Ну, начинаем?

— Начинаем,— торжественно ответил Озеров.

— В добрый час, ребята,— махнул рукой Беда, и трактора, расстилая по земле сизоватые клубы дыма, двинулись по полю. За ними плавно поползли сеялки. Николай и Макар Фомич двинулись по следу, вглядываясь в землю, проверяя и ровность рядков, и рыхлость почвы, и глубину заделки зерна. Озеров старательно перенимал все, что делал Фомич, внимательно слушал его.

Глядя на удаляющиеся трактора, Беда удовлетворенно сказал:

— Ну, начали... В добрый час.

Побыв еще с полчаса с Бедой, Озеров направился в Рубцово — в самую отдаленную пятую бригаду.

Подъезжая к рубцовским полям, он сразу понял, что тут что-то неладно. Около двух стоявших рядом тракторов толпились и спорили о чем-то люди. Поздоровавшись, Николай спросил:

— О чем шум? Что случилось?

— Понимаете, товарищ Озеров,— ответила ему Нина Родникова,— земли у нас здесь мягкие, семена заделываем неглубоко. Значит, нужно обязательное прикатывание посевов. Это очень способствует подтягиванию влаги к верхним слоям почвы, ускоряет прорастание...

— Нина Семеновна, ну нет у нас катков, нету,— уныло проговорил один из трактористов.

— Я ей тоже говорю, что нету,— стал объяснять Озерову бригадир Хазаров.— А она все свое.

— А я уверена, что катки есть. А если их и нет, то МТС может сделать. Подумаешь, какая сложность!

Николай пообещал сегодня же связаться с МТС и пошел смотреть поля. Он тщательно измерил несколько квадратов, разрыл две или три лунки, проверил количество зерен, глубину их заделки. Потом, поднявшись на небольшой пригорок, оглядел поле. Оно начиналось у кромки леса и плоским покатым спуском привольно и широко шло к Славянке.

«Да, лучше места для кукурузы не выберешь,— подумал Николай.— И сеют хорошо. Молодец Нина, не дает им спуску».

Он видел, что Родникова днюет и ночует в бригадах, каждую неудачу переживает до слез. По выражению ее лица можно было сразу определить, в порядке ее многообразное хозяйство или что-то где-то не так.

Однажды через некоторое время после начала сева Николай приехал на кукурузный участок второй бригады. Нина вместе со звеньевой ходила по полю и раскапывала кукурузные гнезда. У Николая мелькнула испугавшая его догадка:

— Что делаете, девушки?

Во взгляде Нины он увидел тревогу.

— Понимаете, Николай Семенович, не всходит. Кукуруза не всходит.

— Как это — не всходит? Может, еще рано?

— Нет. Сеяли в одно время с пятой бригадой.

— Ну так там земля суше.

— Это верно. Но, понимаете, я проверила уже двадцать пять гнезд — нет, даже ростков. Боюсь, что семена нас подведут.

— Сходите быстренько за бригадиром,— попросил Николай звеньевую. Потом повернулся к Нине: — Ведь у нас два-три зерна в каждом гнезде. Допустим, половина не взойдет. Не страшно.

Нина невесело улыбнулась.

— Если бы им можно было приказать, зернам-то: «Ну-ка, всхожие, распределитесь по лункам, замените невсхожих». А ведь получается-то как — где всходы будут, где нет...

— Как же быть?

— Придется делать подсадку.

— Вручную?

— А как же?

— Так ведь здесь же целых пять гектаров!

— А что делать?

Николай посмотрел на погрустневшую Нину, на ее усталое лицо, и ему сделалось ее бесконечно жаль. Он подошел к девушке, взял ее руки в свои.

— Землей испачкала,— смущенно проговорила Нина.

Николаю вдруг захотелось поцеловать эти покрытые влажной землей руки. Но он только вздохнул и проговорил:

— Ничего, Нина Семеновна, что-нибудь придумаем... И я, кажется, уже придумал. Ведь кукуруза у нас шефа имеет — комсомол. Ну так вот, пусть ребята и помогут. Не оставят они в беде своего бывшего вожака. Как думаете? Приедут на денек-два школьники, студенты, ты их поинструктируешь хорошенько.

Нина сразу повеселела, закивала согласно.

— А когда же в Березовку, Нина Семеновна?

— Завтра я в третьей бригаде, послезавтра — в пятой. В воскресенье опять сюда. В общем, не знаю.

Николая не удивил этот ответ. Он жил так же, как и Нина,— заботами и делами от зари и до зари.

Люди удивлялись — когда он спит и когда ест? Не было поля, участка, звена, где бы председатель не побывал.

Но другой жизни Николай не хотел. Иного распорядка времени себе не представлял. Он знал, что долго еще будет ставить будильник на три часа ночи, может быть, только к осени прибавит себе на сон час-другой.

Дела и заботы, постоянные хлопоты в бригадах, на полях и фермах помогали Николаю на время забыть гнетущую тревогу, которая постоянно жила в нем после поездки к Ширяеву. Прошло уже полтора месяца, а решения КПК он все еще не знал. Мысли о жене тоже угнетали Николая, но они стали отдаваться какой-то глухой и, пожалуй, уходящей болью...

Глава 32

НА СЕНОКОСЕ

Весна неистово украшала землю. Бело-розовой кипенью цвели сады, дурманяще пахли акации в палисадниках Березовки. Какие-то пичуги пиликали и трещали в густых травах по берегам Славянки. Работа на полях шла от темна до темна, на сон оставались буквально считанные часы. И все же по вечерам и в Березовке, и других деревнях разливались гармони, звонкие, молодые голоса до утренних зорь звучали над заснувшими лугами, эхом отдавались в прибрежных рощах, тревожили призрачную синеватую тишину.

...Когда Николай встречал Нину,— а было это всегда на людях,— у него сразу менялось настроение. Он будто пьянел немного, становился энергичнее, живее, исчезало мрачное выражение лица.

Если он не видел ее долго, то пускался разыскивать. Однажды после бесплодных хождений по Березовке он беспощадно прямо спросил себя: «А почему, собственно, я ищу ее?» Но ответить самому себе не решился.

Нина тоже думала об Озерове все больше.

Была ли это любовь? Оба они не раз задавали себе этот вопрос и не могли на него ответить. И Николай и Нина принадлежали к той категории людей, которые всегда верили в возможность чистой человеческой дружбы. Но независимо от их воли мысль продолжала работать дальше. Дружба? Допустим. Но почему ему тоскливо, когда он долго не видит Нину? А почему Нине грустно, если она несколько дней не говорила с председателем?

И если Озерову, человеку с немалым житейским опытом, не без труда удавалось владеть собой, сдерживать все воз-

растающее влечение к Нине, то ей было труднее. Такое она переживала впервые.

Немало ребят заглядывалось на Нину и в академии, и в Приозерье, но никто не сумел разбудить ее сердце... Посмеяться, подурачиться, потанцевать Нина была горазда. А домой, бывало, всегда идет одна или с подругами.

Правда, чуток дрогнуло оно от внимательного дружеского участия Виктора Викторовича Удачина.

Но эта дружба кончилась давно и притом плачевно. Теперь любое напоминание об Удачине, не говоря уже о невольных встречах с ним, больно отдавалось в сердце, на долгое время выводило Нину из равновесия, гасило веселые искры в ее глазах. После случая в Приозерске она ожесточилась, на любые проявления внимания со стороны ребят смотрела с подозрением и недоверием. Себя не щадила тоже, постоянно корила за квелый характер, за дурацкую, бабью мягкость и доверчивость к людям. Она надолго и наглухо замкнулась, и понадобились долгие месяцы, ее переезд в Березовку, чтобы к Нине вернулись ее добродушие и приветливость, мягкость и веселость характера. В немалой степени этому способствовало общение с Николаем Озеровым.

С Николаем ей было легко, интересно, весело. Частенько она упрекала себя: «У него же семья, дура ты этакая. Семья. Бросить надо эти дурные мысли».

Но не думать о Николае она все же не могла.

О личной жизни Озерова в Березовке говорили много. Колхозникам он пришелся по душе. С ним они связывали свои надежды на возрождение артели и были рады, что эти надежды стали сбываться. Но шутка ли — живет один, жена не едет, бросила его, стало быть? Женщины жалели председателя. Мужчины относились к этому по-крестьянски мудро: рвется там, где не крепко сшито. Детишек нет, люди вольные, значит, и беды никакой.

В деревне жизнь каждого человека на виду у всех, и тайное здесь скорее, чем где-либо, становится явным. Дружба Озерова и Родниковой очень скоро стала известной. Но березовцы смотрели на нее хоть и с повышенным интересом, но доброжелательно, без многозначительных улыбок, с чувством уверенности, что у таких людей не может быть ничего плохого.

А Нина все больше привязывалась к Озерову. Глубокое сильное чувство ее цельной натуры распускалось, словно цветок после весеннего дождя. Они ничего не говорили друг другу, но она понимала, что любовь ее не безответна.

...В один из воскресных дней июня Озеров рано утром постучал Нине в окно.

— Агроном, хватит спать. Вставайте, Нина Семеновна. Сенокос начинаем. Как первый стог поставим — даем банкет.— И просительно добавил:— Поедете на луга? А?

Нина подошла к окну.

— Хорошо. Только мне сегодня же надо вернуться. Завтра утром я должна быть в четвертой бригаде.

— Доставлю.

...Старенький ГАЗ-67, недавно полученный колхозом,— машина из тех, что перевидела на своем веку и тысячи километров дорог, и колдобины, и кюветы, и слякоть, и бездорожье, резво погромыхивая всеми своими металлическими костями, споро бежала по проселку, распуская сзади себя шлейф дыма и пыли.

Николай сам сидел за рулем, и Нина залюбовалась, как свободно он владеет машиной. Озеров сидел с той красивой простотой и непринужденностью, которая свойственна лишь шоферам самой высокой квалификации. Без малейшего напряжения пальцами левой руки он держал отполированный круг баранки, шутил, смеялся, но глаза зорко смотрели на дорогу, и ни одна рытвина, ни один бугорок не были для него неожиданностью.

— Вы, оказывается, настоящий автомобилист!— заметила Нина.

— Как-никак я газетчик. А газетчик все должен уметь.

Прежде чем миновать рассохшийся мост через Славянку, они остановились. Николай пошел поправить настил, а Нина, перейдя заросший клевером и ромашками кювет, остановилась на крутом берегу реки Вазы. Эти места были ей знакомы с детства. Они воскрешали в памяти волнующие для нее эпизоды.

Вот маленькая Нина, держась за широкий сарафан матери, семенит за ней по грибы. А потом лес, темные лохматые тени высоких деревьев, желтоватый с красными ягодами малинник и чей-то дикий, несуразный, не слыханный ни разу крик.

Но мать, спокойно продолжая собирать спелые ягоды, говорит:

— Не бойся, доченька, это филин спросонья. Он нас не тронет.

Нина долго стояла молча, не шевелясь. Николай хотел окликнуть ее, но, увидев задумчивое лицо девушки, промолчал. Каждая черточка, каждая жилка на нем была

полна какого-то взволнованного, трогательного чувства...

По небу клубились пышные, легкие облака, в воздухе стоял терпкий аромат трав. Легкий шаловливый ветер гнул к земле высокую метлику, шуршал розовыми головками иван-чая, озорно тряс ветки берез и осин. Дорога то поднималась в гору, то ныряла вниз. Васильки и колокольчики, росшие по обочинам, тревожно отворачивались от пыли, поднимаемой машиной, и, склоняясь под ветром, казалось, жаловались на свою судьбу.

Когда они подъехали к колхозным угодьям, здесь уже шла работа. Стрекотали сенокосилки. На опушке березняка мельтешили косцы.

— Председатель с агрономом приехали! — крикнул кто-то.

Луг наполнился говором, выкриками, смехом. Люди стали стягиваться к большой поляне, где около огромного ивового куста Макар Фомич установил палатку, устроив себе нечто вроде командного пункта.

Когда были выкурены цигарки и обсуждены все новости, Николай спросил:

— Ну так где же мне вставать?

— А вот там.— Беда показал на зеленый массив травы, что расстилался вплоть до извилистого речного берега.— Шелк, а не трава. А вы, Нина Семеновна, на разбивку встанете или займетесь своими агрономическими делами?

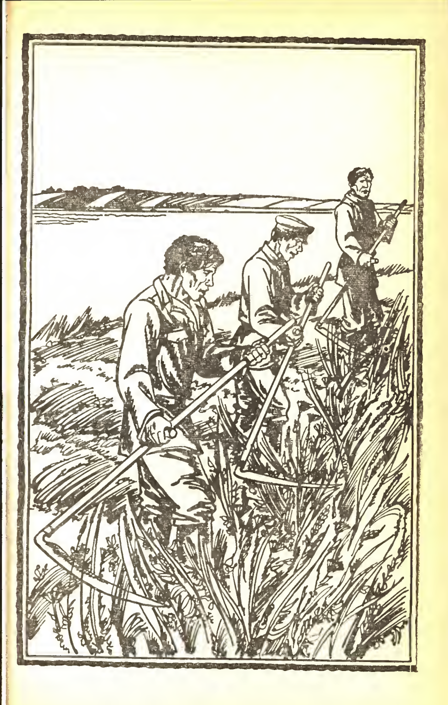
— Какие у меня здесь агрономические дела? Ставьте на разбивку.

Николай давно не косил. Последний раз помогал отцу вскоре после войны.

С волнением примерял он курок, косье, трогал блестевшее золотым чешуйчатым отливом полотно косы. Опустил ее в мякоть луга. Широкое, ненасытно-острое лезвие, словно нож в масло, вошло в зеленую поросль, а затылок косья стал сгребать ее в ровные конусообразные валки, и они, словно по линейке, тянулись сзади косца. Сначала было тяжело. Руки и ноги двигались непослушно, будто свинцовые. Но через полчаса мышцы привыкли к размеренному ритму движений, и дело пошло споро. Догонявшие сзади косцы уже не кричали:

— Эй, председатель, берегись! Пятки обрежем!

Незаметно пролетело часа два или три. Роса сошла. Высохшая трава упруго качалась и уже не так покорно ложилась под широкими лезвиями кос. Мужчины то и дело поглядывали на председателя, ожидая сигнала: кончать...



Но Николай все махал и махал, и вслед за ним все шли и шли косцы в серых, голубых, белых рубахах. А на дальних загонах все стрекотали и стрекотали косилки. Они словно дразнили людей, хвастаясь своей неутомимостью...

Наконец три удара о косу звонко разнеслись по огромной долине. Луг ожил от говора усталых, возбужденных работой людей. То тут, то там раздавались задорный смех, шутки, громкие взвизгивания девчат. Кто-то крикнул: «Купаться!» И молодежь наперегонки со всех участков бросилась к Славянке.

Нет ничего более приятного, чем вот в такой жаркий день, когда натруженное тело, пыльное и усталое, просит отдыха, броситься в прохладную речку, поднять тысячи серебряных брызг и плыть, плыть, чувствуя, как твое тело вбирает в себя живительную бодрость и прохладу.

Группа девушек остановилась на берегу, видимо не решаясь идти в воду. Одна, осторожно войдя в осоку около берега, мыла ноги, другая распустила косы и старательно расчесывала их гребнем, еще одна просто стояла и нежилась под щедрым ласковым солнцем.

Николай с двумя парнями из бригады шел по берегу, ища место для купания. Один из ребят подмигнул:

— Купнем?

Николай сразу понял его, и они тихо, крадучись, подошли к девушкам. Встали около крайней, осторожно, но быстро подняли ее на руки, и вот уже дивчина с отчаянным визгом летит в воду. Не успела отбежать и вторая. А третья и отбегать не захотела. Она обхватила обоих шутников за шеи крепкими, смуглыми руками, и через секунду все трое они барахтались в воде. С берега слышались одобрительные крики, смех.

— Молодец, девка, тащи председателя с собой на дно к русалкам.

...Усталый, но довольный Николай подошел к палатке Беды.

После купания — обед. Не очень богато меню — щи, каша да молоко, но Озеров с удовольствием ел все, что ему накладывали на тарелку, смеялся, шутил, дважды просил добавки.

После обеда он спросил у Макара Фомича:

— Правобережье завтра начинаете?

— Завтра, только осмотреть надо, как бы косилки не попортить.

— Я обойду сам и посмотрю. Хорошо?

— Очень хорошо. А то мне трудно в такую жару.

— Так и быть — поможем бригадиру.

— Нина Семеновна тоже собиралась. Она на старые болота хотела взглянуть.

— Ну вот, мы вместе и двинемся.

Нины, однако, нигде не было, видимо, куда-то убежала с девчатами. Николай решил не ждать ее.

Он подошел к реке, разделся, связал в узелок белье и, подняв его над головой, переплыл на правый берег. Здесь, отдохнув несколько минут, обсох, оделся и пошел по густой траве, одергивая пальцами мягкие, шелковистые кустики метлики.

Но не успел отойти и сотни шагов, как его окружила целая стайка девчат. Раздались возгласы:

— Девчата, председатель заявился...

— Вот вы где, отшельницы,— шутливо, с показной суровостью проговорил Озеров.— Почему уединились?

— А мы купались, потом за цветами пошли. Ромашек, гвоздики, колокольчиков здесь пропасть. А вот вы почему здесь?

— Хочу правобережье осмотреть. Завтра с утра косить, а никто не был. Вы, девчата, бегите, а то Фомич и так вас, наверное, везде ищет. Кто сено-то разбивать будет? Только вот агронома я заберу. Вы, Нина Семеновна, кажется, старое болото хотели осмотреть?

— Да, мы с Макаром Фомичом собирались.

— Так, так, с Макаром Фомичом собирались, а со мной не хотите?

Девчата добродушно рассмеялись.

— А что, Макар Фомич — кавалер, каких поискать.

Николай пригрозил:

— Я вот расскажу ему...

Скоро девушки торопливо бежали к Славянке, а Николай и Нина шли в противоположную сторону, к опушке молодого осинника.

Ходили они долго. Ветер немного усилился. Под его напором густые травы клонились вниз, и по всему лугу, будто по морю, перекатывались мягкие, трепетные волны. Солнце клонилось к западу, дальние сосны, что стояли на границе долины, бронзовели под его лучами, как гигантские свечи.

Николай внимательно вглядывался в луга, прикидывая делянки для косилок и косцов, придирчиво проверял вязкость почвы.

Наконец добрались до старого болота. Нина взяла в пла-

ток несколько проб грунта, дважды заставила Озерова шагами обмерять какие-то зеленые, дышащие под ногами поляны.

— Так я же утонуть могу в этой трясине,— шутливо жаловался он.

— Назовем тогда наши торфяники именем товарища Озерова.

Когда вышли на берег реки, Николай проговорил:

— Теперь мы имеем полное право искупаться.

Скоро они шумно плескались в глубоких водах реки. Серебристые брызги радугой сверкали в лучах багряного, уставшего за день солнца.

Николай вышел из воды первым. Он с удовольствием растянулся на бархатистой мягкой траве, но через секунду встал и вновь подошел к берегу, чтобы помочь Нине подняться на берег. Уцепившись за крепкую руку Озерова, она легко взбежала наверх и стала смешно прыгать, наклоняя голову и прижимая руку то к правому, то к левому уху, чтобы вытряхнуть из них воду. Николай любовался ее тонкой, крепкой фигурой, плотно обтянутой купальным костюмом. Потом, обнаружив, что слишком пристально рассматривает ее, покраснел и отвернулся.

Нина же, ничего не заметив, спокойно подошла к Озерову и опустилась рядом. Он посмотрел на ее загорелое лицо с капельками воды на ресницах, на вьющиеся золотистые пряди волос, на влажные розовые губы и как-то удивительно смело, неожиданно даже для самого себя обнял Нину и поцеловал долгим и жадным поцелуем. Нина посмотрела на него растерянно. В ней боролись два чувства — досада на Николая за его неожиданную и грубоватую смелость и радость, ярко разгоравшаяся радость от близости с ним.

Не надо, что вы, не надо!..

Сказала тихо, чуть слышно, но Озеров сердцем услышал ее, почувствовал душой ту глубокую веру в него, которая была в голосе Нины. Какое-то новое чувство, еще более могучее, чем его желание, заставило Николая очнуться. Он отпрянул от Нины.

Извини, Нина. Рассудок теряю, когда ты рядом...

Нина помолчала. Она поняла, каких усилий стоило сейчас Николаю сдержать себя. И, поняв это, всем сердцем, всем своим существом почувствовала, как он близок и дорог ей. Близок и... далек, недосягаемо далек в одно и то же время.

С этой минуты Нина поверила в Николая безгранично и навсегда. Потребовались бы какие-то совершенно особые

события, чтобы разубедить, разочаровать ее, заставить отступиться от этой глубокой веры. Такой уж был у Нины Родниковой характер...

Теперь они поняли, что их отношения прежними быть не могут. Рано или поздно, но придется кончать с этой мучительной для обоих неопределенностью...

Озеров был растерян. Впервые он не мог принять никакого решения. Имеет ли он право на чувство к Нине, право на то, чтобы связать свою судьбу с судьбой этой чудесной девушки? Ведь в нем все еще жила вера в то, что вернется, приедет Надя. И хотя эта мысль сейчас не вызывала ни волнения, ни радости, она, однако, сковывала его душевные силы, парализовала решимость, вновь и вновь порождала сомнения... Николай сотни раз задавал себе вопрос: что делать? Но ответить на него не мог. Упрекал себя в трусости, беспощадно ругал за нерешительность, но самоунижение мало помогало. Вопрос этот перед ним стоял настойчиво и неотвратимо.

Глава 33

А НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ ЛУЧШЕ...

Каждый по-своему переживает беды и жизненные неудачи. Но бесследно они не проходят ни у кого. Надежда Озерова переживала распрю с мужем тяжело, хотя и не хотела в этом признаться.

На людях она бодрилась, улыбка часто освещала ее красивое, бледноватое лицо. Но каких усилий стоили эти улыбки! Когда же Надя оставалась одна, что-то безразличное, равнодушное появлялось во всем ее облике. Задорные зеленые глаза, где, по выражению Николая, всегда прыгали чертики, мрачнели, смотрели на все отсутствующим, безразличным взглядом.

Только после отъезда Николая она поняла, как привыкла к нему и как он ей дорог. Ей не хватало его добродушной, чуть робкой улыбки, немногословной размеренной речи, его спокойной рассудительной уверенности.

Ее надежды, что Николай после истории, происшедшей с ним в Приозерске, одумается, вернется с повинной, не оправдались. Вместо возвращения в Москву он забрался в какую-то Березовку. Подумать только, грамотный, неглупый парень, с хорошей биографией, с образованием забрался в какую-то дыру, в глушь. И, главное, сам, никто его туда не загонял. Нет, понять это было невозможно.

И вот в один из августовских дней Надежда Озерова оказалась в Березовке.

«Действительно, настоящая Березовка»,— подумала Надежда, когда шла по песчаной деревенской улице, по бокам которой, словно солдаты в строю, стояли толстые раскидистые березы. Сквозь ажурное кружево их листвы виднелось бездонное голубое небо. Улица была почти пу-

стынна. Только кое-где на лужайках или на крыльце то одного, то другого дома небольшими стайками толпились деревенские ребятишки. Одни во что-то играли, другие оживленно спорили, третьи дрались. Дети долго провожали приезжую любопытными взглядами, а потом снова возвращались к своим делам.

Когда Николай увидел на крыльце своего дома Надежду, его запыленное с дороги лицо на секунду застыло от удивления. Что случилось, почему Надя здесь? Ни радости, ни волнения от встречи он не ощутил. Сейчас же пришла мысль о Нине и обожгла его горячей, ноющей тоской. Захотелось скрыться, исчезнуть, никого не видеть. С трудом отогнав от себя эти мысли, он подошел к крыльцу.

— Здравствуй. Когда приехала?

— Сегодня.

— Собралась наконец.

— Надо же посмотреть, как живешь, как хозяйничаешь.

И они пошли в дом.

...Макар Фомич и все колхозники радовались, что закончилась наконец семейная неурядица их председателя. Однако скоро все заметили, что и после приезда Надежды он не стал веселее.

— Что-то не очень развеселил вас приезд хозяйки,— подшучивали колхозники.

— Нет, отчего же? Наоборот,— отвечал Николай, стараясь улыбаться беззаботно и весело. Однако выходило это у него сухо, натянуто.

Правленцы, услышав, что хозяйка председателя не только плановик, а и опытная воспитательница, снарядили людей на побелку дома под ясли. Николай сказал об этом Наде и попросил посмотреть за работами.

— Будущей заведующей надо вникать во все — и в ремонт тоже,— добавил он.

— Заведующей? — удивленно сдвинув брови, переспросила Надежда.

— А как же?

— Не мешало бы спросить, хочу ли я заведовать вашими яслями? А такого желания у меня что-то нет.

Долгим, пристальным взглядом Николай посмотрел на жену.

— Будет шутить, Надя.

— А я не шучу.

По тону, каким были сказаны эти слова, Николай убедился еще раз, что ничто не изменилось — их распря про-

должается. И все же он настойчиво старался пробудить у Нади интерес к их березовским делам.

Он показывал ей колхозное хозяйство, знакомил с людьми, возил по самым красивым местам в округе. Уже несколько раз откладывалось расширенное заседание правления по перспективному плану колхоза. Не очень ладно было проводить его и сейчас, не было Нины — она на несколько дней уехала в Приозерск. Да и время было горячее. Но все-таки Николай решил провести его именно сейчас, в эти дни.

Эскизы и макеты, вывешенные в правлении, привлекли внимание всех.

Село-сад — так можно было охарактеризовать Березовку будущего. На плане выделялся общественный центр с Домом культуры, зданием сельского Совета, правлением колхоза и школой. К площади примыкал парк, сливающийся в западной части с цепью прудов, окаймленных деревьями. А дальше как бы в дымке тумана за крышами домов и садами колхозников проступали контуры хозяйственных построек.

Когда поздно вечером возвращались с правления, откуда-то взялся холодный ветер, разошелся дождь, и на дороге в редких проблесках луны то тут, то там поблескивали лужи. Капли дождя монотонно барабанили по крышам, словно не август был, а поздний сентябрь. Николай не замечал этого. Он все еще был во власти мыслей и планов, которые только что обсуждались. Для него, как и для каждого из здешних людей, это были не просто цифры, не просто чертежи. Это была их жизнь, смысл существования. Отвечая своим мыслям, Николай прижал к себе локоть Нади.

— Знаешь, Надюха, что тут самое главное?

— Где это — тут? О чем ты?

— Ну, о сегодняшнем обсуждении. Главное здесь то, что все это реально. Ну прямо-таки самая настоящая действительность. Пройдет всего несколько лет, и в нашем колхозе не будет вот таких хибарок.— Он показал рукой на ряд изб.— Все колхозники будут жить в хороших, светлых домах. Будет электричество, радио, телевизоры. Ребята не будут бегать за семь верст в школу. Несколько лет — и никто не узнает Березовку... Я порой оглянусь вокруг и все это наяву вижу, честное слово.

Надя тоже огляделась кругом и... ничего не увидела. Ее окружала ночь, она давила своей тяжелой, непроглядной тьмой. Да еще ветер, сырой и холодный, нудно пел свою песню и брызгал холодными каплями дождя.

«И все это, может быть, на всю жизнь»,— тоскливо подумала Надя. Она невольно вздрогнула от этой мысли. Ей вдруг вспомнились Чистые пруды, шум московских трамваев, яркие вспышки огней, уютная, обжитая квартира. Даже сварливая соседка представлялась теперь удивительно простой и приятной.

— А на Чистых прудах все-таки лучше,— зябко поеживаясь, проговорила Надя.

Николай помедлил немного и устало ответил:

— У нас будет не хуже.

— Свежо предание...

— Вот посмотришь.

— Не хочу я смотреть...

Прошло еще несколько дней. Наконец Надежда спросила мужа напрямик:

— Скажи, ты надолго решил обосноваться здесь?

— Насовсем.

— Я без шуток спрашиваю.

— Надя, это же прежний наш разговор. Я думал...

— Ты думал, что раз я приехала к тебе, то согласна жить в этой дыре? Нет, дружок, ошибаешься. Глубоко ошибаешься. Я прожила здесь немного, а мне кажется, что прошло года два.

Опять долго длился разговор...

Тогда Озерова решила прибегнуть к последнему, самому сильному средству, заявив, что будет устраивать свою жизнь без него...

— Ты что... о разводе говоришь?

— А ты что же думаешь, весь свет на тебе да на Березовке сошелся?..

На вокзал Надежда уехала одна.

Николай думал так: «Будет легче не видеть, как она сядет в поезд, как уедет...» Но скоро он уже беспощадно ругал себя за то, что не поехал проводить. Ему казалось, что он грубо, несправедливо обошелся с ней, ненастойчиво протестовал против отъезда. Вскочив в попутную полуторку, он помчался на станцию.

Вот платформа, голубой поезд, впереди него электровоз с ажурной фермой на крыше. Надя стояла на подножке вагона, рассеянно оглядывая привокзальные строения, серые и красные крыши городка, раскинувшегося за вокзалом.

Николай торопливо бежал к ее вагону. Увидев его, Надежда на какое-то мгновение обрадовалась, но обида тут же вспыхнула вновь. «Прибежал, запыхался»,— подумала

она и посмотрела на мужа холодно, выжидающе. В грязных сапогах, в поношенной, пропотевшей гимнастерке он показался ей сейчас невзрачным, серым и... чужим.

— Надежда, подожди, сойди на минутку...

Но она лишь спустилась на одну ступеньку и сказала:

— Слушаю тебя.

— Погоди, не уезжай.

— Опять одно и то же. Скажи лучше, как с квартирой?

— А что с квартирой?— не поняв, переспросил Николай.

— Я хочу перевести ее на себя.

— Это пожалуйста. Только неужели у нас так все и кончится? Ведь глупо же, пойми.

— Все это, Озеров, я слышала.

Поезд тронулся и пошел, постукивая колесами на стыках рельс.

— Вот и все,— вслух проговорил Николай, провожая взглядом состав, который увозил Надю. Надю, что была частицей его жизни... Задний фонарь на площадке вагона долго светился красной тревожной точкой.

Глава 34

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Озеров сидел в правлении колхоза, когда почтальон принес письмо — помятый конверт с чужим незнакомым почерком. «Лично...— прочитал Николай.— От кого же?» Он взял ножницы, собираясь вскрыть конверт, но раздался настойчивый телефонный звонок. В трубке послышался тревожный, взволнованный голос Уханова из второй бригады.

— Николай Семенович, беда! На капусте вредитель — капустная моль.

— Да ведь мы же недавно обрабатывали все плантации?

— Да, опрыскивали. А сегодня ее тьма-тьмущая.

— Агроному сообщили?

— Нина Семеновна уже на поле.

Озеров бросил в трубку:

— Выезжаю.

Через полчаса он был уже в бригаде. Нина, Уханов и несколько колхозниц и колхозников встретили его молча. Уханов показал рукой на поле и отвернулся.

Николай медленно пошел между капустными рядами, наклоняясь то к одному, то к другому светло-зеленому вилку. Они только вышли в рост, начали крепнуть и все кишмя кишели сероватыми гусеницами. Поверхность листьев казалась покрытой толстым слоем серой шевелящейся золы.

— Значит, наша химобработка пошла им на закуску,— проговорил Николай, обращаясь к Нине.

— Выходит, так. Поздно опрыскали. Знаете ведь, как затянулось дело с получением химикатов.

— Но сейчас, неужели сейчас ничего нельзя сделать? Ведь эта тварь сожрет все.

— Средств много — фтористый натрий, никотин-сульфат, только делать надо как можно скорее, иначе ничего не спасем.

— Что у нас есть?

— Кроме парижской зелени, ничего. Но она не помогла.

— Надо звонить в Приозерск. Пусть скорее присылают химикаты. И надо хотя бы еще один опрыскиватель. С одним аппаратом мы и за три дня не управимся.

...Переругавшись с одной из телефонисток, наговорив кучу любезностей другой, Озеров разыскал наконец заведующего райзо Ключарева. Тот, послушав его сбивчивый, взволнованный разговор, удивился:

— Послушайте, Озеров, я думал, у вас что-нибудь чрезвычайное. А то моль.

— Товарищ Ключарев,— взмолился Николай,— ведь погибает, понимаете, капуста. Замечательно развивалась, и такая напасть.

— В данный момент я не знаю, какие ресурсы на нашей базе, не помню, есть ли нужные химикаты в наличии. Так что сейчас ничего не могу сказать определенного. Звони завтра.

У Озерова больше не хватило ни выдержки, ни терпения.

— Эх вы...— он чуть не пустил по адресу Ключарева подвернувшееся в запальчивости соленое словцо, но вспомнив, что у окна Нина, сдержался.— Вот работнички,— бросил он зло и стремительно пошел к выходу.— Разыщу водителя и поеду в Приозерск. Я их там растрясу.

Сказав это, он вдруг болезненно поморщился. У него с утра надсадно, надоедливо ныла левая рука, минутами какая-то тяжесть сковывала тело.

«Что это еще со мной?» — думал Николай.

...В Приозерске Ключарева он не нашел, тот куда-то уже уехал. Районная база была закрыта. Николай пошел в исполком, но Мякотина тоже не было на месте. Они оба с Кургановым находились в колхозах. Удачин же проводил какое-то длинное совещание, и его пришлось долго ждать.

Виктор Викторович встретил Николая обрадованным возгласом:

— Озеров, ты мне как раз нужен. Заходи. Как Березовка? На месте? Жива?

— На месте,— мрачновато ответил Озеров, не принимая веселого тона секретаря райкома. Затем рассказал о своих

мытарствах с химикатами. Виктор Викторович, барабаня пальцами по столу, ответил:

— Ты с этими вопросами подайся в райзо, в исполком. Это их дело. Если надо — сошлись на меня, скажи, что я велел тебе помочь. Вот потолкуем, и иди, наседай на них.

— Попробую.

Сказав это, Озеров замолчал. Молчал и Удачин. Он мельком поглядел на Николая и отвел взгляд. Озеров забеспокоился, спросил:

— Вы о чем-то хотели со мной говорить?

Удачин вздохнул.

— Да. И разговор не из приятных.— Виктор Викторович помедлил еще и не спеша открыл ящик стола, вытащил оттуда какую-то бумагу, развернул ее и подал Озерову.— Решение партколлегии.

Озеров побледнел.

Сколько раз он за это время задавал себе один и тот же вопрос: что решат? Сколько раз воспроизводил в памяти в самых мельчайших деталях разговор у Ширяева. И все же ни разу, ни на один миг не допускал мысли, что в доме на Старой площади, около которого он не мог пройти без трепетного волнения, могут поступить с ним как-то несправедливо. Даже разговор Курганова после заседания партколлегии, его попытка подготовить Николая к самому худшему не поколебали уверенности Озерова. Конечно, эти месяцы были тяжкими в его жизни. Но все же по-настоящему перепугался он только сейчас, когда Удачин передал ему сложенный вдвое белый, глянцевитый листок.

Озеров развернул его, молча пробежал текст. Строчки запрыгали перед глазами, какими-то красными линиями свились в клубок, и только одно слово рельефно и выпукло стояло перед глазами: «Исключить».

Он поднялся, хотел пойти. Удачин остановил его.

— Расписаться надо, что ознакомлен.— Потом тем же тоном добавил: — Порядок такой.

Озеров ничего не сказал, кое-как расписался и шатающейся походкой пошел к выходу. Удачин опять его задержал:

— Ты извини, пожалуйста. Партийный билет при тебе?

— А как же. Конечно.— Николай приложил ладонь к карману гимнастерки.

— Вот... сдать его надо. Последняя инстанция решила, сам понимаешь.

Озеров долго глядел на него, с трудом доходя до смыс-

ла сказанных Удачиным слов. Поняв же, побелел и, облизнув сухие, запекшиеся губы, с трудом выговорил:

— Нет, Виктор Викторович. Не выйдет. Билет я тебе не отдам. Никому не отдам.

— Мне поручено. Понимать должен.

— Не выйдет. Я до секретарей Центрального Комитета дойду. Самому товарищу Сталину писать буду.

— Писать можешь. А билет сдай.

— Никогда.— И, сказав это, Озеров, не прощаясь с Удачиным, медленно вышел из кабинета.

Все, что он делал потом, делал автоматически, не очень отдавая себе отчет в своих поступках.

Один из работников райзо взялся наконец помочь ему, долго куда-то звонил, кого-то ругал, требовал навести порядок.

На следующий день он возвращался наконец к себе в Березовку. В кузове «газика» лежало три бумажных мешка со столь необходимым им порошком, погромыхивал опрыскиватель.

В правлении его встретили Беда, Нина и еще несколько человек. Когда Озеров вошел, все обернулись и посмотрели на него, как показалось Николаю, испуганно и виновато.

— Ну, Нина Семеновна, осталось что-нибудь от нашей капусты или нет? — спросил он, опускаясь на лавку около стола.

— Пока осталось. Воюем с гусеницами вручную. Но жрет вовсю. А как у вас? Удалась экспедиция?

— Да, химикаты и опрыскиватель в машине. Сегодня начнем опрыскивать или до утра подождем?

— Нет, нет. Ждать и часу нельзя. Люди в звеньях предупреждены — они ждут.

— Тогда поедем.

— А может, тебе бы передохнуть? Что-то ты серый очень,— заметил Макар Фомич.

— Ничего, отдохну потом,— отмахнулся Николай.

...Через час Озеров уже ехал обратно к себе домой. Он увидел, что Уханов и Нина все подготовили, работа пошла сразу же на обоих аппаратах, и его отправили отсыпаться... Николай ехал тихо, задумавшись, механически правя машиной. Перебирая в памяти события вчерашнего и сегодняшнего дня, он вспомнил, что не прочел письмо, которое вчера получил. Остановился на бровке дороги, вскрыл конверт. В нем был продолговатый серый листок. Недоумевая прочел:

«Народный суд Куйбышевского района г. Москвы вызы-

вает вас по делу о разводе с гражданкой Озеровой...»

Николай еще раз внимательно прочел сухие казенные слова.

«Так... Значит, все. Решила рвать... Ну, что ж, одно к одному...»

Николай проговорил это про себя, собирая мысли и волю, силясь не поддаться нахлынувшей вдруг слабости. Превозмогая себя, он включил мотор, тронулся, но руки не держали баранку. Ему сделалось душно, он нажал тормоз, открыл дверцу кабины и вышел. В этот момент острая, режущая боль полоснула сердце, багровое пламя полыхнуло перед глазами, и Николай, глухо вскрикнув, свалился на дорогу, в мягкую серую пыль.

...Его увидели ребятишки, бежавшие на речку.

О несчастье с Николаем Нина узнала через полчаса. В контору бригады торопливо вошел Уханов и растерянно сообщил:

— С председателем плохо.

— С Озеровым? Что с ним? — хрипловато спросила Нина.

— Не знаю. Без сознания на дороге подобрали. Домой увезли.

Нина механически накинула платок на голову, кое-как непослушными пальцами застегнула жакет и торопливо вышла из конторы. Уханов прокричал ей вслед:

— Лошадь, лошадь возьмите, стоит запряженная.

...Все последнее время Нина жила в постоянной борьбе с собой, со своим чувством. Ее глубоко обидела холодная отчужденность Николая, наступившая внезапно и резко после их поездки на сенокос, а его стремление избегать встреч больно ранило ее самолюбие. Она понимала, что Николай делает это из желания побороть свое чувство, справиться с ним, не дать зайти слишком далеко их отношениям. Она тоже избегала встреч, старалась меньше думать о нем. Теперь все эти уловки, все сомнения и обиды показались ей мелкими и ненужными.

С часто бьющимся сердцем Нина переступала порог в избу. Николай лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша. Нина долго стояла у двери, вглядываясь в его осунувшееся, посеревшее лицо, прядь бронзово-светлых волос, взлохмаченной челкой спустившихся на лоб. Будто почувствовав, что на него смотрят, больной поднял веки. Какое-то мгновение глаза его смотрели непонимающе, тускло. Потом вдруг потеплели, заискрились.

— Нина, ты?

Сказано это было тихо, но с такой радостью и волнением, что Нина вздрогнула, почувствовала, как горячий клубок подкатывается к горлу. Мучительная нежность наполнила все ее существо. Как бы хотела она сейчас припасть к Николаю, уткнуться в складки ворсистого одеяла, как-то помочь его сухому прерывистому дыханию.

Нина взяла его руку, нащупала пульс, просто и ласково, как умеют говорить только матери да медицинские сестры, сказала:

— Все будет хорошо!..

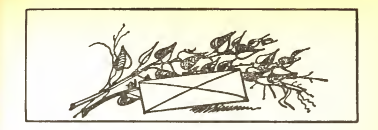
Макар Фомич, хлопотавший здесь же, сказал:

— Вы, Нина Семеновна, уж похозяйничайте тут, а я пойду в правление, проверю, выехали ли врачи.

Болезнь Озерова опечалила в колхозе всех. Люди уже привыкли, что день их начинается с того, что рано-рано, когда еще только брезжит предутренний рассвет, по улице к правлению торопливо пройдет председатель. В полях, на лугах, в огородах, на ферме тоже стала привычной его высокая худоватая фигура. В немногословной спокойной беседе с ним люди находили помощь и совет. Если он смотрел насупленно, замолкал — значит, что-то сделано было не так. Очень не любили березовцы мрачного вида Озерова. Куда веселее было на душе, когда он, мурлыкая себе под нос какой-то одному ему известный мотив, говорил:

— Так, так. Хорошо. Вот это хорошо...

Теперь все березовцы ложились и вставали с одним вопросом: «Как с председателем?»



Глава 35

ПИСЬМО ОСТАЛОСЬ БЕЗ ОТВЕТА

Не одни березовцы тревожились об Озерове. Курганов, узнав о его болезни, не на шутку расстроился Он долго выспрашивал Макара Фомича, кто был из врачей, чем нужно помочь. А через несколько дней сам собрался в Березовку.

В правлении он застал Беду. Макар Фомич настойчиво дозванивался до райзо, но это ему никак не удавалось. Поздоровавшись, Курганов спросил:

— Ну как Озеров?

— Не очень важно, Михаил Сергеевич. Болезнь серьезная. Да и моральное состояние плохое.

— А в чем дело?

— Дома у него неладно.

— Значит, с Москвой его вторая половина так и не рассталась? Бывают же люди, черт побери. А ведь в его положении душевное спокойствие — лучшее лекарство. Пойдем к нему.

Озеров встретил Курганова такой радостной улыбкой, что Михаил Сергеевич мысленно упрекнул себя за то, что не выбрался сюда раньше. Он взял руку Николая в свои большие горячие руки и долго, долго держал ее, слушая, как тот, борясь с волнением, рассказывал о своем самочувствии, о врачах, о том, что старая ведьма его не согнет... Михаил Сергеевич внимательно слушал, согласно кивал головой, а потом сам рассказал, что делается в районе, в области.

— В общем, дела идут так, что болеть ты можешь абсолютно спокойно... И вообще все наладится. Надо только набраться терпенья. Помнишь народную мудрость — все приходит для тех, кто умеет ждать.

Курганов больше ничего не сказал, но Озеров его хорошо понял и поблагодарил взглядом.

Макар Фомич и Нина провожали Курганова до машины. Прощаясь, Михаил Сергеевич задумчиво проговорил, обращаясь к обоим:

— Такого председателя не скоро найдете. Берегите его, поднимайте на ноги...

...Подходило к концу лето. Леса пестрели желтым листом, птицы собирались в стаи, звонко и крикливо обсуждая свои неотложные птичьи дела. Небо стало белесо-сероватым, по нему все чаще и чаще пробегали торопливые клочковатые облака. Поля волновались спелыми хлебами. Наступала страдная пора — уборка.

На заседании правления колхоза Макар Фомич, замещавший Озерова, потирая свои давно не бритые щеки широкой, коричневой ладонью, выступил с речью:

— Вот что, товарищи... Я ведь не Озеров, везде-то не успею. Так что сами глядите. У каждого должно быть все в аккурате. Грешно нам такой урожай, как нынче, не убрать... А то что председателю-то скажем, когда встанет?

— А встанет ли? — тихо спросил кто-то.

Беда ответил не сразу.

— Болезнь, конечно, сурьезная, что и говорить. Поди, слышали, как врачи-то объясняли. Только, думаю, встанет Николай Семенович, обязательно встанет...

А врачи объяснили Озерову его состояние так:

— Обширный инфаркт в области правого желудочка привел к утончению стенки сердца. Можете умереть в любой момент. Но можете и жить. Если очень, очень захотите. Условия простые — не волноваться, не нервничать, вести себя предельно спокойно. Абсолютный непременный покой. Иначе — конец...

Сказано это было сурово, твердо, без скидок и ненужной жалости. Николай понял сразу: дело действительно до предела серьезное. И молча кивнул:

— Я понимаю...

...Целые дни он лежал теперь на спине. Нельзя было пошевельнуться, повернуться, поднять руку. Лежать вот так без движения хотя бы один день — и то серьезное испытание. Озеров лежал уже третью неделю, а предстояло провести в постели еще больше.

Тело болело нестерпимо. Казалось, в нем нет ни одного живого, здорового места. Даже легкое касание белой простыни вызывало острую мучительную боль.

Весь зрительный мир больного ограничивался сероватым квадратом потолка. По перемещению солнечных лучей, по густоте теней, отбрасываемых листьями лип, что стояли перед окнами, он угадывал утро, полдень, приближение сумерек. Ох, как бы хотел он пройти сейчас по Березовке, поехать по бригадам, вдохнуть терпкий запах осенних полей. Но нет, повернуться — значит смертельно рисковать...

В очередной приезд врач сказал Беде:

— Плохо дело, Макар Фомич. Тонус у него пониженный, настроение скверное. А это значит, организм не борется. Понятно? Что-то, видимо, гнетет его, убивает, занимает мысли. Понимаете? Что там у вас? Может, в колхозе что не ладно? Тогда не рассказывайте ему...

— Сами видим, что не в себе он. Только тут не в колхозе дело.

— Ну не знаю, не знаю. Вы мне дайте хорошее настроение больному. Это главное. И каждую минуту наблюдать,— ворчливо продолжал врач.— Каждую минуту. Я это не для красного словца говорю... Пусть около него будет кто-то постоянно. Кто-то близкий. Жена у него есть? Где она?

— В Москве.

— Надо вызвать. Почему до сих пор не сделали этого?

Вечером Беда, рассказав правленцам о разговоре с врачом, предложил:

— Может, действительно напишем хозяйке-то? Сомневался я, боялся, как бы хуже не сделать.

Все задумались.

— Не ладно у них. Не приедет она. А если приедет, так напортит еще больше.— Это сказала Пыхова.

В ответ ей раздалось несколько голосов:

— Ну что ты, Прасковья. При такой-то беде да не приедет? Не может этого быть. Пиши, Фомич, письмо.

И письмо в Москву было послано.

Из разговора Макара Фомича с врачами Николай понял, что о его болезни сообщили Надежде. Он мрачно упрекнул Беду:

— Зачем вы это сделали, Макар Фомич? Возьми в гимнастерке конверт, прочти. Не приедет она...

Однако Макар Фомич в такой исход все-таки поверить не мог и приезда Надежды ждал со дня на день. Никуда не посылал Звездку, чтобы встретить гостью на станции, установил дежурство у телефона. Но Надя не приехала.

Недели через две Беда сказал правленцам:

— Пожалуй, не приедет она.

— И писать не надо было,— ворчливо произнесла Пыхова.

— А черт вас, баб, разберет,— раздраженно ответил Макар Фомич.

Вечером он рассказал Нине о повестке, полученной Николаем, о их письме в Москву. Долго сидели молча, и Беда со вздохом спросил:

— Ну что будем делать, Нина Семеновна?

— Выхаживать, лечить.

Уж очень много свалилось на него сразу...

Спасти Николая, возродить в нем силу жизни, сопротивление организма болезни стало для Нины самым главным в жизни. Доставалось ей крепко — все дни она проводила на полях, на токах, фермах, а как выкраивался свободный час, бежала к Николаю. Ее усилиями все в комнате сияло чистотой, вокруг избы желтели посыпанные песком дорожки, строго соблюдалась тишина.

В Березовке очень одобрительно отнеслись к тому, что Нина взяла на себя обязанности сиделки. Она замечала, что люди с затаенной надеждой смотрят на нее, верят, что она сделает все, как надо, как велят врачи. Ведь она — агроном, ученая. И потом — женская рука, забота, преданность очень нужны сейчас больному. А люди видели, что Нина всю душу вкладывает в эти заботы.

В глазах Николая она все время читала то боль, то надежду. Ей было страшно за него.

Нина позвонила Курганову, рассказала о ходе болезни Николая, поделилась своими тревогами. Что же предпринимать? Врачи делают все возможное. Но настаивают на консультации Лаврова.

...Профессор Лавров приехал в Березовку через два дня с двумя ассистентами. Это был высокий сухощавый старик с большими белыми руками, в аккуратно выглаженном светлом костюме. Он легко вышел из «Победы» и спросил:

— Ну, где тут больной?

Ассистенты выгрузили из машины какие-то серебристые ящики, черный аккумулятор, несколько чемоданов с разными машинками, внесли их вслед за Лавровым в дом. Потом опутали Николая разноцветными проводами. Застрекотали аппараты, зашуршала по полу белая лента.

Профессор долго-долго осматривал и выслушивал Николая, разговаривал со своими помощниками и снова слушал, снова осматривал больного.

— Ничего, ничего,— хрипловато рокотал он.— Будет жить ваш председатель. Не дадим его курносой ведьме.

Он уехал, а потом стали приезжать его помощники, применяли все, что было нового и действенного из препаратов.

Через неделю Лавров в Березовке появился вновь.

Он долго выслушивал сердце Озерова, бесконечное количество раз вглядывался в зигзаги электрокардиограммы, разговаривал с больным, вновь и вновь возвращался к его сердцу. Он осязаемо, физически ощущал его пульсирующее биение, то редкие приглушенные удары, то снова восстановленный ритм толчков.

Медленно, очень медленно срастался разрыв в столь важной области сердца. Организм Озерова набирал сил, боролся за жизнь.

В конце сентября Николаю было разрешено вставать и осторожно ходить по комнате, затем позволили выходить на крыльцо. А это было уже замечательно. Ведь теперь он мог вдоволь говорить с людьми, видеть знакомые улицы, поля в дымке белесых туманов, леса в сверкающем золотом убранстве.

В один из дней Курганов позвонил в правление и сообщил, что Озеров по советам врачей поедет в Кисловодск, в специальный санаторий.

... И вот березовцы отправляют Озерова в путь. Сам-то он рьяно доказывал, что здесь, в Березовке, он лучше и скорее дойдет до нормы, что здешний воздух куда целительнее горного.

— Ну, хотя бы на месяц. Это еще туда-сюда,— жаловался Николай.— А то на два. Понимаете, на целых два месяца.

Нина стояла здесь же и задумчиво смотрела на поля, зябшие под мелким осенним дождем, на дорогу, вьющуюся меж ними.

Николай подошел к ней, обеими руками взял ее чуть дрожавшую руку. Многое, очень многое хотелось сказать ему Нине. О том, что привык к ней, что без нее ему будет мучительно тяжко... Он и в самом деле страшился сейчас остаться без ее ласковых рук, без заботливых, немногословных советов и требований... Да что тут говорить. Он хотел бы объяснить, что просто-напросто очень любит Нину, и это хотел ей сказать давно. Когда она долгие часы сидела у его постели и когда ее ресницы слипались от усталости. Но не сказал. И не потому, что не сделал выбора или сомневался в своем чувстве,— нет, выбор теперь был сделан окончательно и бесповоротно. Но сдерживали другие мысли: «Зачем я ей такой

нужен? Женатый, больной и вообще... Епиходов, двадцать два несчастья...» Не выпуская руки Нины, Николай проговорил:

— Спасибо вам, Нина Семеновна, за все спасибо. Вот еду...

— Это очень хорошо. Поправляйтесь.

— Обязательно поправлюсь. Беру на себя самые категорические обязательства.

Николай постоял еще минутку, вздохнул и пошел к тарантасу. Поправил чистую пеструю домотканую дорожку на пахучем сене, уселся в углу просторного сиденья.

Застоявшаяся Звездка, неторопливо перебиравшая тонкими ногами, взяла с места легкой, спорой рысью.

Глава 36

СТОЯНИЕМ ГОРОДА НЕ ВОЗЬМЕШЬ...

Курганов не любил откладывать дела — ни большие, ни маленькие. Сегодня надо сделать все, что можно. Будет утро, будут и новые заботы. И если уж он что-либо откладывал, то для этого были важные причины.

Отложил он и свои мысли о сселении приозерских деревень, но возвращался к ним постоянно. Про себя решил, что вплотную к ним подберется сразу же после окончания сельскохозяйственных работ. А пока надо было еще и еще раз все изучить. И Михаил Сергеевич, как только выдавался свободный час, рылся в книгах по строительству, в сборниках проектов, архитектурных альбомах. Исподволь готовил множество расчетов, выкладок, данных.

Сомнения у него были, окончательно они все еще не ушли, но их становилось меньше. В газетах активно обсуждалась эта проблема. Выступали председатели колхозов, агрономы, архитекторы. Мнения высказывались разные, но многие склонялись к тому, что переустройство деревень и сел надо начинать не откладывая.

Он в тот день был в одном из колхозов, когда ему позвонили из райкома и сообщили, что в «Правде» опубликована статья Н. С. Хрущева о перестройке колхозных сел. Скоро из сельсовета привезли и саму газету. Курганов прочел ее залпом и поспешил в райком.

Костя давно уже не видел Курганова таким нетерпеливым и нервно взъерошенным. Он торопил Костю, часто посматривал на часы и потом уже, подъезжая к Приозерску, видимо отвечая своим мыслям, проговорил вслух:

— Круто, круто берет Никита Сергеевич. Ничего не скажешь. Но, может, так и надо. С горы-то оно виднее.

Заехав в райком, Курганов позвонил Удачину.

— Не спите, Виктор Викторович?

— Нет еще.

— Могли бы заглянуть в райком? Время, правда, уже позднее, но хочется поговорить, не откладывая. Мы недолго — часик, полтора. А? Очень прошу.

— Хорошо. Сейчас приду,— не без досады ответил второй секретарь.

«Ничего, пусть посердится»,— подумал Михаил Сергеевич и начал звонить на квартиру Мякотину.

— Что это ты словно на пожар летишь, хотя бы оделся как следует,— зло упрекнул того Удачин, когда они встретились в коридоре райкома.

— Да ведь срочно вызывал-то. Куда уж тут красоту наводить,— оправдывался Петрович.

Курганов встретил их приветливо и попросил извинить за столь поздний вызов.

— О чем речь, Михаил Сергеевич? Раз надо, значит, надо,— ответил на это Мякотин, устраиваясь у стола Курганова.

Курганов некоторое время молчал, прохаживаясь по красной, изрядно вытертой дорожке кабинета, пытливо вглядываясь в лица собеседников, словно еще сомневаясь, начинать разговор или подождать? Наконец обратился к Мякотину:

— Скажите, Иван Петрович, сколько у нас в районе деревень и сел?

— Около трехсот.

— А точнее?

— Триста четырнадцать.

— Так. А населения?

— Сто десять тысяч.

— Так, так.— Ход мыслей Курганова был совершенно не ясен ни Мякотину, ни Удачину, и они глядели на него вопросительно.

— Плохие у нас деревни,— продолжал Курганов.— Очень плохие.

— Ну не все. Есть такие, что и Приозерск может позавидовать. Алешино, например, Островцы, Голубево.— Мякотин с гордостью произнес названия этих деревень.— Островцы — что твой город: электростанция, кинотеатр, две школы, больница, радиоузел. Ну да что тут говорить. Это же Островцы!

— Островцы, Алешино — это, конечно, хорошо. Но сколь-

ко у нас таких сел? Раз-два, и обчелся. Вы «Правду» сегодня читали?

— Я только взялся за нее, а вы сюда вызвали,— объяснил Мякотин.

А Удачин вяловато уточнил:

— Вы имеете в виду статью товарища Хрущева?

— Да, именно ее.

— Читал, читал. Как же.

— А что там такое? А? О чем речь? — беспокойно спросил Мякотин.

Курганов, обращаясь к обоим сразу, заговорил:

— Колхозы мы объединили? Объединили. Теперь надо идти дальше. Надо сселять деревни!

— Сселять деревни?— недоуменно спросил Мякотин.— Зачем?

— Да. Сселять. Создавать колхозные усадьбы, укрупненные села.

— Но товарищ Хрущев ставит вопрос иначе. Новые современные поселки, агрогорода.

Курганов повернулся к Удачину:

— На эти масштабы мы размахиваться не будем. Но собрать многие мелкие, разрозненные деревни и села в более крупные, постепенно благоустроить их мы вполне можем.

Виктор Викторович молчал, сосредоточенно глядя в одну точку, Мякотин тревожно глядел то на первого, то на второго секретаря. Потом спросил:

— А старые деревни? Рушить?

— Переносить на новые места.

— Ого. Легко сказать...

— Нет, Иван Петрович, и сказать нелегко. Очень даже нелегко. С зимы эти мысли у меня в голове. Не решался говорить, пока пресса не высказалась. Не с кондачка предлагаю, а сделав все расчеты и прикинув «за» и «против». Предварительно пока, конечно.— Он показал на толстую папку с подсчетами и выкладками.— Но чем больше думаю, тем больше уверен, что если мы не сломаем эту так называемую нашу специфику, в силу которой мелкие селения, куцые деревушки — это якобы характерная исторически сложившаяся особенность Подмосковья, ничего мы с вами не сделаем. Какими правилами, какой жизненной необходимостью, какими природными и экономическими условиями оправдывается разница между Островцами и, например, Болотовом? Да нет этих оснований, никаких нет, даю вам слово. Ну, когда жили единолично, врозь, когда чувство локтя, соседского пле-

ча проявлялось лишь в редчайших случаях,— то ли при стихийном бедствии, то ли при какой другой беде,— это еще было понятно — тогда эти карликовые гнезда не вызывали да и не могли вызвать каких-либо вопросов и сомнений. Люди жили и жили, довольствуясь теми мизерными радостями и благами, которые были в состоянии дать две или три десятины земли. Одним словом, тогда все это было и понятно и терпимо. Но не теперь.

— Значит, агрогорода? — Удачин спросил спокойно, и даже Курганов, все больше и больше узнававший своего помощника, не заметил сразу той нотки, что закралась в фразу, как мышь в копну. Однако что-то насторожило Михаила Сергеевича, и он, словно подтолкнутый этим, еще горячей стал развивать свою мысль.

— Хорошие современные поселки. Сельский житель имеет право на все, что имеет город.

— Дедами и отцами насиженное ломать придется,— сказал Мякотин.— Трудная это штука.

— Да, трудная. Знаю. Но необходимая. Ну, посудите сами, какая, к черту, в наше время жизнь без школы, без клуба, без библиотеки и кино? Как-то ехал я ночью по району. Встретилась группа молодежи. Десять верст ребята отшагали, чтобы в кино попасть. А школьники? За семь-восемь, а то и за десять километров в школы ходят.

— Ну, в каждой деревне школу, клуб и родильный дом мы все равно не построим,— мрачно заметил Удачин.

Курганов согласился:

— Это верно, в каждой не построишь. Но из этого и следует вывод, что деревни должны быть крупнее.

— Дело, скажу прямо, заманчивое, но поразмыслить надо,— задумчиво проговорил Мякотин.

Удачин заметил:

— Здесь много «за», но много и «против», Михаил Сергеевич. Больше, пожалуй, «против».

Курганов, ревностно проверявший правильность своих мыслей на мнениях людей, подхватил эти слова:

— В каждом деле есть плюсы и минусы. Бояться минусов, если они все же дадут плюсы,— не надо.

Виктор Викторович усмехнулся:

— Боюсь, что очень долго придется ждать этих плюсов.

— Долго ждать, говорите? Нет, Виктор Викторович. Нам ждать долго нельзя. Нам район поднимать надо. И поднимать быстро. Вы это знаете.

— Разумеется. И вполне согласен с этим.

— Так вот, сселение — это еще одна мера, которая должна нам помочь.

— Теоретически — возможно.

— Почему теоретически? И практически тоже. Если хотим поднять деревню, а мы за это с вами и боремся, мы должны сделать так, чтобы не из деревни люди бежали, а наоборот, в нее тянулись. Значит, надо...

— Надо прежде всего давать людям зарабатывать,— вставил чуть раздраженно Удачин.

— Да, вы правы, надо, чтобы колхозники хорошо получали за свой труд. Но не только в этом дело. Люди-то стали другие, запросы их возросли. Теперь не много таких, кто довольствуется лишь сытым желудком да длинным сном. Им подавай хорошую книгу, новый фильм, красивое платье, разумный отдых. И это правильно, черт возьми! Очень правильно, и если сейчас таких требований мы слышим мало, то через год их будет больше, а потом еще больше. Как же тогда быть?

В кабинете наступило долгое молчание. Было слышно, как потрескивают дрова в печке.

Курганов терпеливо ждал, когда Удачин и Мякотин начнут говорить. Наконец это ему наскучило, он не любил тугодумства. С ноткой нетерпения проговорил:

— Что же молчите?

— Я, пожалуй, скажу, Михаил Сергеевич,— вздохнул Иван Петрович, вскинув свою лысоватую, низко посаженную в плечи голову.— Скажу вот что. Все это, конечно, хорошо, все очень заманчиво. Но опасаюсь я, очень опасаюсь. Я мужик, крестьянин и знаю, как подниматься с насиженного места. У каждого здесь корень жизни, если можно так сказать. И огородик, и садик, и банька, и погребок. А ведь даже птица и та свое гнездо бережет. Трудная эта задача, Михаил Сергеевич, очень трудная.

Иван Петрович говорил, волнуясь. То, что обсуждалось здесь, было слишком близким ему, Мякотину, чтобы он мог говорить спокойно. Ведь речь шла о приозерских деревнях, которые он очень хорошо знал, знал, как бились эти деревни в нужде, с каким трудом вставали на ноги, как много тяжелого оставалось еще в быте и жизненном укладе этих сел... Иван Петрович знал и то, что мысли и предложения, подобные кургановским, подобные тем, что высказывали в газетах известные стране люди, знатоки деревни, возникали не раз и не два у многих сельских работников. Все это так. Но решиться на такое, вот так, сразу...

Мякотин, кажется, еще не закончил, хотел, видимо, продолжить свою мысль, но Удачин, воспользовавшись паузой, заговорил тоже.

Сначала он воспротивился предложению Курганова. Что он еще выдумал? Зачем? Но чем больше проходило первое впечатление, тем яснее понимал Удачин, что предложение Михаила Сергеевича выходит за рамки обычного текущего дела, речь идет о чем-то более крупном, новом и значительном. И пока Иван Петрович не очень складно от волнения излагал Курганову свои сомнения, Виктор Викторович решил круто изменить курс... Ведь если дело пойдет — о нем заговорят на всю область, да и не только на область. А может, даже это и не только Курганова предложение? Он же вхож к Заградину. Может, ему подсказали? Тогда тем более надо поддерживать. Глупо стоять от такого дела в стороне. «Да, тут, пожалуй, нельзя промахнуться,— думал Удачин.— Ну, а если неудача? Если не пойдет? Если шапку наломают? Что тогда? А тогда... Тогда будет отвечать прежде всего тот, кто его затеял...»

— Я вижу, что вы досконально изучили это дело. Как же его не поддержать? Масштаб у вас, Михаил Сергеевич, скажем прямо...

— Ну, вы это оставьте,— недовольно поморщился Курганов.— Вы о деле давайте, о деле...

— А я о деле и говорю,— не унимался Удачин.— Из песни слова не выкинешь, а то, что хорошо, то хорошо, тут уж ничего не сделаешь. Одним словом, я за это предложение. Давайте раскручивать.

Курганов возразил:

— Нет, нет. До этого еще далеко. Спешить не будем. Надо еще и еще раз все обдумать, подготовиться. Начинать будем, когда все выясним, обсудим. Исполкому, Иван Петрович, придется очень много поработать. Надо подготовить точные данные о населенных пунктах, количестве людей, состоянии построек. Землеустроителям и агрономам поручите готовить предварительную планировку центральных колхозных усадеб. Пусть определяют места постройки ферм, полевых станов, культурных учреждений, рассчитают затраты средств, материалов, транспорта. Пока хотя бы в приблизительном виде. Без таких материалов ничего ни обсуждать, ни тем более начинать нельзя.

— Михаил Сергеевич,— озадаченно протянул Иван Петрович.— Придется кое-кого из районных организаций подключить, наш аппарат не осилит.

— Подключайте, но шуметь не надо.

...Удачин шел домой торопливо. Был он страшно возбужден, какое-то неосознанное беспокойное чувство не давало ему покоя. «Может, и в самом деле что-то большое затеваем? А? Да, приходится признать, что Курганов не глуп, с размахом, а главное — со связями. Конечно, он с кем-нибудь советовался, это ясно, но все равно придумано здорово».

Думал обо всем этом и Мякотин: «Да, нешуточное дело затеваете вы, товарищ Курганов. Нешуточное. Как-то мы его вытянем?» — мысленно продолжал он разговор, начавшийся в кабинете, и, представив себе упрямое лицо Михаила Сергеевича с какой-то суровой уверенностью в серых усталых глазах, проговорил:

— У таких все выходит.— Сказал это с чувством невольного уважения к человеку, которого так долго не хотел признавать ни умом, ни сердцем.

. . . .

В обком Курганов приехал рано, сотрудники отделов только шли на работу.

Он уже знал, что Заградина в Ветлужске нет, он находился в Москве, и поэтому сразу пошел к Мыловарову — секретарю обкома по вопросам сельского хозяйства. Друг друга они почти не знали, так как Мыловаров был избран совсем недавно. Тем не менее беседа наладилась быстро.

Владимир Павлович Мыловаров — подчеркнуто важный, подтянутый, с копной вьющихся седых волос — внимательно слушал Курганова, не перебивая ни одним словом, ни одним вопросом. Когда Михаил Сергеевич кончил, деловито спросил:

— Вы, насколько я помню, у москвичей были?

— Да, был. Именно под влиянием их опыта у нас и возникла эта мысль.

— По-моему, ваше предложение исключительно важное. Я думаю, что это, как бы это поточнее выразиться, это именно тот шаг, который сейчас нам нужен. Жаль, что нет товарища Заградина. Но я знаю, что он по этим вопросам подробно беседовал с товарищами из Московского обкома и тоже был у них. Уверен, что вашу инициативу одобрит. Послезавтра у нас бюро, посоветуемся, и я вам сразу позвоню.

Они долго еще говорили о предстоящей работе. Мыловаров посоветовал связаться с облзо, облисполкомом, заглянуть в проектный институт, в облплан.

В Приозерск Курганов вернулся окрыленный. Хотелось,

как это всегда бывает перед большим делом, скорей быть на месте, у его истоков.

Удачин встретил Курганова вопросом:

— Ну, как, Михаил Сергеевич, одобряют?

— Обещали поддержать.

— Заградин?

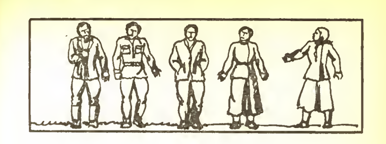
— Нет, он в Москве. Был у Мыловарова, в облисполкоме, в облзо...

— Очень хорошо. А то у нас весь район гудит.

— Как это? Почему?

— Такое дело, Михаил Сергеевич, не утаишь. Поехали по сельсоветам агрономы, землеустроители, поля обмеряют, места для центральных усадеб приглядывают. Кто же не догадается? Так что откладывать нельзя.

— Откладывать нельзя, но и спешить не следует. А шуметь без толку — тем более. Ну, да ладно, как говорится: стоянием города не возьмешь. Давайте думать, как поведем дело...



Глава 37

ВЫ САМИ ХОЗЯЕВА...

Идея сселения деревень и создания крупных сел была по-разному встречена в колхозах района — где с одобрением, а где с опасением и тревогой. Но, раз взявшись за дело, Курганов не любил останавливаться, Туда, где предложение о сселении вызвало особо бурные дебаты и споры, он выезжал сам, посылал Удачина, Мякотина, членов бюро. Людей убеждали настойчиво и терпеливо.

Кое-где уже начинали подготовительные работы — заготовляли лес, кирпич, кровельные материалы. В исполкоме и райзо то и дело раздавались требования: прислать землеустроителей, геодезистов, техников-строителей. Представители колхозов настойчиво добивались типовых проектов домов, зданий клубов, школ. В районе их не было, приходилось посылать людей в область. Но там требования удовлетворялись тоже с трудом, потому что область велика, а благоустраивать села по примеру москвичей и приозерцев начали и другие.

Снова, как и в недавний период объединения колхозов, день и ночь горел свет в райкоме, снова сюда шли и шли потоком письма, сообщения, телеграммы, раздавались телефонные звонки.

Утром одного из таких горячих дней позвонил Заградин.

— Курганов?— услышал Михаил Сергеевич знакомый голос.— Доложи-ка, что делается, какие новости?

— Дела идут, Павел Васильевич. Великое переселение народов начинаем. Если все пойдет, как сейчас, то переброску, сселение многих деревень проведем — без благоустройства, конечно,— уже в этом году.

— Вот что, я к тебе собираюсь. Хочу посмотреть, как и что. Выеду через час.

В середине дня к райкому подкатила большая черная машина Заградина. Павел Васильевич сразу же заторопил Курганова ехать в колхозы.

— Только давай, Сергеич, показывай не те села, где эта затея решается более или менее безболезненно. Такие колхозы у вас есть, я знаю. Но в деле, что начинаете, не они будут делать погоду.

— Дело, конечно, не простое. Где-то пройдет полегче, где с трудом. Там аплодисментов мы не ждем.

— Вот и поедем туда, где ты их не ждешь.

— Тогда в Завьялово, в «Эру социализма».

В Завьялове никто не знал об их приезде. Они направились на шум машин к крытому току. Колхозники сортировали зерно.

— А где ваш председатель?— спросил Курганов.

— В Вербилино с агрономом уехали. На смотрины.

— Ну? У кого же свадьба?

— Какая там свадьба. Переселяться собираемся,— ответил мужчина лет сорока, одетый в стеганую фуфайку и такие же брюки.

Заградин, разглядывая горсть зерна на ладони, спросил:

— Значит, решили переменить место жительства?

— Решили,— ответил мужчина.

— Ну и как?

— Что — как? Знаете, как народ говорит: «Когда хлеб, тогда и мера, когда толк, тогда и вера».

Курганов, видя, что к разговору прислушиваются все, предложил:

— Садитесь, товарищи, устроим перерыв, ничего не сделаешь.

— А что, в Вербилине-то лучше?— усаживаясь на мешок с зерном, спросил Заградин.

— Лучше-то, конечно, лучше. Это правда,— раздалось сразу несколько голосов.— Река, озеро, лес рядом.

— Место хорошее, тут и говорить нечего. А загвоздок все-таки много,— проговорил все тот же мужчина в стеганке.— Сняться с места трудно, а на новом осесть еще трудней. Я помню, когда отец гоношил дом, так годов десять гроши-то копил. Да что там десять, всю жизнь потом кашляли. А тут не один дом...

— Но мы ведь не одни, вон сколько нас,— возразила

молодая девушка, что сидела в кругу своих подруг.— Да и помощь обещают.

— Помочь, конечно, помогут. Только если государство всем будет помогать, то само с сумой пойдет. Не бездонная ведь казна-то.

Павел Васильевич слушал каждое слово, задавал то один, то другой вопрос, то согласно, то отрицательно качал головой. Курганов никак не мог понять, куда он клонит разговор.

Скоро из деревни, прослышав про приезд Заградина и Курганова, потянулись и другие колхозники. Беседа превратилась в оживленное собрание.

В самый разгар споров приехал Костров.

— Никак, хозяин пришел,— сказал секретарь обкома и подошел к Кострову.— Здравствуйте. Заградин.

— Здравствуйте, Павел Васильевич.

— Извините, что без вас тут хозяйничаем. Вот беседуем. Вы в Вербилино были?

— Да, ездили, смотрели.

— Ну и как?

— Что ж, места там у них — благодать.

Курганов насторожился — по одной только интонации сразу понял, что Костров о чем-то умалчивает. Скрытая тревога сквозила и в словах других колхозников. Сколько раз и Курганову и Заградину приходилось бывать среди людей села, сколько им приходилось разговаривать с ними о самых разнообразных делах! Они, конечно, без труда заметили внутреннее состояние своих сегодняшних собеседников.

— В общем-то, я вижу, вы не в восторге от предстоящего новоселья? — обращаясь ко всем, задал вопрос Заградин.

Колхозники молчали. Раз здесь председатель, ему и говорить. Но молчал и председатель, сосредоточенно занявшись своей замысловатой цигаркой.

— Ну, говорите, чего стесняетесь? — нетерпеливо настаивал Курганов.

— Да стесняться, конечно, нечего, люди свои, — не спеша заговорил Костров,— и дело это хорошее. Чего лучше — все вместе, все под рукой. Жизнь можно по-человечески сорганизовать.

— Все правильно, но что-то ты, Савелий Васильевич, не договариваешь,— заметил Курганов.— Объясни, что вас беспокоит?

— Да многое, Михаил Сергеевич. Многое. Сначала надо бы на ноги встать.

— Ну заладили — трудно да тяжело. А что конкретно?

— Подожди, Михаил Сергеевич,— остановил Курганова Заградин.— Давайте-ка вернемся к вашим словам, Савелий Васильевич. Вы считаете, что пока это дело вам непосильно?

— Ну, не то что совсем не под силу, но будет нелегко. Ну, сами посудите. Придется тронуть около полусотни домов только у нас в Завьялове. Почти треть их так стары, что развалятся от первого до последнего венца. Значит, вместо них придется ставить новые. Опять же клуб, правление, ясли. Колхоз наш не из самых бедных. Но без ссуд не обойтись. Значит, опять долги? Вот дело-то какое. А так, конечно, хорошо бы сселиться. Очень бы хорошо. Поселок будет там отличный. Только ведь хата-то должна быть красна прежде всего пирогами, а потом уж углами.

Долго еще длился этот разговор, полный раздумий и сомнений.

Потом Заградин поднялся. За ним стали вставать и остальные.

— Ну что же, товарищи, спасибо. Извините, что оторвали вас от дела.

— Это-то ничего, а вот растревожили вы нас хуже некуда.

К Павлу Васильевичу подошел разговорчивый колхозник в стеганой куртке и вопросительно взглянул в глаза секретаря обкома, повторил:

— Растревожили, говорю, вы нас. Мы это дело вроде решенным считали, пожитки собираем, к переезду готовимся. А теперь я что-то и не пойму, как дальше?

Курганов тронул Заградина за локоть:

— Слышите, Павел Васильевич?

Заградин чуть помедлил с ответом, потом посмотрел на колхозников, стоявших рядом, и проговорил:

— Расстраивать ваши планы мы не собираемся, вы хозяева и вольны решать свои дела, как хотите. А беседовали с вами вот почему. И нам, обкому, надо знать, как вы сами о сселении думаете. Ведь у нас и другие районы вслед за вами поднимаются. Из соседних областей люди звонят. Что, дескать, как у вас? Вот потому-то мы решили еще раз своими глазами посмотреть да своими ушами услышать, еще раз посоветоваться. Как известно, лишний совет делу никогда не мешал.

— Да, это конечно.

Когда подошли к машине, Костров, пожимая руку Заградина, спросил:

— Ну, а все-таки, Павел Васильевич, как быть-то?

— Вы, Савелий Васильевич, сколько лет председательствуете?

— Да, поди, лет семь или восемь.

— Вот видите. А я пробыл всего два часа. Так кто из нас лучше знает, как быть?

Затем, помолчав, в раздумье проговорил:

— Дело, конечно, не простое и безусловно нужное. Но с кондачка его не решишь. Думайте, прикидывайте, рассчитывайте. Но вот если новое что будете начинать возводить — примеряйтесь уже к будущей центральной усадьбе. Не одним днем живем, вперед смотреть надо, на будущее прикидывать.

Когда машина тронулась, Курганов обратился к Заградину:

— Павел Васильевич, вы так отвечали колхозникам и Кострову, что у меня все время на языке вертится вопрос: «Может, мы что-то делаем не так? Может, обком, ну... изменил свою точку зрения?»

— Ох и нетерпеливый ты, Курганов. Знаешь, давай-ка к вашим ветеранам съездим. Они-то аплодисменты зря не дарят.

— Тогда в Крутоярово и в Березовку подадимся.

...До поздней ночи ездили они по колхозам. Курганов понимал, что Павел Васильевич доискивается до какой-то пока лишь ему ведомой истины, проверяет в беседах с колхозниками какие-то свои мысли и сомнения. «Видимо, хотят еще раз все взвесить, всесторонне изучить. Что же, так и надо. Хотя надо было бы это делать раньше». Михаил Сергеевич всячески отгонял от себя мрачные мысли. Однако, когда, приехав в райком, Заградин уселся на диван и пригласил его сесть рядом, Михаил Сергеевич вновь почувствовал какое-то щемящее беспокойство.

— Ну, секретарь, теперь давай толковать.— Заградин посмотрел на Курганова из-под нахмуренных бровей, как бы взвешивая, сможет ли этот человек выдержать суровую тяжесть его слов.

«Этот выдержит»,— подумал Заградин и медленно произнес:

— Работу по сселению деревень, дорогой Михаил Сергеевич, надо прекратить...

— Что? Прекратить? Совсем?

— Нет. Не совсем. Но пока прекратить.

— Павел Васильевич...

— Требуешь объяснения?

— Прошу... Ведь я советовался...

— Знаю. А разве обкомовцы застрахованы от ошибок?

— Но разве это ошибка? Неужели с такими карликовыми деревнюшками мы поднимем наши колхозы? Да ведь всем же понятно, что без крупного хозяйства нельзя всерьез говорить о новых культурах, о применении прогрессивной агротехники, машин, о подъеме экономики колхозов? Я считал это настолько ясным, что мне и в голову не приходило сомневаться. Что-то не то и что-то не так. А что — убей не понимаю. Извините меня, Павел Васильевич, не понимаю, и все.

Долго в ту ночь сидели Заградин и Курганов на райкомовском диване. Разговор шел горячий, острый, взволнованный. Они и советовались и спорили — то один, то другой ходил по кабинету и вновь садился на диван. Заградин мог бы, конечно, просто предложить Курганову сделать то-то и то-то, не очень — по крайней мере сейчас — объясняя причины. Но он и сам хотел этого разговора, он сам в этом споре еще и еще раз проверил свои мысли, сомнения, тревоги. Курганову же этот разговор был нужен как воздух...

Робкая, чуть красноватая полоска зари прочертила длинный тонкий мазок над лесом, утренний туман — предвестник мороза — посветлел, стал почти прозрачным. Холодное зимнее утро входило в Приозерье.

Когда машина Заградина скрылась в этой предутренней морозной дымке, Курганов пошел домой.

«Надо поспать»,— убеждал он себя, хотя хорошо знал, что сегодня не уснет ни на одну минуту.

Глава 38

КОГДА УМ С СЕРДЦЕМ НЕ В ЛАДУ

Утром Курганов неожиданно пригласил членов бюро райкома и, хмурясь, объявил:

— Вчера у нас в районе был товарищ Заградин. Дело очень важное, товарищи. Мы допускаем ошибку... Я имею в виду сселение деревень.

Курганов замолчал, давая возможность членам бюро осмыслить сказанное. Видя, что они недоуменно ждут разъяснений, подробно рассказал о поездке с Заградиным по колхозам, о беседах с людьми, об их ночном разговоре.

— Значит, ошибка,— выдохнул из себя Удачин.— А мы-то думали — слава!

Мякотин досадливо махнул рукой.

— При чем тут слава? Скажете же вы иногда, Виктор Викторович.

— Ну, как я говорю, не вам судить.

— Скажите пожалуйста. Это почему же не мне? — гневно переспросил Мякотин.

— Оставьте вы свою перепалку,— бросил кто-то из членов бюро.— Дело нешуточное.

— Я, между прочим, предупреждал, что это дело сомнительное,— холодно и как-то отчужденно заявил Удачин.

Никто не откликнулся на его слова, а Мякотин озабоченно предложил:

— Надо председателей колхозов и секретарей партячеек собрать, разъяснить. Дома вот-вот рушить и перевозить начнут.

— Можно вопрос, товарищ Курганов? — голос Удачина прозвучал с явным вызовом. Все удивленно посмотрели на него. Михаил Сергеевич тоже посмотрел на Удачина устав-

шими воспаленными глазами и молча кивнул головой.

— Вопрос вот какой. Приехав из области, вы нам сообщили, что предложение о сселении было согласовано в областном комитете партии, в облисполкоме и других инстанциях. Вы говорили также, что товарищ Заградин в восторге от этих...— Удачин сделал небольшую паузу и, подчеркнув последние слова, закончил: — От этих выдающихся предложений... Как все это понять? Может, в обкоме ничего не знали о ваших затеях?

Мякотин удрученно, с сожалением выговорил:

— Всяк умен: кто сперва, кто опосля!

— Я, кажется, могу задать вопрос? Могу. И говорю я то, что считаю нужным,— резко бросил Удачин.

— Конечно, но я хотел сказать о форме. Как-то вы очень... Ну...

— Меня, товарищ Мякотин, интересует не форма, а существо.

— Не надо шуметь,— прервал их новый спор Курганов.— Я отвечу. Прежде всего уточним. Да, я сообщал бюро и пленуму, что в обкоме и облисполкоме наши предложения одобрены. Так это и было. Однако мной не было, да и не могло быть сказано, что все это было одобрено Заградиным, ибо его в то время в Ветлужске не было. Он был в Москве. Но это ничего не меняет. Заградин тоже был согласен с точкой зрения бюро обкома.

— Нам нечего было пороть горячку. Такие вопросы с кондачка решать нельзя.

— С кондачка, говорите? — Курганов в упор посмотрел на Виктора Викторовича. Тот отвел глаза и что-то стал сосредоточенно выискивать в своем блокноте. А Курганов между тем продолжал: — Я вам напомню одно маленькое обстоятельство. Начали-то это дело вы, не дожидаясь моего приезда из обкома. Ведь так?

— Да, но перед отъездом мы с вами обстоятельно говорили обо всем.

— Верно, говорили. И именно поэтому я не хочу прятаться в кусты. И не понимаю, почему вы это делаете? Чего вы перепугались? Советовали ли нам? Да, советовали. Одобрили? Да, одобрили. Но разве это снимает ответственность с нас? Мы же из детского возраста вышли, пора и самим понимать, что можно и чего нельзя. Я считаю, что если в этом деле допущена ошибка, то это прежде всего моя ошибка. Слишком увлеклись, широко размахнулись. Хотя... по многим колхозам я бы это сделал обязательно.

— Правильно. Я тоже так считаю,— согласился Гаранин и подробно рассказал о своем двухнедельном пребывании в колхозах левобережья. Конечно, там тоже не все с восторгом и пониманием относятся к такому, в сущности очень сложному делу, но экономика колхозов, интересы ведения укрупненного хозяйства просто-напросто требуют перестройки некоторых сел и деревень.

Удачин удивленно спросил, обращаясь к Курганову:

— Я не понимаю, зачем эти пламенные речи? На ошибку нам указал лично товарищ Заградин? Так? Так. А мы здесь о чем говорим? Ревизуем его указания?

— И любите же вы, Виктор Викторович, ярлыки приклеивать,— морщась, заметил Гаранин.

Курганов не спеша постучал карандашом по столу. И было непонятно, к кому относится его сигнал,— к Гаранину или к Удачину.

— У меня, товарищи, есть вот какое предложение: давайте вынесем этот вопрос на пленум. Дело серьезное, ошибка не просто какого-то текущего порядка, а носит политический характер. Пусть пленум и разберет.

— Но на пленум мы выносим итоги года? — заметил Виктор Викторович.

— Ну и что? Обсудим вместе.

— Не понимаю, зачем все валить в одну кучу? Это же совсем разные вопросы,— недоумевал Удачин.— Давайте поставим их раздельно.

— А по-моему, вопрос один — наша работа по руководству селом... Ее и обсудим...

. . . .

Удачина принимал Мыловаров. Виктор Викторович хотел попасть к Заградину, но Павел Васильевич беседовал с группой агрономов. А раз пришли агрономы, объяснил помощник, значит, это очень надолго.

— Садитесь, товарищ Удачин,— с интересом разглядывая посетителя, пригласил Мыловаров.

— Я приехал, чтобы информировать областной комитет о некоторых событиях, происходящих в нашем районе.

— Очень хорошо.

— Я прошу иметь в виду, товарищ Мыловаров, что я не имею никаких личных счетов с товарищем Кургановым. Наоборот, мы почти друзья. Но тем не менее я буду вынужден говорить о нем, руководствуясь не личными, а глубоко принципиальными соображениями...

— Я слушаю вас.

...Удачин, узнав о приезде в район Заградина, не находил себе места. Он был в это время дома и поспешно пришел в райком. Однако Заградин и Курганов уже уехали.

Его глубоко оскорбило то, что он не был приглашен ни на беседу, ни на поездку. «Затирает, боится, что забью»,— со злостью думал он о Курганове.

Когда на бюро райкома выяснилось наконец, зачем приезжал Заградин, Виктор Викторович где-то в глубинах своей завистливой души даже обрадовался и, может быть, впервые перестал сожалеть, что он только второй секретарь, а не первый. Ведь теперь он всегда сможет доказать, что сселение деревень — это ошибка лично Курганова и прежде всего Курганова, а он, Виктор Викторович, к ней имеет самое отдаленное отношение. «В конце концов, должны мы были выполнять указания первого секретаря, да еще согласованные с обкомом? Должны! Это понятно каждому. Значит, надо прежде всего позаботиться, чтобы не попасть с товарищем Кургановым в общую компанию. Значит, хоть с опозданием, но надо сигнализировать... И осторожность, сугубая осторожность». Удачин в последнее время старался не показывать Курганову своего недовольства, подчеркнуто аккуратно выполнял его задания. Но боже мой, только он сам знал, каких усилий ему все это стоило! Не так-то просто делать то, что тебе не по душе, выполнять указания и поручения человека, которого ты невзлюбил с первого дня его приезда в район. Да и за что было его любить? За то, что он, не стесняясь и не церемонясь, ломал порядки, установленные с его, Удачина, участием? Менял или привлекал на свою сторону людей, с которыми Виктор Викторович работал? Удачин убедил себя и глубоко уверовал, что, не согласись Курганов ехать в Приозерск, наверняка возник бы вопрос о выдвижении Удачина.

Нынешний визит в обком был, таким образом, вполне закономерным и продуманным поступком, хотя решение пришлось принимать быстро.

— Я считаю, что товарищ Курганов ведет в районе неправильную политическую линию.

Мыловаров вскинул брови:

— Обвинение серьезное. Чем вы можете его подтвердить?

— Буду называть только голые факты. С кукурузой — самый настоящий провал. Посевы погибли почти во всех колхозах. С укрупнением перегибы, да еще какие. Старые кадры избиты, в колхозы же посылаем мальчишек. Ну, а историю с сселением вы знаете. В ней особо возмутительно

то, что актив района и даже мы, руководители, были обмануты. Нам было сообщено, что это мероприятие было одобрено областным комитетом и даже выше.

— Мы действительно были согласны с этим предложением,— спокойно заметил Мыловаров.

— Да? — Удачин, удивленный, сбился со своей мысли. Но быстро нашелся.

— Я допускаю, что отдельные товарищи могли согласиться с Кургановым. Допускаю. Но зачем сейчас прятаться за спину этих товарищей, прикрываться авторитетом обкома?

— Прятаться, конечно, ни к чему,— согласился Мыловаров.

— А методы работы? Ведь он ни с кем не считается, ни с кем не советуется. Актив стонет от кургановщины. В полном смысле стонет и ждет, когда будут приняты наконец радикальные меры.

Долго еще говорил Удачин. В кабинет уже несколько раз заходил помощник, напоминая Мыловарову о людях, ожидающих приема, о начинающемся совещании и других неотложных делах, но Удачин все говорил. Виктор Викторович впал в уже знакомое состояние токующего тетерева, не слышащего ничего вокруг себя. Остановить его было трудно. Мыловаров, не любивший такого рода речей, вынужден был выслушать Удачина до конца.

— Что же вы мне ответите?— с чувством исполненного долга спросил Удачин, когда беседа наконец подошла к концу.

Мыловаров задумался: «Что ответить? Рассказать этому Удачину все как есть? Ведь и они в обкоме не находят сейчас себе места из-за этих же вопросов».

Обкомовцам самим еще предстояло разобраться во всех этих делах. Ведь они тоже увлеклись новшествами, пришедшими от ближайшего соседа. Хрущев, приехавший с Украины и вставший во главе Московской областной партийной организации, начал вести сельские дела, как в раздольных Украинских степях. По его настоянию все колхозы области стали возделывать кукурузу, сорго, сахарную свеклу и другие южные культуры. Он же выдвинул и начал осуществлять идею коренной перестройки подмосковных сел и деревень. Все это подтолкнуло руководителей соседних областей к подобным же шагам и мерам.

Однако оказалось, что в Центральном Комитете партии на этот счет было иное мнение. Возникли вполне естественные вопросы. Почему такая спешка? Возможно ли сейчас,

когда еще не залечены раны, нанесенные войной, поднять такое огромное дело? Сможет ли страна в современных условиях экономически и производственно обеспечить необходимую помощь деревне в решении столь сложных проблем? И это ли главное сейчас?

Вот так складывалась ситуация с инициативой по слиянию деревень, и Мыловаров, слушая Удачина, думал, что и как ему ответить на его гневные вопросы. После продолжительного молчания он проговорил:

— Дело серьезное. Оно, как вы понимаете, требует проверки, тщательного разбора и взвешенных решений.

— Ну, проверять-то особенно нечего. Все эти факты хорошо известны и ясны, пагубность кургановской линии чувствуют на себе все колхозы, весь район.

— У вас ведь скоро пленум. Так? Ну так вот, послушаем, что скажут члены райкома...

— Это, конечно, важно, что скажут члены райкома,— сумрачно и настороженно согласился Удачин.— Но дело настолько серьезно, что им должен заинтересоваться сам обком.

— Обязательно. Как видите, уже интересуемся. Полдня беседуем с вами. Разберемся. В чем вы правы, в чем ошибаетесь.

— Ошибаюсь? Почему вы так думаете?— настороженно спросил Виктор Викторович, а про себя подумал: «Не перегнул ли я? Что-то не больно в восторге он от моего разговора. Они явно не спешат обвинять Курганова».

— Односторонняя информация, как известно, не может служить основанием для выводов,— сказал Мыловаров.

«Надо сделать вид, что сам еще не уверен, что приехал советоваться», — лихорадочно соображал Удачин и смиренно, сложив руки на коленях, спросил:

— Как посоветуете мне, товарищ Мыловаров, на пленуме райкома все эти вопросы поднимать или...

— Смотрите сами. Но раз, как вы говорите, коммунисты района возмущены, то молчать они, конечно, не будут. Верно?

— Да, да. Конечно,— поспешно согласился Удачин.

Когда Виктор Викторович возвращался в Приозерск, на душе у него было невесело, смутное сознание чего-то шаткого, неясного не проходило, оно назойливо липло, словно мокрая паутина к лицу.

...Курганов сегодня не стал вызывать машину, а пошел

домой пешком. Шел долго, не спеша, тяжелой усталой походкой.

Большим трудом ему давалось Приозерье. Сколько энергии было потрачено, чтобы возродить у людей веру в себя. Сколько положено сил, сколько бессонных ночей! Правда, люди всегда видят старательного, работящего человека, всегда заметят того, кто, не жалея, отдает себя делу и долгу. Вот почему хоть и немного побыл Михаил Сергеевич в районе, а полюбился крепко. Везде он был желанным гостем, разумным собеседником и советчиком. И тем горше ему было думать, что в новом деле, к которому райком призывал людей, допущена ошибка, что райком и он, Курганов, прежде всего повели людей не туда, куда нужно. Разговор с Заградиным вконец его озадачил. Обеспокоил его и сам Павел Васильевич. Какой-то удрученный, сумрачный, усталый.

Придя домой, Курганов медленно разделся, сел за свой стол. Задумался.

— Что с тобой, Сергеич? Что-нибудь стряслось? — Елена Павловна давно уже стояла в дверях и удивленно, обеспокоенно смотрела на мужа.

Курганов встал и, подойдя к Елене Павловне, прислонился к ее плечу.

— Так, ничего особенного. Просто твой старик, кажется, серьезно ошибся.— Затем, вздохнув, спросил: — Может, чаю выпьем?

Елена Павловна не стала выспрашивать. Раз не говорит, значит, нельзя. Когда будет можно — скажет без расспросов. Правда, обычно это бывает уже после того, как о событии узнают все, когда о нем напишут в газетах или обсудят на собраниях.

Остро и мучительно переживал Курганов то, что произошло. В его жизни было немало радостей, бед и сложных положений. Да и может ли настоящая жизнь идти, словно накатанная асфальтовая лента шоссе? Это уже была бы не жизнь, а прозябание. Так всегда думал Курганов. Но эта обычно успокаивающая мысль на сей раз не приносила облегчения. И, отступив от обычных своих правил, Михаил Сергеевич рассказал Елене Павловне все — и о приезде Заградина, о бюро, о давних неладах с Удачиным. Тяжело было на сердце, и эта тяжесть отдавала физической болью во всем теле.

— Ну что ты, Миша, мучаешься, в самом деле. Неужто скис?

Михаил Сергеевич взял сухую, уже морщинистую руку

жены и прижался щекой. Держал ее долго, ни о чем не думая.

— Не надо так расстраиваться, Сергеич. Ну чего ты, в самом деле? И вообще, может, пора... что-нибудь взять полегче?

Курганов с удивлением взглянул на жену.

— Ты что? На покой мне предлагаешь?

— А что тут такого? Ты свое сделал. И зверем на меня смотреть нечего. Я понимаю: оскорбленное самолюбие взыграло. Как же так, Курганов — и вдруг ошибся?

Елена Павловна понимала, что говорит не то, но нарочно шла на это. Она очень хорошо знала мужа. Надо было вызвать его на спор, дать выговориться, чтобы он отвел душу. Это она мастерски умела делать. После таких домашних дебатов Михаил Сергеевич успокаивался, словно вулкан после извержения.

Курганов сурово посмотрел на жену, горячо заговорил:

— Дело вовсе не в том, оставаться мне в райкоме или не оставаться. Меня угнетает другое — видимо, я чего-то важного не понимаю. Всю жизнь думал, что село, жизнь колхозную знаю как свои пять пальцев, а оказалось... Ну, пусть мы рановато начали. Без тылов... Но ведь не во всех колхозах положение одинаково. У многих есть все нужные условия. Почему же им надо ждать? Чего? Зачем? Потому что кто-то не успел всего этого осмыслить и теоретически осветить?

— Вот за такие слова тебя в два счета приведут в божеский вид.

— Пусть приведут, но понять, разобраться я должен.

Долго еще Курганов говорил, спорил, доказывал, сомневался. Елена Павловна терпеливо его слушала.

. . . .

Дня через два Курганову позвонил Мыловаров и спросил:

— Как ваш второй?

— Удачин? Ничего.

— А конкретнее?

— Район знает. Работает, правда, рывками, по настроению. Ну да ведь и на солнце есть пятна.

— Он был у нас. Серьезные замечания имеет. У вас пленум-то когда?

— Через неделю.

— Вот и хорошо. Пусть обо всем подробно выскажется.

— А разве мы кому-нибудь не даем этой возможности? Пусть говорит, что хочет и сколько хочет.

— Здесь он наговорил много. Хотим проверить эти фак-

ты на мнении актива. Так что не стесняйте его. На пленум, видимо, приеду я, а возможно, и сам Заградин.

Положив трубку, Михаил Сергеевич задумался.

«Почему Виктор Викторович поехал в обком втихую, ничего не сказав? Зачем ему это понадобилось? Жаловаться поехал. Почему не поставил свои вопросы перед бюро? Это же беспринципно... Скажет — критика. Но какая же, к черту, критика — шептать за спиной? Не по-партийному, нечестно поступает второй секретарь». Чувство полного разочарования в Удачине, обида на него остро охватили Михаила Сергеевича, и он долго сидел один, молча, устало опустив плечи...

Глава 39

БЫЛОЕ ЗАБЫВАЕТСЯ С ТРУДОМ

Корягин вернулся в Алешино неожиданно, не предупредив дочь ни письмом, ни телеграммой. С попутного грузовика высадился загодя, не доезжая с полкилометра до деревни, к дому шел, когда стемнело. Не хотелось встречаться с односельчанами — не миновать тогда расспросов: что да как, хорошо ли живется в костромских лесах, когда приехал и надолго ли...

В Алешине он не был давно, с той самой поры, как уехал на заготовки.

Через день или два после памятной беседы с Толей Рощиным Корягина вызвали на заседание райисполкома. Мякотин долго исподлобья смотрел на Корягина и в упор спросил:

— Доверить тебе можно? Художества свои бросишь?

Корягин хотел вспылить, повернуться и уйти с заседания, но Мякотин невозмутимо и озабоченно продолжал:

— Ты не ерепенься. Десять бригад под твоим началом будет. И все молодой народ. Можно по-всякому повернуть. То ли на дело, то ли на безделье.

Корягин, не глядя на Петровича, спросил:

— Что имеешь в виду?

— Что я имею в виду, ты знаешь. И переспрашивать нечего.

Степан Кириллыч подумал: «Что это Мякотин так на меня взъелся — и тогда на бюро, и сейчас? Но ссориться с ним не следует. Упрется — все испортить может». Смирив гнев, Корягин глухо вымолвил:

— Ладно, председатель. Понимаю, о чем разговор.

— Ну, если понимаешь — тогда и толковать нечего.

Уменья у тебя хватит, хватило бы желанья. Хорошо дело поставишь — колхозы спасибо скажут. Без лесу, сам знаешь, каково в хозяйстве.

— Будем стараться.

— Тогда в добрый час. Смотри ребят не обижай. За батьку им будь.

Из райисполкома Корягин зашел в райком к Удачину. Тот встретил его радушно, весело, много и долго говорил о том, как правильно поступил Степан Кириллович, согласившись ехать в Шарью.

— Время — лучший лекарь в таких делах. Пусть все уляжется, утрясется, потом видно будет. А дело тебе поручили нешуточное, я даже удивляюсь, как на это Курганов согласился.

— Он здесь? — поинтересовался Корягин.

— Здесь, только ты не рвись туда. Все решено, все согласовано.

— Да я не рвусь. Но сказать пару слов хотелось бы.

— У него, кажется, кто-то есть.

— Тогда не пойду.

В это время в кабинет вошел Курганов. У него, видимо, было какое-то дело ко второму секретарю, но, увидев Корягина, он сразу заговорил с ним:

— А, Корягин! Здравствуйте. Как дела? Сборы закончили?

— Почти. Остались мелочи.

Курганов взял стул, сел около стола Удачина и стал расспрашивать Корягина обо всем, что касалось его предстоящей поездки.

Познакомился ли он с бригадирами, и как у людей с одеждой, обувью, инвентарем, иструментом... Расспрашивал, а сам пытливо вглядывался в лицо Корягина, ловил его взгляд, пытался проникнуть в глубину мыслей, понять, с какими думами едет он в лес. Михаилу Сергеевичу очень хотелось, чтобы не подвел их Корягин. По долгому опыту работы с людьми он хорошо знал, что к жизненным событиям, схожим с корягинскими, люди относятся по-разному. Одни никнут, как колос на осеннем ветру, уходят в себя, живут ни шатко ни валко. Они обычно становятся очень дисциплинированными, исполнительными работниками, но безвольными, безынициативными руководителями. Большое, боевое дело им поручать не следует. Другие — переживают случившееся долго и мучительно, глубоко в сердце носят обиду, всех и каждого считают причиной своих бед. Таким поручить что-

то большое тоже нельзя. И особенно власть над людьми. В своем ожесточении они обязательно впадут в крайности. И есть третья группа — те, которые переживают свою беду тоже глубоко и долго, но винят в ней прежде всего самих себя. Они не ищут на каждом шагу врагов и недругов, а в работе, в каком-нибудь хлопотливом и беспокойном деле стараются забыть, умерить боль обиды. Увлекаются делом, находят нужный тон взаимоотношений с людьми, с товарищами — и, глядишь, через какое-то время полностью возвращаются в строй. Возвращаются, обогащенные житейским опытом, закаленные. Вот именно о таких и говорят: за битых двух небитых дают...

Курганов, беседуя с Корягиным, все время прикидывал, к какой группе можно будет отнести этого человека. Очень хотелось Михаилу Сергеевичу, чтобы бывший председатель алешинского колхоза оказался лучше, чем можно было предположить. Хотелось, чтобы взялся он за ум, сбросил с себя репьи деляческих замашек и привычек, сошел с темных и извилистых путей-дорог. Ведь как ни говорите, а человек проработал много лет на колхозных делах, в свое время принес немалую пользу. Нет, неистребима была у Курганова вера в людей, в их хорошие качества и задатки.

— Ну а настроение, настроение как? Обида не гложет? На людях свои обиды вымещать не будешь?

Корягин понимал, почему беспокоятся Мякотин и Курганов, понимал причину их сомнений и постарался успокоить секретаря райкома.

— Не беспокойтесь, товарищ Курганов. Конечно, ударили вы меня крепко, наотмашь, но голова на плечах есть, понимаю.

— Ну что ж, Корягин, тогда желаю удачи. Это для вас самая лучшая возможность вернуть себе доброе имя.

Когда Курганов вышел, Удачин, не проронивший за время их беседы ни слова, с ухмылкой сказал:

— Поговорили — что меду напились.

Корягин в тон ему добавил:

— Стелет мягко, а не поспишь. Рукастый, черт. Отыскался где-то на нашу голову.

Когда Степан Кириллович вернулся из Приозерска, Зина за обедом спросила:

— Папа, ты хотел поговорить с Василием. Когда ему можно прийти?

Корягин поперхнулся. Он знал, что этот разговор неиз-

бежно возникнет, ждал его каждый день, и все-таки слова дочери вызвали горечь и досаду.

— А может, потом, ближе к весне, когда приеду из Шарьи?

— Мы решили в это воскресенье расписаться.

— Ну раз вы решили, тогда зачем же мне с ним встречаться? Чтобы лишний раз полюбоваться его неказистой физиономией? Обойдетесь без меня.

Зина, удивленная, долго смотрела на отца, а затем, едва сдерживая гнев и слезы, проговорила:

— Папа, ну сколько можно тебя уговаривать? Ты же меня измучил, совсем измучил. На людях появиться стыдно — все спрашивают: долго, говорят, отец тебя взаперти держать будет? Совестно даже. Ну почему ты нам мешаешь? Почему?

Степан Кириллович поглядел на готовую расплакаться дочь, подошел к ней, погладил по голове.

— Ну ладно, ладно. Чего расшумелась? Успокойся.

Зина порывисто высвободилась из-под его руки. Упрямство отца наполнило гневным протестом все ее существо. Ей казалось, что если она и сегодня, вот сейчас, опять уступит ему, не настоит на своем, то может случиться такое, что будет трудно, а может, и невозможно поправить.

— В воскресенье мы распишемся, папа, так и знай.

Степан Кириллович опять посмотрел на дочь. Глаза — полны слез, щеки пылают румянцем. Ему подумалось: «Тоже характерец. Упрется — не сдвинешь. Наша, корягинская порода».

...Много грустных, тяжелых мыслей вилось в голове у Корягина, пока он ехал до Шарьи. «Да, что ни говори, а жизнь зло пошутила над тобой, Степан Корягин. Зло, ехидно пошутила. Когда-то вон какими делами ворочал, в славе и почете был, на весь район, а сейчас тащишься черт-те куда. Дочь замуж выходит, а ты от свадьбы бежишь. А может, зря я не остался до воскресенья?» Однако Корягин тут же отбросил эту мысль. «Тоже мне свадьба. Какая уж это свадьба. Эх, как бы сыграл я ее годом-двумя раньше! На всю округу, на весь район звон бы шел. Корягин дочь выдает!— говорили бы везде. А сейчас? Соберутся Васькины приятели да дочерины подружки, попляшут свои кадрили да румбы-тумбы, песни поголосят, и все. Нет, пожалуй, даже хорошо, что не остался...»

Лесное дело Корягину было знакомо, бригадиры подобрались толковые, да и технолог — молодой парень из леспромхоза тоже показал себя довольно смышленым. Толь-

ко работай. Но не лежало ни к чему сердце. Часто на Корягина находила тоска — гнетущая, неизбывная. Тогда он шумел, кричал на людей, сквернословил, злобился. Сначала ребята как бы не замечали этого. Потом стали останавливать. Когда же Корягин распоясался особенно бесшабашно — позвали на общее собрание. Разговор вышел короткий, но крутой.

Степан Кириллович возмущался:

— Я здесь старший, отвечаю за вас. А вы меня обсуждать, прорабатывать? Кому не нравится — скатертью дорога, возвращайтесь.

Ему ответили не резко, но твердо:

— Старший? Да, старший. И мы готовы слушаться. Но, если будешь безобразничать, уезжай лучше от греха, обойдемся без тебя. Отпишем в Приозерск — распустился, мол, Корягин вконец, и негоже ему людьми руководить.

Корягин обвел взглядом ребят. Молодые, безусые лица, а в глазах твердость, уверенная независимость.

Степану Кирилловичу невольно вспомнился Василий Крылов, его упрямый взгляд.

«Такие же, как Васька»,— со злостью подумал он, но стал смирнее. Понял, что здесь тоже смогут обойтись без него.

Когда кончился лесозаготовительный сезон и бригады уехали в Приозерск, Корягин остался работать в леспромхозе. Может, и вторую зиму прозимовал бы Корягин в Шарье, только смутило его письмо приятелей — Никодимова и Ключарева.

Писали они ему и раньше. Но это письмо было особое, оно выбило Степана Кирилловича из привычной колеи, взбудоражило, вызвало разные мысли и планы. Приятели писали, что в Приозерске вновь ожидаются такие же события, какие были два года назад. Комиссия за комиссией проверяют колхозные дела, а по поводу укрупнения колхозов и сселения деревень прямо-таки целое следствие учинено. Кажется, предстоят довольно значительные дела...

Новость, сообщенная Никодимовым и Ключаревым, была столь неожиданной и важной, что Корягин не смог уснуть. Раз Курганов со своими затеями горит ярким пламенем — значит, все должно пойти наоборот. Так сказать, шубу наизнанку будут выворачивать. Нет, в такое время не здесь, в лесу, отсиживаться надо, а там, в Приозерске, быть, чтобы о себе напомнить, чтобы легло на чашу весов и его, корягинское, дело, не были забыты и его, корягинские, обиды.

...В Алешине он за эти два или три дня осмотрел все, что

можно было осмотреть. Ходил один — и на поля, и на фермы, и в амбары, и на скотные дворы. Ходил молча, не очень вступая в разговоры, скупо и неохотно отвечая на расспросы людей.

Дома он тоже был молчалив, но пристально приглядывался к тому, как живут молодые. И как ни старался Степан Кириллович — не много он нашел того, что тешило бы его душу, что лечило бы его боль.

Хоть и не очень упитан скот, но на ферме порядок. Семена тоже — отсортированы, засыпаны полностью. И снегозадержание идет, и удобрения возят. Односельчане опять же не жалуются, не шумят. С ним, с Корягиным, говорят и здороваются так, будто он и не был у них хозяином столько годов. И без зла, и без радости. Приехал? Ну и хорошо. Всяк к родному углу тянется.

Да, Корягин видел, что Крылов управляется с алешинскими делами. Ну, может, не так шумно, не так ловко, как это делал он, Корягин, но управляется.

Вечером Степан Кириллович объявил Зине:

— Завтра я в Приозерск подамся. Приготовь мне на день, на два кое-чего из еды.

— Хорошо, папа, приготовлю.

Василий, до этого молчавший, включился в разговор:

— Какие планы, какие думки, Степан Кириллович?

Корягин тяжело поднял брови, сумрачно посмотрел на Василия.

— А что это ты моими думками да планами вдруг заинтересовался?

После приезда Корягина они разговаривали мало, оба старались не касаться того, что могло вызвать спор, обостренный разговор, ссору.

— Ну, а как же? Не чужие мы. Да и полагается.

— Не чужие, это верно,— с мрачным вздохом согласился Корягин.— Только и родня не ахти какая. Зять называешься, рюмкой водки тестя угостить не удосужился.

Василий покраснел, досадливо прикусил губу.

— Ничего, Степан Кириллович, как говорится, стерпится — слюбится. А с рюмкой — тоже дело поправимое,— он подошел к шкафу с посудой, вынул оттуда поллитровку.

— Угостить тестя — не проблема. Хотя хозяйка наша это дело дюже не одобряет, ну, да ладно. Раз попал я под критику — нарушу запрет. Зинок, прошу не делать страшных глаз. Мы по махонькой.

— Да я к слову,— невнятно стал было объяснять Корягин.— Могу купить и сам, пока трудоспособный.

— Ну что вы такое говорите, папа,— с досадой проговорила Зина.— Что, Васе жалко, что ли... Просто не люблю я это, вот и все.

— Ну, любить ты ее можешь не любить, а выпить с нами должна.

— Нет, нет, мне нельзя.

— Нельзя? Это почему же?

— Нельзя ей, нельзя,— вдруг покраснев и смутившись, ответил за нее Василий и стал заботливо прикрывать шалью Зинины плечи.— Ну... сами понимаете.

— Ах вот оно что. Значит, дедом скоро буду? Поздравляю.

Проговорив это, Степан Кириллович замолчал. Удивительное дело — большая новость, что стала ему сейчас известна, нисколько его не обрадовала. Даже, наоборот, вызвала мрачные мысли. «Вот и дедом скоро буду, старик уже, а жизнь пока все вкось идет... И все из-за таких вот». Он исподлобья посмотрел на Василия. И хоть тот смотрел на тестя дружелюбно — по молодости долго обид не помня,— Степан Кириллович поймал себя на мысли, что так же не любит этого человека, как и раньше. После долгого молчания он спросил Василия:

— Ну, а как в укрупненном-то колхозе поживаете?

— Да ведь вы, Степан Кириллович, видели все. Все наши закоулки обходили, все высмотрели. Что же спрашиваете?

— Ну, высматривать не высматривал, но кое-что видел. Неважнецки хозяйничаете.

— Да? В чем же? — с готовностью наклонился к тестю Крылов.

Но Корягин, не ответив на вопрос, перевел разговор на районные дела.

— Говорят, нынешнее районное начальство до ручки дохозяйничалось.

— Вы о чем это? Что-то не пойму.

— Ну, как же? Курганов-то ваш засыпался. Наломал таких дров, что не только область, а центральные власти никак не разберутся.

— Вы имеете в виду сселение деревень?

— И сселение, и укрупнение, и все такое прочее. По головке не погладят, будьте уверены.

Зина, молча слушавшая разговор, проговорила:

— Приезжали и к нам. Тоже все выспрашивали, что, да как, да почему.

— Ну, а как же? Прославились на всю область и даже дальше,— осклабился в довольной усмешке Степан Кириллович.

— Не знаю, чего вы так радуетесь, Степан Кириллович. Думаю, что попросту не разобрались в ситуации. Если, например, говорить об укрупнении колхозов — то дело это разумное, и все видят, что, кроме пользы, ничего другого мы от него не имеем.

— Ну, а сселение? Тоже одобряешь?

— Мы прикидывали и так и этак. Если Алешино, Соленково да Вяхирево свести в один поселок — гораздо сподручнее будет.

— Сподручнее... Скажешь тоже. Фантазеры вы вместе со своим Кургановым, фантазеры. Не настоящие вы люди, не от земли, не понимаете, что такое деревня.

— Да уж конечно. Только, где я родился и рос, вы вроде должны бы знать.

— Рос-то здесь, а толку что — ни черта в нашем деле не смыслишь, раз в одну дуду с Кургановым дудишь.

— А что, может, мне сподручнее бы в вашу да удачинскую дуду наигрывать?

— Ну, где там. Как это говорится — в чьей телеге едешь, того и песню поешь. Председателем-то тебя Курганов сделал.

— Председателем меня колхозники избрали. А что касается Михаила Сергеевича, то что ж вам сказать — ладошкой солнца не закрыть. Вот так-то, Степан Кириллович.

— Вишь любовь какая. Смотри, как бы каяться не пришлось.

— А вы меня не пугайте.

— Да я не пугаю, а предупреждаю.

— Вы, папа, зря о Курганове так. Его у нас очень уважают,— вставила свое замечание Зина.

Степан Кириллович помолчал и, сдерживая досаду, махнул рукой:

— Не тому богу молитесь. Хватитесь, да поздненько будет. Ну, да ладно. Каждый с ума по-своему сходит.— И, обращаясь к Василию, проговорил:

— У меня к тебе небольшая просьба. Как к председателю.

— Какая? Пожалуйста.

— Пухов мне в Шарью писал. Хлопочет он по своему делу. Нужна ему справка, что за живность, которую в колхозе брал, он полностью в расчете. Платить он действительно

платил, это в бухгалтерии известно. Так что дай для него такую бумаженцию.

— Дело это не простое, Степан Кириллович.

— Под суд идет человек. Помочь надо.

— Под суд он идет правильно. Давно пора. А насчет справки посоветуюсь с правлением, но, думаю, не дадут.

— Это почему же?

— Все дела у нас проверены следователем, какие материалы нужны были — все взяли.

— Ох, и заковыристый ты человек, Василий.

— Степан Кириллович, поверьте, нельзя этого делать.

Корягин встал со скамейки, отошел к печке, закурил и долго жадно затягивался папиросой, стараясь унять гнев и волнение. Василий тоже сидел насупившись, глядя в стол. Зина попробовала смягчить возникшую размолвку.

— Ну, что вы сразу в ссору ударились? Обсудите все по-людски, объясните друг другу. Неужто нельзя обойтись без ругани?

— Если уж на то пошло,— не слушая Зину, горячо заговорил Корягин,— то такая справка и мне нужна. Ты понимаешь, Крылов? Мне. Лично. Я тоже буду поднимать свое дело. Затем и приехал. И бумагу о том, что колхозу все долги за скот и птицу возмещены, придется выдать. Или тоже откажешь?

Василий вздохнул, потер ладонью лоб.

— Неразрешимую задачу вы ставите мне, Степан Кириллович. Совсем неразрешимую. Ну, посудите сами. Ведь уплачены нам гроши. Тот же Пухов, например, со своими дружками целое стадо гусей увез, да двух бычков, да поросят. А уплатил сколько? Что-то рублей полтораста. На них и одного пороси не купишь. И так все наши должники. А вы говорите — ущерб возмещен. Как же можно дать такую бумагу? Нельзя этого сделать, Степан Кириллович, совершенно невозможно.

— Значит, и мне не дашь?

— Бумага бумаге — рознь. Какую требуете — и вам не дам. Права не имею.

Корягин шагнул к столу — Зина стремительно вскочила и встала между отцом и Василием, торопливо уговаривая обоих:

— Ну, как петухи, сойдутся — дым коромыслом.

— Говорил я тебе, что подлюга этот твой Крылов, подлюга самая настоящая,— хрипло выдохнул Степан Кириллович, с ненавистью глядя на зятя.

— Ну, ну, Степан Кириллович, прошу потише, без оскорблений.

— Что потише? Почему потише? Я что, не у себя дома? Это ты под чужой крышей живешь. В моем доме находишься. В моем! Не забывай этого. А то можешь в два счета вылететь отсюда. Очень даже просто.

Василий побледнел. Зина тоже. Слова отца хлестнули ее жестокой болью. Она подошла к Василию ближе, прижалась щекой к его плечу. Василий осторожно отстранил ее от себя и, стараясь не сорваться, удерживая нервную дрожь, холодно, со злостью глядя в глаза Корягину, ответил:

— Видишь ли, Степан Кириллович, в этом доме я не у тебя, а у жены. Но если мы тебе мешаем, то у меня есть и своя крыша. Завтра же и переберемся.

— Знаем, знаем ваши хоромы. Не больно казисты.

— Ничего. Нам достаточно.

Зина возмущенно проговорила:

— Папа, неужто тебе не стыдно говорить такое? Ты что хочешь, чтобы мы переехали? Ведь ты же сам меня просил не бросать дом.

С большим трудом удалось ей притушить разгоревшуюся ссору. Утром Корягин, не глядя на Василия, спросил:

— Лошадь до Приозерска доехать дашь?

— Уже распорядился, сейчас подъедет.

— Спасибо.

Потом, одевшись и уже взявшись за ручку двери, хмуро, исподлобья гдядя на Василия, спросил:

— Коль запрос по моему делу придет, все-таки ответь. Корягин еще пригодится.

Василий просто, без тени обиды, будто вчера и не было между ними ничего, ответил:

— Ответить, Степан Кириллович,— ответим. Только уж извините, но отпишем все как есть. Иначе не могу.

Оба помолчали. Потом Василий добавил:

— Вот еще что. Вчера я хотел вам сказать, да не вышло у нас настоящего разговора. Не мотайтесь вы как неприкаянный, оседайте в Алешине, начинайте работать в колхозе. Сами видите — дел по горло. Честное слово, отсюда, от Алешина-то, до пересмотра вашего дела ближе всего.

Степан Кириллович холодно, с неприкрытой злостью посмотрел на Василия и, чуть ухмыльнувшись, ответил:

— Под свое начало заполучить Корягина хочешь? Нет, зятек, не выйдет. Двум медведям в одной берлоге не жить.

Василий пожал плечами, хотел что-то еще сказать, но

Корягин уже открыл дверь и, пригнувшись под притолоку, вышел в сени. На крыльце его дожидалась Зина. Она тяжело переживала вчерашнюю ссору и просительно, с болью проговорила, обращаясь к отцу:

— Не задерживайся, папа, долго, возвращайся.

Корягин тронул ее за плечо, хотел что-то ответить, но раздумал и, сухо попрощавшись, пошел к саням.

Зина долго стояла на крыльце, провожая взглядом отца, и слезы медленно стекали по ее щекам.

Глава 40

ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Эту встречу предложил организовать Удачин. После бюро, обсуждавшего сообщение Курганова по сселению, Виктор Викторович позвал к себе в кабинет Мякотина, Ключарева и Никодимова. Сначала все долго молчали, а Удачин с кем-то невнятно разговаривал по телефону. Наконец, положив трубку, он оглядел всех и, бодрясь, с натянутой улыбкой проговорил:

— Дело вот какое. Есть настоятельная необходимость поговорить. Здесь не дадут — мешать будут. Поэтому предлагаю собраться у меня сегодня же. Хозяйки дома нет, и у нас будет полная свобода действий. Организуем нечто вроде мальчишника. Как, согласны?

Возражающих не было.

— Приносить с собой ничего не надо,— предупредил Виктор Викторович.

Собрались около девяти часов вечера. Стол был уже заставлен бутылками, открытыми консервными банками, колбасой и другой снедью. Правда, все было сделано на скорую руку, по-мужски. Хлеб лежал на газете, колбаса и сыр нарезаны толстыми кусками, маринованные огурцы стояли на столе прямо в большой стеклянной банке.

— Вот что значит дом без женской руки! — шутили гости, дружно рассаживаясь.— Что же ты, Виктор Викторович, такую хозяйку из дому отпустил?

Удачин беспечно ответил:

— Хозяйка — дело наживное. Не вернется старая — новую заведем.

— Седина в голову, а бес в ребро? Не совсем ли вы уж рассорились?

— Нет. У нас не худой мир, не добрая ссора. Через день

Людмила появляется здесь, блюдет мое хозяйство. Но так увлеклась своей школой, что больше и говорить ни о чем не может.

Удачин говорил об этом мрачно, недовольным тоном. Разлад с Людмилой глубоко уязвил его, он думал о нем часто, хотя и не говорил никому. Убеждал Людмилу вернуться в Приозерск, грозил, но все было бесполезно. Так и оставались их отношения натянуто-отчужденными. Удачин решил положиться на время. Не раз он думал о настоящем разрыве, но, представив, какие разговоры пойдут в районе, отгонял от себя эту мысль.

Поэтому на вопросы Мякотина он ответил, не кривя душой:

— Нет, нет, Петрович, не бойся, мой моральный облик пока вполне на уровне.

— Ну смотри. А то нам только этого еще не хватает. И так голова кругом идет от разных событий да происшествий.

— Голова кругом идет, а действуем все растопыренной пятерней. Кто в лес, кто по дрова.

Гости хорошо поняли, что имел в виду Удачин, но пока промолчали, ждали, что еще скажет хозяин, зачем позвал.

— Говорят, глас народа — глас божий. Ну так вот, если поговорки не врут, то быть у нас в Приозерске довольно значительным событиям. В районе только и разговора об этом.

— Да, народ толкует... разное,— промямлил Ключарев.

Удачин весомо, значительно проговорил:

— Кое-какие дела могут начаться. Это уже точно.

Мякотин не спеша жевал закуски, к разговору прислушивался внимательно, но не включался в него. Что-то неприятное слышалось ему в озабоченно-серьезных интонациях Удачина, в угодливости Ключарева и Никодимова. Все ждали, что он скажет. Наконец Удачин не выдержал, спросил:

— А ты как думаешь, Петрович, о предстоящих событиях?

— О каких событиях ты толкуешь? Что-то не понимаю.

— Не темни. Ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь.

— О чем идет речь, понимаю, а вот почему вы ведете эти речи, пока понять не могу.— Все молчали. Мякотин продолжал: — Вы ждете, что снимут Курганова? Так? —

И, не дожидаясь их ответа на свой вопрос, ответил сам: — Так, именно так.

— А вы этого не ждете? — вдруг перейдя на какой-то суховато-отчужденный тон, спросил Удачин.— И не хотите этого?

Ответить Иван Петрович не успел. В прихожей раздался звонок, и Удачин, недоуменно переглянувшись с гостями, пошел открывать. Скоро он вернулся успокоенный. Вслед за ним шли Корягин и Вероника Григорьевна Мякотина. Она басовито пророкотала:

— Сижу, понимаете, дома, жду мужа. А тут звонок, Степан Кириллович на проводе. Муженек, спрашивает, домой не завертывал? Нет, говорю, не завертывал. Тогда, говорит, пойдем, я тебе покажу, где он пребывает. Ну я, конечно, согласилась. Надо же знать, куда муж завертывает. Угощайте, Виктор Викторович, даму.

Удачин кисло ответил:

— Пожалуйста, пожалуйста, Вероника Григорьевна. Без женщин любая компания — что заливное без хрена.— Все засмеялись его грубоватой шутке. Мякотин сидел насупясь. А его супруга трещала без умолку.

— Может, ты помолчишь? Заявилась без приглашения да еще шумишь за троих,— морщась, как от зубной боли, проворчал Иван Петрович.— Слова сказать не даешь никому.— И, повернувшись к Корягину, спросил: — Ты-то откуда взялся? Какими судьбами занесло сюда?

— А по мне разве не видно? — Все посмотрели на него. Он был в теплых стеганых штанах, грубой суровой косоворотке, лицо бурое, обветренное.

— Из леса. Прижился. В прошлую зиму возглавил комсомольский энтузиазм. Выполнял рекомендацию товарища Курганова. А нынче уж сам, с тоски. Ну, а как тут? Какие дела-делишки? О чем таком толкуете? Как тут Курганов?

— Неважные дела у Михаила Сергеевича. Неважные,— притворно вздыхая, ответил Никодимов.

— Что такое? — не скрывая заинтересованности, спросил Корягин.

— На сселении деревень промашка вышла.

— Ломку большую затеяли. Дело звонкое. До нас в костромские леса и то вести дошли.

— Ну вот. А оказывается, все это теперь побоку. Ошибка.

— Да, начать — не то что кончить. Как же теперь? Что будет?

Ответил Удачин:

— Выводы могут быть самые серьезные. Нам следует очень серьезно все обдумать. Когда лес рубят, то, как известно, щепки летят. Так вот, надо, чтобы актив Приозерья эти щепки не задели. Пусть товарищ Курганов сам рассчитывается за свои фантазии.

— Правильно, пусть свои бока подставляет,— поддакнул Ключарев.

— В такой ситуации очень важно, чтобы работники района показали свою остроту, принципиальность. Чтобы помогли соответствующим организациям тщательно разобраться во всем этом.

— А что это значит? — настороженно спросил Мякотин, глядя на Удачина.

— А ты что, не понимаешь? Уж тебя-то, я думаю, учить не надо.

— Ты объясни, Петрович, какая тебя муха укусила? Ты что, против приозерцев? — с хмельной веселостью спрашивали Мякотина то Ключарев, то Никодимов.

Вероника Григорьевна решила помочь мужу:

— Ну что вы, что вы. Сам тутошний, сам коренной. Он тоже от варягов-то настрадался.

Эта грубоватая прямолинейность Вероники Григорьевны вызвала шумный восторг всей компании, но Иван Петрович метнул такой свирепый взгляд на супругу, что та при всей своей неукротимости поежилась. Потом он произнес:

— Я вот одного не могу понять. За что вы так невзлюбили Курганова? Ну с Корягиным, допустим, ясно. Ему досталось по самую завязку. А вы-то что кукситесь?

— А вы, может, объясните нам, за что вы его так нежно полюбили? — съязвил Никодимов.

— Я тебе отвечу, Никодимов. Слушай. Любишь не любишь — это не тот разговор. Не серьезный, пьяный разговор. От Курганова мне попадало и попадает куда больше, чем любому из присутствующих. И вы это знаете. Так что любить мне его не за что. Но мы же коммунисты, а не обыватели, черт возьми. Или уж злоба у вас глаза застлала? Может, скажете, что не работал Курганов? Сачковал, жирок нагуливал, по охотам, рыбалкам да рюмкам ударял? Молчите? Даже вы этого не скажете.

— Курганов, поди, и не знает, какой у него верный друг председатель исполкома.

— Не болтай ерунды, Корягин. О серьезном говорим.

Что, разве укрупнение колхозов во вред пошло? Нет же. Факт. А может, вы забыли, что у нас произошло с урожайностью пропашных? Может, нам повредило то, что удобрений получаем вдвое больше, что в МТС парк на целую треть обновился? Может, поставим в вину Курганову, что трудодень в колхозах стал другим? Не издевкой над людским трудом, а действительно трудоднем?

— Все это так, но при чем тут Курганов? — спросил Ключарев.

— Как это — при чем? Думаю, что кое-какое отношение он ко всему этому имеет.

— Имеет, имеет. И к кукурузе тоже имеет. То, что из пятисот гектаров земли больше половины прогуляло целый год, пот и труд людей на ветер брошены. Это тоже его заслуга.

— Виктор Викторович, да будь же ты хоть немного объективен. Чепуха же получается. Что плохо, то от Курганова, что хорошо — невесть откуда. Нельзя же так.

— Послушаешь Мякотина, так при жизни памятник Курганову ставить надо. А я бы его,— Корягин сжал свой тяжелый кулак,— в бараний рог согнул. Не прощу я ему своей обиды.

Его слова подхватил Ключарев:

— Самые опытные люди не у дел. Таких, как Степан Кириллович,— он показал рукой на Корягина,— у нас не один и не два. Десятки председателей заменил. И каких! Весь район на своих плечах держали.

Никодимов тоже вставил свое замечание:

— Встречаю недавно Кучерявого. Поздравь, говорит, я уже без портфеля. Освободили. Теперь заведующий районо товарищ Никольская — бывший директор школы.

— Я возражал,— сказал Удачин.— Дважды на бюро обсуждали. Настоял-таки Курганов на своем.

Мякотин с упреком посмотрел на Удачина.

— Но ведь Кучерявого нельзя было оставлять. Вы же знаете.

— Я, дорогой Иван Петрович, многое знаю. Куда больше, чем ты думаешь. И именно поэтому удивляюсь, слушая тебя. Очень удивляюсь. Ты-то, оказывается, знаешь не все.

Вероника Григорьевна поняла намек Удачина и тревожно посмотрела на мужа. Мякотин сидел, чуть прикрыв глаза. Его полное тяжелое лицо покраснело, пальцы правой руки медленно катали по скатерти маленький хлебный

шарик. Вероника догадалась о буре, что поднималась в душе Ивана Петровича, и поспешила его успокоить:

— Ты не волнуйся так, не волнуйся. Помни, что у тебя сердце и давление. Успокойся, возьми себя в руки.

Мякотин встал, уперся руками в стол и, вперившись взглядом в Удачина, хрипловато произнес:

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Виктор Викторович. Очень хорошо понимаю. Только хоть вместе мы работаем и давно, а меня вы не знаете. Я на чин и должность свою совесть не променяю. Нет. То, что Курганов собирался меня заменить, я знаю. И все-таки считаю его настоящим руководителем. И поскольку вы озабочены позицией актива в назревающих событиях, знайте — моя позиция будет только такой. Так я скажу везде, где спросят.— Проговорив это, Мякотин не торопясь вышел из-за стола и глухо бросил Веронике Григорьевне:

— Пошли домой, здесь делать нечего. А тебе особенно. Пусть тут думают свои думы кулики, на болоте сидючи.

Мякотина провожало мрачное злое молчание.

Глава 41

ГРОЗА НАД ВЕТЛУЖСКОМ

Косте понадобилось лишь полчаса на сборы, да Михаил Сергеевич зашел на десяток минут домой, и вот они уже на пути в Ветлужск. Солнце шло к закату и своими блеклыми желтоватыми лучами золотило глянцевитую ленту шоссе, пушистые снежные шапки на верхушках елей и сосен, выстроившихся вдоль дороги.

Михаил Сергеевич молчал, глубоко задумавшись.

В районе еще совсем недавно шла подготовка к сселению деревень.

Но теперь все замерло.

После поездки Заградина по району Курганов сам набросал и подписал телефонограмму председателям колхозов, секретарям партийных организаций и уполномоченным райкома о приостановке подготовки к сселению деревень. Сделал он это с тяжелым чувством.

Авторитет обкома, Заградина для Курганова был бесспорен, и в любом другом случае он не подумал бы возражать или настаивать на каких-то разъяснениях. Но сейчас он не мог поступить иначе. Слишком большое это было дело, очень болезнен удар, чрезвычайно разительны слова Заградина, чтобы воспринять их сразу, без попытки глубже понять и уяснить, что же произошло.

Вот почему сейчас Курганов, волнуясь и нервничая, торопился в обком. Заградин обещал принять его для более подробного разговора.

...Дежурный скрылся за массивными дубовыми дверями кабинета и, возвратясь, проговорил:

— Пожалуйста, проходите,

Михаил Сергеевич вошел в знакомый кабинет, поздоровался.

— Ну что стоишь? Садись,— мягко и как-то тихо проговорил Заградин.

Таким Курганов редко видел секретаря обкома. Бледное, усталое лицо, глубокие тени под глазами, сидит, сжав своими суховатыми пальцами кожаные упругие подлокотники кресла, весь в напряжении, словно готовится к какому-то горячему и трудному спору.

— Все переживаешь, что приходится приостановить сселение деревень? Так?

— Понимаете, Павел Васильевич, после вашего отъезда я только и думаю об этом. Вчера весь день думал да рядил с нашими старейшими колхозными практиками — Мякотиным, Бедой, Морозовым. Да и с многими другими советовался. Мнение у всех одно — перестройка сел для крупнейших артелей — мера, безусловно, необходимая.

— Для крупных, экономически крепких колхозов — да, мера, может быть, и нужная. У нас же во многих районах, и в вашем в том числе, решили одним махом все побивахом.

— Ну, положим, не совсем так.

— Так, так, чего уж там. Или почти так.

— Хочется скорее поднять деревню. Потому ведь и хватаешься за все, что, кажется, может помочь ей. Кукуруза, сорго, свекла, квадраты, горшочки и прочие премудрости. Кидаешься из крайности в крайность.— Помолчав и тяжко вздохнув, Курганов добавил: — Да и москвичи нас с панталыку сбили.

— Ну это ты зря,— суровато заметил Заградин.— Самим надо тоже думать, на то и головы на плечах. Москвичи-то в порядке, они за широкой спиной Хрущева, а нам, боюсь, придется черепки собирать. Вчера в Кремле был, на заседании Совета Министров. Горьковчане и костромичи отчитывались. По трехлетке. Досталось основательно.

— Отчет, да еще в Кремле,— не шутка,— согласился Курганов.— А что им досталось — не беда. Я готов на любую выволочку, лишь бы помогли...

Заградин мрачновато усмехнулся:

— Я говорю — нам попало. Выволочка, на которую ты согласен, уже была, а в перспективе предстоит и еще большая. Вот так. Ну, а насчет помощи... велено подождать. Понятно?

— Пока нет.

— Оказывается, мы и загибщики, и паникеры, и даже носители мелкобуржуазных тенденций. Вот так. В общем,

сселение деревень, по мнению некоторых товарищей,— не что иное, как левацкий заскок, ненужная и вредная затея. Укрупнение колхозов мы, оказывается, провели не так, как надо. В спешке и искусственно, для того чтобы похвастать, показать себя. Наши ходатайства о списании задолженности с маломощных колхозов по госпоставкам и натуроплате МТС — это негосударственный подход к делу, поощрение иждивенческих настроений колхозников. Как видишь, грехов много. А я ведь перечислил далеко не все.

Заградин испытующе посмотрел на Курганова и, чуть помедлив, закончил:

— Завтра приезжает Ширяев с бригадой.

— Ширяев? Почему? Зачем?

— Поручено разъяснить активу ошибки обкома. Собираем расширенное бюро, так что готовься к серьезной встряске. На Совмине товарищ Маленков был в большом гневе из-за того, что его обошли с этой инициативой. Не доложили. Не испросили согласия. Я слово, а он мне десять — то вопрос, то реплику. Ни объяснить, ни высказаться по существу дела так и не пришлось. В общем, настроены к нам явно недоброжелательно.

— Ну, а товарищ Хрущев? Огрехи-то ведь схожие.

Заградин вздохнул.

— Никита Сергеевич промолчал.

— А товарищ Сталин?

Курганов хотел воздержаться от этого вопроса — почему-то боялся услышать ответ — и все же не мог не спросить.

— Сталина на заседании не было.

Задумчиво, как бы прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу или не выраженному еще смыслу своих слов, Павел Васильевич продолжал:

— Я тоже все время думаю об этом. Как бы Иосиф Виссарионович отнесся к разговору, происшедшему на Совете Министров? Как бы оценил его?

— Я уверен, что товарищ Сталин многого не знает из того, что делается в деревне. Не докладывают ему. А сам — занят, дел по горло. Иначе все было бы по-другому.

Курганов сказал это с непреклонной убежденностью, смешанной все же с каким-то тревожным волнением.

— Да, пожалуй... Иначе на твои вопросы — что и почему — не ответишь,— в раздумье согласился Заградин. И, чуть улыбнувшись, добавил: — Славный ты мужик, Курганыч.

— Какой там славный. Как видишь, и загибщик, и очковтиратель, и выразитель отсталых настроений.

— Ничего! Как говорится, бог не без милости, казак не без счастья.

Заградин знал, что личностью Курганова уже не раз и очень настойчиво интересовались работники аппарата Ширяева. Он предвидел, что Михаилу Сергеевичу может прийтись туго. Знал и то, что сам помочь ему существенно не сможет, так как находится почти в таком же, если не в худшем, положении. Кто его знает, с какими полномочиями едет в Ветлужск Ширяев?

Курганов заметил неприкрытую искристую теплоту в глазах Заградина и хорошо понял его мысли. Над Ветлужском собиралась гроза, предстояли нелегкие дни. Гроза эта, безусловно, грянет и над Приозерьем. Это понимал Курганов. Но, видя этот теплый, заботливый огонек в глазах Заградина, его плотную коренастую фигуру, Курганов подумал: «Ничего. Выдюжим...»

— Что же, Павел Васильевич, будем воевать. Кающихся грешников из нас не выйдет. Не грешники мы. А если ошибаемся... так не ошибается тот, кто ничего не делает. Об этом сам товарищ Сталин говорил, и не один раз. Пусть Ширяев разъяснит, в чем состоят эти самые наши ошибки, загибы и заскоки. Послушаем. Или я не прав?

Заградин подошел к Курганову, положил свою тяжелую руку ему на плечо:

— Прав, Курганыч, прав. Покаянных речей не будет. Да и как они могут быть? В чем каяться-то? Активу говорили одно, Ширяев приехал — другое? Нет. У меня просто язык не повернется.

— Есть тут, правда, одно очень немаловажное обстоятельство...— задумчиво проговорил Курганов. Заградин насторожился.

— Какое?

— Вместо объяснения своих ошибок вступаем в спор с ЦК... Широкая база для любых выводов.

— Ну, Ширяев — это еще не ЦК. А потом... Я просил меня выслушать, и просил не один раз. Вчера после Совмина опять звонил товарищу Маленкову. «Ширяев разберется»,— таков его ответ.

— А может, и в самом деле разберется? И товарищу Сталину доложит. А? — с загоревшимися глазами предложил Курганов. Заградин, однако, с сомнением покачал головой:

— Коротки ноги у миноги, чтобы на небо лезть...

. . . .

Бюро Ветлужского обкома созывалось по личному указанию Маленкова. Ему уже не раз докладывали о «вольностях» руководителей этой области. То они до получения указаний сверху затеяли укрупнение колхозов, то начали списывать задолженность со слабых артелей, то вдруг затеяли сселение деревень. Было известно, что такие же новшества затеяны в Московской, Ивановской, Владимирской и некоторых других областях. И это вызывало у него еще большее беспокойство. Маленков уже несколько лет руководил сельскими делами в стране, считал себя знатоком аграрных проблем и очень ревностно относился ко всему, что появлялось в сельскохозяйственной практике помимо директив и указаний, рожденных в его кабинете. Именно потому он решил, что «непрошеных инициаторов» надо поправить. И поправить основательно. Но что особенно насторожило и обеспокоило Маленкова, да и некоторых других участников заседания, так это мысли Заградина о положении дел в деревне, его рассуждения о состоянии сельского хозяйства вообще. Конечно, думал Маленков и его сподвижники, первый секретарь обкома и член ЦК может иметь свою точку зрения. Может, но при одном условии — если она правильна... Тут же явно ошибочные тенденции, попытки возвести в десятую степень обычные трудности и обычные неполадки, имеющиеся в колхозном производстве.

С трудом дослушав выступление Заградина, Маленков гневно и резко отчитал его. За паникерство, политическую слепоту, за непродуманный подход к руководству областью. Заградин молча слушал, а затем хотел дополнить, еще раз объяснить свои мысли. Однако его перебил Берия:

— Вы свои рассуждения оставьте при себе. Думайте о своем Ветлужске. А о стране у нас есть кому думать.

Заградин понимал, что от его поведения сейчас зависит очень многое, может быть, вся его дальнейшая судьба. Но отказаться от возможности объяснить руководителям правительства положение дел на селе, высказать то, в чем был глубоко убежден,— отказаться от всего этого он не мог. Заградин хорошо знал подлинную жизнь деревни, видел, что дальше в таком положении она оставаться не может. Никак не может. Вот почему, несмотря на хмурый вид Маленкова, подозрительные взгляды Берия, скептическую ухмылку Кагановича, он громко и убежденно проговорил:

— Деревне надо помочь, Георгий Максимильянович, обязательно помочь. Больна наша деревня.

Пухлое лицо Маленкова побагровело.

— Ничего вы не поняли, Заградин.

Он повернулся в кресле в сторону зала, поискал кого-то глазами.

— Андрей Федорович,— обратился он к Ширяеву,— поезжайте в Ветлужск. Надо, видимо, и товарищу Заградину, и активу области объяснить, что к чему, где юг, где север. А заодно и вообще посмотреть, что там и как там...

— Хорошо, Георгий Максимильянович, все будет сделано.

И, остановив проходившего мимо него Заградина, Ширяев проговорил приглушенно:

— Жди, милок, завтра или послезавтра. Прикатим.

...Много вопросов приходится обсуждать и решать бюро областного комитета партии. Труд, учеба, отдых, беды и горести сотен тысяч людей, требования и нужды сел, деревень, колхозов, предприятий, школ — все это, как и многое, многое другое, стекается сюда, как маленькие ручейки стекаются к большой реке. Вся многогранная жизнь области в той или иной мере обязательно проходит через строгие кабинеты секретарей обкома или через этот просторный зал с высокими окнами. Здесь, именно здесь находят свое разрешение сотни и тысячи трудных и простых, малых и больших дел.

...Сегодняшнее бюро Ветлужского обкома было особенно многолюдным.

Зал заседаний с панелями, отделанными дубом и орехом, был полон. Кроме членов бюро и руководящих работников области, здесь были первые секретари райкомов и горкомов партии, председатели райисполкомов и городских Советов. Люди сидели за двумя длинными столами, извилистыми змейками тянувшимися через зал, заняли все стулья, расставленные вокруг стен. Большие ромбовидные часы с золоченым циферблатом, висевшие в простенке между окнами, показывали двенадцать. Слышался сдержанный шум, говор, шепот собеседников.

Курганов устроился у правой стены около окна. Чуть раздвинув штору, он выглянул на улицу. Там по широкой площади ветер гонял поземку, торопливо проходили озабоченные люди, пробегали машины. Вдалеке на фоне беле-

сого зимнего неба вырисовывались контуры новых жилых корпусов.

Рядом с Кургановым сидело несколько секретарей райкомов. Они перебрасывались между собой короткими замечаниями.

— Что случилось-то? Почему Ширяев?

— Слух есть — нового хозяина дадут.

— Говори тоже. Тогда пленум собрали бы.

— Ну, это момент формальный. Здесь почти все члены обкома.

— Так-то оно так, но почему не пленум, а бюро?

В зал вошли Ширяев с Заградиным. Ширяев сел, а Павел Васильевич наклонился к микрофону.

— Начнем работу бюро, товарищи. Слово предоставляю Андрею Федоровичу Ширяеву.

Ширяев с полминуты сидел, не поднимаясь с места, исподлобья смотрел в зал. Он встретился с десятками внимательных, настороженных глаз, уловил, как быстро стих шумок на задних стульях. Это ему понравилось, и он медлительной, несколько расслабленной походкой подошел к небольшой трибуне у правой стороны стола. Здесь тоже постоял некоторое время молча, пожевал губами, надел и снова снял очки в тонкой металлической оправе. Воротник темно-синей гимнастерки был ему, видимо, тесноват, и он его расстегнул. И только после этого заговорил. Голос у Андрея Федоровича был не густ, хрипловатые нотки перемежались с немощным тенорком, но этого никто не замечал. Его присутствие на бюро предопределяло что-то значительное. Актив знал, что Ширяев и работники его ранга на места ездили редко. И уж если приезжали, то обязательно с большими последствиями. Вот почему каждое произнесенное Ширяевым слово участники заседания слушали с тревожным вниманием.

— Я, товарищи, долго говорить не собираюсь. Кто языком штурмует, не много навоюет. Так-то вот, милые. Почему сегодня собрано бюро Ветлужского областного комитета? По каким таким причинам? А причины важные. Очень важные. В области допущены серьезные, очень серьезные ошибки. Ошибки, граничащие с извращением генеральной линии нашей партии, указаний товарища Сталина по вопросам колхозного строительства. Прискорбно. Очень прискорбно, товарищи. В чем суть вопроса? А вот в чем...

Помолчав и пожевав губами, Ширяев стал перечислять беды и грехи ветлужцев. Их оказалось много, этих бед

и грехов, очень много. Заградин слушал скачущую, отрывистую речь Ширяева и думал, думал до боли в висках. Порой его охватывало нервозно-смятенное состояние. Что же это, в самом деле,— ведь все не так! Все толкуется наоборот. Ставится с ног на голову. Зачем и кому это надо?

Ширяев хоть и обещал говорить кратко, но речь его длилась уже с полчаса. Он повторялся, перескакивал с одного вопроса на другой, вновь возвращался к сказанному, но чем дольше говорил, тем больше голос его накалялся гневом, какой-то неистовой мрачной решимостью. Он еще не слышал ничьих выступлений. Ему не высказывали возражений, но он уже спорил, громил, крушил своих противников. Пусть знают — он, Ширяев, приехал сюда не просто указать обкому на какие-то рядовые недостатки. Нет. Сам товарищ Маленков сказал, что ветлужские выкрутасы переросли в нечто большее, чем ошибки. Здесь уже пахло антигосударственной практикой, отходом от указаний и от самой линии ЦК. А это уже не шутка. Это, если хотите, событие чрезвычайное. Вот почему так порывисто, так гневно говорил Ширяев, так непримиримо он смотрел в зал, испытующе вслушивался в каждое слово, в каждую реплику участников заседания.

Когда же он заговорил о хозяйственных итогах работы области — голос его стал полон сарказма.

— Урожай зерновых — десять — пятнадцать центнеров. Пропашные с трудом натягиваете до ста тридцати, поголовье скота почти на том же уровне. А удои? Где же удои, товарищи? В общем, нахлебники вы у государства, нахлебники. Так-то вот, милые. О высоких материях толкуете, а порядок в собственной избе навести не можете. Да, да. Не можете. Кто тут виноват? Кто?

И громко, почти фальцетом выкрикнул:

— Товарищ Заградин. Да. Товарищ Заградин, как первый секретарь областного комитета. Он, то есть товарищ Заградин, к сожалению, не оправдал наших надежд. Нет, не оправдал. Не разобрался в практических вопросах колхозного производства, совершенно запутался в теоретических. Да, да, товарищи. Это прискорбно, но факт. А факты, как известно, упрямая вещь.

Наконец, призвав бюро и актив беспощадно разоблачать носителей чуждых, непартийных тенденций, вскрыть причины, приведшие к недопустимым извращениям в колхозной жизни, помочь бригаде, приехавшей в область, вскрыть болезненный нарыв на теле Ветлужской партий-

ной организации, Ширяев сел в кресло и, не глядя на Заградина, отдуваясь, бросил:

— Ведите бюро дальше. Активнее ведите.

Заградин медленно поднялся и обратился к залу:

— Что же, товарищи, Андрей Федорович вопрос осветил подробно. Обвинения предъявил нам тяжелые. Как видите, и хозяйничали мы плохо, и думаем, и многое делаем не так. Есть о чем поговорить. Прошу высказываться.

Зал молчал. Молчал долго, напряженно, выжидательно.

— Ты вот что, милок,— вполголоса проговорил Ширяев.— Начинай-ка сам. Объясни, объясни народу. Все объясни. А потом уж и поговорим и обсудим.

Заградин выждал, когда утихнет возникший в зале шум, откашлялся:

— Я думаю, лучше вначале послушать актив.

— А я вам говорю, начинайте.

— Раз настаиваете, то что ж... Только ведь мне спорить с вами придется.

— Спорить? Что ж, спорьте. Только не забывайте, кто вы. Вы пока первый секретарь обкома.

— Помню, Андрей Федорович, хорошо помню. И однако, раз вы приехали объяснить наши ошибки, поправить нас, то придется нас выслушать. Как же иначе?

И уже обращаясь к залу, к участникам заседания, Заградин начал говорить. Подробно, обстоятельно. Каково положение в сельском хозяйстве области вообще, каковы урожаи, экономика колхозов. Говорил без прикрас, ничего не смягчая и ничего не утаивая. И хотя люди, что сидели в этом зале, не раз и не два слышали и эти цифры, и эти данные, видели собственными глазами и те районы и колхозы, о которых говорил секретарь обкома, все равно слушали его, не шелохнувшись, стараясь не пропускать ни одного слова. Ведь он говорил о делах области, а значит, и о них, здесь сидящих, ибо все, что делалось в ветлужских краях, делалось их руками, их трудом, их усилиями. И когда эти люди ночь-полночь тряслись по разбитым осенним дорогам, едучи в районы и колхозы, когда ратовали за укрупнение артелей, за посевы новых культур, когда, не зная ни часу отдыха, мотались по пашням, фермам, МТС, чтобы ускорить сев или косьбу, уборку хлебов или закладку силоса,— все они были убеждены, что делают полезное, нужное дело, выполняют задание партии... А теперь вот оказывается, они делали не то и не так. Как же после этого не слушать Заградина? Ведь они жили и работали

эти два года вместе, и дела и мысли у них были одни и те же...

Заградин говорил негромко, суховато, весь внутренне сосредоточившись, как бы рассуждая, делясь с людьми своими мыслями, сомнениями, планами. Из его слов вытекало, что меры, которые обком начал принимать в колхозах,— совершенно необходимы и неизбежны. Он не скрывал этих своих мыслей, еще и еще раз убеждал людей в своей правоте, доказывал, почему надо было делать то или это, почему решали какие-то вопросы так, а не иначе. Заградин, кажется, совсем забыл, что рядом сидит Ширяев, который ждет от него совсем других слов.

Он прервал его вопросом:

— Значит, вы не согласны с тем, что я говорил? А ведь говорил я, как известно...

— Не только от своего имени. Знаю. Но что же делать? Я так быстро свои взгляды и выводы не меняю.

— И зря не меняете. На некоторые ваши мысли просто-напросто надо наплевать, как говорил Чапаев, наплевать и забыть. Совсем. Будто их не было.— И, уже обращаясь к залу, объяснил: — Товарищ Заградин на заседании Совета Министров тоже сделал несколько очень «важных открытий». Открытия эти сводятся к тому, что все у нас плохо, все черным-черно и солнышка не видно. Рассуждал, как самый отсталый, непонимающий маловер. Мы надеялись, что товарищ Заградин одумался, понял. Ан нет.

Павел Васильевич долго молчал, обдумывая, что и как ему ответить на эту реплику. Он понимал, что Ширяев произнес ее неспроста. Это была проверка — недвусмысленная и явная проверка,— как Заградин относится к оценке, которую дали его выступлению на Совете Министров. А там Берия определил его как трусливое паникерство, Каганович добавил что-то насчет мелкобуржуазных настроений, а Маленков подытожил в том смысле, что рассуждения Заградина не имеют ничего общего с политикой партии в колхозном строительстве.

Заградин подумал о том, как все осложнилось у него и осложняется все больше. Но как быть? Как он мог выступить иначе? Почему? Ведь если бы он не был уверен в своих мыслях, если бы не был убежден, что прав, он бы не стал высказывать их, эти мысли, да еще в Кремле, перед руководителями партии и страны!

— Что же, Андрей Федорович, я объясню и это. Вы совершенно справедливо упрекали нас за слабые урожаи

зерна, картофеля, за малые удои. Если припомните, я утверждал то же самое!

— Но вы-то о всей стране говорите.

— Да, я считаю, что положение в сельском хозяйстве страны у нас таково, что его следует признать чрезвычайным. И сужу об этом не только по нашей области. Положение дел у соседей — и у дальних и у близких — то же самое. Картина общая. Достаточно сказать, что с сорокового по нынешний год при росте промышленной продукции почти в три раза валовая продукция сельского хозяйства по Союзу выросла всего на десять процентов... Мы находимся в плену собственной, и притом совершенно неверной, статистики. Восемь, почти девять миллиардов пудов зерна... Звучит, конечно, замечательно, но дело в том, что этого зерна у нас нет. Это же видовая урожайность, определенная на корню. А амбарного зерна, как считают опытные экономисты, значительно меньше.

— Опытные экономисты? Где это вы их откопали? Уж не в Ветлужске ли? Надо же...

Заградин переждал вспышку Ширяева и продолжал говорить. Приводил все новые и новые цифры, материалы, данные. В зале стояла такая тишина, что даже простой шелест блокнотных листков вызывал досаду. Слишком близок был для всех этот спор Заградина с Ширяевым, слишком глубоко волновал он сидевших здесь людей. По залу то и дело прокатывался то гулкий шум одобрения, то возмущенный шепот, то короткие, но емкие слова сомнений.

— Ну, а ветлужские дела, Андрей Федорович, тоже надо поправлять. Хотя мы можем сказать вам: урожаи как зерновых, так и пропашных мы несколько подняли. С кормами стало лучше. Но этого мало, очень мало. Положение в колхозах остается тяжелым. Только наши дела в значительной мере зависят от того, как будут решаться некоторые вопросы там, в министерствах и других инстанциях. Потому-то мы и тревожимся, потому-то и шумим, потому и толкаемся в высокие двери.

«Зарвался, милок,— подумал Ширяев,— сам на рожон лезет. Ну-ну, послушаем еще».

Все — и горячая убежденность Заградина, и беспощадно резкие формулировки, и непримиримость в каждом слове — все это никак не вязалось с тем, что от него ждал, чего требовал, на что рассчитывал Ширяев и что, по его мнению, он должен был говорить, руководствуясь элементарным инстинктом самосохранения.

— Что надо предпринять? — продолжал Заградин.— Многое. Надо повысить материальную заинтересованность колхозов и колхозников. Этот принцип оплаты труда у нас заброшен. Изучить и изменить нашу политику заготовительных и закупочных цен, разобраться с нормами обязательных поставок некоторых культур. Существенно подкорректировать закон о сельхозналоге, всесторонне рассмотреть проблему технической оснащенности сельского хозяйства...

Ширяев, нервно потерев ладонью бритую голову и колюче сверкнув на Заградина стеклами очков, хрипловатым, будто простуженным голосом проговорил:

— Я все-таки не пойму, куда вы, Заградин, клоните? В колхозах у нас плохо, в совхозах плохо, в МТС хуже некуда. Что вы, собственно, хотите сказать? Что вы предлагаете? Пересмотреть линию партии в деревне?

Заградин отпарировал:

— Ну зачем вы хотите обвинить меня в ниспровержении основ? Не удастся. Линию партии я заменять не собираюсь. А куда клоню и что предлагаю — довольно ясно сказано только что. При этом оговариваюсь еще раз — это лишь часть вопросов, которые надо решать. И решать немедленно, если мы, конечно, всерьез хотим поправлять дела в деревне... Спросите вон людей из районов. Они к селу, к земле ближе... Думаю, что скажут то же, что говорил я.

В зале было одобрительно зашумели, но Ширяев поднял руку. Шум постепенно стих.

— Вы повторяете те же ошибки, Заградин. По вашему мнению, выходит, что наши колхозники чуть ли не с голоду мрут, по миру должны идти. Вы смотрите на все явления только со своего ветлужского пенька. А страна-то наша эвон какая. Вы знаете, например, что доходы колхозников за последнее время возросли втрое? Они в несколько раз выше уровня доходов дореволюционной деревни. Это, милок, не шутка. Это великое дело. И колхозное крестьянство благодарно за это товарищу Сталину.

Заградин улыбнулся широкой, обескураживающей улыбкой и заметил:

— Не иначе как вы мне все-таки уклончик хотите приписать, Андрей Федорович?

Ширяев помолчал. Его бугристые, желтоватые щеки покраснели. Но, не найдя, что ответить на эту реплику, он продолжал начатую мысль:

— Вот вы ратуете за новые постановления, за новые директивы... А ведь у нас выработана замечательная программа

действий — Сталинский план преобразования природы. Это же столбовая дорога в коммунизм. А возьмем трехлетний план развития общественного животноводства. Тоже хорошая, конкретная программа. Правда, кое-где, в том числе и в Ветлужской области, она выполняется плохо. Да, да, плохо. И с этим надо разобраться. Что же касается других вопросов — оплаты труда, обеспечения техникой, удобрениями и т. п.,— то все это давно и хорошо известно, уже в зубах навязло.

— А если известно, то почему не решаем?

— Может, у тебя в запасе есть десяток-другой миллиардов? Дай их нам. Так и быть — подбросим мужичкам.

— Мужички деньгу любят,— послышалась реплика из зала. Ширяев подхватил ее и обрадованно повторил:

— Вот именно. Любят, очень любят. Верно, милок, верно.

Затем медлительно и важно дополнил:

— Ленин учил, что аграрные вопросы наитруднейшие как в теоретическом, так и практическом плане. Я бы советовал вам, товарищ Заградин, помнить это.

— Спасибо, Андрей Федорович, вы меня старательно просвещаете сегодня. Но Ленин никогда не учил нас уходить от трудных вопросов. Наоборот, требовал сосредоточивать на них максимум внимания и энергии. Положение дел на селе чрезвычайное. Я заявляю это со всей ответственностью. Нравится это вам или не нравится, но это так. Я готов нести любую ответственность за свои слова, готов принять любое решение партии — выполню его, как подобает коммунисту. Но прошу об одном — сделайте так, чтобы о нашем споре знал товарищ Сталин.

Ширяев долго непонимающе смотрел на Заградина, потом, глотая и не выговаривая от гнева слова, выдохнул:

— Вы что, что такое говорите, Заградин? Товарищу Сталину? Доложить? Товарищ Сталин все знает и без наших докладов, без ваших нелепых доморощенных соображений...

Говоря это, Ширяев пристально смотрел на Заградина сбоку, будто не узнавая его или видя впервые. Мысли лихорадочно скакали. «Вишь, как он разошелся. «Положение чрезвычайное, катастрофическое...» Надо дать бой, ответить». В этот момент ему подали записку. Она была от работников, что приехали вместе с ним и сидели сейчас в зале. Там было всего несколько слов: «Заградин раскрылся. Пусть выговорятся и остальные его единомышленники...

Яснее будет картина». Ширяев, прочтя записку, несколько успокоился. «Верно,— подумал он,— пусть себя покажут во всей красе».

Он, хмурясь, смотрел в зал, ни на кого отдельно не глядя, однако всем было не по себе. Каждому казалось, что прищуренные, сверлящие глаза упираются в него.

Выступавшие вслед за Заградиным тоже не обрадовали Андрея Федоровича. Ораторы не рисковали браться за общие проблемы, не разбирали вопросов в масштабе страны. Но ветлужские дела разбирали дотошно. Центру досталось тоже — вопросы ставили такие, что Ширяев ежился. С севооборотами плохо? Плохо. С ценами на сельхозпродукцию чепуха? Чепуха. А удобрения, сельхозинвентарь, а торговля в деревне?

После трех или четырех выступлений слово взял Курганов. Он решил про себя, что будет говорить спокойно, «не дразня гусей», как любил сам выражаться. Но в то же время боялся, что не сумеет выполнить это условие. Михаил Сергеевич только что начал свою речь, как Ширяев спросил:

— Вы подробнее расскажите, Курганов, о ваших новшествах в Приозерье. Ведь вы инициаторы. Деревни побоку, вместо какой-то там Загорянки или Осиновки даешь град Китеж. Или, по крайней мере, центр не меньше, чем Ветлужск или, допустим, Калуга. Так, что ли?

Курганов хотел ответить, но Ширяев, покачав головой, продолжал:

— Скажи какие прыткие. Города им подавай. Может, с метро и театром прикажсте отгрохать? Расскажи, расскажи, милок, как вы дошли до жизни такой. А колхозники недоумевают, почему такое? Чем не понравились начальству наши Сосновки и Загорянки? Возмущаются.

— Вы ведь знаете, товарищ Ширяев, что дела эти стали развертываться после статьи товарища Хрущева в «Правде».

Ширяев вспылил:

— Вы за высокие авторитеты не прячьтесь. И потом, это была лишь личная точка зрения товарища Хрущева. Личная. Статья печаталась в дискуссионном порядке. Это понимать надо.

Курганов собирался с мыслями: как ответить? Он понимал, что обстановка и так накалена до предела. Он всем сердцем, всем своим существом был согласен с каждым словом, с каждой мыслью Заградина и неотступно думал,

как, какими доводами дополнить, подкрепить высказанные им соображения.

— Я был во многих колхозах. Возмущенных колхозников не нашел. Непонимающие, сомневающиеся есть, это верно. Но при каком большом деле их не бывает?

Ширяев скользнул по нему взглядом:

— Значит, не искали, раз не нашли. И видимо, плохо знаете положение дел в районе. Мы поручим нашим товарищам более основательно разобраться в них.

— Ну что же, будем рады, если ваши товарищи, подскажут нам, что мы упустили, что сделали не так. Может, предложат какие-то новые меры подъема колхозных дел. Будем благодарны за это. Но я хочу сказать о другом. Почему вы нас так строго судите сегодня, товарищ Ширяев? Урожайность стала выше? Выше. Незначительно пока, но, думаю, перспектива к росту реальная. Поспешили со слиянием деревень. Верно, но эту ошибку мы исправляем, тем более что к практическим-то шагам приступило еще очень мало артелей. И не агрогорода мы имели в виду, мы не фантазеры, а просто хорошие, более или менее благоустроенные села. Андрей Федорович, услышьте наш голос: Заградин целиком прав — надо ведь решать наболевшие у нас вопросы — с удобрениями, с планированием севооборотов, системой государственных заготовок...

Ширяев, не слушая больше Курганова, начал о чем-то спрашивать Заградина. Михаил Сергеевич сбился было с мысли, но, увидев, что зал с напряженным интересом ждет продолжения его речи, продолжал говорить. Соображения по вопросам сселения, цифры, данные, примеры были не раз и не два продуманы, взвешены, проверены, и поэтому говорилось легко, уверенно, деловито. И когда он горячо и взволнованно закончил выступление, в зале раздались шумные аплодисменты. Они были так неожиданны, что Ширяев недоуменно посмотрел в зал и осуждающе покачал головой. А у Курганова спросил:

— За что, милок, такая овация?

Стараясь говорить мягко, но тоном, который не оставлял и малой доли сомнений в сказанном, Курганов ответил:

— Я сказал, что сселение деревень — это не какая-то показная затея и не плод необдуманной фантазии. Нет. Это абсолютно необходимое условие укрепления колхозов. И всякий, кто захочет объективно разобраться, убедится, что этого этапа в жизни деревни нам не избежать!

— Смело; смело заявляете, товарищ Курганов,— постукивая карандашом по столу, проговорил Ширяев.

После Курганова говорили Мыловаров, председатель облисполкома, несколько секретарей райкомов. И мысли, и темы, и тон — все было в поддержку заградинских мыслей. Только два оратора подвергли критике «сомнительную позицию товарища Заградина», но изрекли это не очень убежденно, хоть и громко. Ширяев видел, что их выступления потонули в шуме зала, словно дробинки в бурном водовороте.

«Как прав был товарищ Маленков, говоря, что ошибки Заградина — это отнюдь не обычные, отнюдь не рядовые явления,— думал Ширяев.— Заградин, безусловно, опасный загибщик». Андрей Федорович прикидывал, как закончить этот совсем не по плану развернувшийся разговор, как ввести его в нормальное, правильное русло? «Ясно одно: здесь нужны не полумеры, а беспощадная и решительная операция. Именно так и доложу Георгию Максимильяновичу... Но как поступить сейчас? Как завершить это бюро?» В это время к нему обратился Заградин:

— Андрей Федорович, будем заканчивать?

— Да, да. Мне, собственно, все ясно.

— Вы будете говорить еще?

— Коротенько скажу.

Заключительное выступление Ширяева было действительно кратким, но тем большее впечатление оно произвело на ветлужский актив. Поднявшись за столом и наклонившись вперед, Ширяев нервно-взвинченным голосом стал бросать в зал отрывистые, глуховато булькающие слова:

— Каждое дело концом хорошо. На сегодня хватит, закругляться будем. Но разговор этот мы еще продолжим. Обязательно продолжим. А сегодня решим вот что. Сселение деревень прекратить... Укрупненные колхозы пересмотреть. Раз напортачили — поправить. Решение облисполкома о списании долгов с колхозов отменить как незаконное. В Приозерье, Белогорск, Заречье и еще некоторые районы поедут бригады во главе с нашими работниками. Там надо разобраться особенно тщательно. Любили кататься, пусть любят и саночки возить... Что же касается областного комитета партии,— Ширяев мельком взглянул на Заградина,— этот вопрос будет решать ЦК. Вам сообщим. Других мнений, полагаю, нет? — И, не дождавшись какого-либо ответа из зала, Ширяев объявил: — Заседание окончено.

...Большинство из тех, кто был на бюро, выходили из обкома со смятенной, растревоженной душой, полные сумрачных, беспокойных мыслей. Все понимали — то, что происходило сегодня в зале заседаний,— лишь начало событий, лишь первые удары грома перед грозой, которая, видимо, грянет в самом скором времени...

. . . .

Когда пришли в кабинет, Ширяев с прищуром посмотрел на Заградина:

— Не знал я, что вы такой. Не знал.

— Какой такой?

— Дорого ты, милок, заплатишь за свои сногсшибательные идеи. Не наши они, не партийные, эти идеи. Да и не идеи это, а идейки, чепуха... Да, да. Чепуха.

— Вы зря меня запугиваете, Андрей Федорович. Я и пуганый, и битый. И притом ничего не сделал такого, чтобы вы со мной так разговаривали.

— Ах, вот как? Вам не нравится, как я разговариваю? Ну что же, милок, ладно. Винюсь перед тобой. Не привык я по-другому с такими разговаривать.

Заградин побледнел, резко поднял голову. Ширяев, будто не замечая этого, продолжал:

— Ты вот хотел, чтобы товарищу Сталину о тебе доложили?

— Не обо мне, а о нашем споре.

— Это все едино. Доложим, обязательно доложим. Сообщим, быстренько сообщим, какой у нас первый секретарь в Ветлужске.

Не прощаясь, Ширяев вышел. Он еще с утра обосновался в кабинете Мыловарова и здесь за запертыми дверями совещался со своей бригадой.

Заградин после его ухода долго не мог прийти в себя. Его била мелкая неуемная дрожь, немели кончики пальцев. Он принял какие-то таблетки, что принес дежурный, и все ходил и ходил по кабинету, охваченный одной всепоглощающей мыслью. И когда к нему вошел Курганов, он, будто продолжая ведшийся с ним разговор, произнес:

— Да, да. Именно так, Курганыч. Ждать, собственно, нечего.

Видя удивление на лице Михаила Сергеевича, указал на кресло около стола:

— Садись. Сейчас все поймешь.

Еще некоторое время он постоял как бы в раздумье, затем решительно поднял трубку аппарата прямой связи с

Москвой. Назвал номер. Телефонистка переспросила, он повторил. Скоро в трубке раздался голос.

— Товарищ Поскребышев? Здравствуйте. Говорит Заградин из Ветлужска.

Голос Павла Васильевича звенел, как струна.

— Убедительно прошу срочно доложить товарищу Сталину: я, как первый секретарь обкома и член Центрального Комитета, настоятельно прошу о приеме. В любое время дня и ночи. Да, да. Вопрос неотложный...

Трубка долго молчала. Поскребышев, видимо, размышлял, что ответить на эту просьбу. К Сталину редко кто из секретарей обкомов отваживался ходить по своей инициативе. Все предпочитали ждать вызова. А этот Заградин сам просится и даже решительно настаивает... Видно, у него действительно что-то важное... После долгого молчания Поскребышев ответил:

— Хорошо, доложу...

Заградин устало опустился в кресло.

— Обещал доложить,— сообщил он Курганову.

— Неужели примет?

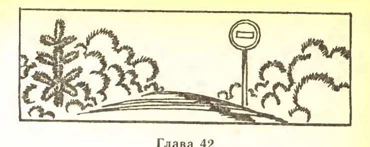
После некоторого раздумья Заградин ответил:

— Скорее всего, нет. Но готовиться, во всяком случае, надо.

Предположение Заградина, однако, не оправдалось. Поздно ночью Поскребышев хрипловато пробасил в трубку:

— Завтра приезжайте и в гостинице ждите вызова.

Заградин положил трубку и попросил дежурного срочно пригласить к нему секретарей обкома. На рассвете он выехал в Москву.



Глава 42

НОЧЬЮ В ВОЛЫНСКОМ

На запад от Москвы, сразу же за ее окраиной, по левой стороне Минской автомагистрали раскинулся густой массив молодого леса. Он поднимается на вершины невысоких взгорий, спускается в ложбины, волнистыми грядами тянется до самого Кунцева. С дороги в зеленую поросль уходит ровное, обрамленное гранитным бортовым камнем асфальтированное шоссе. Оно почти всегда пустынно. Только ветер беспрепятственно вьюжит на нем, то запорашивая асфальт снежной пылью, то начисто сметая ее. Непреклонные желто-красные дорожные знаки запрещают въезжать сюда кому бы то ни было.

Это Волынское. Здесь, среди густого леса, за глухим высоким забором стоит двухэтажный зеленый дом — дача Сталина.

В один из поздних вечеров начала февраля, ловко лавируя среди потока автомобилей, в сторону Кунцева торопливо мчалась машина, в которой ехал Заградин.

Полчаса назад Павлу Васильевичу позвонили в гостиницу и сообщили, что он должен быть готов к поездке. Затем в номер явились двое молодых людей. Они были хорошо знакомы Заградину, хотя ни их имен, ни фамилий он не знал.

— Готовы, товарищ Заградин? — спросил один из пришедших, видимо старший, и пристально оглядел Павла Васильевича быстрым, цепким взглядом.

— Да, готов,— одеваясь, ответил Заградин, взял со стола папку с бумагами и вышел из номера.

Скоро машина остановилась около тяжелых ворот с маленьким смотровым окошком. Из калитки вышли два офицера. Карманными фонарями они осветили кабину,

пристально вгляделись в лицо Заградина, долго, не спеша читали его удостоверение. Затем закрыли двери, откозыряли. Машина медленно въехала в ворота, миновала еще один такой же высокий забор и двинулась в облитый серебристым светом узкий лесной коридор. Через несколько минут она сделала резкий поворот влево, колеса слизали с асфальта пушистую снежную россыпь. Пассажиров качнуло. Один из сопровождающих Павла Васильевича, хватаясь за сиденье, сердито буркнул:

— Никак не привыкну к этому чертову повороту.

«В самом деле,— подумал Заградин,— кому пришла мысль превратить нормальную дорогу в вираж?» И сам себе ответил: «Наверное, чтобы дача не просматривалась...»

Машина чуть слышно ластилась по асфальту. Ослепительно белые лучи автомобильных фар выхватывали из темноты передние ряды деревьев, обрамлявших серую ленту шоссе. Ель и сосна вперемежку с березняком росли густо. Переплетаясь ветвями, они создавали впечатление, что машина идет среди серых, отвесных стен. Ближе к дому стала попадаться лиственница, молодые клены, туя. У самой дачи, будто безмолвные часовые, выстроились голубые ели.

Машина остановилась у подъезда. В окнах не было видно света. Однако это не смутило сопровождавших Заградина. Она знали, что сквозь тяжелые шторы свету было пробиться трудно. У входа снова ждали два офицера. Они так же долго и так же тщательно оглядели приехавших, проверили документы и наконец открыли дверь вестибюля.

Павел Васильевич снял шапку, пальто и стоял, не зная, куда их деть. Повесить на широкую, во всю стену вешалку не решился — там висели шинель и шапка-ушанка Сталина. Упрекнув себя за излишнюю робость и взволнованность, торопливо положил пальто на кресло. Приземистый краснолицый генерал объявил:

— Товарищ Сталин ждет вас в столовой. Следуйте за мной.— Генерал сделал приглашающий жест рукой и ушел вперед. Заградин с горькой иронией подумал: «Как-то ты провожать меня будешь, генерал?»

Прошли небольшой коридор, устланный коричневато-розовой ковровой дорожкой, и остановились около высокой двухстворчатой двери. Заградин, мягко ступая по ворсу ковра, подумал о том, что кругом здесь, начиная от са-

мого поворота с шоссе и кончая этим коридором, стоит незыблемая, глухая тишина. Ничто — ни звук постороннего голоса, ни порыв шаловливого ветра, ни взрыв веселого смеха — не может проникнуть сюда, в приземистый дом с наглухо закрытыми окнами...

Просторная комната, скорее напоминавшая зал заседаний, чем столовую, была полуосвещена. Три большие хрустальные люстры горели вполсвета. Стены, отделанные кленом и карельской березой, закругленный по карнизам потолок — также из дорогих сортов дерева — чуть поблескивали в мягком матовом полусвете. Массивный длинный стол посреди зала был наполовину накрыт белой льняной скатертью.

Сталин сидел один сбоку стола и был, как всегда, хмур. Глубокие морщины бороздили лоб, глаза с пристальной настороженностью следили за подходившим к нему Заградиным. Павла Васильевича это, однако, не озадачило, ибо не было для него неожиданным. Минутная робость, охватившая его в вестибюле, уже прошла. За эти дни после звонка Поскребышеву он передумал многое и внутренне был готов ко всему, чувствовал сейчас себя собранно, подтянуто, в состоянии какого-то спокойного внутреннего подъема. «Как перед боем»,— подумал он.

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Заградин, садитесь. Мне доложили, что вы требуете приема.

Тревога обдала Павла Васильевича тяжелой, гнетущей волной.

— Я просил о приеме, Иосиф Виссарионович.

— Знаю. Знаю. Но разницы не вижу. Раз первый секретарь обкома так настаивает на встрече, значит, дела у него неотложные, важнейшие. Так? Видимо, так. Слушаю вас.

— Я бы не решился беспокоить вас, Иосиф Виссарионович, если бы не крайние обстоятельства.— Заградин замолчал на секунду-другую и, с трудом проглотив вдруг подступивший к горлу комок, продолжал: — На селе у нас плохо, Иосиф Виссарионович...

Боясь, что его перебьют, заговорил быстро, торопливо, но уверенно и четко. Он говорил о низких урожаях зерна, картофеля, овощей, крайне резком сокращении поголовья скота, о запущенных, разоренных колхозах, из которых уходят люди... Говорил о том, как мало производится удобрений, сельскохозяйственных машин, об устаревшей сис-

теме цен на сельхозпродукцию, плохом снабжении деревни жизненно необходимым...

Сталин молча слушал, потом молча встал из-за стола и пошел открывать форточку, хотя в зале было умеренно тепло, духоты не чувствовалось. Когда он шел к окну, можно было заметить его сутулую, сгорбленную спину, седой стариковский затылок, сморщенную кожу шеи над воротником наглухо застегнутой куртки. Заградина больно кольнула острая, неуходящая жалость.

Широкая форточка, освобожденная от запорной пружины, плавно открылась. Свет люстр упал на грани ее толстого зеркального стекла, сверкнув рубиновой вспышкой. В зал ворвался ветер, зашелестел бумагами, что лежали на небольшом кабинетном рояле, стал теребить короткие, доходившие лишь до подоконников шторы на окнах.

Сталин вернулся на свое место, сидел молча, задумавшись. Заградин хотел продолжать, но хозяин заговорил сам:

— Мне сообщили о вашем выступлении на Совмине. Многое из того, что вы хотите рассказать, я знаю. Говорите короче.

Теперь Павел Васильевич говорил не так спокойно и твердо, без столь необходимой уверенности. Сталин смотрел на него, чуть прикрыв глаза правой рукой. Порой он как бы задумывался, будто сравнивая слова Заградина с какими-то другими словами и мыслями... Так, по крайней мере, показалось Павлу Васильевичу.

...Берия, Лаврентий Берия сумел рассказать Сталину о споре на Совете Министров раньше всех. Ужиная вчера в Волынском, он поднимал эту тему не раз. В конце беседы вернулся к ней вновь.

— Выступление Заградина, Иосиф Виссарионович, меня очень обеспокоило.

Они сидели вдвоем за огромным столом — Сталин сбоку, Берия во главе стола. Он любил именно это место. Сталин никогда не садился на него, остальные — никто не решались.

Сталин налил в граненую высокую рюмку водку пополам с красным вином. Берия тут же наполнил свою.

— Скажи, Лаврентий, почему многие из наших глаза прячут? А? Ведь глаза — зеркало души. Верно? Истина старая как мир. Раз глаза у человека бегают, значит, наверняка он что-то нашкодил. А? То ли в мыслях, то ли в делах. Как думаешь?

— Замечательно сказано,— хрипловато рассмеялся

Берия.— Вы, как всегда, в точку, Коба. Человеку с чистой совестью прятаться нет смысла.— Произнеся это, он уставился на Сталина своими выпуклыми, желтоватыми глазами, как бы приглашая его проверить правдивость только что сказанных слов.

— Так что ты хотел сказать о Заградине?

— Мысли у него такие... я бы сказал, не наши мысли... В совхозах, по его мнению, плохо, в МТС плохо, а в колхозах еще хуже. Он, видите ли, считает, что у нас ошибочный, неверный учет. Наша система подсчета урожайности, по его мнению, фикция. В общем, если верить Заградину, на селе у нас вообще черт-те что творится. Колхозники перебиваются с хлеба на воду и чуть ли не толпами уходят в город. Я ему говорю: «Ты что же, считаешь, что вся гигантская работа, которую провели в деревне партия, товарищ Сталин,— это что, шутки?» Ну, в общем, перерожденец... А разные новации с укрупнением колхозов, сселением деревень? Ведь это не что иное, как подмена линии ЦК, ваших указаний... Тут дело не без чьих-то советов,— со значением добавил Берия и замолчал, видимо ожидая расспросов. Но Сталин молчал, и он заговорил вновь:

— Самое главное здесь то, что причины всех этих пируэтов у Заградина не случайны. Нет, не случайны. Все это, конечно, гораздо глубже. Надо поподробнее разобраться с этим новоявленным аграрником. Есть у нас кое-какие зацепки и материалы. Предположения и сигналы были и раньше... Область засорена, и довольно основательно.

— Зацепки, предположения, сигналы,— раздраженно заметил Сталин.— Факты, факты давайте, а не гаданья на кофейной гуще. Какие же вы, к черту, чекисты, если зацепки имеете, а фактов добыть не можете?

— Замечание правильное, Иосиф Виссарионович, абсолютно правильное. Мы сделаем все. Все сделаем...

Берия хотел говорить еще о чем-то, но, увидев рассеянный взгляд Сталина, воздержался. Тот молчал долго, видимо обдумывая что-то. Затем, подняв рюмку, проговорил:

— Выпьем за чекистов. Будем надеяться, что они стоят этого.

Берия поспешно поднял рюмку. Сталин с хмурой усмешкой посоветовал:

— Наливай фужер. Тебе за чекистов разве такой рюмкой надо пить?

Берия с готовностью ответил:

— Согласен, Иосиф Виссарионович, согласен.— И, торопливо наполнив водкой высокий хрустальный бокал, добавил: — За такой тост готов выпить хоть два бокала сразу.

Выпив, долго молчали. Потом Сталин встал, прошелся мимо Берия, мимо пустых, тесно прижавшихся к столу стульев и вновь вернулся к своему месту. И, словно диктуя кому-то, разрубая правой рукой воздух в такт своим словам, проговорил:

— Следствия без причин не бывает... Это во-первых. Психология крестьянина — сложнейшая область человеческой натуры, ларец за семью замками. Это во-вторых. Заградин — хочет он этого или не хочет — выразитель этой мужицкой, крестьянской психологии. Это, следовательно, в-третьих... Вообще-то на него это похоже. Знаю я его не близко, но этакое мудрствование заметил давно... Отсюда у него и панибратское отношение к мужику. А для доброты время еще не приспело. Нет. Не приспело. На мужика чем больше жмешь, тем больше выжмешь. Этому учит история, этому учит опыт.

Он отошел к передней овальной стене зала и, раздвинув шторы, долго стоял, вглядываясь сквозь толстые стекла в сумрачную глушь ночи. Затем хрипловатым голосом проговорил:

— Ну что ж, разберемся. Хочу поговорить с ним. Все таки интересно, что за прожекты у этого реформатора. Может, что и толковое предложит? А?

— Сомневаюсь, глубоко сомневаюсь, товарищ Сталин. Не советую тратить время.

Сталин нахмурился. Он не любил советов.

— Заградин уже вызван в Москву.

...Павел Васильевич, разумеется, не знал об этом разговоре, но, беседуя сейчас со Сталиным, чувствовал, что его слова не проникают в душу собеседника, наталкиваясь на какую-то глухую стену настороженности. Сталин не прерывал Заградина, но слушал как-то рассеянно и все чертил и чертил толстым синим карандашом замысловатые линии на белой плотной бумаге большого открытого блокнота.

Заградин говорил то, что говорил на Совете Министров, адресуясь к Маленкову, Молотову, Берия, Кагановичу и другим членам Президиума, но говорил сейчас более горячо, взволнованно, с нескрываемой душевной болью, с не-

поддельной тревогой, звучавшей в каждом слове. Через некоторое время Сталин остановил его:

— Одну минутку.

Павел Васильевич замолчал. Было слышно, как монотонно стучат большие часы на камине, а на улице ветер кидает снежную россыпь в глухие дощатые барьеры, которыми были обнесены веранды дачи.

Сталин долго прищурясь смотрел в даль комнаты. Потом встал, не торопясь подошел к ореховой полке, что тянулась по всей стене, взял вырезанные из «Огонька» цветные иллюстрации, не спеша, тщательно стал рассматривать их, поворачивая к свету, далеко отставляя от глаз. Затем достал из-под журналов молоток, гвозди и стал прибивать иллюстрации к стене. Заградин молча наблюдал за его работой. Возвратясь на свое место, Сталин проговорил, чуть ухмыляясь:

— Значит, запустили вы им ежа в штаны. А, Заградин?

— Не понимаю, товарищ Сталин.

— Ну я имею в виду ваше выступление на Совете Министров.

— Я ничего такого особенного там не сказал, товарищ Сталин.

— Не знаю уж чем, но кое-кого вы напугали.

— Да мне и говорить-то, в сущности, не пришлось. Я слово, а мне пяток вопросов навстречу.

— Ну, ну, не скромничайте. Говорят, вы такие вопросы привезли из своего Ветлужска, что некоторые наши деятели никак в себя от них не придут.

Заградин пожал плечами.

Сталин поднял голову и пристально посмотрел на него.

— Скажите, Заградин, вы один у нас такой Фома-неверующий, такой пессимист или еще есть?

— Я не пессимист, товарищ Сталин. Наоборот.

— Логика вещей сильнее логики человеческих намерений. Это вам следовало бы помнить, Заградин. Иначе далеко, очень далеко забредете.

— Я хотел, чтобы Центральный Комитет знал все.

Сталин хмуро взглянул на него, но ничего не сказал и долго молчал, уйдя в свои мысли, затем, поеживаясь, проговорил:

— Что-то прохладно здесь, пойдемте-ка в кабинет. Там и закончим наш разговор.

Не дождавшись ответа Заградина, Сталин пошел через зал к дверям своего кабинета. Павел Васильевич шел сза-

ди. Он вновь, как и в самом начале беседы, почувствовал колющую боль и жалость при виде сгорбленной спины, сутулых плеч и седого стариковского затылка Сталина.

В кабинете горела большая настольная лампа с матовым абажуром. Ароматно пахло табаком, сизые волны дыма причудливыми бесформенными фигурами плавали под высоким дубовым потолком. Сталин то садился, то вставал со своего кресла и ходил, ходил по толстому мягкому ковру. Сам он почти не говорил, а Заградина слушал по-прежнему: то рассеянно, то настороженно, то с обостренно-нервозным вниманием.

Не надо было каких-то особых усилий или специальных познаний, чтобы увидеть за взволнованными словами Павла Васильевича тревожную, но зато истинную картину состояния сельского хозяйства страны. Непредвзято настроенный слушатель увидел бы в них и мизерные урожаи, и экономический развал многих хозяйств, и бедственное положение тысяч людей... В глухом от волнения голосе Заградина он услышал бы поистине народную тревогу за состояние земледелия в стране, за состояние колхозного производства. Узнал бы, что нужно советскому земледельцу, какие неотложные меры необходимы, чтобы серьезно помочь больной колхозной деревне. И то, что с ухмылками было отвергнуто и отброшено Маленковым, Берия, Кагановичем, могло, должно было найти истинную оценку, горячее одобрение и всемерную поддержку здесь, у Сталина.

Так, во всяком случае, думал, глубоко верил в это Заградин, прямо, до опасного предела откровенно высказывая здесь свои мысли, планы, наблюдения, свои тревоги, выношенные за многие годы партийной работы в разных районах страны, проверенные и перепроверенные в беседах с сотнями и тысячами людей, знающих деревню, живущих ее интересами.

После долгого, томительного молчания Сталин, исподлобья глядя на Заградина, глуховато проговорил:

— А я, грешным делом, думал, что у нас колхозный строй победил, социалистическая форма хозяйства оправдала себя и даже войну выдержала. И вообще думал, что булки не на деревьях растут... Выходит — ошибался.

Заградину сделалось холодно от этой иронии. Он поспешил объяснить свои мысли:

— Иосиф Виссарионович, я ни на одну минуту не сомневался в этом. Я хотел только сказать — подорваны у нас многие колхозы, никак на ноги не встанут.

— Слабые колхозы у нас, видимо, есть. Это так. Некоторые наши руководители уверовали в колхозы, как в икону. Они решили, коль скоро даны колхозы как социалистическая форма хозяйства, то этим уже решено все. Эти товарищи забывают, что колхозы — лишь форма хозяйственной организации. Правда, социалистическая, но только форма. Все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму...

— Самое опасное, Иосиф Виссарионович, то, что слабых, немощных колхозов становится все больше. Это пугает сильнее всего.

Сталин стремительно вскинул брови.

— Ну, пугаться, положим, не следует. Паника — это удел слабых. Да, да. Именно слабых.

Сказав это, он скосил глаза на стопку газет, лежащую справа. Одна из них, что лежала сверху, была развернута в пол-листа. Пристально и долго, будто завороженный, смотрел Сталин на газетные страницы. Там пестрели знакомые, привычные слова. Через всю первую полосу жирным шрифтом, как всегда, как обычно, шли шапки и заголовки рапортов. Товарищу Сталину... Товарищу Сталину. Под рапортом — рапорт, под рапортом — рапорт...

С газетной стопы Сталин перевел взгляд на Заградина. Глаза его сузились. Когда-то черные, теперь буроватые, припудренные сединой брови сомкнулись над переносицей, образовав как бы крылья птицы, распластанные в полете. Ему припомнилось сказанное Берия: «Не наши у него мысли, маловер этот Заградин, паникер».

«Кажется, действительно так. Видимо, из тех, что любят раздувать, смаковать недостатки. Зачем так рвался на беседу? И в чем меня хочет убедить? Завалил дело в Ветлужске, орешек оказался не по зубам, так теперь выискивает тропки-дорожки, чтобы остаться чистеньким? Дескать, не я виноват, а все, не только у нас плохо — везде плохо... Да, вероятно, именно так думает товарищ Заградин. Но ведь это расчет на простаков. Да. Опрометчиво думает товарищ Заградин. Очень опрометчиво».

Сталин еще раз поднял и опустил глаза, открыл красную сафьяновую папку, нашел нужную бумагу. На глянцевитых листах пестрели цифры, некоторые из них были аккуратно подчеркнуты зелеными чернилами. Справку эту прислал ему Маленков по совету Берия. Приехав из Волынского, от Сталина, Берия позвонил Маленкову:

— Старик не пожелал меня слушать и велел Поскре-

бышеву вызвать в Москву этого Заградина из Ветлужска. Ты подошли-ка ему нужные цифры. А то рассвирепеет...

Маленков удивился:

— Подумаешь, величина — Заградин.

Берия помолчал какое-то мгновение, в глазах мелькнула снисходительная усмешка.

— Я тебе говорю, подошли, значит, подошли. Не в Заградине дело. Могут и другие такие же песни петь.

И вот глянцевитая, лощеная бумага с ровными колонками цифр лежала в сафьяновой папке перед Сталиным. Он смотрел то на цифры, подчеркнутые зелеными чернилами, то на Заградина.

— Вот вы о стране печетесь, Заградин. А в своем Ветлужске порядка никак не наведете.

— Хвастаться нам пока нечем. Это верно, Иосиф Виссарионович.

— Да уж где там хвастаться. Шатает вас из стороны в сторону. Объединение, укрупнение, сселение... А главное, главное — общественное хозяйство — забываете. Да, да. Забываете.

— Иосиф Виссарионович, но ведь вы неоднократно указывали, что крупное хозяйство — производительнее, рациональнее, перспективнее. Именно поэтому мы и ухватились за эти меры.

— Ухватиться-то вы ухватились, да не за тот конец. Эти меры, особенно для центральных областей, пока преждевременны. Это вы вприпрыжку за Хрущевым побежали. Ведь укрупнение колхозов вы вслед за москвичами начали. А слияние деревень — это, конечно же, следствие его статьи в «Правде». Разве не так? Товарищ Хрущев часто сначала делает, а потом думает.— Затем с мимолетной усмешкой Сталин пошутил: — Вот гопак он отплясывает лихо. Этого не отнимешь.

— Мы планировали провести сселение прежде всего в крепких артелях.

— А вы сделайте, чтобы все артели были крепкими. Вот тогда мы ваши потуги поддержим.

Сталин замолчал. Молчал и Заградин. Он подумал еще раз о том, что кто-то подготовил Сталина к встрече с ним и, видимо, не пожалел красок, чтобы обрисовать и самого Заградина, и его выступление на Совете Министров, и все ветлужские дела.

Павлу Васильевичу вдруг сделалось тоскливо до отчаяния, он почувствовал мучительную, парализующую усталость

и какую-то гнетущую, давящую тяжесть. Он посмотрел на Сталина и тревожно спросил:

— Значит, мы ошиблись, товарищ Сталин?

— Значит, ошиблись, товарищ Заградин.

Сталин уловил унылые, мрачные нотки в голосе Заградина и отнес это к тому, что Заградин с ним не согласен. Он нахмурился, долго молчал и мрачно, вопросительно проговорил:

— Как же можно руководить людьми, целой областью, с таким смятенным умом, с такими мыслями? И какой же вы большевик, если ударяетесь в панику от частностей, от двух-трех увиденных фактов? Уметь анализировать явления, делать правильные выводы из фактов — это то, что отличает руководителя от руководимых, от массы. Пора бы это уяснить.

Сталин знал, что стоит ему сказать всего лишь одно-два слова — и не будет здесь этого Заградина. Да и вообще нигде его больше не будет. Но проникновенная, взволнованная озабоченность Павла Васильевича сельскими делами, его искренность, неодолимая убежденность в своих суждениях и мыслях не могли не быть замеченными. Сталин долго смотрел на него, а потом, отвечая каким-то своим мыслям, проговорил как бы сам себе:

— Ладно, посмотрим...

Он приглушенно, хрипловатым голосом, в упор глядя на Заградина, спросил:

— Что у вас еще ко мне?

— Иосиф Виссарионович, очень прошу правильно понять меня. Очень прошу. Я глубоко убежден, что если вы не вмешаетесь, если не принять решительных мер, то в деревне может создаться еще более сложная, ну просто отчаянная обстановка.

Сталин оборвал Заградина грубо и категорично. Из-за облика сдержанного, а моментами чуть ли не добродушного человека предстал другой Сталин — властный, беспощадный, крутой.

— Цицерон как-то сказал: каждый человек может заблуждаться, но упорствовать в заблуждении может только глупец. Очень верно сказано. Не находите, Заградин? А?

Павел Васильевич встал и стал утираться большим белым платком. Сталин молча прошелся по кабинету, раскурил потухшую трубку и, подойдя к Заградину, пристально посмотрел на него и вдруг спросил:

— А почему у вас глаза бегают, Заградин? А? Почему?

Павел Васильевич зажмурился на секунду, пожал плечами и, решив расценить эти слова как шутку, стараясь улыбнуться, ответил:

— В народе, товарищ Сталин, говорят так: «По дыму над баней пара не угадаешь...»

Сталин, хмуря брови, задумался, видимо прикидывая, как отнестись к этим словам. И, не приняв шутки, все так же хмуро заметил:

— А психология мужичка, оказывается, штука цепкая. Очень цепкая. Да, да. Вот смотрите — и вас в плену держит. Именно так. Ну ладно, Заградин, спасибо за беседу. Пора и вам и нам отдохнуть.

Заградин встал и вопросительно поглядел на Сталина, ожидая, что он скажет еще. Сталин метнул на него усталый, настороженный взгляд и отрывисто бросил:

— До свиданья.

Когда Заградин вышел из кабинета, Сталин подошел к окну, медленно поднял штору... Сумрачная февральская ночь подходила к концу. Густая мгла редела, сквозь серое нагромождение лохматых туч медленно, но неудержимо пробивался утренний рассвет. Вспомнив расстроенное лицо Заградина, когда он уходил, Сталин проворчал:

— Недоволен разговором.— И, продолжая эту мысль, подумал: «Те — так, этот — этак... Молотов, Маленков толкуют одно, Берия другое. Хрущев третье. Этот аграрник от земли — тоже со своими мыслями... И один ли он, только ли он так думает?» Разговор с Заградиным вызвал у Сталина глухое тревожное беспокойство и досаду: «Кому верить? И можно ли верить?»

Под тяжестью этой мысли Сталин устало опустил плечи. И если бы кто-нибудь увидел его в эту минуту, то без труда заметил бы, как он стар, как тяжела ему стала ответственность за судьбы миллионов людей, партии и страны.

. . . .

Не доезжая до Минской автомагистрали, Заградин попросил остановить машину, вышел на бровку шоссе. Утро окончательно прогнало ночь и освободило от мглистого покрова белые февральские снега, наполнило деятельным, гулким шумом проснувшийся город. Москва отсюда была видна как на ладони. Стройная вереница светло-серых и желтых домов обрамляла ее загородную окраину, поток автомобилей стремительно катился по просторному Кутузовскому проспекту, и казалось, что вдоль улицы разве-

шены гирлянды красных и фиолетовых светлячков. Дымка тумана делала город каким-то удивительно уютным.

Заградин с затаенным дыханием любовался привольно и широко раскинувшимся городским прибоем, вглядывался в каждый изгиб далеких, но таких знакомых улиц, в каждую грань новых зданий. Любил он этот город каждой клеткой своего существа, всегда гордился тем, что может более или менее часто бывать здесь, и бывать не просто любознательным приезжим, а человеком, имеющим отношение к делам, что решаются в столице, в постоянно пульсирующем сердце страны. Он никогда не мог смотреть на панораму Москвы без трепетного волнения. Павел Васильевич отвлекся было от невеселых размышлений, которые теснились в голове после беседы в Волынском. Однако стоило вернуться к машине, и эти мысли возникли вновь с цепкой, неотвязной силой.

Перед выездом на магистраль шофер спросил Заградина:

— Куда? В гостиницу?

— Да. Куда же еще?

— Ну мало ли куда? Может, у вас есть другие планы?

— План один — поскорее на вокзал и домой,— ответил Заградин.

...Возвратившись в Ветлужск, Павел Васильевич сразу же, без роздыха включился в беспокойный круговорот дел. В заботах и хлопотах он хотел забыться от своих дум, что неотступно сверлили мозг. О поездке он рассказал только секретарям обкома, и рассказал коротко, деловито, сжато. А чтобы предупредить расспросы, объяснил: «Потом как-нибудь, позднее доложу подробнее...»

Павел Васильевич не мог кривить душой перед своими товарищами по работе, а высказывать истинные впечатления от поездки не хотел, не хватило бы на это ни слов, ни решимости. И только самые близкие к нему люди заметили, что вернулся он в Ветлужск каким-то другим. Все было прежнее у первого секретаря обкома — деловитость, неторопливая, без суеты и спешки, распорядительность, глубокое и какое-то удивительно ясное знание дела. Все, что было присуще Заградину, осталось при нем и сейчас. Но проявлялись эти свойства иначе, не совсем четко и рельефно, как-то замедленно и расплывчато. Потух в глазах Павла Васильевича тот живой, трепещущий огонек, который освещал его мысли, согревал слова, облекал в зовущую, притягательную силу его дела и поступки, вел за ним лю-

дей, поддерживая в них несокрушимую веру в Заградиных...

Павел Васильевич много думал о беседе со Сталиным, и думал по-всякому. Но итог этим мыслям обычно подводил один: «Не сумел я, видимо, четко и ясно рассказать, убедить, передать ему ту тревогу, которой охвачены люди деревни...» Иногда думалось и иначе. Но тогда становилось так мучительно тяжело на душе, такой свинцовый груз давил на ум и сердце, что казалось, меркло солнце — и Павел Васильевич старался поскорее вновь вернуться к спасительным мыслям о собственных промахах, предопределивших неутешительные результаты встречи в Волынском.

Заградин не первый год работал на больших постах и знал, как обычно развиваются события после неудачных визитов к Хозяину. И потому готовил себя к любому возможному варианту, в том числе и к самому худшему. Он ждал грозы. Скорой, всесокрушающей и беспощадной. И если она не разразилась над Ветлужском, то по причинам, отнюдь не зависящим ни от обитателя дачи в Волынском лесу, ни от кого-либо другого.

Глава 43

ПЯТОЕ МАРТА

Утро еще не наступило, только хмурое мартовское небо на востоке стало чуть-чуть серее. Курганов посмотрел на часы. Время подходило к шести. Он включил радиоприемник. Раздалось гудение нагревающихся ламп, потрескивание, а затем — позывные сигналы. Тревожный настораживающий перезвон стеклянных колокольчиков наполнил предутреннюю тишину щемящей тревогой. Михаил Сергеевич быстро встал с кровати, торопливо оделся. До предела обостренным чутьем он понимал, почти знал, что это значило, но старался отогнать эту мысль. В эти минуты так же, как он, в эфир вслушивались многие миллионы людей. И вот раздались полные тревожной значимости слова сообщения: «Сегодня, 5 марта, в 3 часа 15 минут умер Иосиф Виссарионович Сталин...»

В смятенном молчании стоял Курганов у приемника, растерянно оглядываясь по сторонам, не зная, что делать, что предпринять, куда себя деть...

Сообщение закончилось, раздались тягостные, рвущие душу звуки траурного марша. Диктор повторял сообщение вновь и вновь. И опять звучали траурные мелодии. Курганов все стоял, оцепенелый, потрясенный, упершись левой рукой в край стола.

Елена Павловна тихо вошла в комнату и, ничего не спрашивая, прижалась к плечу мужа. Оба эти взрослых, далеко не слабых человека, прожившие не простую и не легкую жизнь, почувствовали себя вдруг осиротевшими, выбитыми из своей привычной жизненной колеи. У обоих билась одна и та же тревожная мысль: «Как же теперь?»

Путь до райкома показался Курганову удивительно длинным, дорога — неровной, ночь — мрачной и холодной. Какой-то невидимый, тяжелый груз гнул его плечи, наливал свинцом тело.

В райкоме уже неистово трещали телефоны, и дежурный сновал от одного аппарата к другому. Михаил Сергеевич тяжелой походкой прошел к себе в кабинет. Вскоре пришли Мякотин, Удачин, Гаранин и другие работники райкома.

— Что теперь будет? — ни к кому не обращаясь и всхлипывая, проговорил Мякотин.

Беспрерывно звонили председатели колхозов, сельских Советов, секретари партийных организаций, работники школ, клубов — все хотели говорить с райкомом. Некоторые спрашивали: «Неужели правда?» Другие: «Что делать? Проводить ли митинги и собрания, посылать ли делегации в Москву?..»

Позвонил Беда.

Курганов взял трубку:

— Слушаю вас, Макар Фомич.

— Значит, правда?

— Правда, Макар Фомич.

— Да. Без батьки остались.— И, помолчав, добавил: — Михаил Сергеевич, мы решили так: соберем сейчас всех колхозников, помолчим в память о покойнике — и за работу. Думка такая есть — отсортировать сегодня всю пшеницу. Как вы смотрите?

Михаил Сергеевич помолчал немного, горячий комок подступил у него к горлу, и он, с трудом справившись с волнением, ответил:

— Спасибо вам, Макар Фомич. За умное слово и мысль — спасибо. Действуйте. Хорошо надумали.

Курганов рассказал собравшимся в кабинете о разговоре с Бедой.

Удачин с досадой махнул рукой:

— Такие события, а он — пшеница. Чепуха же. Этот Беда вечно что-нибудь выкинет.

Курганов хотел что-то ответить, но зазвонил междугородный телефон. Звонил Заградин.

— Курганов? Как дела? Что в районе?

— Ну что вам сказать, Павел Васильевич? Плачут люди.

— Ну, а вы?

— Тоже плачем. Горе-то общее.

— Общее, верно,— согласился Заградин.— Только издавна известно — слезами горю не поможешь. Знаете, как в народе говорится: ни радости вечной, ни печали бесконечной.

— Колхозники, Павел Васильевич, думают и поступают именно так.— И Курганов рассказал о звонке Беды.

— Вот-вот. Правильно,— одобрил Павел Васильевич,— за делами, за работой любое несчастье забывается.

Голос у Заградина был озабоченный и мрачный, но в то же время какой-то удивительно деловитый, тугой, будто пружина. Условившись с Кургановым о проведении митингов и собраний, о делегации приозерцев на похороны, Заградин закончил разговор:

— Звоните, информируйте нас...

— Обязательно.

— Вот что, товарищи,— мрачно и озабоченно проговорил Курганов,— у всех наверняка, как и здесь, разрываются телефоны. Будем объяснять, как поступать. А поступать, как поступили Беда и другие наши колхозники. Вы же, Виктор Викторович, займитесь нашей делегацией в Москву.

За разговорами и заботами Курганов не заметил, как посветлело на улице. Небо, будто выбеленное мелом, дышало холодом, ноздреватый серый снег затвердел за ночь и скрипел под ногами прохожих. Над райкомом и райисполкомом ветер медленно, как бы в раздумье, шевелил алые флаги с черной траурной каймой.

На улицах все больше появлялось людей. Кто спешил на работу, кто в школу, хозяйки шли с ведрами к колодцам. Старый седоусый кассир райсберкассы, как всегда точно в восемь, шел по противоположной стороне улицы, мерно постукивая тростью по обледенелому тротуару.

Курганов, глядя на улицу, на людей, идущих по своим делам, подумал: «Вот она, жизнь. Ее ничто не остановит...»

Потом, поздно вечером, предельно усталый от многочисленных встреч, собраний, митингов, выступлений и разнообразных дел — нет, не только связанных со смертью Сталина, а и других — таких как забота о семенах, о машинах для обработки пропашных, о строительстве школ и многом другом,— Курганов еще раз подумал: «Да, жизнь не остановишь...»

На следующий день делегация Приозерья выехала в Ветлужск, а оттуда — в Москву.

Железная дорога, автомагистраль, все малые и большие шоссе были запружены народом. Пять грузовиков, на которых ехали делегаты, с трудом добрались до Абельмановской заставы и были направлены военным патрулем в какие-то глухие переулки. Стали медленно пробираться к центру. Это заняло целый день.

Москва видела немало гигантских демонстраций, многотысячных митингов, народных шествий, она вмещала в свои улицы огромные толпы людей. Но в те мартовские дни к столице со всей страны хлынуло столько людей, что город оказался заполненным до отказа. Однако теснота никого не останавливала, никому не хотелось обращать на нее внимание, все стремились к одному — поскорее попасть в Колонный зал Дома союзов.

Уходил из жизни человек, чье имя десятилетия было на устах у всех, от мала до велика. И так как большинство никогда его живым не видело, то хотели восполнить этот пробел хотя бы после его смерти.

Курганов хорошо знал Москву и через переулки вывел всю делегацию к Астахову мосту, а затем по набережным Москвы-реки — к Старой площади. Здесь, у здания Центрального Комитета партии, был назначен сбор делегаций центральных областей. Поздно ночью делегации подошли к Колонному залу.

Сталин лежал среди белых цветов, алого и черного бархата суровый, с нахмуренными бровями, будто с какой-то неушедшей тяжелой мыслью. Но был совсем не такой, каким его изображали живописцы и скульпторы. Курганов, когда шли мимо гроба, на какую-то долю секунды остановился. Пришла в голову мысль: «Какой он обычный...» И верно, смерть сняла со Сталина все — и недосягаемое величие, и гранитную неприступность, и сияющий ореол легендарности — все атрибуты, которыми он был окружен при жизни, сняла мгновенно, одним рывком.

— У меня такое впечатление, что он не верит смерти, не верит, что умер,— тихо проговорил Курганов Заградину.

— Да. Он умел не верить, очень умел...— со вздохом ответил Заградин.

Курганов удивленно посмотрел на Павла Васильевича, но спрашивать, что значили эти слова, не стал.

Уже при выходе через фойе на улицу один из иду-

щих сзади людей,— какой-то суховатый старик с белым ежиком редких волос на голове,— проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Если есть в мире тот свет, то со многими встретится покойник...— Ему никто не ответил, но все, кто шел рядом, посмотрели осуждающе и с укором. Сковывающая сила веры в человека, что лежал в гробу, продолжала жить...

Когда делегация ветлужцев вышла из Колонного зала, Заградин проводил ее до здания Госплана и стал торопливо прощаться. Он сам оставался на похороны.

— Теперь Курганов вас до машин доведет, он Москву лучше меня знает.

Сказав это, Заградин хотел уже уйти, однако его остановило хмурое, отсутствующее выражение лица у Мякотина и мрачная подавленность других приозерцев. Павел Васильевич остановился, подошел ближе.

— Что так приуныли?

— Да что ж спрашивать-то, Павел Васильевич. И так понятно,— хрипло ответил Мякотин.

Заградин задумчиво и хмуро согласился:

— Понимаю вас, но унывать не следует. Партия-то у нас вон какая. Миллионы...— И, показав на огромный портрет Сталина, увитый черным крепом, висевший на портике Колонного зала, проговорил:

— Главная-то сила и при нем была в ней, в партии...— И, повернувшись к Курганову, добавил: — Обращение Центрального Комитета прочесть всему активу. Всем. Внимательнейшим образом. И пленум, пленум готовьте как следует. Приеду.

Он еще раз попрощался и торопливой стремительной походкой направился в Дом союзов.

. . . .

Слова Заградина, сказанные при прощании с приозерцами, вызвали у Курганова цепь взволнованных мыслей. В партии, говорит, главная сила. А? В партии. Да, конечно. Один что сделает? Но ведь это Сталин. Курганов, так же как и многие в стране, любил этого человека, свято верил в него. Какие годы позади! Пятилетки, коллективизация. Война. Гигантские испытания выдержала страна. Да, именно испытания. И вся сила, весь разум многомиллионной когорты коммунистов, что вели страну по этим дорогам,— все это относилось к его имени. К этому привыкли, иного не могли себе представить. Вот почему слова Заградина

были удивительны, необычны и неотступно стояли в сознании Михаила Сергеевича. А потом вспомнилась мрачная фраза, сказанная человеком, шедшим сзади, когда выходили из зала. Оттолкнувшись от нее, услужливая память живо воскресила две давно виденные, но уже полузабытые картины.

...Сибирь. 1938 год. Полукилометровая колонна ссыльных — оборванных, измученных, худых. Это были наши, свои, советские. И еще: белые, заснеженные поля под Вязьмой и тела, тела солдат, отдавших свои жизни как дань мнимой непогрешимости этого человека, ушедшего теперь из жизни...

Курганов даже поежился от этих кощунственных мыслей, почувствовал нечто оскорбительное по отношению к покойнику и постарался не возвращаться к ним. Приозерцев и ветлужцев надо было выводить из переполненной до пределов людскими потоками Москвы. С трудом добрались они до Заставы Ильича, в лабиринте переулков разыскали свои машины и двинулись к себе в Ветлужье.

Глава 44

В РАЙКОМЕ ГОРЯТ ОГНИ

Участники расширенного пленума райкома волновались, многие то и дело поглядывали на круглые электрические часы, висевшие над входной дверью в зал.

— Ну чего тянут, начинали бы,— проворчал пожилой, загорелый мужчина.— Нет ничего хуже, как ждать.

— Начнут, чего волноваться-то,— ответил ему сосед, спокойно уткнувшись в газету.

— А я не понимаю, как можно не волноваться, когда такой пленум? Не понимаю, и все.

Зал постепенно затихал. Реже раздавалось хлопанье откидных сидений, меньше слышалось разговоров, только кое-где шелест газетных страниц нарушал тишину.

Все знали — пленум сегодня не обычный. В районе более двух недель работала комиссия из центральных организаций, дважды приезжал секретарь обкома Мыловаров, наведывались и еще многие работники и из Ветлужска и из Москвы. Все они ездили по колхозам, бригадам, подолгу сидели с секретарями райкома, с Мякотиным и его заместителями, с работниками райзо и что-то писали, писали и писали в своих объемистых блокнотах.

Не все еще улеглось после смерти Сталина. Во главе партии и страны встал Маленков, рядом с ним были Молотов, Каганович и Берия.

По-разному относились в стране и в партии к этим людям.

Немало было людей, которые полагали, что у руля страны встанет Молотов, старый, опытный партиец, но многие его исключали, их настораживали суховатость Молотова, наконец, его нелады со Сталиным в последние годы... Про

Маленкова некоторые говорили, что он организатор. Но Заградин как-то в разговоре с Кургановым отозвался о нем так:

— Кроме бумаг и почета, ничего не видел и не знает...

Берия не любили все или, во всяком случае, большинство. Его желтоватое, квадратное лицо, прищуренный взгляд холодных, мутных глаз за стеклами пенсне вызывали невольное чувство беспокойной настороженности, тревоги и неприязни... Но об этом боялись говорить, даже шепотом...

У людей подспудно, где-то в глубине души нет-нет да и мелькала мысль: а так ли надо? Те ли руки взяли руль партии и государства? Правда, об этом думали про себя, ни с кем не делясь мыслями. Но такие люди были. И это стало началом того гигантского процесса, который партия вызвала во всем народе,— процесса осмысливания событий, понимания того, что жизнь страны, ее успехи и неудачи зависят не от одного человека, а от всех, от каждого... У членов партии этот процесс шел быстрее — его ускоряли требования жизни, ответственность, легшая на их плечи. Ведь за ними шла вся многомиллионная страна. Именно поэтому в те дни у коммунистов, как никогда, обострилось чувство ответственности за все, что делалось и решалось вокруг.

Пленум, что собирался сегодня в Приозерске, вызывал у актива района взволнованный и беспокойный интерес прежде всего потому, что упорно шли слухи об уходе Курганова. Это и насторожило всех, и обеспокоило.

Курганов делал все, что мог, чтобы вдохнуть новую жизнь в каждый, даже захудалый колхоз, он не жалел ни времени, ни сил. Люди помнили его и большие, и малые дела. Хотя бы то, как он встал против расхитителей колхозного добра, как настойчиво вел дело по укрупнению колхозов, как круто взялся райком за наведение порядка в торговле. А как помогло то, что с некоторых наиболее слабых артелей все-таки списали долги. Опять же удобрений и машин в Приозерск стало поступать побольше. Это ощущали все. Люди, душой болеющие за деревню, близко к сердцу принимающие большие и малые заботы Приозерья, Курганову верили, верили глубоко и убежденно.

А теперь вот, оказывается, Курганов уходит. Почему? Зачем? Кому это нужно? И почему не спрашивают об этом коммунистов района?

Пленум открыл Удачин.

— Повестка дня — итоги сельскохозяйственного года...— Голос Виктора Викторовича звучал как будто спокойно, но чуть дрожавшие руки выдавали его волнение.

Потом докладывал Курганов. Обстоятельно, не спеша. Лишь одно отличало его сегодняшнее выступление. Обычно он любил сдобрить свой разговор с аудиторией веселой шуткой, пословицей, к месту приведенным стихом. Он умел обычный факт повернуть так, что тот начинал сверкать всеми цветами радуги, словно кусок горного хрусталя. Сегодня не было шуток, не было смеха, не было широкой, задорной улыбки на лице докладчика. И зал сегодня не ждал этого, он настороженно ловил слова доклада, стараясь не пропустить ни одной мысли, ни одной цифры, ни одного вывода.

— ...Партийная организация района провела работу по укрупнению колхозов. Теперь вместо ста сорока мелких и порой хилых артелей мы создали тридцать семь крупных хозяйств.

Благодаря укрупнению колхозов удалось перестроить и улучшить структуру посевных площадей, начать переход к правильным севооборотам, гораздо производительней мы стали использовать технику, значительно шире внедрять достижения науки и опыт передовых хозяйств.

Урожай зерновых по району в этом году составил в среднем тринадцать центнеров с гектара. Это мало, но все же несколько больше, чем в прошлом году. Было десять. Увеличены площади под пшеницей и кукурузой за счет сокращения посевов овса. Это было нелегким делом, очень нелегким. Расширили и пропашные. А они в наших условиях — то звено, за которое мы должны вытаскивать район из прорыва.

— Вы о кукурузе подробнее расскажите. Какой урожай, выгода и вообще что из этой затеи вышло? — раздался вопрос из зала.

Возник шум, недовольные выкрики:

— Не мешайте докладчику.

Но голос не унимался:

— А я не мешаю. Я вопрос задаю. Пусть ответит.

Удачин выжидающе смотрел то в зал, то на Курганова и думал: «Не миновать тебе сегодня припарки, товарищ Курганов».

Михаил Сергеевич невозмутимо продолжал:

— Мы — область подмосковная, и именно потребностями

столицы и подмосковных промышленных центров должно определяться основное направление нашего хозяйства. Я об этом говорю кратко, ибо мы данные вопросы подробно с вами обсуждали. Так вот, картофеля мы посадили почти на одну треть больше, чем в прошлом году, и почти половину клина — квадратно-гнездовым способом.

Из зала опять раздался вопрос: «А урожай?»

Михаил Сергеевич спокойно переждал шумок, отпил глоток воды и, аккуратно поставив стакан на блюдце, продолжал:

— Успокойтесь, товарищи, скажу и об урожае. Картофеля мы в среднем по району собрали сто семьдесят центнеров с гектара. Маловато. Согласен. Хотя в прошлом году, как известно, было сто тридцать пять. На полях квадратно-гнездового посева урожай,— голос Курганова зазвучал при этом громче,— урожай достиг двухсот центнеров. А на ряде участков и еще выше. Это факт, товарищи, и факт довольно знаменательный...

— А сколько в поле осталось? — Вопрос прозвучал из задних рядов. Зал зашумел опять многоголосо и возбужденно. Удачин позвонил в колокольчик, призывая к тишине.

— В этом году картофеля в поле мы не оставили ни одной сотки. Пришлось, правда, туго, были вынуждены просить помощи у шефов, но вырыли, убрали, не поморозили. Это, конечно, никакая не доблесть, ибо оставлять урожай в поле просто-напросто преступление. Но раз товарищи задали вопрос, я должен был ответить.

— Впервые за пять лет полностью-то убрали,— заметил из президиума Мякотин. В подтверждение его слов в зале раздалось сразу несколько голосов:

— Правильно. Первый раз. Да и не за пять лет, а, поди, за все десять.

— А может быть, обойдемся без реплик из президиума? — стараясь говорить мягче, обратился Удачин к Мякотину.

— Это почему же? Важно, чтобы по делу.

После ссоры, происшедшей на квартире Удачина, Мякотин и Виктор Викторович почти не разговаривали. Но Мякотин заметно изменился. Он денно и нощно мотался по району, на подчиненных наседал так, что те удивленно переглядывались и старались не попадаться председателю на глаза. Устроил целый тарарам в облисполкоме за фонды для района, поскандалил на всю область с трестом

«Сельэлектро», в строжайшей дисциплине держал Веронику Григорьевну.

Удачин вовсе не хотел ссориться с Мякотиным, он знал, что Ивана Петровича уважают в районе. Его повышенную энергичность за последнее время он внутренне одобрил, расценил как стремление Мякотина удержаться в исполкоме. Он несколько раз миролюбиво заговаривал с председателем, но тот отвечал колюче, недружелюбно. Виктор Викторович, однако, не понял Мякотина и совсем неверно расценил его активность. Просто Иван Петрович в работе, в суете и суматохе исполкомовских дел хотел забыться, не мучать себя постоянной тревогой и мыслями о предстоящих событиях. Он искренне и глубоко поверил в Курганова, поверил в то, что Приозерье, его родное Приозерье может выйти в люди. А тут, кажется, все полетит к чертям... Ну куда денешься? Не на горькую же налегать? И Иван Петрович решил про себя так: «Что будет — посмотрим, а пока кое-кто пусть поймет, что есть в Приозерье и председатель райисполкома...»

— Поголовье скота за отчетный период на животноводческих фермах колхозов несколько увеличилось. Колхозы сохранили почти весь молодняк, кое-что подкупили. Десять артелей досрочно выполнили трехлетний план развития животноводства. Но мы не сумели пока решить кормовую проблему. Конечно, в год такие дела не делаются, но сделать мы могли, безусловно, больше.

— Погода нынче подвела,— бросил кто-то из зала.

— Да, погодка нас не баловала. Это верно. Но и она не могла бы помешать, если вести дело так, как, например, в колхозе «Луч» или, допустим, в «Заре». Их ни погода, ни кукуруза не подвели. И початки, и зеленую массу получили. Ведь так, Василий Васильевич?

— Совершенно точно,— басовито ответил с места Морозов.

— Ну вот видите? Но не везде приложили к кукурузе руки и старанье. В двенадцати колхозах она уродилась плохая, а в десяти погибла совсем. Виноваты и мы — не сумели вовремя подсказать, посоветовать людям.

Говорил Михаил Сергеевич и о других делах района — о работе МТС, севооборотах, землеустройстве, о сельских Советах и о многом другом. Но с наибольшим вниманием слушали его, когда перешел к разделу о сселении. В последнее время вокруг этой инициативы москвичей и ветлужцев в колхозах, академиях, институтах и в печати велись большие

споры. Да и комиссии, что приезжали из Ветлужска и из Москвы, занимались больше всего этой проблемой. Предполагаемые изменения в руководстве района связывали тоже с ней. Поэтому повышенный интерес пленума к последнему разделу доклада был понятен.

— Вы, конечно, ждете от меня ясного и прямого ответа — ошибка ли это? Ну что же, не буду кривить душой. Я считал и считаю, что сселение деревень, создание крупных колхозных центров — дело нужное... Опыт укрупненных колхозов на Украине, на Кубани да и под Москвой свидетельствует о том, что, пока не созданы единые хозяйственно-производственные, культурные и жилые центры, пока населенные пункты остаются разбросанными, колхозы не смогут воспользоваться всеми преимуществами, которые присущи крупному артельному хозяйству.

Удачин удивленно поднял голову и спросил:

— Насколько известно, директивные органы осудили сселение как ошибочное мероприятие? А комиссия, что проверяла нас, признала, что для района эта мера, мягко говоря, нецелесообразна. Так ведь?

— Да, комиссия, проверявшая область, подробно изучала этот вопрос и у нас. И выводы комиссии действительно такие. Но мы с вами можем иметь и свою точку зрения. Если нашим колхозам эта мера будет вредить, ее применять не надо, если она будет давать пользу, прок — давайте за нее драться.

Удачин был уверен, что песня Курганова спета. Тот сам вчера, проводя бюро, уже не говорил, как раньше: это поручим Удачину, это я возьму на себя... Нет, он выражался уже иначе: это придется взять на себя первому секретарю, этот вопрос должны решить секретари... Ясно же, почему такие обтекаемые формулировки.

Теперь Виктор Викторович ждал, как развернутся прения. От этого многое зависело. Всякое критическое замечание в адрес райкома он встречал с удовольствием, совершенно забывая, что ко всему, о чем говорили люди, и он имеет прямое и непосредственное отношение.

Прения шли уже около часа, а лично Курганова никто не критиковал. Удачин досадовал, обеспокоенно глядя в зал, прикидывая, кто же, кто начнет? Кто скажет то, что нужно и как нужно? Вот почему, когда на трибуне появился Корягин, Виктор Викторович оживился.

Еще на вечеринке у Виктора Викторовича после ухода Мякотина было решено, что Корягину надо немед-

ленно ехать в область и восстанавливаться в партии.

В областном центре Корягин пробыл недели две. В одной организации видели кроткого, незаслуженно и ошибочно обиженного коммуниста, в другой это был борец за правду, которому отомстили раскритикованные им руководители. А в некоторых кабинетах он держался хоть и скромно, но довольно уверенно, напоминая товарищам о былых услугах и необходимости помочь ему, Корягину... И вот уже делом Корягина заинтересовалась областная прокуратура, а потом и прокуратура республиканская. Они нашли какие-то юридические упущения, и решение Приозерского суда было опротестовано, а потом и отменено. Вслед за тем партийная коллегия отменила решение об исключении Корягина из партии.

Курганов, глубоко убежденный в правильности решения райкома, позвонил председателю областной партколлегии.

— Какими соображениями, какими принципами вы руководствовались, так решая вопрос о Корягине?

— Какими принципами? — скрипуче и монотонно переспросил тот. — Сталинскими, сталинскими принципами. Рекомендую и вам руководствоваться ими же... Коммунистов, товарищ Курганов, воспитывать надо. Понимаете, воспитывать.

Выслушав эту тираду, Михаил Сергеевич вздохнул и попрощался. Ему показалось, что он говорил с Ширяевым.

И вот по Приозерску, ходит уже другой Корягин — на всех обиженный, непримиримо-воинственный, отягощенный якобы несправедливой обидой. На пленум он пришел спозаранку, подходил то к одной, то к другой группе участников, то тут, то там вступал в разговор.

На трибуне Корягин долго держался за сердце, пил воду, исподлобья глядел в зал, всем своим видом давая понять, что выступает жертва, человек пострадавший... Говорил хрипло, надтреснутым голосом, но каждое его слово катилось в зал медленно, тяжело, будто сучковатое бревно по неровному настилу.

Люди поеживались и от его слов, и от взгляда маленьких сверлящих глаз. Корягин не стеснял себя ни в выражениях, ни в мыслях, ни в толковании фактов, ни в подборе слов.

Курганов глядел на него удивленно: так о нем еще никогда не отзывались.

«Товарищ Курганов не опирался на старые опытные кадры, избивал, дискредитировал их...», «Товарищ Курганов привел организацию к крупнейшим политическим ошибкам...», «Товарищ Курганов возомнил себя вождем, зазнался, ни во что не ставит мнение товарищей по работе...», «Товарищ Курганов...», «Товарищ Курганов...».

Зал сначала обескураженно молчал, потом начал роптать, а через несколько минут Морозов, поднявшись во весь свой рост, крикнул:

— Да что же он говорит такое? Напраслину же несет.

— Я правду говорю, товарищ Морозов,— визгливо выкрикнул Корягин.— А вам она, видно, не по душе.

— Да какая у тебя может быть правда, если ты сам-то весь из кривды состоишь?

В зале шумно зааплодировали, раздались смех, возбужденные выкрики:

— Хватит, регламент, довольно...

Но слышались и другие голоса:

— Безобразие, критику зажимают. Товарищ Удачин, вы же ведете пленум, почему не вмешаетесь?

Удачин нехотя поднялся, нажал кнопку звонка:

— Товарищи, товарищи. Прошу к порядку. Не мешайте оратору. Каждый коммунист имеет право высказать свое мнение. Не будем нарушать демократию. Продолжайте, товарищ Корягин.

Корягин, ободренный его поддержкой, закончил эффектно, с надрывом:

— Ошибки, товарищи, совершены агромадные, ошибки политические, и за них надо отвечать. Замазать эти ошибки мы не дадим... Нет. Мы этого не допустим. Да, товарищи, не допустим...

Сразу же после Корягина на трибуне появился Беда. Туда же шла и Родникова. Удачин, встав, спросил Макара Фомича:

— У нас объявлена товарищ Родникова. Почему вы поднялись? Вам я слова не давал.

— А я на одну минутку. У меня только вопрос к товарищу Заградину. Нина Семеновна, обождите чуток.

Удачин хотел настоять на своем, но вмешался Заградин:

— Дайте сказать товарищу.

А Макар Фомич был уже на трибуне.

— Я хочу вас спросить, товарищ Заградин, объясните мне, как это получается? Мы хорошо знаем, что такое Корягин. И он — в партии и вот даже речь толкает. А Озеров исключенный. Никак я в толк этого не возьму. Может, ответите? Вы член Центрального Комитета, должны знать.

Зал напряженной тишиной встретил слова Беды. История с Озеровым была известна всем, и всех она поразила. Вопросы об этом задавались на каждом активе, на каждом собрании, и только когда Удачин на одном из совещаний раздраженно сообщил, что Озеров исключен из партии за связь с антисоветскими элементами, толки приутихли. Однако верить в это никто не хотел, тем более что Озерова до сих пор не освободили от должности председателя колхоза и он, оправившись после болезни, по-прежнему работал в Березовке.

Вот почему весь пленум напряженно ждал ответа Заградина на вопрос Беды.

Павел Васильевич, наклонившись к микрофону, проговорил:

— Я рад, что могу ответить вам на этот вопрос. По делу Озерова на днях состоялось решение Секретариата Центрального Комитета. Он восстановлен в рядах партии...

Виктор Викторович звонил и звонил в колокольчик, а зал неистово радовался, хлопал в ладоши, шумел. А ведь многие здесь лично даже и не знали Озерова. Просто человек, если он человек настоящий, не может не радоваться торжеству восстановленной справедливости.

Нина Родникова, когда ей предоставили слово, к сцене не шла, а бежала, будто опасаясь, что снова кто-нибудь другой взойдет на трибуну, как это только что сделал Беда. Она тряхнула своей непослушной прядью волос, стукнула кулачком по трибуне и обожгла зал горячим взглядом:

— Вот тут товарищ Удачин разъяснял нам, что такое демократия. Но мы и без него это хорошо знаем. Только Корягин и ему подобные, если хотите знать,— явление явно противоположное этому высокому слову. Какая же это демократия, если такие горлопаны станут лучших людей чернить? Нет, товарищи, это уже будет не демократия. Для таких вещей есть другое определение. Это самая настоящая демагогия.

— Корягин такой же коммунист, как и вы, товарищ Родникова.

— Да? — Нина гневно посмотрела на Виктора Викторовича.— Вот уж не ожидала, товарищ Удачин, что вы так плохо обо мне думаете...

Зал весело, задорно зашумел аплодисментами, одобрительными возгласами... А Нина продолжала:

— Корягин здесь распинался об ошибках товарища Курганова. Вот уж действительно: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Боже мой, Корягин критикует... Он тут с радостью перечислял разные грехи Михаила Сергеевича, разные его промахи. Я тоже хочу сказать о нашем первом секретаре...— Зал притих.— Я возьму наш колхоз. Он, как вы все знаете, был самым отсталым в районе. В числе первых шел только по долгам. Но только все это было, товарищи, в прошлом. Теперь колхоз наш выздоравливает. Пшеницы мы собрали на три центнера больше с гектара, чем в прошлом году. Ржи — на четыре центнера. А картофель? Урожая, правда, очень большого мы не добились — семена нас малость подвели, но сто восемьдесят центнеров с гектара — это уже кое-что. Ровно на пятьдесят центнеров больше, чем в прошлом году. Мы выдали колхозникам по килограмму двести зерна, по два килограмма картофеля, по три кило овощей.

Из зала кто-то крикнул:

— Неплохо!

Нина весело согласилась:

— Конечно, неплохо. В общем, дорогие товарищи, ожили мы, ну совсем ожили. Ведь вы подумайте только — даже наш счет в банке открыли. Вы понимаете?

Да, сидящие здесь очень хорошо знали, что такое замороженный счет, что такое долги и дефицит в хозяйстве. Потому-то они так долго и горячо аплодировали этим словам Родниковой.

Удачин, наверное, впервые за все время, пока знал Родникову, поглядел на нее с такой откровенной неприязнью. Он понимал, что, хотя Нина и не хвалила напрямую Курганова, ее рассказ о березовском колхозе — самая лучшая аттестация первого секретаря райкома перед областным руководством.

После Родниковой выступали Морозов, председатель алешинского колхоза Крылов, еще несколько человек. И удивительное дело — никто не говорил о том, о чем, по мнению Удачина, надо было говорить,— о райкоме,

о его ошибках, о Курганове. Виктор Викторович не возражал, даже хотел, чтобы покритиковали и его. Допустим, за то, что вовремя не разобрался в порочных методах первого секретаря, поздновато, мол, поставил эти вопросы в обкоме. Но нет, не говорят этого. Совсем не о том толкуют...

Виктор Викторович решил, что пора выступить самому. Правда, когда он шел на трибуну, то усомнился: может, изменить план и драку не поднимать? Может, выступить о другом? Ведь вопросов, входящих в круг обязанностей второго секретаря райкома, много.

Сомнения, однако, длились недолго. Он увидел в зале Корягина, рядом с ним сидели Ключарев, Никодимов и некоторые другие районные работники. Увидел, как заинтересованно поднял голову Заградин, когда была объявлена фамилия Удачина. И Виктор Викторович решился.

Он говорил о том, что район из прорыва не вытянут, укрупнение колхозов проведено формально, под нажимом, во многих случаях зря, что линия райкома на новые культуры и исключение из посевных планов проверенных культур было ошибкой.

— Все мы помним, товарищи, как воевал Курганов против овса...

Не утерпев, Михаил Сергеевич заметил:

— Ну, воевал-то, положим, не очень активно. Хотя считал и считаю, что зря мы занимаем такие большие посевные площади под эту не очень-то выгодную культуру.

— Да, но она проверена веками...

— Согласен. И все-таки нам нужен не только овес, есть куда более выгодные культуры. И еще. Раз уж вы затронули эту тему, скажу вот что: с севооборотами мы пока как следует не разобрались, только притронулись к этому делу. А оно наиважнейшее. Вот с теми же парами, с травополкой. Ученые целые дискуссии ведут по этим проблемам, а мы — практики — молчим. Конечно, совсем отказываться от паров было бы глупо, но подумать об их объеме в общем посевном клине, ей-богу, следует.

Слышались возгласы:

— Без паров-то — без хлеба останемся.

— Земле тоже отдых нужен.

— Но они у нас великоваты, много земли зря гуляет.

Удачин удивленно таращил на Курганова глаза. Участники пленума тоже вопросительно глядели то на Курга-

нова, то на Заградина. Павел Васильевич с интересом всматривался в лица сидящих в зале, ждал, что Курганов скажет дальше. Он знал его постоянное стремление затевать обязательно что-то свежее, порой рискованное, но знал и его трезвый ум, тщательный расчет в любых важных делах. Для Заградина не были новыми мысли Михаила Сергеевича — советовались, говорили они между собой об этом не раз. Но обнародовать их пока не могли — слишком бесспорными и незыблемыми представлялись истины, на которые замахивался сейчас Курганов.

«Ничего, обкому рано, а в районном масштабе пусть прикидывают»,— подумал Заградин и продолжал внимательно слушать.

Удачин с нескрываемой издевкой спросил Курганова:

— Насколько я понимаю, ваша мысль пленуму не совсем ясна.

— Раз не ясна, попробую объяснить снова,— спокойно сказал Курганов. Но тут поднялся Морозов.

— Это почему же не ясна? По-моему, очень даже ясна,— удивленно-обрадованно проговорил он, обращаясь то к залу, то к президиуму.— Вот здесь Мякотин сидит, Ключарев опять же. Они мне соврать не дадут. Подумывали мы над этим? И не раз. Помнишь, Иван Петрович, как мы с тобой наши пары заняли? Помнишь?

— Как не помнить. Ты только в прошлом году строгача-то отработал. Да и мне попало.

— Ну что ж с того? Строгач носить было, конечно, не очень приятно, но два десятка тонн лишней пшенички мы в сусек положили.

Пленум уже не молчал, а жужжал, как улей. Курганов и сам не ожидал, что эта его мысль так взволнует всех. И если до сих пор у него были кое-какие сомнения по этим вопросам, то сейчас он все больше утверждался в своих планах и предположениях.

— Перестраивать, перестраивать будем наши севообороты, товарищ Удачин, обязательно перестраивать,— обращаясь к Удачину, но глядя в зал, проговорил Курганов. И, переждав одобрительный шум, закончил:

— Сейчас мы пока не готовы к этому. Но разберемся, обязательно разберемся.

Удачин с трудом овладел аудиторией. Всех занимало то, что было высказано Кургановым. Тем более что ему ни разу не возразил Заградин. Значит, обком тоже согласен?

Было над чем подумать работникам села. Вот почему Виктору Викторовичу стало трудно говорить. Но наконец зал утихомирился.

— Я не буду с вами спорить, товарищ Курганов, тем более что вопрос о севооборотах, о новой системе чередования культур — это пока просто теоретический вопрос, мечты, так сказать. Я же буду говорить о наших, в полном смысле слова земных делах...

Произнеся это, Удачин посмотрел на участников пленума. «Так. Опять слушают, и слушают с интересом. Посмотрим, товарищ Курганов, как вам помогут ваши фантазии и прожекты»,— неприязненно подумал Удачин и продолжал свою речь. Но очень скоро он почувствовал, что его слова не находят у собравшихся отклика. А причина была простая: говорил он как человек, смотревший на все это со стороны. Где-то мелькнула мысль: «А не закруглиться ли на этом?» Но остановиться было свыше его сил. Он продолжал:

— Но главное, товарищи, чего нельзя простить Курганову, это его отношение к людям, к кадрам района. За последние годы партийная организация района вырастила прекрасные кадры актива, руководящих деятелей колхозной деревни. И что же? За год снято или освобождено более двухсот руководящих колхозных работников района.

Курганов спросил:

— Вы имеете в виду и тех председателей, которые были освобождены в результате укрупнения совхозов?

— Да, я имею в виду и их, товарищ Курганов.

— Но ведь вопросы расстановки кадров решались, видимо, на бюро, и уж, во всяком случае, с вашим участием? — удивленно спросил Заградин.

Виктор Викторович вздохнул:

— К сожалению, не всегда. Хотя, конечно, я как второе лицо в районе тоже несу известную ответственность за некоторые пробелы. И ваш вопрос я воспринимаю как критику в свой адрес, которую, безусловно, учту.

А теперь хочу сказать, товарищи, о причинах этих крупных провалов. Как бы здесь защитники товарища Курганова ни изощрялись, факты никуда не денешь, они, как известно, вещь упрямая. Наши ошибки и провалы, я говорю об этом прямо, проистекают из неправильного поведения Курганова. Многим из нас он казался смелым, боевым, инициативным. А что оказалось на деле? Вместо инициативы —

погоня за сенсацией, ложное новаторство. Вместо смелости — лихачество. Укрупнение колхозов нам было рекомендовано провести постепенно, а мы провернули за одну зиму. Сселение деревень, оказывается, никто не санкционировал, а нам было сказано, что оно одобрено на высоком уровне. И даже сейчас, когда нам прямо говорят — ошиблись, Курганов гнет свое: мы, дескать, еще посмотрим да подумаем... А я считаю так — раз областным комитетом,— Удачин посмотрел при этом на Заградина,— сказано, встань в струнку и делай!

Мне о Курганове говорить вдвойне тяжело. Я его близким товарищем считаю. Но для нас, коммунистов, партийный долг превыше всего. Вот почему я и режу правду-матку в глаза Михаилу Сергеевичу. Ошибался? Напутал? Оказался не на высоте требований партии? Признайся! Оцени и осуди свои ошибки, проанализируй их, а не замазывай. Приди и скажи партии — не сумел. Этим только ты поможешь делу. Именно так я поставил вопрос и в областном комитете партии.

Заканчивая, Удачин повысил голос:

— Я уверен, товарищи, что партийный актив Приозерья скажет свое веское и принципиальное слово...

Зал долго молчал. Многие сидели опустив глаза, не глядя друг на друга. Только группа около Корягина неистово хлопала в ладоши, а Виктор Викторович, вернувшись на свое место, обращаясь к Заградину, глуховато проговорил:

— Сказал все, что думал.

Павел Васильевич спросил:

— И давно?

— Что давно?

— Ну, так думаете?

— Да все время, Павел Васильевич.

Заградин покачал головой.

— Да, не легко вам было. Обоим. Обоим было, видимо, не легко,— задумчиво промолвил он и посмотрел при этом на Курганова. Михаил Сергеевич сидел опустив глаза и задумчиво смотрел на стол.

После Удачина выступило еще несколько человек. Затем на трибуну поднялся Мякотин.

— Сегодня, товарищи, я хотел выступать совсем по другим вопросам. Вот и конспект приготовил.— И он потряс над трибуной блокнотом.— Не хотел я затевать ссо-

ры. Но Удачин своим выступлением смешал все мои карты.

Зал насторожился.

— Понимаете, товарищи, у каждого из нас есть свои прорехи, свои слабые местечки. Есть они, проклятые, и у меня. Вот здесь о Курганове, о Михаиле Сергеевиче говорили. Как на духу скажу сегодня — очень он мне не понравился поначалу. Днем — в колхозы, вечером — в колхозы и утром — опять же в колхозы. И все ему мало, все не так, все ему плохо. И давайте сделаем то, и давайте сделаем это. Организуем одно, а он уж придумал другое. Проведем это, другое,— он задает третье. И все срочно, и все обязательно. Не знаю, заметили ли вы, но я даже хожу теперь вдвое быстрее. Тут недавно Виктор Викторович внушал кое-кому, в том числе и мне, как нам надо вести себя в назревающих событиях, чтобы, значит, областное руководство поняло, какой острый и принципиальный актив в Приозерье. Вот я и хочу выполнить его совет.

Товарищ Заградин, не Курганова менять надо. Нет, не его. Второй секретарь у нас не годится. Да, да. Не годится. Утверждаю это совершенно ответственно. Ну какой же это, товарищи, секретарь райкома, если он поддерживает жуликов вроде Пухова, потакает транжирам вроде Корягина и чернит таких людей, как Курганов?

Он как страус, что голову в песок спрятал, а хвост выставил. Выходит, все виноваты, а он вроде бы и ни при чем? И укрупнение провели не так, и кукурузу не вырастили, и сселяться начали зря. А вы сами где были? Выходит, вы ни за что зарплату получали? Вы что же, избраны для того, чтобы в президиумах сидеть? Чтобы проповеди нам читать? В колокольчик позванивать? Нет, плохой из вас секретарь, Удачин, плохой.

Вот ты, Удачин, наверно, думаешь: хитер Мякотин, старая бестия,— меня свалит, а сам укрепится. Так думаешь, именно так. Я тебя знаю. Так вот, хочу внести ясность. Михаил Сергеевич,— обратился он к Курганову,— Мякотина тоже замените. Да, да. Говорю это не для красного словца, а вполне ответственно. Нам же район поднимать надо. Поднимать быстро. Значит, работать надо всем на полную железку. А порох у меня уже не тот. Да, не тот. Я, конечно, полностью в тираж не собираюсь, я еще поскриплю, но всякому овощу свое время...

Мякотин собрал листки своего блокнота и не спеша по-

шел с трибуны. А над столом поднялся Заградин, наклонился к микрофону.

— Мы в областном комитете тоже считаем, что товарищу Курганову надо остаться в Приозерске...

Зал сначала молчал, а потом взорвался шумными, одобрительными выкриками и аплодировал долго и неугомонно.

Заградин сказал эти слова обыденно и скупо, вмещали же они очень многое...

Вояж Ширяева и его бригады в Ветлужск всесокрушающей грозы пока не вызвал, но тридцатистраничная докладная «Об ошибочной линии Ветлужского обкома и извращениях в колхозном строительстве» все ходила и ходила по большим кабинетам, все еще наводила тень на ветлужцев. Ширяев каждую неделю обновлял цифры, готовясь к своему сообщению на Секретариате ЦК. Он был уверен, что выводы последуют самые суровые.

— Основным закоперщикам Заградину, Курганову и иже с ними, во всяком случае, несдобровать,— не раз заявлял он работникам, ездившим с ним в бригаде... Потому и держались прочно слухи в Ветлужске, Приозерске, Заречье и других местах о предстоящих изменениях как в обкоме, так и во многих райкомах партии.

Очередь до объемистой докладной по Ветлужску действительно дошла. Маленков безапелляционно, как что-то бесспорное, предложил решительно пресечь заскоки и загибы, допущенные в ветлужских колхозах, и наказать виновных. Но вопрос, казавшийся ему ясным и бесспорным, вызвал горячий и острый разговор. После двухчасового обсуждения секретари Центрального Комитета отвергли выводы бригады как надуманные и беспочвенные, порочащие полезную инициативу местных организаций.

Маленков, с трудом скрывая свою растерянность, хмуро, удивленно и пристально оглядывал участников заседания, видимо пытаясь запомнить всех и каждого. Однако как несостоятельность ширяевских доводов, так и общее настроение Секретариата в пользу ветлужцев были столь очевидны, что настаивать на своей точке зрения он не решился.

На Старой площади наступали новые времена...

. . . .

Когда зал наконец утихомирился, Беда крикнул Мякотину:

— Вот видишь, Петрович, как она, ситуация-то, складывается. А ты в кусты.

Его реплику поддержали в зале:

— Правильно. Чего это ты, Мякотин, в старики подался? Ты еще орел.

— Тоже мне нашли орла,— хмуро проворчал Мякотин в ответ.

Теперь Удачин по-настоящему испугался. Он сидел бледный, вспотевший, нервно кусая губы и лихорадочно думая об одном и том же: «Неужели решат? Неужели послушают этого старого дурака?»

Слова попросил Заградин. Зал быстро затих. Из фойе потянулись курильщики.

— Мне понравилось, как вы обсуждаете свои дела,— без скидок и без обиняков. Это, по-моему, хорошо. Успехи у вас есть, хотя они еще невелики и хотелось бы иметь большие... Но основа для таких успехов заложена. И это самое главное. Но на пленуме выяснилось, что кое-кто и у вас не хочет понять изменившихся условий, живет старыми представлениями о состоянии дел в деревне и о путях подъема колхозного хозяйства... Укрупнение колхозов? Может, надо, а может, и нет. Новые культуры? А зачем? Передовая агротехника? Да. Но давайте не сразу, а постепенно. Укреплять кадры? Как бы кого не обидеть. Если мы все начнем так делать и рассуждать, колхозы мы не поднимем. Товарищи, дорогие, ждать мы не можем. Да, да. Не можем. Вот почему мы говорим: укрупнение колхозов — да, нужно. Новые приемые агротехники? Новые отрасли хозяйства? Нужно. Очень нужно. И правильно делает райком, что берется именно за эти дела...

Заградин не случайно начал свое выступление именно с этого. Он понял, что в Приозерье идет борьба тех же сил, что и в других районах, да и не только в районах. В партии было немало людей, которые понимали, что положение дел в деревне требует принятия немедленных и самых широких мер. Были такие люди и в районах, и в областях, и в центре. Они видели, что промедление здесь может привести страну к тяжелым последствиям. Но их усилия, мысли, стремления разбивались о каменную стену вымышленных представлений, равнодушия и непонимания.

Недооценка обстановки, приукрашивание действительного положения дел, оберегание старых, давно сложившихся и уже изживших себя норм, положений и законов, регламен-

тирующих жизнь колхозной деревни, определяющих ее взаимоотношения с государством,— все это еще находило себе рьяных приверженцев, защитников и проповедников. Основа их упорства была проста: согласиться со всеми мерами, которые предлагались,— значит признать полную свою несостоятельность, признать, что их «руководство» селом вело колхозную деревню к развалу. Вот почему в любом звене, будь то район, край, область или Министерство сельского хозяйства или даже Госплан,— везде дела, касающиеся села и выходящие за рамки сложившихся «обкатанных» порядков, решались медленно, с трудом, в напряженной и упорной борьбе.

И когда с трибуны пленума райкома изливал свою злобу Корягин, когда из зала порой неслись едкие выкрики, когда на Курганова пошел в открытую Удачин, Павел Васильевич подумал: «Знаем. И песни знакомые, и певцы похожи один на другого. Фамилии разные, а слова и мотивы одни и в Москве, и в Ветлужске, и здесь, в Приозерске».

Павел Васильевич изредка поглядывал на Курганова: выдержит ли, не взорвется ли без нужды?

Но Курганов был спокоен. Он тоже давно понял и мотивы, и причины, побуждающие этих людей к наскокам на него. Драки он не боялся и был уверен в ее исходе. Досадовал на себя лишь за то, что до сих пор не смог до конца раскусить Удачина.

Заградин не любил говорить по бумажке. Это сковывало, лишало речь живых красок, юмора. Поэтому он, как правило, говорил по короткому конспекту. Правда, перед любым выступлением он прочитывал, просматривал, «пробегал» целый ворох материалов — отчетов, писем, статей, брошюр, а если удавалось — обязательно встречался с людьми. То же было и в Приозерске.

Павел Васильевич непринужденно стоял на трибуне, обращаясь то к президиуму, то к залу, говорил неторопливо, оживленно и заинтересованно беседуя с аудиторией.

В зале стояла тишина.

Участникам пленума еще никогда не говорили так прямо и откровенно о делах страны, никогда не спрашивали совета по таким важнейшим вопросам.

— У нас много отсталых, запущенных колхозов, урожаи сельскохозяйственных культур во многих районах недопустимо низкие, доходы колхозников порой не обеспе-

чивают их прожиточного минимума. Зерна, картофеля, овощей, мясных и молочных продуктов стране не хватает. Огромные резервы, таящиеся в недрах нашего крупного социалистического сельскохозяйственного производства, мы используем плохо. Продуктивность сельского хозяйства, особенно животноводства, фуражно-кормовых культур, картофельного хозяйства, овощеводства, растет медленно.

...Заградин говорил еще более сорока минут, но напряжение в зале не спадало. Лишь слышалось тихое приглушенное дыхание людей да скрип карандашей и перьев по листкам блокнотов.

— Как видите, я вам рассказал все, что знаю сам. Да вы и по своему району можете судить — положение у нас тяжелое. Война-то нам дорого, очень дорого досталась. Да и непорядки в собственной избе немало вреда принесли.

Центральный Комитет партии сейчас глубочайшим образом изучает все эти вопросы. Осенью, видимо в сентябре — октябре, положение в сельском хозяйстве будет обсуждаться на специальном Пленуме Центрального Комитета.

Но успешное разрешение этих огромных задач будет зависеть от того, какого уровня развития достигнет каждое хозяйство, каждый колхоз и совхоз, насколько полно оно мобилизует свои возможности и резервы. Значит, товарищи, это зависит и от вас...

— А вопрос вам, товарищ Заградин, задать можно?

— Пожалуйста.

В рядах поднялся Степан Лепешкин из Дубков.

— У меня вопрос, товарищ Заградин, такой. Советовались мы вот тут с соседями. Конечно, может, что и не так мы понимаем, может, конечно, и промашка в мыслях вышла. Но все же неладно получается. Вот насчет картошки. Я думаю, не только у нас, а и у всех эта картошка сердце гложет. Разор от нее. Чистый разор. По миру пустит она нас.

— Что, что? Картошка — и вдруг разор? Непонятно,— удивился Заградин.

— Ведь что получается-то? Подсчитали мы, во что обходится нам она, и получается золотая культура. Только золотая в обратном смысле. Дорогонько она нам обходится. Семена, посадка, уход, рытье, опять же отправка потребителю. Одним словом, больше ста рублей тонна. А сколько нам платят эти самые потребители? Тридцать шесть рублей

за тонну. Вот я и хочу спросить вас, товарищ Заградин: где же нам брать остальные-то? Дебет с кредитом, как говорится, никак не сходится. Может, ответите? — Лепешкин не садился и вопросительно глядел в сторону президиума. Зал сначала молчал, затем кто-то ухмыльнулся, а кто-то проговорил в раздумье:

— А что? Вопрос сурьезный, фактический вопрос.— И тогда, будто люди ждали именно этих слов, раздались аплодисменты. Не очень бурные, но дружные.

Павел Васильевич вернулся на трибуну. Когда шел к ней, обдумывал, что ответить. Вопрос был не простой, возникал он не первый раз и не только здесь, но ответить на него пока было трудно, очень трудно. С этого он и начал.

— Прошу извинить, но полную ясность, желаемую, как видно, всеми, я сегодня не внесу. Не смогу этого сделать. Скажу пока одно — в Центральном Комитете изучается и эта проблема. На предварительной стадии дело складывается так, что закупочные цены надо будет пересматривать, и пересматривать основательно. Я убежден, что так оно и будет. Порядка в этом деле у нас нет, и то, что говорит товарищ в отношении картофеля,— еще одно свидетельство того, что вопрос этот нужно, обязательно нужно решать. Но не могу не сказать и того, что затраты труда на выращивание картофеля, как, впрочем, и других культур, надо снижать, решительно снижать. Путь к этому ясный — через механизацию, через новые, более прогрессивные приемы агротехники... Как, товарищ, ясно или не совсем?

— Ясно, ясно, чего тут. Все понятно,— раздались голоса.

— Вы поняли? — спросил, обращаясь к Лепешкину, Заградин.

Лепешкин хитро улыбнулся:

— Я тугой на слова-то. Пойму, когда пощупаю. Вот цены изменят — тогда уясню.

— Вы не слушайте его,— выкрикнул нетерпеливо сосед Лепешкина, моложавый, непоседливый мужчина.— Он у нас с закавыкой.

Кругом засмеялись, а Заградину уже задали другой вопрос:

— Как насчет сселения?

Павел Васильевич улыбнулся:

— Я рискую навлечь на себя гнев товарища Удачина и некоторых других товарищей, но скажу прямо — я за

сселение. Пусть сселяются пока передовые, крепкие в экономическом отношении колхозы. Потом, по мере укрепления артельного хозяйства, будут благоустраивать свои усадьбы и другие.

Удачин, опустив глаза, подумал: «По всем позициям за Курганова стоит. Правду, видимо, говорили, что друзья-приятели они».

Обстоятельно и дотошно, как никогда, пленум обсуждал сегодня свое решение. Да это было и понятно. Ведь требовалось определить пути, по которым идти району, те неотложные меры, которые бы позволили поднять урожайность на приозерских землях. Уже более часа обсуждался проект, а предложения из зала все еще шли и шли.

Удачин нервно проговорил:

— Все в решение не запишешь.

Курганов возразил:

— Но предложения-то дельные? Это будет, в сущности, план работы райкома, да и райисполкома тоже, так что ты не ограничивай.

Когда решение было проголосовано, Курганов, обращаясь к пленуму, спросил:

— Есть ли вопросы у членов пленума?

— Есть,— не спеша проговорил Беда и поднялся с места.— Здесь шел разговор о товарище Удачине.

Курганов повернулся к Заградину:

— Как будем решать, Павел Васильевич?

— Это право пленума.

Удачин сидел бледный, руки у него дрожали. Он хотел сказать что-то, но, посмотрев в зал, раздумал.

— Освободить. Хватит,— раздалось сразу несколько голосов из зала, и вслед за этим поднялся целый лес рук...

Руководящая деятельность Виктора Викторовича Удачина в Приозерье закончилась.

Когда шли со сцены, он, улучив момент, тронул за плечо Заградина:

— Павел Васильевич, как же так? За что? Что же мне теперь делать?

— Прежде всего ответьте сами себе на первый вопрос — за что? Это главное. Тогда будет яснее, что делать.

Заградин посмотрел на часы и заспешил:

— Извините, товарищи, но мне пора.

Однако, когда они вышли с Кургановым из райкома, их

вновь обступили участники пленума. Кто интересовался, как скоро будут пересматриваться закупочные цены, кто хотел уточнить, какова все-таки позиция обкома по сселению деревень. Морозов с хитринкой спрашивал, какие предстоят новые реформы на селе.

Подошла Родникова. За ней чуть поодаль стоял Озеров. Курганов оживленно проговорил:

— Вы тоже здесь? Очень хорошо. Павел Васильевич, вот представляю — товарищ Озеров.

Озеров подошел к Заградину:

— Спасибо, товарищ Заградин. Спасибо. От всей души.

— Ну мне-то за что? Центральный Комитет благодарите. Как чувствуете себя?

— Теперь совсем хорошо.

— Ну и прекрасно. Как говорится: все хорошо, что хорошо кончается.

— Павел Васильевич, у меня, вернее у нас с Ниной, то есть с товарищем Родниковой, просьба есть, вернее, предложение.

— Ну, что ж, пройдемтесь. Послушаю вас.

Заградин, Озеров и Нина ходили, наверное, с полчаса. Курганов уже начал беспокоиться и крикнул:

— Павел Васильевич, где вы?

— А, перепугался? Заговор устраиваем.— Подойдя, Заградин продолжал в том же полушутливом тоне: — А знаешь, Курганов, ведь некоторые ваши товарищи крамольные мысли вынашивают.

— Не может быть!

— Чего же там не может? Товарищи из Березовки решили разжиться пяточком тракторов, десяточком культиваторов да кое-чем еще. У них все подсчитано да высчитано. Ну разве это не крамола?

— Действительно,— в тон Заградину протянул Курганов.

Озеров и Нина переглядывались, не зная, как воспринять слова Заградина. Было действительно трудно понять, шутят они между собой или говорят всерьез.

— Но это не все,— продолжал Заградин.— Сегодня на пленуме в перерыве товарищ Морозов рассказал, что он хочет сам планировать свое хозяйство. В общем, хочет основательно разгрузить и районных и областных плановиков.

Беда, до сих пор молчавший, глухо проговорил:

— Коль рубить, так уже сплеча... Это мы можем. Это мы умеем. Вот я стою и думаю — как бы в своих зачинах да починах тоже... того, опять сплеча не нарубили.

— Вы это о чем, Макар Фомич? — повернувшись к Беде, спросил Курганов.

— Да вот о тех же парах, о кукурузе опять же. Хороша штука, слов нет. Цены ей нет, если ко двору пришлась. Не стал я с трибуны толковать об этом, не хотел с горлопанами вроде Корягина в ряд вставать. Но покумекать вам, начальники, есть над чем. В стольких колхозах неудача — это не шутка. Ведь сотни гектаров прогуляли. И вся промашка вышла на правобережье. А почему? Низкие почвы там, север района. Подумать об этом следует, Михаил Сергеевич. Крепко подумать.

Заградин шутливо заметил:

— Курганов, а Курганов! Оказывается, консерваторов в Приозерье куда больше, чем ты думаешь. А?

Беда обиженно проговорил:

— Сердце болит, Павел Васильевич, как подумаю, сколько там труда людского зря пропало, сколько пота пролито.

Слова Заградина, хотя и сказанные шутливо, задели Курганова. Он озабоченно заметил:

— Ну меня противником кукурузы назвать, видимо, трудно. Верно ведь? Но скажу вам, Павел Васильевич, как на духу: Макар Фомич волнуется не зря, поправочки кое-какие внести придется. В колхозах, что посевернее, эта культура, видимо, не приживется. Так что подумать есть над чем.

Заградин спокойно ответил:

— Что ж, подумать никогда не вредно. Советуйтесь, решайте.

— Был я в этих колхозах,— все так же озабоченно продолжал Курганов,— во всех был. И говорят или думают там колхозники именно так. А глас народа, как известно,— глас божий.— Последние слова Курганов сказал серьезно, без улыбки, даже, пожалуй, строго. И в тон ему, тоже серьезно, задумчиво проговорил Заградин:

— Да, стара пословица, а мудра.

Заградин обратился к Курганову:

— Вы все хвастались своими горами. Говорили, что с Бел-камня весь ваш район виден. Может, покажете?

— Поедемте. На вершину-то карабкаться долгонько,

поздновато уже, но и с малых холмов приозерские края видны как на ладони.

В машине Курганов, нагнувшись к Заградину, проговорил:

— За Озерова вам большущее спасибо. Совестно было в глаза парню смотреть.

Заградин вздохнул:

— Если бы только одному Озерову... Озеров, к сожалению, не один. Далеко не один.

Скоро приехали на Бел-камень.

Солнце еще не село, его бледно-золотистые лучи янтарем обливали верхушки берез, сосен, радужными бликами играли на гладком льду речных залысин, мириадами искр горели на сероватом снежном покрове. Но вот оно, дав людям возможность посмотреть на долину в красочном золотом оформлении, медленно и величественно скрылось за дальней волнистой линией лесов. И скоро в туманной мглистой дымке то тут, то там стали серебристыми пунктирами загораться огни. Их было много, они приветливо мигали, манили к себе.

— Когда много огней,— красиво, жизнь чувствуется,— сказал Заградин.

Михаил Сергеевич легонько повернул его к левому краю вершины и проговорил:

— Вы правобережье смотрели. А теперь взгляните сюда. Земли те же, а традиции другие, не земледельческие. Кустари, отходники, землю никогда не любили.

Заградин посмотрел по направлению руки Курганова и с трудом рассмотрел в туманном сумеречном мареве наступающей ночи еле заметные желтые огоньки. Они сгруппировались в несколько маленьких очажков, мерцали беспомощно и тускло, будто тонкие копеечные свечи.

— Без электричества? — спросил Заградин.

— Да,— вздохнув ответил Курганов.

И всем, кто стоял рядом, подумалось о том, как много еще нужно приложить сил и труда, чтобы приозерская земля давала полную радость людям.

Мчалась по Московскому шоссе навстречу влажному мартовскому ветру большая черная машина. Заградин спешил. Утром он должен быть на опытном поле, днем предстояло областное совещание строителей, на вечерние часы в обком были приглашены директора нескольких институтов.

Торопился к себе на «газике» Морозов... У него тоже было немало больших и неотложных дел. Хотелось поскорее узнать, как завершилась поездка в областной проектный институт, закончился ли ремонт парников, вернулся ли из рыбхоза Иван Отченаш и привез ли обещанных колхозу мальков...

Ехали в свою Березовку Макар Фомич Беда, Нина Родникова и Николай Озеров. Макар Фомич, привалясь на облучок, дремал, а Нина Родникова и Озеров о чем-то негромко разговаривали. Лошадь притомилась, едва трусила, но они не понукали ее. Сегодня им не хотелось спешить.

Удачин шел домой, одиноко, выбирая пустынные улицы. «Как теперь быть?» Он ругал себя за опрометчивость, за то что не угадал позицию Заградина и зря вылез с выступлением на пленуме. Главную причину своего падения он видел только в этом.

А Михаил Сергеевич Курганов вернулся в свой кабинет, подошел к окну и задумался. После тяжелого дня он устал и сейчас, когда его никто не видел, позволил себе несколько минут постоять так у окна, глядя на вечерний город и ни о чем, совсем ни о чем не думая и только целиком отдаваясь той радости, что испытал сегодня на пленуме, когда убедился, что не ошибался он, что его товарищи — приозерские коммунисты думают так же, тревоги, заботы и помыслы у них такие же, как и у него, Курганова.

Он позвонил домой, Елена Павловна, вслушиваясь в его усталый голос, спросила о самочувствии, настроении. Ей очень хотелось знать о пленуме, но она молчала. Михаил Сергеевич поспешил успокоить жену:

— Пленум прошел неплохо... Как надо прошел. Все в порядке. Как там малый?

— А что ему, спит как сурок,— ответила Елена Павловна.

— Ну и пусть себе спит. Ты тоже ложись. Я приду как всегда, расскажу подробнее.

...Ушли, наконец, последние посетители из райкома, опустели комнаты и коридоры, а Михаил Сергеевич все сидел за своим большим столом и работал.

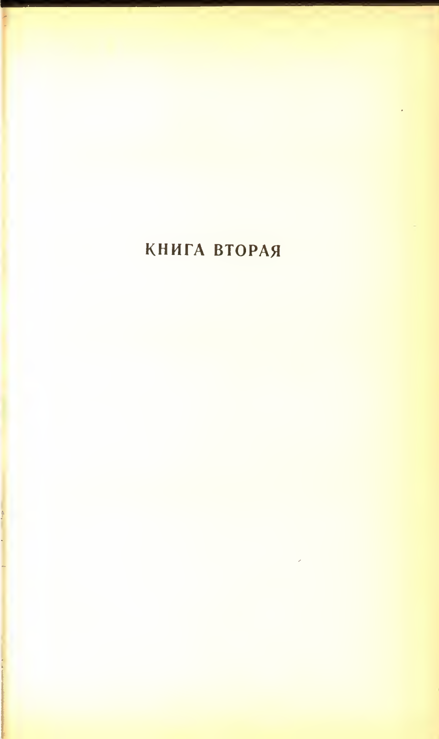
Иногда он отрывался от бумаг, задумчиво глядел перед собой. Потом снова склонялся, снова скрипело его перо по блокноту, и дежурный снова приносил полуостывший чай.

Темная мглистая ночь опустилась на затихшие улицы городка, окутала плотным туманом поля и перелески, мириадами мерцающих звезд усыпала небо... Погасло по-

следнее светящееся окно на окраинной улице у припоздавшего с уроками ученика, подмигнув друг другу напоследок, погасли скрипучие уличные фонари. И только двухэтажный дом на Октябрьской площади своими ярко освещенными окнами, словно маяк, нарушал густую темноту ночи. Зеленоватые лучи света изумрудными квадратами ложились на припорошенные мелкой снежной крупой тротуары, на все еще заснеженный сквер площади и терялись где-то вдали среди широкой асфальтовой глади шоссе.

Вот уже и совсем заснуло Приозерье. А в райкоме все горели и горели огни...

1964—1965



КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

УЖИН В ВЕТЛУЖСКОМ РЕСТОРАНЕ

Совещание областного партийного актива закончилось поздно, и Курганов — секретарь парткома Приозерского совхозно-колхозного управления — согласился со своим шофером Бубенцовым, что да, пожалуй, лучше в Приозерск выехать ранним утром, чем добираться по ночным дорогам. У Кости, как оказалось, была и другая немаловажная причина, чтобы задержаться в Ветлужске,— Вера Толстихина сдавала зачеты в институте, и он не преминул навестить ее.

Курганов, оставив в номере свое нехитрое имущество, решил поужинать и спустился на первый этаж гостиницы — в ресторан. Народу здесь в этот не ночной еще час было мало, и скоро дородный франтоватый официант в белом пиджаке с сияющими пуговицами уже принимал у Михаила Сергеевича заказ. Через некоторое время в зале ресторана появился еще один посетитель — Олег Звонов. Он, прищурясь, осмотрел зал, облюбовал стол у окна и небрежным жестом руки показал на него стайке официантов и официанток, толпившихся у зашторенного входа на кухню. Однако, увидев Курганова, остановился.

«Кто-то, кажется, знакомый»,— подумал Звонов и, решительно изменив направление, подошел к столу Курганова.

— Простите, мы как будто знакомы? Я — Звонов. Помогите припомнить, где встречались?

Курганов Звонова узнал сразу, но разделять с ним трапезу ему не хотелось, и он, чтобы не продолжать разговора, молча пожал плечами: мол, все возможно, но не припомню. Это, однако, Звонова не смутило.

— Вы разрешите? — И, не дожидаясь согласия, опустился на противоположный стул.— Ведь знаю же я вас, знаю, только вот откуда — вспомнить не могу.

— Мы с вами встречались в Приозерске, но давненько,— суховато проговорил Курганов, помогая официанту расставить закуски на столе.

— Позвольте, позвольте. в Приозерске? Точно. Да. Вы же Курганов? Ну да, конечно, как это я сразу-то не сообразил. Верно ведь, Курганов?

— Отгадали,— все в том же суховатом тоне ответил Михаил Сергеевич.

— Ну, а я Звонов. Олег Звонов.

— Вас в Приозерске звали как будто иначе?

Олег усмехнулся, махнул рукой:

— Морковин — дела давно минувших дней. Теперь читательские массы знают Олега Звонова. Хотя слова из песни не выкинешь, действительно начинал там, в Приозерских краях.

Курганов молча занимался закусками, а Звонов продолжал:

— Просто удивительные вещи происходят порой. Среди тех, с кем мне надо обязательно встретиться, предусмотрен и товарищ Курганов. И я даже собрался в связи с этим посетить родные пенаты. А тут такая встреча. Удивительно повезло.

— И зачем же я вам понадобился? — не скрывая удивления, спросил Михаил Сергеевич.

— Дела и заботы журналистские. Сейчас я вам все объясню, вот только метра озадачу.

Щелчком пальцев он подозвал официанта, придирчиво разобрал с ним все меню и, закончив заказ, проговорил, обращаясь к Курганову:

— Я порой поражаюсь, как точны народные поговорки. Действительно, гора с горой не сходятся, а люди... Особенно в наш век. Мир стал удивительно тесен. Иду недавно по Парижу, а мне навстречу шествует знаете кто? Виктор Удачин. Вот радости-то было. Надо же, друзья нежданно-негаданно встречаются под сенью Эйфелевой башни. Ну, отметили мы это дело по высшему разряду. Вы помните его — Удачина-то? Конечно, помните, он же в Приозерске был у вас правой рукой. А в Париж с какой-то делегацией по делам ширпотреба прилетел. Вот-вот сюда нагрянет, вчера мы рандеву с ним назначили.

Михаил Сергеевич заметил:

— Я думаю, вам лучше занять другой стол. Товарищу Удачину вряд ли доставит удовольствие наша встреча.

— Ну что вы, что вы. Все будет о'кей. Мне же с вами обязательно надо поговорить. Ответственнейшее поручение. «Земледельца», надеюсь, почитываете?

— Приходится.

— Значит, мои опусы, надеюсь, тоже видели?

— Ну, их трудно не заметить.

Звонов, довольный, откинулся на стуле:

— Но даются нелегко. Мотаться приходится по всем географическим широтам.

Курганов никак не реагировал на его слова. Олег, однако, не обратил на это никакого внимания и продолжал:

— А вы, товарищ Курганов, молодчина, выглядите почти так же. Времени-то ведь прошло сколько? Ну-ка прикинем. Да, около десяти лет. И каких!

...Олег Звонов за последние годы стал личностью известной, и судьба к нему была более чем благосклонна. В пятьдесят втором году бюро Приозерского райкома партии усомнилось в распространении Олегом Звоновым «заведомо ложной информации» и настойчиво посоветовало соответствующим представителям области потщательнее разобраться в его деле.

Вряд ли у этого парня могут быть какие-нибудь серьезные проступки. Он же здешний, местный, все мы его хорошо знаем. Такой примерно разговор состоялся на бюро. Представители Ветлужска вняли этим советам, порекомендовав лишь Звонову запомнить, что распространение различных слухов и небылиц не к лицу советскому журналисту.

Года два или три после этого Звонов подвизался в разных областных изданиях Ветлужска, а потом подался в Москву. Некоторые знания сельской жизни позволили осесть в «Земледельце». И тут его непризнанная муза расправила крылья. Журналистская судьба забросила его как-то в Новосибирск, на зональное совещание работников сельского хозяйства. Туда же с большой свитой представителей министерств и сельхозакадемии приехал Хрущев и выдвинул идею о вредности учения Вильямса о травопольной системе. Из всех статей, опубликованных в газетах об этом совещании, самым хлестким оказался материал Звонова. Досталось в нем и травопольной системе, и академику, и его поклонникам. Очень удался тогда Олегу его репортаж. Так удался, что даже сам Хрущев прочел. И якобы изрек:

— Острое перо у этого Звонова. И чувствуется, село знает.

Так это было или как-то иначе, никто толком не знал, но отныне обширные, как простыни, материалы за подписью О. Звонова стали появляться не только в «Земледельце», а и в других довольно крупных органах печати. Потом пошли его репортажи из-за рубежа — о поездках различных ответственных делегаций с сельскохозяйственным уклоном.

Вместе с известностью появилась у Звонова уверенность в своей весомости, значительности, покровительственно-снисходительные интонации в общении с людьми. Он быстро перенял типичную манеру поведения западных парней от журналистики. Говорил громко, о любых делах судил безапелляционно, с таинственной многозначительностью. Проявление любых чувств носило у него преувеличенно фамильярный характер. Он мог малознакомого человека ткнуть в бок, с силой хлопнуть по плечу, ударить по спине.

Именно в таком стиле он вел сегодня и разговор с Кургановым:

— Меня, дорогой мой, интересуют вопросы, связанные с нынешним состоянием села. Есть необходимость сделать некоторый анализ, поведать о нашей деревне читателям. Не все же заниматься международными проблемами, надо и внутреннюю жизнь копнуть. Глубинно, так сказать, в ней разобраться. Надеюсь, не откажетесь просветить отставшего от обыденных дел литератора?

Курганов молчал. Его раздражала эта самовлюбленная журналистская знаменитость, вызывала протест развязная манера разговора.

— Видите ли, товарищ Звонов. Если эти вопросы интересуют вас всерьез, то их надо и изучать всерьез, а не за ресторанным столом. Приезжайте, посмотрите. Знатных земляков мы всегда рады видеть.

В последней фразе была немалая доля сарказма, но Звонов этого не заметил. И продолжал:

— Всерьез, всерьез интересует. И даже очень. У меня, знаете ли, девиз: в любом деле копать глубоко и досконально. Иначе — не беремся. Так что и поедем куда надо, и разберемся как следует...— Он, прервав фразу, энергично замахал рукой, приглашая к столу двух вошедших в зал посетителей.

Курганов взглянул в их сторону и иронически усмехнулся по своему адресу:

— Ну и компания к тебе собирается, Курганов.

К столу подходили Удачин и с ним Пухов, тоже когда-то работавший в Приозерске на торговых делах.

Звонов шумно поздоровался с ними и представил:

— А это товарищ Курганов. Вы, как мне помнится, с ним знакомы. Повезло мне. Я собирался в Приозерск, а тут такая встреча.

— С Кургановым мы действительно знаем друг друга. И давно, между прочим,— проговорил Пухов, плюхаясь на стул.

— Встречались,— скупо подтвердил Удачин.

— Ну вот и организуем сегодня встречу старых знакомых как бы за «круглым столом». Это все-таки здорово, что я встретил тебя, Курганов,— балагурил Звонов.— Но о делах чуть позже, сейчас же я есть хочу, как волк.

Курганов не спеша занимался жареным цыпленком, не вступая в разговор. И если Звонов и Пухов не видели в создавшейся ситуации никакой неловкости, то Удачин был иного мнения. Обращаясь к Звонову, он недовольно проговорил:

— Ты что, Олег, другого стола не нашел? Зачем человеку аппетит портить?

— А кому же мы его портим? Не понимаю. По-моему, наоборот, все очень хорошо получилось.

Курганов мельком глянул на Удачина:

— Мне никто не мешает. Если же мешаю я, то потерпите четверть часа. Мой ужин не будет длительным.

— Нет, нет,— энергично запротестовал Звонов,— так просто вы от меня не отделаетесь.— И, обращаясь к Удачину и Пухову, продолжал: — Задание имею,— он поднял вверх указательный палец,— особое. Соображаю, в какие края податься, кого прославить, а кого и высечь, на суд общественности, так сказать, вытащить. Начнем с Ветлужщины, а потом и другие места посетим. Потому и докучаю товарищу Курганову. Хочу обогатиться информацией от представителя глубинки.

Удачин, ни на кого не глядя, заметил:

— Ну что же, тебе действительно повезло. Курганов — источник информации, что называется, от сохи. Так сказать, собственным горбом колхозные дела поднимает.— И повернулся к Курганову.— Помнится, вы всегда ратовали за конкретное руководство. Теперь-то у вас наверняка есть все возможности для осуществления этих принципов?

Последнее слово он намеренно выделил, подчеркивая недружелюбность вопроса. Его поддержал Пухов. Вытянув

под столом толстые ноги, удобно развалясь в кресле, проговорил:

— Да, дороговато многим обошлись эти кургановские принципы. Попортил ты, Курганов, кровушки людям. А кое-кому и жизненную стезю поломал. Мне, например. Целых три года оттрубил я в краях отдаленных. А за что? По наветам. Не захотел ты тогда заступиться, доброе слово сказать. И из партии меня ты выключил.

Курганов молчал, помешивая ложечкой кофе. Он думал, как ему поступить. Говорить, спорить с этими людьми ему не хотелось. Объяснять? А что, собственно, объяснять? Но уйти, не закончив ужина, он не хотел тоже. С какой стати? Агрессивность троицы его затронула мало.

— В вашем деле, Пухов, помочь вам мы не могли. Дело решал суд. Ну, а с партийностью, сами знаете. Устав есть Устав.

— Да, да, конечно. Но могу вам сообщить, товарищ бывший секретарь райкома, что я опять в партии. Восстановленный, честь по чести. Ясно вам?

— Что же, рад за вас. Видимо, вы заработали это право.

— Да уж рады или нет, а против факта, как говорится, не попрешь. Нет, Курганов, в людях ты разбираешься хреново, хуже, чем баран в музыке. Разбрасываться руководящими кадрами, да еще с таким опытом, нельзя. Нельзя, Курганов.

— Ошибки могут быть у каждого. Были они и у меня. Но не с вами, Пухов.

— Товарищ Курганов умел вершить судьбы людей, опираясь, так сказать, на массы, на коллективное мнение.— Удачин проговорил это с плохо скрытой неприязнью. Виктор Викторович Удачин никогда и никому не прощал обид. Не простил он их и Курганову, хотя в глубине сознания у него и появлялись порой мысли, более трезво оценивающие роль Михаила Сергеевича в его, удачинской судьбе.

Курганов пытливо посмотрел на него и спокойно спросил:

— Вы тоже хотите упрекнуть меня за свои беды?

— А что, вы к ним непричастны?

— Винить в своих неудачах и ошибках только других — удел людей ограниченных. Я вас знавал другим.

— Ну, в моей судьбе от вас тоже зависело многое, если не все.

— Вы имеете в виду тот, давний пленум Приозерского райкома?

— Хотя бы и его. Вы могли бы вмешаться. Не захотели.

— Вы, видимо, забыли. Виктор Викторович, как было дело. Стоял вопрос о моем освобождении. И поставили его вы. О вас же я вообще ничего не собирался решать. Освободил вас сам пленум.— Курганов, помолчав немного, добавил: — Думаю, вечер воспоминаний можно закончить. Не место и не время обсуждать здесь партийные дела, хотя они и касаются прошлого.

Звонов внимательно вслушивался в пикировку своих приятелей с Кургановым. Он из Приозерска уехал несколько раньше событий, разразившихся над Пуховым, а вслед за ним и над Удачиным, и многого из разговора не понимал.

— Виктор,— попросил он Удачина,— объясни мне суть вашей хоть и прошлой, но, как видно, довольно острой конфликтной ситуэйшен? А то я не знаю, к какой баррикаде прислониться.

«Когда же они закадычными-то друзьями стали? — подумал Курганов.— Помнится, Виктор Викторович предавал анафеме всех, кто даже был просто знаком с Олегом Звоновым».

Действительно, Удачин никогда не принимал Звонова всерьез и, уж во всяком случае, не числил его в своих друзьях. Но года два или три назад, встретив его в Москве на улице Горького, облобызал троекратно, затащил в какое-то кафе, и просидели они там целый вечер. Ведь это был уже не тот, а другой Звонов. Вспомнить было что, поговорить тоже нашлось о чем. Ведь у обоих с Приозерском были связаны волнующие и далеко не радостные воспоминания. Эта встреча и положила начало их дружбе.

Удачин слышал вопрос Звонова, но с ответом не спешил. Потом нехотя, не отрываясь от закуски, проговорил:

— Как-нибудь в другой раз. А то видишь, Михаил Сергеевич спешит. Да и вообще, как вы слышали, он считает вечер воспоминаний законченным.

— А почему, собственно? — взвился Пухов.— Что вам не нравится, товарищ Курганов? Может, считаете, что неуважительно говорим с вами? А за что я вас уважать должен? За что? Не имею для этого оснований. Кто вы, собственно, есть? Партийный секретарь колхозно-совхозного, или нет, совхозно-колхозного управления. Не велика птица.

Произнеся эту тираду, Пухов орлом посмотрел на своих приятелей. Вот, мол, как его прикладываю.

Удачин усмехнулся:

— Не привыкли, Михаил Сергеевич, к такому обращению.

Курганов мельком окинул взглядом своих собеседников и скупо улыбнулся:

— Да, если говорить откровенно, не привык. Но и не удивляюсь. Тупо ковано не наточишь, глупо рождено не научишь.

Пословица, конечно же, относилась к Пухову. Он, однако, не понял этого и, прожевывая что-то, проговорил, не глядя на Курганова:

— Пообломали вам крылышки-то. Пообломали. Но учтите, жертвы культа личности не забыли своих кровных обид. Они жаждут справедливости.

— Вы что же, и себя причисляете к этим жертвам? — подняв на него удивленный взгляд, спросил Курганов.

— А как же? Пострадал. Невинно пострадал.

— Статья сто пятьдесят шестая Уголовного кодекса,— чуть усмехнувшись, уточнил Удачин.— Так, кажется, Пух Пухыч, не ошибаюсь?

— Ну и что же? Они, такие вот Кургановы, по-разному действовали, чтобы вывести из строя настоящих бойцов.

— Ты, боец, закусывай активнее,— придвигая тарелки к Пухову, проворчал Удачин.— А то быстро с рельс сойдешь.

Звонов его поддержал. Он видел, что его компания поговорить с Кургановым ему не даст.

— И верно, Пухыч. Ты больше на закусь налегай. Все мы так или иначе жертвы этого самого культа. Ты думаешь, мне было легко? Тоже ведь без оркестра покинул Приозерье.

Курганов хорошо помнил историю Звонова и помнил, как бюро райкома тогда решительно встало на его защиту. Впоследствии же на личность Морковина-Звонова никто, кажется, не посягал. Предлагали ту же работу. Захотел обосноваться в области — дали добро. Чего же он хнычет? Зачем же и этому нужна тога жертвы культа личности? Курганов сухо заметил:

— Между прочим, с вами тогда очень быстро все разъяснилось. И вы, помнится, приходили благодарить... Виктор Викторович был при этом, должен помнить.

Удачин нехотя откликнулся:

— Припоминаю.

Звонов картинно развел руками:

— Я имел в виду эту проблему не в личном, а в более общем аспекте. Так что лучше перейдем к нашим баранам. Меня сегодня интересуют другие проблемы. Какова на местах эффективность грандиозных реформ, что проводятся сейчас в стране? Каково их влияние на жизнь и деятельность

низовых звеньев общества? Есть предположение, что далеко не все наши руководящие кадры поняли суть этих исторических перемен, пребывают в раздумьях и размышлениях. А иные просто тоскуют по прежним временам и не принимают новых веяний. Груз прошлого тянет их вниз. Вот хочу подобраться к этой чрезвычайно важной и острой теме.

— Что ж, тема жизненная,— в раздумье проговорил Курганов.— Решать надо еще многое.

В разговор вклинился Пухов.

— Вот послушайте анекдот, только сегодня услышал. Лежит пьяный на улице. Милиционер из сельской зоны звонит своему начальнику: что делать? Тот отвечает: понюхай, если водкой или самогоном пахнет, вези к нам, если коньяком отдает — перетащи на другую сторону улицы, это наверняка из промышленной сферы. Ха-ха. Здорово? Или вот еще. Приходит муж домой....

Удачин прервал:

— Подожди, Пухов. Серьезный же разговор идет.— И добавил: — Это вы, Михаил Сергеевич, верно сказали, нерешенного пока много, и решать есть что.

— А почему? Почему многое не решается? — вскинулся Звонов.— Ведь линия дана, и довольно ясная. В чем же дело? Где корень? Слышал я, что кое-где не очень-то жалуют некоторые важные постановления... критикуют даже... Есть, идут такие сигналы...

Курганов внимательно посмотрел на него:

— Перестройки затеяны коренные, широкие. И в государственном устройстве, и в руководстве хозяйством: промышленностью, селом... Не все еще поняли суть и цель этих перестроек... Нужны время, опыт... А кое-что придется, как мне кажется, и пересмотреть. Известно ведь, что далеко не все, что порой кажется новым, на деле оказывается полезным, прогрессивным.

Звонов тут же уцепился за эту мысль:

— А что вы конкретно имеете в виду? Например, как вы лично оцениваете новую систему управления селом?

Курганов, явно тяготясь разговором, нехотя ответил:

— Ну, такие темы надо обсуждать на свежую голову. Спасибо, товарищи, за компанию. Извините, но мне пора.

— Звонов стал удерживать его:

— Да куда вы спешите? Время-то еще не позднее. Мне же чертовски важно...

— Мне завтра очень рано вставать.— Михаил Сергеевич подозвал официанта, рассчитался с ним и обратился к Зво-

нову: — Если у вас действительно есть необходимость знакомства с делами в Ветлужщине, и в Приозерье в том числе, приезжайте, чем можем — поможем. Всего доброго, товарищи.— И Михаил Сергеевич, придвинув к столу свой стул, не спеша пошел к выходу.

— Эх, мужики, испортили вы мне всю обедню. Такой карась с крючка сорвался. У него же наверняка полная башка мыслей. Крепкий мужик. Вы не очень-то уважительно с ним. Да и я тоже... Другой бы в амбицию полез, а этот даже бровью не повел. Знает себе цену.

Пухов, разливая коньяк, согласился:

— Уж как его ни мяли, как ни утюжили, а он все на ногах. Не дадут эти ваньки-встаньки расправить крылья нашему брату. С ярмарки таких,— стукнул он кулаком по столу.— С ярмарки.

Удачин мрачно усмехнулся:

— Не так просто их с ярмарки-то. За ними и биографии, и опыт, и поддержка масс, как они любят выражаться.

— Ничего. Раз сам Никита Сергеевич так ставит вопрос, то кончилось их время. Должна эта линия осуществляться. А как же?

Удачин повернулся к Звонову:

— Ты обратил внимание на его слова: кое-что менять, перерешать придется, не все, говорит, что предлагают внедрять, бывает прогрессивным... Значит, есть такие мысли...

— Так я же и говорю, испортили вы мне обедню. Но ничего, я его завтра поймаю.

— Да что вы уцепились за этого перегибалу. Подумаешь, ума палата. Поедешь в глубинку, таких десятки сыщешь. Да еще и похлеще попадутся.

Удачин и Звонов переглянулись.

— Смотри ты, Пухов-то. Ума ведь не палата, а глаголет истину.

Друзья посидели еще с полчаса, но беседа что-то не клеилась. Пора было закругляться. Тут внимание Звонова привлекли две вошедшие в зал девицы. Обе рослые, худые, с распущенными по плечам белесыми волосами, то ли в платьях, то ли без них, так они были коротки. Олег, торопливо встав, ринулся им навстречу.

— Ну, а мы... мы что будем делать? — полусонно спросил Пухов.

Удачин мельком взглянул на него:

— Ты поедешь спать. Я сейчас вызову такси и отправлю тебя домой.

— Это почему же? Дай-ка мне сюда Курганова, я еще кое-что скажу ему. Ох как врежу...

— Ладно, ладно. Ты уже и так врезал и в прямом, и в переносном смысле.

Пухов, погрозив Удачину пальцем, проговорил с пьяной откровенностью:

— А ты все хитришь, Витя, все хитришь. Мостики бережешь. Вдруг по ним еще шкандыбать придется. Так, что ли? Сначала-то кочетом на него, кочетом, а потом даже подпевать начал.

Удачин ничего не ответил. Он мысленно уже ругал себя за то, что так задиристо вел себя с Кургановым. Не надо было этого делать. Что ни говори, а человек он известный и в Ветлужске и в Москве. И член бюро обкома, и депутат. Да, зря я с ним так.

Усадив Пухова в такси, Удачин вернулся в зал. Его тоже заинтересовали долговязые посетительницы ресторана, к которым ринулся Звонов.

Компания встретила его шумно, и Виктор Викторович быстро подключился к застолью. Он пока еще был в достаточной силе и не отказывал себе в доступных радостях жизни.

Но мысль о том, что он сегодня опрометчиво вел себя с Кургановым, не давала Удачину покоя и здесь. Вскоре он, объяснив что-то Олегу, распрощался с ним и его приятельницами и пошел разыскивать номер, где проживал Курганов.

Своим нынешним положением Виктор Викторович был недоволен. И не по каким-то соображениям материального порядка. Заместитель начальника управления — должность вполне обеспеченная. Но все это было не то. Он был уверен, что способен на большее, что его организаторские качества прозябают в забвении. Он вполне мог бы заниматься куда более значимыми делами, чем изготовление игрушек и сковородок.

После того знаменитого пленума Приозерского райкома, освободившего Удачина от обязанностей второго секретаря райкома, прошло уже немало лет, а Виктор Викторович все еще никак не мог успокоиться. Он давно и твердо решил, что вернется в Приозерск в таком качестве, чтобы о прошлом вспоминать с усмешкой, а на приозерцев смотреть с чувством превосходства. Мысль эта жила в нем постоянно. Сегодняшний же разговор с Кургановым, как с опозданием подумалось Удачину, мог еще больше отдалить эту перспективу.

Курганов, облачившись в пижаму и удобно устроившись

в кресле у торшера, с увлечением читал книгу. Он удивился неожиданному стуку в дверь и еще больше удивился, увидев Удачина.

— Виктор Викторович? Что случилось?

— Если разрешите, я войду?

— Пожалуйста. Только я не понимаю цели вашего визита. Продолжать давешнюю беседу я не намерен.

— Вы извините, я ненадолго.

— Проходите, садитесь. Я слушаю вас.

Удачин суетливо устраивался в кресле, натянуто улыбался.

— Так в чем дело, Виктор Викторович?

Курганов смотрел выжидающе.

— Я, собственно... за советом и помощью. Хочу заняться чем-то более существенным. Изнываю от неудовлетворенности своей работой.

Курганов пристально посмотрел на Удачина, пытаясь понять, что кроется за всем этим. Он ведь достаточно хорошо знал Виктора Викторовича.

— Что, должность не устраивает или характер работы?

— Ни то, ни другое.

Курганов заговорил не сразу.

— Будь вы человеком попроще, с меньшими амбициями... Ведь если вы не забыли...

Удачин, приложив руки к груди, как грешник в раскаянии зачастил:

— Михаил Сергеевич, я все помню. Грехов у меня перед вами много. Был против вашего прихода в Приозерье, ставил вопрос о вас в обкоме, ратовал против вас на пленуме райкома... Все помню и... осуждаю себя...

Курганов прервал его:

— Я не об этом. Я что хотел сказать... Когда на следующий день после пленума вы были у меня с вопросом, что делать, я советовал оставаться в районе. Вы не захотели, и это было ошибкой. Обида взяла верх. А на кого обижаться-то было? На коммунистов? Так это ж их право выбирать своих руководителей. На партию? Но ведь вы, получая партийный билет, обязались подчиняться ее законам. Мы хотели послать вас тогда к Мякотину в помощь...

— Как он? Иван-то Петрович?

— Вы же знаете, сколько дел у исполкома. И то надо решать, и другое, а возможностей не так уж много. А Мякотин работает так, что молодым не угнаться.

— Я, конечно, понимаю, что никакого морального права

просить вас о чем-либо у меня нет...— начал было Удачин, но, увидя, как Курганов недовольно поморщился, замолчал.

Действительно, Курганову стало неприятно это самоуничижение Удачина. Он всегда болезненно реагировал, сталкиваясь с потерей человеком своего достоинства. Да, перед ним сидел человек, боровшийся против него, и притом не всегда честно, по-партийному открыто, человек, из-за которого ему — Курганову, многое пришлось пережить. Ведь получить удар в спину от своего коллеги по работе, товарища особенно горько. Но все это в конце концов в прошлом. Сейчас же Удачин пришел за советом и помощью. И не в правилах Курганова было пренебрегать душевным порывом человека.

— Вы вот что, Виктор Викторович, давайте без этих... дипломатических заходов. Это все лишнее. В вашей просьбе я готов посильно помочь, если... не за должностью гонитесь, а за делом. По-моему, вас действительно сподручнее использовать непосредственно на селе. У вас же опыт. И чтобы, как говорится, дыхнуть некогда было. Тогда и хандру и сплин как рукой снимет. Если же вы ведете речь о том, чтобы должностенку получше схлопотать, то в этом я не помощник.

Проговорив это, Курганов встал, давая понять, что беседа окончена. Удачин поднялся тоже. И, вставая, задел боком за край кресла, в кармане звякнула фляжка. Он смущенно проговорил:

— Хотел предложить выпить немного за восстановление добрых отношений, да постеснялся предложить. А потом, откровенно говоря, и забыл... за такой беседой. Может, опрокинем по маленькой?

— Нет, спасибо. Мы с вами не ссорились, мириться, следовательно, нужды нет. А с секретарями обкомов — Заградиным и Артамоновым — я при случае поговорю. Обещаю вам это.

Виктор Викторович не был удовлетворен этой встречей, слишком она вышла короткой. Но настаивать на продолжении разговора не стал и, попрощавшись, вышел из номера.

Глава 2

НЕУШЕДШИЕ ТРЕВОГИ...

Мотор, до того ровно и спокойно урчавший, вдруг чихнул раз-другой и стал глохнуть. Бубенцов взялся за кнопку подсоса, нажал на педаль акселератора, старясь форсировать обороты, но это не помогло. Двигатель, выстрелив из глушителя клубом синеватого дыма, остановился.

— Это еще что такое? — удивленно проговорил Костя. И повторил все манипуляции с приборами. Мотор не заводился.

— Сейчас посмотрю, что там,— чуть сконфуженно объяснил он и поспешно выскочил из машины.

Минут пятнадцать или двадцать Курганов сидел спокойно, уйдя в свои мысли и не докучая шоферу вопросами. Потом сидеть без дела ему надоело, и он тоже вышел из машины.

— Ну, что у нас стряслось?

— Подача засорилась, Михаил Сергеевич. Никогда такого не было. Видимо, при заправке в бак что-то попало. Придется бензонасос снимать.

— Это надолго?

— Да с полчаса провозиться придется.

— Тогда вот что, ты тут разберись, что к чему, налаживай нашу колымагу, а я пойду в Березовку. Тут не так далеко. Все равно я планировал к ним заглянуть.

— Да я быстренько, Михаил Сергеевич. Скоро догоню вас.

Курганов достал с заднего сиденья серый, видавший виды плащ и, набросив его на плечи, двинулся по грунтовой тропке, что пролегала параллельно шоссе.

Чувствовалась близость осени. На приречных лугах уже высились дородные стога, в лесах пестрело разноцветье

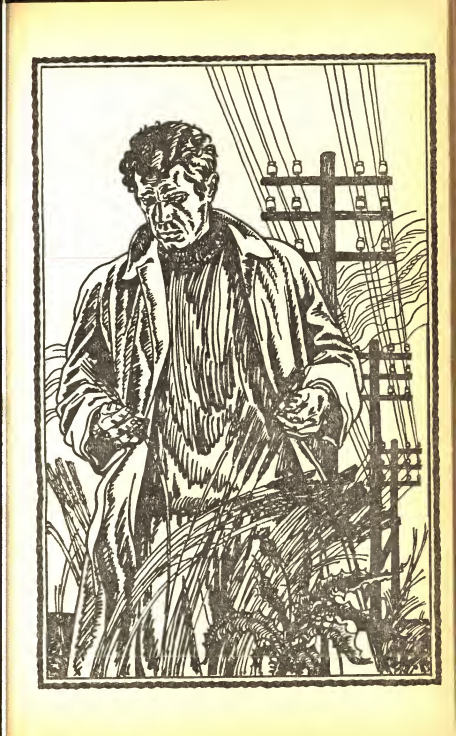
листвы. Видневшаяся вдалеке роща на Журавлиной излучине тоже примеряла свой осенний наряд. Окрестные поля приобретали тот желтоватый, чуть белесый оттенок, который предвещал начало косовицы. Ветер легкий, чуть бодрящий, с легким посвистом, волнами прокатывался по спелому житу, шептался о чем-то с ивовыми кустами, озорновато рябил воду в придорожных кюветах.

Дойдя до деревянного моста через извилистую бурливую Вазу, Курганов остановился, достал сигарету, закурил. Речные заводи, обрамленные тростником и чуть пожелтевшей осокой, были спокойны, в них четко отражались клочковатые клубистые облака, высокая синь неба. По старой охотничьей привычке Курганов стал пытливо вглядываться в речные заводи: не гуртуется ли там осторожный утиный выводок? Но все было тихо, только кланялись под ветром верхушки ивняка да шуршали камышовые заросли.

Вдруг слух Курганова уловил далекое курлыканье. «Рановато вы что-то подались из наших краев»,— подумал он и поднял голову. Журавлиная стая летела высоко, но гортанная перекличка слышалась все явственнее и явственнее. В широком просвете меж облаков появился длинный ровный треугольник. Вожак чуть впереди клина, а за ним две нитки, словно разошедшиеся от одной точки на голубой бумаге. Вожак посылал вопросительный зов, видимо, спрашивая, как там эшелон? И стая дружно отвечала коротким, звучным курлыканьем, все, мол, в порядке. Эта звонкая деловитая перекличка слышалась еще долго, и Курганов неотрывно провожал взглядом далекую стаю. Из-за клубящихся причудливыми нагромождениями облаков показалось солнце, словно оно тоже хотело посмотреть и ободрить улетающих в южные края птиц. Под его теплыми бледновато-розовыми лучами просветлели речные бочажки, восково-золотым янтарем блеснул частокол камыша, ярким багрянцем засверкали трепещущие листья осин на окраине недалекой рощи.

И пытливый обзор камышей, и долгое любование журавлиным клином были, в сущности, попытками Курганова уйти от своих невеселых сумрачных мыслей, которые настойчиво и неотступно донимали его в последнее время.

Собственно, оснований для особо мрачного настроения у Курганова не было. На вчерашнем совещании в обкоме Приозерье не ругали и даже похвалили малость. За освоение



поймы Славянки, создание прочной кормовой базы, за изыскание новых форм организации труда на возделывании пропашных культур. Но эта похвала не обрадовала Михаила Сергеевича. Все это частности, думал Курганов. Перед активом они с Гараниным — начальником колхозно-совхозного управления — объехали немало колхозов и совхозов своей Приозерской зоны. И еще раз убедились — состояние хлебов обещает в лучшем случае прошлогодний урожай. Ну, может быть, чуть выше. А в ряде артелей, давно уже основательно хромающих, урожайность будет даже ниже среднеобластной. В общем, топчемся на месте, подвел итоги своей поездки Курганов. И Гаранин с ним согласился.

Все это — и низкую урожайность, и экономическую отсталость многих хозяйств — можно было обстоятельно и убедительно объяснить. Тут и погода не балует несколько лет подряд, и земли Приозерья негодны, скажем, для кукурузы, и техники, удобрений пока выделяется мало. Можно было бы привести много и других доводов. Но они не объясняли главного — почему при равных условиях результаты деятельности колхозов и совхозов разные. Одни с урожаем, другие порой лишь семена собирают. Именно об этом и говорил на активе первый секретарь обкома Заградин.

Курганов хорошо знал силу таких собраний актива. На них руководители районов, колхозов, совхозов, агрономы, механизаторы поверяли свои замыслы, сомнения, тревоги. В докладах, их обсуждении, в общении с товарищами по работе отыскивались решения для назревших, неотложных дел, определялись те оптимальные варианты, которые трудно, а порой просто и невозможно нащупать в одиночку, без проверки на опыте других.

Заградин — первый секретарь обкома — обычно, выступая ли с докладом или заключая прения, как бы аккумулировал мысли участников, отбирал главное, решающее, сосредоточивая на нем внимание всех. Говорил он, как правило, спокойно, деловито, без каких-либо ораторских приемов, но говорил убежденно, уверенно, и у всех оставалось четкое, ясное представление о том, что надо предпринимать сегодня, завтра.

На этот раз выступление Заградина было несколько необычным — более резким и нервным. Анализируя причины низкой урожайности во многих колхозах и совхозах, он беспощадно раскритиковал многих руководителей зон и районов, подверг тщательному разбору деятельность областных орга-

низаций и обкома в том числе. Причины медленного подъема отстающих хозяйств, говорил он, прежде всего в стиле и методах нашего руководства.

— ...Мы не доходим пока до каждой артели, до каждого совхоза, занимаемся ими вообще, без учета специфики каждого хозяйства, его экономики, производственных возможностей и условий. А ведь разделение областей на промышленные и сельские предусматривало прежде всего обеспечение конкретного и более результативного руководства делом. Сегодня здесь раздавались голоса о наличии объективных причин, осложняющих нашу работу. Да, объективные причины, разумеется, есть. Но со временем, как я уверен, они отпадут. В таких больших, сложных делах могут быть и издержки. И, надо полагать, то, что не оправдает себя, не привьется в жизни, в практике, будет скорректировано, исправлено. Но, товарищи дорогие, причин, которые бы оправдывали низкие урожаи в Ветлужщине,— таких причин нет. Надо уяснить это всему активу и значительно быстрее, энергичнее перестраиваться, постоянно помня о нашей личной, непосредственной ответственности перед партией за состояние каждого колхоза и совхоза, каждого большого и малого хозяйства.

Последняя часть речи секретаря обкома особенно взволновала Курганова.

— Партия сейчас,— говорил Павел Васильевич,— открыто и прямо говорит с народом по самым насущным проблемам жизни страны. И от нас с вами зависит, чтобы каждый труженик осознанно, всем сердцем уяснил и воспринял задачи, которые она ставит перед селом, считая себя лично причастным к их осуществлению. А для этого нужна постоянная, целеустремленная и проникновенная работа с людьми, знание их запросов и тревог и практическая деловая помощь в решении их наболевших вопросов.

Размышляя сейчас над речью Заградина, Курганов не мог не признать его правоты. Но, вздохнув, мысленно поиронизировал: «Все верно, Павел Васильевич, все верно. Только как поднять это громадье дел? И так ведь на полных оборотах крутимся, а ты требуешь еще прибавлять эти самые обороты. Как это сделать? А вот насчет более умелой, более глубокой работы с людьми он на сто процентов прав. Упущений, формализма у нас здесь хоть отбавляй.

Михаил Сергеевич чувствовал, что за последнее время он ощущает некий холодок во взаимоотношениях с некоторыми руководителями колхозов и совхозов, с бригадирами,

звеньевыми и с колхозниками, реже стал замечать ответное тепло во взгляде, заинтересованность в высказанной секретарем парткома мысли. А ведь именно это всегда согревало Михаила Сергеевича, вызывало радость в душе, рождало новые задумки, планы, стремления.

Он не мог упрекнуть ни себя, ни Гаранина, ни других работников управления в лености, вялости, в равнодушии к делам. Не чувствовал он и усталости — ни душевной, ни физической.

Дело, видимо, в том, что в каждодневной сумятице дел мы действительно упускаем особенности тех или иных хозяйств, не очень-то глубоко изучаем их слабые, больные места, не всегда приходим на помощь. А люди ведь ждут от нас и теплого слова, и деловой помощи во всем, что их заботит, беспокоит и волнует. Мало мы общаемся с ними, чтобы вовремя и убедительно разъяснить то новое, что каждодневно вносит партия в жизнь страны.

В памяти Михаила Сергеевича невольно вставали события последних лет. Немало их прошло за эти годы. Малых, средних, больших и таких, о которых говорил весь мир.

Все еще памятно было людям время Сталина. Страна жила без его — столь длительного, облеченного всеобщей верой — руководства. Партия боролась за то, чтобы исправить ошибки, которые допускались в период культа личности. И те меры, которые она приняла по демократизации партийной, государственной, общественной жизни, реабилитации ошибочно осужденных людей, по широкому выходу страны на международную арену,— все это было одобрено советскими людьми искренне и горячо.

Как у человека, воспитанного на святом подчинении воле партии, в которой он состоял уже более трех десятков лет, у Курганова никогда не возникало ни единой мысли, ни единого сомнения в правомерности ее решений. И это шло вовсе не от слепого подчинения велению свыше, не от бездумной веры в непогрешимость руководящих инстанций. Нет, Курганов на протяжении своей жизни многократно убеждался, что эти решения выражают и его мысли, и его устремления. И решение XX съезда он воспринял тоже как должное, неизбежно нужное дело. Правда, нелегко было Михаилу Сергеевичу слушать эмоционально-запальчивую речь Хрущева о Сталине, произнесенную на съезде. Он сидел тогда в Кремлевском Дворце, вжав голову в плечи, боясь пропустить хоть слово и еще пуще боясь того, что еще скажет возбужденный, нервно жестикулирующий докладчик.

Тягостное ощущение осталось от этого дня у Курганова. Да и не только у него. Но он очень хорошо помнил слова Заградина в день похорон Сталина о том, что главная сила всегда была не в нем, хотя и его роль никак нельзя умалять, а в партии, в той огромной когорте людей, к которой принадлежал и он — Курганов. И мысль эта, прочно и глубоко вошедшая в сознание Михаила Сергеевича, уравновешивала речь Хрущева, помогала видеть в ней суть, а не форму.

Жизнь, обязанности, долг ведущих требовали от коммунистов не самокопания в своих переживаниях и личных ощущениях, а дел. Дел конкретных, осязаемых, практических. И большинство, как и Курганов, с головой ушли в круговорот неотложных каждодневных забот, каждый на своем большом или малом участке старался выполнять то, что было поручено.

Как человек, жизнь которого уже много лет была связана с трудом земледельцев, Курганов с особым удовлетворением воспринимал то, что сельским хозяйством страна стала заниматься активнее, энергичнее, к делам села круто поворачивалось внимание всех партийных, государственных и хозяйственных органов.

Новый порядок госпоставок, повышение цен на сельскохозяйственную продукцию, увеличение производства сельскохозяйственной техники и минеральных удобрений, конкретные шаги по помощи отстающим колхозам и совхозам создали серьезные предпосылки для подъема сельскохозяйственного производства. Затем началась эпопея освоения целинных и залежных земель, позволившая стране значительно увеличить посевные площади.

Комплекс разработанных партией и осуществленных под ее руководством мер приносил свои плоды, страна стала получать больше зерна, продукции животноводства.

Однако необходимость дальнейшего ускоренного подъема деревни потребовала изменения структуры государственных органов, осуществляющих руководство сельским хозяйством. Эти реформы были произведены. Они позволили государственным органам более конкретно и предметно заниматься селом, более оперативно принимать необходимые решения, позволили высвободить немалое количество специалистов для работы непосредственно на селе. Однако некоторые из предпринятых организационных мер не оправдывали себя, особенно те, которые декретировали изменения исторически сложившейся практики земледелия.

Были резко осуждены многие давно применяемые приемы

агротехники и рекомендованы другие, из посевного клина были упразднены испокон веков выращиваемые культуры и заменены новыми. При этом многие нововведения декретировались как обязательные, без учета объективных условий, имеющихся в тех или иных районах, выводов и рекомендаций науки.

Многого Курганов, да и не только он, не понимал. Он видел необходимость упорядочения посевного клина, более рационального использования пахотных земель, но в душе был против крайних мер и с парами, и с клеверами. Был обескуражен установками на полное свертывание личного подсобного хозяйства колхозников.

Он не раз убеждался, что и изменение территориальной структуры уже сложившихся районов вносит много непредвиденных осложнений.

Вскоре после начала перестроек Приозерский район был ликвидирован и объединен с соседями, стал входить в состав укрупненного Зарубинского района. Сельскими делами Приозерья теперь призвано было заниматься производственное управление.

Курганов, вспоминая сейчас эти перестройки, восстанавливал в памяти и свои перемещения за эти годы. Сначала он секретарь Приозерского, затем объединенного Зарубинского райкома. Потом уполномоченный Ветлужского обкома по нескольким районам. И вот уже пять лет секретарь партийного комитета Приозерского управления. Вместе с Гараниным они тянут этот далеко не легкий воз. Мысль о Гаранине вызвала теплую улыбку Михаила Сергеевича. Да, не ошибся он тогда, предлагая Гаранина на эту работу. Голова светлая, в делах — день и ночь. С ним легко идти в одной упряжке.

Вслед за Гараниным мысли перекинулись на Мякотина, Озерова и некоторых других работников Приозерья. Нет, товарищи дорогие, в чем, в чем, а в незнании людей вы меня не упрекнете. Это Курганов мысленно отвечал сейчас Удачину и Пухову, за тем злополучным ужином обвинившим Курганова в том, что он плохо разбирается в людях.

Эта ветлужская встреча вспоминалась с досадой. Конечно, похвал от «троицы» он не ждал, и не ее развязное, задиристое поведение тревожило его. Насторожила, обеспокоила самоуверенность «троицы», неприкрытая спекуляция на культе личности. Но кто-кто, а уж Курганов-то знал очень хорошо, что никакого, даже отдаленного отношения к людям, которые действительно пострадали в тот период,

ни Пухов, ни Звонов и ни Удачин не имели. Тогда откуда же этакая настырность и уверенность, что именно для них, для таких, как они, наступили иные времена?

С чувством сожаления подумалось об Удачине. Чего этот-то мечется? Ведь не глупый мужик, а тоже мельтешит, какие-то там обиды вспоминает. Может, в Приозерск его вернуть? Опыт-то у него немалый.

Поглощенный всеми этими мыслями, Михаил Сергеевич и не заметил, как добрался до Березовки.

Деревня казалась пустынной. В правлении сидел какой-то паренек лет пятнадцати и что-то мудрил со стареньким телефонным аппаратом. Он приветливо улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ Курганов. Вам, конечно, наше начальство требуется?

— Да, хотелось бы увидеть. Где они сейчас?

— Макар Фомич уехал на ремонтную базу, а Озеровы дома. Они только что с полей приехали. Позвать кого?

— Да нет, пожалуй, не надо... Сам к ним зайду.

У крыльца правления уже стояла парткомовская машина, но Костя продолжал ковыряться в моторе.

— Ну как, наладил? — спросил Курганов.

— Понимаете, целый шмат смолы вытащил из бензобака. Ну, я им покажу, этим бензоколонщикам, как буду в Ветлужске.

— Я к Озерову. Может, тоже пойдешь? Глядишь, чаем нас угостят.

— Нет, Михаил Сергеевич, спасибо, я тут еще покопаюсь.

— Смотри. Перекусить чего-нибудь надо, а то в Приозерск-то приедем поздно.

— Я устроюсь,— махнул рукой Бубенцов и нырнул под капот машины.

...Нина Семеновна, хозяйка дома и колхозный агроном, увидела Курганова в окно.

— Михаил Сергеевич, и, кажется, к нам.

Озеров приподнялся из-за стола, глянул на улицу.

— Действительно Курганов.

— Здоровеньки булы,— шутливо проговорил тот, входя.— Не помешаю? А может, и стаканчиком чайку разживусь?

— О чем речь, Михаил Сергеевич. Проходите и садитесь к столу,— приветливо проговорил Озеров, пытаясь принять у Курганова плащ.

— За радушие спасибо, а плащ я сам повешу, не велик князь. А как хозяйка относится к моему вторжению? Не про-

тив? — балагурил Курганов, расчесывая перед зеркалом все еще непокорные, но основательно посеребренные пряди волос.

— Мы собрались наскоро пообедать. Так что вы очень кстати заглянули,— проговорила Нина из-за перегородки.

— Чайку, чайку главное. А то я пешочком прошелся, а ветерок-то вроде и теплый, а бодрящий.

— А почему пешком-то? — спросил Озеров.

— Да с машиной что-то.

Озеров, обеспокоенный, хотел уже подняться из-за стола, но Курганов успокоил его:

— Костя там шурует. Думаю, все будет в порядке.

— Какими путями к нам-то? Вроде вскоре-то не собирались?

— Из Ветлужска еду. С областного актива. Ну и решил завернуть.

— Как там Ветлужск, Михаил Сергеевич? — ставя перед Кургановым тарелку с котлетами и жареным картофелем, спросила Нина.

— Ветлужск? Живет и здравствует. Новый микрорайон начали строить. Ну, нечто вроде московских Черемушек. Гордятся им областные товарищи невесть как. Универмаг, бассейн, танцзал, кафе, ресторан. Фантазией попахивает, но завлекательно. Да вот еще что, Нина Семеновна. Заметил новую моду. Ветлужские модницы юбчонки стали такие коротенькие носить, что даже нас, стариков, оторопь берет.

Михаил Сергеевич шутил, но шутил как-то невесело, и резкая морщинистая складка то и дело бороздила его лоб. Мысли его, постоянные и беспокойные, все-таки неотступно были при нем.

— Ну, что вам еще рассказать? Видел наших общих знакомых — Удачина, Пухова, ну и знаменитость нашу — Звонова. Проработали они меня основательно, по косточкам разобрали.

— Это за что же?

— Ну как за что? Не спас, не защитил, не выдвинул и прочее.

— Ну, как им не совестно такую напраслину нести? Вот люди! — возмущенно проговорил Озеров.

— Удачин-то приходил потом ко мне в номер, каялся. Просил поддержать. По конкретному делу, говорит, соскучился.— Помолчав, Курганов в раздумье добавил: — Может, взять его к нам, к Гаранину?

Озеров никак не реагировал на эти слова. Нина тоже, но мимолетная тень скользнула по ее лицу, и она мельком взглянула на мужа. Но он, кажется, не заметил ни этой тени, ни взгляда жены, или не хотел заметить ни того ни другого.

Курганов заспешил.

— Что ж, почаевничали, пора и честь знать. Спасибо, Нина Семеновна. Что показывать будешь, председатель?

— На Абросовские поля повезу. Ну а потом, наверное, к Уханову захотите наведаться?

— К Уханову обязательно,— подтвердил Курганов.— А как агроном? С нами или...

Нина посмотрела на Николая. Он понял ее.

— Ну, оставь ему ужин. Один поест.

— Ой, извините,— покаянно проговорил Курганов,— главную личность забыл. Где Алешка-то?

Озеров улыбнулся:

— По полям шастает, сорванец. Подобрал себе подобных и целыми днями там пропадают. Вечером — рассказов не оберешься. И как скворцы в стаи собираются, как стрижи небо бороздят, и как белки зимние заготовки прячут. В общем, всякие удивительные истории.

— Молодец парень. Значит, деревню любить будет,— одобрительно заметил Курганов. И, обратившись к Нине, проговорил: — Да вы не терзайтесь, Нина Семеновна, мы одни управимся.

В это время на крыльце послышался то́пот босых ног, и через мгновение в избу ворвался обладатель рыжих волос, веснушек и озороватых голубых глаз. Однако, увидев Курганова, парень смутился и спрятался за мать.

— Ну, как дела, Алексей? — спросил Курганов.

— А что дела? Нормально.

— А почему губы такие черные?

— Картошку ели в Ухановской бригаде. Сами пекли.

— Вы что, в Бугрове были? — спросила удивленно мать.

— Да, Витька Батогов говорит: я туда без роздыху добегу, а вам слабо.

— Ну, и как? — с усмешкой спросил Озеров.

— Умылся задавака.

— Ненормальные. Это же почти семь километров.

— Какие семь, мама? Мы же напрямки, через Плошнинскую рощу.

— Герои, ничего не скажешь,— проворчал Озеров и, потрепав рыжую путаницу на голове сына, проговорил: —

Накорми его все-таки, Нина, а потом приходи в правление. К этому времени и мы, видимо, вернемся.

Когда сходили с крыльца, из избы послышался плаксивый голос Алеши:

— Ну, мама, я же совсем чистый. Зачем ты меня так швабришь? Дай мыла, лучше я сам вымоюсь, не маленький.

— Самостоятельный мужик растет,— усмехнулся Курганов.

— Озорует малость, не без этого,— вздохнув, проговорил Озеров. Но в голосе неприкрыто прозвучали нотки отцовской гордости.

...Работа на Абросовских полях шла довольно слаженно. Это было видно с первого взгляда. Четыре комбайна — два с западной окраины и два с восточной — врезались в густой, золотом отливающий пшеничный массив. За комбайнами неотступно, будто на буксире, ползли грузовики с высокими бортами. Когда их кузова оседали под тяжестью принятого зерна, с проселка на смену им спешили другие. Над огромным полем и соседними перелесками стоял неумолчный звенящий стрекот комбайнов, надсадное урчание грузовиков. Даже ветер и тот, кажется, участвовал в этой осмысленной и веселой торопливости. Он то волнами проходил по нетронутой еще ниве, то взвихривал пыльные буруны среди свежей стерни.

Курганов заспешил на картофельную плантацию Уханова. И на это были свои причины.

В Приозерских краях испокон веков хорошо возделывались и давали довольно высокие урожаи пропашные культуры — картофель, свекла, капуста. Но вот уже несколько лет подряд колхозы Управления еле добираются до среднеобластных цифр. Причины, конечно, были. Посевные площади, особенно под картофелем, расширились, а рабочих рук стало куда меньше. Техника же далеко не полностью заменяла ручной труд. Видимо, на картофельных, свекличных и капустных полях требовались какие-то другие формы организации дела.

Озерова заинтересовал опыт Воскресенского колхоза из Подмосковья, организовавшего комплексные бригады и звенья. Прошлой осенью он, захватив с собой Нину и Уханова, отправился к воскресенцам. По возвращении решил немедленно создать такие бригады у себя. И встретил довольно решительное сопротивление агронома.

Озеров был упрям. И строительство хранилища, и организация бригады, которую возглавил Уханов, и трудное реше-

ние об отведении Бугровских полей для нее, жаркие споры и с Ниной, и с правлением — все это было уже позади. Комплексная специализированная бригада, возглавляемая Ухановым, жила и действовала. За ней закрепили и поля, и технику, выделили семена, удобрения. Установили по примеру воскресенцев новый порядок оплаты труда — не за выполнение отдельных видов работ, а за итоговый их результат — урожай.

По пути в бригаду Озеров объяснял: посадку, боронование, рыхление, окучивание провели вовремя, с вредителями справились. Растения вымахали на славу. Теперь важно, как пройдет уборка.

Скоро показались Бугровские поля. Картофель еще дозревал, только самые крайние стебли кустов побурели и полегли на грунт, остальные же зеленели и стояли в рост. Курганов, чуть отступив от края поля, выдернул среднего размера куст и стал считать клубни. Их было более десятка, и все крупные, ядреные, даже сквозь земельную оболочку они просвечивали сочной, матовой белизной.

Курганов спросил Уханова:

— Ну как, бригадир, на какой урожай рассчитываете?

— Двести центнеров должно быть.

— И как собираетесь убирать?

— Машины готовы, люди тоже. Хранилище вчера продезинфицировали, проветрили. За девять-десять дней уберем весь клин.

— Девять-десять дней? А не многовато времени вы берете?

— Восемьдесят гектаров.

— Здесь?

— Здесь и за Буграми,— показал Уханов на поле за лесным кряжем, видневшимся вдали.

— Ну что же, товарищ Уханов, надеюсь, свои слова сдержите. Приеду специально посмотреть, как пойдет уборка в бригаде.

— Приезжайте. Думаю, не подкачаем.

Озерова беспокоило положение, сложившееся у них с ранней капустой. Колхозу управлением было дано специальное задание освоить эту культуру для поставок Приозерску и соседним заводам. Капуста вышла довольно неплохой, вилки тугие, крепкие, но потребители особого интереса к ней почему-то не проявляли. Торговые работники Приозерска заявили, что примут ее, если колхоз сам доставит на овощные базы, а машины в каждой бригаде поминутно

в разгоне. Да еще автопогрузчик, работавший на плантации, в самое неподходящее время вышел из строя.

Озерова, когда они с Кургановым объезжали поля, не раз подмывало пригласить его на капустную плантацию и попросить помочь с уборкой.

— У нас есть плантация ранней капусты. Может, заскочим, взглянем, Михаил Сергеевич? Тут рядом.

— Ну что ж, давайте заскочим, раз близко. Правда, вечереет уже.

На плантации сиротливо стоял автопогрузчик, и человек пять или семь срезали кочаны и сносили их в небольшие бурты.

— Не ранняя она у вас, а поздняя. Раннюю-то надо выращивать в июне — июле.

— Это верно. Поздновато мы ее посадили. Но выросла-то хорошо. А вот с уборкой... Погрузчик подвел. В мастерские управления третий день звоню. Пока только обещают.

— А что этот автопогрузчик — автоматикой да электроникой, что ли, напичкан? Почему отремонтировать его не можете?

— Не получается. Подъемный блок менять надо.

— Помнится, первыми сторонниками передачи техники колхозам были березовцы. Так ведь?

— У вас хорошая память, Михаил Сергеевич. Что было, то было,— не спорю. И машины нас спасают. Но очень туго с запасными частями. Выпрашиваем, где только можем.

— Да, запасные части — это у нас самое больное место,— мрачно согласился Курганов.

— И торговцы тоже хороши,— продолжал Озеров.— Когда агитировали, чтобы мы взялись за нее, за капусту эту, обещаний надавали с три короба. А теперь в кусты. Соседей — керамзитовый завод — просили помочь,— даже не обещают. Раньше как-то шли навстречу, а сейчас ни в какую.

Курганов после долгого молчания со вздохом проговорил:

— Как же мы плохо работаем, Озеров.

Озеров пожал плечами и ответил:

— Работать можно лучше, Михаил Сергеевич, в этом вы правы. Но виноваты не только мы, а и вы тоже.

— Я?

— Ну не только вы лично. Я беру вопрос шире.

— Ну, и ты туда же. Тоже на демагогию потянуло.

— Почему на демагогию? Это просто констатация истины.

До самой Березовки ехали молча.

...Как только вошли в контору колхоза, Курганов стал звонить в ремонтную мастерскую управления. Эта мастерская была организована Гараниным на базе бывшей машинно-тракторной станции. Пока не было ни штатов, ни фондов, ни запчастей. Все держалось лишь на его уверенности, что такие мастерские обязательно будут организованы и узаконены. Директор Куницын оказался на месте. Сдерживая раздражение, без всяких вступлений, Михаил Сергеевич спросил его:

— Кирилл Иванович, почему не поможете березовцам? Неужели пустить в ход автопогрузчик такая уж большая проблема?

— Все люди в разгоне, Михаил Сергеевич. Заявок по макушку.

— Ну, а то, что десять гектаров капусты гибнут, вас не волнует? Ведь это ранний сорт.

— Волнует. От меня совсем недавно товарищ Беда уехал. Тоже нажимал и разъяснял. Но, как говорится, выше головы не прыгнешь.

— Вот что, Кирилл Иванович. Условимся так, с самого раннего утра пошлите сюда техничку. И чтобы утром погрузчик был на ходу.

Разговор с керамзитовым заводом оказался более трудным и крепко испортил Курганову настроение. Его директор Нечипорук был уже дома и только после длительных, настойчивых звонков взял трубку. В голосе слышалось недовольство.

— Ну, слушаю вас.

— Игнат Терентьевич, Курганов говорит. Добрый вечер.

Голос Нечипорука помягчел:

— Здравствуйте, здравствуйте, Михаил Сергеевич. Шо так поздненько?

— Да вот, по колхозам мотаюсь. Рядом с вами сейчас, в Березовке.

— Может, заглянете, почаевничаем?

— Спасибо, Игнат Терентьевич, за приглашение. Как-нибудь в другой раз. А сейчас просьба к вам. Аварийная.

— А что такое? Землетрясения вроде не было, Славянка из берегов тоже не вышла.

— Капуста у березовцев подоспела. Ранняя. А техника подвела, погрузчик из строя вышел. Вот помочь бы надо.

— Ну, а мы тут что можем сделать? По сельхозтехнике мы не спецы.

— Игнат Терентьевич, не темните. Помочь вы можете, если захотите.

— Время больно неподходящее, Михаил Сергеевич,— сентябрь, последний месяц квартала, на носу. Коль сорвусь с планом, начальство живьем проглотит.

— Если пошлете березовцам человек десять — пятнадцать да тройку машин, ничего с планом не случится. Капуста же дюже добрая, кочан к кочану. Жаль, если пропадет. Кстати, часть себе на завод возьмете. Люди рады будут.

— Хо-хо. Где это я возьму столько работяг и машин?

— Не упорствуйте, Игнат Терентьевич. Помогайте.

Керамзитовый завод вырос здесь недавно и прежде всего стараниями Курганова. Совнархоз не очень-то охотно шел на это, собираясь разместить его в другом районе. Курганов раза три мотался в область, дошел до Заградина, и завод уже действовал и даже превратился в солидное процветающее предприятие. Но вот с соседями не дружил. Партком управления не раз пытался привлечь его коллектив к оказанию посильной помощи колхозам. Ничего из этого не получилось. Игнат Нечипорук, приехавший откуда-то из-под Белгорода, вел себя подчеркнуто независимо.

Вот и сейчас он упорствовал и в конце разговора ответил уклончиво:

— Подумаю, свяжусь со своим руководством. Нужна санкция.

Тяжело вздохнув, Курганов повесил трубку.

— Уперся как буйвол,— обескураженно проговорил он.— Ну да ладно. Надо ему санкцию свыше — будет такая санкция.

Затем глуховато, ворчливо добавил:

— Вот вам и разделение сфер...

В правление вошли Нина Семеновна и Беда. Курганов невольно обратил внимание на то, что Макар Фомич — парторг Березовки — основательно сдал за последнее время. Серое, осунувшееся лицо, усталый, потускневший взгляд. На лавку Фомич опустился с огромным облегчением и долго не мог отдышаться.

Михаил Сергеевич озабоченно спросил:

— Что, Фомич, неможется?

Беда усилием воли стряхнул с себя гнетущую тяжесть и, бодрясь, проговорил:

— Просто устал что-то сегодня.— И тут же обратился

к Озерову: — Надо, Семеныч, ухитриться до распутицы побольше кормов подтянуть к фермам.— И уже Курганову пояснил: — Мы в этом году не сплоховали с кормами-то, и сена накосили вдоволь, и сенаж есть, да и царицу полей вовремя на силос пустили.— И опять к Озерову: — Девчата с фермы вполне резонно беспокоятся, как бы не получилось, как в прошлом году. С подвозом сена мы тогда ой как намучились. Так что не забудь, Семенович.

— Беру на заметку, Макар Фомич. Я тоже думал об этом.

Курганов спросил:

— Ну как год-то складывается, хозяева? С уборкой не застрянете? Не получится, как с ранней капустой? На Абросовских полях дело идет ладно. Ухановцы тоже вроде готовы. А как в других бригадах? И на какие итоги рассчитываете?

Озеров рассказал о положении дел с уборочными работами. Потом чуть шутливо проговорил:

— Что касается видов на урожай, то пусть об этом агроном скажет, она все-таки ближе к науке.

Нина Семеновна стала серьезно и суховато рассказывать:

— Пропашные в этом году удались. Пшеница и рожь тоже... А вот кукуруза... Правильно сказал Фомич, мы решили ее пустить на силос. До зерна-то все равно бы не дошла.

— Ну вы ее давно не жалуете,— хмурясь, заметил Курганов.

Озеров не согласился:

— Ну что касается сева, ухода за ней, поверьте, делали все необходимое. Как с ребенком возились.

Нина Семеновна подтвердила:

— И междурядья рыхлили, и сорняки выпалывали дважды, и органо-минеральные удобрения чуть ли не по часовому графику вносили...

— Не будет она у нас вызревать, Михаил Сергеевич,— мрачновато проговорил Беда.— Сколько уже годов маемся. Все сорта перепробовали. Теперь вот «пионерка севера». И все то же. Нина Семеновна уж какая кукурузница была, а теперь тоже убедилась. Да ведь и мы с тобой, Сергеич, были первыми агитаторами за нее. Помню, как ты, приехав в район, всех нас заворожил близкой перспективой. Дело понятное. Всем нам хотелось поскорее прорехи-то в хозяйстве залатать. Только, как говорится, пошли по шерсть, а воротились стрижеными.

Озеров нервно добавил:

— У нас ее, кукурузу-то, можно растить лишь для силоса. Ну так давайте на это и рассчитывать. А вы ее в закрома требуете.

Наступило долгое молчание, затем раздался глуховатый напряженный голос Курганова:

— Хлеб нужен стране. Поймите это.

Озеров в том же тоне ответил:

— Так вот и давайте растить то, что родится. Рожь, пшеницу, ячмень, овес — у нас. А кукурузу там, где ей вольготно от тепла и света, где она не только в рост человека вырастает, а и зерном наливается. Просто диву даешься, как в плановом государстве не можем мы разумно спланировать рациональное размещение культур.

Курганов, не обратив внимания на его нервный тон, спокойно ответил:

— Не забывайте, что есть колхозы и в нашей зоне, где кукуруза не подводит, а отлично вызревает. Съездите в Ракитинский куст и убедитесь.

Нина Семеновна ответила:

— Была я там, Михаил Сергеевич. Микроклимат у нас куда влажнее, чем в ракитинских колхозах. Близость Славянки и Крутояровских плавней сказывается.

Вопрос о кукурузе был самым больным не только в Березовке, а и во многих других колхозах и совхозах зоны, и начавшийся в правлении разговор превратился в горячий и довольно обостренный спор.

Наконец Михаил Сергеевич устало проговорил:

— Собственно, почему вы так ополчились на задание по выращиванию кукурузы? Насколько я знаю, по колхозам вашего куста кукуруза в плане госпоставок не числится.

Беда пристально посмотрел на Курганова:

— А план-то хлебосдачи каков?

— Не легкий, знаю, Макар Фомич. И кукуруза в нем была бы кстати. Но раз не получается с кукурузой, выполняйте другими культурами.

— Да мы понимаем и в последних по управлению ходить не собираемся. А разговор ведем потому, что наболело. Извела нас эта царица полей.

— Но вы ее со счетов все же не списывайте. Как кормовая культура она незаменима. Вот увидите, как ваши буренки ее оценят.

— Как ее спишешь, когда вы довольно ясно расписываете: сколько гектаров посеять, где, когда и каких сортов.

Курганов вздохнул:

— Что-то ты, Фомич, очень уж усердно взялся за меня.

— Давно не виделись и как следует давно не говорили, вот теперь и отдувайся. Понять кое-что хочу, Сергеич, чтобы хоть умереть спокойно.

Курганов пересел к нему на лавку.

— Что это ты, Фомич? О смерти пока рано думать. Видишь, Березовка-то все еще спотыкается. И пока вы ее по-настоящему в люди не выведете, ни о чем постороннем думать не положено.

— О другом я, Сергеич. Вот читаю газеты, радио слушаю. Что это вы все на Сталина ополчились? Вроде Сталин все не то и не так делал? Даже войну и ту только по глобусу вел? Мы с тобой знаем, что это такое — война. Все четыре года прошагали и по своей, и по чужим землям. Мильёны землю пахали, у станков стояли. Что же, все это было само по себе? Без руля и ветрил? Непонятно, Сергеич.

Беда замолчал, ожидая ответа. Курганов тоже не спешил с ответом. Он не раз и не два сталкивался с подобными вопросами и не уходил от них, а старался объяснить людям суть происходящего. Но Беду он знал очень хорошо и прекрасно понимал, что Фомич ждет от него не обычных, а каких-то особо убедительных слов, которые бы развеяли его сомнения, сняли с души тяжесть непонимания.

— Видишь ли, Фомич, нового я вряд ли тебе что-либо скажу. Сделал Сталин много. И партию от разной троцкистской и иной нечисти отстоял, и страна не без его активного участия из лапотной и отсталой в могучую превратилась. В войне его деятельность и железная воля тоже сыграли свою роль. Но ошибки были тоже немалые, за них дорогой ценой плачено.

— Не обижайся, Сергеич, только нового ты действительно сказал маловато,— вздохнул Фомич.— Не любят у нас в народе, когда в покойника каменья кидают. Не пойму, зачем такое понадобилось?

— А затем, чтобы вновь похожее не повторилось.

— Ну, ну. Может, оно и так. Только вот я за свою довольно уж долгую жизнь не видел, чтобы кто-то после смерти ближнего бегал по деревне и рассказывал всем и каждому, какой это был плохой человек.

— Тут, Макар Фомич, сравнивать трудно. Страна, партия, миллионы судеб. По семейному аршину такие дела не меряются.

— Ладно, не будем ворошить государственные дела, а то поспорим мы с тобой. Может, в другой раз, коль приве-

дет бог. Теперь вопрос попроще. Что это вы с районом-то сделали?

— А что такое? Ты о чем, Фомич?

— Да как же? Карусель получается. Внук мой в техникум поступать собрался. Справка ему понадобилась. Куда ни толкнется — никто ничего не может. У Мякотина был, говорит, что его исполком только Приозерском ведает. В вашей конторе, ну, в управлении значит, заявили, что гражданские дела их некасаемы. Поезжай, говорят, в Зарубино, районная власть теперь там. Ты чуешь — в Зарубино. Ведь это пятьдесят верст.

Озеров, чтобы рассеять мрачноватый настрой беседы, включился в разговор.

— Лепешкин из Дубков рассказывал. Повез их колхозник жену в Приозерск. В горбольнице заявляют: мы промзона. Вам надо в больницу, что около льнозавода. Но будущий гражданин ждать не захотел. Пришлось-таки эскулапам принимать нового гражданина независимо от того, к какой сфере он принадлежит.

Рассказ, однако, никого не развеселил.

— Я-то, Михаил Сергеевич, клоню к тому,— продолжил свою мысль Беда,— что неувязок стало многовато. И хозяйство вы как-то чудно ведете. Вот ты спрашивал, как год закончим. Получается вроде неплохо. В основном за счет картофеля, пропашных выходим с хорошими результатами. Ну, зерновые, как ты слышал, тоже ничего, итоги будут неплохими. Но говорят, что вы нам сахарную свеклу планируете? Не растили у нас ее. Да и куда вы ее девать будете? Заводов сахарных поблизости вроде нет. На корм скоту? Разумно ли это? И еще, Сергеич. Ты уж извини, но хочу упредить тебя как секретаря партийного комитета — пары́ не упраздним и клевера перепахивать не будем.

Курганов удивленно посмотрел на него:

— Это как же? Почему?

— Потому что это головотяпство. Извини, брат, за такие слова. Неужто вы там с Гараниным не понимаете?

Курганов вздохнул, собрался объяснить, но Фомич подбросил еще один вопрос:

— А что вам овощ, что на наших огородах рос, помешал? И почему поросенка колхозник держать не может?

— Но, Макар Фомич, нельзя же все время по набитой колее ездить. Надо и менять кое-что. Вот с теми же огородами и личным скотом. Ведь, освобождая колхозников от этих забот, мы даем ему возможность больше работать

в общественном хозяйстве. А при недостатке рабочих рук — это очень важно.

— Старательным-то мужикам да бабам огороды ничуть не мешали колхозные дела исправно делать. А с них, с огородов-то этих, люди не только себя обеспечивали, а и на рынок многое несли. Горожанам-то тоже и овощ нужен, и свинина, и птица. Что же вы все это на колхозные да государственные плечи навьючиваете? Тяжелснько, тяжеленько будет государству-то. Плохо хозяйничаетс, Сергеич. Плохо. Думаю, ты уяснишь мои мысли. Слова-то у нас с тобой, может, и разные, а тревоги, думаю, одни. В обкоме ведь бываешь, а порой и выше. Скажи там... Извиняй, задержали мы тебя сегодня.

— Ничего. Зато разговор был по делу. Вопросов ты, старик, правда, накидал таких, что и за ночь не обдумаешь. Но одно обещаю тебе твердо — в обкоме о них доложу. Сообща будем думать. А тебе мое категорическое указание — подправить здоровьишко. Плоховато ты что-то стал выглядеть.— И, обратившись к Озерову, добавил: — Давайте отправим Фомича в санаторий. Отдохнуть ему надо.

— Мы давно об этом толкуем. Слышать ничего не хочет.

— Да еще и обижается,— заметила Нина.

— Не надо мне никаких санаториев,— махнул рукой Фомич.— Умереть хочу здесь, дома.

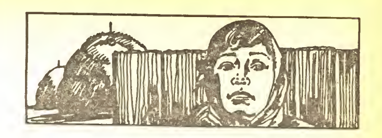
Курганов не на шутку рассердился:

— Э, Макар Фомич, не узнаю тебя. Помнится, партийную дисциплину ты уважал. Нет, товарищи, давайте принимайте официальное решение партбюро и правления — в санаторий его. На полный срок.

Беда скупо, краешком сухих губ улыбнулся и проговорил тихо:

— Спасибо, Сергеич, спасибо. Бывал там, в санатории-то, разок. Понравилось. Но сейчас мне не до морей. А вот о нашем разговоре подумай.

Из правления вышли все вместе. Прощаясь, Курганов еще раз пристально посмотрел на серое, морщинистое лицо парторга Березовки, и сердце его сжалось в тревожном предчувствии.



Глава 3

ОТЧАЯННЫЙ ВОЯЖ

Таким сияюще-радостным, возбужденным своего заведующего птицефермой Ивана Отченаша Василий Васильевич Морозов не видел ни разу. Это удивило, озадачило его и обеспокоило. Неужели случилось то, о чем он нередко думал, чего постоянно ждал в тревоге. Председатель «Луча» опасался, что рано или поздно моряк покинет их Крутоярово и исчезнет так же неожиданно, как и появился. Сколько уж времени обитает здесь Иван Отченаш, а корней так и не пустил. А раз так, то любой попутный ветер может унести его, будто перекати-поле. Дело любит? Так он такое дело где угодно найдет, его любой колхоз и совхоз с распростертыми руками возьмет.

Отченаш, с трудом сдерживая широкую бесшабашную улыбку, проговорил:

— Поговорить надо, Василий Васильевич.

Морозов, искоса посмотрев на него, сдержанно, чтобы не выдать беспокойства, пригласил:

— Присаживайся, Ваня. Что у тебя?

Иван положил перед Морозовым рязанскую областную газету.

— Разверните. На второй странице.

— Какой-нибудь ценный опыт? Используем и учтем.

— О Насте там пишут. Понимаете, Василий Васильевич, о Насте. Я как прочел, так и обомлел. Ведь думал, уже все, потерян след, а оказывается, она совсем неподалеку. Надо же такому случиться.

У Василия Васильевича еще тревожнее заныло сердце.

— О чем ты, Иван? Что-то не пойму.

— Да вы посмотрите статью. И снимок. Видите?

Морозов скользнул взглядом по странице. В середине полосы было помещено фото. Пятеро женщин разных возрастов, все в белых передниках, чуть испуганно и недоуменно

смотрели со снимка. Видно, очень спешил фотограф, коль не смог дождаться, когда успокоятся прославленные доярки. Под снимком мелким шрифтом пояснялось: «Этот небольшой дружный коллектив животноводческой фермы колхоза «Приозерный» возглавляет зоотехник Настасья Уфимцева-Степина.

— Теперь-то уж я найду ее, теперь она от меня не скроется. И как это я тогда обмишурился? Почему на Рязанщину не подался?

Морозов хорошо знал эту историю. Знал не только он, а и весь колхоз. И хотя по-доброму, но постоянно крутоярцы подшучивали над Иваном. Особенно женская половина села. Вот и сейчас, когда он шел в правление, стайка женщин, толпившаяся у колодца, не преминула обсудить его.

— Парню далеко за тридцать, а все в холостяках ходит.

— Ну, а как же, он все еще свою Настю ждет.

— Да что, у нас разве девки хуже?

— Хуже не хуже, а вот присох, и все.

— Шалопутный какой-то.

— А может, он того, без мужского достоинства? — предположила бойкая молодуха.

Ее подружка со смешком возразила:

— Ну да, как бы не так. Попробуй сходи ночью на птичник.

— А ты что, наведывалась?

— Зачем это мне? У меня свой мужик ладный.

Пожилая, рассудительная собеседница усовестила их:

— Зря вы так на Ивана. Он не из таких. Другой бы на его месте ни одной девке, да и молодой бабе, проходу не давал, а этот держит себя справно.

— Вот я и говорю — шалопутный.

В кабинете председателя колхоза шел свой разговор.

— А какая она, неуловимая-то твоя? — спросил Морозов.

— Да вот же, вот, в середине.

— Эта? Ничего. Симпатичная. Только ведь Уфимцева-Степина она. Усек?

— Догадываюсь. Там разберусь, что к чему.

Морозов отодвинул газету и поглядел на Ивана.

— Неужели поедешь?

— Обязательно.

— При здравом уме и твердой памяти решил-то?

— Да я же сколько лет ее искал. А сейчас, когда есть координаты...

Морозов, сверля моряка взглядом, глуховато спросил:

— Ваня, давай как на духу. Податься от нас решил? Так скажи прямо, не томи душу.

Отченаш с обидой ответил:

— Зря вы так, Василий Васильевич. Не о том речь. Поехать хочу в это самое Произерное. Чтобы разведать ситуацию.

Морозов тяжко вздохнул:

— Время-то, Иван, уж больно неподходящее. Лето к концу идет, к уборке готовимся. А у тебя в твоей гусино-утиной братии молодняк подрастает. На крыло встает. Как без тебя-то они?

— Да я за два-три дня обернусь.

— А управишься?

— Думаю, что да.

— Ну что же с тобой делать. Поезжай. Только смотри там в оба, Иван Андреевич. Двойная фамилия-то. Так что учитывай ситуацию. Могут ведь и бока намять.

— Эх, Василий Васильевич. Не этого я опасаюсь. Боюсь, что ушел мой экспресс.

— Ну а я о чем?

— Но все-таки попробую. А может, ее величество судьба за меня? Так что завтра утречком я двинусь. На ферме будет все в ажуре, девчатам оставлю полную инструкцию. Но к вам есть еще одна просьба. Узнал я, что Болотовский лесозавод наладил выпуск арболитовых плит. Легкие, прочные, с малой теплопроводностью. Для расширения птичника они очень подойдут. Письмо ваше с бухгалтером нужно. Как вернусь — наведаюсь в Болотово.

Морозов одобрил:

— Ты это правильно сообразил. Подготовим петицию по всей форме. В Рязань-то поедешь на своем драндулете? Может, лучше машину снарядить?

— «Ява пятьдесят шесть» — не драндулет.

— Допустим. Но как же ты повезешь на нем свою царевну Несмеяну, если вдруг она согласится? Удобств ведь, как сам знаешь, там маловато. Подумай, Андреич. По-моему, как-то не авторитетно, не солидно получится. Чего это нам перед рязанцами скромничать? А вдруг вдвоем возвращаться придется? Чем черт не шутит.

— На руках понесу, лишь бы согласилась.

Морозов усмехнулся, покачал головой.

— Хороший ты парень, Отченаш, а все-таки чокнутый малость.

— Это от бога, Василий Васильевич. Мне и в детдоме, и в школе, и на службе говорили, что какие-то шарики-ролики в моем черепке вразнобой шуруют. Но, по совести говоря, я-то не жалуюсь на них, пусть себе крутятся, как запущены.

Но Василия Васильевича все еще не оставляла прежняя мысль, как бы моряк не застрял там около недосягаемой Насти Уфимцевой. И, глуша просительные нотки в голосе, Морозов проговорил:

— Ты, Ваня, только не поддавайся там ни на какие соблазны. Если у нас чего-то тебе недостает — скажи. Обмозгуем. Изыщем. Решим.

— Об этом, Василий Васильевич, не беспокойтесь. Я ведь к вашему Крутоярову душой и телом прирос. Вот только Настюшка занозой сердце колет. Сам понимаю, что, может, даже глупо все это, ведь видел-то я лишь портрет в журнале. А мысль не оставляет, точит и точит, как жужель. Все о ней и о ней. Потому и еду — то ли судьбу свою найду, то ли освобожусь от этой напасти. А в общем, была не была. Где наша морская душа не тонула и не выныривала.

Выехал он из Крутоярова на рассвете. Все еще спали, когда глуховатый рокот его мотоцикла разбудил предутреннюю тишину деревни, разостлал шлейф голубоватого дыма по улице и красной тающей точкой скрылся на шоссе.

Мимо проносились деревни, поля, перелески. Отченаш зорко всматривался в дорогу, залихватски, на крутом крене обходил попутные и встречные машины. Он наслаждался и этим стремительным движением, и теплым солнечным утром, и мыслью о предстоящей встрече с Настей. То, что эта встреча состоится, он не сомневался. К полудню он был уже в Туле, потом миновал Щекино, Сталиногорск. Отсюда, как он узнал, до Серебряных прудов каких-нибудь семьдесят — восемьдесят километров. Для «Явы», ровно посапывающей мощным мотором, это, конечно, пустяк. В Донском, на автостанции, он заправил его горючим, зашел в шахтерское кафе, закусил и двинулся дальше.

...Село Приозерное показалось внезапно, за раскинувшейся по обе стороны дороги березовой рощей. Остановившись на окраине, Отченаш в бортовые зеркала мотоцикла оглядел себя. Лицо было в пыли, волосы — сплошная путаница, будто колтун в них завелся, на рубашке, на комбинезоне тоже пыль — следы дальнего пути.

— Хорош, ничего не скажешь,— проговорил он расстроенно.

Долго и старательно приводил себя в порядок и затем на малой скорости двинулся по улице.

Какой-то мальчуган, попавшийся ему навстречу, объяснил, где, в каком переулке свернуть, чтобы попасть на молочно-товарную ферму.

Вот наконец и цель его путешествия. Приземистое, из красного кирпича здание стояло поодаль от деревни, расположась на небольшом взгорье. Сзади виднелась силосная башня, несколько складских помещений, угадывались разгороженные луговые делянки.

— Ну, чем ты меня порадуешь, судьба-лиходейка,— шутливо проговорил Иван про себя, ставя на «мертвую точку» мотоцикл около калитки ограждающего ферму забора.

В раскрытых воротах фермы стояла пожилая полная женщина. Она обтирала белым с красными разводами полотенцем руки и пытливо вглядывалась в направляющегося к ней Отченаша.

— Вам кого, товарищ?

— Мне бы надо... Уфимцеву Настю.

— Уфимцеву? — женщина опять пристально и уже с некоторым недоумением посмотрела на Ивана.

— Настя-то у нас есть, только не Уфимцева.

— Ну, она же Степина. Так, кажется?

— Да. Степина. Подождите минуточку, я покличу ее.

Женщина вернулась в помещение, и было слышно, как она кричит там:

— Настя, а Настя, выйди-ка на улицу. Тебя какой-то приезжий спрашивает.

Отченаш от нечего делать механически сорвал несколько веток метлицы. Были они высоки и крупны, верхушки их были тяжелыми и пушистыми.

«Видимо, неплохие земли здесь»,— подумалось Ивану. Но подумал он об этом вскользь, мысли были заняты одним: что-то его ждет? Как его встретят и чем кончится вся эта история?

— Вы ко мне?

Отченаш встрепенулся, поднял голову. Перед ним стояла молодая женщина в белом переднике. Да, это была она, Настя. Ивану не надо было никаких доказательств, он узнал бы ее из тысячи. Копна золотисто-ржаных волос, туго стянутых косынкой, серые, удивленные глаза, мягкий овал лица с робкой, чуть застенчивой улыбкой.

— Да, я к вам,— хрипловато ответил Иван.

— Вы, наверное, из газеты?

Отченаш вздохнул:

— Не совсем так, но органы печати имеют прямое отношение к нашей встрече. Может, где-нибудь сядем? — робко предложил он.

— Пройдемте вот туда, в беседку,— показала Настя на не замеченный Иваном затейливый деревянный грибок, что стоял чуть в стороне. Вокруг грибка ровным шестиугольником были поставлены скамейки из струганых вершковых досок.

Шли молча. Настя впереди, Иван чуть сзади. Он смотрел на ладную фигуру Насти, на ее стройные ноги в резиновых сапожках и думал о том, что судьба все же сыграла с ним злую шутку. Ну почему надо было забросить его в тот Ветлужский Приозерск, а не сюда?

— Так, я вас слушаю,— проговорила Настя, усаживаясь на скамейку.

Отченаш вытащил из внутреннего кармана комбинезона конверт, достал из него аккуратно согнутый портрет, когда-то вырезанный из «Огонька», и показал Насте.

Та взяла ветхий листок в руки, долго смотрела на него и, улыбнувшись, проговорила:

— Молоденькая еще была. Но личность свою удостоверяю.— Потом, вопросительно посмотрев на Ивана, настороженно спросила: — Но я не понимаю...

— Сейчас вы все поймете. Только прошу выслушать меня. Несколько лет назад ехал я из Владивостока в Москву. Да, между прочим, меня зовут Иван, Иван Андреевич, фамилия Отченаш. Чудная фамилия, верно? Ну, да это я объясню в дальнейшем, если, конечно, будет необходимо. Работаю в колхозе «Луч». Заведую фермой.

— Так вы что, опыт перенимать приехали? Ничего такого особенного у нас пока не увидите.

— Нет, не за опытом я. Да и ферма-то у меня птичья. Гуси там, утки самых разнообразных пород.

— Тогда совсем ничего не понимаю.

— Несколько минут терпения. Так вот, еду, демобилизовался после службы на флоте. Прикидываю, куда стопы направить. Родителей у меня нема, в детском доме рос. На какой-то станции вышел прогуляться, в киоске журнал к окну приставлен. С вашим портретом. Купил я этот журнальчик и скорей в вагон. Все страницы от строчки до строчки изучил, однако ничего, кроме скупой подписи под снимком: Настя Уфимцева из Приозерья. Фотоэтюд. Ничего себе этюд. Ни адреса точного, ни района. Стал я наводить

справки. Оказалось, что деревень и сел с такими или похожими наименованиями — десятки. С месяц так рыскал в поисках Приозерья, где проживает Настя Уфимцева, то есть вы. Мыкался то туда, то сюда. Ну, а потом устроился недалеко от Приозерска, что под Ветлужском. Ферму организовал. У меня сызмальства была любовь к птице. Вас же продолжал искать. За газетами, журналами следил, все отчеты о собраниях, слетах передовиков изучал, среди ораторов вас выискивал. Однажды за какой-то машиной километров десять гнался — показалось мне, что вас в ней увидел. Ошибка вышла. Одним словом, оказались вы, Настя, для моей личности таинственной невидимкой.

— Ну, а как же теперь-то разыскали? — спросила Настя, и удивленная, и заинтересованная рассказом.

— Его величество случай! Я всегда верил, убежден был, что он подвернется. Вот только, кажется, поздновато подвернулся-то. А помогла опять-таки пресса. Был я на днях в Приозерске, у киоска остановился и вижу, ваша, рязанская газета. Купил. А когда развернул, будто током меня ударило. Почти целая полоса о вашей ферме и фото... Правда, фамилия у товарища Уфимцевой уже несколько иная...

Настя, чуть улыбнувшись, объяснила:

— У нас так водится, или мужнину брать, или двойную.

— И кто же он, этот счастливец? А, впрочем, извините, какое я имею право...

— Нет, почему же? Секрета тут нет. Наш, деревенский. Механик.

— Так я и знал. Везет этим охламонам — механизаторам. Самых лучших девчат хватают. Ничего не сделаешь, самая теперь почетная должность на селе. Завидую им, чертям.

Настя подняла голову и посмотрела на собеседника. Рядом с ней сидел рослый, крепкий парень. Упрямый подбородок, черные усы, черные глаза с каким-то мягким, но усмешливым взглядом.

— Я чувствовал, что судьба мне обязательно свинью подложит. Так оно и вышло. А как я искал вас, как искал. Все эти годы.

Иван смотрел на Настю обреченно, в его глазах было столько горечи, что Настя не выдержала и легонько тронула его за руку.

— Чем же это я вас так присушила?

Отченаш взял руки Насти в свои, ощутил ее пульсирующее волнительное тепло и глухо проговорил:

— И все равно спасибо вам.
— За что же?
— За то, что вы есть. И что вы такая.
Настя пожала плечами:
— Ну что ж. Спасибо и вам. Я желаю вам счастья.
— А можно, я вам напишу?
Настя, высвободив руки, удивленно посмотрела на него:
— О чем? И зачем?

Эти слова отрезвили порыв моряка, и мысль, ясная, четкая, разящая, как сталь,— что Настя потеряна для него, потеряна навсегда, с новой силой ударила по сердцу.

— Да, понимаю, понимаю,— глухо проговорил он.— Вот ведь как бывает. И нашел, и потерял.

Вздохнула и Настя.

— Да, значит, не судьба.

Они молча дошли до распахнутых ворот фермы. Настя подала ему руку, он бережно, легонько пожал ее, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и пошел к калитке.

Настя долго смотрела ему вслед и пожалела, что была очень уж холодна и неприветлива с этим человеком, пришло ощущение непонятной, тревожащей потери. «Остановить его надо, сказать что-то,» — подумалось ей. И она негромко, надеясь, что он не услышит, а втайне боясь этого, крикнула:

— Моряк, а моряк...

Иван повернулся на ее голос:

— А вот я, может, и напишу.

Отченаш растерянно проговорил:

— Так адрес же, адрес...

— А я запомнила. Приозерск под Ветлужском, колхоз «Луч». Так ведь?

— Да, да. Все правильно.

Настя ничего не сказала больше, чуть подняла руку в прощальном приветствии и ушла в помещение фермы.

Отченаш долго еще стоял около своей «Явы» и все глядел и глядел на широкие створки ворот, за которыми скрылась Настя. Но никто больше там не появился. Медленно, заученным движением он завел мотор, и машина тронулась в обратный путь. Иван до боли переживал эти только что пролетевшие полчаса. Неотступно видел лицо Насти, слышал ее голос, видел ее улыбку. Лишь самая маленькая часть сознания сосредоточивалась на выборе дороги, управлении «Явой». Лицо то озарялось робкой, мимолетной улыбкой, то омрачалось тягостными, беспросветными мыслями.

Вернувшись в Крутоярово, он был хмур, неразго-

ворчив, дни и ночи пропадал на птичниках и в плавнях.

Морозов на следующий день после возвращения Ивана, зайдя на ферму, спросил с усмешкой:

— Ну, нашел свою Василису Прекрасную?

— Нашел.

— Ну, и где же она? Почему не привез?

— Подождать придется, Василий Васильевич.

— Вот что, Ванюша, выбрось-ка ты эту мысль из своей светлой головушки. Давай мы тебе здесь сосватаем невесту. Лучшая дивчина пойдет за такого молодца.

Отченаш хмуро остановил его:

— Не надо об этом, Василий Васильевич.

Морозов пристально посмотрел на парня и осекся. Он понял, что поездка не успокоила Ивана, а наоборот внесла в душу еще большее смятение. И еще понял умудренный жизнью Василий Васильевич, что вся эта история для Ивана Отченаша не блажь, не каприз, не упрямство, а глубокая, постоянно саднящая рана.

— Ну, извини, братец, извини. Я ничего не хотел сказать такого, обидного.— И тут же подумал: «А говорят, что обмельчало наше время насчет большой любви. Бывает, оказывается, и такая...»

Иван Отченаш был все в том же смятенном состоянии, с которым уехал из Рязанщины. То он, вспоминая разговор с Настей, обреченно думал, что с ней теперь все покончено и надеяться не на что. Потом оживала и теплилась надежда. Ее питали последние слова Насти, сказанные ею, когда Иван уже шел к мотоциклу.

— А вот я, может, и напишу...

Как только «Ява», тихо проурчав, отъехала от фермы, Настя Уфимцева вновь вышла из ворот и долго смотрела вслед моряку. Два или три раза мотоцикл промелькнул в прогалинах между домами и наконец скрылся за околицей.

Девчонки с фермы, обступив Настю плотной стайкой и подсмеиваясь, допрашивали:

— Настя, что это за таинственный незнакомец? Может, объяснишь?

— Что, приглянулся?

— А что, парень хоть куда, хотя и не первой молодости. Жалко только, что быстро улетучился.

— Серьезно, Настя. Откуда он? Из газеты какой-нибудь? Опять, значит, в печати красоваться будем?

— Вы знаете, девочки... Я что-то и сама не очень поняла.

— Оно и видно. Ты все еще где-то в облаках витаешь.

Самая молоденькая из доярок белобрысая Зойка вдруг ехидно заметила:

— Никого не фотографировал, ни тебя, ни нас. С рядовыми труженицами не побеседовал. И очень удрученный уехал. Ох, Настя, что-то тут не так. Тебе надо было меня покликать.

Настя напустилась на нее:

— Зойка, ты что-то очень бедовая стала! От горшка два вершка, а туда же. Не рановато ли?

— Почему это рановато? Акселерация, знаете ли. Эх, зря, зря я не вышла чуть раньше. Еще неизвестно, уехал ли бы морячок-то?

— Ну ладно, ладно шебуршить! Дойку пора начинать,— распорядилась Настя, и все заспешили к своим рабочим местам.

В жизни человека порой случается так, что мерное течение вдруг внезапно нарушается событием, которого он не ждал, не предвидел, не был подготовлен к нему и которое не зависело ни от его воли, ни от его желаний или устремлений.

Нечто похожее случается и в природе. Вдруг среди яркого солнечного дня выползет черная, лохматая туча, дохнет резким порывистым холодом. Ветер, невесть откуда взявшийся, неистово разметет пыль на дорогах, будто в пьяной удали, раскидает по полю скошенное жито, расшвыряет по лугам сенные валки. А потом — уйдет туча, уляжется буйный гуляка-ветер, и опять солнце сияет в далекой голубизне.

Этому явлению метеорологи дают довольно четкое объяснение. В жаркую летнюю погоду из-за неравномерного нагревания различных воздушных потоков, вихревое движение воздуха приводит к возникновению мощных кучево-дождевых облаков. Внезапное появление на горизонте и стремительное приближение клубистой черной тучи сопровождается резким усилением ветра. И вот он уже куражится над полями...

А вот как объяснить, что порой в душу человека врывается такое же клубящееся беспокойство, как та внезапная туча на летнем небе. Врывается неожиданно, стремительно, нарушает спокойный ход его жизни, наполняет тревогой, тоской, неуходящим, будоражащим беспокойством?

Настя Уфимцева после отъезда Ивана Отченаша тоже довольно долго не могла прийти в себя. Вывел-таки моряк

ее из равновесия. То в сердце селилась тревога, то это чувство сменялось какой-то робкой радостью, и Настя, помимо своей воли, вдруг улыбалась. Хватившись, испуганно сгоняла улыбку со своего лица.

«Вот дура, вот ненормальная. Растаяла от приезда какого-то незнакомого мужика. И это при живом-то муже. Как же тебе не стыдно, глупая...» — так увещевала себя Настя. Но ожидание чего-то тревожаще-радостного теплилось, жило теперь в ее душе.

Настя родилась и росла здесь же, в Приозерье, и жизнь ее протекала так же, как жизнь ее сверстниц, среди этих полей, привольно раскинувшихся в предстепье, среди мягких бархатистых лугов с дурманящими запахами чебреца и полыни, по соседству с этой вот рощей берез и кудрявого дубняка и с этим зеркально застывшим в солнечной неге озером, давшим название родному селу. А где еще найдешь такую красоту осенью, когда стелются над полями горклые дымы от костров, когда нежная паутина на кустах ивняка серебром сверкает в осенних лучах солнца? А зима? Деревья, крыши домов, сараев, телеграфные столбы одеты в пушистые, мохнатые шапки, окна в избах разрисованы серебристо-фиолетовыми сказочными узорами, а ночью под лунным светом все кругом сверкает мириадами изумрудных искр...

Никогда не возникала у Насти мысль, что она когда-нибудь покинет свое родное Приозерье.

С малых лет была в ней врожденная степенная деловитость, серьезное, вдумчивое отношение в своим поступкам. Проработав два года после семилетки, решила пойти в техникум.

Подруги отговаривали:

— Что ты, Настька. Скоро замуж пора, а ты на учебу.

— Одно другому не помеха.

— Не скажи. Засядешь за свои книжки да в девках и останешься.

— Тоже не велика беда.

— Ну, ну, не притворяйся.

Одна из подруг заметила с подковыркой:

— Она раньше нас выскочит. Такие тихие, они ушлые до женихов-то.

— Нет, девочки. Решила твердо — еду в техникум.

Мать тоже утвердила ее в этом решении:

— Конечно, иди, дочка. Ученье-то, оно всегда пригодится.

На вопрос председателя — вернется ли она в колхоз после учебы, удивленно ответила:

— А как же? Странно даже, почему спрашиваете.

— Ничего странного, сколько из молодых возвернулось после разных там школ да курсов? По пальцам сосчитать можно. Потому и спрашиваю.

Она, как и обещала, вернулась домой и скоро стала заведовать фермой.

На правлении изложила ворох просьб: доильные аппараты сменить, так как вся пневматика сносилась; кормовой рацион далек от нормы и очень однообразен; подачу корма к стойлам давно пора механизировать. Сено, силос и жмых девчата таскают на горбу. Непорядок это.

Потом она еще и еще раз ходила к председателю, поехала в район, добилась и там кое-чего — и автоматические поилки появились на ферме, и транспортерный раздатчик кормов.

— У этой тихони все как по маслу выходит,— сказала как-то завистливая соседка.

Ей возразили сразу несколько голосов:

— Ты Настеньку не тронь. Она сердце и душу во все вкладывает.

— Ненормальная она какая-то. Помните, как с этой Кулемой-сорокой возилась?

— А ты попробуй вот приучи такую непоседу. Только Настенька и могла такое.

Как-то шла Настя с фермы и увидела на тропе беспомощного сорочонка со сломанным крылом. Видимо, из гнезда выпал.

— Что же ты, кулема несчастная, так оплошала,— проговорила Настя. Подобрала сорочонка, вылечила, выходила. Потом, куда бы ни шла Настя, Кулема за ней. На ферму или в правление, на улицу ли в воскресенье — все равно сорока где-то тут, рядом. Людей не боится, но в руки никому не дается. Крикнет ей Настя: «Кулема, пошли!» — «Пошли»,— соглашается сорока и то прыжками, то небольшими перелетами — за хозяйкой.

На ферме Кулема да кудлатый рыжий пес Квас доставляли дояркам немало веселых минут. Сорока, дразня пса, верещит: «Каквас, Каквас», он сломя голову мчится за ней. Но где ему догнать Кулему. Только он уляжется в холодке, она опять рядом прыгает. И опять шум и гам, дым коромыслом. Скандалила Кулема и с деревенскими курами, что приходили на ферму кое-чем поживиться. Как только появлялись они, сорока начинала костить их на своем трескучем сорочьем языке. Несколько раз даже драку затевала. И

только после одной схватки с предводителем куриной стаи — огромным желто-огненным петухом, потеряв полхвоста, стала осторожнее, трещала свои ругательства, сидя где-нибудь на дереве или на застрехе.

Проказ за Кулемой было немало.

Посадила мать Насти лук. Утром приходит на огород, весь он вытаскан и сложен в кучку. А сорока сидит на яблоне и о чем-то восторженно верещит. Видимо, похвалы ждет за свою «работу». Не миновать бы ей трепки, да Настя заступилась.

Потом сорока куда-то пропала. То ли ястреб ею поживился, то ли подбил кто. Настя искала ее по всем окрестностям, да так и не нашла. И переживала эту потерю долго. Какая-то теплая капелька ушла у нее из души.

...Замуж Настя Уфимцева вышла прошлой осенью, свадьбу играли всем колхозом. Так уж повелось здесь. Когда кончаются все полевые работы, в преддверии Октябрьских праздников, начинаются свадьбы. В прошлом году их было сразу семь. Правление колхоза не поскупилось — торжества были радостные, веселые, на весь район.

С Борисом Степиным Настя была знакома давно, еще по техникуму, учились вместе — она на зоотехника, он на отделении механизаторов. Парень видный. Рыжеватая, кудрявая шевелюра, серые с поволокой глаза, чуть медлительная, уверенная походка. Настя, однако, его не замечала. Да и Степин не проявлял к ней особой заинтересованности. Как живем, землячка? Ничего. Ну молодцом. Одним словом, здорово да прощай — вот и все знакомство. Когда же он стал работать в ремонтной мастерской рядом с Приозерным, зачастил сюда. Скоро все поняли почему. Около Насти увиваться стал. Разглядел-таки землячку.

Ухаживал Борис долго и настойчиво, но роман их чуть было не расстроился. В мастерских его уважали, бригада ремонтников, которую он возглавлял, слыла лучшей. Не отказывали во внимании бригадиру и окрестные молодухи. А с Настей все шло иначе. Он попытался с ходу, на второй или третий вечер, «добиться своего». Но встретил такой гневный отпор, что оторопел. С месяц Настя не разговаривала с ним. Наконец Борис, улучив момент, увел ее от девчат, и они пошли за село, по большаку. Парень решил внести ясность в их отношения.

— Настя, ты, я вижу, на меня обиделась. А ведь зря. Я же не просто так, я из самых что ни на есть серьезных побуждений. И потому решим наш вопрос немедленно и

как полагается. Поженимся. Отличная пара будет, честное слово.— Видя, что Настя молчит, Борис продолжал: — Ты ведь не знаешь, как я мучался все это время. Ты даже не представляешь. И убедился: ты, только ты должна быть подругой моей жизни. Конечно, тут нужна взаимность, наличие, так сказать, чувств с твоей стороны. Ты как ко мне относишься?

Настя не спеша ответила:

— В общем-то хорошо.

— Ага. Люблю ли тебя, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Так, кажется, сформулировал один из классиков. Ну, ничего, стерпится-слюбится. Конечно, решать тебе, но заявляю ответственно: жалеть не будешь. Я постараюсь...

Настя к словам Бориса отнеслась серьезно. Она поняла, что за этой шутливо-напористой речью парень скрывает свое смущение, неловкость. И, видимо, у него к ней действительно настоящее чувство. А у нее к Борису? Вот на этот вопрос она даже себе пока ответить не могла. Поэтому на его решительное предложение ответ последовал осторожный:

— Я подумаю, Борис.

— Ну, чего ж тут думать? Ей-богу, я парень неплохой.— И, видимо, решив, что надо подкрепить эти слова чем-то более весомым, добавил: — Обижать не буду, наоборот, на руках буду носить.

— Ну, ну, не завирайся,— усмехнулась Настя. И не успела охнуть, как оказалась на руках у Бориса. Он нес ее долго, часто и жадно целуя.

— Ну, хватит, Боря. Надорвешься.

Думала-гадала Настя целых полгода. Борис настаивал, неотступно следовал за ней по пятам, упорно уговаривал согласиться на свадьбу. Да, с ним, кажется, все было ясно. Сказать же, что ее тоже захватило чувство к Борису, она не могла. Не было того всепоглощающего влечения, нетерпеливой, все заглушающей радости от встреч, пронизывающего сладкого биения сердца от прикосновения, пожатия руки, мимолетного поцелуя.

«Холодная я, видимо, бесчувственная»,— неприязненно думала Настя о себе. Решила посоветоваться с матерью. Та подошла к делу по-житейски:

— О гнезде тебе думать уже пора, доченька. А Борис парень видный. Народ в деревне о нем по-доброму говорит. Иди, иди, доченька, иди. Чего же тут думать?

Может, Настя раздумывала бы и дальше, но поездка на районный слет передовиков ускорила ее решение.

Там Степина хвалили, ставили в пример. Оказывается, его бригада за короткий срок сумела усовершенствовать поступившие картофелеуборочные комбайны. Это позволило ускорить копку картофеля, уменьшить потери.

Борис сидел рядом с Настей и, когда пошла речь о нем, чтобы скрыть смущение, проговорил:

— Вот заладили. Тоже нашли героя.

В перерыв, сразу как только вышли из зала, торопливо стал объяснять:

— Мы с ребятами помудрили малость над машинами-то. Последнюю секцию каскадного элеватора повернули на целых девяносто градусов и поставили поперек первой секции. А чтобы была точная укладка в междурядья, в конце установили регулируемый пружинами щиток... Ты понимаешь? Ерундовина, в сущности. И чего они такую похвальбу устроили? Неудобно даже.

Настя пристально посмотрела на Бориса, на его смущенный вид.

— Не переживай, Боря. Слава — дело не вечное.

Людское уважение все-таки много значит. Настя после районного слета, сама не заметив этого, стала внимательнее приглядываться к Борису, перестала вышучивать его и серьезно подумывала над его предложением. Он вновь заговорил о чем, и она согласилась на свадьбу. И вот уже год они жили под одной крышей.

Борис оказался довольно заботливым хозяином. Дом Уфимцевых, подзапущенный из-за отсутствия мужских рук, выглядел сейчас иначе — и венцы новые подведены, и кровля перекрыта, и окна, обрамленные новыми наличниками, веселее смотрят на деревенскую улицу.

Он был трудолюбив по натуре и никогда не сидел без дела — вечно что-то строгал, пилил, мороковал над какими-нибудь замысловатыми приспособлениями. И бригада ремонтников, да и все мастерские, по праву считали его умельцем с золотыми руками.

И все-таки кое-чем Настя была недовольна. Правда, об этом никто не знал, кроме нее и Бориса. Да, собственно, знать-то было нечего — речь шла о житейских мелочах. Так, во всяком случае, думал Борис, и до поры до времени так же думала и Настя.

Как-то незаметно из их жизни ушло, стало ненужным и лишним многое из того, что было когда-то дорого обоим. Когда Настя затевала какой-либо разговор, не касающийся прямо его или ее дел или не имеющий отношения к делам

домашним, Борис замолкал, а потом, найдя какой-нибудь предлог, ускользал из избы. И уже через минуту из небольшой мастерской, что он устроил под навесом, слышались или стук молотка, или напевы циркулярки.

Как-то вечером Борис оказался дома раньше Насти. Она пришла вскоре и позвала мужа на улицу.

— Ты чего? — спросил он, выходя на крыльцо.

— Посмотри, какой закат,— показала она западную кромку неба.

А закат был действительно необычным, жутковатым. Солнце медленно уходило за горизонт, а оттуда выползала густая, черно-синяя туча. Солнечные лучи все еще пробивались через разрывы клубящихся облаков, окрашивая в пурпурно-малиновые тона свободную часть неба. Туча бесновалась, бросала на землю взрывы ураганного ветра, рвала небо искрящимися молниями, но все никак не могла погасить эти солнечные отблески. Наконец это ей удалось. Она закрыла своим мохнатым иссиня-черным пологом всю западную часть неба и ударила по земле строенным раскатистым громом.

— За этим ты меня и звала? — усмехнулся Борис.— Фантазерка ты у меня.— И с этим вернулся в дом.

Вскоре Настя привезла из районного центра только что поступивший в продажу двухтомник Есенина.

— Ты послушай, послушай, как он о наших рязанских краях пишет:

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь,
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Борис прервал ее, продолжил:

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

И давай-ка спать, Настька, и тебе и мне вставать затемно.

Настя проворчала что-то и обиженно отвернулась. Утром она решила поговорить с мужем.

— Что с тобой, Борька? Ты увалень стал какой-то, ничего тебя не трогает, ничего не интересует. С тобой даже поговорить по-людски невозможно.

Борис удивленно поднял брови.

— Не понимаю, Настасья, о чем речь? Мне что, по-прежнему перед тобой хвост надо распускать? Восходами и закатами любоваться? Лишних слов не люблю — это верно, раз-

говорами пусть занимаются те, у кого забот мало, а у нас с тобой их хватает. Так что давай будем говорить по существу, по делу. Тут я готов, пожалуйста.

Его действительно удивил этот упрек жены. Что это с ней? Турусы на колесах вдруг разводить захотелось. Живем как люди. На работе и дома все в ажуре, полный порядок. Чего же еще надо? И по-своему Борис был прав.

Часто бывает, что одна-единственная фраза фокусирует в себе суть многого. Слова Бориса: «Мне что, по-прежнему перед тобой хвост надо распускать?» — как заноза вошли в сознание Насти, не давали ни утихнуть, ни уйти обиде. И что еще хуже, породили сомнение в искренности чувств Бориса к ней.

Между ней и Борисом установились несколько отчужденные, натянутые отношения. Не мир и не ссора.

Если раньше Настя пыталась расшевелить мужа то одним, то другим вопросом, то сейчас молчала, пожалуй, больше, чем Борис. Теперь это уже обеспокоило его:

— Ты что, Настасья, в обиде, что ли, на меня? То все щебетала, а сейчас больше помалкиваешь?

— Ты же сам захотел, чтобы мы говорили,— она скопировала его интонацию,— только по существу, по делу.

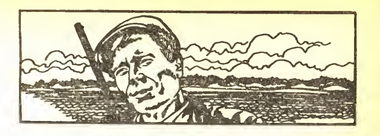
— Правильно. Одобряю. Обретаешь мужской характер.

Вскоре умерла мать Насти. Обрушившееся на нее горе, хлопоты по похоронам отодвинули в сторону все второстепенное, малозначительное. Забыта была и возникшая перед этим некоторая отчужденность между Настей и мужем.

Борис делал все, что мог, взял на свои плечи большую часть хлопот и забот, и Настя ни в чем не могла его упрекнуть. Но глубоко понять душевное состояние Насти, безраздельно проникнуться им, горячим сердечным участием облегчить ее горе — этого Борису было не дано. И вскоре Настя еще острее поняла горечь утраты, почувствовала, что с уходом из жизни матери она осталась совсем одинокой.

В одну из длинных бессонных ночей у Насти и возникла мысль написать Ивану Отченашу.

Их встреча не раз вставала в ее памяти. Рассказ Ивана Отченаша, как он искал ее, как долго ждал встречи, вызывал не только улыбку, а и чувство затаенной гордости. Однако мысль написать моряку возникла лишь теперь. На душе было тоскливо, ничто не радовало сердце, с кем-то хотелось поделиться своими горестями. И скоро из села Приозерного, что на Рязанщине, в колхоз «Луч», что близ Приозерска Ветлужского, ушло письмо...



Глава 4

В КРУТОЯРОВСКИХ ПЛАВНЯХ

Август был на исходе. Днем было еще довольно тепло, и деревенские сорванцы бултыхались в речных заводях, но под вечер сизоватые волны тумана плыли по оврагам и низинам, неся с собой знобкий, сыроватый холодок, что стоял потом вплоть до утра, до тех пор пока не всходило солнце.

В лесах заметно поубавилось щебетанья пернатых, куда-то подевались стрижи, на телефонных проводах все чаще можно было увидеть гирлянды белых комочков — это ласточки проводили свои собрания, обсуждая предстоящий отлет в другие края.

Курганов был заядлым охотником, и его бескурковая двустволка, вычищенная и смазанная, в полной готовности, вместе с нехитрой охотничьей амуницией, висела в сенях, в самолично им сооруженном шкафу.

Однако выбраться на какие-нибудь озера или плесы удавалось редко, обязательно возникало что-нибудь срочное, неотложное.

Вот и на этот раз Михаил Сергеевич, отпустив последнего посетителя, с тоской посмотрел в окно на пестрое разноцветье скромных уличных газонов, подумал, как бы хорошо было посидеть в шалаше хоть одну зорьку.

Когда недавно был в Березовке, Озеров под конец, уже стоя у машины, напомнил ему о скором открытии охотничьего сезона. Договорились созвониться и съездить в Крутояровские плавни. Но вот завтра первая зорька, день уже к концу, а звонка от Озерова что-то нет. Курганов решил позвонить сам, но в последний момент передумал, постеснялся набиваться — напряженный, взволнованный разговор получился тогда в Березовке. Озеров мог и обидеться.

Хоть на него это и непохоже. А съездить бы, пожалуй, можно, размышлял Михаил Сергеевич. В конце концов, что может случиться за два дня? Вспомнился партком, что проходил три дня назад,— дотошно разбирались со всеми хозяйствами. И люди и техника к уборке как будто готовы.

— В общем, идут дела не столь блестяще, как хотелось бы, но идут,— вслух проговорил Курганов и иронически усмехнулся по своему адресу: ищешь оправдание своему вояжу в Крутоярово? Да и состоится ли он, этот вояж?

В кабинет вошла Галина Дмитриевна, технический секретарь парткома, строгая подтянутая женщина, и молча положила на стол почту, накопившуюся за день.

— Срочное что-нибудь есть?

— Ничего необычного. Письма, запросы, ответы. Есть упреждающий сигнал о недисциплинированности нашего управления в части отчетности.

— Озеров из Березовки не звонил?

— Нет, не звонил.

— Ну что же, спасибо, отдыхайте, Галина Дмитриевна.

Посидев еще с полчаса, Михаил Сергеевич, понурый, отправился домой. Елена Павловна удивилась и обрадовалась:

— Ну, наконец-то. В кои-то веки как люди домой заявился. Хвалю.

И в это время раздался длинный, требовательный звонок телефона.

— Михаил Сергеевич,— откуда-то издалека, словно он был за тридевять земель, звучал голос Озерова.— Не забыли наш уговор?

— А что ты раньше молчал? Я уж думал, сорвалось все.

— Да я разведывать ездил. Звоню с лесного кордона. Утка в плавнях есть. Вы заезжайте в само Крутоярово, там вас будет ждать Иван Отченаш и привезет в Клинцы. Мы с ним обо всем договорились. Ждем вас, Михаил Сергеевич.

— Буду обязательно. Сейчас же начинаю собираться.

— Это куда же?

— На охоту, на охоту, дражайшая Елена Павловна. Открытие сезона.

— Какая охота? Чего выдумал? Лучше бы отдохнул, чем невесть куда и зачем мчаться.

— Эх, мать, не понимаешь ты души охотника. Целый год мы ждем этого дня. Целый год мечтаем. Собери-ка мне чего-нибудь с собой, колбаски там, яичек, хлеба, ну, одним словом, что подвернется.

Елена Павловна давно знала охотничью страсть мужа и перечить больше не стала.

— Запасов-то у меня маловато, придется Мишутку в магазин послать,— проговорила она, направляясь в кухню.

Их разговор услышал младший Курганов и стремительно влетел в комнату.

— Папа, ты что, на охоту собираешься?

— Да вроде так.

— А я? Ты же обещал.

Михаил Сергеевич озабоченно вздохнул:

— Я-то не против. А мать сейчас такое нам устроит.

— Да что вы все сосунком меня считаете?

— Ты подожди горячиться,— Курганов заговорщически подмигнул сыну.— Пойдем.

Елена Павловна в холодильнике и кухонных шкафах выискивала кое-какие припасы и складывала их в рюкзак. Она спросила сына:

— Ты почему не ушел в магазин? Его же вот-вот закроют.

— Сейчас он слетает,— успокоил ее Михаил Сергеевич,— но тут, мать, дело такое. Михаил тоже просится на охоту.

— Этого еще недоставало. Хватит того, что старый на съедение комарам решил податься, вместо того чтобы дома побыть, отдохнуть по-людски. А Мишку не пущу. Не пущу, не уговаривайте.

Курганов подошел к жене.

— Лена, ты не права. Прежде всего, младший Курганов уже основательно подрос за последнее время. Это первое. Я ему обещал, что мы поедем вместе. Это второе. И третье и главное — мне будет спокойнее с ним. В случае чего, отца сберегать будет.

Последний довод, конечно же, был самый убедительный.

— А ну вас,— Елена Павловна махнула рукой.— Сами уже договорились, а меня умасливаете.

— Молодец ты у нас, мать. Умеешь смотреть в корень. Михаил — живо в магазин.

Тот стремительно сорвался с места.

Но возникла еще одна непредвиденная трудность.

Бубенцов, когда Курганов позвонил ему по телефону и сообщил о предстоящей поездке, начал канючить:

— Пустая затея, Михаил Сергеевич. Какие утки в Крутоярове? Ворон там действительно много. А утей нету. Уверяю вас. И потом... У меня были несколько иные планы. Сугубо личные, так сказать. Я уже и должный марафет навел, галстук подвязываю.

— Тогда вот что. Заправь машину, еще пару канистр наполни, запасной баллон и камеру положи в багажник. Полчаса тебе хватит, чтобы все подготовить?

— Вполне.

— Тогда жду машину.

— Будет исполнено, Михаил Сергеевич.

Скоро Курганов с рюкзаком в одной руке и с зачехленным ружьем в другой вышел к машине. Сзади вышагивал младший Курганов. Патронташ, набитый отливающими бронзой патронами, туго стягивал фигуру, на плече висела одностволка.

— Костя, освобождай место, да побыстрее. Времени у нас в обрез. И пожелай ни пуха ни пера.

Костя, однако, вылезать из-за руля не собирался.

— После зрелых рассуждений я пришел к выводу, что поведу машину сам.

— Почему?

Костя махнул рукой:

— Изменилась ситуация,— и, не желая дальше обсуждать эту тему, обратился к Мише:

— А Макса-то разве с собой не возьмешь? Видишь — тоже рвется в экспедицию.

Миша оглянулся. Здоровенный серый котяра вертелся около ног Елены Павловны, его хитрющие зеленые глаза смотрели с недоумением то на хозяйку, то на Мишу. Он как бы спрашивал: что тут происходит? Куда это мой хозяин собрался? И почему без меня?

— А вообще-то, его надо бы взять,— не очень уверенно проговорил Миша и вопросительно посмотрел на отца.

— Может, еще игрушки захватишь? — съязвил Михаил Сергеевич.

Миша степенно отпарировал:

— Шуток не понимаете, товарищ Курганов.

Макс как две капли воды был похож на того, что когда-то приехал в Приозерье за пазухой у Миши Курганова. Это было уже, наверное, третье поколение, но как же чертовски он походил на родителей. Серая пушистая шуба, обширный

белый галстук от морды до самых лап и воровские зеленые искрящиеся глаза. Когда машина обдала его изрядными клубами пыли и дыма, он презрительно чихнул и, прижав уши, опрометью бросился в дом.

Костя, увидев эту сцену, без тени улыбки заметил:

— А все-таки зря мы не взяли Макса с собой. Он же у вас лодырь, ни черта не делает. А тут бы хоть уток вместо собаки из воды доставал. Какая-никакая, а польза была бы от дармоеда. А то откормили его, как бугая, а к общественно-полезной деятельности не приучили.

— А мыши? Их, по-твоему, кто ловит? — задиристо спросил Миша.

— Ну, уж во всяком случае, не твой Макс. По-моему, он от них просто прячется.

— Ну что ты такое говоришь, Бубенцов?

— Да чего там. Типичный же тунеядец.— И, считая эту тему ясной, Бубенцов обратился к Курганову-старшему:

— Какой курс брать, Михаил Сергеевич?

— Сначала в Крутоярово. Там нас Отченаш ждет.

— Ну, тогда накрылась охота. Помните, как в Ракитинские леса на кабанов ездили? Вместо охоты вы в Дубках у Лепешкина заседание правления проводили. Кабаны-то, конечно, рады были, а мы вернулись несолоно хлебавши.

— Ну нет, сегодня мы обязательно будем в Клинцах.

Бубенцов вновь взялся за младшего Курганова:

— Между прочим, я хотел спросить вас, товарищ Курганов-младший, вы что, утей-то стрелять из этого вот бердыша собираетесь? — Костя кивнул на ружье, что Миша бережно держал между колен.— Разве это ружье? Мешалка для силоса. Кто же с одностволкой, да еще шестнадцатого калибра, на охоту ходит? Ничего ты не настреляешь, Михаил Михайлович. Помяни мое слово.

Миша прошипел в ответ:

— А что вы, Бубенцов, понимаете в охоте-то?

Михаил Сергеевич, с улыбкой слушавший их негромкую перепалку, примирительно проговорил:

— Не дрейфь, Михаил, будут у нас завтра утки, будут. Утрем мы нос некоторым маловерам, да еще как.

Миша хитровато улыбнулся:

— Я бы кое-что сказал товарищу Бубенцову, да только личность его оберегаю. И так она серьезно травмирована. На лопатки положен товарищ Бубенцов.— И, чуть наклонившись к отцу, в том же язвительном тоне продолжал: — Дело

в том, что одна особа окончательно указала товарищу Бубенцову от ворот поворот.

Бубенцов невесело усмехнулся:

— Самое интересное, Михаил Сергеевич, в том, что Мишель информирован точно. Погорел Константин Бубенцов. Факт. Как швед под Полтавой.

...Для Приозерска сердечные дела Кости Бубенцова, шофера парткома производственного управления, не являлись секретом. Многим было известно, что он денно и нощно «тает» по Вере Толстихиной, воспитательнице детского дома, и притом без всякой перспективы на взаимность. Было отмечено и то, что за последнее время Вера чертовски похорошела. Ее длинные, рыжего отлива косы, всегда чуть удивленно поднятые брови, белые, будто молочная кипень, зубы повергали в смятение многих представителей мужского пола.

— Понимаете, Михаил Сергеевич,— ловко, с некоторой небрежностью орудуя баранкой, вдруг заговорил Костя.— Я к ней всей душой, со всеми своими испепеляющими чувствами. Она слушает да ухмыляется. И всё вопросы подбрасывает, один заковыристее другого. То спрашивает, как я отношусь к проблеме доставки айсбергов из Антарктиды, то что я думаю по поводу освоения Амазонки, то ее стали усиленно занимать летающие тарелки. Или о своих сопляках из детдома начнет говорить. Да так, что вот-вот запоет. А они, архаровцы, так за ней гуртом и ходят, как цыплята за наседкой. Вот и сегодня. Планировал вывезти ее на лоно природы. Сейчас же каждый лужок, каждая рощица — картинка, загляденье, «в багрец и золото одетые леса», как говорил поэт. Свой «Москвич» подготовил, звоню ей. И что же слышу в ответ на свое столь увлекательное предложение? Я ребят на Бел-камень веду. Может, говорит, ты поможешь? Выходит, вместо интимных разговоров, любованья красотой осенних пейзажей, я должен буду утирать носы ее питомцам? А там, глядишь, еще и до попок дойдет. Знаю я этих головорезов. Нет, говорю, благодарю покорно. И потому решил с вами, в эти чертовы плавни податься. Все же какой-никакой интерес.— Через паузу он нравоучительно подытожил: — А ты, Мишель, слушай да мотай на ус. Сгодится для жизненного опыта. Не все же тебе со своим Максом дружбу водить. Скоро на другие игры потянет.

Миша презрительно ухмыльнулся:

— Глупости все это. Женский пол меня не занимает.

— А почему же тогда каждый вечер звонит какая-то Нина? — ухмыльнулся Михаил Сергеевич.

— Так это же Нинка Сорокина. Она по математике заваливается. Вот я и помогаю. Общественное поручение.

— Ну тогда все ясно.— И Михаил Сергеевич, чуть искоса посмотрев на Костю, обратился к нему: — Знаешь, Костя, я почему-то думал, что ты все-таки более толковый парень. Помню, еще в бытность Веры в райкоме ты все вздыхал о ней. И все никак не сговоритесь.

— Ну, говорю же вам, в науку ударилась. В аспирантуру даже метит. Не до замужества, говорит.

— Нет, Костя, я все же считал тебя более сообразительным.

Костя удивленно спросил:

— В чем же проявилась моя умственная неполноценность? Хотелось бы знать.

— Слушай. Перед самым нашим отъездом Вера звонила Елене Павловне, просила помочь вести ее питомцев на Белкамень. Я, говорит, понадеялась на своего жениха со стажем, а он слинял. Я бы на твоем месте такие слова мимо ушей не пропустил.

Долго ехали молча, Костя то и дело поглядывал на часы. Когда же увидел встречную полуторку, резко остановил машину.

Вылезая из машины, укоризненно произнес:

— Зловредный вы все-таки мужик, Михаил Сергеевич. Не могли вовремя сообщить столь ценную информацию.

Он вытащил свой рюкзак и через мгновение был уже в кузове полуторки. Оттуда прокричал:

— В машине есть все необходимое, можете хоть полтысячи километров колесить.

— Вот шалопут,— проворчал Курганов и пересел за руль.

...Иван Отченаш ждал Курганова у поворота с большака на свою ферму. Поздоровавшись, он как о чем-то давно решенном проговорил:

— Сейчас мы с вами осмотрим некоторые объекты нашей фермы, как велел товарищ Морозов, а потом двинемся в Клинцы. Согласны?

Курганов пожал плечами.

Рядом с двумя старыми сараями, в которых моряк когда-то начинал организовывать свою ферму, выросли четыре новых птичника — аккуратные щитовые строения. Однако сейчас они пустовали, и в них стояла тишина. Птичий гомон доносился сюда лишь из-за невысокой лесной гряды, к которой вплотную подходили мелководные заливы Крутояров-

ских плавней. Когда пришли на их берег, то Кургановы, и старший, и младший, остановились в восторге. Водная гладь залива, всех бочажков и отмелей кишела утино-гусиным населением. Белой кипенью покрывали воду плотные стаи пекинок, важно проплывали среди них гордые гусиные косяки. Гвалт над плавнями стоял несусветный. Миша наблюдал за этим утино-гусиным базаром не отрываясь.

— Сколько же их? — восхищенно проговорил он.

— Утей пять тысяч, гусиного поголовья около тысячи.

— Я вижу, водоемы даже не огорожены? Потери, видимо, немалые из-за этого,— заметил Курганов.

— Улетают некоторые, но к кормежке, как правило, возвращаются обратно. Еще одно подтверждение гениального учения Ивана Петровича Павлова об условных рефлексах.— Отченаш посмотрел на часы.— Сейчас вы будете свидетелями данного факта.

Скоро от птичников послышались гулкие, зовущие звуки звенящего под ударами рельса. И сразу же все утино-гусиное поголовье ринулось на берег, направляясь к щитовым зданиям. Гуси шли хоть и торопко, но степенно к крайнему строению. Утки, суетливо спеша, некоторые устраивая даже небольшие перелеты, направлялись к двум старым сараям.

— Обратите внимание,— заметил Отченаш,— каждая особь знает свою столовую. Путаются порой — но в основном соблюдают. Где первый раз покушают, на это место и стремятся.

Зашли к гусям. Степенное гоготанье, старательная работа над корытами. Ни драк, ни суеты.

В утиных же сараях стоял гвалт, то тут, то там вспыхивали драки. Ссоры наиболее непримиримых борцов за именно это место у лотка приходилось мирить девушкам-птичницам. Но наконец все утихомирились, конфликтов поубавилось и только слышалось стрекотание тысяч клювов, шурующих в продолговатых кормушках.

Посмотрели кормокухню, работу автоматических кормораздатчиков. Отченаш хотел еще показать изолятор для приболевших особей, но Курганов молча показал на часы.

По протоке, что дугой огибала Крутоярово, на катере двинулись в нижние плавни. Отченаш продолжал разговор, начавшийся на берегу.

— Особенно выгодна утка. Если, конечно, как следует заниматься маточным поголовьем. Гусь, конечно, тоже

птица отличная, но с ним посложнее, ухода больше, в питании более привередлив. Но утка... Вот прикиньте. Каждая утка дает в год до семидесяти — восьмидесяти яиц. За сезон от нее можно вырастить ну как минимум полсотни утят. А это семьдесят — восемьдесят килограммов живого веса. Я нарочно уменьшаю цифры. У нас они более значительны. Во всяком случае, производить утиное мясо — выгоднейшее дело. Взрослый бычок весит примерно двести — двести пятьдесят килограммов. Но такого веса он достигает за три года. Подсчитайте: за это время утка дает мяса столько же. Невероятным кажется, верно? И тем не менее — факт. Наш председатель, Василий Васильевич Морозов — вы, конечно, знаете его, мужик себе на уме,— глаголить о доходах с фермы не любит, но я-то ведь в курсе. Около полумиллиона чистой прибыли в год по самым скромным подсчетам. Это без учета рыбки.

Курганов заметил:

— Морозов мне рассказывал, что с рыбой-то помучиться пришлось, не сразу получилось.

— Было дело. Прудовое хозяйство не очень-то велико, но в порядочке держим. Были промашки, были. Запустили мы мальков, не учтя того, что пруды в половодье со Славянкой и плавнями сливаются. С полой водой и ушла у нас рыбка. Что делать? Соорудили небольшую дамбу, вычистили дно, пробороновали, посеяли смесь вики с овсом. Вновь пустили мальков. В общем, пошло дело. И вот уже третий год карп на столе у наших людей. Да и в окрестных магазинах появляется нередко.

Курганов не перебивал рассказчика и думал о том, как много в наших селах таких вот умельцев, неистовых, упорных, и как много могут сделать они, коль вовремя поддержать их, помочь, не дать погаснуть огоньку в их сердце.

Катер лавировал по неширокому извилистому руслу, с обоих сторон его обступали высокие шуршащие стены камыша, чередуясь с ним, зеленым пунктиром проглядывали небольшие островки с ивовыми зарослями.

Курганов, заметив, что сын все время сидит молча, спросил:

— Ты что, Михаил, приуныл? Наскучило наше производственное совещание?

— Нет, наоборот, очень интересно. И есть даже один-два небольших вопроса к товарищу Отченашу. Вот гуси и утки у вас вместе живут. Особи, как вы их зовете, разные. Не дерутся они, не враждуют?

— Ну, подерутся порой, не без этого. Потом, живут-то они врозь, утки в своих птичниках, а гуси в своих. На воде только вместе. Да и то, гусь птица гордая, уплывает, где поглубже и потише.

— А из рыбы в этих плавнях что водится?

Отченаш улыбнулся:

— В этих плавнях, Михаил Михайлович, только чертей нет, а остального всего вдоволь.— И уже серьезнее добавил: — И карась, и плотва, и окунь-горбач, и хищница щука резвится. Но эти особи сами разводятся. Карпу же мы помогаем.— Отченаш поднялся, осмотрелся и, снова усевшись за руль, предупредил: — Ну, а теперь держитесь покрепче, входим в залив. Пойдем на полную мощность, чтобы к ухе поспеть.

Катер, выйдя на открытую воду, смело нырял в крутые волны, брызги заливали его плексигласовое лобовое стекло. Но Отченаш вел посудину спокойно, уверенно. Прямо над ними пронеслась утиная стая, за ней еще одна. Провожая их взглядом, Курганов спросил:

— Как думаете, Иван Андреевич, охота будет?

— Должна быть. Утки нынче много.

...Приехали на базу, когда уже малость стемнело. Здесь собралось с десятка полтора охотников из Приозерска, из окраинных сел и деревень. Все были заняты делом. Кто сортировал выложенную из рюкзаков продукцию, кто мыл посуду, кто готовил к ужину стол. Недалеко от избы, на расчищенной от кустарника поляне, над костром висел огромный чугун с ухой. Ее дразнящий запах был так аппетитен, что кое-кто с нетерпением ворчал: ну когда же?

Над ухой колдовал Озеров. Миша Курганов, еле разложив вещи, ринулся к нему.

Николай деревянным половником все мешал и мешал в котле, а один из охотников помогал ему. Он перебирал и мыл петрушку, лук, еще какие-то травы, передавал Озерову, а тот небольшими порциями кидал их в котел. Потом достал из кармана пакетик с черным немолотым перцем и тоже высыпал в содержимое котла.

Младший Курганов смотрел на эти манипуляции как завороженный.

— Что, Михаил Михайлович, освоить хочешь? — спросил Озеров.

— Сравниваю. Мы в школьном лагере тоже уху варили. Но без этих разных приправ.

— Ну, и какова была уха?

— Мечта. Всю съели.

— Молодцы. Но наша будет совсем другой кондиции. Достань-ка из костра головешку побольше.

— А зачем она вам?

— Доставай, доставай быстрее.

Миша притащил небольшую дымящуюся головешку. Подошедший к очагу Отченаш ее забраковал.

— Не годится. Тащи самую большую, и чтобы вся жаром пылала.

Миша выбрал самую здоровую головню и, чихая от ее дыма, притащил к котлу.

— Вот эта подходит, эта в самый раз,— моряк взял головню, сделал ею несколько резких взмахов в воздухе, будто какой-то шаман-заклинатель, и резко опустил в кипящий котел. Головня адски зашипела, клубы пара и дыма поднялись над котлом.

— Вот теперь все в ажуре,— проговорил Озеров и крикнул:

— Бездельники, уху на стол!

Миша с недоумением смотрел то на Озерова, то на моряка и, не удержавшись, спросил:

— А зачем вы ее, головню-то, туда?

— Что, и это вы в лагере не делали? — в свою очередь спросил Отченаш.— Представляю, что за уха у вас была.— И чуть нравоучительно произнес: — Фильтрация, конденсация, пастеризация. А проще говоря, для того, чтобы дымком пахло. Вот сейчас попробуешь — узнаешь, что такое настоящая охотничья уха.

Ужинать было решено на воле. На самом берегу залива стоял большой продолговатый стол, прочно врытый в землю. Весь он был уставлен нехитрой, но аппетитной снедью. Высились пирамидки яиц, алели сочные помидоры, лежало несколько довольно солидных пучков зеленого лука. Две суповые тарелки были полны крупно нарезанным черным хлебом.

Уха действительно была выше всяких похвал. То один, то другой охотник требовал добавки, а младший Курганов подставлял свою тарелку, кажется, уже третий раз. Отец, смеясь, заметил:

— Смотри, Михаил, после такой заправки охоту проспишь.

— Как бы не так. Раньше всех встану.

Все разговоры вертелись вокруг охоты. Будет ли лет?

Встал ли молодняк на крыло? Как бы не собрался дождь, а то испортит зорьку.

Отченаш заверил:

— Дождя не будет. Не беспокойтесь.

— А видишь, что на горизонте-то? — показал кто-то на потемневший край неба.— Может к ночи и собраться.

— Нет, не соберется. Слышите, как кузнечики разоряются. А перед дождем они молчат.

Кто-то рассмеялся:

— Я бы предпочел все-таки сводку метеоцентра. Одна примета мало о чем говорит.

— А их не одна,— не сдавался Иван.— Мошка сегодня не садилась на горицвет. К ясной погоде. Да и еще кое-что я заметил.

— В прошлом году мы тоже здесь на открытии были,— стал рассказывать один из охотников.— Отличный лет был, уже к восьми утра норму отстреляли.

— Эх, ребята,— вздохнул кто-то.— На Каспии мне пришлось побывать. Вот где охота...

Миша сидел как завороженный, и, хотя страшно хотелось спать, уйти не мог, так захватывающе интересны были эти охотничьи разговоры.

Курганов-старший сидел здесь же. Он не очень вслушивался в мирно текущую беседу, а весь отдался столь редкой приятной расслабленности. Хорошо было сидеть вот так, ни о чем не думая, ни о чем не заботясь, когда спокойно бьется сердце и нет в нем постоянной тревоги то за одно, то за другое, то за третье. Михаил Сергеевич упоенно наслаждался и прохладой вечера, и чуть ощутимой влагой, что приносил ветер с водной глади, и спокойным неторопливым говором волн с прибрежной осокой, и старыми ветлами, что обрамляли берег залива.

...Мишу Курганова будили всем миром. После долгих усилий это, наконец, удалось. Но он, вновь натянув одеяло на подбородок, пробормотал:

— Я спать хочу. Чего пристали.

— Ничего себе охотник,— рассмеялся Михаил Сергеевич и решительно сдернул с сына одеяло. Парень, однако, просительно канючил:

— Ну, папа, еще немного. Часик. Я вас догоню.

Тогда кто-то из мужчин, подкравшись, плеснул на парня кружку холодной воды. Миша вскочил, ошалело осмотрелся. Все хохотали. Он стал суетливо одеваться, бормоча под нос:

— Издеваются над человеком, а родной отец поощряет. Ну и нравы у вас, товарищи охотники.

— Ружье не забудь, да и патроны на всякий случай захвати,— смеясь, проговорил Курганов и пошел к причалу.

Скоро все расселись в лодки, и катер, взяв их на буксир, глухо, надсадно урча, направился по протоке, держа курс к дальним заводям плавней.

Миша ежился от ветра и брызг, но сон уже прошел, и он донимал соседей расспросами. О стрельбе влет, опережении, о скорости полета чирка и прочем.

Когда его высадили в шалаш, Михаил Сергеевич напутствовал из лодки:

— Главное, не спеши, не пытайся палить по каждой пролетающей птице. Верный выстрел — это на тридцать — тридцать пять метров.

— А коль патронов не хватит, я у тебя возьму. Ладно? Ты ведь в соседнем шалаше будешь?

— В соседнем-то в соседнем, только ты ведь не Иисус Христос, чтобы по воде ходить.

— Ох, черт возьми, я и забыл. Ну, да ничего. У меня все-таки полный патронташ.

Однако через секунду вновь раздался его голос:

— Батя, тут же и сесть не на что. А как же...

— Ну да, забыли тебе кресло или кровать поставить, горе-охотник. Замолкни и тихо жди рассвета. Не проспи только.

...Михаил Сергеевич ловко уцепился за куст ивняка, что обступал его засидку, подтянул лодку ближе к лазу и перебрался в зашумевшее сухими листьями жидковатое сооружение. Повесил на сучок, что потолще, клеенчатую сумку с патронами, притоптал сенцо, что было брошено на пол. Затем достал из сумки с десяток патронов и положил в карманы куртки, чтобы были под рукой, зарядил свою «ижевку» и весь отдался долгому, томительному и в то же время удивительно волнующему ожиданию рассвета, первого посвиста крыльев летящих уток.

Ночь держалась цепко, уходить не спешила. Стояла первозданная тишина. Только где-то в отдалении всплескивала в воде сонная щука да волны залива лениво и монотонно плескались о камыши и кустарники.

Но вот где-то совсем рядом завозилась, пропищала спросонья камышовка — маленькая серо-коричневая птаха. Михаил Сергеевич знал — это предвестница рассвета,— она

просыпается первой и при самых первых проблесках утра уже шныряет по кустам в погоне за мошкой и прочей добычей. Чирк-чирк — слышится то тут, то там ее неугомонный голосок, и гнутся под ее невеликой тяжестью сонные задумчивые стебли камыша.

Постепенно стал изменяться темный покров неба над заливом, словно кто-то стирал с него темные мглистые краски. Звезды, до того полонившие ночное небо, будто по чьей-то команде, одна за другой гасли, пропадали где-то там, в своих космических высях. Скоро над дальним лесом показалась узкая полоса зари. Она медленно, как бы в раздумье ширилась, все выше поднималась по небосклону, окрашивая в розовато-палевые тона причудливое нагромождение кучевых облаков.

«Ну что ж, вот-вот должен начаться лет»,— подумал Курганов и, взяв в руки ружье, огляделся. Соседняя стена камыша казалась темной, непроглядной, кусты ивняка выглядели таинственными, пугающими. Но Михаил Сергеевич знал: еще несколько минут — и зарозовеют, примут свои обычные контуры и очертания эти вот окружающие его таинственные островки, водные заводи и протоки.

«Как там наш младший Курганов»,— подумал Михаил Сергеевич, и в этот момент над шалашом Миши полыхнуло оранжевое пламя, предутреннюю тишь залива вспорол гулкий, раскатистый выстрел. Довольно скоро за ним последовал второй, третий. Курганов улыбнулся.

— Не проспал парень, уже хорошо.— Михаил Сергеевич пристально посмотрел в сторону сыновьего шалаша. Уток пока не было ни над шалашом, ни на воде.— Во что же он стрелял?

В этот момент воздух прорезал шелестящий посвист, словно кто-то острым ножом полоснул по туго натянутому полотну. От шалаша стремительно уносилась крупная тень птицы.

— Ну, кажется, первую кряковую проморгал,— проворчал Курганов и, поудобнее встав в шалаше, стал пристальнее вглядываться в окружающий предутренний полумрак. Скоро он заметил стремительно несущийся на его шалаш силуэт птицы. Поймал его на мушку и нажал курок. Селезень перевернулся в воздухе, словно наткнувшись на невидимое препятствие, и камнем упал в воду.

Михаил Сергеевич открыл затвор ружья, заменил патрон. И сделал это вовремя. На фоне все ширящейся полосы рас-

света четко прорезалась стайка уток. Однако летели они высоковато, и Курганов стрелять не стал. Утки же, успокоенные тем, что из этих темных подозрительных кустов не последовало пугающего грохота и багряных всполохов огня, обогнули лесной мысок, сделали крутой вираж и резко опустились чуть-чуть в стороне от шалаша. Михаил Сергеевич взял на прицел кряковую, что шла впереди, и снял ее одним выстрелом. Ему, видимо, везло сегодня. Не опуская ружья, он нащупал мушкой еще одну из поднявшейся стаи и послал вдогон. Упала и эта, недалеко от первой. Михаил Сергеевич пристально пригляделся к месту, где они шлепнулись, и перезарядил ружье.

— Молодец, Сергеич,— похвалил он себя.— Так держать.

Со стороны шалаша сына тоже выстрелы раздавались один за другим, но падающих птиц Михаил Сергеевич пока не заметил.

— Наверное, темновато, потому и не видны его трофеи,— предположил он.— Утки сегодня много, не может он не подбить хоть двух-трех. А то обидно будет парню. Вот только патроны жжет не считая. Потом как бы на мель не сел.

А Михаилу Сергеевичу сегодня действительно везло. Стало уже совсем светло, из-за горизонта поднималось солнце. Оно все ярче и ярче красило в янтарно-золотистые тона дальний лес и водную гладь, зажигало изумрудные вспышки на причудливых паутинных кружевах, что висели на верхушках камышовых зарослей. Михаил Сергеевич залюбовался красотой наступившего утра и чуть не проморгал новую добычу.

По открытой воде, прямо перед ним, плыла ровная цепочка уток. Было их, кажется, семь или восемь. Птицы чувствовали себя в безопасности. Им казалось, что если плыть подальше от этих то ли островков, то ли кустов зелени, то можно чувствовать себя спокойно. Эта самоуверенность и подвела хитрюг. Курганов прикинул расстояние. Да, метров семьдесят будет. Он заменил патроны, выбрав дробь покрупнее, и, дождавшись, когда стая выйдет на прямую линию с ним, тщательно выцелил и ударил почти одновременно из обоих стволов. Стая мгновенно взмыла в воздух, но две утки остались на месте. Курганов с уважением погладил свою «ижевку». Приятели давно уже советовали ему купить другое ружье, вроде «зауэра», или что-нибудь в этом роде. Да и самому хотелось подсобраться с деньжатами и обзавестись двустволкой какой-нибудь прославленной марки.

Вспомнив сейчас об этой своей задумке, Михаил Сергеевич проговорил вслух:

— Хотел бы я видеть, какое из модных «меркелей» или «зауэров» возьмет цель на таком расстоянии.

А утка между тем шла уже более осторожно. И хотя было несколько случаев близкого подлета к засидке, Курганов не стрелял. Он уже перевыполнил норму отстрела. «В некотором роде я уже браконьер»,— подумал он. Потом пришла мысль, что вряд ли Курганов-младший дотянет до нормы, и решил взять еще пару птиц, ему в помощь. И скоро снял крупного селезня. Здоровый красавец стремительно мчался над засидкой, направляясь на открытую воду — там вдалеке призывно кричала какая-то неугомонная кряква. Михаил Сергеевич ударил, и селезень упал в пяти метрах от шалаша.

— Ну и баста,— проговорил Михаил Сергеевич и разрядил ружье.

Со стороны шалаша сына выстрелов тоже не стало слышно, хотя утки летали вблизи.

Взобравшись на поперечную перекладину шалаша, Курганов крикнул:

— Почему не стреляешь? Тебе же скоро утки на голову сядут.

— Нечем,— раздался чуть не плачущий голос сына.— Патроны кончились.

А утки, убедившись, что по ним здесь не стреляют, будто дрязня Мишу, все резали и резали воздух над его головой, где-то близко плюхались в воду, неистово крякали, терзая слух и нервы охотников.

Когда Михаил Сергеевич и егерь подъехали к засидке Миши, тот, вконец расстроенный, зачастил:

— Понимаете, какие подлые эти утки. Когда у меня были патроны, летали черт-те где. А когда я выдохся, стали плюхаться рядом. Одна здоровая кряква ну прямо-таки в пяти метрах от шалаша наслаждалась водными процедурами. Я уж и кричал на нее и стреляными гильзами кидал, а она только глазом косит и не улетает. Будь у меня хоть один патрон, я бы ей показал.

— Ну, а итог-то каков?

— Неважный. Чирок и кряковая.

— Ну и отлично. Завтра доберешь до нормы.

— Обидно же очень. Если бы патроны, получили бы они водные процедуры.

...Уставшие, но довольные зорькой, охотники отдыхали на

базе. Кто лег спать, кто резался в домино. Было солнечно и тепло. Миша купался в заливе, уверяя всех, что сегодня не вода, а просто парное молоко. Не вернулся с зорьки только Иван Отченаш. Курганов обеспокоенно спросил Озерова:

— А где же моряк? Разве вы не вместе были? Вы же в «Пеньки» направились.

— Он не стал садиться в шалаш. Решил побродить.

— Как бы не попал в какую-нибудь трясину.

— Да что вы. Эти места он знает отлично. Каждый свободный день топает по плавням.

— Что, такой заядлый охотник?

— И охотник, и рыбак. Но бродит по другой причине. Вы ведь были у него на ферме? Не рассказал он вам о своих планах?

— Нет. Не успел, мы сюда спешили.

— Тесновато его беспокойной душе у Морозова стало, новая задумка покоя не дает. О межколхозном комбинате мечтает. Целую переписку затеял с сельхозакадемией, с разными ведомствами. Недавно группу московских ученых привозил. Те в восторге от плавней и от идеи. Но дело пока с места не двигается. Да вот, кажется, и он...

По кромке камышей, что длинными языками вдавались в залив, шел Отченаш. Шел размеренным, неспешным шагом, длинной строганой палкой нащупывал дорогу. Ружье за спиной, там же и ягдташ с птицей. Легкие резиновые сапоги подняты высоко, короткая зеленая куртка сидит ладно, непокрытая голова с крупными завитками черных волос, загорелое лицо... Курганов залюбовался парнем и проговорил:

— Богатырь, да и только.

Отченаш подошел к берегу, не спеша вышел из воды и чуть сконфуженно улыбнулся:

— Опоздал малость, извините.

— А мы уж начали беспокоиться, не попал бы в какой-нибудь бучаг.

— Не-ет,— спокойно проговорил Иван.— Я эти места знаю. А утки много. Я взял пяток. Два селеха да кряковые. Матерые все. Молодь не бил. А у вас как?

— Да все более или менее с удачей,— ответил Курганов.— А вы что, не из засидки охотитесь?

— Я с подхода люблю. Понимаете,— оживился Отченаш,— идешь по осоке... Вдруг видишь, заколыхалась она, зашуршала. Словно ветер ее тронул. Ну, ясное дело,— выводок. Хлопаю в ладоши или гильзу пустую бросаю, чтобы, значит, на крыло поднять. Даю отлететь. Сумеет спастись —

значит, ее взяла. Не сумела — моя добыча. Иду дальше и опять наблюдаю за осокой...

— А если прямо по осоке бить? Зашевелилась, и по тому месту бац,— вдруг встрял в разговор младший Курганов.

— Ну, это нечестно будет. Она же в осоке-то, считай, у себя дома. Да и молодь погубить можно. Нет, ты дай ей взлететь, вот тогда и бери на мушку, коль сумеешь.

Отченаш посмотрел на Мишу.

— Ну, а как у тебя? Начало-то положил? Или пусто?

— Нет, почему же пусто? Чирок и кряква. Было бы и больше, да патронов не хватило.

— Ну, ты герой. Чирок — это тебе не кряква. Он пулей летит. Возьми-ка вот этих двух красавиц.— И Отченаш, достав из ягдташа двух здоровенных уток, передал их Мише. Тот стал отказываться.

— Бери, парень, не стесняйся,— ободрил его Озеров.— У нас, охотников, закон неписаный, кто первый раз зорюет — больше всех увозит. Так что пристраивай крякв к своей связке.

После обеда Курганов подсел к Отченашу.

— Озеров мне рассказал про вашу задумку с этими плавнями. Может, расскажете поподробнее?

— С удовольствием. Авось сторонника в вас найду.

— Очень может быть,— ответил Курганов, усаживаясь поудобнее.

— Эти Крутояровские плавни знатокам известны давно. Еще во времена Петра Первого здесь ловили рыбу для царского стола. Жители окрестных сел и деревень, промышляя ее для базара, большую выгоду имели. В общем, славились эти места и рыбой и птицей. Собирались здесь такие птичьи базары, что гомон и звон стоял на всю округу. Серый гусь, кряква, свиязь, чернеть эти плавни очень даже любили. Это я у стариков дознался, да и в книжках разыскал. Огромное водное зеркало, плотные заросли камыша, тростника, водоросли, рыбешка, рачки — прекрасные условия для птицы. Для рыборазведения — тоже все есть. И мелкие отмели, и глубины, и проточные рукава. Корма тоже немало. Организовать здесь птицекомбинат и рыбоводческое хозяйство сам бог велел.

— И что же нужно для этого?

— Сначала плавни привести в порядок. Очистить их, организовать культивацию, подсеять луговые травы. Особенно канадский рис — лакомство для птицы. Конечно, понадобится береговая база, без этого не обойтись. Лодочное и сетевое

хозяйство, может, небольшой комбикормовый завод. Но все это если сообща, то можно осилить. Мы в «Луче» начинали с двух заброшенных сараев. Результат вы видели. А у нас ведь верховья плавней, угодья не чета этим. Здесь же сплошное раздолье. Я объехал все соседние колхозы. Все согласны. Но в областных организациях пробить не могу.

— А куда толкались-то?

— Вы спросите лучше, куда не толкался. Сельхозуправление, охотсоюз, облисполком. Все поддерживают. Но решить не могут. Водоемы эти вместе со Славянкой и притоками входят в Ветлужскую гидросистему, подпитывают межобластную ГЭС. Ну, энергетики и застопорили наше дело. Воду, говорят, будете засорять, режим нарушите и прочее. Ученым написал. Ездил недавно сам в Академию сельхознаук, сюда их привозил. Не согласны они с энергетиками. Обещали помочь. Но что-то замолкли. Вся закавыка в том, что энергетики ходят под промобкомом, а ему до птицы и рыбы дела нет.

Курганов, выслушав Отченаша, долго молчал. Ведь действительно стоящее, разумное дело. Но попробуй запряги в одну упряжку все эти организации. Кто это сможет сделать?

Озеров, сидевший рядом на скамейке, словно угадал его мысли:

— Отченаш меня не раз допекал: кто все-таки должен решить — быть или не быть этому хозяйству? Мы вместе ломали голову, и, поверишь, Михаил Сергеевич, вразумительного ответа я ему не дал. Не знаю, честное слово, не знаю.

— Вообще я считаю, недооценивается у нас это дело,— в раздумье проговорил Отченаш.— Мне в академии объяснили, что водоемы, расположенные на территории колхозов и совхозов страны, занимают площадь более двух миллионов гектаров. Они, ученые-то, подсчитали, что если с умом использовать эти водоемы, то можно получать столько же рыбы, сколько вылавливается в Черном, Азовском, Каспийском и Аральском морях, вместе взятых.

Курганов не спеша проговорил:

— Ну что же, Иван Андреевич, дело ты затеваешь, как мне кажется, интересное. Давай-ка мы с тобой встретимся в Приозерске. Потом в нашем обкоме потолкуем...

Озеров с хитроватой улыбкой шутливо толкнул Отченаша в бок:

— Ты бы, Иван, с Михаилом-то Сергеевичем посоветовал-

ся и о том, как тебе свой личный узел развязать. Он ничуть не проще проблемы с плавнями.

Отченаш помрачнел.

— Николай Семенович, зачем ты об этом? Сам разберусь.

— Что-то долго разбираешься. Сколько времени как чумной ходишь, все гадаешь: быть или не быть? И это морская душа? Нет, что-то ты тут, Иван, слабину даешь.

Курганов заинтересовался:

— Если желание есть, расскажите. Сподобимся женской половине рода человеческого, пошушукаемся на личные темы.

И Иван рассказал. Как на журнал когда-то наткнулся, как в этих краях обосновался, как искал Настю. О своей недавней поездке к ней. Рассказывал, иронизируя над собой, но сквозь узор шутливого, облегченного разговора то и дело прорывались грустные, тоскливые ноты.

Курганов слушал исповедь взрослого, красивого человека и видел, с каким волнующим обожанием он говорит о никому не известной Насте Уфимцевой, думал о том, как часто несправедливо поступает судьба, не сводя под один кров таких людей.

Помолчав, он в раздумье проговорил:

— Случай, Иван Андреевич, трудный. Муж там, семья.

— Не любит она его, понимаете, не любит.

— Это она сама сказала?

— Нет. Но я чувствую.

— Вышла же за него.

— Бывает и такое.

— Бывает. В жизни все бывает. Только надо помнить, что на чужой беде счастья не построишь... Конечно, если у вас у обоих такое огромное чувство, что друг без друга вы просто не можете, тогда...

— Что тогда? — с плохо скрытым волнением перебил его Отченаш.

— Тогда, моряк, тебе надо вновь ехать в это самое Рязанское Приозерное и привозить Настю Уфимцеву в Крутоярово.

— Я ему то же самое втолковывал. И не раз,— заметил Озеров,— только, по-моему, Иван морскую закалку растерял.

Отченаш обжег его обиженным взглядом.

— Ты, Николай Семеныч, меня не заводи, я и так будто под током хожу.

Все замолчали. Отченаш встал и отошел к берегу залива, долго стоял там, подставив лицо ветру, освежающей влаге, тянущей с водной глади.

Курганов заметил Озерову с упреком:

— Ты зря, Николай Семенович, торопишь его. На ошибку можешь толкнуть парня.

— Да никакой ошибки тут, на мой взгляд, не будет. Письмо она ему на днях прислала. Ездил-то не очень давно — и на тебе, уже послание. Мать похоронила, горе. Огромное. Понятно. Но если Иван для нее просто знакомый, то с чего она вдруг перед ним душу-то будет раскрывать? А она ведь именно это и делает. Нет, или я ничего не понимаю, или у них действительно что-то глубокое, необычное. Бывает же любовь с первого взгляда.

Курганов вздохнул.

— Может быть и так. Но ты с ним все же поаккуратнее. Парень-то уж очень славный.

— Ладно, учтем.— И с надеждой спросил: — Как, Михаил Сергеевич, останемся на вторую зорьку или по домам?

— Ну что ты. В кои-то веки выбрались. Вечернюю зарю, может, и пропустим, пусть утки поуспокоятся, а на утреннюю махнем во что бы то ни стало.

— Хорошо. Тогда идите отдыхайте, а я рыбки пойду половлю. Макару Фомичу обещал лещиков и плотвичек привезти. Очень хочется старику свежей рыбки. Даже как-то сам к реке ходил. Только силенок не хватило наметкой орудовать.

— Это ты очень хорошо решил. Порадуй старика.

— Плох он становится,— озабоченно проговорил Озеров, вставая.— Боюсь, долго не протянет.

— Ну-ну, не надо так,— нахмурился Курганов.— Старики народ жилистый.

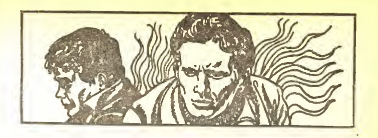
Курганов пошел в дом. Здесь стоял богатырский храп отдыхающих охотников. Младший Курганов устроился сразу на обеих стоявших рядом раскладушках — своей и отцовской. Осторожно подвинув сына, Михаил Сергеевич улегся на скрипучие пружины.

Часа через два, когда солнце склонилось над гребнями лесных урочищ Крутояровских плавней, Курганов вышел во двор. Вслед за ним вышел и Озеров.

Заговорщически подмигнув, Курганов спросил:

— Как, Семеныч, может, махнем на вечернюю? Смотри, тишь-то какая. Да и постреливают вроде.

— А Гаранина будить? Спит он как убитый.
— Да, не повезло Валерию Георгиевичу. Какую зорьку пропустил.
— Мы тут маху дали. Была у меня мысль задержать катер еще на полчаса. Да что-то заспешили. Досталось им со спутницей. Хорошо еще, что дотемна из болот выбрались, а то мало ли что могло случиться.
— Буди и его, а то неизвестно, как утренняя-то охота удастся.
Утренняя зорька у них вообще не состоялась. Поздно вечером на базу прибыл посыльный. Курганова и Гаранина вызывали в Приозерск.
Загорелись Ракитинские леса.



Глава 5

СХВАТКА В РАКИТИНСКИХ ЛЕСАХ

Курганов и Гаранин вернулись в Приозерье на рассвете и проехали прямо в управление. Рощин торопливо рассказывал:

— Загорание на торфополях, и, кажется, довольно обширное. Звонил Лепешкин из Дубков. Волнуются они там. Меры-то принимают, но боятся, что своими силами не справятся. Просят прислать людей и технику. Мы отправили несколько автомашин. Но пока мало. Что-то неспокойно у меня на душе. Может, я подскочу по-быстрому туда и все посмотрю на месте и позвоню?

...Рощин выехал через полчаса и нещадно торопил водителя. Тот без этого понимал спешность дела и выжимал из машины предельную скорость. Скоро они были в Ракитине, а оттуда метнулись в Дубки.

Степан Лепешкин, когда Рощин вошел в контору колхоза, с надрывом, шумно кричал в телефонную трубку:

— Да, выехали, выехали люди. Вот-вот должны быть у вас. Всех, кого можно было, собрали. Под гребенку. Не дай бог, здесь что случится, некому будет воды из колодца достать. Два бульдозера, трактор и пожарная машина тоже вышли. Делаем все, что можем. Вот товарищ Рощин приехал из Приозерска. Обмозгуем с ним ситуацию еще раз. Да, да, звоните как можно чаще.

— Ну как, Степан Иванович, положение, как видно, довольно серьезное,— здороваясь с Лепешкиным, проговорил Рощин.— Так ведь?

Лепешкин не успел ответить, как вновь затрещал телефон, и, ожидая, пока закончится у Лепешкина такой же нервный разговор, Рощин вспомнил свой первый приезд сюда, в Дубки. Было это давно, во время компании по укрупнению кол-

хозов. Не хотели тогда Дубки объединяться с соседями, всячески затягивали проведение собрания. Толя Рощин, тогдашний комсомольский секретарь района, больше часа читал им лекцию, просвещал, убеждал. Слушали его спокойно и, как ему показалось, равнодушно, незаинтересованно. Наклонившись к Лепешкину, Рощин нервно прошипел:

— Я гляжу, вы решили стоять на своем? Никто же не слушает, о чем я толкую.

Лепешкин ухмыльнулся:

— Да вы не серчайте, мы на объединение согласны. А политическую ситуацию вы, того... разъяснили очень хорошо и обстоятельно.

И когда бы ни встречались они с Лепешкиным, тот всегда чуть хитровато улыбался. А может, это Анатолию Рощину только казалось? Не до того, наверное, Степану Лепешкину — председателю большого объединенного колхоза,— чтобы помнить столь незначительный эпизод. И конечно уж не до воспоминаний было сейчас.

Когда Лепешкин повесил трубку, Анатолий попросил:

— Давай, Степан Иванович, информируй подробнее.

— Обстановка непростая. Пожар начался позавчера в мелколесье, что примыкает к Бакшеевским торфяным разработкам, то ли костер кто разжег, то ли еще что. Работники торфоучастка огонь погасили, но где-то он ушел вниз, возникло три новых очага. Да еще ветер некстати поднялся. Все торфозаготовители на ногах, наши тоже уехали. Но вот только что звонил Макеев — начальник Бакшеевских торфополей,— он опасается, что имеющимися силами загорание не ликвидировать.

Анатолий, не откладывая, тут же обо всем услышанном сообщил Курганову.

Слушая взволнованные, заглушаемые помехами слова Рощина, Курганов по местному телефону вызвал Мякотина:

— Иван Петрович? О пожаре в Ракитинских лесах слышал? Ну так вот, партийное поручение тебе — бери все в свои руки. Не стесняясь. В полном объеме.

Мякотин усомнился:

— Ведь моя-то власть распространяется только...

— Знаю. Сейчас не до формальностей. Мобилизуй всех и вся, независимо от территориальности и подчиненности.

— Попробую.

— Без всяких «попробую». Делай, как говорю. И смелее. Ты сможешь.

...Через два часа шло экстренное заседание Приозерского горисполкома. Присутствовали руководители предприятий, строительных трестов, автохозяйств, расположенных в Приозерске и вокруг него, работники административных и коммунальных служб Приозерска. Мякотин коротко объяснил, что произошло в Ракитинских лесах, объявил, кто и сколько должен выделить людей, грузовых автомобилей, тракторов, бульдозеров, спецодежды, инструмента. Закончив читать разверстку, снял очки, подслеповато посмотрел на участников заседания:

— Может, у кого есть вопросы, возражения?

Он с тревогой и настороженностью ждал ответа. Ждал споров, ссылок на трудности, на неотложные дела, которые, конечно же, были у каждого. А от многих присутствующих ждал и таких заявлений, что горисполкому они не подчинены и потому разверстку принять не могут. Но настроен Иван Петрович был воинственно, непримиримо, и это почувствовали все присутствующие. Во всяком случае, возражений никто не высказал. Да и дело-то было слишком серьезным, чтобы вступать в споры и пререкания.

— Тогда немедленно за дело, товарищи. Здесь будут дежурить члены исполкома. Стихия, понимать надо. Сам я сейчас выезжаю в Ракитино. Прошу незамедлительно информировать о ходе выполнения полученных заданий.

...К Ракитинским лесам Мякотин, Гаранин и Курганов ехали вместе в «газике» Гаранина.

Курганов подтрунивал над Иваном Петровичем:

— Признайся, Петрович, перед сегодняшним заседанием исполкома ты малость того, дрейфил. Так ведь?

— Если говорить откровенно, то опасения кое-какие были. Ситуация ведь непростая. Власть-то нашего исполкома распространяется только до черты города. Да и то не на все хозяйства и учреждения. Ваше зональное управление, например. У вас хозяин — область. У предприятий тоже свое начальство — совнархоз. У строителей — тресты. А они, эти тресты, в Ветлужске, а то и в Москве. А одна контора подчинена тресту, который сам-то находится аж в Хабаровске. Вот я и боялся: начнут директора да управляющие спорить: надо согласовать, получить разрешение и прочая, и прочая. А пожар, он что, дожидаться, что ли, будет?

Помолчав, Иван Петрович со вздохом продолжал:

— Порой волчком приходится крутиться, чтобы решить что-то. А их ведь, этих «что-то», пропасть. Людям ведь дела нет до того, кто кому подчиняется. Тут и жилой фонд надо ремонтировать, и школы, и торговля чтобы шла. А пока заставишь кого-нибудь что-то сделать для городских нужд — семь потов сойдет. Я теперь больше в Ветлужске околачиваюсь — выбиваю разные указания да разрешения. Так что ты прав, Сергеевич, я малость побаивался сегодня. И, по совести говоря, даже удивился и обрадовался сговорчивости людей.

— Ну, при таких обстоятельствах кто бы стал возражать и спорить? — заметил Гаранин.— Да и вообще вы, Иван Петрович, очень уж сгустили краски. Таким несчастненьким себя представили.

Мякотин повернулся к нему всем своим грузным телом.

— Да не о себе я толкую, Валерий Георгиевич. Просто понять многого не могу... Ведь как было все ясно и просто. Не понимает человек каких-то более важных, чем его сугубо ведомственная точка зрения, интересов — вмешивается райком. Объясняют этому деятелю, что к чему. И тот понимает. Раз надо, говорит, значит, надо. Все ясно, и все понятно. А сейчас? Райком-то теперь от нас за тредевять земель. Добрался я как-то до одного из секретарей, высказал ему кое-что из наших проблем, он и говорит: все, что вы говорите, правильно. Но пока руки до Приозерска у нас не дошли, сами энергичнее действуйте. Да я и понимаю их. Район-то стал огромным. Дел по завязку, а тут я со своими докуками. В общем, трудновато порой становится. Да ведь эти болячки не только у меня. Вот Курганыч и вы — руководители производственного управления. Колхозы и совхозы целых трех районов, сотни хозяйств в вашем ведении. А вызвать меня, например, или руководителей заводов, строительных трестов не можете. Или, допустим, дорожников, транспортников — тоже не имеете права, они промышленная сфера, на партийном учете они в вашем парткоме не состоят. Что, разве не так, Курганыч? Нет, чего-то я все-таки не понимаю.

Курганов молча слушал их разговор и долго не вмешивался в него. Для него он был не нов, не раз и не два заводил его Мякотин. Собственно, их обоих беспокоили многие неувязки в жизни Приозерщины. Только относились они к ним по-разному. Иван Петрович шумел, кричал, метался, частенько изливал душу в парткоме управления. Курганов старался

успокоить его. Он тоже видел изъяны в новой территориальной структуре местных органов и был убежден, что допущенные накладки в скором времени будут исправлены.

Видя, что Гаранин хочет продолжать свои возражения Мякотину, Курганов остановил его:

— Иван Петрович спорит не с вами, Валерий Георгиевич, а со мной. Спор этот у нас давний. Только имей в виду, Петрович, две недели, взятые тобой для разработки предложений, заканчиваются.

— Помню, помню. Вот только с красным петухом расправимся, и закончу все материалы. Лесные пожары — стихия страшная. Мне отец рассказывал, что произошло в Мещерских лесах году, кажется, в тридцать пятом или шестом. Огонь бушевал там целую неделю. Сгорело несколько деревень, сел, хуторов. Отец в те дни плотничал в деревне Курша. На нее обрушился такой огненный шквал, что от сотни домов осталось лишь пепелище. Где проходил огонь, гибло все живое — травы, деревья, зверь, птица. Много оказалось жертв и среди населения.

Помолчав, Мякотин обратился к водителю:

— Нельзя ли поживей, дорогой, а то нас вон даже грузовики обходят...

А торопиться действительно было нужно. Не успели они еще доехать до места, как для них стало ясно, что беда случилась немалая.

Над полями и перелесками, над дальними гребнями Ракитинских лесов плыла колеблющаяся серовато-голубоватая дымка, в воздухе ощущалась терпко-едкая, смолянистая гарь. Стаи галок, ворон, вятюгов и еще каких-то птиц с тревожными криками носились в затянутом дымкой небе и жались ближе к человеческому жилью.

Ракитинский лесной массив занимал почти треть Приозерских земель. Сосновые и еловые боры чередовались здесь с березовыми и дубовыми рощами. Много было и болот с ржавым мелколесьем. Заготовка леса, несколько крупных торфяных разработок вносили немалую лепту в экономику этого края.

Каменистая гряда, все ее звали Каменная, поросшая мощным смешанным лесом, делила Ракитинский массив как бы надвое — на западное и восточное урочища. Восточное, в основном занятое осинником, топями и болотами, уходило в края Рязанские, соединяясь со знаменитой Мещерой. Западное же с пологими спусками, глубокими оврагами, заросшее хвойными и лиственными породами, шло в сторону

Ракитина, Дубков, к левобережью Славянки и далее к Приозерску.

На Бакшеевских торфоразработках, куда вскоре приехали Курганов, Гаранин и Мякотин, борьба с огнем шла уже второй день. По всей видимой границе поля рабочие торфопредприятий, колхозники и колхозницы, приехавшие из окрестных сел и деревень, корчевали лес, рыли траншеи, из земли, дерна и корневищ возводили заградительные валы.

— А почему, собственно, отдельные участки ограждают? Нужна же сплошная преграда огню,— заметил Мякотин.

Во время этого разговора к ним подошел Макеев — начальник Бакшеевских торфоразработок.

— Вот критикуем вашу тактику, Василий Лукич,— здороваясь с Макеевым, проговорил Курганов.

Макеев коротко поздоровался с Кургановым и Гараниным, а на Рощина и Лепешкина, тоже подошедших было к ним, прикрикнул:

— Вы где должны быть? Пока бригады не расставите, на глаза не показываться. Ясно?

Лепешкина и Рощина как ветром сдуло.

Макеев пояснил:

— Я их поставил на подъездных дорогах к полю. Там люди, машины подходят. Расставить по-хозяйски нужно.— И, отвечая на замечание Мякотина, проговорил: — Вы правы, Иван Петрович, сплошной обвод лучше, только пока сил маловато.

И как бы в подтверждение его слов, на глазах у всех разыгралась молниеносная огненная пантомима.

На поле, только что отрезанном от леса довольно высокой насыпью, курилась дымная поземка — остаток уже побежденного огня. Но вдруг в воздух взмыл бурый смерч. Сквозь клубящуюся коричневую пыль в нем пламенел багрово-розовый огненный шар. Смерч, словно живой, подскочил к только что возведенному валу, пробежал по его кромке и перемахнул в лесной массив. Там сразу же вспыхнуло пламя.

Макеев объяснил:

— Это верховик пошел. А нередко сбитый огонь уходит вниз, под землю, и исподволь подбирается к нетронутым лесным участкам или торфяным залежам.

— Судя по всему,— Гаранин показал на сплошные пологи дыма, стелющегося над всеми видимыми глазу лесами

и болотами,— пожар разрастается. Так ведь, товарищ Макеев?

— Самое главное — не дать огню перебраться с Бакшеевских полей к Сестрорецким выработкам — там караваны сухого торфа, лесозавод, подстанция, да и поселок торфотреста недалеко.

— Так что же будем предпринимать, Василий Лукич? — хмурясь, спросил Курганов.

Макеев достал карту и, расстелив ее на поваленном дереве, стал показывать действующие очаги пожара, наиболее опасные направления, куда они могут распространиться. Жирным карандашом он обвел Бакшеевские и Сестрорецкие поля.

— Нужны люди, трактора, бульдозеры, экскаваторы, землечерпалки, хотя бы троечку ПМГ. Есть такие специальные машины. И как можно быстрее.

Курганов посмотрел на Мякотина и Гаранина.

— Технику надо брать везде, где она есть. А вот людей...

Гаранин ответил на это:

— Время-то, конечно, горячее, уборка вовсю пошла. Но что же делать? Придется целыми бригадами с полей снимать.

— Как считаете, Василий Лукич,— обратился Курганов к Макееву,— села и деревни Ракитинского куста не пора эвакуировать?

Макеев не очень уверенно проговорил:

— Ну, с эвакуацией, может, подождем? Если блокируем Бакшеевские поля...

Курганов не согласился:

— А если нет? Придется, Валерий Георгиевич,— повернулся он к Гаранину,— вам ехать в Ракитино, оттуда связываться с руководителями окрестных хозяйств. Пусть будут готовы... А Ивану Петровичу сразу же по возвращении в Приозерск...

Мякотин остановил его:

— Минуточку, Сергеич. Есть одно соображение. Я думаю, мне надо тут остаться. Огонь тушить.

Его поддержал Макеев:

— Действительно, Михаил Сергеевич, это было бы разумно.

Курганов посмотрел на Мякотина.

— Но там же, в Приозерске, идет мобилизация людей, техники, машин. Ты что, свой штаб в исполкоме оставишь без руководства?

Иван Петрович задумался ненадолго.

— Понимаешь, Сергеич, тут дела неотложные. Пожар-то тушить надо. Вот мы с Макеевым и займемся этим. А в Приозерске? Раз ты там будешь, без руководства никто не останется,— чуть шутливо закончил Мякотин.

Курганов не обратил внимания на его шутку.

— Ладно, договорились.— И обратился к Макееву: — Технику, людей будем подсылать. Как, между прочим, с питанием? Народ приедет в спешке, с собой вряд ли что возьмет.

Макеев замялся:

— Наша столовая делает, что может. Прямо на участки обеды возим. Но мощность ее маловата.

Курганов посмотрел на Мякотина.

— Райпищеторгу задание дано?

— Дано-то дано, только на него-то я как раз меньше всего надеюсь. Надо офицерскому училищу и стекольному заводу задание дать. Термосов сюда надо больше.

Курганов усмехнулся:

— Ох, хитрован ты, Мякотин. Неизвестно, кому и где будет жарче, нам с Гараниным или тебе?

— Ничего, Сергеич, сочтемся славою, как сказал поэт. Вот жалко только, что спор мы наш не закончили.

— Закончим. Сначала давай пожар потушим.

...Спор между Кургановым и Мякотиным шел уже давно. Скорее, это был даже не спор, а откровенный обмен мыслями, соображениями, замыслами и сомнениями. Разговор двух очень разных, но очень близких по духу людей.

Когда в конце пятьдесят первого года Курганов приехал в Приозерск, его настороженно встретили многие, в том числе и Мякотин. Это, однако, мало озаботило Курганова. Он с головой окунулся в дела района, искал пути, как поставить на ноги Приозерские хозяйства. И эта неистовая приверженность делу сломала лед. Большая часть актива скоро втянулась в беспокойный ритм жизни райкома и его первого секретаря, и, как однажды признался Мякотин, он тоже стал крутиться с большим числом оборотов.

Еще с молодых, комсомольских лет у Ивана Мякотина глубоко утвердилось простое и предельно ясное понимание своего долга — добросовестно делать то, что поручено. И этим простым жизненным правилом он руководствовался всегда — и работая до войны на комсомольской и партийной работе, и шагая по военным дорогам, и вот уже не один год трудясь в Приозерских краях.

Был Мякотин несколько робковат, излишне стеснителен, неизменно добродушен во взаимоотношениях с людьми. И болезненно щепетилен в делах материальных. Когда Курганов, вскоре по приезде в район, восстал против поборов с колхозов, Мякотин в тот же день пришел в райком с предложением «об отставке».

— Это почему же? — спросил удивленный Курганов.

— Да как я людям в глаза теперь глядеть буду?

— А так и будешь. Ты брал телку, прокурор гусей, твои заместители поросят. Так что же, теперь всем в отставку? Легко хотите отделаться. Нет, дорогие товарищи, горбом, горбом будете отрабатывать свои грехи.

Через два года после приезда Курганова в Приозерск проходил довольно шумный пленум райкома, обсуждавший ошибки райкома при укрупнении колхозов. Второй секретарь райкома Удачин со своими единомышленниками открыто вели дело к снятию Курганова. Мякотин всех удивил тогда своим выступлением. Он заявил пленуму, что менять надо не первого секретаря райкома, не Курганова, а его основные подпорки — Удачина — раз, и председателя исполкома, то есть его, Мякотина,— два. И менять немедленно.

Иван Петрович был предельно искренен в этом выступлении и долго недоумевал, почему пленум поддержал его первое предложение, а ко второму отнесся как-то несерьезно, смехом и шутками.

Потом Курганову стоило немалого труда встряхнуть Ивана Петровича, чтобы он вновь взялся за дела.

Как-то, еще в первый год работы Курганова в Приозерске, Удачин заметил:

— Ну что Мякотин? Не мыслитель. Звезд с неба не хватает.

Курганов после некоторого раздумья не согласился:

— Насчет звезд не знаю. Но если Мякотин за что берется — можно быть уверенным — это будет сделано.

Простое, искреннее и неизменно уважительное отношение Курганова согревало душу и сердце Ивана Петровича. Эта немногословная, без лишних словоизлияний дружба была дорога обоим, но для Мякотина она была неизменной жизненной опорой, не раз спасала его от ошибок и заблуждений, которых не минует человек, даже прошедший немалый жизненный путь. Об одной такой роковой ошибке знали только сам Мякотин да Курганов. И никто больше.

Произошло это после областного партийного актива, обсуждавшего итоги двадцатого съезда партии. Охватить

своим сознанием весь смысл и глубину событий, происходящих в партии, правильно оценить эти события Мякотин оказался не в состоянии. Не хватило, видимо, знаний, опыта к осмыслению явлений такого масштаба.

С детских лет привыкшему видеть в Сталине самый высокий авторитет, глубоко верившему в величие и безграничную мудрость этого человека, ему трудно было поверить в то негативное, что говорилось сейчас о нем. Трудно, невозможно было представить, что же будет теперь, когда так была поколеблена доселе безмерная вера в этого человека?

Приехав из Ветлужска с актива, Мякотин долго сидел в состоянии какого-то безысходного отчаяния и отрешенности от всего. Ему казалось, что жить сейчас просто нет никакого смысла. Шаркающей походкой подошел к буфету, налил чайный стакан какой-то настойки и выпил его залпом. Потом вернулся к столу, достал маленький, привезенный еще с фронта браунинг. Долго смотрел на него, ощущая в руке притягивающий холодок вороненой стали. Какая маленькая вещица, и как просто и безошибочно она освободит его от мятущихся, лихорадочных мыслей, от этой парализующей тоски. Именно в этот момент пришел Курганов.

Торопливо поздоровавшись с Вероникой Григорьевной, он, словно предчувствуя неладное, торопливо прошел к Мякотину. И все понял сразу.

— Думаешь, это единственный выход?

— А ты можешь подсказать какой-то другой?

Михаил Сергеевич со вздохом опустился на стул. Помолчав, твердо, непреклонно проговорил:

— Ну и это не путь. Паникерство, порожденное эмоциями, а не разумом. Когда поглубже осмыслишь все, сам себя будешь осуждать за то, что чуть не совершил роковой шаг.

Вероника Григорьевна, разогрев самовар и собрав на стол нехитрую снедь и видя, что мужчинам не до нее, ушла куда-то к соседкам, и разговор между Кургановым и Мякотиным возобновился без помех.

— Как это ты, взрослый человек, столько лет пробывший в комсомоле, в партии, прошедший все лихо войны, не понял цены жизни, не понял, что такой путь — это удел слабых, трусливых, никчемных людей. Твоя жизнь не тебе принадлежит, она принадлежит партии. Вступая в ее ряды, ты обещал до конца жизни, да, да, именно до конца жизни, бороться за ее дело. Так вот и борись. И ни мыслью недо-

стойной, ни словом, ни делом худым, ни поступком постыдным не порочь великое братство коммунистов. Ты главное не понял в решениях съезда. Не отдельная личность, какая бы значительная она ни была, творит жизнь, двигает вперед историю. Это делают люди, каждый внося свой посильный вклад в бесконечный поток жизни. Извини, Иван Петрович, за эту политграмоту, но что делать. Очень ты меня удручил, разозлил и обидел.

— Так муторно, так безысходно стало на душе, ну и пришла эта шалая мысль. Глупая, нелепая — са́м теперь понимаю.

Разговор был у них долгий, прямой и откровенный до предела. Глубокой ночью, когда Курганов собрался уходить, Мякотин, указывая на лежавший на столе среди бумаг браунинг, предложил:

— Возьми его себе.

Курганов удивился:

— Зачем? Ты что, боишься за себя?

— Нет, нет. Подобное не повторится. Просто хочу подарить на память.

— Незаконный подарок, Петрович. Сдай его завтра в милицию.

После этого случая для Мякотина не было более близкого человека, чем Курганов. Работал он по-прежнему много, день и ночь мотался по колхозам, совхозам, по-мальчишески радовался, когда удавалось пробить какой-нибудь значительный вопрос вроде реконструкции Октябрьской улицы Приозерска или строительства районного Дома культуры.

Но потом жизнь Ивана Петровича внезапно и крупно осложнилась.

Дело в том, что после последней перестройки, когда были резко укрупнены районы, а область разделилась как бы на две — промышленную и сельскую,— Приозерский районный Совет был преобразован в городской, занимающийся лишь самим Приозерском, с подчинением Ветлужскому промышленному облисполкому. Вот тут и хватил Иван Петрович фунт лиха.

Задач, обязанностей, проблем — полон рот, а реальной власти с гулькин нос. Да к тому же и опоры партийной не стало — райком-то теперь был далеко, аж в самом Зарубинске, и Иван Петрович пришел к Курганову... проситься на работу.

Курганов, удивленно посмотрев на него, усмехнулся:

— Что-то, Петрович, тебя часто заносить стало? Не находишь?

Михаил Сергеевич не собирался обижать Мякотина, но тот вдруг взвился и наговорил много лишнего. Курганов, однако, выслушал его терпеливо и постарался спокойно завершить разговор.

— Давай-ка спокойнее, не кипятись. Я понимаю, нелегко тебе. Но нам ведь тоже не легче. Ну, неудачно кое-что получилось с перестройкой. Это факт. Страна-то вон какая, единый рецепт всем не дашь. Где-то хорошо вышло, где-то хуже. Наберись терпения, все придет в норму. Разберутся и с нашими приозерскими делами.

— Да кто разберется-то? Кто? Я что-то не узнаю тебя, Сергеич, честное слово, не узнаю. Ты же опытный партийный работник, член бюро обкома, а что предлагаешь? Ждать у моря погоды? Я считаю, что надо в колокола бить. Разве не можем мы сказать где надо: мол, поправляйте, чепуха получается.

Теперь уж обозлился Курганов.

— Что из того, что я член бюро обкома? К Заградину да Артамонову с пустыми руками не пойдешь. В колокола бить ума много не надо. У тебя есть какие-то продуманные, хорошо взвешенные соображения? С конкретными расчетами, статистикой, цифрами? Чтобы было ясно, что предлагается. Есть такие материалы?

— Ну, готовых, конечно, нет, но если ты это всерьез, то нужные данные — статистику, расчеты, из которых будет все видно,— мы, конечно, подготовим. Все это, в сущности, есть, просто суммировать, обобщить надо. А что и как решать конкретно, это уже наверху-то лучше сообразят.

— Нет, Мякотин, так не пойдет. Давай конкретно и ясно: что не устраивает, что предлагаешь. А то ты только воздух сотрясаешь. Готовь свои предложения, с ними поедем с тобой в оба обкома, в оба облисполкома, будем доказывать, убеждать. Сколько тебе надо времени, чтобы были подробные, четко и ясно сформулированные соображения? День, два, неделя?

— Ну что ты, Курганыч, так взвился. Подумать надо, сообразить.

— Ну так вот, соображай. Да поскорее. Десять — пятнадцать дней тебе на все про все. А шуметь попусту нечего. Излагай свои смелые мысли на бумаге. Да толково, продуманно. Тогда я согласен быть твоим поводырем в любых инстанциях.

Вот этот-то разговор Курганов и Мякотин и хотели продолжить. О нем и шла речь, когда они с Гараниным на прыгающем «газике» спешили к Ракитинским лесам, где набирала силу огненная стихия.

Кто мог знать, что разговор этот старым друзьям не суждено было закончить...

По шоссе к Ракитинским лесам шли трактора, экскаваторы, канавокопатели, бульдозеры. Спешили грузовые машины и автобусы с людьми. Стремительно, обгоняя всех, проследовала колонна военных грузовиков с выпускниками офицерского училища.

К вечеру с сиренами, синими мигающими огнями промчались пять больших ярко-красных пожарных машин, натужно ревя, прошли три трайлера, везшие на своих платформах несколько неуклюжих, слоноподобных ПМГ, специальных машин для корчевки леса. Это уже помогал приозерцам Ветлужск.

Схватка с огнем в Ракитинских лесах шла день и ночь.

Если бы Курганов, занятый сейчас мобилизацией всех и вся в Приозерске, увидел здесь Ивана Петровича Мякотина, он бы еще раз убедился и в организаторской хватке своего друга, и в его неуемной энергии.

Петровича хватало на все.

Он появлялся то на одном, то на другом участке, кого-то хвалил, кого-то распекал, вскакивал на подножки машин и сам сопровождал их на наиболее опасные, охваченные огнем участки.

Людей и техники было немало, и требовалось разумно распорядиться всем этим, чтобы взять огонь в плен на всей площади загораний, локализовать действующие и тлеющие очаги.

Было решено все Бакшеевские разработки окантовать сплошным ограждающим валом, а параллельно ему расчистить полосу шириной в двести — двести пятьдесят метров, чтобы преградить огню путь к прилегающим лесам и болотам. Задача была не простой, так как границы Бакшеевских полей тянулись по окружности почти на тридцать километров.

На летучке бригадиров, начальников участков и руководителей приехавших коллективов Мякотин выразил неудовлетворенность ходом работ. Иван Петрович вместе с Макеевым объехал все очаги загорания, и основания для тревоги у него

были. Кое-где чувствовалась растерянность, непонимание размеров бедствия, упование на идущую в помощь технику. Потому-то Мякотин говорил на летучке отрывисто и резко.

— Так нельзя работать, товарищи. Здесь дорога каждая минута, а в некоторых бригадах дело ведется, будто ничего не случилось, ни шатко ни валко, с прохладцей. Не подошли пока машины — подождем, попал бульдозер в завал — поглядим, как он выберется. Фронт, фронт надо вспомнить. И как окапывались, и как заградительные укрепления строили.

— Техники и людей уже хватает, начинаем сооружать основные ограждения по границам Бакшеевских полей. Первыми пойдут бульдозеры, вслед за ними ПМГ. Это отличные машины, товарищи. Они, как вы уже видели, подминают под себя все сущее — деревья, кустарники, пни, грызут их с помощью специальных ножей. Перемолов все это, загоняют в землю. Вывернутый механизмами пласт свежей земли огонь раскалить не может. Здесь он останавливается. Так что эти слоны, как их тут назвали, нам очень помогут... В общем, за сегодня и завтра мы должны оконтурить Бакшеевские разработки по всему периметру.

...С вертолета, хотя и с трудом из-за плотной завесы дыма, было видно, как по границам Бакшеевских полей сотни людей готовили путь корчевальным машинам, бульдозерам и тракторам, валя наиболее мощные деревья. Работы шли по всей будущей оградительной линии, и было все заметнее, как отдельные участки вала смыкаются в сплошную цепь, в широкое заградительное кольцо.

Из полета Мякотин вернулся довольный. А рация в штабном вездеходе уже настойчиво вызывала его к аппарату. Рощин нервно доложил Ивану Петровичу, что на пятом участке создалась опасная обстановка.

В территорию пятого участка входила полоса смешанного леса, обрамлявшая правую, северную сторону Бакшеевских и Сестрорецких торфяных полей. Леса шли по приподнятой над торфяниками террасе, взбирались на Каменную гряду, переваливали ее и соединялись с лесами пологого западного склона. Интенсивные очаги пожара от этого участка были относительно далеко, и было непонятно, что там могло случиться.

А положение здесь неожиданно создалось действительно опасное. На окраине лесного массива, обрамлявшего Бакшеевское поле, дымилась земля, скручивались в трубки

листья на березняке, жухла хвоя на соснах и елях. То одно, то другое дерево со стоном валилось на землю, словно кто-то невидимый подрубал его под корень. Было ясно, что огонь бушует внизу, не выходя из своих подземных лабиринтов

— Давно заметили? — спросил Мякотин у Рощина когда они с Макеевым с трудом добрались до участка.

— Час назад. Полагаю, что от одного из очагов огонь пробрался сюда по торфяным залежам.

— Что будем делать, Макеич?

— Изолировать очаг, особенно с запада. Если по этой террасе огонь доберется до Каменной гряды,— грош цена всей нашей суете. Сами знаете — это открытый выход огню на поля, на готовые к жатве хлеба, на села и деревни.

— Тогда давай по рации команду участкам. Пусть срочно шлют сюда людей и машины.

Через полчаса четыре бригады, переброшенные с других участков, спешно прокладывали через лесную террасу две широкие поперечные траншеи — одну с западной, другую с восточной стороны.

То, что Рощин вовремя забил тревогу, спасло положение. Глубокие, заполненные водой рвы и заградительные насыпи приостановили расползание огня, не дали ему выйти на Ракитинский кряж.

А рация в штабном вагоне подавала сигналы о новом, еще более опасном очаге — появлении огня на Сестрорецком поле.

Час назад над лесом и торфяниками повеял легкий юго-восточный ветер. Он частично разогнал удушливую гарь и дым, висевшие над всей территорией Бакшеевских полей. Усталые люди подставляли ветру закопченные, разгоряченные лица, он нес хоть какую-то освежающую прохладу. Но скоро он стал резким, порывистым, все чаще поднимал воронки коричневых смерчей, в которых малиново алели клубы раскаленной торфяной массы.

Один из них с быстротой молнии перемахнул многометровую полосу отсечного леса, разделявшую Бакшеевские и Сестрорецкое поля, и зажег сначала сухостой и пожухлые травы на опушке леса, а затем перекинулся на расположенный караван торфа.

Мякотин и Макеев поспешили сюда. Караван уже тушили рабочие торфоучастка. Две пожарные машины пытались сбить огонь с огромной массивной туши каравана. Струи воды гасили тлеющее пламя в одном месте, а через секунду торф дымился уже в другом.

Но не этот караван, хотя в нем был итог труда сотен людей, заботил сейчас Мякотина и Макеева. Невдалеке, сквозь редколесье виднелся лесозавод, обширный склад пиломатериалов. За ними была подстанция и чуть дальше — поселок. Если огню дать перейти на соседние караваны, то несдобровать ни этим сооружениям, ни жилому массиву.

— Решаем так, товарищ Макеев. Бакшеевскую линию обзавода будем тянуть сюда, охватывать и Сестрорецкое поле. Замыкающую траншею пока придется оставить, ее будем прокладывать за границей этого торфомассива.

Макеев проговорил озабоченно:

— Все верно, Иван Петрович. Только успеем ли?

— Другого выхода не вижу. Сейчас главное блокировать этот караван. Поэтому садись за рацию, стягивай бригады. Перебрасывай автоцистерны с первого и второго участков. Возражения начальников участков в расчет не бери. И Лепешкина со всей его артелью перебрасывай сюда. У него наиболее опытный народ. Нельзя допустить, чтобы огонь добрался до соседних караванов. А я подскочу к телефону. Надо чрезвычайные меры принимать. Считаю, что воинские части подключать пора, да и москвичей надо просить помочь.

Решение, принятое Мякотиным и Макеевым, было правильным и единственно возможным. Скоро две подоспевшие автоцистерны держали в непрерывной дождевой сетке тлеющий караван, а несколько бригад с бульдозерами и землечерпалками прокладывали широкую траншею, отрезавшую караван от соседних торфяных великанов.

Но природа и нрав торфяных пожаров предельно коварны. Неожиданно из-под тлеющего каравана вырвалось несколько клубов огня, и они, подхваченные ветром, в считанные секунды оказались в массиве редколесья с левой стороны торфяного поля. Случилось именно то, чего больше всего опасались Мякотин и Макеев. Теперь огонь брал прямое направление на лесозавод, лесосклады, подстанцию.

Пришлось и сюда стягивать технику, бригады, подразделения пожарников. Предстояло локализовать ширившееся в лесном сухостое пламя, остановить его движение к строениям.

С большим углублением широкая траншея и насыпной вал земли высотой почти в три метра прокладывались поперек лесного массива в полукилометре от лесозавода и складов.

Мякотин после разговора с Кургановым вызвал по рации всех начальников участков, сообщил, какая мощная сила идет к ним на подмогу. Потом поспешил на Сестрорецкое поле. Дело здесь подвигалось медленно, лес был добротный, и машины, и люди с трудом пробивались сквозь его заросли. Мякотин, проваливаясь в ямы и колдобины, кашляя от дыма и гари, направлялся к головной машине. Водитель в ней оказался один, без напарника.

— Почему один? Не положено так. А случись что? Видишь, что кругом делается?

Молодой вихрастый парень беспечно ответил:

— Плохо напарнику стало, в медпункт увезли. А другого то пока нет. Все при деле.

— Приостанови на секунду, я помогу.— И Иван Петрович торопливо забрался в кабину.

— Как звать? Фамилия как?

— Филимонов. Виктор.

Мякотин зорко вглядывался в полосу стелющегося по лесу дыма и торопил бульдозериста:

— Быстрее, быстрее надо, Виктор, иначе опередит нас это чудовище. Видишь, между кустарниками дым клубится Это значит — огонь силу набирает. И коль опередит нас, то не спасет ни траншея, ни заградительный вал.

— Быстрее так быстрее,— ответил машинист, и мотор взвыл еще неистовее, тяжелая машина еще больше напрягла свои железные мускулы. Скрежеща и лязгая гусеницами, она медленно, но неудержимо продиралась вперед, словно спички ломая деревья, подминая под себя кусты, корни и валежник, превращая все это в бурое крошево.

Вслед за головным бульдозером шли другие машины и несколько бригад.

Опередить огонь они все же успели.

Скоро почти пятиметровый ров с высоким гребнем земли по правой бровке стремительной линией отсек лесной участок с электроподстанцией и другими постройками и соединился с обширной болотистой ложбиной, наполненной темной хлюпающей водой.

— Тегерь, сынок, развернись обратно, пойдем правой стороной,— облегченно вздохнув, проговорил Мякотин.— Вон эти змеиные языки надо в землю вбить и траншею на этом участке малость расширить. А меня потом вон у той ложбинки высади, надо посмотреть, как другие наши герои укрощают красного петуха.

Но до ложбинки, где хотел выйти Мякотин, им добраться

не удалось. На пути встало несколько довольно мощных сосен.

— Может, правее взять,— высказал предположение Мякотин.— Хотя там сосны-то не менее крупные.

— Ничего, думаю, прорвемся,— успокоил его бульдозерист.— А то будем мыкаться справа налево.

Машина с угрожающим ревом навалилась на стоявшие на пути деревья. Ее резко тряхнуло, на капот грохнулась поверженная ударом сосна, вершиной своей попав между двумя столь же кряжистыми деревьями, стоящими в пяти или шести метрах в стороне. Водитель дал задний ход, но машина уперлась в пни и корневища ранее сваленных сосен. Он попробовал бросить машину снова вперед, но сосна, лежавшая на капоте, словно крепкий шлагбаум, загораживала путь. Бульдозер оказался в капкане. А в это время шипящий огненный язык, вырвавшийся из-под земли, стал стремительно вылизывать окружающий подлесок, словно радуясь тому, что попали в беду те, кто хотел его уничтожить. Огонь быстро разрастался, подбираясь к машине, дым и гарь заполняли кабину.

— Если огонь дойдет до баков с соляркой, мы взлетим на воздух,— проговорил водитель.— Вы бы выбирались отсюда, товарищ Мякотин.

— Почему это я должен выбираться? Да и как? Мы с тобой как в клетке. Но давай без паники. Попробуй еще раз задний ход. Затем вновь вперед. И смелее, решительнее. Машина-то мощная.

Водитель бросал машину и вперед и назад, мотор ревел на предельных оборотах, но преграда была непреодолимой.

— Выключай мотор. Уходить надо,— решительно приказал Мякотин.

Бульдозерист открыл левую дверь, и в ту же секунду в кабину хлынула волна раскаленного, как в топке, воздуха и багрового от искр дыма. Парень успел захлопнуть дверь, но заряд огненного смрада, видимо, обжег легкие. Он закашлялся, лицо побледнело, покрылось крупными каплями пота. Парень стал задыхаться.

Приподнявшись, Иван Петрович посмотрел в лобовое и боковое стекла — огонь обложил машину со всех сторон и по упавшей на капот сосне змеей подбирался к кабине.

«А ведь сгорим сейчас к чертовой матери»,— подумал Мякотин.

Эта мысль о возможном, а скорее всего, неизбежном

конце, о такой нелепой, случайной смерти заставила Мякотина лихорадочно искать выход. Правая дверь, около которой он сидел, была намертво зажата распластанными сучьями лежащей на капоте сосны и не открывалась. С трудом перегнувшись через рычаги, Мякотин стал осторожно открывать дверь со стороны водителя. Нового огненного удара не последовало. Иван Петрович уже смелее открыл дверь и стал толкать, тормошить бульдозериста. Еще был шанс выбраться. Парень, однако, был почти без сознания. Петрович стал перебираться через него. Дышать было нечем, движениям мешала теснота. Кое-как Мякотину все же удалось перелезть через водителя и втиснуться в полуоткрытую дверь. Он нащупал ногой подножку подъемной лесенки. Уцепившись левой рукой за кронштейн бортового фонаря, правой стал вытаскивать парня. И вытащил. Но удержать не смог, и оба они сорвались с подножки в дымную горящую хлябь. Она, словно в раздумье, держала их некоторое время на зыбком податливом дерне, потом разверзлась, и последнее, что увидел Мякотин,— это задымленное небо и верхушки сосен с бурой пожухлой хвоей.

В бригаде, что двигалась вслед за бульдозеристом, заметили неладное и бросились к машине. Бульдозер был пуст, а в дымящемся провале люди увидели Мякотина и машиниста. Из провала полыхало жаром. Но несколько человек без раздумий бросились в курящуюся яму и вытащили обоих. Филимонов еще подавал признаки жизни, Иван же Петрович был мертв. Старое, уставшее сердце отказало.

...На вертолетной площадке собрались спешно прилетевшие Курганов и Гаранин, Макеев, Рощин, еще несколько человек.

Курганов смотрел в безжизненное, обожженное лицо друга и не мог сдержать слез, да и не пытался этого сделать. Он несколько раз повторял одну и ту же фразу:

— Петрович, Петрович! Что же ты наделал, дорогой, что же ты наделал...

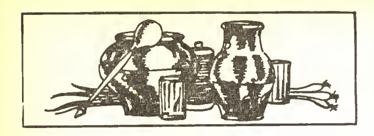
Смерть Мякотина отозвалась в его сердце острой неуходящей болью, ощущением какой-то холодной, глухой пустоты, и Михаил Сергеевич знал, что это ощущение и эта боль останутся с ним надолго, если не навсегда.

Вертолет взвихрил опавшую листву и хвою, пригнул к земле лесной молодняк и, натужно поднявшись вверх, взял курс на Приозерск.

Если бы Иван Петрович мог сейчас увидеть дело рук своих, он порадовался бы. Широкие просеки, зияющие тем-

ной глубиной траншеи и высокий вал из черно-бурой земли обозначились уже явственно и зримо, и было видно, что вот-вот они сомкнутся по всей окружности Бакшеевских и Сестрорецких торфополей в единое кольцо, чтобы стать непреодолимой преградой разгулявшейся стихии.

...Через три дня пожары в Ракитинских лесах были локализованы и потушены. Только смрадная, сероватая дымка еще держалась над полями и перелесками, но скоро северо-западные ветры, пришедшие с Прибалтики, разогнали и ее. И они же принесли в Подмосковье затяжное ненастье.



Глава 6

ВСТРЕЧА БЫВШИХ КОЛЛЕГ

Совещание председателей колхозов и директоров совхозов Приозерской зоны закончилось час назад, его участники уже разъехались. Озеров задержался в техническом отделе управления, и, когда вышел из здания, его окликнул человек в кожаном коричневом пальто и шляпе.

— Товарищ, вы не скажете, Курганов и Гаранин у себя?

— Нет. Они вместе уехали. Кажется, в северный куст.

— На ночь глядя?

— Время такое. Уборка.

— Досадно,— проговорил незнакомец и, приглядевшись к собеседнику попристальнее, воскликнул:— Позвольте, вы ведь Озеров?

— Озеров... А вы... минутку, минутку... Олег?

— Точно. Олег Звонов.

— А я и не знал, что вы здесь, в наших краях.

— Да вот пришлось. А вы?

— В Березовке работаю. Приезжал на совещание.

— В Березовке? С тех самых пор? Ну, ты даешь, старик. Что, неудачи заели?

— Почему неудачи? Нет, у меня все в порядке.

— Ну, очень рад. Только, слушай, давай проще... А то — вы, ты...

— Согласен. Давай на «ты».

— Слушай, а когда же они вернутся, начальники-то?

— Ну, думаю, завтра.

— Досадно. Мне надо встретиться и с тем и с другим.

— Они в эти дни будут очень заняты. Партком по траншейной истории готовится. Но для Звонова-то время, конечно, найдут.

— А что это за траншейная история?

— История длинная, в двух словах не расскажешь.

— Так, может, мы устроимся в каком-нибудь злачном месте и посидим. Как говорится, вспомним былое.

— Нет, Олег, не могу. Надо домой. Знаешь что, поедем лучше к нам в Березовку. Ты ведь, как я понял, не на прогулку приехал, а по делу. Материал, видимо, собираешь. Ну так вот и начинай с глубинки, с нашей Березовки. Как моя идея?

— А что, может, действительно к вам нагрянуть?

Озеров уточнил:

— Машина со мной. Только я пару часов задержусь, кое-какие дела в разных организациях провернуть надо, а потом — к нам.

— Через два часа? — Звонов посмотрел на массивные, с браслетом часы.— Заметано. Буду как штык.

Пришел, однако, с изрядным опозданием. От него крепко попахивало спиртным, и весь он был какой-то взбудораженный, шумный, оживленный.

— Ты извини, старик, задержался. Нельзя, понимаешь, нигде показаться — везде Звонов, Звонов, Олег, Олег...

Удобно устроившись в машине и закурив сигарету, Олег требовательно проговорил:

— Ну, а теперь давай, просвещай, информируй, вводи в курс. Как вы тут штурмуете недостатки и препятствия? Как ломаете старое и возводите новое?

— А ты проще изъясняться не можешь? Что тебя интересует? О чем собираешься писать?

— Задание предельно важное: насколько серьезно осознали люди глубину перестроек, реформ, происходящих изменений. Проникло ли все это в их души, в сознание, какое практическое влияние оказывает на жизнь колхозов, совхозов, партийных, советских звеньев. Изучить эту проблему мне поручено давненько, да все никак не мог собраться. То одна поездка, то другая. Шеф наконец разозлился и снял стружку. Зазнался, говорит, игнорируешь, не ценишь доверие и т. д., и т. п. Ну пришлось мне взять ноги в руки. Начинаю с Ветлужщины, но хочу посмотреть не одну, а две-три области. От низов до верха буду двигаться. С вашими деятелями тоже хочу потолковать на эти темы. Согласие Курганова на интервью я заполучил еще при встрече в Ветлужске. Вот такова моя программа. Сечешь? Теперь слушаю тебя. В частности, ты хотел рассказать о какой-то там траншейной истории.

— История, в сущности, простая. До конца августа жара

нас стояла — сто лет такой не знали. Потом дожди пошли, беспросветные ливни начались. Крытых токов, навесов — нехватка. Уборка очень осложнилась. Комбайны, трактора, автомобили тонут в размокшей земле, хлеб весь сырой. Сушить негде, нечем. Чтобы спасти хлеб, в некоторых колхозах решили ссыпать его в траншеи и покрывать плотным слоем трав, толем, рубероидом. Ну, а заготовители шум подняли...

— Почему же?

— Усмотрели в этом вредную, антигосударственную тенденцию.

— Интересная ситуация. И когда же партком?

— Да на днях.

— Обязательно послушаю.

— По-моему, тоже есть смысл.

Олег, помолчав, без видимого перехода спросил:

— А что, Гаранин давно так в гору пошел? Он ведь, я помню, был в МТС, потом в райкоме отделом, кажется, заведовал.

— С характером и с головой мужик. Тут Курганов не ошибся.

— Ладят они с ним?

— По-моему, да. Управление-то огромное, колхозы и совхозы трех районов объединяет, дел по завязку — до распрей ли тут...

— Я к тому, что Гаранин на серьезное выдвижение котируется. Правда, последнее время что-то замолчали. Не иначе, дело рук Курганова.

Озеров суховато ответил:

— Насколько мне известно, Гаранин отказался сам.

Звонов удивился:

— Да что ты! Ну тогда это характер.— И, толкнув Озерова плечом, потребовал: — А теперь давай о себе. Что у тебя и как? Почему застрял в Березовке? Кто и за что тебя в ней законопатил? Давай, давай, исповедуйся!

Озеров усмехнулся:

— Все наоборот, Олег. В Березовку я попросился, если ты помнишь, сам. С тех пор председательствую в колхозе. Кое-что удалось сделать. Вот, пожалуй, и все.

Звонов покосился на Озерова и вдруг, с хмельной доброжелательностью, похлопал его по плечу.

— Молодчага! Вот на таких земля держится. Писать о тебе буду, обязательно! А что? Журналист, газетчик, сам,

своими руками хлеб растит... Во главе масс... Обязательно напишу.

— Ну писать у нас есть о ком, интереснейшие люди есть. Вот недавно мы похоронили Петровича. Ну, Мякотина. Председателем исполкома был. Вот жизнь человек прожил.

— А что с ним приключилось? Ведь здоровяк был.

— При тушении ракитинских лесных пожаров погиб. Или возьмем Беду Макара Фомича. Ты его должен помнить, он еще до меня председательствовал в Березовке. Вся полувековая история деревни через его жизнь прошла. Ходячая энциклопедия, а не старик.

— Такой маленький, щупленький, задиристый. Что-то от Щукаря в нем? Верно?

— Точно. Значит, помнишь. А вот тебе еще один уникальный случай. По соседству с нами, в колхозе «Луч» бывший моряк обосновался и такие дела с птицей и рыбой раскрутил... У него, между прочим, и личная история достаточно романтическая... Очень советую познакомиться.

Озеров говорил как-то медлительно, с паузами. Чувствовалось, что мысли его отвлекает какая-то неуходящая забота. Звонов заметил это, насторожился:

— Старик, ты что? Может, того, покаялся, что к себе меня тащишь? Так давай переиграем. Я и в Приозерске найду чем заняться.

Озеров, спохватившись, объяснил:

— Да что ты, Олег. Дело в другом. Смотри, как дождь-то хлещет. Что будем делать, если он еще неделю или две лить будет?

— Да, с природой мы справляться не научились,— деловито заметил Олег.

После некоторого раздумья Озеров проговорил:

— Конечно, последнее время она нас подводит частенько. Но и беспечность есть у нашего брата, надежда на авось... Это факт.

— А ты, Озеров, самокритичен, оказывается. Но все-таки я не понимаю, почему ты застрял в этой своей Березовке?

— Застрял? Неточно выражаешься, коллега. Почему прилепился к ней? Нравится — вот и вся причина.

— Может, личное что?

— Ну и личное, конечно. Жена, сын. Все как у людей.

— Удивляешь ты меня. Ведь когда-то я, да и все в редакции, завидовали тебе. Способности же были, талант даже.

— Ну, какой там талант? Набил руку да и пописывал статейки на текущие темы. Вот, коли у тебя талант, так он проявился.

— Тоже, брат, с трудом. Его величество случай помог.

...Нина Семеновна, только что вернувшись с токов, неприбранная, непричесанная, увидев подходивших к дому мужчин, ринулась в горницу, чтобы хоть как-то привести себя в порядок.

Озеров, когда вошли в дом, спросил:

— Ну что, сразу пойдем знакомиться, как хлеб спасаем, или завтра с утра?

Нина решительно возразила:

— Ну зачем же сейчас-то? Я только что с токов. Все идет как следует. Так что не на тока пойдем, а ужинать будем. Надо же накормить гостя. А вас, Олег Сергеевич, просто невозможно узнать.

Звонов, польщенный этими словами Нины, с довольной ухмылкой рассказал:

— Сегодня заглянул в бывшую нашу епархию, в редакцию местного органа печати. Видели бы, что там было! Коллеги дара речи лишились. Еле-еле я их в порядок привел.

...Стол Нина Семеновна собрала хоть и наскоро, но вполне добротный. Звонов, оглядев его, даже руки потер от удовольствия.

— Как-то в Риме,— садясь за стол, заговорил он,— несколько зарубежных коллег обратились ко мне с вопросом: откуда я, где начал свою журналистскую карьеру? Я им говорю: в Приозерье, в газете «Голос колхозника». Переглядываются, не слышали, видишь ли, о таком географическом пункте и его печатном органе. Так вот, говорю: записывайте и запоминайте, теперь будете знать.

— Рим...— мечтательно произнесла Нина.— Колизей, Форум, собор Святого Петра, музей Ватикана... Знаешь, Озеров, как хочешь, но мы с тобой должны собраться в вояж.

— Все в туристическую поездку меня агитирует,— пояснил Звонову Николай.

— А что? Это сейчас запросто. Я как-то иду по Нью-Йорку, слышу русскую речь. Разговорились — оказывается, туристы из Минска.

— Олег Сергеевич, а какой город на вас произвел наиболее сильное впечатление? Нью-Йорк, Париж, Рим? — спросила Нина.

— Вы знаете, на этот вопрос трудно ответить. Все города

по-своему интересны. Рим — это старина, история, как вы верно заметили. Париж — строжайшая симметрия улиц. Эйфелева башня, Елисейские поля. Нью-Йорк — стекло, бетон и этакие башни в сто и больше этажей. Но знаете, что на меня произвело самое сильное впечатление в этом самом Нью-Йорке? Стейк. Да, да, стейк. Ну, такой огромный кусок мягкого жареного мяса, который подают на деревянном блюде. Чудо! Он уступает только бифштексу по-флорентийски. А если перед этим еще стаканчик виски со льдом пропустишь...

— А американские фермеры, что приезжали к нам,— с усмешкой заметил Озеров,— предпочитали нашу «Столичную».

Звонов подтвердил.

— А они и у себя ею не брезгуют. Только пьют как-то почудному, без закуски. Я никак не мог привыкнуть.

Нине Семеновне, однако, хотелось послушать путевые впечатления Звонова.

— Вы, кажется, недавно в Ливане были? — спросила она.

— Пришлось.

— Баальбек видели?

— Баальбек? Это что, город?

— Ну, Баальбек... Гигантский храм, возведенный древними римлянами на караванных путях между Востоком и Европой.

— Нет, на этот раз не пришлось. Но слышал, слышал об этом. Надо будет взглянуть при случае. Ну, а вы-то как тут?.. Просветите меня, отставшего от сельской жизни. Чем живут героические труженики колхозной деревни?

Вопрос был задан с оттенком иронии, и Нину и Озерова несколько задела эта интонация гостя.

— Ну, если выражаться твоей же терминологией,— чуть суховато начал Николай,— героические труженики колхозной деревни, как я тебе уже говорил, спасают хлеб. Такой осени старики не помнят. Вот утром будем осматривать хозяйство — убедишься, какой ценой достается каждый центнер. Ни сил, ни времени, ни здоровья не жалеют люди. Вот даже сейчас, слушать тебя интересно, и я рад встрече, но, откровенно говоря, все время мысль сверлит: а как там на полях и на токах?

Нина мягко упрекнула мужа:

— Я же говорила тебе. День прошел нормально. С учетом погоды, конечно. И на токах все в норме — обмолот идет.

Так что не терзайся, председатель. А вы, Олег, расскажите что-нибудь о ваших скитаниях по свету. Ужасно тянет побродяжничать. Весь мир бы объездила.

Олег, уже оконфузившийся малость на Баальбеке, решил на сей раз взять реванш. Говорить он все-таки умел, и довольно красочно описал Канны, Прагу, Женеву.

Нина предложила:

— Я думаю, нам пора выпить кофе.

— Что, в Березовке и кофе пьют?

— Так же как и везде — кто чай, кто кофе.

Звонов, с прищуром поглядев на Николая, проговорил:

— Ты знаешь, Николай, у тебя отличнейшая жена!

— Знаю.

— Ничего ты не знаешь! Не будь мы друзьями, увез бы я Нину Семеновну из вашей Березовки.

— Не увез бы.

— Это почему?

— А я бы тебя на дуэль вызвал. И пристрелил.

Нина Семеновна, убирая со стола, с усмешкой проговорила:

— Пейте кофе, дуэлянты. Остынет.

...Рано утром Озеров и Звонов, облачившись в плащи и натянув резиновые охотничьи сапоги, направились осматривать хозяйство.

— Начнем с полей, с Березовкой потом ознакомимся,— предложил Озеров.

— Командуй сам, председатель. Хвастайся своими успехами.

Побывали на нескольких полях, здесь, по ступицы увязая в вязкой земле, надсадно ревя моторами, двигались комбайны. Трактора с трудом тащили за собой жатки. То и дело застревали самосвалы с зерном, и людям приходилось помогать им выбираться из земной хляби.

На крытых токах стоял неумолчный гул молотилок и веялок, люди работали напряженно и молча, дорожа каждой минутой. К Озерову у них было немало дел, но видя, что председатель не один, воздерживались, не докучали вопросами.

Звонов предложил:

— Может, хватит? Пойдем в правление?

— Надо бы на Журавлиную излучину сходить.

— А что это такое?

— А вон, посмотри.— Вдалеке, сквозь серую сетку дождя, проглядывался пышный шатер деревьев.— Это и есть

наша Журавлиная излучина -- место сходок, сборищ, гуляний всей здешней округи. Ваза и Славянка там сходятся.

— Нет уж, как-нибудь в другой раз.

И дома, обнесенные палисадниками, с отцветшими уже и поникшими под дождем мальвами и золотыми шарами, и аккуратные, ухоженные дорожки, ведущие к избам,— все, несмотря на серую пасмурность дня, выглядело устроенно, добротно. Указав на двухэтажный каменный дом с белыми колоннами, Звонов спросил:

— А это что за хоромы?

— Правление, клуб, библиотека.

— Э, друзья, вы явно к коммунизму приближаетесь.

— Приближаемся, но, к сожалению, медленно,— ответил Озеров.

В правлении Звонов устало опустился на стул, закурил. Взгляд его упал на макет, что висел на боковой стене комнаты. Это был план Березовки, который был разработан еще в первые годы пребывания здесь Озерова. Застроенные участки плана были заштрихованы, те же, что ждали своей очереди, остались нетронутыми, как бы напоминая хозяевам, что немало им еще предстоит сделать, чтобы Березовка стала такой, какой виделась зодчим.

Показав на макет, Звонов заметил:

— Проект-то хорош, только незаштрихованных клеток многовато. И все-таки шагает вперед деревня, шагает.

Озеров, помолчав, проговорил:

— Не шибко шагает-то. Далеко не все артели оклемались. У нас тоже не все ладно.

— Ну, возможности вам теперь создаются дай бог. Только трудись да богатей.

— Твоими устами бы да мед пить.

— А что, скажешь, не так?

— Думаю, что далеко не так.

— Известно ведь, что крестьянин всегда чем-то недоволен. Психология такая. Вот и ты ее обрел не случайно. И люди у вас какие-то хмурые, неразговорчивые. Без душевного, понимаешь, подъема.

— Ты видел, как дается хлебушек-то? Но не только в этом дело. Это частность, временное явление. Хлеб мы все-таки уберем... И что Березовка недостроена — это ты тоже в точку попал. Разбежались — и стоп. Пятый год ждем от Ветлужского облстроя срубы. Половину поставили, а остальные, говорят, ждите. Своих заказов много. Понимаешь, своих!

Мы-то, оказывается, чужие. Ездил я и к ним, и в обком, и в облисполком, а воз и ныне там.

— Ну, организационные неувязки неизбежны.

— Конечно, но многовато их, этих неувязок, стало. И знаешь почему? Из-за разделения села и промышленности. Живем-то на одной земле, под одним небом ходим, вроде одно, общее дело делаем, а стали как бы чужими — это ваше, это — наше, вы сельские, мы городские, промышленные. Странно это все, необъяснимо. А ведь путь подъема села — интеграция сельского хозяйства и промышленного производства.

— Это, знаешь, что-то новое.

— Ничего не новое. Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что социализм означает гармоническое соединение промышленности и земледелия.

— Оригинальные мысли у тебя, Озеров. Очень даже оригинальные,— в раздумье заметил Звонов и предложил: — Продолжай. Я слушаю.

— Ты хотел понять, почувствовать, чем живут сейчас люди села, что их волнует и беспокоит? Верно?

— Конечно. За этим приехал и таскаюсь за тобой по такой слякоти.

— Ну так вот и слушай. А надоест — скажи, не стесняйся. Мы народ не обидчивый. Сейчас во многих колхозах острейший вопрос — уход молодежи из села. Некоторые социологи настойчиво доказывают: эту проблему можно решить, расширяя сеть клубов, кинотеатров, библиотек. Все это надо строить. Тут спора нет. Но все же главное не в этом. Надо изменять характер, принципы организации сельскохозяйственного производства. Сам по себе сельский труд привлекателен, приносит удовлетворение своей результативностью. Но для современного человека он должен быть современен и в научно-технической основе своей. Без современных средств производства нынешнюю молодежь увлечь сельским трудом непросто.

— Это все зависит от того, кто и как ведет хозяйство,— заметил Звонов.

— Согласен, но только частично. Если бы причины многих неурядиц на селе крылись лишь в председателях колхозов, устранить их, эти причины, было бы не так уж трудно. Людей умных и опытных найти можно. Но не только в этом дело. Мы вот организовали комплексную бригаду на картофеле. Все получилось отлично. И урожай хороший, и уборку

провели в рекордно короткие сроки, и заработок у бригады получился дай бог, а главное — рабочей силы потребовалось втрое меньше. Казалось бы, расширяй эту форму организации труда, применяй ее на всех других культурах. Но... не тут-то было. Нужен определенный набор машин, техники, гарантированный минимум удобрений. Надо в корне изменять систему оплаты труда... Одним словом, перевести все бригады на комплексно-хозяйственный метод пока не можем, не готовы к этому. Наша производственная база, экономика не позволяют.

— Ну так укрепляйте эту свою экономику. Трудитесь лучше, работайте больше. Какие же еще могут быть рецепты от этих недугов?

Озеров вздохнул:

— Все правильно. Но кое-что ты упрощаешь. Не все мы можем, далеко не все. Многое зависит не от нас.

— Ну, уж жаловаться сейчас на малое внимание селу — грешно. Даже слушать странно.

— Я ж тебе рассказываю конкретные факты...

— Ты рассказываешь частности.

— Частности, как известно, составляют общее. Вопросы эти не простые, только смотрим на них мы с тобой, видимо, неодинаково. Вот поездишь, вникнешь в наши дела поглубже, с людьми потолкуешь, может, и согласишься со мной в чем-то. А может, меня переубедишь. Я имею в виду не только хозяйственные дела — в них мы как-нибудь разберемся. Но есть и другие... Ты вот объясни мне, что там у вас на разных парнасах делается? Понимаю, что в Москве-то уж эти споры прошли, бои отшумели, а у нас все еще продолжаются. Комсомолия наша на днях атаковала меня по поводу книги Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Разъяснения ребята требуют.

Звонов с недоумением ответил:

— Неужели это непонятно? Книга критикует культ личности, явления, которые он нес с собой.

— Да там не критика, а злопыхательство. Нельзя же, чтобы такие вот книжицы души людей мутили, веру в наше дело подрывали.

Звонов нахмурился:

— Ну, в полемику по этому поводу я вступать не буду, да и тебе не советую. С горы видней.

— Ну, что значит «с горы»? Я пока не слышал, чтобы Центральный Комитет...

— Сам Никита Сергееич дал добро на публикацию.

— Да? Странно, если действительно так. Впрочем, от ошибок никто не застрахован.

Звонов долго смотрел на Озерова:

— А ты все такой же, Николай. Все такой же...

— Да нет, изменился, видимо. Постареть уж, во всяком случае, постарел. И следовательно, поумнеть должен. А вот, как видишь, многого не понимаю.

Звонов подумал о том, что кругозор деревенского жителя все-таки еще довольно ограничен. Вот даже Озеров, газетчик, человек образованный, с таким опытом, а мыслит примитивно, узко, по старым меркам. Ну что же, это тоже один из нюансов будущего очерка,— заключил он свои мысли и спросил:

— Ты куда Нину Семеновну спрятал? Хотел бы я знать, что она думает по этим проблемам.

— Она в Бугрово подалась. Дела там, да и Алешку навестить надо, он у бабушки гостит. У нас с ней такой распорядок: если я на центральной усадьбе — она в бригадах, если я в дальних хозяйствах — она здесь. Что же касается ее мыслей, то они схожи с моими.

— Ох, хитришь ты, хитришь, Озеров! Прячешь свою княгиню,— в шутливом тоне проговорил Звонов.

Тоже усмехнувшись, Николай ответил:

— Вечером княгиня будет. Хочет тебя какими-то особыми пирогами угостить. Думаю, к бабушке-то за подспорьем каким-нибудь подалась. А сейчас мы пойдем в нашу колхозную столовую. Не все же флорентийские бифштексы уплетать, попробуй наших.

Когда шли по улице, Озерова в окно окликнула какая-то женщина. Хрипловатым, простуженным голосом она спросила:

— Когда зайдешь-то, председатель? Уж сколько раз обещался.

Озеров предложил Звонову:

— Заглянем на минутку. Бабуся очень оригинальная. Самая информированная личность в Березовке. Наверняка за что-нибудь критиковать меня будет.

Они вошли в чисто прибранную избу. Хозяйка, оседлав очками свой сухой, хрящеватый нос, рылась в каких-то бумажках, рассыпав их по всему столу. Не отрываясь от своего занятия, объяснила:

— Я почему приглашала-то, председатель? Видишь, что с избой делается? — Она показала на выгнувшуюся матицу, что лишь узким захватом держалась в проеме стены, потом

на выщербленные и рассохшиеся половицы пола, на перекосившиеся окна с треснутыми стеклами.— Где-то у меня тут письмо правления колхоза, тобой подписанное, было. По нему я бы вроде уже в новой хате должна жить.

— Верно, Тихоновна, все верно! Первый же сруб тебе. Это уж точно.

— Спасибо, коли так. А доживу? Как думаешь?

— Что за мрачные мысли, Прасковья Тихоновна. Не похоже на тебя.

— Руками вот маюсь. Ревматизма проклятая замучала.

— К врачам-то ходила?

— Только что пришкандыбала с керамзитового. Полдня держали. Вы, говорит, не наш контингент.

— У нас же с ними договорено. Позвоню им. Обязательно позвоню.

— Да мне уже чуток полегче. В ночную на ток иду, не сумлевайся.

Потом спросила:

— А товарищ-то ваш кто будет?

— Из Москвы, из газеты.

— Вот тебе на! Что ж ты, чудак, не упредил меня? Я бы поостереглась. Нечего нам при чужих свои болячки трогать.

— Ничего. Товарищ Звонов человек свой.

— Ну, коль свой, тогда другое дело. А то возьмет да и ославит нашу Березовку на всю страну. Народ же вон изо всех сил старается. Посмотрите, как хлебушек-то нынче дается. Ну да ничего, авось скоро управимся. Как думаешь, председатель?

— Обязательно управимся.

Прасковья вдруг всплеснула руками:

— Что же это я вас только разговором угощаю? Может, чаю выпьете?

— Спасибо, Прасковья Тихоновна, мы обедать направляемся.

— Я и обед сгоношу.

— В столовой ждать будут, заказывал я. Так что спасибо.

— А ты, сынок, из самой Москвы? Значит, все знаешь. Объясни ты мне, старухе, за что это американцы своего главного жизни лишили? Ну, ладно, это их докука, хотя и жалко, вроде хороший человек-то был. А чего во Вьетнаме они бесчинствуют? И на нас злобствуют, напраслину всякую несут. Забыли, видимо, кто Гитлера-то уничтожил. Как все понять? Рассказал бы, сынок.

Звонов переглянулся с Озеровым и постарался коротко обрисовать старухе международное положение. И так как ссылался на недавние личные встречи со многими людьми на Западе, получилось у него интересно и просто. Озеров тоже с интересом слушал эту незапланированную беседу.

Уже прощаясь, Звонов, кивнув на передний угол избы, где висел портрет Сталина, спросил:

— Что же это вы, мамаша, от жизни отстаете?

Старуха непонимающе подняла голову.

— О чем это вы?

— Да вот, смотрю, портрет Сталина у вас...

— Чту, как по-христиански положено. Сынки-то мои с его именем на супостатов шли, в сырой земле лежат. Так что уж не обессудьте.

Сойдя с крыльца, Звонов проговорил недовольно:

— Плохо вы работаете с народом, Николай. Сколько еще отсталости, непонимания. Ведь не глупая же старуха, нет, далеко не глупая, а нате вам... Где же сознательность-то?

Озеров, чуть помолчав, заметил:

— Ты не суди ее так строго. Ни муж, ни один из ее сыновей с войны не вернулись. А сознательность... она, по-моему, проявляется не в том, какой портрет висит у нее в красном углу, а в том, что эта старая больная женщина в ночную смену, в дождь и слякоть пойдет молотить хлеб.

Потом, легонько толкнув Звонова в бок, Озеров с улыбкой проговорил:

— А беседу ты провел хорошую. Может, соберем завтра в пересменку всех березовцев. Хорошо бы им послушать живое слово, что в мире делается. А? Как смотришь?

— Да я ведь не какой-то там официальный лектор. Но если ты считаешь, что интересно, можно и организовать такой разговор.

Однако в столовой, когда они только что сели, к столу подошла официантка и позвала Звонова к телефону. Через две-три минуты он вернулся и сообщил Николаю:

— Звонили из Приозерска. Из редакции. Москва на связь требует.

— Ну, уедешь утром.

— Уже машина выслана.

...В Приозерске у гостиницы Звонова поджидал Пухов:

— Олег Сергеевич, наконец-то! Я тут уже больше часа дежурю. Виктор Иванович здесь и Корягин тоже.

— А Корягин-то как здесь оказался?

— Постоянно проживает. Пунктом «Заготзерно» заведует.

— А я, понимаешь, в глубинке был, с рядовой массой общался.

— И промерзли, поди. На этот случай банька истоплена.

— Банька? Это прекрасно.

Через полчаса мужская компания уже подходила к небольшому дому, расположившемуся на окраине Приозерска. Приехавших встретила дородная, крупная женщина.

— Как банька-то, готова, Настасья? — с хозяйскими нотками в голосе спросил Корягин.

— Как велели, Степан Кириллович. Пар — прямо-таки чудо.

— Вот и хорошо. Сейчас испробуем. А венички и все прочее?

— Все, все готово, Степан Кириллыч.

Оставив в доме все верхнее, мужчины гуськом по тропе, вившейся меж кустов и грядок, направились вниз, к реке. Там, в углу около забора, уютно устроилась рубленая баня.

Пар оказался действительно удивительным, в меру сухим и впору горячим. Каменка жарко, раскаленно алела, и хватало лишь полковшика воды, чтобы духовитые, жгучие клубы с новой силой взмыли под потолок.

Компания сидела на самой верхней полке парной, покряхтывая от удовольствия, похлопывая себя по оголенным телам, и то один, то другой изрекал что-либо восторженно-одобрительное.

Парились долго, до изнеможения. Окатывали себя холодной водой из шаек и опять забирались наверх... Наконец утихомирились, вышли в предбанник, и, разморенные, красные, как вареные раки, сидели там, закутавшись в простыни.

Корякин пошарил под лавкой, достал кувшин с каким-то густым коричневым напитком.

— Потом, Кириллыч,— слабо запротестовал Удачин.

Корягин разлил напиток и только тогда проговорил:

— Квасок с хреном пойдет соколком. Сами убедитесь. Потом и покрепче будет.

Звонов залпом выпил кружку, остро и вкусно шибануло в нос. Отдышавшись, проговорил:

— Полмира объехал, в семи или восьми морях и океанах купался, знаменитые финские сауны и стамбульские бани испробовал, но такого ощущения не помню. Вот если. сейчас спросить меня — что такое рай? — я без колебаний скажу: баня у Корягина!

— Спасибо, Олег Сергеевич. Рад, что угодил. Вот посидим малость, отдышимся, потом вечерять пойдем. Мы с Пуховым для вас подготовили кое-что.

Стол в доме был под стать банному раю. Даже видавшего виды Звонова и то он поверг в удивление. Здесь были и заливная рыба, и грибочки, и полный ассортимент то ли грузинской, то ли армянской зелени. А Корягин, кроме того, предупредил:

— Кушайте, кому что нравится, но имейте в виду, что там,— он кивнул в сторону кухни,— жарятся утки. И не просто утки, а добытые лично мною и вот Пух Пухычем.

— Ты что, Кириллыч, именинник, что ли? — спросил Удачин, тоже немало удивленный столь обильным угощением.

— Почему именинник? Просто рад встрече с друзьями. Услышал я, что вы объявились в родных краях и что товарищ Звонов тоже в Приозерск прибыл. Вот мы с Пуховым и постарались. Да вы кушайте, кушайте, да и хмельное не обходите вниманием. Часто ли мы видимся-то?

— Да, в этом ты прав, видимся редко,— согласился Удачин и добавил: — Олег хоть по заграницам шастает, а вот что мы друг друга забываем — непростительно.

Его дружно поддержали. Пухов даже пустил малую слезу по этому поводу и изрек:

— А времечко-то идет. Его не остановить, не догнать.

Скоро разговор за столом неизбежно свелся к тому, что больше всего занимало собравшийся кружок,— жизнь Ветлужска, Приозерья, дела и события, к которым они имели то или иное отношение, к людям, с которыми приходилось сталкиваться. Не раз упоминалось и имя Курганова.

Пухов вспомнил, как они недавно в Ветлужске основательно его «пощипали».

— Вертелся Курганов тогда, словно карась на сковородке,— с усмешкой проговорил он.— Я тогда, правда, перебрал малость. И резал правду-матку, невзирая на личность. Но не раскаиваюсь. Ничуть.

— Ну, от этой твоей правды-матки Курганову ни жарко ни холодно,— заметил Удачин.— Он закаленный. Уж какие грозы над ним гремели, а он только гнется, а не ломается.

— Ничего, подождите, еще отольются кошке мышкины слезы,— неприязненно тянул свое Пухов.

— Что тут у вас за канитель с траншеями? — спросил Звонов.— Озеров мне в общих чертах рассказывал, но я что-то не очень разобрался.

— Ну, что касаемо этой истории, я вас могу просветить

досконально. Стою, так сказать, у ее истоков,— ухмыльнулся Корягин.— Конфликт зреет масштабный.

— Только не развози, Степан,— предупредил его Удачин.— Ты самую суть.

— А суть проста. Вместо того чтобы зерно государству сдавать, его в траншеи запихивают. Вот и вся суть. И начал это дело мой дорогой зятек — Васька Крылов. А вслед и другие пошли его дорожкой. Судя по всему, нагорит всем. И Гаранину с Кургановым первым делом.

— А им-то за что? — удивился Звонов.

— А как же? Одобрили, санкционировали и даже рекомендовали. По-моему, они очень даже глубоко в них, в этих траншеях, застряли,— не скрывая усмешки, ответил Корягин.— Наш Ключарев завелся так, что плюнь — зашипит.

— А Ключарев — это кто? — спросил Звонов.

— Начальник областного сельхозуправления. Да ты его помнишь. Бывший заведующий райзо в Приозерске. Этот кому хочешь душу вытянет.

— Но все-таки траншеи эти что, действительно глупость? Или разумное дело? — интересовался Звонов.

Удачин, пожав плечами, ответил:

— Если говорить откровенно, то не так уж это глупо. Погода-то действительно идиотская, и лучше хоть часть зерна сохранить, чем потерять все.

Ему сразу же возразил Корягин:

— Не согласен, Виктор Викторович, не согласен. Так можно весь план хлебозаготовок угробить. Не случайно область официально запретила эту авантюру.

Удачин хотел сказать что-то еще по этому поводу, но, увидев заинтересованность Звонова траншейной историей, смолчал. Там, в бане, когда они в парной остались вдвоем, Звонов дал ему понять, что собирается подготовить такие очерки, такие материалы, которые будут иметь всесоюзное значение. Не меньше. Может, эти траншеи ему тоже пригодятся? — подумал Удачин.

Разговор за столом скоро, однако, приобрел мелкий, сутяжный характер, изобилующий личными обидами сотрапезников, и Звонов подумал, что эта беседа вряд ли чем обогатит его будущие материалы. Подумалось сейчас и о поездке в Березовку. Из бесед с березовцами у него сложилось впечатление, что люди как-то не прониклись пониманием значительности того, что сейчас предпринимается для села. Ответы на его вопросы были скупы, немногословны: «Да, конечно, большие дела намечены. Пора, пора поднимать

хозяйство. Очень ждем, чтобы в гору пошла деревня». И все. А вслед за этим озабоченность ходом обмолота, сушкой зерна, тревога за его сохранность... И ведь такое же приземленное, ограниченное нынешними, сиюминутными делами настроение и у Озерова, и агронома, и у бригадиров. А ведь они прежде всего должны увлекать людей новыми делами, зажигать их энтузиазмом. Именно на это должны быть направлены усилия всех руководящих звеньев и зоны, и района, и области. Сказать, что это именно так, судя по первым наблюдениям, пока нельзя.

— А что? Это, пожалуй, стержень, опорная точка...

Приятели встрепенулись.

— Что? Что вы сказали, Олег Сергеевич?

— Извините, я тут задумался малость. Создается у меня впечатление, братцы, что люди деревни еще не понимают со всей глубиной новых веяний, что внедряются сейчас на селе. Да и их руководители в этом отношении тоже недалеко ушли. Живут старыми мерками. Может, я не прав, в чем-то ошибаюсь? Не так понял ситуацию?

Корягин тут же подхватил сказанное:

— Мысль истинная. Все дело в руководящем звене. Возьмите того же Курганова. Ну как ему могут нравиться новые порядки? Был тут головой всему — сказал, и все крутилось, вертелось. А сейчас? Ну, секретарь парткома управления. Так что из этого? Колхозы, совхозы,— пожалуйста, руководи. И давай на-гора хлеб. А к другим делам не касайся. Затеяли вон они межколхозный рыбхоз и птицеферму на Крутояровских плавнях. Во все областные организации петиции послали, сами с неделю околачивались в Ветлужске. И пока ни хрена не получается. Сельские инстанции за, а промышленные против.

— Ну и зря они уперлись,— проворчал Удачин.— Дело же выгодное. Ежу и то это понятно.

Но Корягина поддержал Пухов.

— Кому оно выгодно-то? Морозову? Так он и так как куркуль живет за счет этих плавней. А если там еще рыбзавод да птицекомбинат отгрохать, то сгинут плавни. Душу отвести негде будет. Уточки-то,— показал он на стол,— оттуда. Вчера мы со Степаном неплохо поохотились. Правда, утка уже на Каспий ушла. Но десяток мы все же взяли.

— Поди, из морозовских вольеров утки-то, а не с севера.

— Ну, паспорт мы у них не проверяли,— осклабился в усмешке Корягин.— А за вкус ручаюсь.— Затем, посерьез-

нев, добавил: — Нет, в самом деле северная. Красноголовка да связь. А ружье у Пухова такое, что не уйти ей. Покажи, Пухыч, ружьишко-то.

Пухов с готовностью вскочил, сходил в сени и вернулся с расчехленной, отливающей вороненой сталью и серебряной инкрустацией двустволкой.

— «Меркель»,— с гордостью сообщил он.— С инжектором, с запасными стволами.

Ружье пошло по рукам.

— Вещь отличная, что и говорить,— проговорил Удачин.— И как ты это промыслил?

— Презент от фирмы. Мы же грибы и ягоды поставляем.

— Ружье редкое,— опять повторил Удачин и передал его Звонову.

— А я ни черта в них не понимаю. Вчера Озеров приглашал как-нибудь поехать в эти самые плавни. Нет, говорю, не по моей части. Кстати, что это его заморозили в этой Березовке?

— А чего ему? Живет, не тужит. Хлеб с маслом всегда ест. Не бедствует.

Звонов усмехнулся:

— Судьба, значит. Кому глаголом жечь сердца людей, кому Березовку в град Китеж превращать.— И, помолчав, добавил: — А мне все-таки жаль. Из него неплохой журналист мог бы быть.

Пухов тянул свое:

— Значит, не охотник, Олег Сергеевич? Жаль. Бываешь за рубежом, такое бы ружьишко мог отхватить.

— А наши ружья, говорят, не хуже.

— Хорошие, кто спорит. А все-таки от такого вот я бы не отказался,— со вздохом проговорил Удачин.

Пухов его понял:

— О чем речь? Будет у вас, Виктор Викторович, нечто в этом роде: «беретта» там или «зауэр». А может, и родная сестра этой двустволки.

— Да? Это возможно?

— Для друзей все возможно. Все!

Звонов вернул разговор к тому, что его интересовало. И он, пожалуй, ошибся в своем предположении, что его сотрапезники вряд ли просветят его в чем-либо. Обрадованные, что интересуются их мнением, они не скупились на сугубо откровенный разговор. И хотя не сговаривались между собой — вели его в одном ключе. Все-таки великое дело — родство душ.

— Кукуруза? Почему это не родится? Там, где хотят, чтобы родилась — родится.

— Неувязок между местными органами много? Да все же очень просто. По временам культа личности некоторые деятели скучают. Тогда ведь как было? Сказал кто повыше — и все. Выполняй. А теперь надо убедить, разъяснить. Демократия! Не всем это по нутру.

— Остается неубранным урожай? Так это там, где хозяева аховые. А может, это кое-кому и на руку. Вот, мол, смотрите, к чему приводят ваши эксперименты.

— А возьмите кадровый вопрос,— встрял Пухов.— Разные Кургановы и здесь, и в области тоже не дают ходу тем, кто пострадал. Вот кто здесь сидит? Опытнейшие, крупнейшие работники! А что изменилось в их жизненной ситуации?

Удачин поморщился:

— Не надо, Пухов. Всегда ты серьезный разговор к личным темам сводишь.

— Так я ведь для примера. В подтверждение ваших же мыслей, Виктор Викторович.

Беседовали еще долго. Наконец Звонов, с хрустом потянувшись, проговорил:

— Ну, спасибо, дорогие друзья. И попарили вы меня сегодня на славу, и накормили, да теперь еще и просветили основательно.

Вошедшая хозяйка с порога нараспев спросила:

— Что будем пить — чай или кофей?

Удивительно умелая была эта хозяйка. Она всегда появлялась и исчезала вовремя. Приходила для того, чтобы сменить тарелки, добавить то огурчиков, то капустки, то груздочков.

Розоватое, полное лицо ее было постоянно приветливо; она неслышно ступала по чуть поскрипывающим половицам, легко неся свое мощное, туго сбитое тело.

Все остановились на чае, только Звонов попросил кофе.

Вскоре уходили восвояси. Октябрьское небо было хмурым; ветер, холодный и влажный, рвал оголенные ветки кустов.

Прощаясь, Удачин сострил:

— Кому я завидую, так это тебе, Степан. Нам тащиться невесть куда, а ты под бок к такой пышке!

— Эка невидаль,— с ухмылкой ответил Корягин. И, чтобы закончить разговор, пригласил: — Ну, дорогу теперь знаете. В любой день и час буду рад видеть.

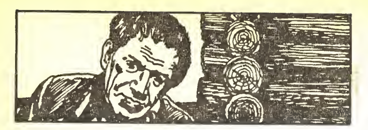
— Спасибо, спасибо! Если так будешь угощать, пожалуй, и зачастить можем,— предупредил Удачин.

Когда приятели несколько отошли от дома, Звонов спросил:

— А хозяйка — она что — Корягину жена, или как?

Удачин промолчал, а Пухов ответил с пьяной болтливостью:

— Официально не объявлял, но, видимо, так оно и есть. Неплохо устроился, старый черт, совсем неплохо.



Глава 7

ТРАНШЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Эту большую светлую комнату Звонов узнал сразу: бывший зал заседаний бюро Приозерского райкома партии.

Звонов с интересом разглядывал людей, собравшихся здесь, многих узнавал. Вот во главе длинного стола сидит Курганов. Седины в шевелюре прибавилось, но все так же крепок и кряжист. И все так же спокоен, немногословен. За длинным столом ближе всех к Курганову — Гаранин. Вид усталый, озабоченный. Но тот же острый взгляд, упрямо сжатые губы. Напротив него Анатолий Рощин, когда-то неугомонный комсомольский секретарь Приозерья. Теперь он, как сказали Олегу, заместитель у Курганова. Держится все так же неугомонно, то соседу что-то шепнет, то реплику подаст, то кивнет головой, одобряя чью-нибудь удачную мысль.

А сзади него, у окна кто? Ах да, Василий Крылов. Звонов усмехнулся, вспомнив вражду, которая все еще продолжается между Василием и его тестем — Степаном Корягиным. А он-то где? Ах, вон, тоже около окна, только на противоположной стороне. Значит, война продолжается. Узнал Звонов и Морозова, бессменного председателя колхоза «Луч». А эта женщина с красивыми серебристыми прядями кто? Ах, Никольская, школами, культурой и медициной заправляет в Приозерье. Однако вот этого парня в кожанке, с огненно-рыжей шапкой волос совсем не знаю. Кого-то он напоминает. А как уверенно себя чувствует. И шутит, и тоже вопросы с подковыркой выступающим подбрасывает. Наконец обладатель рыжей гривы повернулся в сторону Звонова, и Олег узнал его. Да это же наборщик из районной типографии, Костя, Цыпа, как его звали. Тогда без робости он даже не мог поздороваться с Олегом а сейчас окинул

его спокойным равнодушным взглядом. Видимо, не узнал, подумал Олег и спросил соседа, сидевшего рядом:

— Кто этот, с рыжими патлами?

— Как кто? Товарищ Цыплаков — комсомольский секретарь.

Звонов, еще раз окинув взглядом участников заседания и не найдя больше знакомых, стал вслушиваться в разговор. Как раз выступал специально приехавший на это заседание начальник областного управления сельского хозяйства Ключарев. Говорил он гневно, слова из его уст выкатывались тяжелые, как гири: антигосударственная практика, уголовщина, преступные деяния...

Вопрос для всех присутствующих был больной, тревожный, обстановка в колхозах и совхозах Приозерья сложилась предельно напряженная. Вот уже второй месяц шли беспрерывные обильные дожди, размыв дороги, в сплошное месиво превратив поля. Обширный глубокий циклон, пришедший с Атлантики, захватил всю европейскую часть страны и, встретившись с теплым, нагретым за лето континентальным воздухом, остановился в единоборстве с ним. Плотный, непроницаемый панцирь наполненных влагой тяжелых облаков постоянно висел над землей, низвергая бесконечные потоки воды. Полегли, набухли влагой хлеба, в сплошное месиво превратились поля и дороги. Косовица хлебов предельно усложнилась. Но главная трудность заключалась в сушке зерна. Использовали для этого все — крытые и открытые тока, старые риги и овины, избы колхозников. А когда хоть на час выглядывало солнце, зерно старались сушить на асфальтовых покрытиях дорог.

Что удавалось высушить по-настоящему, везли на пункты «Заготзерно», остальное зерно рассыпали в сараях, на гумнах, прикрывали соломой, брезентом, рядном — всем, чем можно. Но буквально через день-два над буртами уже вился пар, зерно согревалось, гибло.

Василий Крылов, как и все алешинцы, ходил сам не свой, то и дело поглядывая на небо. Но там не было ни одного просвета. Значит, на вёдро надежды не было. Где же сушить зерно? Все, что можно было занять под него, заняли, кажется, не осталось ни одного закутка, ни одного мало-мальски пригодного уголка.

Крылов собрал правление колхоза и задал один вопрос:

— Что будем делать с хлебом?

Разговор шел долго, до глубокой ночи. Только что тут

можно придумать? Тогда Крылов и внес свое предложение.

Он уже несколько дней читал и перечитывал статью в случайно сохранившейся у него алтайской газете. Там рассказывалось, как в ряде колхозов при затяжном ненастье хранят зерно в траншеях. Два утра подряд ходил Василий за алешинскую околицу, где недавно проходило строительство газопровода, и нашел там несколько выкопанных и не использованных из-за изменения проекта траншей. Траншеи обвалились, заросли, но были сухими. Песчаная почва поглощала даже столь обильную влагу, какая в эти дни низвергалась с неба. Василий предложил использовать эти траншеи как временное хранилище зерна.

Дело было необычным, неиспытанным. Уверенности в удаче ни у кого не было, но не было и иного выхода. Скрепя сердце члены правления согласились с Крыловым.

Не откладывая, очистили обе траншеи, укрепили стены, днища устлали рубероидом и засыпали туда несколько машин более или менее проветренного зерна. Сверху траншеи закрыли кукурузной массой и засыпали землей, чтобы предотвратить доступ воздуха.

Тут и началось. Что за траншеи? Какие такие траншеи? Кто мог позволить губить зерно? Это же безобразие, преступление. Как ни объяснял Крылов, что ссыпают в траншеи зерно, не подлежащее сдаче по госпоставкам, что это фуражный хлеб, никто его не хотел слушать. Шли звонки и телеграммы, требовательные, категорические, угрожающие.

Крылов возмущался, кричал на заготовителей:

— Но вы же все равно влажное зерно не принимаете.

— А вы сушку, сушку организуйте, а не затевайте авантюр.

Крылов, однако, отмахнулся от этих предупреждений и продолжал свое.

По примеру алешинцев и в других колхозах, чтобы спасти урожай, стали использовать траншеи.

Гаранин пришел к Курганову.

— Что будем делать, Михаил Сергеевич? Областные представители шумят, грозят всеми карами, а колхозы стали все шире прибегать к траншеям.

Судили да рядили они битый час и решили, что это все же какой-никакой, а выход.

Корягин вторично позвонил Гаранину, настаивая на запрещении траншейного хранения зерна. Гаранин удивился:

— Степан Кириллович, объясните мне, вы-то при чем? План госпоставок будет выполнен.

— А если нет? Если немалая часть зерна погибнет?

— А так его погибнет еще больше.

Возмущенный Корягин, поняв, что его не послушают, отправил «молнию» Ключареву. Да еще добавил кое-что по телефону. Тот обещал вмешаться.

Степан Кириллович теперь был уверен, что зятек его — Василий Крылов — на этой истории хватит лиха. Ох, хватит. Отношения между ними так и не сложились. Виделись они редко, здоровались сухо, будто чужие. Когда Корягина восстановили в партии и доверили руководство опорным пунктом «Заготзерно», он и думать перестал о своих алешинских родичах. Даже бывая в Алешине по делам, останавливался не у них, а в Доме приезжих. Неприятно все это было Василию, горестно Зине (отец все же), но все их попытки наладить отношения со строптивым стариком пока ни к чему не привели.

Ключарев после телеграммы и звонка Корягина связывался с Гараниным по телефону.

— Вы знаете, товарищ Гаранин, что у вас в колхозах делается? Знаете, что губят зерно — ценнейшее народное достояние?

— Понимаете, товарищ Ключарев, все, что можно мобилизовать для сушки зерна, мобилизовано. Все. Но часть хлеба гибнет, проливные дожди идут, как вы знаете, уже второй месяц. Любые средства приходится использовать, чтобы свести потери к минимуму.

— Я требую немедленного прекращения закладки зерна в траншеи. А председателя Алешинского колхоза Крылова, как зачинщика, предлагаю снять с работы и отдать под суд. И наказать надо всех, кто занялся этим неблаговидным делом, наказать, несмотря на все их заслуги.

— Ну, такие крутые меры, какие вы предлагаете, мы применить не можем, да я и не считаю нужным. Как это можно снять Крылова? Пошлют меня колхозники подальше, и все. Мы готовим пленум партийного комитета управления специально по траншейным делам. Разберемся.

Ключарев со вздохом проговорил:

— Никак вы, Гаранин, не отвыкнете от райкомовских штанов. Все стараетесь в демократию играть. Издайте приказ, и все. Остальное — дело прокуратуры, она законы знает.

— Ну, в целях уточнения истины скажем, что в демокра-

тию мы не играем, а стараемся жить ее нормами. Что касается прокуратуры, торопиться не следует. Приезжайте на партком. Если подскажете, что делать в нынешней ситуации, будем только благодарны.

— Приеду, обязательно приеду. И поблажек от меня пусть никто не ждет.

Ключарев сдержал свое обещание, и вот сейчас приозерские коммунисты слушали его суровую речь.

Конечно, многое из того, что он говорил, было правильно. И опасно, и рискованно так складывать хлеб. Сушку зерна надо организовать шире и темпы сдачи государству усилить. Все верно, но как это сделать? Руководители хозяйств, сидевшие на заседании парткома, уже давно бились над теми же вопросами. Они не спали ночей, им редко удавалось переодеться в сухую одежду. Колхозники и рабочие совхозов делали все, что было в их силах, чтобы уборка шла, чтоб хлеб не остался в поле, не погиб.

И именно поэтому участников заседания удивляло, почему представитель области рьяно обрушился на Крылова, Морозова и некоторых других председателей за траншеи. Это же выход из положения, пусть не лучший, но выход. В чем же дело?

Ключарев наконец кончил говорить. Установилась тишина. Затем посыпались вопросы, реплики, замечания.

Первым начал Морозов.

— Вопрос к вам, Зосим Петрович. Вот вы утверждаете, что этот метод хранения допотопный, доморощенный, негодный. Но он же применялся и применяется на Алтае, в Поволжье. И зерно удается сохранить.

Вслед за Морозовым раздался голос Озерова:

— Допустим, что траншейный способ не лучший. Но, с учетом наших условий, что вы можете предложить другое?

Рощин, резко повернувшись на стуле, уперся сверлящим взглядом в Ключарева:

— Вы усматриваете в действиях Крылова, да и других товарищей, попытку скрыть зерно от государства. Но ведь это неверно. Мы проверяли. Весь хлеб оприходован до последнего килограмма, все накладные налицо.

Ключарев гневно пожал плечами.

— Ну как вы не понимаете, что из траншей будете извлекать не зерно, а сопрелую массу, которая даже не пойдет на корм скоту.

— Вот тогда и громите нас, снимайте,— взвился Крылов.— А зачем заранее-то в колокола бить? А я вот уверен,

что хлеб будет сохранен. Выполним и поставки. Мы ведь и сейчас вроде не самые отстающие. Все, что сушим на закрытых токах и на печах, сдаем. К тому же мы делали это не ради звонкого рапорта, а в интересах государства.

— Ничего вы, товарищи, не поняли и спорите зря,— мрачно и желчно заметил Ключарев.— И спорите, между прочим, не только со мной, с облисполкомом. Есть его решение запретить закладку зерна в траншеи. Заложенное туда зерно поднять, чтобы не допустить его гибели.

Гаранин, услышав это, спросил:

— А когда было такое решение?

— Два дня назад.

— Решение облисполкома — фактор немаловажный,— в раздумье проговорил Курганов.— Жаль только, что вы поспешили с ним.

— Ну да. Надо было с вами посоветоваться.

— А что, может, и надо было.

Курганов задумался. Он понимал, что история с траншеями приобретает теперь, после решения областного Совета, более серьезный характер. Могут обвинить в партизанщине, самоуправстве, в неподчинении органам власти. А обком-то что же? Неужели он согласен с таким решением? Курганов знал, что в настоящее время Заградина нет в Ветлужске — он в зарубежной поездке. Значит, вопрос согласовывался с Мыловаровым? Да, всего скорей, это его почерк.

Владимир Павлович Мыловаров последнее время стал основательно расходиться с первым секретарем обкома в оценке многих событий и фактов жизни области. И так как разногласия и споры первого и второго секретарей касались довольно больных и близких активу дел, скрыть их было невозможно. Да Заградин и не стремился к этому, он не раз на пленумах и областных совещаниях актива ставил те или иные вопросы, оговариваясь, что в бюро обкома по ним нет единого мнения, что, в частности, товарищ Мыловаров имеет иную точку зрения. Бывало и так, что он отказывался от каких-то своих мыслей и соображений, видя, что актив с сомнением, без единодушия относится к ним.

От этих мыслей Курганова отвлек Ключарев:

— Вы правильно сказали, товарищ Курганов, что решение облисполкома факт немаловажный. Ну так и действуйте соответственно. Обсуждать тут нечего, надо просто исправлять глупости, что натворили.

Поднялся Гаранин. Выступление он начал глуховато,

сдерживая волнение. Но непримиримая интонация почувствовалась сразу.

— На днях мы с товарищем Ключаревым обсуждали этот вопрос по телефону. К общему решению, к сожалению, не пришли. Не придем, видимо, и сегодня. Вы видите, что творит всевышний? — Он показал на окна. По ним бил ливень, как бы напоминая людям, что их горячие споры его не касаются и укрощать свой разгул он не собирается.— Траншейный метод применяем не потому, что такие уж упрямые, и, конечно, не потому, что хотим утаить что-то от государства. А потому что нет другого выхода. Вы его, кстати, тоже не предложили. Конечно, наш метод далеко не идеальный, мы это знаем, но он все же позволит сохранить хотя бы часть урожая. И в тех колхозах, где все возможности для сушки зерна уже использованы,— мы будем применять и траншеи. Я понимаю, что мы, так сказать, кладем головы на плаху и нас за это, видимо, вы в области не поблагодарите, но... как говорится, семь бед — один ответ.

Звонов, слушая Гаранина, подумал: «И смел, и логичен. Не зря вокруг него круги идут. Что, мол, деловой, перспективный».

Ключарев тоже смотрел на оратора с обостренным интересом.

— Не забывайте, товарищ Гаранин, что самоуправство, влекущее за собой ущерб государству, уголовно наказуемо.

Вслед за этими словами с места поднялся прокурор Никодимов. Это был все тот же сухопарый, высокий Никодимов. Время, казалось, проходило мимо него. Только взгляд его серовато-белесых глаз стал более непроницаемым, еще более невозмутимо-холодным. «Долгонько старче приглядывает за Фемидой»,— подумал Звонов и с интересом стал слушать, что же скажет слуга закона.

— Я хочу заявить официально, что применение способа и мер, запрещенных органами власти, будет рассматриваться нами как злоупотребление служебным положением. Я буду вынужден возбудить против виновных уголовное преследование по статье сто семидесятой.

Все затихли.

Курганов некоторое время тоже не нарушал эту тишину, а затем посмотрел в сторону Никодимова.

— Я думаю, вы посоветуетесь с парткомом — кого и когда посадить в кутузку?

— Закон есть закон, Михаил Сергеевич,— мрачно ответствовал Никодимов и сел.

А Гаранин предложил:

— Начинай, Никодимов, с меня. Может, хоть отдохну пару недель.

Раздался смех, но он быстро сник, веселого было мало. Заявление Никодимова все же многих озаботило.

Курганов понимал, что последнее слово, особенно в такой обстановке, актив вправе ждать от него — секретаря партийного комитета. Он, разведя руками, проговорил:

— Прокурор существенно дополнил товарища Ключарева. Что ж... Теперь нам еще яснее стала ситуация.— И, посуровев, продолжал: — Я вношу следующие предложения. Обязать коммунистов Гаранина, Курганова и всех руководителей хозяйств Приозерского управления любыми средствами спасать зерно.— Сказал с расстановкой, твердо.— Это первое. И второе: просить бюро областного комитета партии и исполком областного совета еще раз рассмотреть вопрос об использовании траншейного метода хранения хлеба как временной меры в связи с чрезвычайно тяжелыми погодными условиями... В случае подтверждения областными организациями своей директивы секретарю парткома Курганову и начальнику управления Гаранину обратиться в Центральный Комитет партии...

Над залом нависла тишина. Курганов окинул взглядом участников заседания, подождал, не скажет ли кто-либо, и произнес:

— Я внес официальные предложения по обсуждаемому вопросу. Если есть какие-то другие — прошу их высказать.

Гаранин чуть взволнованно сказал:

— Предложения, по-моему, совершенно правильные.

Со всех сторон послышалось:

— Конечно. Главное, хлеб сберечь. А там видно будет.

— В ЦК разберутся.

Проголосовали за предложение Курганова единогласно.

Когда заседание кончилось, Курганов подошел к Ключареву:

— Зосим Петрович, почему так ополчились на нас? Ведь вы же прекрасно понимаете, что в таких условиях даже траншеи — выход, не идеальный, конечно, но выход.

В ответ на эти слова Ключарев желчно проговорил:

— С огнем играете, Курганов, с огнем. Плохо все это кончится.

Михаил Сергеевич продолжал:

— Вы видели, как настроены коммунисты? Будете до-

кладывать по начальству, не забудьте отметить и это обстоятельство.

— Да при чем тут коммунисты? Вы же всех зажали тут и командуете, как хотите.

Курганов с недоумением проговорил:

— Совсем недавно вы упрекали нас, что мы в демократию ударились, сейчас утверждаете совершенно противоположное. Нелогично получается.

— Вы обязаны выполнять решение исполкома. Понимаете — обязаны.

— Мы и вы обязаны обеспечить выполнение плана государственных заготовок и сделать все возможное, чтобы максимально сохранить хлеб. Всеми силами и способами. Это, по-моему, главная задача, и мы ее выполним. Но давайте не будем мешать людям работать.

— Это в каком смысле?

— А в очень простом. Не надо их пугать, стращать, сулить разные кары. Они делают все возможное и даже невозможное. И никому не позволительно сбивать их с толку. Я категорически против каких-либо необдуманных административных мер.

— Ну, прокуратура, положим, вам не подчиняется, товарищ Курганов,— вдруг встрял в разговор подошедший Никодимов.

— Что верно, то верно. У вас свое начальство. Но, насколько я знаю, оно разумное.— И миролюбиво обратился к обоим: — Давайте, дорогие товарищи, договоримся так: завершим уборку, хлебосдачу, спасем зерно, а потом разберемся — кто правый, кто виноватый. Хотя, по совести говоря, я до сих пор считал, что мы с советскими законами живем в ладу, свято блюдем их. Но если это не так, я готов нести любую ответственность... Но... потом. Давайте закончим то, что нельзя откладывать.— И, ни к кому не обращаясь конкретно, спросил: — В прогнозах нового ничего нет? Просветов не предвидится?

— Нет, не предвидится,— нехотя ответил Ключарев.

— Жаль,— задумчиво проговорил Курганов.— Жаль. Хотелось с заготовками пораньше рассчитаться. Но ничего, через пару недель завершим.

— Пара недель,— простонал Ключарев.— Подведете же область.

— Но хлеб-то вам сдадим сухой, добротный. Хотя, если вы сможете повлиять на всевышнего,— Курганов поднял па-

лец к потолку,— и он даст нам хоть недельку сухой погоды,— закончим быстрее.

— А вы бы его на партком вызвали,— зло пошутил Ключарев.— Вы же здесь все можете.

Курганов сухо отшутился:

— Нам это, к сожалению, не под силу. Мы даже вот руководителя сельхозуправления области и то переубедить не смогли.

...Звонов после заседания задержал Озерова и атаковал его вопросами:

— Что же происходит? Кто прав? Кто не прав? Чем все это кончится?

— Ну, мне трудно сказать. Знаю только одно — люди будут делать все, чтобы не пропал урожай.

— А что, эти самые траншеи действительно выход из положения? Вы ведь у себя этот метод не применяете?

— Мы поздновато узнали о нем и выкручиваемся посвоему. Но, может, еще придется прибегнуть и к траншеям. Риск, конечно, есть, какие-то потери все-таки неизбежны.

— Ну, а выход?

— Выход? Надо иметь больше комбайнов, сушильных агрегатов, крытые тока и прочее. Нет худа без добра. Нынешняя беда кое-чему научит. Уже подумываем и о восстановлении старых токов, риг, овинов, и о дополнительной технике.

— Уже подумываем... А почему не сделать бы этого раньше?

— Ну, почему, почему... В хозяйстве нужд много, не только эти. И у страны ведь не только Приозерские колхозы и совхозы. Мы вот два самоходных комбайна полгода, как оплатили, и наряд на руках, а машин пока нет.

Звонов ушел с парткома несколько смятенный. Весь разгоревшийся спор он пытался рассматривать как иллюстрацию к тем мыслям, что сформировались за эти дни. Но весь ход обсуждения вопроса, столь глубокая озабоченность людей за судьбу хлеба не подтверждали, а, скорее, опровергали его предположения и выводы. Правда, кое-что все-таки ложилось и в намеченную схему. Например, эта независимость суждений и само отношение Курганова к директиве области — что это? Частный случай или тенденция? А может, это тоже одна из причин все еще очень многих неурядиц на селе? Может, старое русское правило — бог сам по себе, а мужик сам по себе — становится нормой в жизни деревни? В этой пришедшей после парткома мысли его основатель-

но укрепил Ключарев. Вечером они встретились в гостинице и за чаем в буфете разговорились.

— Скажите,— спросил у него Звонов,— а почему, собственно, область так восстала против траншей?

— Ну, если бы только область,— многозначительно ответил тот.

Долго они проговорили с Ключаревым, и у Звонова мало-помалу ушли сомнения, возникшие после заседания.

...Курганов понимал, что Ключарев не мог так смело вести себя без каких-то особых полномочий, и чувствовал, что так просто возникший конфликт не затихнет. Однако пассивно ожидать событий было не в его правилах, и на следующий день он выехал в Ветлужск.

Не доезжая километров тридцати до областного центра, в одном из сел он увидел сцену, невольно его заинтересовавшую.

На обширном, полого спускающемся к реке взгорье вокруг свежевыкопанных траншей суетились люди. Он попросил Костю:

— Подъедем-ка к ним, взглянем, что у них там? Не иначе, как такое же горе мыкают.

Костя, мельком глянув на суетню на взгорье, определил сразу:

— Зерно изымают из траншей. Ясно же.

— Тем более, давай посмотрим.

Действительно, десятка полтора женщин ведрами вычерпывали из траншей пшеницу, полами своих ватников прикрывали ведра от дождя и таскали их к стоящим грузовикам, высыпали в кузов зерно и возвращались обратно к траншеям

Курганов обратился к стоявшему чуть поодаль мужчине, курившему самокрутку:

— Объясни, дорогой, что у вас происходит?

Тот не успел ответить. К нему подошли две женщины

— Виктор Иванович, ведь зерно-то лежало хорошо, подсыхало.

— Нам что сказано? Зерно должно быть на току, а не в траншеях. Что я могу? Давайте, давайте, бабоньки.

Женщины отошли, а мужчина повернулся к Курганову:

— Команду получили — немедленно поднять из траншей все зерно.

— Чье же это указание?

— Тут столько начальства побывало, что я со счета сбился. И из нашего зонального и областного управления, и даже из прокуратуры.

— Знакомая картина,— мрачно проговорил Курганов.
— Та же, значит, история?
— Да, та же. Но мы пока держимся.
Мужчина вздохнул.
— Мы тоже упирались, да пороху не хватило.

...Мыловаров принял Курганова несколько необычно. Раньше это были, как правило, оживленные встречи, секретарь обкома с горячим интересом расспрашивал о делах в колхозах, совхозах, делился новостями. Сегодня было все иначе. Владимир Павлович, чуть привстав, вяло пожал Курганову руку, показав на кресло, и сразу же проговорил:

— Михаил Сергеевич, извините, но времени у меня в обрез, через час совещание по гидропонике. Спецов собрал. Так что прошу покороче. Что у вас?

— Я по поводу последнего решения исполкома. За что в такую немилость попал траншейный способ хранения зерна?

— А вы считаете, что это разумный метод?

— В нынешней ситуации любой способ хорош, лишь бы сохранить хлеб.

Курганов чуть торопливо, без лишних деталей рассказал о заседании партийного комитета, о своем споре с Ключаревым. О сцене, которую наблюдал по пути в Ветлужск.

— А скажите, товарищ Курганов, есть у вас колхозы, где нужды в этих траншеях не оказалось?

— Есть, конечно. А как же. У кого машин побольше, крытых токов в достатке.

— Вот, вот. Выходит, кто по-хозяйски ведет дело, у того и тока в порядке, и сушильные агрегаты на ходу, и навесов достаточно. А где шляпы во главе — все наоборот. Они-то — эти горе-руководители — и придумали этот, так называемый траншейный способ. Так вот, чтобы предотвратить массовую порчу зерна и закрыть лазейки для всяких ухищрений с его учетом,— мы приняли решение запретить эти неумные эксперименты.

— Но, Владимир Павлович, это же бессмыслица какая-то. Алтайцами, да и не только ими, доказано, что траншейный способ хранения в сухих почвах оправдал себя. И ученые подтверждают.

— На это я могу ответить, что только тот опыт надо брать на вооружение, который дает ощутимый результат. А что касается ученых, нельзя, чтобы мы как баран на новые ворота, смотрели на каждую мысль и выводы даже самых маститых ученых. Кстати, не мной сие сказано.

Курганов тяжело вздохнул.

— Что-то последнее время я не понимаю вас, Владимир Павлович. С огоньком в душе вы были, понимали хлеборобские заботы. А сейчас вот цитатами меня угощаете.

Мыловаров встал из-за стола. Поднялся и Курганов. Помолчали. Затем хозяин кабинета, сдерживая раздражение, ответил:

— Видите ли, товарищ Курганов, этими, как вы изволили сказать, цитатами нам с вами положено руководствоваться. Я, как человек дисциплинированный, делаю именно это. Того же требую и от других.

Курганова бесил этот непререкаемый тон Мыловарова, но он сдержал себя.

— Ладно,— уже спокойнее проговорил он,— пусть колхозы не закладывают зерно вновь, но то, что заложено и закрыто, не надо трогать до сухой погоды. Иначе потеряем же хлеб, много потеряем. Мы у себя этого делать, во всяком случае, не будем.

Мыловаров сухо проговорил:

— Если член бюро обкома так будет относиться к решениям областных организаций, то что мы сможем требовать с рядовых?

— Но ведь, насколько мне известно, решения бюро обкома по этому вопросу не было. А исполком уже директиву дал, да еще с прокурорскими угрозами.

— Ну мы не можем по каждому вопросу бюро собирать. Что-то могут решать и секретари обкома. Решение принято исполкомом с нашего согласия. Если вы не согласны — ставьте вопрос выше.

Курганов пожал плечами:

— Возможно, и придется.

Они сухо попрощались, и Михаил Сергеевич вышел из кабинета.

Мыловаров, оставшись один, долго сидел в раздумье. В глубине души, как человек, хорошо знающий село, он понимал, что Курганов, конечно же, прав. Но сейчас это не имело значения. Из Москвы уже дважды звонили: что да как? Что за траншеи? Есть ли гарантия от потерь? Тоже, значит, обеспокоены. Так что все правильно. Мыловаров досадовал на себя только за то, что, пожалуй, резковато он вел разговор с Кургановым. Но он тоже хорош, тоже за словом в карман не лез. Да и вообще, пусть почувствует...

От этих мыслей Мыловарова оторвал звонок председателя облисполкома Прохорова.

— Владимир Павлович? Как быть с приозерцами? Может, им в порядке исключения разрешить?

Мыловаров нервно ответил:

— Что разрешить? Не выполнять постановление исполкома? Так они и без нашей с вами санкции его не выполняют. Посмотрим, чем это кончится. Если погубят хлеб, то пусть пеняют на себя, прощения грехов им, во всяком случае, не будет.

Глава 8

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Часов в девять вечера Курганову позвонил Гаранин.

— Свободны, Михаил Сергеевич? Могу зайти?

— Давай заходи, коль нужда есть.

Гаранин, войдя в кабинет, с тяжелым вздохом опустился на стул. Положив большие руки на зеленую гладь сукна, он долго не начинал разговор, задумчиво уставившись перед собой. Михаил Сергеевич, отложив в сторону красную папку с почтой, вопросительно посмотрел на Гаранина.

— Слушаю тебя, Валерий Георгиевич. Поди, все траншейная история покоя не дает? — И добавил: — Без ножа режет нас ненастье.

Гаранин, очнувшись от задумчивости, проговорил:

— Я по другим делам, Михаил Сергеевич. Только что звонил совхозный министр. Советовал еще раз обдумать их предложение. Давайте думать вместе.

Курганов пристально посмотрел на Гаранина.

— Раз у тебя наш разговор вызвал сомнения, значит ты не уверен, что поступаешь правильно? Верно я рассуждаю?

Гаранин, помолчав, ответил:

— И так, и не так. Я вновь ответил отказом. Но, сами понимаете, разговор пока идет на уровне ведомства. Уважаемого, значимого, но ведомства. А если он перейдет на Старую площадь? И если мои доводы, что еще не так давно работаю в управлении, что хотелось бы довести до конца перестройку хозяйства, там не признают убедительными. Тогда как?

— А тогда, Валерий Георгиевич, поедете в Москву и будете возглавлять главк Министерства совхозов.— Курга-

нов откинулся на спинку кресла и стал в раздумье рассуждать: — Конечно, министру не откажешь в логичности его поведения, хотя и мне, и Заградину он обещал не настаивать на твоей кандидатуре столь категорически. Но я его понимаю — главк механизации — дело твое и по образованию, и по опыту. Все верно. И все-таки... Понимаешь, Валерий, у меня тут, наверное, не очень-то объективная позиция. Мне просто трудно представить себе, что на наше столь беспокойное управление придет кто-то другой. И хотя понимаю, ничто ведь не вечно под луной,— отпускать тебя, однако, не хочется. Прорех у нас с тобой в совхозах и колхозах еще до черта, хорошо бы их залатать, а еще лучше — ликвидировать.

Гаранин усмехнулся:

— Пока мы их ликвидируем, я как кадр пять раз устарею.

Курганов поднял на него испытующий взгляд.

— Тоже верно, Валерий Георгиевич. И поэтому этот вопрос тебе надо решать самому. Мою точку зрения и позицию обкома ты знаешь, она остается прежней. Но мешать тебе расти было бы грешно. В Центральном Комитете, коль меня спросят,— скажу то же, что сказал тебе,— попрошу оставить на месте. Не сочтут возможным, значит, быть посему. Мы ведь под одним богом ходим, и ты и я.

— С этим ясно,— проговорил Гаранин.— Есть еще одна проблема. Сугубо личная...

— Что-то везет мне на личные истории. Сегодня по пути из колхоза Бубенцов плакался по поводу неразделенной любви, просил совета, как быть! Если бы я знал, как быть в таком случае! А парня жаль. Только как помочь?

— Ну, моя проблема, в сущности, решена,— чуть смущенно улыбаясь, проговорил Гаранин.— Прошу вас с хозяйкой в воскресенье ко мне. Узкий товарищеский ужин по поводу... моей женитьбы.

— Да что ты? Поздравляю. Очень рад за тебя. Кто же избранница?

— Людмила Виноградова. В недалеком прошлом Удачина.

— Людмила Петровна? Знаю, знаю ее. Намучалась она с Виктором-то Викторовичем... Уж не потому ли ты в последнее время в Ракитинский куст частенько наезжал? А в отстающих-то эти колхозы не числятся.

Гаранин обескураживающе развел руками:

— Вы августовскую охоту помните?

— Ваш поход в Клинцы?

— Вот-вот. Он-то и явился началом всех начал.

Курганов шутливо-назидательно проговорил:

— Вот видишь, что значит охота. А ты пренебрегаешь. За приглашение же — спасибо. Будем, обязательно будем.— Потом спросил: — А как у тебя с организацией этого самого ужина? Ведь ты пока бобыль. Может, попросить мою хозяйку помочь? Они ведь знакомы с Людмилой-то?

— Если это ее не затруднит.

— Да что ты. Уверен, что согласится с удовольствием. Она очень обрадуется вашему союзу.

— Решил учесть всеобщую критику. И вашу в том числе.

...То, что Гаранин решил свой семейный вопрос, Курганова глубоко обрадовало. Неустроенность Валерия Георгиевича явно беспокоила его да и многих других сослуживцев Гаранина. Ну что, в самом деле, за жизнь, когда всегда один, без родного человека, ни теплого угла, ни тарелки супа к обеду. И это при его работе, когда день переходит в ночь, а ночь в день, когда на отдых выкраивается всего несколько часов. Над Валерием многие подшучивали, дотошно выспрашивали, почему он при таком обилии невест в приозерских краях никак не выберет себе подругу жизни?

Не повезло Гаранину по этой части. Некая Галя Быстрова, с которой прошли и школьные и студенческие годы, с которой были исхожены тропинки многих московских парков, наперед были выработаны жизненные планы, сама же нанесла этим планам неожиданный удар. По причинам, известным только ей, она изменила свой выбор и уехала с новым избранником куда-то в Африку. Валерия утешила лишь короткой банальной запиской в том смысле, что сердцу, мол, не прикажешь, что человек в своих чувствах не волен.

Родителей у Валерия отняла война, рос он у дальних родственников, и Галина была для него самым близким и родным человеком. Поэтому обида, что нанесла подруга, была особенно тяжкой. Но что было делать? Впасть в уныние, в отчаяние? И это вожаку всех вузовских комсомольцев? Нет, это было не в характере Гаранина. Жизнь, в сущности, только еще начиналась.

Коварство Галины он переживал глубоко, больно, но хлопотливая должность главного инженера Приозерской МТС, на которую его назначили после окончания учебы, не оставляла времени для излишних терзаний. Да и характер Валерия, как и институтские привычки, брал свое. И вот его стараниями около усадьбы МТС появилась волейбольная

площадка, в скромном красном уголке появилась кинопередвижка, а в драмкружке репетировались чеховские водевили.

Может, с излишней горячностью, может, несколько задиристо, но в первые же месяцы работы главный инженер восстал против бесконечных тяжб между МТС и обслуживаемыми колхозами. Обид и претензий друг к другу было много — кто-то не платил долги, где-то на поля выходила неподготовленная техника, кто-то плохо заботился о механизаторах, где-то сами механизаторы повели себя как калымщики, пекущиеся лишь о своей выгоде. Все эти «взаимные счета» обсуждались между руководством МТС и председателями колхозов шумно, нетерпимо, с личными выпадами. У Гаранина эти докучливые совещания-перепалки вызывали чувство досады, он видел, что, кроме вреда, они ничего не дают. И он затевает проведение на базе МТС межколхозной агротехнической конференции, организует межколхозные курсы механизаторов. Немало наделал шума День спайки механизаторов и земледельцев.

Валерий болезненно переживал разобщение, распри и ссоры людей, делавших, в сущности, одно, общее дело, старался, чтобы этих досадных и нелепых проявлений было как можно меньше. Когда же его избрали секретарем партийной организации МТС, эти вопросы его стали заботить еще больше. Но коммунистов на станции было немного, да и те, держась за старые привычки, не очень-то охотно откликались на новшества Гаранина. Валерий мучался оттого, что никак не мог найти какие-то новые, наиболее доходчивые формы работы с людьми, чтобы спаять людей МТС и обслуживаемых колхозов в единый коллектив.

Как-то в Приозерске проходило совещание секретарей сельских партийных организаций. После трех или четырех выступающих Гаранин взял слово... Он в пух и прах разделал и доклад Курганова, и выступавших ораторов.

— Я что-то не пойму, кто сегодня собрался — секретари партийных организаций или хозяйственники? План, план, план! А когда же мы всерьез будем говорить о партийной работе? О том, как с людьми работать? Не знаю, как у других, а у нас делу очень мешает разобщенность людей, отсутствие настоящего товарищеского содружества механизаторов и колхозников, между теми, кто сидит за штурвалами машин, и теми, кто выращивает хлеб. Надо улучшать психологический климат во взаимоотношениях МТС и колхозов. Но вот как это сделать, какими методами? Я не знаю. Из доклада товари-

ща Курганова, как и из выступлений, ничего нового по этому поводу не извлек.

Удачин, сидевший рядом с Кургановым, повернулся к нему и вполголоса проговорил:

— Не туда забирает товарищ. Надо поправить.

— Подождите, давайте послушаем.

Гаранин предложил организовать учебу парторгов, поездку секретарей парторганизаций в Москву на ВДНХ, заявил, что пора думать над тем, чтобы МТС стали центрами, влияющими на все стороны жизни современной деревни.

Когда кончил Гаранин и под аплодисменты сошел с трибуны, Михаил Сергеевич проговорил:

— В чем его поправлять-то? Может, несколько сгущены краски, но вопросы-то подняты правильно. Думать над ними надо. А товарищ, по-моему, толковый, надо приглядеться к нему.

— Молодой еще. Главным-то инженером совсем недавно, ну а партийную работу вообще не нюхал. Недавно к нам прислан.

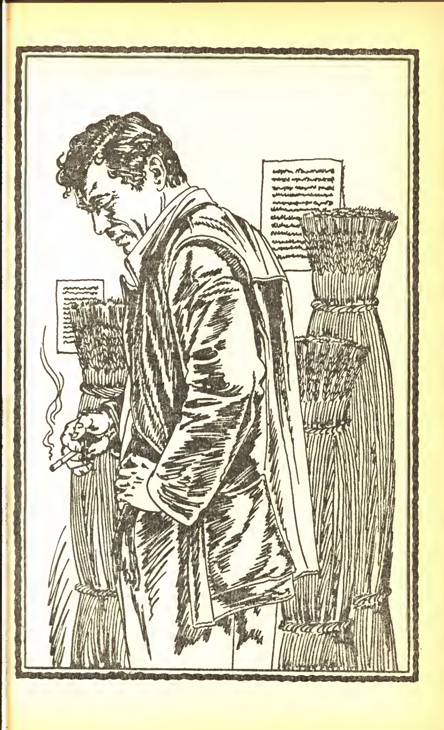
— Молодость дело преходящее, а опыта наберется.

Курганов запомнил Гаранина. Поехал к нему в МТС, затеял, как и предлагал Гаранин, семинар секретарей партийных организаций, несколько раз вызывал Гаранина в райком, беседовал с ним.

Вскоре Гаранин был утвержден заворгом Приозерского райкома.

Новое дело увлекло Валерия своим разнообразием, масштабностью, поминутной необходимостью во что-то вмешиваться, что-то предпринимать и решать.

Он дневал и ночевал в райкоме, ни одно — ни маленькое, ни большое дело не обходилось без его участия. И очень скоро Приозерский райком нельзя было представить как без спокойного, рассудительного Курганова, так и без сухощавого, крепко сбитого, с густой вьющейся шевелюрой, энергичного, всегда озабоченного Гаранина. И когда на пленуме райкома был освобожден от работы второй секретарь райкома Удачин, члены райкома без какого-либо сомнения избрали Гаранина в секретари. Правда, секретарствовать ему пришлось чуть меньше года. Вскоре начались различные организационные перестройки, районы были укрупнены и созданы новые органы для руководства колхозами и совхозами — производственные управления. Гаранин настоянием Курганова был утвержден начальником управления в Приозерске.



Немало за эти годы утекло воды в Славянке, немало событий прогремело над Приозерском и его окрестностями, немало было сыграно свадеб и нарожено детей, немало хороших и добрых людей ушло в мир иной, и только личная жизнь Валерия Гаранина не претерпела изменений.

После той, давней истории с Галиной Быстровой зачерствел Гаранин к женскому полу, вроде как побаиваться его стал. Не одна и не две, а многие приозерские девчонки заглядывались на рослого кучерявого холостяка, не одна молодуха вздыхала по нему. Но пошутить — пошутит, подурачится, потом вновь нахмурит брови и вспомнит вдруг о неотложных делах.

Как-то после вечернего чая у Кургановых Елена Павловна дружески обратилась к Валерию:

— Валерий, ты женишься когда-нибудь или нет?

Гаранин даже вздрогнул от прямоты этого вопроса.

— А что, Елена Павловна, это обязательно? Бывают же исключения из правил.

В разговор вступил Курганов:

— Ну, не знаю, как насчет исключений, а жениться тебе надо. Смотри, протянешь еще год-другой — не распишут. По старости. Шевелюра-то вон серебриться начала.

— Не пугайте, Михаил Сергеевич. Нет такого закона, чтобы не расписать. Читал в какой-то газете, как восьмидесятилетний старец брак регистрировал. Да еще с молоденькой. Но я, конечно, постараюсь до столь почтенного возраста эту проблему не откладывать.— И уже совсем серьезно, с грустинкой закончил: — Придет же когда-нибудь и ко мне воспетая всеми поэтами сказка по имени любовь. Но пока что не наведывалась. Но обещаю клятвенно влюбиться при первом же подходящем случае!

Гаранин не подозревал того, что вершитель человеческих судеб — его величество Случай — был не за горами. Он ожидал его на охотничьем походе в Крутояровские плавни.

...В тот день Гаранин, вернувшись в управление из поездки в Ветлужск, нашел на своем столе записку секретаря: «Звонил Курганов. Он уехал в Крутояровские края. Приглашал и Вас. Катер будет ждать на причале до девятнадцати».

Гаранин не был заядлым охотником, выбирался на охоту лишь в редких случаях. Острого желания мчаться в Клинцы не было. Но, представив, что весь вечер, да и завтрашний день, ему придется коротать в одиночестве, решил все же поехать. Заскочив домой, взял ружье, рюкзак с охотничьей

амуницией, кое-чего из продуктов и вскоре был уже на шоссе. Однако как они с шофером ни спешили, а приехали к причалу на Славянке уже в восьмом часу.

Притороченный к сходням, клевал на волне носом какой-то катерок. Валерий Георгиевич отпустил машину и, взвалив на себя рюкзак с поклажей, прихватив ружье, торопливо спустился по косогору к причалу. И, разочарованный, остановился. Он был безлюден, катерок оказался чьей-то неисправной посудиной, в нем до половины корпуса виднелась вода. Гаранин оглянулся на дорогу. Машина уже умчалась на большак, даже отблесков задних фонарей не было видно. «Во как обратно-то рванул, на полную железку»,— с раздражением подумал он о шофере. Потом, однако, оправдал его: сам же велел уезжать. Да и как было не отпустить, парень же целый день за рулем. Ну ладно, с этим все ясно. А что делать-то?

Августовский вечер прочно входил в свои права, прикрывая все вокруг мягкой, бархатистой мглой. С залива тянуло влажным холодом, водная гладь выглядела хмурой и неприветливой.

«Положение глупейшее,— думал Гаранин.— Идти в какую-нибудь деревню? Абрамово, кажется, отсюда самая ближняя? И все равно это километров пять или шесть. С моей-то поклажей да с пушкой... И что даст этот вояж? Нет, видимо, придется коротать ночь здесь. А утром, может, что-нибудь и придумаем. Первая зорька, правда, пропала, но что же делать!» От этих невеселых мыслей Гаранина отвлекли чьи-то шаги на верху косогора. Он повернулся на их шум и увидел, что с берега спускается женщина. Она подошла к скамейке, с облегчением опустила на землю наплечную сумку, поздоровалась.

— Здравствуйте. Что, катера на Клинцы еще нет?

Гаранин пытался рассмотреть женщину, но из-за темноты это казалось невозможным.

Вздохнув, он ответил:

— Его уже нет. Ушел.

— И что, других не будет?

— Думаю, что нет. Охотники уже на базах, затемно в шалаши садиться будут. Может, кто из рыбаков появится. Но их надо ждать ближе к рассвету. Это единственная надежда. Так что нам с вами вместе предстоит горе мыкать. Поэтому я представлюсь, чтобы сомнений не было. Фамилия моя Гаранин.

— Валерий Георгиевич? Фу...— Собеседница не скры-

вала своей радости и облегчения.— А я-то уж струхнула.

— А вы что, знаете меня?

— Ну кто ж в Приозерье вас не знает? А я Виноградова Людмила Петровна — директор Ракитинской школы. Еще меня Удачиной зовут по фамилии бывшего супруга. Слышали, поди? Понимаете, мне позарез надо попасть в эти самые Клинцы.

— А почему такая надобность, если не секрет?

— Да какой тут секрет. Наш школьный лагерь там расположен. В лесхозе. Все шло хорошо, скоро уже ребят забирать надо, а вчера телеграмма: пятеро свалились с острым кишечным заболеванием. Вот и везу лекарства.

— А что это вы в клинцовские края забрались? Далековато вроде от Ракитина-то?

— Место уж больно хорошее. Когда делили область, Нижне-Клинцовский лесхоз с хорошим детским городком без хозяина оказался. Его нам и отдали. По ходатайству вашего управления, между прочим.

— Припоминаю. Никольская тогда житья никому не давала, чтобы не упустить этот городок.

— Антонина Михайловна и сейчас его опекает.

Помолчав, Виноградова озабоченно проговорила:

— Боюсь, как бы эпидемии не было.

— Ну почему уж так сразу и эпидемия? Любите вы, учителя и врачи, сразу свистать всех наверх! Как чуть что: карантин, прививки. Балуем мы детвору, балуем! Вот и ваша школа не в Москве, не в Ветлужске и даже не в Приозерске. В Ракитине. Раздолье же, озон кругом. Так нет, еще лагерь в Клинцах. А потом удивляемся, откуда у нас неженки берутся.

— Что-то вы не то говорите, товарищ Гаранин.

— Нет, именно то. Недавно был я в одной семье в Ветлужске. Сынок там — годков под тридцать. Так он гвоздь вбить не умеет, лампочку заменить боится. Больше полгода не может продержаться ни на одной работе — бездельника распознают быстро. Вы скажете, это уникум? Нет, таких много. Откуда они? Семья, школа, общественность — все прикладываем руки. Потому-то психологический инфантилизм и процветает. Помните, как поэт сказал: «Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел».

— Пример убедительный. Но, как говорится, не про нас. В лагерь мы послали ребят с ослабленным здоровьем. И они же там не гуляют, не баклуши бьют, а работают.

— Ладно,— миролюбиво проговорил Гаранин,— не бу-

дем спорить. Лучше подумаем, что предпринять. Может, подадимся в Абрамово, найдем председателя колхоза и с ним что-нибудь придумаем? Хотя с вещами да в темноте прогулка будет не из легких.

— Вы же говорите — на рассвете рыбаки появятся?

— Должны бы вроде.

— Тогда лучше подождем.

Гаранин разыскал в рюкзаке фонарь, поднялся наверх и, набрав в кустарниках сухих веток, хвороста, разжег огонь. Небольшой костерок приветливо задымил и хоть немного раздвинул густую темень ночи.

— Прошу вас, Людмила Петровна.

Людмила поднялась к костру. Раскладывая хлеб, колбасу, помидоры, головки лука, Гаранин балагурил:

— Конечно, по такому поводу можно было бы и по рюмке коньяку выпить, только, извините, такового нет. И чай в термосе, видимо, холодный, я из кабинета его захватил. Не планировал я этот вояж, в спешке собрался.

Гаранин наполнил чаем крышку от термоса, придвинул спутнице. Она выпила чай, с аппетитом съела бутерброд. Похвалила. Потом поднялась.

— Пойду хворосту соберу. Давайте ваш фонарь. Пусть костер будет побольше, может, на него кто и заглянет.

И она оказалась права. Часов в десять откуда-то из кустов подошел высокий старик с фанерным плоским чемоданом и целым пучком ивовых удилищ.

— Мир честной компании. Разрешите погреться у вашего костерка?

— Пожалуйста, грейтесь на доброе здоровье,— приветливо ответил Гаранин.— Мы рады, что хоть еще одна живая душа здесь объявилась. Вы, видимо, из местных?

— Да, да, тутошние мы, из Абрамова. Рыбешки решил подловить, старуху побаловать.

— Звать-то как, отец?

— Прокопием кличут. Застрехин Прокопий Петрович.

Старик внимательно выслушал рассказ Гаранина о случившемся и долго размышлял, как помочь им добраться до Клинцов. Потом обрадованно проговорил:

— А ведь я вам, ребята, кажется, помогу. Пряслины, отец с сыном, камыш рубить сегодня собирались. Тут недалеко, в верховьях залива его промышляют. Вот как посветлеет чуток, подадимся туда. Если они появятся, то до Клинцов на своей посудине доставят. К базе-то охотничьей не смогут, на стремнину Славянки выходить надо, а до Клин

цов, думаю, согласятся. От Клинцов же до базы по берегу рукой подать, версты три всего.

Это было уже кое-что, у Гаранина и Людмилы Петровны появилась какая-то надежда. Разговор стал оживленнее.

Гаранин расспрашивал старика о рыбалке, повадках рыб, способах ловли. Тот прочел целую лекцию о том, какая живность водится в Крутояровских водоемах, какую наживу любит лещ, а какую карась, как ставить донки и как водить щуку, как крепить наживку и как подсекать сома.

Когда стал чуть брезжить рассвет и посветлела кромка неба над лесом, Прокопий поднялся:

— Ну, товарищи дорогие, пора двигаться. Пряслиных-то нам надо застать до их ухода в плавни, а то вам тут долго куковать придется.

Он легко подхватил свое снаряжение, повесил на плечо сумку Людмилы Петровны и зашагал по берегу куда-то в темь. Гаранин и Людмила Петровна торопливо двинулись вслед.

Минут через сорок они услышали мужские голоса и подошли к почти затухшему костерку. Пожилой неторопливый мужчина и паренек лет пятнадцати сносили в лодку косы и еще какой-то инструмент. Их лодка в темноте казалась непомерно широкой, почти квадратной. Гаранин, засмотревшись, догадался, что такой ее делает положенная поперек деревянная решетка для укладки и крепления камыша.

Прокопий подошел к мужчинам, о чем-то вполголоса переговорил с ними и довольный вернулся к своим попутчикам.

— Ну вот, все в порядке, все по-людски. Народ у нас такой, в беде не оставит. А уж о Пряслиных и говорить нечего — Ивана Сергеевича у нас все знают. Справный мужчина.

Старший Пряслин, не отрываясь от возни с мотором, проговорил:

— Ну, чего тут разговоры разговаривать. Пусть проходят в лодку. Ванятка, посвети, а то оступятся. И кре́пи, кре́пи проверь, все узлы посмотри.

И вновь обратился к гостям:

— Только до Клинцов, дорогие товарищи. К базе-то мы не пройдем.

— До Клинцов, до Клинцов их, там они доберутся,— довольный сделанным добром, подтвердил с берега Прокопий.

Гаранин, чуть напрягши голос, прокричал ему:

— Спасибо тебе, Петрович. Славный ты человек. Будешь в Приозерске, заглядывай. Гаранина спросишь.

— Гаранина? Ну да, ну да, Гаранина. Вот, оказывается, кого я инструктировал. Спасибо, обязательно загляну. Да, вот еще что. Перед Клинцами-то болотце будет. Так вы влево, влево берите, иначе там топко. Ну бывайте, удачи вам.

Глухо и ровно затарахтел мотор, и лодка неспешно двинулась, раздвигая хлюпающую волну.

Старший Пряслин внимательно вглядывался в чуть сереющую в предрассветной дымке водную гладь, младший сначала возился с инструментом, аккуратно укладывая его на дно лодки, потом, изредка подсвечивая фонарем, стал проверять и подтягивать узлы крепления решетки.

Плыли молча минут сорок или около часа, только клекот мотора да бурлящая за кормой вода нарушали тишину.

— Ну вот они, ваши Клинцы,— послышался от мотора голос Пряслина.— Сейчас мы причалим. Как полностью рассветет, двинетесь на базу. Только не забудьте, что Прокопий наказывал — болото-то обходите, а то воды в нем много.

— Откуда же, лето-то — сушь сплошная.

— Залив его питает. Да и место — Клинцы-то — у нас особое. По всей округе дождя ни капли, а здесь, на правобережье,— льет. Клинцовская прогалина, одним словом.

Гаранин и Людмила Петровна сошли на берег, чуть переваливаясь с боку на бок на возникшей вдруг волне, отошла лодка, и только порой виднелись неяркие блики света от карманного фонарика — младший Пряслин вновь проверял крепления решетки, дотошно выполняя поручение отца.

Рассвет уже полностью вступал в свои права. Восточная кромка неба заалела, все явственнее и явственнее проступали кустарники, ветки на берегу, ближние заросли камыша.

— Ну что же, Людмила Петровна, наша одиссея продолжается. Здесь, как видите, тоже ни одной живой души. И чтобы оказаться среди человечества, нам надо совершить небольшой переход километра в три, если верить нашим провожатым. А версты здесь не меряные. Так что, может, и все пять наберется. Да еще болотце на пути. Как вам все это нравится?

— Нравится не нравится, а идти надо.

— Правильно рассуждаете. Разумно.

— Тогда не будем терять времени.

И Людмила Петровна лихо вскинула на плечо свою увесистую сумку. Было в этом движении что-то молодое,

задорное. А большие карие глаза, выбившаяся из-под легкой косынки челка дополняли ее энергичный порывистый облик. Пошла она легким размашистым шагом. Гаранин помедлил и двинулся следом.

Прошло не более получаса, как откуда-то набежали лохматые тучи, заветрило́, и скоро пошел частый и спорый дождь.

— Только этого нам не хватало,— проворчал Гаранин и окликнул спутницу: — Людмила Петровна, идите сюда, вот под эту сосну. Переждем малость, а то вымокнем.

Людмила вернулась к стайке сосен, под одной из которых стоял Гаранин. От ходьбы она раскраснелась, расстегнутое пальто открывало стройную, подтянутую фигуру. Гаранин невольно залюбовался ею.

«Сколько же ей лет?» — подумал он и, когда женщина подошла, огорошил ее этим вопросом. Людмила Петровна удивленно взглянула на него и с усмешкой, задиристо ответила:

— Много, в невесты уже не гожусь.

Гаранин смутился, попытался смягчить неловкость:

— Вы извините, что полюбопытствовал. Много в вас чего-то такого... ну... комсомольского.

— Спасибо за комплимент. Это оттого, что я со школьниками работаю. Приходится держать марку. А так-то я уже старушенция.

— Напрашиваетесь на комплимент?

— Нет, не напрашиваюсь. Не люблю лицемерия.— И чтобы уйти от этой темы, спросила: — Так мы что, так и будем тут ждать у моря погоды?

— Ну, а какой смысл измокнуть до нитки?

— А если он, этот осенний мелкий дождичек, будет идти до вечера?

— Ну, тогда мы пошлем его к черту и пойдем несмотря ни на что.

А дождь между тем шел и шел. И, судя по плотно затянутому тучами небу, конца ему пока не было видно.

— Ну так что же решим, Валерий Георгиевич? Пойдем или будем ждать?

— Вы за что?

— Я за то, чтобы идти.

— Идти так идти,— махнул рукой Валерий и первым вышел из-под спасительного соснового зонта.

Промокли они насквозь значительно быстрей, чем ожидали.

Хорониться теперь просто не имело смысла. Одежда сде-

лалась тяжелой, липкой, леденила тело. Холодные струи дождя все секли и секли их лица. А тут еще и под ногами захлюпала вода. Гаранин остановился.

— Ну, Людмила Петровна, кажется, начинается то знаменитое болотце, о котором нас предупреждал Прокопий. Берем влево, в обход.

Молча они прошли, наверное, километра два, прыгая с кочки на кочку, проваливаясь по колено в воду. И, как ни старались брать все левее и левее, твердой, сухой почвы все не было, словно и болото двигалось вместе с ними. Время между тем подвигалось к полудню. Людмила Петровна, отдышавшись, проговорила:

— А мы не заблудились с вами, Гаранин?

— Заблудиться тут особенно негде. Просто это болотце оказалось самым настоящим болотом. Воды и впрямь здесь многовато. Сделаем так, пройдем еще с километр по краю этого леска, а если болото будет таким же топким, пойдем напрямик. Больших ям и трясин тут быть не должно, здесь все же не матерая низменность, а просто редколесье. Все это дожди наделали.

— Все равно мы мокрые до нитки, так что продолжать обход, по-моему, бессмысленно. Давайте двигаться прямиком к базе.

Гаранин удивленно посмотрел на свою спутницу.

— Вы рассуждаете, товарищ Виноградова, как истинный охотник. Здраво, я бы сказал, рассуждаете. И, раз так, меняем направление и форсируем эту преграду строго по прямой. Согласны?

Но ответить Людмила Петровна не успела. Гаранин, стоявший на двух жердях, что лежали вдоль тропы, ухнул в яму. Она была довольно глубокой. Ружье Валерий успел отбросить в сторону, чтобы высвободить руки, но рюкзак за плечами тянул его вниз, сковывал движения, и он долго барахтался, пока не нащупал ногами точку опоры и не выбрался вновь на жерди.

— Вы же говорили, что это не болото, а всего лишь затопленное редколесье. Убедились теперь? — с усмешкой заметила Людмила.

Гаранин рассердился.

— Ну, убедился. А вам-то что, легче от этого?

Сапоги скользили на мокрых жердях, и Валерий чуть было опять не сорвался в яму. Видя, что Людмила стоит, не двигаясь с места, он сердито проговорил:

— Ну, шагайте же, шагайте. Что, так и будем стоять?

— Так. Вы уже начинаете на меня покрикивать,— с улыбкой проговорила Людмила и решительно двинулась вперед. Однако через минуту или две она тоже барахталась в такой же коварной ловушке. Яма была, однако, глубже, да и рост Людмилы был маловат, земной тверди она никак не могла нащупать и испуганно вскрикнула:

— Тону же я, тону!..

Гаранин осторожно подошел к ней, помог выбраться из ямы.

— Это вам в наказанье, не радуйтесь чужой беде.

Теперь ни дождь, ни болото не могли прибавить чего-либо нового к их положению.

— Продолжаем двигаться избранным курсом? — спросил Валерий.

— А что остается? Только вы не уходите от меня слишком далеко, а то, чего доброго, не успеете из какой-нибудь болотной преисподней вызволить.

— Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— Ну, я думаю, вы все-таки не из таких героев.

— Спасибо и на этом.

Устали они оба отчаянно, поклажа казалась предельно тяжелой. Гаранин клял себя за то, что взял с собой целую сотню патронов. Именно из-за них рюкзак, словно набитый камнями, оттягивал плечи. Да и ружье, легкостью которого он не раз хвалился перед товарищами, казалось сейчас тяжеленным, как лом.

Облюбовав поваленную ветром березу, Валерий направился к ней.

— Отдохнем немного,— бросил он спутнице, с трудом стаскивая с плеч мокрый тяжелый рюкзак.

Людмила Петровна в изнеможении опустилась рядом и спросила:

— Валерий Георгиевич, вы же бывали в этих краях и хоть приблизительно должны знать — придем мы наконец в эти самые Клинцы?

Гаранин, к удивлению Людмилы Петровны, ответил приглушенным шепотом:

— Придем обязательно. Куда же денемся. Не тайга же здесь, в конце концов.— А сам лихорадочно развязывал рюкзак. Намокший узел не поддавался, и Гаранин зло пыхтел и чертыхался вполголоса. Людмила Петровна хотела о чем-то спросить, но Валерий жестом показал ей на прогалину неба меж купы деревьев. Оттуда на водный заливчик, что раскинулся перед ними, направлялась стая уток.

Валерий достал наконец патроны и торопливо зарядил ружье. Утки не заметили их и спокойно опускались на водную гладь. Валерий долго целился, натруженные руки предательски дрожали. Наконец он ударил дуплетом, и две утки шлепнулись в воду. Третья немного попланировала и тоже упала на соседнее озерцо. Остальные взмыли вверх.

— Ну вот, все-таки с добычей придем на базу,— довольный проговорил Валерий.— Только как их взять?

Утки серыми комками лежали метрах в семидесяти от привала, прямо на середине залива.

Гаранин, немного поколебавшись, вошел в воду и направился к уткам. Раза два он оступался в колдобины и ямы, вода порой доходила ему до горла, а однажды скрыла с головой. Однако, отфыркиваясь и чертыхаясь, он настойчиво подбирался к трофеям. Когда же, забрав птиц, повернул назад, он увидел, что Людмилы у березы не было. Он крикнул:

— Людмила Петровна, где вы?! Куда делись? Не ходите одна, подождите.

Послышался ее отдаленный голос:

— Здесь я, утку ищу! Я видела, как она упала.

Валерий пошел на голос. Скоро он увидел свою спутницу. Людмила, как пять минут назад он сам, подбиралась к утке. Заливчик был мелкий, она была уже около цели, но предательская яма нашлась и здесь. Людмила Петровна громко охнула и окунулась в нее с головой. Валерий бросился было на помощь, но она, вынырнув, остановила его:

— Не надо, это просто обыкновенная яма.

— Ну зачем вы так? — укоризненно упрекнул Гаранин, когда выбрались на берег.— А если бы там топь?

— Какие же тут топи, когда это всего лишь редколесье, затопленное дождями.

— А вы ехидная, однако.

— Почему? Просто цитирую слова одного бывалого таежника.

Взяв свою поклажу, они стали пробираться дальше. Велика ли тяжесть три утки, но, приторочепные к поясному ремню, они мешали идти и казались Гаранину каждая по пуду весом. И опять эти треклятые кочки, ямы, полыньи и озерца.

Часа в три дня Гаранин, шедший впереди, радостно воскликнул:

— Люда, пришли! Впереди, кажется, земля обетованная.

— Где? Что? База?

— Кажется, да,— со вздохом подтвердил Валерий и заторопился к зеленой изгороди, видневшейся среди зарослей. Здесь он в изнеможении опустился прямо на землю и проговорил хрипловато:

— Посидим, Люда, отдышимся перед последним броском. Героический переход на Клинцовскую базу закончен. Личный состав экспедиции жив, здоров и готов к новым подвигам.

Людмила Петровна была, однако, во власти уже предстоящих забот.

— Валерий Георгиевич, мне как можно скорее надо переправиться в лагерь. Вы поможете мне? Есть же у них, наверное, лодки?

— Успокойтесь, Людмила Петровна. Сначала отдохнем. Вы себя в порядок приведете. Нельзя же вам в таком виде к своим питомцам появляться.

Людмила посмотрела на свои заляпанные грязью полусапожки, на бурое от болотной воды платье и пальто и понуро согласилась:

— Вид, конечно, не директорский.

— Успокойтесь, все будет в порядке. Обсушим, накормим, а потом отправим к вашим сорванцам. Охотники народ гостеприимный, вы сейчас убедитесь в этом.

Мокрые и грязные с головы до ног, они еле добрались до скамейки, что стояла у крыльца базы, и обессиленные опустились на нее. Все, кто был дома, высыпали на крыльцо.

— Валерий Георгиевич? Гаранин? Какими путями? Откуда? — тормошили охотники Валерия.— А мы вчера до восьми вечера катер держали, тебя поджидали. Потом решили, что не приедешь.

— Ну, положим, до восьми вы не ждали, ушли раньше. Но теперь это значения не имеет. Сейчас вот надо моей спутнице помочь. Переодеть ее во что-то, дать обогреться, обсушиться, а потом в лесхоз отправить. Там школьный лагерь.

Поднялась шумная и чуть бестолковая мужская кутерьма. Кто тащил свитер, кто носки, кто брюки, а кто фуфайку.

Через четверть часа все уже сидели за столом, наперебой угощая Гаранина и Людмилу Петровну нехитрыми охотничьими яствами. В чьем-то огромном лохматом свитере, в теплых стеганых брюках Людмила Петровна выглядела в этой компании комично, что, однако, ее не смущало. Она увлеченно рассказывала о пережитых приключениях, смешно копирова-

ла Гаранина, когда он в первый раз окунулся в яму, а потом когда он не обнаружил на берегу Людмилы Петровны.

— Струхнул, значит, Валерий Георгиевич? Побоялся, что утопли? — подал кто-то голос.

— А что вы думаете? — добродушно улыбаясь, ответил Гаранин.— Только что был человек на берегу — и нету. А она, оказывается, за уткой ринулась, что твой сеттер. Все, Людмила Петровна, ты теперь вступай в нашу компанию.

Курганов заметил, что Людмила с тревогой посматривает на часы, и успокоил:

— Одежда ваша скоро будет сухой, ребята даже утюг наладили. Через час — полтора отправим вас.

...Провожать ее на берег вышла вся охотничья братия. Подшучивали:

— Может, провожатого вам дать? А то опять в какую-нибудь историю попадете!

— Да нет уж, спасибо. Народ вы ненадежный. Вон Гаранин взялся быть провожатым, а что получилось?

Подсаживая ее в лодку, Валерий ответил:

— А вы знаете, Людмила Петровна, я рад нашей эпопее. Будет что вспомнить. Конечно, я не рассчитал малость... с этим чертовым болотцем...

— Ну что вы. Все хорошо, что хорошо кончается. Без вас я бы пропала.

Гаранин усмехнулся:

— Не думаю. Вообще... должен сказать, что вы молодец. Вполне подходящий парень. Может, когда будете в Приозерске, заглянете?

— Может, и загляну. А вы, может, как-нибудь посетите Ракитино?

— Если с делами не закручусь.

...Обилие дел, однако, не помешало Гаранину появиться в Ракитинской школе уже через несколько дней.

И в охотничьем шалаше, и на базе, и по возвращении в Приозерск мысль о Людмиле Петровне не выходила у него из головы. Он зримо представлял ее порывистую, стремительную походку, озорноватую челку, свисающую на лоб, ладную спортивную подтянутую фигуру. Вспоминались эпизоды их похода через клинцовское болото, особенно как доставали подбитых крякв. Он подсмеивался над собой, пытался переключиться на что-то другое с этих мыслей, но они настойчиво возвращались вновь. Валерий

понял, что тоскует по Людмиле, ему не хватало ее спокойного, чуть низковатого голоса, то робковатой, какой-то чуть смущенной, то озорной, искристой улыбки, хотелось видеть ее, говорить с ней. И, промучавшись так два или три дня, он поехал в Ракитино.

Школа готовилась к возвращению ребят из лагерей, к началу учебы. Группа старшеклассников что-то подкрашивала, мыла окна, протирала парты. Людмила Петровна в синем измазанном краской и белилами халате вместе с двумя девчонками наводила последний глянец на натертые полы в классах.

— Валерий Георгиевич? — удивленно воскликнула она.— Какими судьбами? Вот не ожидала. Подождите немного, мы сейчас заканчиваем.

Через полчаса они чаевничали в небольшой директорской квартире Людмилы Петровны. Оба были несколько смущены, разговор перескакивал с одной темы на другую. Вновь и вновь возвращались к деталям злополучного путешествия.

— Удивительно то,— проговорила Людмила Петровна,— что вымокли до нитки, промерзли до костей и не заболели. Я думала, что наверняка слягу. И знаете — ничего не произошло. Даже насморка не схватила. А как вы?

— То же самое. Никаких последствий.

— Хотя сейчас я вам признаюсь — порой я со страхом подумывала: а что, если мы заблудились, если это «небольшое» болотце никогда не кончится и мы утонем в какой-нибудь трясине? Но потом отбрасывала эти мысли и прибавляла шагу, боясь отстать от вас.

— Ну а как там с ребятами-то?

— Все обошлось. Вовремя подоспела с лекарствами. Завтра встречаем всю ватагу.

— Выходит, не зряшным был наш бросок?

— А как ребята меня встретили! Востороженный гвалт стоял на весь лагерь. Пожалела я, что не было вас рядом.

— Ага. Значит, все-таки пожалели!

Людмила Петровна покраснела и погрозила ему пальцем:

— Не ловите меня на слове. Вы прекрасно поняли, в каком смысле я говорю.

Когда прощались на школьном крыльце, Гаранин, задержав руку Людмилы в своей, проговорил:

— А я ведь опять приеду.

Она пристально посмотрела на него и глуховато ответила:

— Ну что же, приезжайте. Я буду рада.

Так родилась эта поздняя любовь.

Гаранин стал частым гостем в ракитинских краях. А накануне Октябрьских праздников заявился в школу торжественный, одетый парадно, с огромным букетом каких-то пунцовых цветов. Людмила поняла, что наступил момент, который она угадывала, которого и боялась и ждала. Она давно уже чувствовала горячую волнующую привязанность к Валерию, знала, догадывалась о таком же искреннем его чувстве к ней. Только ни он, ни она пока не говорили об этом. И сегодня, увидев Валерия столь торжественным и подчеркнуто собранным, она смутилась, покраснела и почувствовала, как часто-часто забилось сердце.

Гаранин взял ее руки в свои и просто сказал:

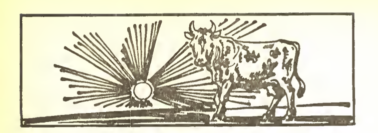
— Люда, я хочу, чтобы мы были вместе. Дон-жуан из меня аховый, но мужем я постараюсь быть хорошим. Осталось выяснить только одно обстоятельство...

— Какое же? — тихо спросила Людмила Петровна.

— Согласна ли ты с моим предложением?

Людмила Петровна отошла к окну, с минуту стояла там, закрыв глаза. Затем, повернувшись к Гаранину, взволнованно и просто ответила:

— Ну что же, Валерий... А я постараюсь быть хорошей женой.



Глава 9
НЕОЖИДАННЫЙ КОНФЛИКТ

В Березовке уборочные работы шли так же медленно, как и по всему Приозерью. Тоже ловили каждый ведренный час, чтобы хоть как-то проветрить скошенное и обмолоченное зерно. Развозили его по домам колхозников, рассыпали на печных лежанках, полатях, просто на полу. Удалось уговорить руководителей керамзитового завода, и в двух вспомогательных цехах тоже шла сушка.

Озеров по приезде из Приозерска собрал правленцев, рассказал, как остро стоял вопрос на парткоме о ходе уборки, о конфликте с областью, передал требование ускорить сдачу зерна на заготпункт.

Нина Семеновна, к удивлению Николая и правленцев, отреагировала на его информацию предельно нервно:

— Как же, ускорим. Дождутся они от нас этого. Люди-то вон придумывают что-то, а мы? У моря погоды ждем. С такими темпами до декабря будем возиться с молотьбой.

— Что же ты предлагаешь? — удивленно спросил Озеров.

— Не знаю, может, и нам выкопать эти самые траншеи?

Для Березовки траншейный выход из положения не подходил. Почвы сплошь суглинистые, тяжелые, почти лишенные песочных пластов. Эти доводы были высказаны Нине Семеновне, и против них она ничего не могла возразить. Но от своего нервного запала не отступалась.

— Ну, а почему не организовать сушку зерна в старых овинах?

Мысль тоже была не новая, овины были уже не раз осмотрены, но Нина настояла на том, чтобы завтра же обследовать эти сооружения еще раз.

Утром чуть свет Озеров, Беда и Нина обошли их и вернулись в правление расстроенные. Овины эти не использовались уже многие годы — нужды в них при наличии механизированных токов не было, и они пришли в ветхое состояние. Крыши провалились, колосники давно были использованы в хозяйстве, от сушильных печей остались одни основания. Овины давно собирались снести, но до них не доходили руки.

— Восстанавливать такие развалюхи — это мартышкин труд,— со вздохом проговорил Озеров.

Макар Фомич согласился.

Нина набросилась и на мужа, и на Беду:

— Ох, и тугодумы вы, мужики. Отвыкли соображать, техника вас избаловала. Конечно, восстановить овины не легко. Кто спорит. Но те два, что на окраине Березовки у Ярцевского оврага, все-таки можно, если, конечно, приложить руки.

Озеров с трудом сдержал раздражение:

— Давай прикинем, что для этого потребуется. Лес, кирпич, глина. Кровлю, опять же, надо, там же одни слеги торчат. И люди нужны. А они все на полях и на молотьбе.

— Лес, глина, кирпичи. Ну и что из этого? Зато мы еще два места для сушки и обмолота будем иметь.

— Вы, Нина Семеновна, конечно, правы,— пытаясь успокоить агронома, примирительно заговорил Макар Фомич.— Овины штука проверенная. Когда каждый гоношился в своем хозяйстве, по его посевам этого самого овина и гумна за глаза хватало. А нам сейчас, по нашим площадям, эти самые овины — что слону дробинка. Вот поосвободятся люди, можно будет наиболее сохранившиеся и подправить. Но все равно к будущему году надо еще один механизированный ток сооружать.

Нина, видя, что Озеров и Беда ее предложение поддерживать не собираются, решительно заявила:

— Тогда вот что, товарищи руководители, за овины я возьмусь сама. Вот не знаю, жив ли дед Юсим из Краюхина. Печник был на всю округу. Да и у нас в Буграх есть Куприков, а в пятой бригаде Крохин, кажется. Хвастался он как-то, что даже в Москве печи клал. Я их разыщу. И в помощь нам дадите трех-четырех человек.

Озеров пытался ее отговорить:

— Пойми, Нина, тебе сейчас на полях, в бригадах надо каждый час быть, а не в развалюхах копаться.

Но Нина, что называется, закусила удила:

18*

— Мои дела на полях вы с Бедой делать будете.

Сказав это, она стремительно вышла из правления. Беда проговорил удивленно:

— Что это с Ниной Семеновной?

— Сам не пойму,— пожал плечами Озеров.— Нервная, взъерошенная какая-то. До этих ли развалюх сейчас. Ну ничего, одумается, успокоится.

Но Нина не успокоилась. Через час после разговора она была уже в Буграх, еще через два часа в пятой бригаде и к вечеру вернулась в Березовку вместе с Куприковым и одноруким Матвеем Крохиным. Усадила их у себя за столом, собрала обед. Подошли еще три степенных бородача, явившихся по вызову агронома. Скоро все они под предводительством Нины направились к Ярцевскому оврагу, к видневшимся на взгорье полуразрушенным овинам.

Домой Нина заявилась только часов в одиннадцать вечера.

— Где же ты пропадала?— удивленно спросил Озеров.

Нина, не ответив, положила перед ним исписанный лист бумаги:

— Это все надо к утру.

Николай долго читал бумагу. Там был перечень потребного: кирпич, жерди, солома, рубероид, сухие березовые дрова и прочее.

Нина возилась на кухне и, выйдя с авоськой, набитой продуктами, спросила:

— Ну, посильная задача, председатель?

Николай знал Нину. Порой она «заводилась», и перечить ей в эти моменты было бессмысленно. Он, словно о деле решенном и обговоренном, озадаченно произнес:

— Одна позиция меня смущает: где взять сухие березовые дрова?

— Занять у колхозников. Хорошие-то хозяева дрова под навесом держат. И еще. Я прошу тебя лично распорядиться, чтобы пожарная дружина за сегодняшнюю же ночь откачала воду из топливных ям. Без пожарных машин мы и за месяц не управимся. И чтобы досуха, досуха откачали.

— Что еще нужно твоей героической пятерке?

— Иногда заглядывай. Это будет вдохновлять. Не меня, а героическую пятерку, как ты иронически выразился.

...«Пятерка» ни днем ни ночью не выходила из овинов. Озеров несколько раз заглядывал к ним, проверял, все ли есть из материалов, привозили ли обед, ужин. Предлагал Нине подменить ее, чтобы она хоть немного побыла дома,

отдохнула. Та ничего не хотела слушать. Вся чумазая, взвинченная, сверкая белками озорных глаз, гнала Николая домой:

— Иди, иди, за Лешкой там смотри.

На третий день над первым овином появился робкий бурый дымок, а потом стал гуще, мощнее и скоро заклубился круто. Еще через день начал куриться и второй овин.

— Все в порядке, товарищ парторг,— шутливо доложила Нина пришедшему Макару Фомичу.— Допотопные сооружения, именуемые овинами, готовы помочь березовцам спасти урожай.— И, уже посерьсзнев, проговорила:— Сейчас же всю сырую пшеницу сюда на сушку. Первые топки проведу я сама.

— Ну что ж, молодец, агроном. И бригада твоя удальцы-молодцы. Премируем, обязательно премируем твою гвардию. Но топить эти кочегарки и приглядывать за сушкой поручай своим помощникам. Сама же приходи побыстрее в правление. Завтра прибывают два комбайна с приспособлениями для полеглых хлебов. Надо прикинуть, как их используем. А за овины все равно спасибо, они тоже подспорьем будут.

Однако ждать Нину в этот вечер Озерову и Беде пришлось долго. То она проверяла колосники, то тягу в печах. Сделав это в одном овине, мчалась в другой, не замечая ни пронизывающего ветра, ни нудного, леденящего дождя. И так до поздней ночи, пока за ней не пришел посыльный из правления.

Правленцы все уже обсудили, определили людей на подоспевшую технику, предупредили бригады. Условились также, что, если восстановленные овины «начнут дышать», использовать их на просушке семенного фонда.

Беда пошутил:

— Дым-то вроде идет, это мы видели, а как жито-то сохнуть будет? А? Нина Семеновна?

Но Нина сидела сникшая, ее бил мелкий озноб. Николай подошел к ней:

— Что с тобой? Перемерзла?

Озеров стал было ей рассказывать планировку завтрашнего дня, но Нина слушать не стала.

— Знобит меня. Пойду домой.

Озеров заметил после ее ухода:

— Измучилась она с этими овинами. Но сама же затеяла. Да и досадно, конечно, что теперь мы и без них, кажется, управимся.

Беда не согласился:

— Может, и управимся, но все-таки подспорье. И людям доброе слово скажи, столько сил, труда положили.

— Да, да, это конечно.

...Нина лежала вся в жару. Дышала хрипло, с трудом, порой прорывался резкий кашель.

Николай нашел в шкафу аспирин, подошел к Нине. Та с трудом подняла глаза и опять закрыла их. Николай попросил ее:

— Вот, прими. А утром вызовем врача. Ты, видимо, сильно простыла.

Нина, приняв таблетку, хрипло проговорила:

— Врача не надо, пройдет и так.

Однако уже к вечеру следующего дня пришлось везти ее в Приозерск, в больницу.

— Воспаление легких. Оставляйте у нас. Хорошо, что вовремя привезли,— объявил после осмотра Засевич — главный врач больницы.

Николай растерялся.

— Да что вы, Петр Леонтьевич. Мы ее дома вылечим. Только выпишите нужные лекарства. Дел же сейчас по горло, как же мы без нее...

Засевич посмотрел на Озерова удивленно:

— О чем вы говорите? В больнице ей надо лежать. Все легкие в хрипах.

Удрученный и растерянный, Озеров отбыл в Березовку.

Когда через несколько дней он приехал навестить жену, Засевич предупредил:

— Только ненадолго. И, пожалуйста, без производственных совещаний. И подбодрите ее, подбодрите, что-то тонус ее мне не нравится.

Нина лежала в небольшой отдельной комнате, довольно чистой и светлой. Николая встретила смятенной улыбкой.

— Видишь, как неудачно все получилось? Ну время ли сейчас здесь валяться?

— Важно выздороветь, Нина. Засевич запретил мне обсуждать с тобой разные производственные дела. Но не могу не обрадовать — все идет хорошо. С уборкой пошло получше, хлеб сдаем. Твои овины дымят, как смолокурни. Большим подспорьем оказались. Зимой отремонтируем их капитально.

— Как Алешка там? Почему не захватил с собой?

— Тоже расчихался что-то. В другой раз привезу.

— Ну вот, хорош папаша. Стоило мне свалиться, и уже не уберег парня.

— Ничего у него нет особенного, не беспокойся. Перебегал малость, вот и все. Сейчас у бабки в Буграх. Она его в два счета выходит.

— Да что там старуха сделает? За ней самой уход да уход нужен. Не надо было отправлять его в Бугры.

— Не волнуйся, пожалуйста, все будет в порядке. А в следующий раз появимся вместе.

Николай приезжал к жене каждую субботу, а иногда выбирался и на неделе. Обегав все ларьки и магазины, вваливался в палату с кульками яблок, апельсинов, с бутылками сока. И с беспокойным удивлением убеждался, что Нина как-то не рада его приезду, непривычно холодна с ним, раздражительная в разговоре. В последний приезд даже спросил:

— Мне кажется, ты чем-то недовольна? Будто винишь меня в том, что слегла.

— Я сама не убереглась. Виноватых не ищу. А тебе вот за собой смотреть надо, очень уж невзрачно выглядишь. Кожа да кости. И зарос. Хоть подстригся бы, к жене-то едучи. Стареть, что ли, стал? Так тем более держись. А то гляжу — от мужа-то у меня скоро одно название останется.

Озеров покраснел и с недоумением взглянул на Нину, надеясь удидеть шутливую улыбку, смешинку в глазах. Но Нина была серьезна.

Озеров удрученно проговорил:

— Ну что ж, замечание учтем.

Алешка, шуровавший журналы на подоконнике, оставил свое занятие и удивленно смотрел на родителей. Такой отчужденный разговор между ними он слышал впервые.

Нина заметила это. Усилием воли она справилась со своей нервной вспышкой и, скупо улыбнувшись, проговорила ворчливо и чуть ревниво:

— Вот что значит мужское единство. Смотри, как уставился. Не дает отца в обиду.— И озабоченно добавила:— Ты, Николай, смотри, обеды-то в столовой каждый день заказывай. Негоже ни ему, ни тебе всухомятку питаться.

Когда домочадцы вышли, Нина долго лежала молча, задумавшись. Какой-то неприятный осадок остался у нее на душе от этой встречи. Может, я очень придирчива к Николаю? Припомнился недавний разговор с Бедой.

Как-то вечером, возвращаясь из Бугров, Макар Фомич пожурил Нину:

— Что-то вы, Нина Семеновна, за последнее время очень суровы и строптивы стали с Николаем. Как чуть что — в спор

«Не согласна. Я против. Выноси вопрос на правление». Он сдерживает себя, молчит, но может ведь и сорваться. Ты бы поразмыслила над этим. Добра ведь желаю.

— А что вы, Макар Фомич, так беспокоитесь за нас? Вроде взрослые оба.

— Это, конечно, правильно. Взрослые. Только порой забываете, что вы на виду у всех.

— Все понятно, товарищ партийный секретарь. Учтем вашу критику. Обязательно учтем.

Нина Семеновна тот разговор с Фомичом закончила шутливо, но сейчас вспомнила его обеспокоенно, с тревогой.

Пришли на память и некоторые их размолвки с Николаем.

Если выдавался более или менее свободный вечер, Озеров после ужина уходил на кухню и там, засветив маленькую настольную лампу, писал, писал. Как-то он прочел Нине некоторые отрывки. Они ей не понравились. Тут была и война, и Москва, и Приозерск, и их Березовка. Но как-то все обыденно, буднично, не захватывало внимания. Нина подосадовала: сколько сил тратит, целыми ночами корпит, а толку? Он же с нетерпением ждал ее отзыва хоть двух-трех слов одобрения.

Не очень задумываясь над своими словами, Нина проговорила:

— Знаешь, что-то малоувлекательное... Но... как это у Есенина? «Ну, а коли тянет, пиши про рожь, но больше про кобыл...»

Шутка была беспощадной.

— Это же наброски. Погоди, может, и доведу до дела,— обескураженно объяснил Озеров.

Больше он не читал жене свои вирши, да и она ни разу не попросила об этом.

Как-то зашел у них разговор о зимней одежде для Алешки. Николай всполошился:

— Да, да. Давай сделаем это, не откладывая. Поедем в Приозерск и купим. Кстати, я видел там некоторых модниц в таких аккуратненьких пальто с серыми воротничками. Из норки, кажется. Давай тебе купим такое?

Нина посмотрела на мужа с иронией:

— Что я слышу? Ты ли это, Озеров?

Николай смутился:

— А что? Если тебе понравится — можно купить.

Нина махнула рукой:

— Резиновые сапоги да фуфайка, чтобы по полям шастать, у меня есть. Теплый платок — тоже, слава богу, еще

материн подарок. Ну и платьишко для клуба тоже, вон в шкафу висит. Говорят, оно мне в девках очень шло.

Николай прекрасно понял упрек, заключенный в этих словах. Он с искренним раскаянием проговорил:

— Ты права, Ниночка, на сто процентов права. Совсем закрутились мы в делах да заботах. Знаешь, что, давай...

Нина суховато прервала его:

— С Алешкиной-то справой надо поторопиться. Ну, а что касается других планов... Пустое это все.— И с усмешкой закончила:— Вот найду себе другого мужа да и брошу тебя, Озеров.

Николай Семенович недоуменно посмотрел на жену. — Что-то ты, дорогуша, мрачновато шутишь.

Нина, вспомнив сегодня эти эпизоды, покраснела от досады. «И что я полезла оценивать его литературные опыты. Не разбираюсь же в этом. Пишет, ну и пусть себе пишет. Зачем же я его так, Есениным-то? А чем не понравилось его искреннее желание поехать незамедлительно в Приозерск, Ветлужск, чтобы купить тебе кое-что из вещей? Ведь сама же ты разнюнилась, что не во что одеться, нечем грешное тело прикрыть... Да и пошутила по-дурацки».

Итог этим размышлениям Нина подвела без скидок: что-то ты очень стала походить на свою бабку. Как репей, ко всем цеплялась, весь свет перед ней в виноватых ходил. Так то у нее в старости было. А ты ведь пока в старухи себя не зачисляешь...

Не больно-то веселым возвращался домой и Озеров. Он тоже думал об их разговоре в больнице, понимал, что Нина крепко недовольна чем-то.

Устала она, издергалась, в этом все дело. Да и болезнь ее гнет... Так подытожил Николай сегодняшнюю встречу с женой. Тревога из сердца, однако, не ушла. Вспомнилась их жизнь в Березовке в эти годы. Нелегкая, хлопотная это была жизнь. Непросто далось объединение с соседями, ликвидация старых долгов, возрождение веры березовцев в артельные дела. А сколько было тревог и волнений из-за неудач с урожаями, особенно новых культур. Но то, что Нина была рядом, что крепло их взаимное чувство друг к другу,— скрашивало все невзгоды, неудачи и огорчения. И будучи в Кисловодске, после тяжкой болезни (из которой вытащила его опять же она — Нина), Озеров с беспощадной остротой понял, что им жизнь врозь больше немыслима. И сразу же по приезде ринулся к Нине. Увидел ее искрящуюся радость от встречи, ее смятенно-робкие сомнения, когда с

места в карьер заявил, что жить без нее не может, что им надо быть вместе, и только вместе.

С теплым чувством вспоминал и то, как тепло и радостно отнеслись к их союзу березовцы, как сообща всем колхозом гоношили председательскую свадьбу.

А потом появился Алешка. Теперь и солнце Озерову казалось более ярким, и все окружающее более светлым.

Хлопот и забот, однако, не убавилось. Поля, семена, фермы, машины, корма, люди с их житейскими докуками — все требует внимания председателя. Ни от чего ему нельзя отмахнуться, ни от чего нельзя уйти в сторону. В этом непрерывном потоке каждодневных забот семья для Николая была теплым и радостным островком. Алешка рос, Нина с каким-то незаметным умением споро справлялась и с домашними делами, и успевала быть в гуще артельной жизни.

Не раз и не два возникали разногласия и споры между председателем и агрономом, порой были и довольно острые. Но оба — Нина и Николай — оставляли их за порогом своего дома. Бывали нелады и по делам домашним, житейским. Озеров не придавал им особого значения. Чего в семье не бывает... Оказалось, однако, что эти житейские мелочи не так-то просто уходят из памяти.

Поздно ночью, когда он лег в кровать, стал собирать в единую цепочку факты и случаи размолвок с женой, восстанавливал в памяти ее слова. Так же как и Нина, будучи натурой цельной и бесхитростной, приходил к выводу, что виноват в их неладах прежде всего сам.

Упрекал себя за сухость, нервные срывы, за невнимание к ее мыслям, суждениям, просьбам. В последние годы даже простой безделушки, какой-нибудь кофтенки или платка ей не купил. За собой совсем не гляжу — в самом деле обмужичился. Да что говорить! Я ведь и в кровать-то ложусь под утро, когда она уже спит беспробудным сном. А она ведь женщина, и молодая притом. Наряду с существенным, вспоминались и мелочи. Но и они в его представлении приобретали сейчас немаловажное значение.

Он вспомнил, как Нина настаивала на покупке магнитофона. Купили наконец. И она, как бы трудно ей ни было, как бы ни уставала, а придя домой, хоть четверть часа, но послушает музыку. А он даже ни разу не присел к ней, не поинтересовался новыми записями, что она иногда привозила из Приозерска.

Да, надо что-то менять, Озеров. Иначе ты свой семейный корабль на плаву не удержишь. Правда, Нинка должна

бы понимать, какова у нас обоих жизнь-то. День и ночь как заводные. Колхоз-то вон какой разросся, махина. И дела ведь иначе пошли, это факт. А как подумаешь, что предстоит, голова кругом идет.

Эти мысли, однако, не утешили.

И он проговорил вслух:

— Дела делами, а вот если у тебя с Ниной что-либо непредвиденное произойдет, то никаким наградам рад не будешь.

Что и как менять, он пока еще и сам не знал, но эти решительные намерения укоренились в сознании твердо. Однако ни он, ни Нина пока не знали, что их семейному кораблю действительно предстоят немалые испытания и он довольно долго не сможет обрести устойчивости на житейских волнах.

В больнице Нина Семеновна пробыла более двух месяцев. Солнце стало веселее заглядывать в палату, с улицы явственно доносился птичий грай. Зима поворачивала на весну. Нине так надоело в больничной палате, что она настояла на выписке, хотя Засевич уступил ее настояниям с трудом. Долго выслушивал, под рентгеном вертел ее и так и эдак.

— Не нравятся мне ваши легкие, Озерова, не нравятся. Помочь им надо, понимаете, помочь. Солнцем и морскими флюидами. Вам надо в Крым, и притом месяца на два, не меньше. Да. Иначе плохо кончите. Не понимаю, о чем вы думаете с мужем?

Нина и сама чувствовала, что у нее неладно с легкими. Часто прорывался кашель, дышалось с трудом, порой одолевала тягучая, нудная слабость.

Из больницы Нина приехала мрачная. Николай всполошился, стал допытываться, что сказали врачи.

— Ну, в общем категорически настаивают на юге.

— Поезжай, раз надо. Чего тут раздумывать?

— А как же не раздумывать? Сев скоро, а я на курорте прохлаждаться буду.

— Конечно, нам туго без тебя придется, дело ясное, но ведь и выхода нет. Засевич и со мной говорил, считает, что тебя лечить надо, и серьезно. Вы, говорит, доиграетесь до беды. Значит, надо ехать. А за Березовку не беспокойся, как-нибудь справимся с делами и без тебя.

Эти слова задели Нину, и она не преминула съязвить:

— Ну, конечно, ты же сам себе агроном. Да и Фомич тебе под стать. Вы тут таких дел наворочаете.

— А ты нам полную инструкцию оставь. Потом проверку учинишь.

И Озеров и Макар Фомич дули в одну дудку, и Нине Семеновне пришлось уступить. А когда из производственного управления пришла на нее персональная путевка, занялась сборами к отъезду.

Глава 10

КТО ИЩЕТ — НАХОДИТ

И слякотная, затянувшаяся осень, и снежная, вьюжная зима для Ивана Отченаша прошли в тщетном ожидании письма из Рязанщины. Он до строчки помнил то, августовское письмо Насти и ее обещание написать еще, с курсов...

Отченаш знал, что различные курсы, семинары, слеты в районах проводятся глубокой осенью, когда завершены все работы на полях, а чаще зимой. Но вот и зима уже подходит к концу, а письма все нет и нет.

Не раз и не два он хотел написать сам, и писал даже, но отправить свои послания так и не решился, чтобы не подвести Настю. Да и трезвые размышления брали верх. Раз не пишет, значит, все, не нужен я ей, забыла незадачливого моряка.

Время, как известно, сглаживает горечь неудач, лечит многие беды. Мало-помалу стал смиряться со своим лихом и Иван Отченаш. Да и хлопоты помогали. После письма окрестных с Крутояровскими плавнями колхозов в Москву дело с организацией межколхозного рыбхоза и птицефермы начало вроде проясняться, и Ивану приходилось мотаться по этим делам то в Приозерье, то в Ветлужск, а то и в Москву.

Но как-то на ферму заявился Морозов. Он долго и дотошно присматривался председательским оком к состоянию птичьего хозяйства, а потом со вздохом вручил Ивану конверт.

— Откуда?— чуть дрогнувшим голосом спросил Отченаш.

— Из Рязани. Откуда же еще? Всесоюзную известность ты пока не приобрел. Вот когда освоим плавни...

— Чего же ты полдня меня мурыжил? Не мог сразу отдать? Эх, Василий Васильевич, бока бы тебе намять за такую издевку.

— Да ты прочти сначала. Может, вообще не надо бы вручать тебе это послание.

В тот же день Отченаш решил наведаться к Озеровым.

...Нина Семеновна все дни перед отъездом на курорт проводила в бригадах, подробно переговорила с бригадирами и звеньевыми по предстоящим посевным делам, еще раз уточнила график сева по культурам. Все было как будто в порядке, и, несколько успокоившись, она решила посвятить вечер семейным делам. Надо было показать мужикам и что где лежит, что из продуктов расходовать в первую очередь, и как собрать Алешку в межколхозный пионерский лагерь.

Разговор был подробным и длительным. Алешка зевал, Николай же слушал внимательно, хотя Нина не сомневалась, что завтра же все ее советы они забудут. Хотела даже построже высказаться по этому поводу, но по окнам полоснул яркий свет автомобильных фар.

— Кто-то, кажется, к нам, посмотри, Николай,— проговорила она.— А ты, Алексей, в кровать. Пойдем, я тебя уложу.

Озеров подошел к окну и узнал «Москвич» Ивана Отченаша. Иван недавно обзавелся им, и как истинный любитель-фанатик оснастил машину дополнительными фарами, сигналами и прочими атрибутами. В Приозерске не раз уже принимали его желтые огни за машину какого-нибудь начальства, штрафовали даже, но он твердо держался своего увлечения.

— Что случилось, Иван?— встретил его Озеров вопросом, когда Отченаш появился в дверях.

— Дело, Николай, неотложное. Посоветоваться надо. Зови и Нину Семеновну.

Скоро все сидели за столом, и Отченаш как нечто драгоценное бережно положил на стол два конверта.

— Это письма от Насти. Первое,— обратился он к Озерову,— ты можешь не читать, уже знаком с ним. А второе я только что получил. Его прочти обязательно, Нина же Семеновна должна ознакомиться с обоими. Совет ваш нужен, друзья мои, прямой и откровенный.

Николай и Нина переглянулись и углубились в послания Насти Уфимцевой.

Нина прочла первое письмо быстро, но потом стала перечитывать его вновь.

«...Пишет вам Настя Уфимцева-Степина. Не забыли еще такую? А я вот, как видите, помню и даже пишу вам. Давно собиралась это сделать, а вчера ночью окончательно решила — напишу.

Приозерье наше стоит все там же. Стало еще краше, потому что все оделось в осеннее убранство. На озере около фермы день и ночь шумят птичьи базары — его очень любят разные перелетные гости. Такой гам стоит, что хоть уши затыкай. Уборка идет у нас неплохо, хотя погода и не балует. Даже и нам пришлось подключиться к обмолоту хлеба. Я жива и здорова. Работаю там же. Недавно ферма опять получила переходящее знамя нашего производственного управления. Но на сердце у меня, уважаемый Иван Андреевич, довольно-таки тяжко. Дело в том, что я недавно похоронила маму и до сих пор не приду в себя от этого горя.

Правду говорит народная пословица: что имеем — не храним, потерявши — плачем. Только когда мамы не стало, я поняла, что она значила для меня. То, что она вырастила, воспитала, выучила меня без отца — он погиб в войну,— ладно, это дело обычное. Но она была и моей советчицей, и наставницей, и другом самым близким. Вот это я поняла только теперь. Тихая, ровная, ласковая и какая-то мудрая — такой она осталась у меня в памяти. Бывало, спросишь чего — скажет всего два-три слова, а ясность полная, и понимаешь — поступать надо именно так.

Что меня особенно гнетет сейчас, так это то, что была не очень-то внимательна к ней. Корю себя за это, только ведь уж поздно. Была я как-то в Серебряных Прудах и купила себе резиновые сапожки. Приезжаю, показываю ей. Хорошая, говорит, обувка, очень нужная в деревне. Мне бы тоже надо, дочка, купить, а то галоши-то мои совсем прохудились. Как вспомню сейчас этот случай да еще и другие похожие — краска лицо заливает, совестно. Все-таки эгоистами мы часто бываем. Что толку теперь, что я каюсь. В общем, муторно, тоскливо у меня на душе, потому и письмо получается какое-то тусклое, слезливое, как дождливый день. Вы уж извините меня за это.

Между прочим, хочу сообщить вам, что ваш приезд вызвал на нашей ферме целый переполох. Девчонки меня целый месяц донимали вопросами: кто вы? зачем приезжали? к кому?

Как вы-то поживаете? как ваша гусино-утиная братия?

Ну вот, кажется, и все. Скоро уезжаю на месячные курсы повышения квалификации. Они у нас в области каждый год проводятся, и по-моему, неплохо. Узнаешь много нового и от ученых, и от опытных, знающих людей.

Желаю вам всего доброго. Может, с курсов я еще напишу вам».

Нина Семеновна отодвинула в сторонку письмо, задумалась. Письмо как письмо. Никаких особых мыслей оно не вызвало. Случилось горе у женщины, видимо, не с кем было поделиться им, вот и написала Ивану... Что ж тут такого? Может, содержит что-то более существенное второе письмо?

«...Как и обещала вам, пишу из Рязани. За прошлое мое письмо прошу великодушно извинить. Поди, нагнала на вас тоску безысходную. Но думаю, вы поймете меня — мать есть мать. И хотя я гоню от себя унылые мысли, все равно нет-нет да и поплачу. Но, как говорится, нет радости вечной, как и печали бесконечной. Этой мудростью я убеждаю себя, чтобы не очень киснуть, не очень терзать нервы. Когда я собралась писать вам первое письмо, то спрашивала себя: зачем? Сейчас задаю себе этот же вопрос и все-таки, как видите, пишу.

Курсы наши закончились, подучили нас неплохо, узнали кое-что новое и интересное. Например, мне очень приглянулся проект животноводческого комплекса. Стерильная чистота, автоматика, электроника. Вот бы поработать на такой чудо-ферме. Только ведь это пока лишь проекты. Их, я думаю, обязательно начнут строить, хотелось бы только, чтобы поскорее. Проект действительно отличный и будет осуществляться в одной из областей — может, у нас, а может, у вас.

На курсах была хорошо продуманная культурно-познавательная программа. Концерты, спектакли, фильмы, поездки в музеи — все это было организовано просто здорово.

В театре мы посмотрели «Собаку на сене» Лопе де Вега. И знаете, чем я была удивлена? Злободневностью пьесы, она ведь написана четыреста лет тому назад. Вы помните, конечно, как там безнадежно влюбленный герой советуется со своим слугой, как сделать, чтобы не так сильно болело сердце от любви, и как забыть возлюбленную? И слуга ему советует: «А ты думай про нее что-нибудь самое скверное, вспоминай все самое плохое, что у нее есть». Слуге-то и невдомек, что подумать так о любимом человеке просто невозможно. Выходит, и четыреста лет назад люди так же горевали и мучились, как и мы.

Необыкновенно мне понравился фильм «Председатель». По-моему, это одна из лучших наших картин. Вот уж где показана настоящая правда жизни. Актеры не просто играли, а жили этой жизнью. Ульянов же просто потряс меня. По-моему, это лучшая его роль.

А после фильма «Земляничная поляна» Бергмана я даже поплакала. Вы, вероятно, видели его. Помните, там речь идет о старом человеке, у которого все, все есть. Имя, деньги, слава, почет и т. д. И вот приходит день, когда ему должны вручить самое высокое научное звание, какое только существует в мире. И как вы думаете, чем в эту ночь заняты его мысли? Он вспоминает, как он целовался с молодой девушкой на полянке, где росла земляника. И высокие титулы, и богатство он отдал бы за то, чтобы очутиться снова на той полянке, увидеть ту девушку. Подумайте, какая правдивая история, как много она вызывает мыслей и чувств. Я не спала почти всю ночь. И думала: где же моя земляничная поляна?

Я вспоминаю порой ваш приезд в наше Приозерье и думаю: эх, моряк, моряк. Что же ты так долго и неусердно искал Настю Уфимцеву!

Видите, Иван Андреевич, какие игривые мысли вы навеяли своим визитом. Но это так... будем считать шуткой. Мы же с вами люди взрослые и обязаны трезво смотреть на вещи. Факт остается фактом, что мы с вами уже знакомы. Приятелями, друзьями тоже можем быть. Вот встретимся как-нибудь в Рязани, Ветлужске или Москве, выпьем по бокалу шампанского в честь нашей несостоявшейся романтической любви и поставим точку. Правда, надо еще познакомить вас с Борисом, и спросить его согласия на дружеские-то отношения. Мужики — народ, как правило, прозаический, в женско-мужскую бескорыстную дружбу не верят, и Борис мой такой же. Пишу это вовсе не для того, чтобы собственного мужа опорочить, а для того, чтобы вы знали, что я думаю о вашем мужском сословии.

Ну вот, кажется, и все. Желаю вам всего того, что сами хотите. Писать мне не надо. Может, опять напишу, коль решусь,— не знаю. Не хочется душу тревожить...»

Нина Семеновна закончила чтение, долго смотрела на лежавшие перед ней убористым почерком написанные странички и затем, подняв голову, чуть затуманенным взором посмотрела на мужчин:

— Ну, умные головы, что скажете? Что будете решать?

Озеров пожал плечами.

— Ехать ему надо. К ней.

Отченаш отреагировал на эти слова нервно:

— А если приеду, и от ворот — поворот? Ведь конкретного она ничего такого не пишет...

Нину возмутили его слова:

— А ты что хотел? Чтобы она тебе руку и сердце предложила: приезжай, мол, рыцарь, забирай. Жду.

Нина встала со стула, отошла к окну. И, с трудом справившись с охватившим ее волнением, нервно проговорила:

— Какой вы все-таки глупый народ, мужики. Любит она тебя, Иван. Любит. Пойми это. И делай что-то, делай. Решайся. Не будь кретином.

...Зима в Приозерских краях хоть и дрогнула, но держалась еще крепко, колкие морозцы особенно по ночам еще давали о себе знать. Вьюжные ветры наметали сугробы на дорогах, пышные снежные шапки крепко держались на разлапистых соснах и елях в Приозерских лесах. Однако на Рязанщине, куда мчался Отченаш, приближение весны чувствовалось явственнее. Солнце пригревало уже основательно, снег рыхлел под его лучами. Лесные опушки шумели под порывами ветра тихо, но умиротворенно, с надеждой на скорое пробуждение.

Весь путь от Крутоярова до рязанского Приозерья Иван на правленческой «Победе» проделал почти без остановок. У околицы села остановил машину, заглушил мотор. Мысли, одна смятеннее другой, вихрились в голове. А что, если Настя обидится, оскорбится? В сущности, она ведь ничего ему не обещала и ничем не обнадежила. Ну, написала два коротких письма. Что из того? Да и скандал тоже может быть. Умыкать чужих жен у нас как-то не принято. Усилием воли Иван решительно пресек эти сомнения. Чего нюни-то распустил? Зачем тогда несся сюда как угорелый? Коль кишка тонка, так нечего было браться за такое дело. Ты же все время канючил, что жизнь твоя без Насти — не жизнь. Ну так вот и действуй.

На малом ходу Отченаш двинулся по улице. Поворот на ферму помнил точно и через минуту-две остановил машину у забора. Ворота оказались закрытыми. Слышалось только посапывание и чавканье жующих коров. Видимо, доярки были на обеде.

Отченаш все же постучал в ворота, обошел кругом здания, набрав в ботинки изрядное количество снега, и, окончательно убедившись, что здесь никого нет, подался в село.

Дом Насти он приметил еще в первый свой приезд и

направился прямо к нему. Развернул машину, задним ходом подал ее к самой калитке, затем по протоптанной тропе подошел к крыльцу и постучал в окно. Через минуту в нем появилось лицо Насти.

Сначала она непонимающе глядела на Ивана, затем глаза ее расширились в немом изумлении: она даже тряхнула головой, будто отгоняя от себя появившееся за окном видение. Иван жестами звал ее выйти или открыть дверь.

Набросив на плечи шаль, Настя все с тем же изумленным выражением торопливо вышла на крыльцо. Она все еще не верила себе, не верила в случившееся и испуганно вопрошала:

— Вы? Здесь? Каким образом?

Хрипло, одеревеневшим голосом Иван проговорил:

— Я за вами, Настя. Собирайтесь.

Настя стояла растерянная, словно пригвожденная к месту:

— Да как же это? Что вы надумали? Да вы с ума сошли.

— Но в письмах же... как будто все ясно... что и как...

— Сумасшедший вы, ну просто сумасшедший.

Да, она помнила свои письма. Но почему надо было сломя голову мчаться сюда? Разве она дала для этого повод? Ну, написала, пожаловалась на судьбу. Примерно это она и сказала Ивану. Сказала и поразилась тому, что с ним произошло.

То он стоял нервно-напряженный, но решительный, глаза горели задором. После же ее слов моряк сник, весь как-то сгорбился, сжался. Мешковато опустился на ступеньки крыльца.

Настя стояла около.

— Извините, конечно, если я как-то обнадежила вас. Но сами подумайте, как же я могу так сразу...

Отченаш поднял голову, взял Настины руки в свои.

— Настя, поймите! Если я не увезу вас сейчас, немедленно, то все рухнет. Годы я искал вас, годы!

— Да что вы такое говорите? Что люди скажут? Я же не девчонка-несмышленыш. Муж у меня, семья. И ферма. Я же не перекати-поле какое-нибудь. Стыд же и срам.

— Если бы вы поверили мне, если бы поверили... Ну как объяснить, что я чувствую, что у меня на сердце... Я не уеду без вас, не уеду.— И Иван, обняв ее колени, глухо, с надрывом выдохнул:— Не могу я без тебя, Настя, не могу!

Словно электрическим током прожгла Настю слеза, что

упала из глаз моряка на ее чуть дрожащую руку. Какое-то не изведанное доселе чувство щемящей и тревожной радости всколыхнуло ее сердце. И она, прислонившись к перилам крыльца, заплакала тоже.

Отченаш поднялся со ступенек, улыбнулся пересохшими губами и хрипловато проговорил:

— Ну что нам сырость-то разводить. Собирайся. Возьми пока самое необходимое. Я жду.

Настя медленно, ничего не ответив ему, пошла в дом.

Бывают в жизни человека минуты, когда решается его судьба. Такие минуты или часы определяют если не всю, то почти всю будущую жизнь.

Настя Уфимцева поняла сейчас, что для нее наступил именно такой момент. И, повинуясь этому ощущению более, чем рассудку, она решилась на то, что всего несколько минут назад казалось ей верхом безрассудства. Вернувшись в избу, она стремительно стала собирать вещи. Не разбирая, смахнула в чемодан нехитрые принадлежности со своего маленького трельяжа, положила туда кое-какое бельишко, аккуратно положила сверху портрет матери, что висел в простенке меж окон. Застегнув чемодан, надев полушубок, села к столу и задумалась.

Настя не кривила душой, когда писала Ивану о своем одиночестве после смерти матери. Потёряв кого-то из родных, человек стремится быть ближе к оставшимся. Этого, однако, в семье Степиных не случилось. Борис оставался прежним. Увлеченный своими делами, он не замечал все возрастающей отчужденности Насти, не почувствовал, как медленно, но неуклонно, она отходила, отдалялась от него, как холодное равнодушие все больше проникало в их отношения.

Раздумывая над своей семейной жизнью, Настя все чаще приходила к выводу, что с Борисом они оказались слишком разными людьми. Близость с ним не радовала, не вызывала ни страсти, ни волнения.

Уже давно не было той жизненной, органической скрепы, что держит двух людей рядом, вместе, под одной крышей. Скрепа эта — духовная общность, единство дум, мыслей, стремлений. Ничего этого не было. Тонкая нить, соединяющая их лишь формальным союзом, готова была порваться, как осенняя паутина под порывом ветра. Рано или поздно — это должно было произойти.

Приезд Ивана Отченаша, беседа с ним, его рассказ о длительных поисках ее — Насти, взгляд моряка, полный тоски и муки, не мог не тронуть ее чувствительного сердца. И хотя

она противилась, гнала от себя его образ, он независимо от этого постоянно жил в ее сознании.

И все же сейчас, посмотрев на собранные вещи, она ужаснулась своему решению. «Что я делаю, дура, что делаю»,— сквозь слезы проговорила она себе и, обхватив руками голову, навзрыд заплакала.

Иван терпеливо ждал, стоя у крыльца. Затем подошел к окну. Увидел ее плачущую, хотел ринуться в дом, однако решительный жест Насти остановил его.

С трудом поднявшись из-за стола, она подошла к двери. И когда перешагнула порог передней, опять та же мысль, острая, как лезвие ножа, вновь обожгла ее: «Что я делаю? Зачем? Что со мной?» Остановилась и с минуту или две стояла, не решаясь взяться за ручку входной двери. Ей представилось, какой переполох ее отъезд вызовет у односельчан, какие пойдут разговоры в деревне, на ферме, в каждой избе. Она прислонилась к косяку, пытаясь унять дрожь и холодный озноб во всем теле.

А около крыльца нетерпеливо переминался Отченаш. Он был бледен, не знал, куда себя деть, чем занять эти минуты ожидания. Каким-то шестым чувством он понял, что Настя сейчас мучительно борется с собой и от этого ее сиюминутного решения будет зависеть все. И Иван решительно вошел в дом. Настя увидела его взгляд, полный мучительной тревоги, трепетного ожидания и надежды, и первой пошла к выходу.

— Ну, вези, моряк!— с какой-то отчаянной решимостью в голосе и со скупой натянутой улыбкой проговорила она.

Иван взял у нее чемодан, положил в багажник и открыл дверь переднего салона. Сказал тихо:

— Садись рядом, удобнее.

Усадив Настю, обежал кругом машины, сел за руль.

— Сначала вон к тому высокому дому. В правление зайду. И объяснюсь, и попрощаюсь.

Отченаш стал было отговаривать:

— Не надо этого делать, Настя. Напишете письмо, объяснитесь. А то ведь, неровен час, отговаривать начнут, задержать попытаются.

Настя скупо усмехнулась:

— Отговаривать будут. Это верно. А вот задержать... Ты пока плохо меня знаешь, Иван Андреевич.

Отченаш только пожал плечами и повернул к правлению.

Иван Сидорович Лабутенко — председатель колхоза —

сидел в правлении один, озабоченный до крайности: завтра ему предстояло отчитываться на парткоме управления по поводу неудач с выращиванием сорго. Не шла эта культура в колхозе, хоть плачь. Правда, не шла она и в других колхозах их зоны, но от этого Лабутенко было не легче. Отложив в сторону свои тезисы, Иван Сидорович со вздохом спросил:

— Что тебе, Настасья? Завтра на ковер вызван, мерекаю вот, как сухим из воды выбраться.

Настя, не глядя председателю в глаза, будто бросаясь в ледяную воду, проговорила глухо:

— Иван Сидорович, вы... в любовь с первого взгляда... верите?

Лабутенко встал из-за стола, подошел к Насте, приложил руку ко лбу.

— Температура вроде нормальная,— озадаченно констатировал он.— Тогда в чем же дело? Не до шуток мне сегодня, Настасья.— Он вернулся в свое кресло и продолжал:— Наверняка завтра выговор схвачу, а то и строгача запишут. А ты тут со своими загадками.

Лабутенко можно было понять. Колхоз «Приозерье» был далеко не отстающим хозяйством. Урожаи по ржи, пшенице, гречке были вполне хорошими; по многим другим делам тоже в грязь лицом не ударяли, ферма колхоза — лучшая во всей зоне, удои — выше среднеобластных. А вот сорго — нелегкая его возьми — не идет. На поля жалко смотреть — то ли это сорняк, то ли что? Пробовали сеять в другие сроки, применяли все, что положено, из удобрений — и все коту под хвост. Да, настроение Ивана Сидоровича, если учесть предстоящий разговор в парткоме, можно было понять. Но от Насти Уфимцевой этого сегодня требовать было нельзя. Пока Лабутенко развивал горестные мысли о своих грядущих неприятностях, она, взяв со стола лист бумаги и карандаш, написала что-то и положила на стол перед Лабутенко. Иван Сидорович водрузил на нос очки и впился в Настину бумагу. Прочел раз, потом еще раз и тяжело вздохнул. Плечи его опустились. Эта его растерянность больно ударила по сердцу Насти. Она вдруг разревелась.

— Поплачь, поплачь, Настюха, это, говорят, помогает,— пробурчал Лабутенко.— А потом расскажешь, что ты такое задумала.

И Настя сквозь слезы рассказала председателю все свои нехитрые секреты. О неладах с Борисом, о том, как Отченаш

искал ее по всему свету, о их встрече на ферме, о ее письмах и о его сегодняшнем внезапном приезде.

— Такого со мной, Иван Сидорович, еще не бывало. Собралась вот с ним, а сердце на части рвется. Ферму, девчонок, наше Приозерье как оставить?

— Вполне понимаю. Пусть этот твой моряк бросает якорь здесь. У нас не хуже, чем где-то там, в Ветлужщине, а может, и получше. Устроим, поддержим, поможем.

Иван Сидорович долго и горячо говорил на эту тему. Но ни изменить, ни поколебать решения Насти не удалось. Она объяснила коротко:

— Да как же я буду здесь-то? При живом муже другого в дом привела! Со стыда пропаду. Нет, Иван Сидорович, в чужих-то краях мне легче пережить эту беду.

Лабутенко больше убеждать Настю не стал. Ясно же, что у нее эта история через самое сердце прошла. А раз так, то разве гоже мешать человеку? Пусть ловит девка свою жар-птицу. Иван Сидорович за свою жизнь немало знавал людей, которые из-за разных там причин упускали эту трудноуловимую птаху, а потом жили серо и скучно, теша себя лишь воспоминаниями о несбывшемся.

С глубоким вздохом Лабутенко проговорил:

— Бумага твоя останется у меня, а ты считай себя в отпуске. За тебя кого поставим? Ну да команда там у нас толковая. Любая из твоих помощниц справится. На месяц. А там видно будет. Пойдем провожу.— И первым поднялся из-за стола.

Когда вышли к машине, Иван Сидорович пристально оглядел Ивана, как бы оценивая, чего стоит кудлатый искуситель Насти. Потом подозвал его к себе и показал увесистый кулак.

Отченаш оторопел:

— Как это понимать?

— А так понимай, тезка, что если у Насти, которую ты у нас умыкаешь, как какой-нибудь байский последыш, хоть один волос с головы упадет, если хоть раз ты обидишь ее, то на глаза нам не попадайся. В наших краях бьют так уж бьют, всю жизнь помнить будешь.— И уже более миролюбиво добавил:— Настасья меня полностью ввела в курс дела. Она, несомненно, вскорости захочет домой, в наше Приозерье. Так ты не перечь. И тебе найдем дело. Любое, и по твоим гусям-уткам, и по рыбе. Приезжай и выводи хоть крокодилов. Видел, поди, наше приволье? Любые масштабы обеспечим.— Не ожидая его ответа, Лабу-

тенко повернулся к Насте:— А ты держись, девка, раз на такой вираж пошла. А за односельчан не беспокойся. Объясню, как надо. Поймут и не осудят, народ у нас душевный, на беду отзывчивый. Ну, бывайте!

...Отченаш гнал машину, стремясь поскорее выбраться на магистраль. Настя, однако, зявила, что они обязательно должны заехать в Серебряные Пруды.

— Поспешать нам надо, дорога-то неблизкая.

— К Борису заедем обязательно. Он на курсах. Тоже науку грызет и не подозревает, поди, что жена от него убегает.

— Настенька, ну зачем вам эта встреча? Лишние проводы — лишние слезы. Я очень прошу...

Машина стояла у поворота на Пруды в нерешительности, и стояла долго. Отченаш настойчиво отговаривал, Настя настаивала настолько решительно, что Иван в конце концов замолчал и тихо тронул машину на поворот. Настроение у него опять упало, сердце заныло в щемящей тревоге. Он не без оснований опасался, что в этих самых Прудах все у него может рухнуть как карточный домик.

...Борис сидел на табуретке около своей кровати, уткнувшись в ворох каких-то проводов, винтов, гаек, эбонитовых трубок. На вошедшую Настю посмотрел с недоумением, долго не понимая, как она здесь оказалась.

Показывая на разбросанные по одеялу детали, пояснил:

— Морокую над новым приспособлением к комбайну. Да что-то не выходит... А ты как здесь оказалась? Что-нибудь случилось?

Настя долго молчала, собираясь с силами, мучительно раздумывая, как объяснить Борису цель ее приезда. И ничего не придумав другого, сказала прямо:

— Я ухожу от тебя, Борис.

Борис изумленно поднял голову:

— Как уходишь? Куда? О чем ты?

— Совсем ухожу.

Борис, кажется, только сейчас понял весь смысл сказанных Настей слов. Повернувшись к ней всем корпусом, спросил хриплым, осевшим вдруг голосом:

— Настюха, объясни толком. Я что-то ничего не пойму. И не шути с такими делами.

— А я и не шучу. Говорю тебе самым серьезным образом — я ухожу. К человеку, который любит меня. По-настоящему. Годы, целые годы искал меня по белу свету.

Борис рывком поднялся с табурета, подошел к окну, слов-

но знал, что его соперник наверняка там, на улице. У крыльца стояла машина, и около нее ходил Отченаш. Борис вновь опустился на табуретку, робко дотронулся до колен Насти, сидевшей напротив:

— Я не знаю ваших дел и знать не хочу... Но ты...

— Каких таких дел?— гневно вскинулась Настя.— Второй раз его вижу.

— Значит, любовь с первого взгляда?

— Да, да. Именно так. Но тебе-то этого не понять.

Настя ждала от мужа злобной вспышки, резких, уничтожающих слов. Ей это было нужно сейчас, послужило бы опорой, помогло бы избавиться от сомнений и мятущихся мыслей. Да, Насте было бы куда легче вынести шумную сцену ревности со стороны Бориса, чем его покорность случившемуся.

Борису было, однако, не до того. Он вдруг всей глубиной сознания понял, наконец, что Настя, его Настя, действительно уходит от него. Представить же себе свою жизнь иной он не мог. За сдержанной суровостью, грубоватым малословием крылось у него глубокое горячее чувство к Насте, жила прочная уверенность, что и у нее чувство к нему такое же.

Борис уткнулся лицом в колени Насти и прерывающимся от волнения голосом зачастил:

— Настя, дорогая, не бросай ты меня. Я не переживу этого. Конечно, я не тебе чета. Но ведь люблю тебя, очень люблю. А коль уедешь — что же я-то? Как жить буду?

Насте было мучительно слушать эти торопливые, перемешанные со слезами слова. Она подняла голову Бориса со своих колен, хотела оттолкнуть ее и... не смогла. Все-таки было близким и это родное лицо, и эти кудлатые космы, всегда чуть озорные, но сейчас такие робкие, испуганные глаза. Нет, оказывается, нелегко оттолкнуть, оторвать от сердца пусть не очень любимого, но все-таки близкого тебе человека.

Настя рывком, стремительно поднялась и выбежала из комнаты. Прежде чем выйти на улицу, она долго стояла в коридоре полная смятенных взбудораженных мыслей, не зная, что делать, как поступить?

Отченаш по взволнованному, заплаканному лицу Насти сразу понял, что произошло там, в комнате Бориса, и интуитивно почувствовал, что решающий, самый решающий момент его борьбы за Настю был не там, в Приозерье, а наступил здесь, сейчас.

Настя подошла к машине и смятенно, виновато начала что-то говорить.

Отченаш взял руки Насти в свои, усадил ее на сиденье, и, перегнувшись через диванную стенку, захлопнул дверь. Мотор взвыл сразу на предельных оборотах, машина ринулась вперед. И в этот момент в дверях общежития показался Борис.

Опоздал он, наверное, всего на полминуты.

Настя несколько минут сидела, с трудом осознавая происшедшее. Потом возмутилась, плача, пыталась открыть дверь. Но машина мчалась на большой скорости.

Отодвинувшись от Ивана к самой двери, Настя кляла и себя и его последними словами, мешала вести машину, требовала повернуть обратно.

Отченаш беззлобно, с улыбкой объяснял:

— Обратно я не поверну, и не просите. И из рук вас больше не выпущу. Столько лет разыскивал. Нет, Настя, теперь уж точка. А про себя вы просто глупости говорите. Какая же вы непутевая? Какая несерьезная? Очень даже серьезная и разумная женщина. Потому как не побоялись разных там пересудов и поверили в настоящую любовь. А о будущем беспокоиться не надо. Пройдет некоторое время, и займемся вашим разводом с муженьком.

— Оказывается, у вас все уже продумано?

— Все не все, но плановое начало должно быть.

— Не учли вы, Отченаш, только одного. Не мешало бы спросить, что скажет еще одно действующее лицо этого спектакля — Настасья Уфимцева.

Иван глубоко вздохнул, правой рукой легонько обнял Настю за плечи.

— Настенька, запомните одно: я сделаю все, чтобы вам было лучше. Обещаю это. И еще обещаю: если решите вернуться — силой держать не буду.

Настя сняла его руку с плеча и, закутавшись в шаль, замолчала.

...В Крутоярово они приехали поздно вечером. Иван, предполагая, что никого уже не застанет бодрствующим, по пути накупил кое-какой снеди. В его избе, однако, горел свет и двигались непонятные тени. Иван удивился. Выйдя из машины, поспешил узнать, в чем дело. Через минуту вернулся к Насте.

— Оказывается, нас даже ждут.

В избе был празднично накрыт стол, на лавках в ожидании Ивана собрались несколько человек из правления во главе с Морозовым. Василий Васильевич чинно поклонился Насте и вручил ей букет цветов. Иван, удивленный всем

этим до крайности даже не нашелся, что сказать. Его поразил и этот сбор правленцев, и эти цветы. Где председатель их мог достать?— подумал Отченаш. Не иначе, всю герань у односельчан пообрезал. А Морозов толкал речь:

— Представляю вам, Настасья Тихоновна, руководство нашего колхоза.— И он каждого назвал по имени-отчеству, сообщал и другие данные:— Отличный бригадир. Способный к технике... Лучший овощевод. Заочно Тимирязевку кончает... Парторг наш... Это зоотехник, будущий кандидат наук, между прочим... А сейчас прошу к столу. Изголодались, поди. Дорога-то не близкая. Мы очень рады вам, Настя. Для нас это честь, что знатная доярка Рязанщины прибыла в наш колхоз.

Морозов посадил Настю рядом с собой с одной стороны, Ивана — с другой.

— Была таковой, а теперь буду знатная в другом смысле,— со вздохом, мрачновато проговорила Настя.

Морозов прекрасно понимал состояние Насти, понял и ее слова.

— Знаете, Настасья Тихоновна, как это говорится, сняв голову, по волосам не плачут. Да и плакать вам не надо. Ивана Андреевича мы знаем очень даже хорошо. Все эти годы мыслями он был с вами. Любая женщина может только мечтать о такой любви, Я уверен, что здесь у нас, в Крутоярове, жизнь ваша будет светлой и радостной.

Ужинали долго, не спеша; обсказывали гостье свои дела, планы, усердно и ничуть не преувеличенно хвалили Ивана, его сметку, ум, постоянство.

Уходили все разом. Василий Васильевич, положив руку на плечо Насти, проникновенно проговорил:

— Не терзайте только душу свою, Настя. Не всем удается по-писаному жить. Бывает всякое. Важно, чтобы от сердца все шло. И вообще, не робей, дочка. Если что, дай знать, в обиду не дадим.— И погрозил кулаком Ивану.

Тот обескураженно развел руками:

— Что-то мне везет сегодня на такие увесистые предупреждения.

— Авансом. Чтобы потом обид не было.

После ухода гостей Настя и Иван долго сидели молча, каждый у своего края стола. Затем Иван проговорил:

— Хорошие у нас люди, верно?

— Хорошие,— в раздумье ответила Настя.

И вдруг, уронив голову на руки, заплакала горько, в

полную силу, навзрыд. Иван подошел к ней, стал успокаивать:

— Ну, полно, Настюша, полно! Все будет хорошо! Поверь мне. Ну, не плачь, ты же мне сердце на части рвешь.

Настя приподняла голову, долго смотрела на Ивана и вдруг, уткнувшись ему в грудь, заплакала еще громче. Были в этом плаче и страх перед неизвестностью, и раскаяние в содеянном, и какое-то жгучее, волнующее чувство к этому, в сущности, незнакомому и почему-то удивительно близкому человеку.

Глава 11
УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Весной и в начале лета Крым очаровывает пышно цветущим дроком на откосах шоссе, бархатистой зеленью парков с запахом магнолий и слепящей ультрамариновой синью моря.

Каждый, кто приезжает в это время года в любой из курортных городов побережья, неизбежно попадает под обаяние светлой, солнечной атмосферы, царящей вокруг, быстро вписывается в нее и, глядишь, уже не так хмур и озабочен человек, меньше морщин на челе, а в глазах даже искорки молодости и задора проблескивают.

Нина Семеновна, хоть и жила всю дорогу оставленными в Березовке заботами, решила, однако, твердо — настроить себя на настоящий отдых.

Она быстро познакомилась со своими соседками по комнате, еще с несколькими разбитными курортницами, и скоро ее компания стала вносить неукротимый дух задора, веселья и даже сумасшедшинки на пляже, на экскурсиях, спортплощадках и, разумеется, на танцах.

Купались в это время только в городском бассейне, но самые отчаянные уже атаковали прогретые солнцем бухты. Среди них оказалась и Нина. Врач санатория Валерий Семенович (чем-то удивительно похожий на Засевича) после осмотра предупредил ее:

— Вы разумно поступили, что приехали именно в Крым в это время года. Но будьте осторожны. Перенесенная пневмония оставила свои следы. Пуще всего берегитесь простуды. В море пока ни ногой. Бассейн у нас отличный, полощитесь там, но тоже в меру. А в море — ни-ни!

— Дело в том, доктор, что я уже купаюсь.

— Что? В море? И давно?

— Да вот уже с неделю.

— Вы что, сумасшедшая? Купается она, видите ли, при пятнадцати-то градусах. Моржиха появилась,— возмущался врач, продолжая дотошно вчитываться в курортную карту пациентки.

— Ну, а чувствуете-то себя как после моря? Озноба, онемения конечностей не бывает?

— Что-то не замечала, Валерий Семенович.

— Гм... Не замечала... И, однако, купаться в море я вам категорически запрещаю. Вам надо очень внимательно и строго следить за собой.

— Все будет в лучшем виде, Валерий Семенович! К концу срока буду такой, что берегись, мужское сословие!— И, чмокнув доктора в розовую сухую щеку, Нина стремительно вышла из кабинета.

— Отчаянная гражданка,— улыбнувшись, проворчал Валерий Семенович и долго глядел вслед уходящей по аллее к санаторному корпусу Нине. Она шла ровной, упругой походкой, легко неся свое гибкое, стройное тело, очерченной голубым сарафаном.

Купаться в море она, однако, продолжала, и это чуть было не кончилось плачевно.

Как-то она заплыла довольно далеко, а море неожиданно быстро разволновалось, волны все крепли. Подруги на берегу стали беспокоиться. По соседству с ними на лежаках загорало несколько мужчин. Одна из женщин обратилась к ним:

— Как думаете, ребята, не увлеклась ли наша подружка?

Мужчина лет сорока в щегольских, голубой шерсти плавках, с какой-то вышивкой на задней их части, посмотрев на мелькавшую вдалеке голову пловчихи, спросил:

— Она что, мастер спорта?

— Да нет вроде.

— Так что же вы пускаете ее так далеко? Плывите к ней.

— Да что вы, из нас только одна такая отчаянная.

Обладатель голубых плавок снисходительно посмотрел на встревоженную кучку курортниц и не торопясь, вразвалку пошел к воде.

Нина из последних сил карабкалась на гребни высоких раскатистых волн. Порой ей казалось, что сегодняшний заплыв будет последним. Ласковое синеватое море пугало сейчас безмерностью, тянуло в свои мрачные глубины. Нина напрягла все силы, чтобы двигаться к берегу, но это ей

плохо удавалось. Видимо, от холодной еще воды и испуга острая колющая судорога стала сводить ноги. «Кажется, тону»,— промелькнуло в сознании. Лихорадочными движениями рук и ног она все же выбросила себя на поверхность, с ужасом подумав о том, что еще на такой же рывок у нее не хватит сил. И в этот момент сильная рука обхватила ее и потянула за собой.

Подплыв к мелководью, мужчина взял Нину на руки и вынес на берег. Нина, уже оправившись от испуга, не нуждалась в такой услуге и, смущенная, с трудом высвободилась из крепких спасительных рук. Подбежали ее подруги, стали шумно благодарить пловца.

— Ну, стоит ли об этом говорить!— отмахнулся он.— Не спасти такую очаровательную женщину было бы просто грешно.— И, окинув Нину беглым взглядом, добавил с улыбкой:— Тем более знакомую.

Нина только сейчас узнала своего спасителя. Перед ней стоял Олег Звонов. В каком-то неистовом порыве, видимо оттого, что беда прошла мимо, она бросилась к Олегу, поцеловала его и с улыбкой проговорила:

— Спасибо вам, Олег Сергеевич!

— Дочь моря, вы в каком гнезде обитаете? В двенадцатом? Очень хорошо. Всем присутствующим через полчаса явиться в двенадцатый номер. Я буду вовремя. Если, конечно, не возражает виновница происшествия. Как, Нина Семеновна?

— Ничуть. Согласна. Соседки, думаю, тоже. Но у нас...

Звонов поднял руку в успокоительном жесте:

— Материальная база будет обеспечена. Я исчезаю, вам же, русалка, за эти полчаса принять горячую ванну или душ. Есть это хозяйство в вашем богоугодном заведении?

—Есть, есть,— ответила Нина и побежала к корпусу. За ней поспешили ее подруги. Чуть поодаль шел мужской состав этой случайно сложившейся компании.

Обсуждали мужчины лишь один вопрос: прихватить чего-либо съестного с собой или понадеяться на этого шустрика в голубых плавках? Решили все-таки кое-что прихватить, чтобы не оказаться на мели...

Это, однако, оказалось излишним. Через полчаса двое официантов из соседнего ресторана «Лотос» доставили в двенадцатый номер все, что нужно.

Нина Семеновна сначала хмурилась от столь щедрого стола, виновницей которого оказалась, и никак не могла

найти какого-то естественного тона взаимоотношений с Олегом. Он понял это и сумел быстро внести в компанию полную непринужденность.

— Товарищи, все мы здесь, в сущности, люди свои. А вот заправимся малость, так и поближе познакомимся. Что касается нашей наяды, то я вам ее представлю. Нина Семеновна — агроном одного из передовых, как я лично в этом убедился, колхозов Ветлужщины, и... чудесная женщина. Адрес ее не скажу, не надейтесь. Я же — ваш покорный слуга,— имел счастье вместе с ней проживать в одном населенном пункте и даже был влюблен в нее. Да, да. Но подождите шуметь, игра шла, так сказать, в одни ворота. Нина Семеновна даже не в курсе этого факта. Признаюсь честно: когда я подплывал к утопающей и увидел, кто она, мелькнула мысль: может, пусть тонет? А потом моя сознательность взяла верх. Подумалось, что скажет общественность? И решил все-таки совершить этот подвиг. За нее — за Нину Семеновну — отчаянную и чудесную женщину, я и предлагаю осушить бокалы. Винцо, правда, слабенькое, южное, но чем богаты, тем и рады.

Нина и Олег сидели рядом. Нина расспрашивала:

— Как вы-то здесь оказались? На отдыхе?

— Длинная история. Расскажу как-нибудь. У вас когда кончается срок пребывания в этих благословенных краях?

— Ну, я только что приехала.

— Очень хорошо. Значит, время у нас есть. Надо выработать план, определить перспективы. Ударим по окрестным достопримечательностям. Потом затеем рыбалку, прогулку на катерах, а то мои приятели-матросы там от безделья пухнут.

— Все это заманчиво, но я же не одна. А отрываться от приятельниц не хотелось бы. Хорошие девчата.

— А мы и не будем отрываться. Наоборот, будем крепить коллективизм. Вы лучше скажите, как себя чувствуете? Только правду. Морская-то ванна была длительной, и это не шутка.

— Тем более что я приехала-то сюда после воспаления легких. Так что один бог знает, чем все это кончится.

Звонов забеспокоился:

— Эх, какой же я дурень! — Он подозвал официанта, пошептал ему что-то на ухо, и тот сразу же удалился.

Нина, заметив его хлопоты, проговорила:

— Да вы не беспокойтесь. Я приняла ванну, таблетки, вот сейчас на горячий чай налягу, и все пройдет.

— Нина Семеновна, сегодня парадом командую я. И вам придется делать, что скажу.

Скоро появился официант с тремя большими, наполненными какой-то бурой жидкостью, фужерами. Звонов поставил один перед собой, другой перед Ниной, третий ближе к середине стола. Компании объявил:

— Не завидуйте, джентльмены. Коктейль, но особый. Пить его истинная мука. Но Нине Семеновне придется перенести это испытание. Из-за солидарности с ней я тоже опрокину данную бурду, И даже начну сам. Вы, Нина, следите, если я не откину копыта, то следуйте за мной.

И Звонов залпом опорожнил свой фужер. С трудом переведя дыхание, проговорил:

— Вы попробуйте, в два-три приема. Дрянь ужасная. но целебные свойства гарантирую.

Нина выпила почти полфужера. Все зааплодировали, а она со страдающей гримасой заявила:

— Неизвестно, что хуже — тонуть или пить это зелье!

Под общий смех Олег ответил:

— Приятного мало и в том, и в другом. Но тем не менее пойдемте на второй круг.

В конце концов сообща они допили и третий фужер. Нина, правда, сделала всего три глотка, но они оказались, кажется, еще злее первых.

— Слушайте, Звонов, а вы не отраву мне тут подсунули?

— Ну зачем же? Я бы просто мог оставить вас в море.

— Ну вы же сами сказали, что побоялись общественного мнения.

— Как бы не так. Просто жаль было оставлять рыбам на закуску такую очаровательную женщину.— Олег взял руку Нины, поцеловал ее.

— А вот этого не надо,— покраснев, проговорила Нина.

Минут через сорок Олег, не очень церемонясь с присутствующими, объявил:

— В нашем распоряжении, дорогие гости, еще полчаса. Нине Семеновне пора к Морфею. Докажите, на что вы способны, и не заставляйте рестораторов ломать головы над тем, куда девать остатки этой вкусной продукции.

Стол опустел довольно быстро, и гости стали прощаться.

Нина Семеновна, приложив пальцы к вискам, спросила Олега:

— Слушайте, Звонов, я буквально вся горю, как в огне. Что это? Может, заболеваю?

— Наоборот, начинает действовать напиток богов. Утром

вы проснетесь как свежий огурчик.— И, обратившись к соседкам Нины, распорядился:— Все, что у вас есть, навьючьте на нашу подопечную. Пальто, одеяла, халаты. Приготовьте побольше крепкого чая. Пить она захочет. Утром я зайду.

...Звонов зашел часов в девять. Девчонки ушли завтракать, а Нина еще лежала в постели. Розовая, глаза сияли, совсем здоровая. Просто лежала и нежилась.

— Как мы себя чувствуем?

— Прекрасно, Олег Сергеевич, просто прекрасно! Спасибо вам. Вы прямо-таки кудесник.

— А почему мы не пошли завтракать?

— Девчонки принесут сюда. После такой пьянки вставать нелегко.

— Никакая это не пьянка. Вы спиртного-то пили самую малость, остальное — специи.

— И откуда вы знаете все это?

— Много по свету мотался, кое-чего видел. Вам же директива: лежать и отдыхать. А вечером весь ваш кагал я жду у себя.

— Спасибо. Заявимся. Интересно посмотреть, как вы там живете, в своем модерновском пристанище.

— Живем — не то слово. Прозябаем в одиночестве.

Олег подошел ближе, заботливо поправил одеяло. Нина боялась, что он попытается поцеловать ее. Но Олег не сделал этого, что подняло его в глазах Нины. Все-таки он отличный парень,— подумалось ей.

...Вечером, часов в восемь, в номер к Звонову постучали. Он открыл дверь и радостно развел руками. Перед ним стояла Нина. В серо-голубом платье, в накинутом на плечи шарфике она выглядела удивительно молодо и привлекательно. Держалась спокойно, уверенно, ни тени смущения. Олега это даже немного озадачило. Он спросил:

— А где же ваши фрейлины?

— У всех, оказывается, уже были назначены разные дела — кино, танцы, рандеву.

— Что ж, можно только позавидовать.

Усадив Нину в кресло, Звонов стал расспрашивать ее о самочувствии.

— Вы знаете, все хорошо. Сегодня Валерий Семенович дотошно и осмотрел, и прослушал. В комплиментах мне рассыпается, а сам смотрит хитренько. По-моему, он что-то знает.

Нина с интересом осматривала номер Звонова. Все было сделано добротно, удобно, свободно. Простая массивная

мебель, облицованные деревом стены, широкий простор моря, врывающийся в широкие окна.

На серванте стояла бутылка вина, ваза с фруктами. Звонов переставил все это на маленький столик меж кресел, достал хрустальные бокалы, разлил в них вино.

— Немного выпьем и поболтаем,— предложил Олег.

Они пригубили бокалы, и Нина шутливо спросила Звонова:

— Олег Сергеевич, хотите, скажу вам что-то?

— Сделайте милость. Но если ругать собираетесь, то будьте великодушны.

— В Березовке вы были какой-то манерный, важный... А вы, оказывается, другой. Проще, интереснее.

— Ну, в Березовке это... от необычности обстановки. Да и вас увидев, подрастерялся. А потом — заданием был озабочен.

— Надеюсь, вы приозерцев в своих материалах не очень ругаете?

— Объективно, Нина Семеновна, объективно. Материал получился такой, что шеф никак не решается опубликовать. Читает. А так как забот у него и кроме моих опусов достаточно — приходится ждать у моря погоды. Ну, а чтобы я не мозолил глаза, шеф меня сюда упек. Сиди, говорит, и жди. Вызову. Вот я и жду. Настроение — сами понимаете. Как там глянется, как аукнется? Это увидев вас, я малость вскрылился. Взбудоражили вы во мне что-то молодое, ушедшее...

Звонов накрыл горячими ладонями руки Нины. Она осторожно высвободила их.

— Все-таки вы, Нина Семеновна, чудесная женщина...

— Спасибо, Олег Сергеевич. И хотя по своей журналистской привычке вы все значительно преувеличиваете, все равно мне это приятно слышать.

— Нет, нет. Я ничуть не преувеличиваю. Вот везет же чудакам вроде вашего Озерова. Извините, конечно, что я так о нем. Но, как говорится, слово из песни не выкинешь.

Нина досадливо насупилась. Олег этими словами сразу, в одно мгновение, как-то сбил, притушил ее приподнятое, веселое настроение. Он тут же заметил это и решил исправить свою оплошность.

— Ниночка, поймите, я ничего не хотел сказать плохого. Мы с Николаем коллеги, и мужик он в основе, по-моему, неплохой, но... Посудите сами — замуровать и себя и вас в этой глуши под названием Березовка? А ведь способный, чертяка. Я-то знаю. Впрочем, кто из нас без изъяна? Да не

журитесь, не журитесь, вон у нас почти полная бутылка отличного «Токая».

Но прежнее беспечно-игривое настроение к Нине так и не вернулось. Скоро она собралась уходить.

— Вы обиделись на меня, Ниночка?

— Надо бы, да не могу. Вы же мой спаситель. Если бы я верила в бога, то должна бы молиться за вас до конца дней своих.

— Молиться не надо, но не надо и бросать меня одного. А то или сопьюсь в этих хоромах, или дуба дам.

Нина засмеялась:

— Ну, не верю. Если мы с вами выдержали такое зелье ..

— Да, гадость порядочная, но, как видите, помогла. Чтобы сгладить впечатление, закажу для вас званый ужин. Придете?

— Не знаю, право. Постараюсь.

Они распростились несколько скованно, но дружески.

Олег потом не раз напоминал Нине о данном обещании. В дни, уже предшествующие ее отъезду, они встретились в мисхорском парке. Отторгнув Нину от ее приятельниц и найдя свободную скамейку, он забросал ее вопросами. Как отдыхается? Как себя чувствуем? Нет ли каких поручений? Заявил Нине, что чертовски скучает по ней, сообщил, что дал телеграмму в Москву, напрашиваясь на вызов. Звонова, оказывается, многие здесь знали, здоровались. Кто-то их фотографировал, потом это же делал Олег. Под конец он вновь вернулся к прежнему разговору о встрече. Довольно удачно спел под Вертинского:

Я жду вас как сна голубого,
Я гибну в любовном огне.
Когда же вы скажете слово?
Когда же придете ко мне?

Потом уже просительно проговорил:

— Нина Семеновна, третий раз разные крымские дары меняю. Одни выбрасываю, за другими на рынок посылаю. Грех такой вкуснятиной мисхорских собак кормить.

Нина, подумав немного, ответила:

— Ну, может, сегодня?

— С фрейлинами?

— Если не будут заняты. Народ, знаете ли, молодой.

— Я за любой вариант, но рушить вашим соседкам их планы я бы не советовал.

— Посмотрим по обстоятельствам. Но будьте готовы и к десанту.

Нине действительно хотелось, чтобы в этой встрече участвовали и ее приятельницы. Им бы наверняка было интересно послушать Олега. Девчонки, однако, все время были заняты — то вечер танцев, то концерт артистов кино в Ялте. Но всего скорее, были у девчат другие соображения — не хотели мешать Олегу и Нине в их встречах. Ведь женский глаз прозорлив. А вся история со спасением Нины из заплыва, лихое отогревание ее особыми коктейлями-снадобьями, подчеркнуто заботливое, дружеское отношение Олега к Нине и, наконец, чуть шутливое, но доверчиво-свойское поведение Нины с Олегом давали подругам основания предположить, что на ужине, о котором шла речь, они будут попросту лишними.

Мысли Звонова были примерно схожими с этими предположениями. И то, как Нина поблагодарила его на берегу за спасение из морской купели, как доверчиво, без раздумий пришла к нему в номер на второй день после происшествия, как радостно и дружелюбно встречала его на пляже, и в парке, на экскурсиях,— утвердило его в мысли, что более тесное знакомство с Озеровой, необременительный курортный роман вполне возможен.

Нина не кривила душой, когда сказала Олегу, что здесь он ей понравился больше, чем в Березовке. Но в этих словах не было и малой доли тех мыслей, которыми тешил себя Звонов. Правда, веселая, беззаботная атмосфера несколько увлекла Нину. Она и скучала в меру, и письма домой писала изредка. Но Звонов за тем ужином своим разговором вольно или невольно насторожил Нину, больно задел ее. Выходило, что он уверен в их обоюдном снисходительно-пренебрежительном отношении к Озерову и ее березовской жизни. Замуровал, видите ли, меня Озеров в этой глуши. Глупость какая. Чепуха. Ее сознание теперь поминутно возвращалось в Березовку, словно стараясь нагнать упущенное, оправдаться за то, что в последние дни она была позабыта малость, вспоминалась не так часто.

Насторожило Нину и настойчивое подчеркивание Олегом мысли о том, чтобы на вечернюю трапезу она пришла без «фрейлин», как он шутливо называл ее приятельниц. Он что, может, в любовь поиграть со мной собирается?— предположила мысленно Нина. Потом отбросила эту мысль. Ерунда. Олег все же не такой.

Подруги в тот вечер, конечно, сказались занятыми, и Нина отправилась к Олегу одна.

...Не скрывая своей радости по этому поводу, Олег шум-

но приветствовал ее, вручив огромный букет цветов. Затем суетливо-заботливо усадил в кресло на балконе, включил какую-то музыку, а сам ринулся «доводить до кондиции» сервировку стола. Нина предложила свою помощь, он категорически отказался.

Ужин был подготовлен старательно и со вкусом. И зелень, и два или три сорта сыра, и удивительно вкусные копченые рыбешки. Нина не могла не оценить старания Олега и искренне хвалила его. Она была весела, мягко и остроумно подшучивала над хозяином. Олег тоже «раскрепостился» — пустился в рассказы о своих поездках, наблюдениях, встречах. Правда, кое-что он повторял из рассказанного в Березовке, но Нина не перебивала его.

— Ну, а десерт мы организуем на балконе. Возражений не будет, Нинок?

И опять он быстро и ловко оборудовал там «десертный стол»: появились свежие и сушеные фрукты, какие-то орешки, конфеты.

Болтали о том о сем, беседа шла непринужденно. Олег вновь спел что-то под Вертинского.

Потом он переключил магнитофон на танцевальные ритмы и, несколько опасаясь поставить гостью в неловкое положение (откуда в Березовке знать рок-н-ролл), все же предложил ей станцевать. Она легко согласилась и, к удивлению Звонова, танцевала ничуть не хуже его и даже, пожалуй, с большей легкостью и прекрасным чувством ритма.

Когда щелкнул автомат магнитофона, переключая пленку, Олег вдруг обнял Нину, привлек к себе, стал лихорадочно, жадно целовать. Нина резко отстранилась, удивленно посмотрела на него и отошла к другой стороне балкона.

— Ну что такое, Ниночка? — Олег, подойдя, хотел опять взять ее в объятия.

— Не надо, Олег,— тихо проговорила Нина. Он не понял интонаций ее голоса, приняв их за робкие и просительные. Если женщина говорит «не надо», понимать следует наоборот,— вспомнил Олег банальную мужскую «мудрость». И уже без стеснения, стремительно обнял Нину, легко поднял на руки и понес в спальню.

Нина с трудом высвободила руки, уперлась ими в грудь Олега и, когда он подошел к кровати, с силой оттолкнула его от себя. Олег не удержался и плюхнулся в стоявшее рядом мягкое кресло.

— Нина, в чем дело? — хрипло и удивленно спросил он.— Объясни.

— Скорей вы, Олег, должны объяснить мне, в чем дело? А я-то думала... Олег не такой... Вы за этим меня и звали? Ошиблись, Олег Сергеевич. На роль «дамы с собачкой» я не гожусь.

Звонов поднялся с кресла, ринулся к ней. Она отскочила за спинку кровати.

— Олег, не делайте глупости. Я ведь и постоять за себя могу.

— Но, Ниночка, мы же взрослые люди. Почему ты из простого факта создаешь проблему?

Нина усмехнулась:

— Для кого как. Эх, Олег Сергеевич. Испортили такую хорошую курортную сказку...

Звонов уже стал успокаиваться. Он подошел к столу, налил вина, выпил.

— Знаешь, не ожидал, что ты принадлежишь к немногочисленной категории ханжей.

— Ну, мы, кажется, на ругань переходим. Это не корректно, Звонов.

Нина прошла через комнату, не глядя на Олега, взяла с вешалки свой плащ и, остановившись в дверях номера, сухо проговорила:

— Всего доброго, Олег Сергеевич.

...Через два дня Нина уезжала. Утром Олег как ни в чем не бывало зашел за ней в ее номер, взял вещи. Провожать вышли многие из не уехавших еще старых знакомых. Олег открыл дверцу машины, галантно поцеловал Нине руку, вручил букет цветов. Машина тронулась и скоро скрылась в сутолоке улиц.

И Олег и Нина были рады, что их «курортная сказка» подошла к концу. Они не предполагали, что она будет иметь свое продолжение.

Глава 12

ПРИОЗЕРСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Телефонный звонок полковника милиции Грачева в столь поздний час и слова, им сказанные, были настолько неожиданными и ошеломляющими, что Курганов, не поверив, переспросил:

— А вы не путаете, не ошибаетесь, полковник?

— Михаил Сергеевич, вот же он передо мной сидит! Докладываю вам все как есть.

— Я сейчас же приеду.

Курганов положил трубку, и мысли лихорадочно закружились в голове. Что же там произошло? Как мог такое Михаил? Сказать ли жене? Она же с ума сойдет! Но умолчать тоже нельзя. А если все очень серьезно? Да, придется сказать,— уныло подумал Михаил Сергеевич, и прошел в спальню. Елена Павловна тут же проснулась, улыбнулась мягко, но, посмотрев на часы, помрачнела:

— Ты все еще не ложился? Какой ты все-таки неорганизованный человек, Михаил! А парень пришел? Ты дал ему поесть?

— Лена, ты постарайся не волноваться и не паниковать. Миша задержан — мне только что звонили из милиции.

— Как задержан? Что с ним? Что случилось?

— Пока не знаю. Поеду выяснять.

— Я с тобой,— заторопилась Елена Павловна, вставая с кровати, но Курганов решительно остановил ее:

— Нет, нет, не надо, я один. Так будет лучше.

— Но что могло случиться, что?

— Какая-то драка, поножовщина.

— Но он не ранен? Не в опасности? — суетливо одеваясь, нервно донимала мужа Елена Павловна.

— Ты успокойся, я все узнаю и сразу тебе позвоню.

Курганов быстро вышел на улицу. Теперь надо было поймать попутную машину. Не очень надеясь на удачу, Михаил Сергеевич торопливо направился на Октябрьскую, и тут ему повезло. Какой-то бедолага шофер искал пристанище на ночлег и, догнав Курганова, спросил, где гостиница. Курганов, ничего не объясняя, торопливо забрался в кабину.

— Нам по пути. У милиции меня высадите, а через три дома от нее — Дом приезжих.

— Спасибо, только пустят ли туда? Поздно, да, поди, и мест нет.

— Найдутся. Если что, скажете, от Курганова.

— Спасибо, коли так.

...Начальник Приозерского отдела милиции полковник Грачев подчинялся Ветлужскому областному управлению внутренних дел, а здесь, в Приозерске, в сущности, не подчинялся никому. Но так как Курганова он хорошо знал, работал с ним в районе не один год, то встретил Михаила Сергеевича подчеркнуто приветливо и с искренним сочувствием.

— Так что стряслось, полковник? — с неприкрытой тревогой спросил Курганов, заходя за Грачевым в кабинет.

— Случай, Михаил Сергеевич, из ряда вон. Драка с тяжелыми последствиями. Пострадавший в тяжелом состоянии. Не исключен летальный исход.

— А сын? Он что, действительно замешан в этом деле?

— Замешан, да еще как...

Курганов бессильно опустился в кресло около стола Грачева и стал лихорадочно рыться в карманах. Ему вдруг стало не хватать воздуха, сердце нестерпимо остро кольнуло, словно туда вонзили иглу.

— Вам плохо? — обеспокоенно спросил Грачев, увидев, как побледнел Курганов.

— Ничего, ничего, пройдет,— через силу проговорил Михаил Сергеевич, положив в рот какую-то таблетку. Он посидел минуту-другую молча, прикрыв глаза, затем, повернувшись к Грачеву, спросил:

— Что же это за история? Объясни хотя бы вкратце. И последствия, какие могут быть последствия?

— Если пострадавший не выживет, то это катастрофа, Михаил Сергеевич.

— И что Мишка — участник?

— По предварительным данным... основной.

— Да не может быть. Не забияка ведь, не драчун. Спокойный парень. Не мог он учинить такое.

— Разбираемся. Задержанные утверждают, что они

с целой группой схлестнулись.

Курганов удивился еще больше.

— Ну, это совсем чушь.

— И, однако, это так, Михаил Сергеевич. Оба — и Михаил, и его приятель — были выпивши.

— Можно мне повидать его?

Грачев замялся.

— Понимаете, уже следователь из прокуратуры приехал. Допрос идет. Но я поговорю.

Он вышел из кабинета и отсутствовал минут двадцать. Михаил Сергеевич за это время позвонил домой. Елена Павловна была на грани отчаяния, и успокоить ее не удалось.

Курганова поразило сообщенное Грачевым. Михаил — его сын, смирный, разумный парень, никогда не пивший, в нетрезвом состоянии оказался заводилой драки. Поножовщины. Это не укладывалось в сознании, представлялось какой-то ерундой, нелепицей, недоразумением. Конечно, он уже далеко не дитя, в армию скоро идти, но ведь за ним не водилось ничего, даже отдаленно похожего на случившееся. Поверить в происшествие Михаил Сергеевич просто не мог.

Курганов не принадлежал к той категории родителей, которым дети застят весь мир, которые до умопомрачения любят своих отпрысков и готовы потакать им во всем. Он вообще был сдержан на проявление любых чувств, верен себе остался и по отношению к сыну. Он не чувствовал сейчас жалости, сострадания к Михаилу, наоборот, чем больше он думал о случившемся, тем больше разрасталось чувство возмущения и гнева.

Вернувшись, Грачев сообщил, что товарищ из прокуратуры вполне понимает состояние Михаила Сергеевича и разрешил встречу с сыном, хотя это и не положено.

Скоро в комнату ввели Михаила. Он был бледен, до предела взвинчен, его трясло, как в лихорадке. Лицо было в ссадинах, под левым глазом синела опухоль. Костюм помят, рубашка порвана, но все очищено от грязи — видно, старательно приводил себя в порядок перед встречей с отцом.

— Ну, так что случилось? — с трудом сдерживая себя, спросил Михаил Сергеевич.

Миша злым, дрожащим голосом стал торопливо объяснять:

— Мы с Витькой в парк, на танцплощадку шли. Около спортивного павильона какие-то парни к двум девушкам приставали. Мы решили им помочь. Ну, драка завязалась. Один на меня с ножом. Я его ударил, он рухнул. И кровь

у него пошла. Почему, не знаю. И парни, и девчонки разбежались, а мы бросились к автомату, в «скорую» звонить...

Курганов посмотрел на Грачева. Тот тоже внимательно слушал рассказ Михаила; на вопросительный кургановский взгляд только неопределенно пожал плечами.

В комнату вошел милиционер.

— Подследственного Курганова требует следователь.

Оба Курганова вздрогнули от этих слов.

Миша глухо спросил:

— Как там мама?

— Как мама? Лучше не спрашивай.

— Я дурак, конечно. Извини, отец. В такое дело влип... Вместо экзаменов... тут...

Когда парня увели, Грачев озадаченно проговорил:

— Если все было так, то это типичный случай самообороны. Но как доказать? Девиц и след простыл, приятели потерпевшего тоже пропали. Ни ваш сын, ни Гурьев — напарник его — зрительно ни одного из них не запомнили. Будем искать, конечно. Хорошо, если потерпевший выживет. А если нет...

Надежда эта, однако, не оправдалась. Парень, пострадавший в драке, несмотря на все старания медиков, не приходя в сознание, скончался. Ножевое ранение пришлось в область аорты, оказалось очень глубоким, потеря крови была большой, и сохранить ему жизнь не удалось.

Грачев сообщил эту новость Курганову, позвонив на работу. Михаил Сергеевич медленно положил трубку телефона. Давящая тяжесть легла на плечи, все тело сделалось будто ватным и непослушным. С трудом заставив себя подняться, он, предупредив дежурного, уехал домой.

Разговор с Еленой Павловной был длинный и тягостный. Как ни выбирал Михаил Сергеевич выражения, как ни старался смягчить их, факт смерти человека, погибшего от рук их сына, не мог стать от этого менее значительным. И Еленой Павловной овладело такое неистовое, такое гнетущее ощущение нагрянувшей беды, что она слегла в постель. С безудержным плачем она то и дело набрасывалась с упреками на мужа.

— Ты вот говоришь, что веришь Мише, веришь, что не виноват он. Но тогда почему он в тюрьме? Почему ты не вмешаешься, почему не защитишь своего сына? Ты что, совсем зачерствел? Или под старость трусом стал? Боишься, что подумают, что скажут?

Михаил Сергеевич терпеливо объяснял ей порядок рас-

следования и рассмотрения подобных дел, уговаривал набраться терпения, не терзать себя и его.

— Пойми, что вмешиваться в ход следствия я не могу. Не имею права. Да, я верю, что Миша рассказал мне правду. Верю, что он не убивал парня. Но во всем этом должно разобраться следствие.

Елена Павловна была вне себя от случившегося и беспощадно бросила мужу:

— Какой ты отец после этого!

Курганов не ожидал этих слов. Он хорошо понимал, как тяжело сейчас Елене Павловне, знал по себе степень и глубину ее горя. Но сказанное больно ударило его. Курганов знал себя хорошо, не был склонен к преувеличению своих достоинств, но черствости, равнодушия, безразличия к людям, а тем более к близким, к Михаилу, у него не было. И тем горше было услышать этот упрек.

Ночь они провели без сна, а утром, приехав на работу, Михаил Сергеевич, кое-как пересилив себя, позвонил прокурору Никодимову:

— Вы в курсе дела по поводу драки, что произошла в парке?

— Да, разумеется. Я лично наблюдаю за ходом следствия.

— У меня единственная просьба к вам: чтобы следствие было проведено всесторонне и тщательно, без скидок и без предвзятости.

— Так оно и будет, товарищ Курганов. Бригада создана квалифицированная. Не сомневаюсь, что она сумеет разобраться.

...Бригада во главе со следователем Приозерской прокуратуры советником юстиции второго класса Ларионовым действительно старалась изучить и расследовать все детали этого, как оказалось, довольно сложного дела.

Из вещественных доказательств на месте происшествия был обнаружен только финский нож с наборной ручкой, и ничего более. Пол в павильоне был засыпан древесными опилками, и об идентификации следов участников драки не могло быть и речи.

Очень трудным оказалось установление личности погибшего. При нем не было ни документов, ни вещей, кроме восьмидесяти рублей, что были обнаружены в заднем кармане брюк.

Оперативные работники обзвонили все приозерские предприятия и учреждения: не пропал ли кто из рабочих и слу-

жащих? Ответы были однозначны: нет, наши все живы-здоровы.

Не были известны и другие действующие лица драмы. Курганов и Гурьев не запомнили примет и каких-либо особенностей парней, с которыми столкнулись, так же как и девиц, которых ринулись защищать. Дело, правда, было вечером, события развернулись стремительно, и было, конечно, не до наблюдений.

Это крайне осложнило розыск и дознание. Группа Ларионова сновала по учреждениям, школам, предприятиям, общежитиям, но поиск шел вслепую и результатов не давал. Сами же участники происшедшей истории глухо молчали. И на это, вероятно, были свои причины.

Кто этот бедолага пострадавший? Кто еще участвовал в драке? Куда запропастились девицы? Эти вопросы не давали покоя Ларионову и его группе, об этом их ежедневно спрашивал Грачев, неоднократно звонил Никодимов.

Неизвестно, как долго решалась бы эта головоломка, если бы не поступило сообщение из отдела кадров межрайонного дорожно-строительного треста, ведущего работы на обводном канале в районе Сосновки в тридцати километрах от Приозерска. У них сгинул куда-то рабочий из бригады бетонщиков Кирилл Черняк. Строители просили выяснить — не числится ли он в числе задержанных или нет ли его в больницах.

Ларионов уцепился за это сообщение, как утопающий за соломинку, и в тот же день работники оперативной группы Кручени и Пыжиков выехали в Сосновку.

Здесь они собрали бригаду, из которой пропал рабочий, предъявили фотографию погибшего. Члены бригады подтвердили без сомнений и колебаний: «Да, это наш Кирилл Черняк».

Здесь же выяснились и обстоятельства, приведшие его в тот день в Приозерск. Оказалось, что часть рабочих с отдаленного, концевого участка, опоздала к выплате зарплаты, когда в Сосновку приезжал кассир. Получить ее в Управлении и вызвался Черняк. Ждали его обратно в тот же день, но он не вернулся. Не вернулся и потом. Теперь вот ясно почему. Что за человек? Бетонщик и монтажник был неплохой, дело знал. Подробнее охарактеризовать, однако, не могли — работал в бригаде недавно. И все же ребята были удручены случившимся, сожалели, что мало знали парня, не уберегли.

Погибший наконец-то был опознан, личность его уста-

новлена, но неизвестных слагаемых по делу не стало меньше. С кем был Черняк? Кто эти люди? Где их искать? Ответов на эти вопросы пока не было. И видимо, поэтому на очередном совещании группы лейтенант Крученя выдвинул новую версию развития событий.

— Товарищ Ларионов,— проговорил он,— а почему мы все так уверовали, что кроме погибшего и подследственных в павильоне был кто-то еще?

— Это явствует из первичного протокола о происшествии.

— Но протокол-то ведь составлялся по заявлению подследственных. По-моему, весомых оснований утверждать, что там был кто-то еще, кроме потерпевшего и задержанных, у нас нет. Предположение насчет каких-то таинственных забияк и девиц, на мой взгляд, сомнительно.

Пыжиков не согласился:

— Но ведь Курганов и Гурьев утверждают именно это.

— А почему, собственно, мы им должны верить? Почему не предположить, что вся эта история произошла между этой троицей?

— И за что же они прикончили этого Черняка?

— Товарищ Пыжиков, мы с вами хорошо знаем, что у подвыпивших юнцов причин для драки и поножовщины всегда достаточно.

Ларионов прервал их спор:

— Вы, дорогие мои, много рассуждаете, да мало делаете. Послушать вас — так будто вы в трущобах Нью-Йорка или Токио подвизаетесь, а не в Приозерске. Каких-то девчонок найти не можете. А если их не было — докажите. Вам что поручено? Розыск, дознание. А вы только версии выдвигаете. Так мы этот ребус не разгадаем. Энергичнее, быстрее надо действовать. И сегодня же еще раз допросить подследственных, да поподробнее.

Но ни Курганов, ни Гурьев не могли дополнить свои показания чем-то новым. Ребята? Ну обычные. Рослые, кудлатые такие. Девчонки? Молоденькие совсем, в светловатых платьях, с распущенными длинными волосами. Имена? Нет, имен не слышали.

Знакомство с Черняком Курганов и Гурьев отрицали. Да и проверка показала, что в круг их знакомых погибший не входил, никто из знакомых Курганова и Гурьева его ни разу не видел и не слышал такой фамилии.

И вновь искали участников этой истории и в Приозерске, и в окружающих деревнях и поселках. Но тщетно. Дело застопорилось. Следственная группа была вызвана к Никоди-

мову. Приехал к прокурору и Грачев. Докладывал ход следствия:

— Должен признать, что весомых данных, поясняющих дело, собрано пока мало. Курганов и Гурьев признают факт драки, свое участие в ней. Однако нанесение смертельной раны Черняку категорически отрицают.

— Если не они, то кто же? Кто мог это сделать?

— Подследственный Курганов заявил, что в схватке с Черняком участвовал именно он.

— Ну вот. Чего же тут неясного?

Грачев заметил:

— Поверить, что Курганов учинил такое,— трудно.

Никодимов поднял на него вопрошающий взгляд.

Грачев пояснил мысль:

— На рукоятке ножа, которым был убит Черняк, нет следов пальцев Курганова. Как же он мог воспользоваться ножом, не беря его в руки?

Никодимов раздраженно подвел итог:

— Два месяца уже возитесь, но ни у группы, ни у руководителей УВД нет уверенности в реальности выдвинутых версий. Плохо работаете, товарищи, очень плохо. А дело это необычное, сами знаете. Осудим без вины виноватого — скажут, мстим кое-кому. А коль виноват и не осудим — скажут, выгородили. Да и вообще — погиб человек, не шутка. Даю вам еще две недели. И чтобы был пролит свет на эту историю.

Однако ничего нового и за это время в дело внести не удалось. Вверх дном перерыли весь Приозерск в поисках виновниц события, но те как в воду канули.

Никодимов, прочтя еще раз все материалы дела, долго молчал, теребил свой длинный хрящеватый нос.

— У меня такое впечатление, что мы искусственно осложнили и замудрили это дело. Давайте рассуждать по элементарным законам логики. Драка была? Была. Исход ее — смерть человека. Нет отпечатков пальцев Курганова на рукоятке? Первичные следы владельца столь плотные, что следы другого объекта могли не проявиться. В криминальной практике такое бывало. О девушках. «А был ли мальчик-то?» — как справедливо вопрошал классик. Ведь эта версия действительно зиждется лишь на показаниях подследственных. А дело, видимо, обстояло проще. Пошли двое на одного, вот и все... Квалифицируем как злостное хулиганство, нанесение побоев с тяжкими последствиями.

...Когда Курганова и Гурьева ознакомили с обвинитель-

ным заключением, ребят будто подменили. Уверенность в своей правоте, вера в то, что до правды все-таки доберутся, найдут и тех девиц, и напавших на них хулиганов,— все это оказалось несбывшейся надеждой. И, поняв, что их будут судить, оба впали в безысходное уныние.

И до этого спокойствие им давалось с трудом. Их глубоко угнетало сознание своего позора, вины перед родными, перед ребятами в школе, перед всеми, кто их знал. Поддерживало дух лишь сознание того, что ввязались они в эту драку из добрых побуждений,— ведь девчонкам угрожала явная опасность.

Несчастье, что обрушилось на семью Курганова, обсуждалось в Приозерске широко. О происшедшем говорили везде — в деревнях, в бригадах, на фермах. Говорили и те, кто знал Курганова-старшего лично, и те, кто знал понаслышке. И было закономерно, что люди к его беде относились поразному: кто с болью, сочувствием, сожалением, а кто и со злорадством. Правда, таких было немного, но они все же были.

Днем, в бесконечной суете дел, Михаил Сергеевич несколько забывался, постоянно жившее в сердце горе несколько стушевывалось. Однако ночью, как и Елена Павловна, он не находил себе места.

Для Елены Павловны светом в окне была ее семья — муж, дочь и сын. Ими она жила, они составляли ее мир. И случившееся она переживала глубоко, до отчаяния. Михаил Сергеевич не без оснований опасался за рассудок жены.

Курганов знал неистовую преданность Елены Павловны семейному очагу. Но, видя, как близко, до боли принимает она к сердцу любой, пусть малый факт бытия их детей, как часто терзается о них, в сущности, без особых причин, ругал ее за это, стыдил, советовал не терять меры в своих родительских радениях.

— Черствые вы люди, мужики. Ты вот попробуй — роди, тогда будешь знать, что значит материнские чувства.

После выхода дочери замуж и отъезда ее семьи за рубеж вся сила любви и материнской ласки сосредоточилась на Мише. Провожая его в школу, она всегда смотрела на него с тревогой и беспокойством, словно отправляя в какой-то далекий путь.

Миша, смеясь, спрашивал:

— Ты что, мама? Смотришь так, будто на фронт или в космос меня провожаешь.

— Дурной ты, Мишка. Сын же ты мой! Как же не смотреть на тебя? Боюсь, как бы с тобой чего-нибудь не случилось.

— Ну что может со мной случиться?

Живым, общительным парнем рос Михаил. Служебное положение отца ничуть не влияло ни на его характер, ни на привычки, ни на поведение. Он быстро и легко сходился с ребятами, вечно торчал в каких-нибудь кружках.

С отцом у них была скупая, но глубокая дружба. Парень донимал Михаила Сергеевича бесчисленными и самыми невероятными вопросами и нередко ставил в затруднительное положение. Ну, не каждый же, в самом деле, знает, насколько увеличивается человечество в течение одного часа? Или мог же не знать Курганов, что слово «кибернетика» — наука об управляющих системах — впервые появилось в сочинениях Платона за четыре столетия до нашей эры... У младшего Курганова была редкая память, и он сыпал датами, историческими событиями и именами без всяких затруднений. Но более, чем это, Михаила Сергеевича радовало вдумчивое, серьезное отношение сына ко всему, что делается в стране, в мире. Настораживала, правда, излишняя категоричность в суждениях, игнорирование полутонов, каких-либо серединных точек зрения. Но в общем-то парень правильно понимал и воспринимал жизнь.

Особенно подкупал Михаила Сергеевича в сыне его неподдельный интерес к делам земледельческим. Он охотно и с удовольствием ковырялся в огороде, неоднократно увязывался с отцом в его поездки в села и вовсе не чувствовал себя там стесненно. Жарил с ребятами картошку, удил рыбу. Бывало, и к молотилке встанет, и за косу возьмется. Это казалось странным для городского парня. И тем не менее было у него какое-то постоянное тяготение к деревне.

Порой Елена Павловна слушала разговоры отца и сына и диву давалась:

— Да ты что, отец, крестьянствовать его, что ли, готовишь? Как заправский мужик рассуждает.

Курганов усмехался:

— А что ты думаешь? Я из крестьян, ты тоже. Вот гены и сказываются. Может, он и в самом деле земледельцем станет, в Тимирязевскую академию надумает?

— А я уже надумал,— раздался голос сына.— После армии — Тимирязевка.

Но сейчас Мише Курганову предстояли пока совсем иные пути-дороги.

В день, когда было закончено следствие и прокурором Никодимовым утверждено обвинительное заключение, Михаил Сергеевич поехал на встречу с сыном. Встреча эта была предельно тяжелой для обоих. Из уравновешенного, спокойно-рассудительного парня Михаил превратился в неврастеника, в сплошной комок нервов. Он ничего не хотел слушать; слова отца, звавшие его к разумности, сдержанности, мужеству, прерывал, высмеивал. Наконец, не выдержав, уронил на руки голову, разрыдался:

— Но я же не виноват, отец, не виноват! Ну почему, почему такое?! Почему не разобралось следствие? Почему молчат эти девчонки, ребята, что были с Черняком? Что же это делается, отец?

Что мог сказать на это Михаил Сергеевич? Эти же вопросы возникали и у него. С трудом проглотив подступивший к горлу комок, он глухо заговорил:

— Послушай, сын. Я верю, что ты не виноват! Верю. Но постарайся рассудить разумно, исходя из фактов. Драка была. Вы участники. Последствия оказались неожиданными, страшными. Ты знаешь, уверен, что ножом Черняка не ударял. Значит, надо собрать весь разум и доказать это суду. Но не горячностью, не криком, не истерикой, а фактами.

Миша опустошенно посмотрел на отца и безнадежно махнул рукой:

— Засудят, чего уж там!

О несчастье, свалившемся на Курганова, узнал и Заградин. Он позвонил Михаилу Сергеевичу.

— Курганов? Как ты там? Хоть позвонил бы или заехал. Сочувствую, понимаю, как тяжело тебе и Елене. Только не впадайте в панику.— И через паузу спросил: — Слушай, неужели Мишка мог такое?

— Нет, Павел Васильевич, не виноват он, я убежден в этом.

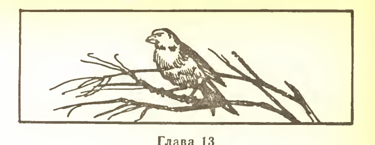
— А тогда какого черта молчишь? Почему в колокола не бьешь?

— Была мысль позвонить вам, да постеснялся.

— Ну это уж ты зря. Освободить твоего парня от ответственности, если он виноват, я не могу, но попросить наших служителей Фемиды внимательнее разобраться — вправе.

— Спасибо, Павел Васильевич. И извини. Докучать своими личными делами, ты знаешь, не в моих правилах.

Хоть и не обещал ничего Заградин, да Курганов и не просил его, однако разговор этот подбодрил его, прибавил уверенности в конечном исходе дела с сыном.



Глава 13

НА КРИВЫХ ТРОПАХ

Письмо, врученное почтальоном Озерову, было столь неожиданным, так его удивило, что он долго раздумывал, не вскрывая конверт, пытаясь догадаться, понять, что понадобилось его бывшей супруге? Удивительным было и то, что Надежда, указывая обратный адрес, обозначила себя Озеровой. С чего бы это? Ведь столько лет прошло, как она отвергла и его самого, и его фамилию, и носила свою прежнюю — Сорокина.

Письмо было написано торопливо, сбивчиво, с обилием вопросительных и восклицательных знаков. С трудом Озеров уяснил из него, что Надежда хочет повидать его и в ближайшие дни приедет в Березовку... Послание это вызвало досаду, напомнило давние уже события, связанные с их разрывом. Но особого значения Николай письму бывшей супруги не придал и отвечать не стал.

Однако совсем иначе смотрела на все это Надежда Сорокина.

Немало воды утекло за эти годы в Москве-реке, да и в Славянке тоже, немало событий прошумело над Чистыми прудами, где обитала Сорокина, немало жизненных передряг она пережила.

Из подвижной и стройной москвички Надежда превратилась в дородную, крепко сбитую женщину, с твердым набором современных вкусов, запросов, привычек, с умением создать себе нравящийся образ и уровень жизни. В служебных делах она тоже прочно стала на ноги. Из рядового нормировщика превратилась в руководителя планово-финансового отдела одного из крупных трестов.

Нельзя сказать, что Сорокина все эти годы не вспоминала своей первой семьи, бывшего супруга. Вспоминала, но редко

и довольно спокойно, как случайность на жизненном пути, давно ушедшую в прошлое.

После той давней поездки в Березовку жизнь ее давно уже вошла в свое прежнее русло. Подруги и друзья, что избегали когда-то Надежду из-за сурового, неразговорчивого муженька, вновь обрели на Чистых прудах свое гнездо, гостеприимное и удобное для беззаботного и веселого коротания свободных вечеров.

Веселье же хозяйка любила всегда. При этом никогда особенно не задумывалась о причинах и поводах для него. Собственно, эта ее склонность и привела в конце концов к разрыву с Озеровым.

Надежда вновь жила по-своему. День проходил в ожидании вечера. А вечером — веселые люди, томная музыка, блистающий паркет ресторанных залов, аромат дорогих духов. Поздно вечером она возвращалась домой, опьяненная вином, усталостью, обилием впечатлений.

Но мысль о какой-то постоянной, более прочной опоре в жизни приходила нередко.

Что-то через месяц после ее возвращения из Березовки и фактического разрыва с Озеровым Сорокиной позвонил Виталий Крупицын, ее давний приятель. Говорил он весело, беззаботно, забросал Надежду вопросами: как живешь, не обзавелась ли новым законным супругом? Услышав ответ, еще более вдохновился и безапелляционно заявил:

— Тогда скоротаем вечерок вместе.

Надежда решила не спешить:

— Не могу сегодня, занята.

— И слушать ничего не хочу! Как это занята? Крупицын не будет лишним ни в одной компании.

— Но у меня холодильник пустой. Даже разморожен. Никаких запасов.

— О чем вы говорите, Надежда Михайловна!

Крупицын ей нравился давно. По душе был его веселый характер, удивительная практичность в жизни, готовность угождать ее капризам, умение найти выход из любого, казалось бы, безвыходного положения. Он, пожалуй, мог бы явиться новым, более надежным якорем для ее жизненного корабля. Так что звонок был кстати. В тот же вечер Сорокина исподволь подняла эту волновавшую ее тему.

— Оказывается, не свойственно мне одиночество-то. Надо, чтобы родная душа была рядом, чтобы нужно было заботиться о ком-то.

— Ну, а с Озеровым-то окончательно? Игрушки врозь?

— Пишет он. Только я молчу. Все переговорено и все выяснено. Он в Березовке, я в Москве, менять адрес ни тот, ни другой не собирается. Значит, не по пути...

Виталий поддержал ее решимость.

— Правильно поступаешь. Зачем тебе эта тмутаракань? А он — Озеров-то — идейный до макушки. Свой «передний край» — Осиновку или там Березовку — он не бросит. Выход очень простой — развод. И мы тут же оформим наши с тобой отношения. Закатим бал в «Арагви» или в «Метрополе», и история придет к своему логическому завершению.

— Ты все-таки удивительно умный и тонкий чертяка,— удовлетворенно воскликнула Надежда.

Вскоре она отнесла в народный суд заявление о разводе с Озеровым.

Чувствовала она себя превосходно, настроение было лучше некуда, а в такие моменты не каждое сердце может быть отзывчивым к чужой боли. Тем более такое сердце. Сорокина не обратила внимания на письмо, что прислали правленцы Березовского колхоза, когда Озерова подкосила болезнь. Прочла мельком, с пятого на десятое. Поняла по-своему: решили припугнуть. Ну нет, дорогие товарищи, не выйдет! И потом — что я, врач? Медицинская сиделка?

Однако из-за своей болезни Озеров тогда не приехал на рассмотрение ее заявления о разводе и только после двух или трех повесток прислал суду официальное согласие. Вскоре суд состоялся, и с брачными узами Озеровых было покончено. Можно было оформлять новые. Но... с кем? У Крупицына вдруг изменились обстоятельства, и он отбыл в длительную командировку.

Сорокина запаниковала было. Но ведь, как известно, ищущий находит. Появился у нее еще более обещающий вариант — закрутился роман со своим сослуживцем — заведующим соседним отделом.

Длился этот альянс долгонько, но как-то в самый неподходящий момент заявилась на Чистые пруды супруга ее поклонника. Кончился этот визит изрядным битьем посуды, гибелью любимой хрустальной люстры и здоровым синяком под глазом у соблазнительницы. Нападающая сторона тоже пострадала, но умеренно, ее спас добротный фиолетовый парик.

После этого прискорбного происшествия мысль, давняя и постоянная — кого же более или менее фундаментально приковать к своей домашней колеснице? — не покидала Сорокину. И тут опять неожиданно позвонил Крупицын.

Он вернулся, оказывается, из своей длительной отлучки. Вечер прошел в торопливых воспоминаниях, в уничтожении разных диковинных яств, что притащил гость. Да еще хватающая за сердце музыка. Надежда буквально таяла от ее бурных каскадов и какофоний и все допрашивала, где Виталий умудряется доставать такие радости — от ананасов и консервированных шампиньонов до этих вот, в золотую фольгу упрятанных магнитофонных чудес?

— Милая, где мы живем? В Москве. А в ней, белокаменной, все должно быть. И все есть.

Жизнь снова пошла по проторенным тропам — веселая и беззаботная, а Крупицын еще и поездку на юг затеял. Весна — лучшее время в Крыму.

— У меня отпуск будет только в октябре. У нас график.

— Графики для того и составляются, чтобы их нарушать. Убеди, докажи, пусти слезу, наконец. Начальство и не устоит.

И действительно оно не устояло.

Ялта встретила их солнечным, почти летним теплом, бирюзой неба и ласково мурлыкающим морем.

Санаторий расположился на самом берегу, но почти в центре города. Виталий стал было сокрушаться по этому поводу. Надежде же, наоборот, понравилось. Даже в эту пору уже шумная, веселая толпа на набережной, сияние неоновых реклам и вывесок, белоснежные пароходы с золотом сияющих огней в порту — все это будоражило нервы.

— А я очень довольна. Терпеть не могу сидеть в уединенных санаториях. Ни людей не увидишь, ни себя не покажешь. Очень хорошо, Виталик, что ты выбрал именно это гнездо...

И снова пошла веселая, беспечная карусель. Днем пляж и море, вечером парк, кафе, танцы.

Как-то Надежде пришла в голову мысль поехать в Мисхор.

— Мисхор так Мисхор... Там на какой-то горе, кажется, есть очень неплохой ресторан...

Море в Мисхоре было, кажется, еще лучше, чем в Ялте. Спокойное и неподвижное, оно мелко рябило под легким ласковым ветром.

Когда бродили по парку, Крупицын обратил внимание на сидевшую на скамейке пару:

— Этого товарища я, кажется, знаю.

Он снял с плеча фотоаппарат, смело подошел к сидевшим и, быстро определив экспозицию, сфотографировал их. Заме-

тив недоумение на лицах мужчины и женщины, извинился и с обескураживающей улыбкой попросил:

— А теперь вы нас щелкните, пожалуйста,— и подал аппарат мужчине.

— Нажмите белую кнопку на верхней панели,— пояснил он.

— Это мы знаем. «Канон»! Классный у вас аппарат.

— Если бы фирма знала, что ее продукцию высоко оценивает выдающийся советский журналист! Вы ведь товарищ Звонов? Завтра вы получите и негатив, и два-три позитива. За качество снимков ручаюсь.

Звонов и Крупицын с улыбками распрощались. Когда отошли от скамейки, Сорокина, озабоченно наморщив лоб, проговорила:

— А ведь спутницу этого хмыря я где-то видела. Только вот где? Дай бог памяти. Ага. Вспомнила. Это же суженая моего бывшего муженька, агроном из Березовки...

Крупицын нахмурился:

— Ну, я вовсе не хотел вторгаться в чужие тайны. И от своих деваться некуда. Надо не забыть отдать им негатив.

— Отдашь, отдашь. Но один снимочек этой парочки мне сделай обязательно.

— Зачем?

— Да просто на память.

... Весело и беззаботно шла жизнь у Сорокиной и Крупицына в теплых крымских краях. Но ведь далеко не каждая сказка завершается счастливым концом.

Через несколько дней после поездки в Мисхор дежурный по холлу санатория передал Крупицыну телеграмму. Прочтя ее, Виталий побледнел, крупные капли пота выступили на лбу, и он, даже не поднявшись в номер, помчался на городской узел связи. Вернулся поздно, в смятенном, взволнованном состоянии. Сорокина, обеспокоенная его долгим отсутствием и странным видом, стала расспрашивать, что случилось. Но Виталий ответил коротко:

— Служебные неприятности. Придется лететь в Москву. Остановлюсь у тебя.

— А что все-таки стряслось?

Крупицын попытался ее успокоить:

— Без паники! Через два-три дня вернусь!

Рано утром он уезжал на аэродром. Прощаясь, посмотрел на Сорокину как-то странно, пожалуй, даже виновато. А она, подчиняясь возникшему предчувствию, лихорадочно стала собираться.

— Я тоже поеду! Я не останусь!

Виталий, досадливо морщась, остановил ее:

— Ты останешься здесь. Билет куплен один. Я же сказал, что скоро вернусь... Денег тебе оставлю.

Прошло три, пять дней, неделя. Виталий не появлялся и молчал. Сорокина не выдержала и уехала в Москву.

...У нее в квартире на столе, прижатая пепельницей, лежала записка. Сорокина, не раздеваясь, быстро пробежала запылившийся листок. «Осложнились некоторые дела, и потому экстренно уехал в Ригу. Позвоню. Не беспокойся. Все будет о'кей».

Но что-то не верилось Сорокиной в эти успокоительные слова. Она встала, бездумно прошлась по комнате. На серванте в беспорядке валялись две пачки сигарет, блокнот. Здесь же лежала, видно, забытая почтовая открытка, написанная крупным, неровным почерком. Сначала Надежда ничего не поняла. Мелькнула мысль: это чья-то чужая... Но, посмотрев на адрес, убедилась: послание было адресовано именно Крупицыну. Бесхитростные строчки тянули к себе, завораживали:

«Дорогой папочка, у нас очень плохо. На днях к нам приходили дяди и все описали, даже мой велосипед. Мама говорит, что я тебя больше не увижу. А я не верю. Ведь ты приедешь, правда, папочка? Мы боимся за тебя. Все плачем, плачем вместе с мамой. Твой сын Борис».

Твой сын Борис... Твой сын Борис... Значит, Виталий врал, что не имеет семьи? Врал, конечно же, врал. Теперь Сорокиной со всей беспощадной очевидностью стало ясно: все, что было связано с Крупицыным, было ложью. И его чувства к ней, и его обещания, его рассказы о важной и особой работе — все было обманом. Какая же я дура, что не распознала его, какая непроходимая дура...

Долго сидела Сорокина на своей мягкой софе, всхлипывая и злясь, придумывая кары, которые обрушит на Виталия, когда тот появится.

— Но, кажется, теперь он не появится долго,— проговорила она вслух. И ей стало невмоготу от сознания того, что теперь-то уж с беспечной и такой веселой жизнью, что умел устраивать Крупицын, придется проститься наверняка.

В этот момент появилась Рита-Ритуля, одна из самых близких приятельниц Сорокиной. Она впорхнула — беззаботная, шумная, говорливая. Однако, заметив угнетенное состояние подруги, насторожилась, стала расспрашивать,

что с ней? В ответ Сорокина молча подала записку Виталия и открытку, что нашла на серванте.

— Скажи, каков гусь! — прочитав, возмущенно изрекла Рита.— Это же надо. Раз у тебя рыло в пуху, не лезь к порядочной женщине.

Она еще несколько минут сотрясала воздух своим гневом, не жалея самых сильных эпитетов по адресу Крупицына. Но скоро заметила, что подругу это еще больше удручает. И Ритуле показалось, что именно сейчас вполне уместно рассказать Надежде ту новость, из-за которой, собственно, она и заявилась сюда.

— Послушай-ка, что я тебе расскажу. Ты знаешь, что с Озеровым-то?

Сорокина подняла голову в немом удивлении. Вот уж о ком она думала сейчас меньше всего! С полным безразличием спросила:

— А что с ним?

— Опять орденом наградили!

Сорокина не нашлась, как отнестись к этой новости, и промолчала. А Ритуля продолжала:

— Гляди, еще в Герои выйдет!

— Пусть выходит, мне-то что?

— В общем, извини, конечно, но промахнулась ты с ним, Надька, ой как промахнулась!

Сорокина подошла к окну. Прислонившись к холодному стеклу разгоряченным лбом, закрыла глаза и долго стояла молча, кусая губы. Мысль несуразная, не осознанная еще в полную меру метнулась у нее в голове.

— Откуда ты знаешь о нем?

— Да видела я его. Ездила в Ветлужск и случайно встретила. Про тебя спрашивал: как, мол, себя чувствует, как живет? Значит, все еще помнит... Сказала я ему про Виталия... Поморщился, словно горечь в рот попала, да и говорит: «Зря она вяжется с этим проходимцем. Ненадежный он человек». И ведь прав он оказался. Прав.

Надежда вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. Лавина гнетущей, безысходной тоски обрушилась на нее, и она зло выкрикнула:

— Да ни с кем я не вяжусь, ни с кем! Ну их всех к черту!

Этой бессонной ночью Надежде Сорокиной пришла и уже не уходила мысль, невольно навеянная Ритой-Ритулей,— мысль об Озерове. Она пыталась убедить себя, что думает о нем зря. После стольких лет, после всего, что было? Да он и говорить-то со мной не захочет! Как спасительный островок,

вспомнился рассказ Риты о том, что Николай с интересом расспрашивал о ее жизни. А может, у него осталось и тлеет еще прежнее чувство? Ведь он очень любил меня. Очень. Ну, ошиблась я, не поняла его... Интересно, как у них сложилось с этой агрономшей? И, словно подброшенная пружиной, Сорокина вскочила с кровати. Как сложилось? Если бы хорошо, так на юг с ухажером не поехала бы. Надежда стала лихорадочно искать в чемодане снимок, что сделал Крупицын. И нашла его. Долго вглядывалась в лицо Нины Семеновны, пытаясь понять, проникнуть в сердечные тайны своей соперницы. Значит, ты, дорогая, тоже не без греха? — ухмыльнулась Надежда. Безусловно, не без греха. Собственный опыт настойчиво убеждал ее в этом предположении.

Утром она написала то письмо, что повергло в немалое удивление Озерова. А через три дня, не дожидаясь ответа, направилась в Березовку...

Надежду сейчас ничего не занимало, кроме мыслей о предстоящей встрече с Николаем, но она не могла не заметить, что Березовка все же стала другой. Правда, она не превратилась в град Китеж, далеко не все удалось сделать, о чем мечтал Озеров и о чем с таким жаром рассказывал когда-то Надежде. Но стояло много новых рубленых изб, старые дома были подремонтированы. Вспомнилось ей, что особенно горячо Озеров расхваливал будущий общественный центр. Дом выглядел действительно внушительно — облицованные керамикой стены, белые колонны. Вывески на красно-рубиновом стекле: правление колхоза, партийный комитет, комсомол... А в другом подъезде, видимо, клуб. Судя по нестройным звукам духового оркестра, там шла репетиция.

Сорокина спросила вышедшего из здания старика, где она может увидеть Озерова?

Макар Фомич (а это был он) заинтересованно и удивленно посмотрел на нее.

— Николай Семенович в Приозерске. А вы, собственно, по каким делам? Постойте, постойте. Вы ведь гражданка Сорокина? Я не ошибаюсь? Нет. Значит, склероз еще не вошел в силу. Так нет его, председателя-то, нету. К вечеру только будет: Подождать придется, если очень нужно. А пока можете отдохнуть в Доме приезжих. Скажите, что Беда, мол, прислал.

Приезд Сорокиной озадачил Макара Фомича, разбередил его давнишнее беспокойство. Он не раз замечал явные нелады в семье Озеровых. Вот ведь как бывает,— думал Фомич.— Душа в душу жили, всегда вместе, всегда рядом — на по-

ля, с полей, на деревенские посиделки, в кино. Дружнее семьи не было в деревне. Сейчас же пробежала меж них какая-то трещина. И разные какие-то стали. Нина-то пичужка пичужкой была, а сейчас — не узнаешь. Все красивше, чертовка, делается. Семеныч же — наоборот, усох как-то, посерел. Правда, работает он с утра до утра, но ведь что с того? Бабы не любят, когда мужик в кочерыжку превращается.

Макар Фомич любил и Озерова и Нину глубокой, в сущности, отцовской любовью; в них видел себе смену, опору делам своим в Березовке, которым была отдана вся его жизнь. И распрю между Николаем и Ниной переживал глубоко. Как-то даже подумалось: не загулял ли кто из них? Народу стало наезжать в колхоз много — и студенты, и механизаторы, и разные представители из Приозерска, Ветлужска, а то и из Москвы. И у всех было дело до председателя да агронома. Бывали среди приезжих и статные, и отчаянные, и такие, что палец им в рот не клади.

Появление бывшей супружницы Озерова, этой прохиндейки (а иначе он ее и не именовал), насторожило Фомича. Не она ли какими-то путями смуту в семью Николая вводит? Такие все могут.

А Надежда Сорокина после разговора с Бедой несколько минут стояла в раздумье — идти в дом Озерова или действительно подождать? Решила пройтись по Березовке. Может, деревенские кумушки что-то расскажут,— подумала она. И действительно, две словоохотливые старушенции обсказали, как обстоят семейные дела председателя:

— Простудилась она, супруга-то его. Дожди нас замучили осенью, ну, прямо напасть какая-то была. Ну и простудилась агрономша, легкие насквозь простудила. Так вот, доктора на юг ее отправили.

На вопрос Надежды — как живут? — собеседницы тоже ответили без особых сомнений:

— Ничего живут, слава богу, как люди. Конечно, в семье не без обид там или разногласиев. Ну да ведь, как известно, муж да жена одна сатана.

«Здесь, значит, все хорошо и ладно,— злорадно подумала Сорокина,— а на юге дым коромыслом. Хороша супруга у товарища Озерова, нечего сказать!»

В комнате Дома приезжих она прежде всего достала злополучную фотографию.

— Посмотрим, как ты завертишься, Николай Семенович, от такой картинки. Как удачно получился снимок-то у этого прощелыги! — Воспоминание о Крупицыне опять боль-

но ударило по нервам.— Подлец, неудачник! Коль нет ума, так не берись за опасные дела. Теперь вот покукуй в краях отдаленных.— Потом ее мысли вновь вернулись к предстоящей встрече с Озеровым.— Что я ему скажу? Зачем приехала? Помириться хочу, вот и приехала. Семья? Ну и что же? У нас тоже была семья. Нравится ему жить здесь? Пусть живет. А летом и я буду приезжать, вон какие места-то здесь. И дом ничего, под стать любой даче. А кроме того, не будет же он здесь торчать вечно...

Сорокина бодрилась, но предстоящей встречи боялась. Зная характер Николая, она опасалась, что он вообще не станет разговаривать с ней. А что тогда? Возвратиться, как побитой собаке, обратно? И оставаться одной, совсем одной. Без опоры, без дополнительного воспомоществования? Это обстоятельство страшило ее, пожалуй, больше всего.

Не раздумывая больше, она вышла на улицу и решительно направилась к дому Озерова.

Входная дверь была не заперта, лишь металлический крючок был накинут на петлю. Когда входила в сени, на минуту устыдилась: в чужой дом ведь иду... Но все же вошла. Цепким взглядом окинула комнаты, их убранство.

«А ничего живут, не бедствуют»,— подумалось ей.

Нервно-напряженное состояние не проходило. Пыталась успокоить, взбодрить себя: «Чего ты разнюнилась? Все-таки мужем и женой были. И любил он меня. На суд-то по поводу развода так и не явился. Значит, не согласно было его ретивое...»

...Озеров в Березовку возвратился в сумерках. Когда ехали мимо его дома, удивился — там горел свет. По занавескам двигалась чья-то тень.

— Кто это у меня хозяйничает?

Шофер, тоже мельком глянув на окна, предположил:

— Правленческая уборщица, наверное, старается. Ей вчера Макар Фомич порученье давал, чтобы, значит, помогала вам. А то, говорит, зарастут мужики, пока хозяйки нет.

В правлении было людно. Ожидали председателя.

Николай поздоровался, стал было раздеваться, но Макар Фомич отозвал его за перегородку:

— Ты дома-то был?

— Нет. Там кто-то, видимо тетя Даша, чистоту наводит? Говорят, по твоему поручению.

— Никакая там не тетя Даша. Твоя бывшая хозяйка приехала.

— Какая хозяйка? Надежда? Да ты что? Что ей понадобилось?

— Вот этого не знаю.

— Что за чертовщина? Что ей взбрело в голову? Пожалуй, надо пойти, узнать?

— Конечно, иди. Проясни. Только смотри, не опростоволосься.

— Бить ее не собираюсь.

— Не о том я. На бабьи штучки не клюнь.

— Макар Фомич, да ты что?

Беда вздохнул:

— Ох, не знаешь ты, Николай, женскую психологию. Совсем не знаешь!

Озеров подходил к дому торопливо. Он и тогда, получив письмо бывшей супруги, был удивлен до крайности. Недоумевал и сейчас: что ей надо?

Надежда торопливо встала из-за стола и шагнула ему навстречу:

— Здравствуй, Николай!

— Здравствуй! — не скрывая удивленного тона, ответил Озеров, но руки не протянул. Это больно кольнуло Надежду.

— Коля... Я вот приехала... Не прогонишь?

Николай Семенович смотрел на нее вопросительно. Взволнованное, в пышном убранстве взбитых волос лицо все еще было красивым. Но складки возле губ сильно старили ее. И уж совсем другими стали глаза, исчезли из них веселые, задорные искорки, будто пряча от взоров людей, их прикрывали черные, тяжелые от краски ресницы. На мгновение Озеров почувствовал нечто вроде сожаления, но оно неуловимо быстро ушло.

Ровным спокойным голосом он проговорил:

— Зачем приехала-то?

— Может, пригласишь присесть?

— Пожалуйста, садись...

— Приехала повидаться... Поговорить.

Надежда нерешительно подняла глаза и встретилась со спокойным, безразличным взглядом. В нем не было даже отблеска прежнего чувства, а значит, и прощения быть не могло... Николай смотрел на нее, как на чужого, постороннего человека. Сорокина уронила голову на руки и заплакала.

Озеров не подошел к ней, а со своего места, с противоположного конца стола попросил:

— Не надо, Надежда. Ни к чему это.

— Я понимаю, я виновата, Коля. Но неужели у тебя... ни-

чего не осталось от прежнего?.. А я вот не могу... забыть тебя не могу...

— Ну, а я забыл. Все перегорело, Надя. И давай не будем ворошить прошлое. Его не вернуть.— Потом, помолчав, уже мягче спросил: — Как работается, живется? Трудишься все там же? Живешь все на Чистых прудах?

— Да, все там же и все так же,— нехотя ответила Надежда и встала.

— Может, чаем тебя напоить. Нина-то моя на юге, лечится. А у нас, мужиков, без женского глаза, сама знаешь, угощение скудное.

— Да нет уж, спасибо. Обойдемся. А Нину твою я на юге видела. Познакомиться, правда, не пришлось, но виделись.

— Надеюсь, там сейчас неплохо? Не холодновато? Лето нынче теплом пока не балует. А впрочем, в Крыму-то...

— В Крыму при желании согреться можно.

Озеров не уловил скрытого смысла ее слов и, чуть стесняясь, предложил:

— Может, у тебя с деньгами туговато? Я могу помочь. Больших сумм не имею, но кое-что найдется.

— Знаешь, не откажусь. Одинокой, брошенной мужем женщине лишняя копейка всегда впору.

Николай не стал отвечать на эту колкость и уточнять, кто кого бросил, а достал из серванта небольшую пачку денег, перехваченную резинкой, передал Надежде. Та аккуратно убрала деньги в сумочку. Чуть помедлив, вытащила оттуда небольшой конверт и положила на стол.

— А это тебе. На память!

Николай потянулся к нему, но Сорокина остановила:

— Потом взглянешь. А мне пора. Вон уже и рейсовый мигает. Давай прощаться?

Она подошла к Николаю, уткнулась ему в грудь, видимо, хотела всплакнуть, однако он осторожно взял ее за плечи, легонько отстранил от себя и спокойно проговорил:

— Счастливого пути, Надя. Желаю, чтобы у тебя все было хорошо.— И отошел чуть в сторону, освобождая ей дорогу к двери.

Надежда застегнула пальто, поправила какую-то замысловатую шапочку на голове и уже у двери проговорила:

— Ауфвидерзейн. Полюбопытствуй, что в конверте-то. Очень советую!

Дверь захлопнулась. Николай видел в окно, как она, не

обернувшись на его дом, села в подошедший автобус и уехала.

Озеров взял лежащий на столе конверт, из него выскользнула фотография. Яркое, контрастное фото беспощадно засвидетельствовало факт: на скамейке сидели двое. Сидели близко друг к другу. Загорелая рука мужчины, оттененная белизной тенниски, свободно и уверенно лежала на плечах соседки. Это были Олег Звонов и Нина.

Озеров сначала не поверил в то, что увидел, поднес снимок ближе к свету. Изображение стало еще явственнее. Возникла мысль взять машину и догнать автобус, расспросить Надежду. Но он тут же раздумал. О чем расспрашивать? Что могла и хотела, бывшая супружница уже сделала. Добавит детали? Что это изменит? Нина и Звонов! Невероятно! И вдруг мысль, острая и жгучая, как змеиное жало, пронзила его мозг: ведь у нее было что-то и раньше с кем-то, кажется с Удачиным... Она сама пыталась рассказать ему это «что-то», но он тогда решительно не захотел слушать...

— И правильно, что не захотел,— проговорил вслух самому себе Николай.— Тогда почему ты беснуешься сейчас? Знакомые люди случайно встретились и сфотографировались. Что в этом особенного? Почему тебя ревность вдруг обуяла? А не стыдно тебе, Озеров?

Однако снимок, лежавший на столе, невольно притягивал его взгляд, парализовал любые другие мысли, тушил их.

Николай достал из стола письма, полученные от Нины с юга, стал перечитывать их. Но если раньше восторженное описание крымских пейзажей, прелестей моря, интересных прогулок радовало Николая, а ее многочисленные советы, касающиеся Алешки и дел домашних и колхозных, умиляли его, то теперь все это воспринималось им как торопливая отписка в промежутках между курортными увеселениями. Да. Ясности и спокойствия эти письма Озерову не принесли.

Он, сгорбившись, долго бездумно сидел за столом и опустошенно глядел перед собой. Мысли вихрились в голове, как пыль на ветру, и не было ни одной, которая бы облегчила его, ободрила, сняла с плеч непомерно давящую тяжесть. Пожалел Озеров, что отпустил Алешку в Бугры. Так ему захотелось прижать сейчас к себе сына, почувствовать его родную теплоту. Пожалуй, только он — Алешка — мог бы утихомирить сейчас его мятущуюся душу.

...Совсем поздно, ближе к полуночи, заявился Макар Фомич.

— Добрый вечер, а вернее, добрая ночь, Семеныч. Не помешаю? Чай в этом доме есть?

— Проходи, Макар Фомич! — без особого подъема ответил Николай.— Сейчас чего-нибудь организуем.

— Вот и хорошо. А перед ним, чайком-то, мы изничтожим вот эту заразу.— И Фомич поставил на стол поллитровку.— Закусь, полагаю, какой-нибудь найдется?

— Повода для выпивки не вижу, Фомич.

— Зато я вижу. Доставай снедь.

Когда выпили по лафитнику, Фомич, не любивший темнить, начал разговор сразу.

— Рассказывай, что хотела от тебя эта ведьма?

— Приехала, чтобы сообщить интересную новость.

— Какую же?

— Знаешь, Фомич, даже говорить не хочется.

— Чую, наплела что-то твоя бывшая грымза, а ты поверил. Выбрось все из головы. Верить такой, прости господи, стерве может только круглый дурак вроде тебя.

Николай тяжело вздохнул.

— Еще ничего не скажешь?

— Думаю, изъяснился понятно и ясно.

— Тогда посмотри вот это.

Озеров положил перед ним фотографию. Макар Фомич вооружился очками, долго вертел фото в руках, глядел на него то с одного края, то с другого, и надолго замолчал. Потом мрачновато проговорил:

— Да, история. Поторопился я, пожалуй, с выводами. Извини старика. После такой пилюли я бы и то своей старухе ноги повыдергивал.

Поразмыслив, однако, уточнил:

— И все-таки Нине Семеновне я верю. Бзик, чертовщинка какая-то завелась в ней последнее время, это верно. Этакой задирой стала. И может, она того, поозорничать, подшутить решила, чтобы расшевелить тебя, увальня?.. А может, просто случайно оказались рядом, ну, с этим... Что из этого? Возьми-ка эти соображения в расчет. Иначе, если по-другому думать будешь,— неизвестно, чем кончишь. Я ведь знаю, что она для тебя значит.

— Я старался думать так же, как советуешь. Только что-то не легчает.

— Гони, гони от себя дурные мысли. Нет у тебя причин плохо думать о Нине. Ведь если такие, как она, начнут хвостом крутить, куда мы подадимся?

Озеров вымученно улыбнулся. Фомич же продолжал:

— Но, конечно, когда вернется, слюни не распускай, мужиком будь. Разговор должен быть крутой, без всяких там извините да пожалуйста. Виновата — пусть повинится, не виновата — пусть объяснит. Мало я знаю этого хлыща, Звонова-то, по помню его, когда в районе-то вирши плел. Пустышка был. А теперь видишь как поднялся. Будто на дрожжах. Ну, а бабы, они все падкие на мишуру.

— Что-то ты, Фомич, не в ладу с логикой. То так, то эдак.

— А ты с ней в ладу? Ребус-то не из легких.— И, помолчав, добавил: — Только не бей в колокола, не посмотрев в святцы. Нина Семеновна кривить душой да лгать не будет. Спроси напрямки. И не давайте пищу для пересудов. Деревенская молва, сам знаешь, из мухи слона сделает. Уж на что я увалень по этой части, думаю, святее римского папы, а и то мою старуху сплетни раза два из равновесия выводили. Однажды коромыслом меня отходила, другой раз кипятком чуть не ошпарила. А и грех-то мой весь заключался в том, что захаживал на молокозавод сливок попить. Любил, грешным делом, ими побаловаться. А на заводе Лидка Бекасова из Бугров работала. Ну кто-то и шушукнул, что, мол, Фомич не зря на молокозавод зачастил. Что было — всего и не расскажешь. В общем и целом, отбила у меня моя ведьма весь аппетит к этому напитку. Теперь в рот не беру.

Вообще, скажу тебе по секрету: сдает мой организм, сердце, чувствую, из последних сил топорщится. Недолго, видимо, скрипеть осталось. Так что вы улаживайте свои конфликты побыстрее, чтобы я хоть умереть мог спокойно.

Николай, как ни трудно ему было отойти от своих мыслей, отчитал его:

— Ты, Фомич, брось эти разговоры. А то, ей-богу, на партбюро вопрос поставлю. Всыплем тебе за упаднические настроения.

— Да я готов на любое взыскание, если бы оно прибавило хоть годок-другой. Только чему быть, того не миновать.

Сидели долго, говорили не спеша, с раздумьями, не торопя друг друга. Собравшись уходить, Фомич спросил:

— Когда ее домой-то ждешь?

— Через неделю.

— Ты, Коля, вот что, не мучайся до срока-то. И если что, сразу дай мне знать. Любая беда для одного беда, а на двоих уже полбеды. Ты меня понимаешь? Ну, бывай, пойду.

Озеров, провожая его, растроганно проговорил:

— Спасибо тебе, Фомич. Горе-то не ушло. Боюсь, впере-

ди будет горше. Но на душе действительно как-то потеплее стало. Это ты, старый, отогрел ее.

— Ну, ну, давай не будем создавать культ личности. Бывай здоров,— пробурчал Макар Фомич и поковылял по улице.

Озеров долго смотрел ему вслед. Чувство какой-то удивительной родственной близости к этому старику ощутил он в своем сердце и вернулся в дом несколько взбодрившимся. Прав Фомич-то, рассуждал он сам с собой, не надо распускать нюни раньше времени, нагорюемся, когда оно, горе-то, воочию на пороге встанет.

Николай прибрал посуду, не глядя убрал в стол фотографию, что оставила его бывшая супруга, и направился в свой угол на кухню. Там и в эту ночь почти до рассвета горела лампа под маленьким зеленым абажуром.

Нина Семеновна вернулась в Березовку рейсовым автобусом. Выйдя из него, остановилась на какое-то мгновение, словно в раздумье, затем встряхнулась, переложила из одной руки в другую свой легонький чемоданчик и направилась к своему дому.

Вот и родное крыльцо. Свет в окне — значит, мои дома,— подумала Нина.

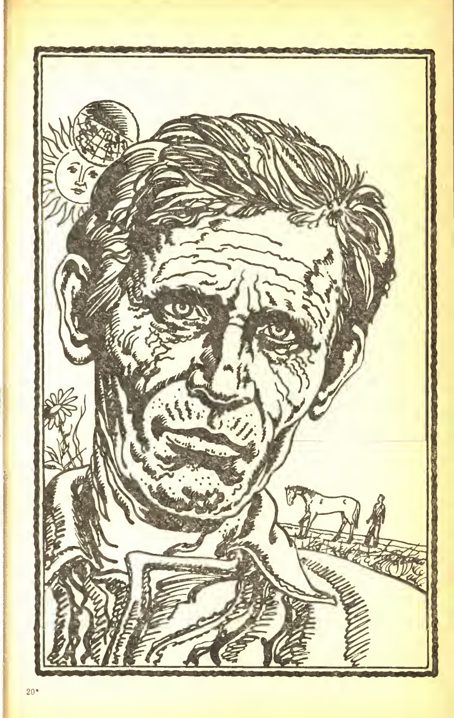
Войдя в комнату, она увидела картину так хорошо знакомую, такую до боли родную и близкую, что не выдержала и в изнеможении опустилась на рундучок для обуви.

Николай и Алешка сидели за столом, каждый уткнувшись в свои книги, и их русо-рыжие головы почти касались друг друга. Оба были так увлечены своими делами, что только когда хлопнула дверь, оторвались от них.

— Мамка! — завизжал Алешка и бросился к Нине. Поднялся и Николай.

— Выходит, проморгали мы автобус, Алеха,— проговорил он, не подходя к жене.

Нина встала, сбросила пальто, прижала к себе Алешку и долго молча наслаждалась родным теплом маленького тела, целовала его непослушные вихры. Потом торопливо достала из чемодана большую морскую раковину, вручила сыну. Только после того шагнула к Николаю, обняла его, поцеловала. Радость встречи не позволила ей увидеть отчужденный холод в глазах Николая. Она снова стала обнимать и тискать Алешку. Тот смеялся, брыкался и, не выпуская из рук отливающую перламутром раковину, старался то одним, то другим ухом услышать в ней шум морских волн.



Нина внимательно оглядывала комнаты, придирчиво проверяла порядок на кухне, заглянула в холодильник. Обойдя квартиру, села за стол.

— Рассказывайте, как живы...

Алешка был здоров и весел. Впечатление было такое, что он тоже приехал откуда-то с отдыха. Загорелый, упитанный, крепкий. Николай выглядел хуже, мрачный, озабоченный, набухшие мешки под глазами.

Нина исподволь разглядывала мужа, и, удивительное дело, его невзрачный, озабоченный вид, насупленные брови, скупая немногословность — вызывали у нее сейчас совсем обратные чувства, чем те, которые она испытывала в периоды их размолвок. Ей вдруг остро, до боли захотелось сделать что-то такое, что согрело бы его душу, разгладило эти скорбные морщинки на лбу, чтобы потеплел, просветлел его взгляд.

Николай не торопил события. Но нервная напряженность чувствовалась в каждом его жесте, в каждой сказанной фразе. Он пытался скрыть это, даже шутил порой, рассказывая какие-то истории, случившиеся за это время в Березовке. Но скрыть свое состояние ему не удавалось. Выдавали глаза. В них была боль и решимость.

Нина, заметив это, подумала: отчего он такой? Может, знает что? Но откуда?

Мужчины суетились с угощением. Оно было праздничным. Заливная и жареная рыба, бутылка белого вина, большой бисквитный торт.

С натянутой улыбкой Нина проговорила:

— Значит, соскучились, раз такой праздник закатили?

Ответил Николай:

— Соскучились — не то слово. Извелись ожиданием. Ты вот эту рыбу попробуй. Сом. Очень вкусный.

— Мы с папой собственноручно его поймали,— похвастался Алеша.

Нина мельком глянула на мужа:

— Что, на рыбалку ездил?

— Отченаш вытащил на свои плавни. Алешка тоже с нами был.

— Как? Ты и Алешку брал? С ума сошел!

— А что тут такого? Пусть обретает мужские навыки.

— А ты знаешь, мамочка, какие рыбины там плещутся. Метровые щуки даже есть.

Николай, немного оживившись, рассказал, как прошла рыбалка. Начал было рассказывать, что Отченаш не бросает свою затею с рыбхозом, но Нина его прервала:

— А как у них с его Джульеттой?

— Живут-то они прекрасно,— хмуровато ответил Николай,— но баталия еще предстоит. Колхоз, откуда Иван Настю умыкнул, прислал Курганову и Гаранину такую цидулю, что не придумаешь, как быть и что делать. Требуют Настю обратно, притом вместе с моряком. Иначе грозятся обратиться в обком к Заградину, а то и выше. Морозов никак не придумает, как решить этот кроссворд мирным путем.

Алешка сидел малость осоловелый и от встречи, и от еды.

— А тебе, Алешка, пора в кровать.

— Рано, папа. Вы тут будете чаи распивать, а я спать?

— Оспариваешь указание? Нехорошо, Алексей Николаевич.

— Иду, иду.

Алеша, подойдя к матери, уткнулся ей в колени. Она взъерошила его космы, поцеловала.

— Ну, иди, иди, сынок. Тебе действительно пора.

— А ты меня не уложишь? А то все папка или я сам.

— На рыбалку уже ездишь, а без папки и мамки уснуть не можешь. Ладно, рыжик, пойдем.

Они ушли в Алешкину комнату, и Николай остался сидеть за столом. Мысли, что постоянно и неотступно преследовали его и как бы притихшие во время застолья, нахлынули вновь с той же неотвратимой силой.

Николай сидел, опустив голову на руки, и бездумно смотрел перед собой. Когда Нина вошла, он жестом пригласил ее за стол.

— Поговорить надо.

Нина хрипловато спросила:

— О чем же говорить будем?

— А по-твоему, не о чем?

Нина глубоко вздохнула:

— Если ты имеешь в виду нашу встречу с Олегом Звоновым...

— Да, я именно это и имею в виду.

И Николай положил перед Ниной привезенную Надеждой фотографию.

Нина, взглянув на нее, отшатнулась.

— Откуда она у тебя?

— Это значения не имеет.

Случайно или нет, но момент был фотографом подловлен самый, что называется, криминальный. Олег и Нина сидели как два близких человека, рука Олега уверенно обнимала

плечи Нины. Оба улыбались. Нина даже не помнила, было ли так...

По пути домой Нина немало размышляла над тем, рассказать или не рассказать Николаю свое приключение и участие в нем Звонова. Не хотелось ей делать этого, но совесть не позволяла поступить иначе. Утаить это — значит дать повод думать, что было что-то предосудительное, низкое. И постоянно опасаться, вжимать голову в плечи, бояться каждого пристального взгляда, ненароком сказанного слова. И решила твердо — все рассказать.

Но показанная Николаем фотография ошарашила Нину. Она только теперь по-настоящему поняла и осознала, что всю эту южную историю можно истолковать всяко. Ее мучило раскаяние, ощущение бессмыслицы всего случившегося. И зачем, зачем я все это натворила? Чего меня вдруг понесло? Куда делся рассудок? И те чувства раскованности, ощущения свободы и невинного озорства, так бурлившие в ней последнее время, потускнели, словно гладь реки под тенью низкой, лохматой тучи. Они казались сейчас до крайности глупыми и недостойными.

Однако неприязненный, сухой тон, в каком начал Николай этот разговор, задел Нину за живое. Вот так, Нина Семеновна,— мысленно сказала она себе,— тебя уже подозревают во всех смертных грехах. Будешь знать, как резвиться без мужа...

— Ты со мной говоришь так, словно я натворила невесть что? А в сущности... все ведь было не так, как это хотел представить курьер, снабдивший тебя этим фото.

...Рассказ Нины был убедителен и правдив. Не скрыла она и домогательств Звонова ее близости. Николай слушал, не перебивая. Задал только один вопрос:

— А что с заплывом твоим... это было действительно так... Могла не выбраться?

Нина задумалась:

— Мне показалось тогда, что дело плохо. Но, думаю, я все же выбралась бы. А там бог его знает. Во всяком случае, Звонов подоспел вовремя.

— Молодец Олег,— глухо проговорил Озеров.— Молодец и подлец в одно и то же время.— Озеров не знал еще, что это свое второе качество и свойство Звонов подтвердит куда более значительными деяниями, чем охота за чужими юбками.

— Но ты тоже хороша... Разрезвилась...

— Глупо, конечно, что тут говорить...

Этот разговор снял с плеч Озерова непомерную давящую тяжесть. Разувериться в Нине, потерять ее — было бы для него горем невыносимым. Он поверил Нине, поверил, что все было именно так, как она рассказала. Краски мира не казались теперь беспросветно серыми и мрачными. Но сцена в мисхорском парке, запечатленная на злополучной фотографии, да теперь еще «званый ужин» с поползновениями Звонова независимо от желания Озерова то и дело всплывали в его сознании, и тогда тупой, ноющей болью сжимало сердце. Он гнал эти мысли, нещадно грыз себя за эгоизм, обывательщину, допотопную психологию, но это не помогало. Они то и дело назойливо, неотступно возникали и возникали вновь. Видно, нужно было время, чтобы ум и сердце смогли однородно воспринимать всю эту, в сущности, не столь уж значительную историю, происшедшую на крымском берегу.

Они долго сидели молча. Нина спросила с вымученной улыбкой:

— Может, еще есть вопросы? Спрашивай.

Николай долгим, пристальным взглядом посмотрел на нее и со вздохом проговорил:

— Обойдемся без расспросов. Будем считать, что все так и было. Я верю тебе, потому что... люблю тебя. Но...— Озеров помолчал, размышляя, говорить это или нет, и вымолвил с болью: — Но если было иначе, то поступай как это принято у честных людей. Не надо мучить ни себя, ни нас...

От разговора родителей проснулся Алешка. Сонным голосом он позвал отца.

Николай подошел к сыну, успокоил его. Вернувшись, не глядя на Нину, сурово произнес:

— Преступниками мы будем, если искалечим его жизнь.

Нина подняла на Николая взгляд, полный упрека:

— Я рассказала тебе все, как было. Другого ничего не было и быть не могло. Ты должен верить мне, а не кому-то там... Иначе как нам жить? У тебя нет и не будет оснований упрекнуть меня в чем-либо.

Николай задумался, как бы оценивая искренность сказанного, и сухо проговорил:

— Ну что ж, поживем — увидим. Убирай со стола и ложись спать.

Скоро на кухне Озеровых засветилась известная уже всей Березовке зеленая настольная лампа. Только не знали березовцы, что здесь теперь у их председателя был не только кабинет, но и спальня.

Глава 14

ЗАПИСКА ЗАГРАДИНА

Заградин, поздоровавшись с Кургановым, попросил:

— Посиди минуты две. Почту досмотрю.

Закончив просмотр бумаг, спросил Михаила Сергеевича:

— Что такой мрачный?

Курганов пожал плечами:

— Да что-то оснований нет для особого веселья.

— Как с Михаилом-то?

— Суд передал дело на дополнительное расследование.

— Ну что же. Это уже хорошо, раз народный суд усомнился. Разберутся, я убежден в этом. Держись, старина. Нам с тобой киснуть не положено по штату. Грустно ли, весело ли — держи марку.— И добавил: — Что-то мы с тобой, Курганыч, видеться редко стали. А если и видимся, то все на активах, собраниях или пленумах. И звонить перестал. Обиделся, что ли?

— Да что вы, Павел Васильевич,— вздохнув, ответил Курганов.— Порой тянет зайти или позвонить, но тут же подумаешь: удобно ли отрывать от дел?

— Ну это уже похоже на издевку,— заметил Заградин и потянулся к трубке вдруг зазвонившего телефона.

Пока он разговаривал с кем-то, Курганов задумался. Да, за последнее время они действительно друг от друга отдалились. И дело не в том, что была значительная разница в служебном положении или их разделяло что-то серьезное, непреодолимое. Нет, мысли у обоих неизменно сходились и по малым, и по большим делам, на жизнь и ее проблемы Заградин и Курганов всегда смотрели одинаково. Но прежней, жадной заинтересованности друг в друге в последнее время не было. Раньше и на охоту выбирались вместе, и в театр, и домами встречались. Сейчас же действительно встре-

чались только на заседаниях да совещаниях. Курганов был, правда, щепетилен. Негоже, думал он, набиваться с дружбой первому секретарю обкома, члену ЦК, депутату Верховного Совета и прочая, и прочая... И хотя в эти мысли он вкладывал немалую долю иронии и сам в этот мотив, конечно, не верил, все же инициативы к встречам не проявлял.

Заградину тоже порой не хватало общения с рассудительным, неторопливым Курганычем, хотелось отвести душу в откровенном, дружеском мужском разговоре. Но, видя мрачноватую замкнутость Курганова, его подчеркнуто официальный тон в обращении к нему, не докучал своими дружескими чувствами. Главная причина редких встреч была, конечно, в предельной занятости обоих. Дела в Приозерье и в Ветлужщине шли неважно, усилия, которые прилагал партийный актив к подъему села, не давали пока существенных, ощутимых результатов. И это, конечно же, тягостно удручало и Заградина, и Курганова.

Но было и другое. И Заградин, и Курганов были горячими приверженцами и сторонниками коренных мер, что предпринимались в стране по развитию села. Любое деловое начинание в Ветлужщине и Приозерье встречало поддержку и распространение. Курганов всегда получал от секретаря обкома доброжелательные советы и толковые рекомендации, с чего и как начинать то или иное дело. А вот в последнее время Заградин стал как-то сдержаннее, осторожнее в своих рекомендациях. Позвонил ему как-то Курганов по поводу перепашки клеверов.

— Решение обкома есть? Есть. Выполнять надо. Чего же тут советоваться,— суховато ответил Заградин.

Такой же примерно получился разговор и по поводу организации «Сельстроя» для зоны. Они с Гараниным очень ратовали за создание такого треста, и Курганов обратился за поддержкой к Заградину. Тот, выслушав и вздохнув, ответил:

— Михаил Сергеевич, вопрос мы обсуждали, ты в курсе. Он внесен в соответствующие организации. Надо подождать.

Курганов уловил нотки раздражения в голосе Заградина и звонить стал реже.

...Разговор Заградина по телефону затянулся, и по вопросам, что он несколько раз нервно задавал своему собеседнику, было видно, что разговор шел непростой, касался каких-то очень важных, существенных дел.

— Я понял вас. Но ведь и вы меня поймите, такие мате-

риалы за два-три дня не готовятся. Нужны же точные расчеты, с людьми советоваться надо. Колхоз же добровольная артель на своей земле... Не знаю, с какого бока и начинать. Постараемся, конечно, приехать в Москву не с пустыми руками.

Положив трубку, Заградин встал, отошел к окну, долго стоял там, глубоко задумавшись. Затем мрачновато сообщил Курганову:

— Вызывают с предложениями о преобразовании сельхозартелей в совхозы.

Дело было действительно предельно серьезное и большое, это понимали оба, и оба задумались, собираясь с мыслями. Наконец Михаил Сергеевич, не очень уверенно правда, предположил:

— А вы знаете, Павел Васильевич, если поразмыслить как следует, то в этом что-то есть.

— Вот именно, если поразмыслить. Но там последнее время не любят тратить время на размышления. И раз вызывают с цифрами, всеми данными, значит, дело ставится на практические рельсы.

— Ну, значит, там уже все продумали.

— Не знаю. Не уверен.

Курганов в том же, чуть ерническом тоне, продолжал:

— В конечном счете, на селе должна быть единая форма собственности. Помнишь, изучали теорию-то.

— Ну вот, не хватало, чтобы мы с тобой еще теоретический спор затеяли... В конечном счете. Вот именно, в конечном счете. А почему же решают так спешно? Без расчета, без анализа, без подробного изучения проблемы? А их здесь не одна, а десятки, если не больше! У нас немало отличных, крепких артелей. Зачем их-то брать на государственное обеспечение?

— Ну, я не думаю, что это будет касаться всех колхозов.

— Судя по всему — на многие. Рискованно, очень рискованно.

— Без риска большого дела не сделаешь, Павел Васильевич. Ищут товарищи, экспериментируют, пробуют.

— Эксперимент сразу на целой области? А может, и не на одной? Не понимаю. Начинать-то надо бы с экономически отсталых артелей, с тех, которым без этой меры действительно не встать на ноги. Вот по вашему производственному управлению сколько артелей ты бы со спокойной совестью преобразовал в совхозы?

Курганов задумался, что-то подсчитывая в уме.

— Двадцать пять, тридцать.

— А сколько колхозов в зоне?

— Сто тридцать.

— Вот видишь.

— Думаю, что так и будут делать.

— Будем надеяться. Но чувствую, сверху торопят.

После долгого молчания Заградин подытожил свои мысли:

— Идея-то правильная, тут спора нет. Только спешить бы не следовало.

Вызвав дежурного, он попросил:

— Скажите, чтобы чайку нам принесли.

...Курганов рассчитывал пробыть у Заградина минут тридцать — сорок, а сидели они уже около двух часов.

Так как беседа приняла не совсем официальный характер, Курганов счел возможным задать Заградину вопрос, особо его донимавший.

— Извини, Павел Васильевич, и не сочти это за упрек. Но за последнее время я что-то не узнаю тебя. Нервный стал, резкий какой-то. Вот на последнем активе речь твоя — больно уж сурова, непримирима.

— А что прикажешь делать? По головке вас всех гладить? Особых оснований для этого у нас нет. Дела-то в области идут далеко не так, как хотелось бы. Вот взять хотя бы ваше Приозерье. Мы на активе вас не очень тронули, есть и похуже вас. Но ведь итоги-то, скажем прямо, тоже не блестящие. По урожайности еле-еле до среднеобластного уровня дотягиваете.

— Для наших земель и в этом, и в прошлом году урожай был по зерновым не так уж плох. Пшеница, рожь, овес, ячмень уродились хорошо, жаловаться грех. Новые культуры, верно, не идут. Ни кукуруза, ни сорго...

— А почему с пропашными не ладится? Ведь, как известно, ты сам всегда ратовал за эти культуры.

Курганов тяжело вздохнул:

— Что верно, то верно, с пропашными справляемся неважно. Тут и севообороты, и семена, и агротехника хромает. А порой и то, что вырастили, в земле остается. Культуры эти трудоемкие, людей в деревне мало, техника же эту нехватку пока не компенсирует. Раньше на уборку райкомы все силы бросали — предприятия, учреждения, служащих, студентов. Сейчас куда труднее стало. Обращаемся к заводам, нам говорят — своих дел по горло. Да и указаний нет. А указания эти вправе дать только промышленный обком или совнархоз.

— Знаю, Курганыч, все это я знаю. И думаю об этих закавыках денно и нощно. Ты вот звонил тогда по клеверам и «Сельстрою». И знаю, обиделся. А ведь другого я ничего сказать не мог. Не все мы можем, не все удается решить, как бы ни хотелось. Ты вот говоришь — резковата была моя речь на активе. Да, верно. Но согласись, все мы и в Ветлужске, и в Приозерске делаем далеко не все, что можем и что должны. Вот потому-то и речь была непримиримой, как ты выразился. Есть немало объективных обстоятельств. В системе управления экономикой не все ладно, перестройки какие-то не удались. Все это верно. Но согласись, если мы будем прятаться за них, дела не поправим.— Заградин вздохнул, посмотрел на часы.— А ты говоришь, резкий да злой. Поневоле будешь и злым, и непримиримым.

Курганов открыл свой блокнот, где у него были помечены вопросы к области, пристально посмотрел на Заградина, прикидывая, стоит ли, вовремя ли ставить их. Потом все-таки решился.

— Павел Васильевич, можно кое-какие просьбы? Помните, еще до разделения на город и село обком и облисполком выносили решение о расширении шоссе Приозерск — Заречье с реконструкцией моста через Славянку. Дело сейчас остановилось, и решить его никак не удается.

— Знаю эту историю. Дорога эта к промышленникам отошла. Они и должны ее строить, но не хотят.— Он записал себе что-то в блокнот и пообещал: — Вот буду встречаться с Артамоновым, переговорю.

— Ну, товарищ Артамонов вряд ли захочет помочь,— усомнился Курганов.

Заградин мрачновато согласился:

— Не очень у нас с ним получается, это верно. Но все равно — поговорю.

Вопросов у Курганова набралось немало, и так как Заградин без всякой досады делал для себя то одну, то другую запись, Михаил Сергеевич с чуть виноватой улыбкой проговорил:

— Уж извини, Павел Васильевич, есть еще одна, не совсем обычная докука. Был я как-то на Крутояровских плавнях, на уток ходил...

Заградин несколько оживился:

— Там что, хорошая охота?

— Отличная.

— Эх, Курганыч, Курганыч. Нет, чтобы пригласить по старой дружбе!

— Помните, приглашал как-то. Ничего из этого не вышло.

— Да, трудновато выбраться. А хочется ужасно. Посидеть в шалаше, зорьку встретить. Может, как-нибудь соберемся? А?

— А что? Давайте попробуем. И именно в Крутоярово. Совместим приятное с полезным — познакомлю я вас с интересными людьми и одной их задумкой. Бывший моряк там в колхозе «Луч» живет. Талант у человека. Птицу ужасно любит. Такую ферму в колхозе сделал — просто на удивление.

— Это не тот ли моряк, что чужую жену откуда-то из-под Рязани увез?

— Что, уже и до вас дошло?

— Дошло. Рязанские товарищи рассказали.

— Там же любовь, Павел Васильевич! Да такая, что хоть роман пиши. Так вот, загорелся этот моряк одной идеей: создать на Крутояровских плавнях межколхозный птицерыбкомбинат. Места там для этого действительно чудесные!

— Ну так в чем дело? Создавайте! Кто мешает?

Курганов вздохнул:

— Я тебе отвечу словами этого моряка: «Вы лучше спросите, кто не мешает?» Мыкался он, мыкался со своими предложениями по областным организациям, а потом говорит: «Гусей растить, уток выхаживать, карпов разводить могу. А тут пасую. Все вроде за, а вопрос ни с места. Дело же для окрестных колхозов — выгоднейшее».

Заградин и крутояровскую проблему занес в свой блокнот.

Уже собираясь уходить, Курганов озабоченно заметил:

— Насчет объективных причин вы верно заметили. Они нам не оправданье. Но все-таки поправлять кое-что надо. Систему севооборотов запутали, ударили по травополке, оставив село без кормов. Под корень подрезали индивидуальные хозяйства. А это упрямство с внедрением новых культур? Меня в консерватизме вы заподозрить не можете. Я тоже сначала ухватился за кукурузу, как за жар-птицу. Вовсю ратовал. И что же? Не родится она у нас, не родится, и все. Предки наши не дураки были, и уж, наверное, сеяли бы ее, будь это выгодно. Тепла мало в наших краях, всем это ясно. Но оттого, что ясно, ничего не меняется. Сколько земли, труда пропадает. Пашем, сеем, а убирать нечего.

— Ну, посевные-то планы вы теперь сами определяете.

— Сами. Однако с условием — кукурузы столько-то, сорго столько-то, и так далее...

— Во многих местах кукуруза все-таки спасает,— заметил Заградин.

— Спасает, а как же! Чудесная культура, кто спорит! Только где? Где много тепла. Виноград же мы с вами не культивируем? А впрочем, чем черт не шутит, может, скоро дойдем и до него.

— Меня упрекал, а сам какой злой стал...

Курганов вздохнул и продолжал:

— Реорганизовываться когда кончим? И не смотри на меня с таким удивлением. Готов отвечать за эти свои слова и готов сказать их кому угодно, хоть самому Никите Сергеевичу. Село ведь он знает, и хорошо знает. Должен бы понимать, что полезно, что во вред. Стремление скорее поднять деревню похвально, только дело-то это непростое. Семь раз отмерь, один раз отрежь.

— А ты думаешь, что только мы печемся об этом? Насколько я знаю, многие товарищи в центре и секретари обкомов в ходе доверительных бесед не раз прямо высказывали свои тревоги по поводу некоторых произвольных, поспешных и субъективных указаний. Думаю и даже уверен, что об этих тревогах известно Никите Сергеевичу: но очень уж уверовал он в свое знание сельских дел и в свою безошибочную интуицию. А интуиция — это еще не наука.

Ничего не сказав больше, Заградин поднялся, подошел к сейфу и вытащил оттуда голубую папку. Вернувшись к столу, посмотрел на нее в раздумье и протянул Курганову:

— Иди в кабинет помощника, он в отъезде, и прочти. А я пока людей приму, там уж, наверно, полная приемная. Потом зайдешь и скажешь свое мнение.

— Это что?

— Моя записка товарищу Хрущеву. Здесь все, о чем мы говорили. С некоторыми конкретными предложениями. Да ты иди, читай,— увидишь.

...Курганов вновь попал к Заградину лишь через два или три часа. Беспрерывно шли люди, и мешать им Михаил Сергеевич не хотел. Когда он вошел в кабинет, Заградин пытливо посмотрел на него и в упор спросил:

— Ну, как, прочел?

— Конечно.

— Что скажешь?
— Согласен целиком и полностью. Могу подписаться под каждым словом!
— Ну что же, очень рад, если так. Ошибочного, бездоказательного вроде нет?
— По-моему, все абсолютно точно. Убедительно, спокойно и уважительно. Как товарищ к товарищу по партии.
Заградин вздохнул:
— Боюсь, что адресат может оценить по другому:
— Тогда быть грозе.
— Ну что же... Чему быть, того не миновать.
— Ну, вам ведь не впервой. Уж если тогда к Сталину не побоялись пойти...
— Да, беседа была памятная, на всю жизнь.
— Лучше бы и сейчас с глазу на глаз, без бумаги.
— Не имею, говорит, времени, лучше напишите. Ну вот, я и написал... И уже отправил.
Курганов поднялся:
— Ну что же, Павел Васильевич. Спасибо вам. Поеду я. Все же легче на сердце-то стало. Честное слово! Бывайте здоровы.
Они распрощались, но когда Курганов был уже в дверях, Заградин остановил его:
— А насчет сына не терзай себя. Тяжело, конечно, понимаю. Но коль не виноват — придет домой.
— Надеюсь.
Курганов уехал в этот раз из Ветлужска и окрыленный, и озабоченный. Все было правильно в записке Заградина, и Михаил Сергеевич действительно мог бы со спокойной совестью подписаться под каждым ее словом. Но мысль о том, как ее примут в Москве, беспокоила его, наполняла сердце ноющей тревогой.

Глава 15

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

Было начало десятого утра, когда раздалась трель правительственного телефона. Заградин взял трубку. Звонили из приемной Хрущева:

— Заградин? Карпенко это. Ждите у телефона. Будете говорить с Никитой Сергеевичем. Вы поняли?

— Да, да, конечно! Жду.

Павел Васильевич, прижимая трубку к уху, подвинул ближе к себе широкий блокнот, достал из стола копию своей записки, что отправил в Москву, вполне резонно предполагая, что разговор пойдет именно о ней.

Через некоторое время в трубке раздался голос Хрущева. Чуть растягивая слова, он проговорил:

— Заградин? Здравствуйте.

— Здравствуйте, Никита Сергеевич.

— Прочел вашу ноту, очень внимательно прочел! Вот все думаю, как нам ее обсудить?

— Я готов приехать в любое время, Никита Сергеевич.

— Это я знаю, но, пожалуй, приеду я сам.

— Будем очень рады.

— Через день-два выберусь. Вам позвонят.

— Хорошо, будем ждать.

— Ждите, ждите. Калачей и пышек не обещаю, но приехать — приеду. Поговорить нам есть о чем.— И в трубке прозвучал отбой.

Заградин закрыл папку со своей запиской и долго сидел задумавшись, пытаясь хоть приблизительно догадаться, чего ему следует ожидать от предстоящего визита. Определенного мнения, однако, что-то не складывалось. Павел Васильевич подошел к карте области и стал прикидывать:

куда повезти Хрущева, в какие зоны? А впрочем, он же все равно маршрут выберет сам.

Павел Васильевич пригласил к себе второго секретаря обкома Мыловарова, других секретарей, председателя облисполкома Прохорова и сообщил о звонке из Москвы.

— Нам надо подготовиться к приезду товарища Хрущева. Прежде всего подработать наиболее важные вопросы, требующие решений Москвы. Вам,— обратился он к Мыловарову и Прохорову,— надо пригласить руководителей сельхозуправления, облплана, ну и всех, кого нужно. Пусть готовят необходимые материалы. Особенно по сельхозтехнике, семфонду, минеральным удобрениям, лимитам на капитальное строительство. Мельчить не надо, получить бы поддержку по основным нашим болячкам — и то хорошо.

— А претензии к соседям — к промышленникам — мы предъявим? — спросил Прохоров.

— Конечно, но без излишней остроты, с учетом их проблем. В общем, прошу обдумать и чем обрадуем Никиту Сергеевича, и с какими просьбами обратимся. Вечером соберемся — обсудим.

Оставшись один, Заградин соединился с первым секретарем промышленного обкома Артамоновым.

— Григорий Михайлович, новость сообщить хочу. На днях у нас будет Никита Сергеевич. Решил посмотреть наши края.

— Да? А я ничего не знаю. Спасибо за звонок. Что же, будем встречать дорогого гостя.

— Григорий Михайлович,— продолжал Заградин,— нам, пожалуй, надо с вами предварительно встретиться. Кое-какие вопросы обговорить и подготовить сообща, чтобы не было разноголосицы. Хотите, сами заходите, или я загляну к вам.

— Думаю, разноголосицы не будет. У нас свои дела, у вас свои. Но приходите, готов вас видеть.— И Артамонов положил трубку.

Заградин не удивился суховатому тону Артамонова. Взаимоотношения первых секретарей сельского и промышленного обкомов пока явно не складывались.

Григорий Михайлович Артамонов приехал в Ветлужск из Москвы с должности начальника главка одного из министерств. Заградин встретил его радушно. Уже обстоятельно знавший область, он подробно рассказал Артамонову о заводах, фабриках, стройках, институтах, что были

здесь расположены, об их людях, о том, что удалось сделать бывшему обкому и что не удалось, какие нерешенные вопросы стоят перед разными отраслями ветлужской промышленности наиболее остро. Артамонов даже пошутил:

— Не знаю, зачем меня было посылать сюда. Вы же отлично тут все знаете. Вам бы и руководить промобкомом. Впрочем, село нынче важнее — так сказать, передний край.

Сначала все шло как положено, хотя особой дружбы между двумя первыми секретарями и не было. Да, в сущности, не до этого было обоим: забот в связи с разделением областных организаций на сельские и промышленные оказалось столько, что ни одного свободного дня или часа для чего-то постороннего не оставалось. Кроме того, дружба в зрелом возрасте складывается постепенно или не складывается совсем.

Порой возникали между Артамоновым и Заградиным разногласия то по поводу использования тех или иных работников, то из-за какого-нибудь предприятия, учреждения или организации. Но когда спор доходил до горячей точки, оба вовремя сдерживали себя и сообща находили нужное решение.

Однако в последнее время отношения между ними стали натянутыми. Началось с частности, хотя и важной.

Прохоров выступил на пленуме промышленного обкома и покритиковал областные организации и некоторые крупные заводы за слабую помощь селу. Все было как будто правильно. Артамонов в своем заключительном слове даже поддержал «претензии соседей». Но вечером позвонил Заградину и спросил, сдерживая раздражение:

— Вы с выступлением Прохорова знакомились?

— Да, конечно. Мы смотрели его на бюро.

— Жаль. Видимо, плохо смотрели. Демагогия же!

— Да что вы, Григорий Михайлович! Какая же демагогия? Дела-то ведь действительно плоховато обстоят...

Артамонов, однако, слушать не стал и резко бросил:

— В общем, мы оцениваем это выступление именно так, как я сказал. И я бы на вашем месте предупредил своего председателя исполкома, что не надо терять чувства меры. Если вы хотите, чтобы промышленные организации помогали вам, надо уметь ценить эту помощь, а не принижать ее.

— Принижать, конечно, не надо, но и с протянутой рукой, я думаю, нам ходить не следует. Дело-то ведь общее.

— Общее-то, конечно, общее, но каждый отвечает за то, что ему поручено. Так что не считайте, что мы у вас в пристяжных ходим.

— Григорий Михайлович, ну зачем вы так? За помощь вам огромное спасибо, и мы очень надеемся, что она будет расширяться. Сами же знаете, как нам туго.

— Ну так вот вы и разбирайтесь, почему и отчего у вас туго, а промышленников в пожарники не превращайте. У нас и свои дела есть, и они тоже имеют некоторое значение для страны.

Острый конфликт произошел у них из-за Удачина.

Готовилась сессия промышленного облисполкома. В исполкоме была вакантная должность заместителя председателя по вопросам культуры, просвещения и здравоохранения, и выбор пал на Удачина.

Удачин, надо отдать ему должное, все рассчитал точно. После того разговора в гостинице Курганов как-то сказал о нем Заградину. Что вот, мол, рвется человек на живое, конкретное дело, и хоть с недостатками, но и с достоинствами в то же время — организатор неплохой, село знает. По указанию Заградина организационный отдел обкома заинтересовался Виктором Васильевичем, что сразу же насторожило промышленников. Кадр-то был в их номенклатуре. И было решено не упускать Удачина из промышленной сферы, рекомендовав в облисполком. Заградин узнал об этом уже на бюро обкома накануне сессии. В конце заседания Артамонов, как о факте уже предрешенном, сообщил и о предстоящем избрании Удачина.

— Все вы его знаете, сейчас он работает в управлении местной промышленности. Участок будущей работы знает, во всяком случае, соприкасался с ним.— И, обращаясь к Заградину, добавил: — Для аграрников тоже немаловажно, чтобы товарищ, пришедший на этот участок, знал вашу специфику. Ну, а Удачин и на селе работал, опыт имеет.

Совсем недавно на бюро сельского обкома, в присутствии Артамонова, уже шел разговор об использовании Удачина в одном из крупных зональных управлений, и поэтому теперь Заградина удивило столь поспешное решение вопроса.

— Я бы еще подумал над этим вопросом,— заметил он.— Удачина я знаю, участок работы, который вы хотите поручить, ему не подходит. Этими вопросами он никогда непосредственно не занимался. По опыту и подготовке ему

сподручнее заниматься непосредственно сельскохозяйственным производством. Давайте не будем спешить. Изберем заместителя председателя на следующей сессии.

Артамонову вмешательство Заградина не понравилось, и он, не скрывая этого, проговорил:

— Ну, прежде всего внесем ясность — Удачин, как известно, кадр наш. Его кандидатуру в предварительном порядке я обговорил. И, думаю, не стоит откладывать решение вопроса. А что Удачин не занимался этим участком — пусть освоит. Не боги горшки обжигают.

После бюро Артамонов и Заградин остались вдвоем. Заградин попытался объяснить, что с Удачиным Артамонов делает ошибку. Артамонов слушать не стал и сухо проговорил:

— Не усугубляйте это дело, Павел Васильевич. Удачина будем избирать.

И однако, вопрос об Удачине на сессию не вынесли. Москва не согласилась с его кандидатурой на предполагаемый участок работы. Заградин ничего не предпринимал для этого, но Артамонов отнес эту задержку на его счет и, видимо, обиделся: ни разу не позвонил больше Заградину. Некоторое время и Павел Васильевич тоже воздерживался от обращений к нему. Затем, махнув рукой на их размолвку, стал теребить обком по делам, касающимся села. И конечно, не мог не позвонить Артамонову, что к ним едет Хрущев.

У Артамонова тоже собрались руководящие работники промышленного обкома и тоже думали о том, как подготовиться к приему столь высокого гостя. Пригласили в обком руководителей ведомств, директоров некоторых заводов, управляющих строительными трестами. Предупредили, чтобы все были начеку, так как у Никиты Сергеевича и глаз острый, и поинтересоваться может любыми вопросами.

...Через три дня около здания обкомов остановились два больших черных автомобиля. Хрущев, щурясь, вышел из первой машины и, поздоровавшись с Заградиным, Артамоновым и некоторыми другими стоящими рядом областными работниками, проговорил:

— Ну, к кому пойдем?

Повернувшись к Артамонову, сам же ответил на свой вопрос:

— Уважим аграрников... Я ведь, собственно, больше

к нему, к Заградину, прибыл-то. По его, так сказать, душу.

— Как пожелаете, Никита Сергеевич,— с готовностью проговорил Артамонов.— Но, надеюсь, вы уделите время и промышленной сфере?

— Ну а как же? Обязательно. Иначе вы меня тоже в чем-нибудь обвините, ну, например, что не понимаю роли рабочего класса в развитии общества. Некоторые товарищи вон утверждают что-то похожее на это...

Хрущев, говоря это, кольнул холодным взглядом Заградина. Павел Васильевич подумал: «Да, встреча добром вряд ли кончится». Но сделал вид, что не заметил взгляда Хрущева, и пошел чуть впереди, показывая дорогу к стоявшему уже открытым лифту.

В кабинете Заградина Хрущев, как только снял пальто и шляпу, сразу подошел к карте области и, рассматривая ее, спросил, обращаясь сразу к Заградину и Артамонову:

— Ну, куда поедем?

— Решайте сами, Никита Сергеевич,— проговорил Заградин.— Как скажете.

— Решить-то я, конечно, решу, но хозяева должны иметь готовые предложения.

— Тогда, может, возьмем южные зоны? В основном там зерновые...

Хрущев опять повернулся к карте, долго смотрел на нее, что-то прикидывая про себя, и решительно проговорил:

— Двинемся вот сюда — в Приозерье. Ведь это там командуют... Курганов и Гаранин. Не путаю я?

— Нет, нет, все верно, Никита Сергеевич.

— Ну так вот, туда и направимся. Давно наслышан об этих деятелях, а лицезреть не приходилось.

...Гаранин и Курганов встретили приехавших на окраине Приозерска. Михаил Сергеевич, кажется, не испытывал никакого волнения. Гаранин даже позавидовал ему: вот железный мужик! Спокойно поздоровавшись с Хрущевым, Заградиным и Артамоновым, Курганов своим негромким, спокойным голосом спросил:

— Что будете смотреть, Никита Сергеевич? Мы хотели бы показать вам и передовые, и отстающие хозяйства.

— Согласен. Только не с усадеб начнем. В поля поедем, хочу посмотреть, как урожай растите.

Все сели в машины и двинулись вслед за «газиком» Курганова и Гаранина. Остановились около пшеничного клина Алешинского колхоза. Хрущев спросил:

— Ну, кто тут хозяин?

Крылов торопливо подошел к Хрущеву.

— Ну, здравствуй, председатель. Покажи, как хозяйничаешь.

— С удовольствием, Никита Сергеевич. Хлеба силу набрали. Дозревают. Скоро начнем убирать.

— «Янтарная»? — спросил Хрущев, сорвав стебель пшеницы и внимательно рассматривая его.

— Да, «янтарная». Мы уже пятый год, как на нее перешли. Отличный сорт.

— Сорт неплохой,— согласился Хрущев.— А сколько собираете-то?

— В среднем двадцать центнеров.

— Не жирно. Во многих хозяйствах этот же сорт дает более тридцати — тридцати пяти.

— Посеяно-то хорошо. Под линеечку,— заметил кто-то.

Хрущев иронически бросил:

— Посеять еще полдела, а вот вырастить и собрать... И чтобы в траншеи не ссыпать...

Крылов удивленно поднял брови:

— Осень-то какая была, Никита Сергеевич. Еле спасли зерно,— поспешил объяснить он.

— В траншеях?

— И в траншеях тоже. Мы все-таки правы оказались, хотя нам эти траншеи и сейчас помнят.

— Слышал, слышал я про вашу траншейную сутягу. В общем, сначала создаем препятствия, потом их героически преодолеваем. Ну да ладно, что прошло, то прошло. А вот пшеница хороша. Если с уборкой не прозеваете,— по тридцать центнеров сможете взять.

— Постараемся, Никита Сергеевич,— согласился Крылов, потом, подумав, добавил: — Ну, может, по двадцать пять.

Хрущев погрозил ему пальцем:

— Ты еще поторгуйся у меня, траншейщик.

От состояния кукурузного поля впечатление было другим. Издалека массив казался рослым, густым, а когда подъехали к полю, стало видно, что плантация чахлая, стебли немощные, квелые, нижние листья на них уже пожухли, початки еле завязывались.

— Кукурузу вы, товарищи, растить не умеете,— мрачновато заворчал Хрущев.— Игнорируете ее.

Крылов вздохнул, потупился:

— Уж что только не делаем...

— Вот именно, не делаете.

— Никита Сергеевич,— вступил в разговор Гаранин.— В этой части зоны кукуруза, к сожалению, не идет. Делается все возможное, но...

Хрущев посмотрел на Гаранина. Тот стоял настороженный, напряженный, с сурово нахмуренным взглядом. Гость повернулся к Курганову.

— А секретарь парткома как думает?

— Делаем действительно все, что можем, Никита Сергеевич. Но результаты плохие.

— Все зависит от рук человеческих, дорогие товарищи. Если захотеть, то на этих полях даже инжир цвести будет.

— Нет, Никита Сергеевич, не будет,— покачал головой Гаранин.— Ему не хватит тепла для вегетационного периода. То же происходит и с кукурузой.

Хрущев еще раз пристально посмотрел на него, ничего не сказав, чуть отошел с Крыловым, стал расспрашивать о делах в колхозе. Тот еле успевал отвечать на вопросы, которые сыпались один за другим. Но отвечал довольно уверенно. Хрущев, немного подобрев, обращаясь ко всем, проговорил:

— Вот толковый ведь человек, а мыслит старыми категориями. Агитирую его за сахарную свеклу. Арифметика простая — собирайте по двести — двести пятьдесят центнеров с гектара да клин имейте не в три-пять, а хотя бы в пятьдесят гектаров. Тогда будут денежки. Он же заладил свое: не растили мы сахарную. Выгоднейшая же культура. Уясните это себе наконец!

Побывали ещё в нескольких колхозах и совхозах. Затем Хрущев чуть устало обратился к Курганову и Гаранину:

— Ну, что еще покажете?

— Хорошо бы, Никита Сергеевич, в Крутояровский куст заглянуть. Там хорошие хозяйства есть. «Луч», «Березовка»...

В разговор вступил Артамонов.

— Однако, Никита Сергеевич, мы хотели бы показать вам домостроительный комбинат, и на агрегатный хорошо бы заехать. Иначе поздновато будет.

— Ну, что же, тогда поехали к промышленникам,— решил Хрущев.

Курганов спросил:

— Тогда нам можно быть свободными, Никита Сергеевич?

— Что, скучно стало? Ничего, потерпите. С нами поедете. Посмотрите, как соседи хозяйничают.

Курганов и Гаранин по пути к машине приглушенно переговаривались.

— Не очень-то он доволен нашими хозяйствами,— со вздохом заметил Гаранин.

— Но говорил-то вроде спокойно. За пшеницу даже похвалил. Ну, а с кукурузой...— Курганов махнул рукой.

Хрущев не случайно оставил Курганова и Гаранина до конца поездки. Он ведь приехал основательно поговорить с Заградиным и хотел, чтобы этот разговор был не один на один, а при людях, пусть актив послушает, что останется от заблуждений первого секретаря Ветлужчины.

В машине Хрущев стал подробно рассказывать, как растят свеклу в передовых хозяйствах, вспоминал председателей, бригадиров, звеньевых, кто и почему собрал наиболее высокий урожай, называл сроки сева, внесения удобрений, ухода за культурой. С такими же деталями говорил о возделывании сорго, картофеля, кукурузы.

Заградин ждал, что гость вот-вот вернется к ветлужским делам. И действительно, Хрущев, повернувшись к нему, проговорил:

— А в совхозах-то, Заградин, порядка все же больше. Это даже на беглый взгляд видно. И поля ухожены, и хлеба плотнее, и работа идет сноровистее. Да, да, именно сноровистее. Так что ваши сомнения на этот счет — не основательны.

— Никита Сергеевич...— начал было отвечать он, но Хрущев уже обращался к Артамонову.

— Стекольный-то когда думаете закончить?

— К Ноябрьским праздникам, Никита Сергеевич. За год всю вторую очередь свернули. Два новых цеха, подстанцию, котельную...

— Вот это дело. А помню, года три или четыре назад все думали да гадали — строить, не строить.

Заградин понял, что и этот упрек адресован в его адрес, ибо в свое время именно он возражал против размещения завода на Приозерских землях.

— Специалисты, Никита Сергеевич, и сейчас считают, что ставить здесь завод не следовало. В перспективе он будет работать на привозном сырье.

— Что, песку в Приозерских краях не стало?

— Славянка и Ваза на сто лет нас этим песком обеспечат,— заметил Артамонов.

— Возможно. Только береговые террасы разрушим. А это пагубно отразится на всей пойме.

— Что-то многовато у нас развелось охранителей природы. Нельзя, мол, ее трогать, невозможно и прочее. И можно, и нужно, только с умом все надо делать. И террасы, если их вовремя укрепить да засадить кустарниковыми, не разрушатся. Руки только приложить надо.

На домостроительном комбинате и агрегатном заводе задержались до конца дня. Садясь в машину, Хрущев с усмешкой спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Кормить-то нас собираетесь, хозяева?

Артамонов встрепенулся:

— Все готово, Никита Сергеевич... Мы... ждали, когда скажете.

— А инициатива где, товарищ Артамонов? По любому поводу указания нужны...

— Тут недалеко расположен дом отдыха архитекторов. Там мы обед заказали.

— Архитекторов, говорите? Это хорошо. Есть у меня к ним вопросы, есть.

— Там пересменка, Никита Сергеевич. Новый заезд будет лишь на следующей неделе. Так что...

— Жаль. А то надо бы с зодчими потолковать...

И, помолчав немного, объяснил:

— Никак от излишеств не отучу. Вот Лагутенко пятиэтажки спроектировал — неплохие ведь дома,— а внедряют эти проекты со скрипом.

Скоро машины свернули с шоссе на неширокую лесную дорогу, покрытую свежим асфальтом и обрамленную белыми столбиками по краям.

...Здание дома отдыха внешне выглядело довольно внушительно. Двухэтажное строение, с террасами, балкончиками, крылечками. Но все как-то обветшало, потускнело, выглядело обшарпанным — нежилым.

Высокому гостю оно явно не понравилось.

Видя это, Артамонов сказал, что уже есть проект строительства нового корпуса.

Хрущев, выслушав его, хмуро проговорил:

— Идея неплохая. Только не очень размахивайтесь. Городить хоромы ни к чему. Я вообще противник излишеств. Нам не дворцы пока надо, а жилье, жилье строить. Сталин вон увлекался высотными зданиями. А зачем? Лучше бы сотню-другую пятиэтажных домов поставил.

— Извините, Никита Сергеевич, но очень уж неважные дома эти пятиэтажки. Жить в них неудобно. Да и города уродуют.

Все посмотрели на Гаранина с удивлением. Даже Заградин с Кургановым. Это, однако, Гаранина не смутило. Говорил он спокойно, без робких интонаций в голосе.

Заградин знал, что пятиэтажные дома Лагутенко — любимое детище Хрущева, и решил хоть немного прикрыть Гаранина от его гнева:

— Гаранин говорит это под впечатлением нашего Ветлужского микрорайона. Дома у нас получились действительно не очень удачные. И внешний вид, и планировка. Но это и понятно — панели пришлось на полигоне делать.

Хрущев его, однако, не слушал и, пристально посмотрев на Гаранина, с трудом сдерживая раздражение, проговорил:

— Если бы вы сами, товарищ Гаранин, жили в общежитии да в нужник по морозу бегали, то пели бы несколько иначе. Конечно, во дворце или вот в такой, хоть и старой, резиденции жить лучше, хотя это тоже спорный вопрос. Так что насчет пятиэтажек вы не правы, Гаранин.— И, повернувшись к Артамонову, он ворчливо спросил:

— Ну, куда идти, хозяин? А то тут ваши соратники совсем аппетит испортят, того́ гляди, и от обеда откажусь. Или вы на это и рассчитываете?

— Ну что вы, Никита Сергеевич! Такого и в мыслях не держим. Вот сюда, пожалуйста, обед будет скромный, так что не взыщите.

— А я на лукуллов пир и не рассчитывал.

Хрущев не был лишен чувства юмора, знал немало народных поговорок, прибауток. И шутки его, порой, правда, грубоватые, вносили в застолье, в котором он участвовал, оживление и простоту.

Сегодня за столом чувствовалась напряженность, гость к шуткам был явно не расположен.

Ели все молча. Долго молчал и Хрущев. Наконец он заговорил:

— На днях я получил докладную записку товарища Заградина. Целый трактат. Долго думал, что делать с ней. Пригласить автора в ЦК и объяснить ему, что к чему? Или, может, на свою дачу пригласить? Беседовать с начальством ему не впервой. Сталин незадолго до смерти рассказывал мне, как Заградин, приехав к нему в Волынское, активно агитировал всерьез заняться селом. Понравился он Сталину-то... Толковый, говорит, секретарь в Ветлужске... И село знает, и мыслит широко и конструктивно. Товарищу Заградину эта похвала, видимо, крепко в голову засела,

и возомнил он себя истинным аграрником. Даже решил своими мудрыми мыслями Центральный Комитет партии обогатить. Прочел я его записку и решил: а дай-ка посмотрю, как сам товарищ Заградин хозяйничает. Раз других учить взялся, значит, есть что показать, есть чем похвалиться.

Все молчали... А Хрущев продолжал:

— Так вот, товарищ Заградин, хозяйничаете вы плохо. Да, да, очень плохо. По зерновым-то — пятнадцать — семнадцать центнеров, по пропашным — еле сто перешагиваете. С новыми культурами явно не справляетесь. Да и с животноводством не лучше — полторы-две тысячи литров на корову. Что это за удои? Плачевные итоги-то. Вам не кажется?

Заградин, посылая свою записку, предполагал разные варианты реакции на нее: и вызов в ЦК, и нагоняй на каком-нибудь широком совещании — все могло быть... Но если он когда-то не побоялся пойти на прием к Сталину и высказать ему свои мысли и тревогу за село, то не обратиться со своими соображениями в Центральный Комитет партии сейчас, когда село стало всеобщей заботой партии и государства, считал себя не вправе.

Слушая резкие слова по поводу дел в области, Заградин не мог не отметить про себя, что Хрущев оперирует цифрами и данными, приводившимися в его записке. Но важны ведь причины... Вот читал ли Никита Сергеевич эту часть записки?

К Хрущеву подошла официантка и поставила перед ним большую тарелку с распростертым поджаренным кроликом. Никита Сергеевич расплылся в довольной улыбке и взялся за вилку и нож. И в этот момент Гаранин тихо попросил официантку:

— Нет ли чего другого? Кролика я, понимаете ли, не могу кушать. Может, курочка есть или рыба?

— Да, конечно, есть. Сейчас принесу,— ответила женщина.

Их разговор шел вполголоса, но Хрущев услышал его:

— А вы знаете, Гаранин, что курица — это самое прожорливое существо на свете? И не просто прожорливое, а с выбором. Ей, видите ли, зерно подавай. Руки вот только не доходят, доберусь я до этой куриной братии. А не любимый вами кролик — самое выгодное животное. Готовое, в сущности, мясо.— Хрущев с досадой вздохнул: — Вот, даже до кроликов доходить самому надо.— Повернувшись

в сторону своего помощника, бросил: — Запиши, Карпенко: «Кролики». В Москве напомнишь.

Тот поднял над столом толстую записную книжку.

— Занесено, Никита Сергеевич.

Гаранин, повернувшись к Мыловарову, проговорил вполголоса:

— Я сам не знаю почему, но ни кроличье, ни заячье мясо есть не могу. Прочел я где-то, как кролики целую страну в бедствие ввели. Может, поэтому у меня антипатия к ним?

Хрущев, однако, уловил, что разговор о кроликах продолжается, и с усмешкой предложил:

— Чего же шептаться-то? Говорите вслух. Чем это вам лопоухие не угодили?

Деваться было некуда, и Гаранин продолжил уже громче:

— Никита Сергеевич. Когда-то обитатели Болеарских островов были вынуждены просить императора Августа прислать им военную силу для борьбы с этими самыми кроликами. Те пожирали урожаи, перерывали землю, губили сады. Да и в нашем веке «кроличья опасность» кое-где имеется. В Австралии, например, недавно была создана «Великая кроличья стена» — изгородь, перегородившая всю страну с одной-единственной целью — ограничить бесчинства этих безобидных стрекачей. Но вы не подумайте, что я против их разведения. Раз это выгодно — займемся и кроликами.

Курганов подтвердил:

— Займемся этой проблемой, Никита Сергеевич. А то, что начальник управления не любит кроличье мясо, даже к лучшему — поголовье целее будет.

Хрущев махнул рукой.

— Не верю я вам. Судя по тому, как идут дела в вашей зоне, да и в области, у вас и кролики передохнут. И даже император Август не поможет. — И тут же спросил: — Вы сколько уже лет здесь сидите, Заградин?

— С пятьдесят первого, Никита Сергеевич.

— Не новичок! Пора бы глубже разбираться в делах. Записка же ваша свидетельствует как раз об обратном. — И уже ко всем: — Есть у нас немало таких деятелей. Он вам скажет и как собак стричь, и как кур доить. Он по любому вопросу может речь толкнуть или бумагу настрочить. А по-настоящему вести дело, которое ему поручено, — кишка тонка. Таким героям надо поспешать с ярмарки. Иначе дело

у нас не пойдет.— И снова к Заградину: — В чем идея разделения обкомов? Чтобы конкретнее, со знанием дела руководить хозяйством. Прочел я стенограмму вашего выступления на областном активе. Как явствует из него, вы вроде понимаете это. В записке же в ЦК выступаете против. Как вас прикажете понимать? Что-то многовато загадок нам задаете. Вот — даже ратуете против преобразования хилых колхозов в совхозы. Вам же хотим помочь. Неужели это не ясно? Элементарных вещей усечь не можете, а замахиваетесь на государственные масштабы. И организационная структура вас не устраивает, и система капиталовложений, и прочее, и прочее.

Заградин поднялся было:

— Никита Сергеевич, я ведь хотел...

Но Хрущев, однако, остановил его:

— Я тоже за то, чтобы селу давать больше. Но где взять? Выше головы не прыгнешь. Мы делаем все, что можем, товарищ Заградин, и даже больше, чем можем. Мы не баснями, а колбасой и салом хотим кормить людей. Некоторые не в меру прыткие критики вроде вас шпыняют меня. Что, мол, приземляю... вульга... ри... зирую,— это слово он нарочито растянул,— идею коммунизма. Ничего подобного. Я говорил и говорить буду: какое же коммунистическое общество без, допустим, колбасы? Коммунизм — это изобилие. Изобилие всего, что нужно человеку. Это всем известно. Какая же тут вульгаризация?

Откинувшись в кресле, Хрущев обвел все застолье нахмуренным взглядом и со скупой усмешкой произнес:

— Но товарищ Заградин с нами не согласен не только по этим вопросам. Он не согласен и с разоблачением культа личности Сталина.

Тут же раздался глухой, напряженный голос Заградина:

— Я не против критики ошибок Сталина. Но я против того, чтобы видеть только их. Нельзя сбрасывать со счетов коллективизацию, индустриализацию страны. Победу над фашизмом, наконец.

— Думаю, что Сталина я знал получше вас. И если я не побоялся никого и ничего, сказал о нем правду — то я выразил не только свое мнение. Культ личности осудила вся партия, весь народ. Так что вы ломитесь в открытую дверь, Заградин.

— Против того, что сказала партия в осуждение культа, возражений у меня нет, Никита Сергеевич.

Хрущев с усмешкой заметил:

— И на том спасибо! Но к этой партии я, кажется, имею некоторое отношение, не так ли?

Заградин решительно поднялся за столом:

— Никита Сергеевич, прошу разрешить мне сказать несколько слов.

Хрущев развел руками:

— Я здесь не хозяин.

Заградин отодвинул от себя тарелку.

— Прежде хочу сказать, Никита Сергеевич, что я надеялся, что обсуждение вопросов, поднятых мною в записке, будет носить несколько иной характер. И все еще продолжаю надеяться на это. Сейчас же хочу сказать очень коротко. Прежде всего должен признать, что вы абсолютно правы в своей критике нашего обкома и меня лично за состояние дел в сельском хозяйстве области. И если обратили внимание, то в своей записке я сказал прежде всего об этом. Сказал откровенно и объективно. Вы оцениваете состояние наших дел еще более остро. Что же, мы хорошо понимаем, что значат замечания и указания первого секретаря ЦК, и сделаем из них все необходимые выводы.

Теперь о некоторых других вопросах, поднятых в записке. О разделении обкомов. Считал и считаю, что этот эксперимент себя не оправдал. Доводов и аргументов можно привести множество, в записке они изложены. Некоторые из них позвольте привести и здесь. Замена сложившихся организационных форм и принципов должна быть подсказана самой жизнью, практикой. Жизнь же не подтвердила целесообразности подобной реорганизации. При перестройке был, по моему мнению (да, насколько знаю, не только по моему), неоправданно изменен принцип строения партийных организаций по производственно-территориальному признаку, действовавший, как вам хорошо известно, еще во времена Ленина и затем вновь закрепленный в Уставе КПСС, в том числе и в ныне действующем Уставе, принятом XXII съездом партии.

— Ну-ну, и что же дальше? — сердито обронил Хрущев.

— Край, область, район,— продолжал, заметно волнуясь, но вместе с тем уверенно и убежденно Заградин,— это единый живой организм, где все переплетено и взаимосвязано, и потому не только трудно, но, по существу, и невозможно разорвать отдельные звенья этого организма без серьезного ущерба для дела. Как, опять-таки, показывает сама жизнь, в результате перестройки усложнились условия

работы с кадрами, значительно уменьшилась возможность оказания помощи селу со стороны промышленных центров, ослаблены связи города с деревней, возникли затруднения и неудобства в обслуживании населения по линии культуры, народного образования, здравоохранения. Все мы, разумеется, делали и делаем все возможное, чтобы свести до минимума создавшиеся трудности, но до конца их преодолеть никак не можем. К тому же проведенная реорганизация породила обстановку нервозности и неуверенности в работе, она лишила людей перспективы, подорвала у них веру в свои силы.

— Да читал, читал я вашу аргументацию. И сказал уже — не согласен с вами.

Заградин тяжело вздохнул и вымолвил:

— Очень сожалею об этом, Никита Сергеевич. Теперь о совхозах. Да, вы правы, для части наших колхозов это выход. Но лишь для части. Следует разобраться с перспективой каждой артели, и если она не сможет встать на ноги при существующей форме хозяйства — решать. Но не забывать при этом, что для упразднения колхозов время еще не наступило, им предстоит еще длительное время существовать и развиваться. Да и по личному хозяйству колхозников напрасно, как я полагаю, ударили. Я уже не говорю о том, что вообще оказался нарушен принцип материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъеме общественного хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов, равно как и некоторые другие экономические законы развития социалистического хозяйства. Отрицательно дают себя знать и часто проявляющаяся недооценка роли специалистов сельского хозяйства, ученых, принижение их ответственности за положение дел в колхозах и совхозах, администрирование в руководстве сельским хозяйством. Нельзя не видеть и усиливающейся миграции сельского населения, что имеет свои серьезные причины, об одной из которых я уже сказал. Люди, и особенно молодежь, покидают деревню, стремятся уйти туда, где лучше материальные и бытовые условия.

Хрущев с прищуром посмотрел на него и сказал:

— Есть такая побасенка украинская. Утонула жена у мужика. Он идет по берегу и все зовет свою Одарку. Соседи говорят: чего же ты навстречу течению идешь? Утопленницу-то в низовьях реки искать надо. Мужик только рукой махнул: «Не знаете вы моей Одарки. У нее всегда

все наоборот». Догадываетесь, к чему я эту побасенку привел?

Заградин понял, что продолжать говорить ему сейчас не имеет смысла. Да, собственно, главное он уже сказал. Некоторое время постоял молча и тяжело опустился на стул.

— И по поводу критики культа у вас особое мнение, и реформы на селе вам не по душе. Все за высокие материи беретесь! А что с областью делать будем?

— Дела в области вы сами разобрали столь подробно, что, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Будем поправлять, если доверите. Что же касается критики культа личности, то мое мнение с мнением партии не расходится: вместе с партией я за всестороннюю и объективную оценку роли Сталина в жизни страны. Вопрос этот большой и сложный, он требует отдельного разговора. Но думаю, что мы и так вас основательно утомили.

Хрущев поднял на него взгляд.

— Меня, Заградин, утомить нельзя, я, знаете ли, из крестьян, да еще шахтерскую закалку получил.— Хрущев обвел взглядом всех сидящих за столом и продолжал:

— У нас много любителей покалякать о мировых проблемах. Но ваше дело — подъем области. Хлеб, мясо, молоко нужны людям. И не когда-то, а сейчас. Этим живет сейчас вся страна. Этой задачей. А она не легко и не просто решается в наших условиях. Три четверти товарного зерна мы получаем в зоне рискованного земледелия. Если в США районы, где достаточное увлажнение сочетается с благоприятным тепловым режимом, занимают шестьдесят процентов территории, то у нас всего один процент. Засухи мы переживаем каждые три-четыре года, а американцы два-три раза в столетие. Вот почему я так ратую за кукурузу, сою, свеклу, сорго. Вот почему выступаю против травополки, за максимальное использование пахотных земель и за многое другое. Вот почему стою за то, чтобы колхозник не ковырялся в своем огороде, а отдавал все силы общественному, артельному хозяйству. Много предстоит дел в деревне. Много. Поставим ее на ноги, конечно, только дела надо вести не так, как в ваших Ветлужских краях.

Все за столом сидели молча, сосредоточенно.

Между тем Хрущев продолжал:

— Спорить со мной можно, пожалуйста, но мешать — не позволю! Были покрупнее и поумнее вас, товарищ

Заградин, которые пытались это делать, мы им показали кузькину мать. Имейте в виду, по делам о вас судить будем. По делам. Что касается вашего несогласия с некоторыми нашими решениями, то что же. Спорьте, доказывайте, а выполнять их обязаны. Вот так-то! Это же пусть запомнят и ваши соратники.

— Я высказывал в записке лишь свое личное мнение, Никита Сергеевич. Никто из товарищей к ней никакого отношения не имеет.

— Нет, почему же,— раздался голос Курганова.— Я, например, ее разделяю целиком и полностью.

Поднялся Гаранин. Был он бледен, взволнован, но сказал спокойно, твердо:

— Я не знал о записке. Но со всем, что говорил здесь Заградин, согласен.

— Слышите, Заградин? Есть, оказывается, соавторы. Криминала я в этом, однако, не вижу. Устав партии дает право каждому коммунисту иметь свое мнение и отстаивать его, но в пределах существующих партийных норм. Пока нет иного решения — выполняйте то, что принято. Это всегда следует помнить. Вам, Заградин, доверен партией такой пост, что не только за себя, а за всех и за все в области в ответе. И это тоже следует помнить. Так что делайте выводы.

Хрущев чувствовал усталость. Непримиримость Заградина, явная поддержка его мыслей со стороны Курганова, Гаранина, молчание других участников трапезы не прошли мимо его сознания. Возникла и настойчиво билась мысль: а ведь не один Заградин так думает... И как всплеск подсознания припомнилось настороженное и просто скептическое отношение ряда крупных работников, в том числе членов ЦК, к некоторым нововведениям. Да и многие заседания Президиума ЦК проходили далеко не гладко. Раньше он не придавал этому особого значения, уверовав в то, что лучше него сельские проблемы не знает никто. Сейчас же, под впечатлением разговора с ветлужцами, подобные настроения приобрели иное значение.

В наступившей тишине вдруг раздался чуть дрожащий голос Артамонова:

— Дорогой Никита Сергеевич, я хочу, чтобы вы знали: я ни сном ни духом не ведал, что у Заградина такие, мягко выражаясь, сомнительные мысли. Я, да, думаю, и все мы не разделяем их.

Оставив эту реплику без ответа, Хрущев сказал:

— Будем считать, что дебаты закончены. Пора, как говорится, и по домам. Спасибо за хлеб-соль.

Артамонов, Заградин и другие пошли провожать высокого гостя. Сев в машину, Хрущев помахал собравшимся рукой в прощальном приветствии, и ЗИЛ стремительно рванулся по шоссе.

Артамонов, не прощаясь, пошел к своей машине.

Курганов и Гаранин ехали с Заградиным. Тот заговорил первым:

— Ну, аграрники, носы не вешать, а работать, работать и работать.

Скоро в кабинет к Заградину пришли Мыловаров и Прохоров. Мыловаров озабоченно произнес:

— Вели вы себя, Павел Васильевич, уж слишком уверенно, если не сказать больше.

Заградин мельком взглянул на него:

— У вас, Владимир Павлович, так же как у Артамонова, оснований для беспокойства, по-моему, нет. В дискуссии вы не участвовали, записку не писали. О чем же речь? То, что вы не разделяете мою точку зрения,— я об этом хорошо знаю.

— Конечно... не разделяю.

В разговор вступил Прохоров:

— В дискуссии я тоже не участвовал, но должен сказать, Павел Васильевич... что я... больше согласен с вами. Однако вот еще о чем думаю. Что бы там ни было, а смотрите — первый секретарь ЦК запросто беседует с нами. Да и по каким вопросам! Нет, товарищи, это примечательно!

— Да, этого у Никиты Сергеевича не отнимешь,— согласился Заградин.— Горяч, импульсивен, но общителен, людей отнюдь не чурается.

— И память у него цепкая,— вставил Гаранин.

Курганов чуть усмехнулся:

— Кроликов и пятиэтажки он тебе, конечно, запомнит.

— Хотел сдержаться — и не смог.

Прощаясь, Павел Васильевич задержал руку Курганова:

— Держись, старина. С ярмарки нам ехать еще рано.

Курганов мрачновато пошутил:

— Обидно, что мне выступить не досталось. Гаранин хоть проблему кроликов осветил... А я...

Заградин, скупо улыбнувшись, успокоил:

— Но слова-то твои были емкими. Он наверняка их тоже запомнил.

Курганов с Гараниным, попрощавшись, ушли. Заградин

то задумавшись сидел за столом, то мерял неторопливыми шагами ковровую дорожку, то стоял у окна, вглядываясь в ночные контуры Ветлужска.

Он вновь и вновь восстанавливал в памяти прошедший вечер. Да, он и сейчас не отказался бы ни от одного своего слова, ни от одного тезиса своей записки. Была у него глубочайшая уверенность в том, что он прав.

И хотя он только что призывал товарищей не терять уверенности, у самого на душе было явно неспокойно. В то же время он твердо знал одно: надо, не откладывая, закончить то, что не закончено, завершить то, что не завершено, и делать это еще более настойчиво и энергично.

Павел Васильевич стал записывать на развернутом блокноте неотложные дела на ближайшее время.

Глава 16

«ВЕТЛУЖСКИЕ ЗАРИСОВКИ»

Все эти дни Заградин не исключал, что его могут вызвать в Москву. Однако Москва пока молчала. В столице же он оказался совсем по другой причине.

Еще накануне памятного ужина в столовой дома отдыха архитекторов Павел Васильевич почувствовал себя неважно. Мучала острая, режущая боль в спине и немеющих ногах. Потом боль поутихла, а через день приступ повторился, да так сильно, что пришлось вызывать врачей. Его немедленно отправили в Кунцевскую больницу под Москвой. Даже попрощаться с домашними и сослуживцами он успел лишь по телефону.

А через неделю «Земледелец» начал печатать «Ветлужские зарисовки» Олега Звонова. Давались они как путевые очерки журналиста — были развернутыми, занимали, как правило, подвалы второй и третьей страниц газеты.

...Олег Звонов давно уже положил крест на своих путевых очерках. Времени-то прошло много. Поначалу он не раз наведывался к главному редактору Журавленко, напоминал, требовал объяснить, в чем дело. Тот успокаивал его, обещал выяснить, призывал к выдержке и терпению.

— Ты понимаешь, какие это материалы? Ну так вот. Сиди, жди и не рыпайся.

Наконец срочный звонок и требование немедленно поправить, что надо, с учетом времени, и быстро, быстро готовить «Зарисовки» в набор.

— Со следующего номера начинаем печатать,— предупредил редактор.

...В своих материалах Звонов давал более или менее полную картину жизни колхозов и совхозов Ветлужчины после перестроек, проведенных за последние годы.

Изменение организационных форм руководства селом, новый порядок планирования, борьба с травополкой, освоение новых культур, иной порядок государственных поставок — эти и многие другие вопросы, одни подробно, другие вскользь, но так или иначе находили свое отражение в очерках Звонова.

Но хотя зарисовки и назывались «Ветлужскими», в них брались примеры из жизни и некоторых других, соседних с Ветлужском областей. Главный недостаток, объяснявший неблагополучие дел на селе, корреспондент видел в инертности кадров, особенно в Ветлужчине.

Он писал о том, что отставание ветлужских колхозов и совхозов есть следствие того, что районные и областные организации плохо знают людей, не выдвигают новые, молодые кадры, довольствуются старыми, отжившими формами руководства, не понимают изменившихся условий жизни деревни.

Приверженность к старому, тоска по прошлым временам, когда за средними показателями, так называемыми «суммарными» итогами, за спасительными успехами передовых артелей и предприятий можно было спокойно жить, не особенно тревожа себя тем, что дела, в сущности-то, идут неважно, отсталых колхозов и совхозов не становится меньше, да и многие промышленные предприятия основательно хромают. В общем, недалекое прошлое тяжким грузом висит на плечах многих руководящих работников Ветлужска. Новое же наталкивается на сопротивление, прививается медленно, со скрипом, с трудом. Этот абзац в очерке был набран курсивом.

Особенно характерна в этом отношении обстановка, сложившаяся в самой крупной Приозерской зоне. Здесь все негативные явления собрались вместе, и они очень типичны, очень характерны для всей Ветлужчины.

Что можно сказать о жизни колхозов и совхозов Приозерья? Многие, несмотря на помощь семенами, удобрениями, техникой, топчутся на месте, ни на йоту не продвигаясь вперед. Урожайность зерновых, например, по этим артелям и совхозам за последние годы еле дотягивает до среднего урожая по области. Даже по пропашным культурам, которые здесь всегда выращивались хорошо, дальше среднеобластных итогов дело не пошло.

А нерадивость некоторых руководителей приводит к тому, что порой сотни гектаров картофеля, капусты, свеклы и

некоторых других культур остаются неубранными, идут под снег.

Какое-то унылое, бесподъемное настроение царит во многих хозяйствах Приозерья, где пришлось побывать автору зарисовок.

Исключения, конечно, есть, было бы странным, если бы их не было. В Крутояровском, Березовском и Алешинском колхозах налицо и инициатива, и сноровка, и умение хозяйствовать. В Березовке, например, организовали комплексные хозрасчетные бригады и добились отличных результатов. В Крутоярове отлично организовали птицеводческое хозяйство. А в Алешине молодой председатель Василий Крылов спас прошлой дождливой осенью много хлеба, правда, допотопным, далеко не научным способом, но спас! Но что сделано в зоне, чтобы поднять, поддержать эти маяки, чтобы они светили шире и дальше? Да, в сущности, ничего.

И вот, когда думаешь о причинах этих явлений, об истоках, приходится повторять общеизвестную истину: все зависит от руководителей, от тех, кто должен возглавлять, вести людей, мобилизовывать на выполнение стоящих перед ними задач.

Да, все дело в руководителях, в их убежденности, страстности. И оговоримся при этом, что не в возрасте дело. Известно ведь, что можно и в сорок лет быть стариком, и в шестьдесят — молодым и энергичным.

Когда автор зарисовок беседовал с секретарем парткома Приозерского производственного управления М. С. Кургановым, то невольно думал о том, как важно, чтобы дело подъема села было в руках крепких и заботливых.

Михаил Сергеевич работник опытный, прошедший и огни, и воды, и медные трубы, казалось бы, его подход к делу должен быть принципиальным и конструктивным. Но слушаешь его и диву даешься. Во всем виноват кто-то, но только не он, не партийный комитет, не управление. Почему мал урожай зерновых? Не так уж мал на наших землях. Почему с клеверами никак не расстанетесь? Опасно сразу-то. Без кормов можно остаться. Почему столько картофеля, свеклы остается на полях неубранными? Потому что не хватает рабочих рук, техники. Ну а почему не хватило рабочих рук? Почему подвела эта самая техника? И секретарь парткома стал доказывать, как «сложно стало жить и работать на селе после разделения серпа и молота». Слушая его унылые рассуждения, хотелось посоветовать:

да полноте, товарищ Курганов, о былом-то плакать, вспомните народную мудрость: передумкой прошлого не воротишь.

Да, Ветлужскому обкому, если он хочет всерьез и быстро поднимать село, надо безотлагательно думать о руководящих кадрах, особенно на самых решающих участках. Надо, чтобы их возглавляли деловые, энергичные, политически закаленные и авторитетные люди. Да, авторитетные! Иначе решить те многие вопросы, которые возникают сейчас на селе, трудно. Можно понять М. С. Курганова, можно по-человечески посочувствовать его беде: его сын осужден за злостное хулиганство, связанное с гибелью гражданина Черняка. Но ведь личные беды, как бы тяжки они ни были, не дают права на всепрощение. За ошибки и провалы дела, тебе порученного, надо отвечать. Здесь возникает вопрос и о нравственной чистоте, личном моральном авторитете руководителя. Уж коли секретарь парткома собственного сына не смог воспитать должным образом, то что же требовать от него в делах куда более значительных и сложных? В Приозерске, да и далеко за его пределами, немало можно услышать разговоров на эту тему. И, скажем прямо, они не укрепляют авторитет партийного руководства управления.

У читателей может возникнуть вопрос: позвольте, но руководство зоны — это ведь не только секретарь партийного комитета. Верно. Но верно и то, что товарищ Гаранин — начальник Приозерского управления — в силу малого опыта не охватывает всех вопросов, излишне полагается на методы работы, присущие прошлым временам. На собрания, на заседания, на совещания. Посоветуемся... взвесим... обсудим...

Таков его обычный ответ на любой острый и срочный вопрос. Забыто элементарное правило, обязательное для каждого руководителя: раз тебе поручено государственное дело, ты и веди его, отвечай за него и не прячься за чужие спины.

Можно было бы так подробно не останавливать внимание читателей на состоянии дел в приозерских колхозах и совхозах, если бы оно было исключением. Нет, для Ветлужья, повторяем, оно просто типично. Подбор и расстановка кадров здесь, к сожалению, считается делом второстепенным. Некоторые руководители стараются сохранить во что бы то ни стало кадры, которые им известны лично, с которыми, так сказать, они съели не один пуд соли...

И хотя многим этим товарищам явно пора с ярмарки, они продолжают вершить судьбы многих хозяйств области, но вершат, как мы убедились, далеко не так, как требуют новые условия, сложившиеся на селе, как требует от нас этого партия... Но об этом в следующий раз...

Таково было основное содержание первого очерка Олега Звонова, опубликованного в «Земледельце». Последующие были посвящены работе областных организаций: облисполкома, сельскохозяйственного управления, заготовительных органов. Заключительный из очерков был целиком посвящен стилю руководства селом. Он был особенно резок, с сарказмом хлестал обком за незнание дела, рутинерство, консерватизм, отрыв от масс и, главное, за непонимание и недооценку того нового, что привнесено сейчас в деревню.

Очерки читали в Приозерье, в Ветлужске, читали и в других районах и областях.

— Что-то за Заградина взялись,— говорили, перезваниваясь между собой, секретари обкомов.— Не знаешь, что у него стряслось?

Несколько человек звонили Павлу Васильевичу, но, узнав, что он в больнице, переключались на Мыловарова.

— Слушай, в чем дело, старина? Цифры и факты, конечно, убедительные, но ведь их в любой области найти можно!

— Ну, видимо, у нас хуже всех.

— Не темни! В чем дело-то?

Ответить на этот вопрос Мыловарову было трудно. Он тоже предполагал, что материалы в «Земледельце» появились не случайно, но ведь это были всего лишь предположения.

После нескольких таких звонков он еще раз углубился в «Ветлужские зарисовки» и прочел их самым внимательным образом.

«Не возьму в толк,— думалось Владимиру Павловичу,— зачем понадобилась такая артподготовка? Ну, решили снять Заградина, так сняли бы, и дело с концом. И чего им дался этот Курганов? Вот уж действительно, сильнее кошки зверя не нашли».

Мыловаров многого не понимал в этой истории, но в том, что хлопот из-за «Ветлужских зарисовок» предстоит немало, он уже не сомневался.

И как бы в подтверждение этих его мыслей, позвонил Журавленко, главный редактор «Земледельца». Суховатым, требовательным голосом спросил:

— «Земледелец»-то, товарищ Мыловаров, читали?.. Хорошо, что дважды. Выводы надо делать. Выводы. Да, да. А как же? Или вы ждете, чтобы кто-то другой их сделал? Не советую. Именно обкому предстоит ответить редакции, что предпринято. Тот заменен, тот наказан, такие-то участки укреплены. Будет предпринято то-то и то-то. Именно такую реакцию на критику ждет газета. И общественность.

— Материалы мы будем обсуждать на бюро обкома. А возможно, и на пленуме. И, конечно, сделаем необходимые выводы.

Журавленко, покашляв, предупредил:

— Только затягивать не надо.

— Понимаете, Захар Терентьевич, Заградин-то в больнице. А без него... Несподручно обсуждать такой вопрос без первого секретаря.

— Ну а если он пролежит там месяц или два?

— Не думаю. Мы его ждем скоро.

— Вот что, Мыловаров, вы имейте в виду, меня и так уже упрекают, что, мол, не доводим дело до конца. Если молчание обкома затянется, придется нам выступить вновь. Обком партии предстанет тогда в неприглядной роли. Не очень-то ладно будет.

И все-таки, несмотря на такой разговор, Мыловаров решил не выносить вопрос о «Ветлужских зарисовках» на обсуждение до приезда Заградина. Но вечером ему позвонил Артамонов.

— Как думаете реагировать на критику?

— Мне звонил Журавленко, требует, чтобы мы обсудили опубликованные материалы. Но Заградин-то болен.

— Ну и что? Пусть выздоравливает. На хозяйстве же сейчас вы, следовательно, целиком отвечаете за область. Реакция на выступление центральной прессы, Владимир Павлович, тем более по таким фактам, должна быть быстрой и острой. Советую обсудить, не откладывая. Приедет к этому времени Заградин — хорошо, не приедет — проведите без него.

— Понимаете, Григорий Михайлович, тут еще такое дело. Судя по звонку Журавленко, по Курганову они ждут оргвыводов.

— А вы что, против?

— Дело не во мне. Но это будет не просто.

— Ладно. Зайдите вечером. Поговорим.

В последнее время, особенно после приезда на Ветлужчину Никиты Сергеевича, Мыловаров передумал многое.

О записке Павла Васильевича в ЦК он знал раньше. Заградин попросил его ознакомиться с ней и сказать свое мнение. Владимир Павлович посоветовал смягчить, не так резко оценивать некоторые нововведения и не так категорично формулировать выводы. Но Заградин все оставил посвоему.

Мыловаров смотрел на проблемы, что поднимал в записке Заградин, иначе, не так обостренно и непримиримо. Видимо, идет поиск оптимальных путей, думал он. И рано или поздно товарищи, что наверху, и без нас разберутся со всеми этими неувязками. Владимир Павлович вообще считал, что их — его и Заградина — дело: не мудрствуя лукаво, думать о ветлужских делах. Не забегать вперед, но и не отставать от других областей в осуществлении тех нововведений, которые рекомендуются по перестройке сельских дел.

Случалось, что эта позиция второго секретаря обкома была полезной, обеспечивала тщательный подход к делам сложным. Но бывало и наоборот.

Во время ускоренной ликвидации паров и сокращения посевов клеверов позиции Заградина и Мыловарова разошлись. Владимир Павлович, как только было получено указание, еще до обсуждения на пленуме обкома, раскрутил эти дела в полную силу, и лишь вмешательство Заградина несколько сдержало в Ветлужске масштабы столь рискованного поветрия. Правда, Заградина на одном высоком совещании пребольно высекли за это. Однако он утешал себя тем, что все-таки остались в области и пары, и клевера, хоть частично, но остались.

Сейчас Мыловаров был в большом затруднении. Как быть? Допустим, будем обсуждать выступление газеты без Заградина. А что решать? Ведь надо затронуть многих областных руководителей. Кое-кого надо заменить, кого-то подстегнуть взысканием. И все это без учета мнения первого секретаря? Да и не был уверен Владимир Павлович, что без Заградина ему удастся провести на бюро, а тем более на пленуме, такие крутые решения. Он прекрасно знал, каким авторитетом пользуется Заградин у актива. Если же не обсуждать пока — то чем мотивировать задержку? Первому, мол, виднее, на то он и первый? Но тогда ему — Мыловарову — кое-кто скажет: что же ты за второй секретарь обкома, если без Заградина шагу шагнуть не можешь?

Владимир Павлович тяжело вздохнул и заказал теле-

фонный разговор с Москвой — он решил все-таки предупредить Заградина о предстоящем бюро или пленуме. Разговора, однако, не получилось — Павлу Васильевичу, возможно не без воздействия «Ветлужских зарисовок», стало значительно хуже, и его изолировали и от звонков, и от посещений.

Вечером Мыловаров, как они и условились, пошел на совет к Артамонову.

— Материалы к обсуждению готовы. Надо решить, пленум собирать или расширенное бюро. В Приозерске партком уже назначен. Но вот с Кургановым... Давайте подумаем. Человек он известный. Член бюро обкома. Приозерцы его знают и ценят.

— Знают? Вот и хорошо. Пусть сами и решат. Мы лишь порекомендуем.

— Решат ли как надо, вот в чем вопрос.

— Да что вы, Владимир Павлович. У нас же в партии, как известно, демократический централизм. Неужто они не поймут, что значит рекомендация обкома?

— Мы в обкоме-то это еще не обсуждали.

— Ну соберетесь завтра накоротке.

На следующий день Мыловаров хмуро, немногословно объяснил собравшимся членам бюро обкома цель их внеочередного вызова:

— Вы, товарищи, конечно, читали материалы в «Земледельце» и, видимо, понимаете их значение. В общем, прославились мы на всю страну. К вопросам, касающимся областных дел, мы вернемся на пленуме позднее, возможно, даже на следующей неделе. Вы, пожалуй, готовьтесь. Но в газете, как известно, очень остро критикуются дела в Приозерье. Я позвонил Курганову, чтобы он собрал партийный комитет... Для соответствующих выводов... Вот об этом я и хотел поставить вас в известность.

Члены бюро молчали, переглядывались недоуменно. Раздался голос Прохорова.

— Я здесь человек еще новый,— проговорил он.— Может, у вас так принято,— не знаю. Но почему Курганова-то здесь нет? Как я понял, вы говорите об организационных мерах?

— Да, Василий Ильич. Мы должны рекомендовать парткому сделать выводы, и самые кардинальные. Но решает пусть сам партийный комитет. Курганова же я не пригласил по простой причине — и далековато, да и травмировать

лишний раз Михаила Сергеевича не хотелось. Я говорил с ним по телефону, объяснил ситуацию.

— И что он вам ответил? — не глядя на Мыловарова, спросил Овсянников, начальник областного управления госбезопасности.

— Что он подчинится любому решению коммунистов.

— Узнаю Курганова,— удовлетворенно кивнул головой Овсянников.

Вновь послышался голос Прохорова. Он озабоченно спросил:

— А нельзя ли подождать возвращения товарища Заградина? Вопросы-то ведь не простые. Не надо бы так спешить.

Раздались одобрительные возгласы нескольких членов бюро. Многие присутствующие невольно вспомнили, как за день до того, как болезнь свалила Заградина, он собрал членов бюро обкома и рассказал и о своей записке в ЦК, и о разговоре с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Предупредил, что, независимо от реакции на записку и на этот разговор, нужно, не откладывая, еще и еще раз разобраться с состоянием дел на вверенных участках, оценить их без всяких скидок и ссылок на объективные условия и выработать предельно ясные планы дальнейших действий наших основных областных звеньев. Недоработок, огрехов и упущений в руководстве селом у нас, к сожалению, более чем достаточно. Наша обязанность и долг принципиально, невзирая ни на лица, ни на авторитеты, вскрыть и проанализировать причины этих упущений и недоработок, предложить, что можно предпринять, чтобы они не повторялись вновь.

Это напутствие Заградина хорошо поняли члены бюро и приняли его близко к сердцу. Каждый из них выкладывался сполна.

Заседание продолжалось еще довольно долго. Прохоров, Овсянников да и некоторые другие члены бюро выразили свое удивление тенденциозностью опубликованных очерков, хотели знать причину столь непонятной спешки с их обсуждением. Почему нельзя подождать возвращения Заградина? Как можно обсуждать такой вопрос без первого секретаря обкома, который в первую голову отвечает за дела в области? Если же Заградина таковым уж не считают, то пусть объяснят, что произошло. Мы знаем только одно, что он в больнице.

Мыловаров молча слушал эти выступления, вопросы,

замечания, реплики. Со многими из аргументов он не мог не согласиться. И все-таки настоял на проведении заседания парткома в Приозерье, после чего поспешил закрыть заседание.

Овсянников, вставая, проговорил:

— Я против освобождения Курганова и за такое решение голосовать не буду.

Вслед за ним поднялся Прохоров.

— Я тоже против. Моего голоса под таким решением не будет.

Мыловаров, который был необычайно оживлен и стремился показать, что он сейчас «на хозяйстве», с прищуром посмотрел на обоих и негромко, чуть нравоучительно, проговорил:

— Мы не голоса собираем, а советуемся с членами бюро, как обеспечить правильную политическую реакцию Приозерского парткома на выступление центральной партийной прессы. Я думаю, все мы согласны, что реакция должна быть принципиальной, острой, в духе требований партии об отношении к критике.

Члены бюро расходились из зала мрачные, насупленные, обеспокоенные.

Мыловаров заметил это, и сердце его сжала тревога. Но отступать было уже поздно.

Глава 17

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО...

По пути в Приозерье Мыловаров размышлял: кого же можно было бы поставить вместо Курганова? Рощин? Крылов? Он отдавал себе полный отчет в том, что партком будет очень трудный. Курганов мне не сват и не брат, нередко мы сталкиваемся с ним лбами. Но люди его знают и уважают. Так что спокойного заседания ждать не приходится.

...Зал заседаний Приозерского производственного управления жужжал, как потревоженный улей. Члены парткома — председатели колхозов, директора совхозов, бригадиры — делились новостями, на ходу решали кое-какие деловые вопросы. Никто не знал точных причин срочного вызова, созыва партийного комитета, и терялись в догадках. Повестку дня объявят на месте — так было сообщено в телефонограмме, но все догадывались, что партком назначен, видимо, по поводу статей в «Земледельце».

Наконец звонок собрал всех в зал.

Курганов был бледен, но спокоен, даже, пожалуй, подчеркнуто спокоен. Открывая заседание, он бесстрастно сообщил о том, что явились все члены партийного комитета, секретари партийных организаций колхозов и совхозов, руководящие работники управления. Кворум полный. Можем начинать...

Вчера вечером Курганову позвонил Прохоров. Он был предельно мрачен:

— Михаил Сергеевич, завтра к тебе приедет Мыловаров проводить заседание партийного комитета по поводу статей в «Земледельце». Так что держись. Посоветовать могу лишь одно: помни, что принципиальная линия — самая верная.

— Да я в курсе. Звонил он мне. Мямлил, жевал язык,

но суть-то я понял. А вам спасибо, Василий Ильич, за сочувствие. Линия же, вы правы, должна быть одна — партийная.

— Я не сомневался, что ты думаешь именно так...

— Ну, а как же иначе-то думать? Кресло ведь не такое уж мягкое, о нем жалеть не буду. А вот дело... Дело... От него сердце отрывать надо. Ну да ничего, не впервой.

...И вот Михаил Сергеевич перед десятками пытливых, настороженных глаз.

— Вопрос, товарищи, у нас сегодня один: о материалах в газете «Земледелец».

Спокойствие и невозмутимость Курганова не могли ввести в заблуждение актив Приозерья. Люди здесь были опытные, видавшие всякие виды, пережившие немало бурь и невзгод. Увидев, что на партком приехал второй секретарь обкома, как-то сразу изменилось настроение собравшихся, кончились шутки, смех. Все тревожно насторожились.

— Не иначе, как что-то серьезное предстоит,— предположил Морозов, обращаясь к Крылову.

— Ну, тогда бы приехал сам Заградин.

— Он в больнице. На хозяйстве Владимир Павлович.

— Ну этот даст нам жару.

— Слово предоставляется товарищу Мыловарову.

Говорил Владимир Павлович со знанием цифр и показателей. Не зря корпел ночью над материалами, что представили областные организации. Сначала отметил положительное — назвал лучшие хозяйства, порадовался некоторому сдвигу с урожайностью в них. Животноводство тоже имеет некоторые положительные итоги по росту поголовья, надою молока, развитию кормовой базы. Ну, а затем перешел на другие ноты. Все еще низкие, очень низкие урожаи по большинству колхозов и совхозов и полный провал с новыми культурами. Владимир Павлович видел причину этого в недооценке значения этих культур, в игнорировании рекомендованных приемов агротехники их возделывания. А это, дорогие товарищи, иначе, как нежеланием руководства выполнять требования и указания руководящих сельхозорганов и науки,— не назовешь.

Зал наполнился глухим ропотом, недоуменными восклицаниями, кто-то встал с места и хотел задать вопрос оратору.

Курганов с трудом успокоил людей.

— Товарищ Мыловаров еще не закончил. Дослушаем до конца.

— Проблем, прорех, ошибок и нерешенных вопросов по зоне много, очень много. И рассмотреть их с ходу вряд ли возможно, к такому разговору следует вернуться, серьезно подготовившись. Сегодня же предстоит определить отношение партийного комитета зоны к материалам, опубликованным в «Земледельце». Мы безотлагательно должны сделать необходимые выводы. Все мы уважаем Михаила Сергеевича Курганова. Знаем его опыт, знания, умение работать. Но время, время, товарищи, изменилось, требования ко всем нам неизмеримо повысились. И с учетом этих обстоятельств вам и следует подойти к решению поставленного вопроса. Областной комитет партии надеется на партийную зрелость коммунистов Приозерья и не сомневается, что вы подойдете к делу прежде всего с принципиальных, партийных позиций. Ведь для коммунистов интересы дела, интересы партии превыше всего. Если надо, давайте обменяемся мнениями, но лучше бы без излишних дискуссий и споров. От вас, коммунистов Приозерья, обком, вся область ждет партийного понимания ситуации и зрелого подхода к делу.

Зал молчал. Глухо, напряженно и долго.

Потом раздалось сразу несколько голосов:

— Что вы предлагаете? Не ясно же. Что мы должны решить?

Мыловаров наклонился к Курганову и прошептал ему:

— Для вас очень важно, чтобы партком прошел как следует. От этого много потом будет зависеть.

— А что, пенсию повышенную дадите? — усмехнулся Курганов.

— При чем тут пенсия? Неужели не понимаете?

— А что вы от меня, собственно, хотите?

— Повлияйте на людей. Чего они ваньку валяют? Им, видите ли, непонятно, что решать.

— Так что ж, я должен сам объяснять, что снимать, мол, меня надо? Не очень логично будет. Объясняйте сами.

Когда стало чуть тише, раздался напряженный, взволнованный голос Гаранина:

— Я в порядке реплики или вопроса, что ли. Что случилось, товарищ Мыловаров? Что за причина сегодняшнего, столь экстренного заседания партийного комитета и что решать-то надо? О делах в наших колхозах и совхозах коротко да с ходу не скажешь. Вы правильно заметили, что нужна серьезная и тщательная подготовка. Есть и хорошее, и плохое, есть успехи, есть и неудачи. Причины этих неудач мы товарищу Звонову рассказывали. И показали все, что

есть, ничего не утаивая и ничего не приукрашивая. Но более легковесных, хотя и хлестко написанных опусов я никогда еще не читал. Пора бы о делах на селе писать не походя, а разобравшись как следует и по существу. Что же касается товарища Курганова, то зря вы на него валите все наши беды. Не только он виноват. И мы, и вы, и кое-кто повыше.

Мыловаров хмуро заметил:

— Знаете, товарищ Гаранин, вам как начальнику управления следовало бы выступать продуманнее и основательнее.

— Спасибо за совет. Но это пока не выступление. Это лишь реплика и вопрос к вам.

Мыловаров раздраженно посмотрел на него:

— Выступать-то вы собираетесь?

— Конечно.

— Ну так пожалуйста.

— С учетом вашего совета чуть подожду.

Во время их спора поднялся Василий Крылов и пошел к трибуне.

— Пока тут начальство спорит, я скажу. Что это за напасть такая на наше Приозерье? Не понимаю я, товарищ Мыловаров. И то, и другое, и третье — все у нас плохо. И все время под огнем вашей критики живем, и все нам кузькину мать показать обещаете. За сев, за уборку, заготовки, низкие удои и тому подобное. Не так давно за траншеи, за то, что хлеб сохранили, кое-кого чуть в тюреху не засадили, прокурор уж сухари сушить велел. Теперь вот опять беда. Ну, написал этот Звонов, что в голову ему взбрело, смешал божий дар с яичницей. Так разберитесь, где зерно, где полова. Вы же с бухты-барахты хотите с нас голову снять. Нам ведь работать надо. Так, может быть, нам и доверите решать, кому возглавлять наш партийный комитет? Михаила Сергеевича мы знаем не первый год. Я еще комсомольцем бегал в его кабинет. И всегда всем нам, от мала до велика, он был и советчиком, и судьей, и товарищем. Сейчас мы в одной упряжке тянем. А упряжка-то нелегкая. Вы же хотите его под корень! Удивительно и непонятно все это. Может, объясните? Устав партии не так велит партийные дела решать.

Мыловаров нервно бросил:

— Устав, между прочим, предусматривает, что партия живет по принципам демократического централизма. А это означает подчинение нижестоящих организаций вышестоящим.

Крылов повернулся к нему:

— А какой вышестоящий орган хочет снять товарища Курганова?

Мыловаров, напряженно глядя в зал, ответил:

— Областной комитет, конечно, может и сам решить этот вопрос, но он, именно руководствуясь Уставом партии, предоставляет это право вам, вашему парткому. Вот вы и решайте так, как вам велит партийный долг.

Крылов облегченно вздохнул:

— Вот спасибо за это разъяснение. Значит, вы в обкоме разумно рассудили, что нам, мол, виднее. Ну, а мы, лично я во всяком случае, не буду голосовать за предложение, что высказали вы, товарищ Мыловаров. Не буду ни за какие коврижки.

Нервно вертя карандаш, Мыловаров многозначительно бросил в зал:

— Хотелось бы знать, члены партийного комитета, партийные активисты зоны понимают задачи, которые встали перед нами в сложившейся обстановке?

— А как же, конечно,— раздался голос Ивана Отченаша. Он на трибуну подниматься не стал, а встал рядом со столом.— Мы очень даже понимаем, что к чему. Вы, видимо, уже предрешили все наши дела. Вот ведь как вы сформулировали: политическая беспечность, игнорирование указаний и прочее. Неверно это все. Давайте разберемся во всех наших делах, но разберемся спокойно, как положено. Вы обвиняете нас в несознательности, в непонимании обязанностей коммунистов. Обидно это нам слушать. Я вот служил на флоте, там, как известно, строгое единоначалие. Однако и там нормы партийной жизни соблюдаются строго.

С трудом сдерживая себя, Мыловаров процедил:

— И все-таки с рекомендацией областного комитета партии положено считаться.

— Верно, но во-первых, вы нас так и не ознакомили с решением бюро обкома. Есть ли оно? А если есть, почему же его не обнародовать? Во-вторых, обкому неплохо предварительно ознакомиться с мнением членов парткома, партийного актива.

Озеров особенно остро переживал происходящее. Мог ли он подумать, что, приглашая Звонова той осенью в Березовку, накликает столько бед на Приозерье. Николай несколько раз перечитал очерки в «Земледельце», узнавая в них свои мысли о положении в деревне. Но они преподносились как иллюстрация отсталых, консервативных

настроений приозерского актива. Бездоказательно, легко, с явной ставкой на сенсацию были обыграны все факты приозерской жизни.

Выждав тишину, Озеров поднялся:

— Мнение обкома — это не шутка, товарищи. Мы обязаны считаться с ним или доказать свою правоту. Поэтому я выношу на обсуждение партийного комитета предложение: просить областной комитет партии пересмотреть свои рекомендации, связанные с материалами «Земледельца» по Приозерску, и учесть при этом мнение коммунистов управления.

Вслед за Озеровым слова попросил Морозов. Мыловаров знал его как одного из самых уважаемых в области ветеранов колхозного движения и подумал, что его выступление, пожалуй, сможет серьезно повлиять на настрой людей. И пока Морозов шел к столу, подал реплику:

— Надеемся, что Василий Васильевич поможет многим товарищам разобраться в сути дела и занять более правильную, партийную позицию.

Морозов, однако, словно не слышал столь лестной реплики, обратился к Мыловарову, что называется, напрямую:

— Владимир Павлович, для нас другого секретаря парткома не надо. Курганов такой партийный вожак, за которым любой из нас в огонь и в воду пойдет. Я вот слушаю сегодняшний разговор и ушам своим не верю. Невольно вспоминается давнишний пленум Приозерского райкома. Проходил он в этом же здании и в этом же зале. И тоже обсуждали Курганова. За то, что колхозы укрупнял, деревни сселять решил, ну и прочее. Тогда кое-кто хотел рассчитаться с ним за разные там обиды. Не пошли мы тогда за склочниками. И обком был тогда с нами, поддержал нас. А сейчас вы на основании публикации недобросовестного журналиста клоните нас к несуразному решению. И это после двадцатого съезда партии, после больших и отрадных перемен, происшедших в стране, в том числе и на селе.

— Я не пойму, что предлагаете-то, товарищ Морозов? — уже с другой, недовольной интонацией спросил Мыловаров.

— А разве не ясна моя мысль? Не трогать Курганова, ни в коем случае не трогать! Что же касаемо статей в газете, то пусть, кому положено, разберутся в них. Поверхностно, второпях, видимо, глядел на наши дела газетчик. Не знаю,

как будут реагировать на его «Зарисовки» официальные органы, но я свое мнение о них изложил в письме в Центральный Комитет партии.

Мыловаров осуждающе покачал головой, долго, с прищуром, оглядел зал и со вздохом проговорил:

— Даже товарищ Морозов не учитывает важности обсуждаемого вопроса. Я впервые сталкиваюсь с таким странным подходом к делу. Вы ошибаетесь, товарищи. Ошибаетесь.

— Разрешите, Владимир Павлович? — к трибуне направлялся Гаранин.

— В самом начале заседания я говорил и сейчас повторяю: так решать поставленный вопрос нельзя. Было высказано пожелание не затевать сегодня разговора по нашим больным, нерешенным проблемам. Но ведь то, что мы обсуждаем, и эти проблемы разделить невозможно.

Гаранин говорил не меньше получаса. Разобрал итоги последних двух лет (именно на них строил свои выводы Звонов в очерках) на конкретных цифрах, проанализировал состояние колхозов и совхозов управления. Причины низкой урожайности определил, ничуть не смягчая. Потом, в конце, рассказал, как представляет себе перспективу хозяйства на ближайшие годы.

Мыловаров подал реплику:

— Вот слушаю вас,— говорите разумные вещи, хозяйства знаете, план действий тоже вроде имеется, а дела не идут. Почему?

— Ну как почему? Журналист дал исчерпывающий ответ на этот вопрос. Ухожу от решения вопросов, излишне советуюсь, прячусь за чужие спины. У него это черным по белому написано.

Переждав шумок и смех в зале, Гаранин продолжал:

— Причины не эти, конечно, но они есть. И многие из них, безусловно, зависят от нас. Не все дела охватываем, излишне опекаем руководителей хозяйств, нередко не хватает оперативности в решении узловых вопросов. Короче говоря, издержек в руководстве колхозами и совхозами немало, и этого нельзя не признать. Но объективные обстоятельства тоже есть. Ведь наши фонды на удобрения удовлетворяются лишь наполовину. То же с сельхозтехникой. Мы третий год получаем наряды на новый сорт стойкой пшеницы, но они только нарядами и остаются. А с семенами сахарной свеклы? Мы тоже третий год получаем их, когда уже прошли все сроки сева. А вы потом с нас стружку снимаете, за то что

она не растет. Таких вопросов, Владимир Павлович, возникает с добрый десяток. Я ведь знаю, что и вы, и другие товарищи бились и бьетесь и за семена, и за трактора, и за аммиачную селитру, и за многое другое. Но скажем прямо, добились немногого. И дело не в чьем-то злом умысле, а в том, что у страны не только Ветлужчина и не только Приозерск. Другим тоже помогать надо.

— Все это так, но не о том речь,— бросил Мыловаров и спросил: — Так как все-таки решать будем, Гаранин?

— А я думаю, вы, товарищ Мыловаров, уже прекрасно поняли настроение членов партийного комитета. Думаю, уверен, такое же оно и у всех наших коммунистов, да и беспартийных тоже.— Гаранин кончил, но с трибуны не уходил.— У меня есть одно частное, но, с моей точки зрения, важное замечание. Я прошу Михаила Сергеевича,— он посмотрел на Курганова,— извинить меня, что делаю это без его согласия. Я не могу не выразить своего удивления и возмущения спекуляцией Звонова на беде Курганова с его сыном. Корреспонденту, прежде чем использовать такой факт, следовало бы разобраться с ним, справиться в судебных органах. И, пользуясь сегодня присутствием ответственных руководителей Ветлужчины, я хотел бы обратить их внимание на эту затянувшуюся историю. Пора бы людям, стоящим на страже социалистической законности, добраться наконец до истины.

Мыловаров строго посмотрел на Гаранина.

— Вы что же, подвергаете сомнению действия органов охраны порядка? Защита друзей дело, конечно, благородное, но все же и мера нужна.

— Сомнению это дело подвергаю не только я. По решению суда оно должно расследоваться вновь. Но кто-то очень медленно поспешает. Я понимаю, чужая беда не так жжет, но каково отцу и матери? Я поднял этот вопрос не только как друг Курганова, а как коммунист, как человек, как гражданин, наконец. Что касается нашей дружбы с Кургановым, правда, мы на эту тему с ним даже ни разу не говорили, но я лично считаю Михаила Сергеевича своим лучшим другом и старшим товарищем. И, более того,— горжусь этим. Но дружба наша делу не помеха. Мы работаем слаженно, стараемся делать все возможное. И сообща. А как же иначе? Вот видите, даже сообща и в центральную прессу попали, к консерваторам, приверженцам старого причислены. Следовательно, и отвечать нам надо вместе.

— Но а как же все-таки с севом? — с ухмылкой задал вопрос Мыловаров.

Гаранин в тон ему ответил:

— Не боитесь прослыть сталинистом, цитируя Сталина? Ответ же на ваш вопрос вы уже слышали. Я вот сижу на сегодняшнем нашем заседании и в какие-то моменты не верю, наяву ли все это происходит? Что, собственно, случилось? Бойкий на перо журналист набрал фактов и фактиков, подцепил чьи-то мысли, извратил их и настроил скоропалительные выводы. Я согласен с Морозовым, надо просить соответствующие партийные инстанции разобраться с этими опусами.

Мыловаров постучал карандашом по графину.

— Товарищ Гаранин, а вы не находите, что это уж типичное игнорирование выступления печати, зажим критики?

— Нет, не нахожу. Вы, Владимир Павлович, отвлеклись и плохо выслушали мое выступление. Мы вовсе не хотим рядиться в тогу ни в чем не повинных. Мы знаем, что надо делать и как делать, и, конечно же, учтем те разумные критические замечания, которые идут в наш адрес. Если, конечно, нам дадут это сделать. Что же касается предложения об освобождении Курганова, я повторю, что сказал: предложение это неразумное. Если вы действительно озабочены делами в Приозерской зоне, то дайте нам спокойно работать, поддержите, и мы многое исправим. Мы знаем, что надо изменить, что подтянуть, и мы сделаем это. Но вы помогайте и поддерживайте. Мы уверены, что если вы в обкоме еще раз подумаете, убедитесь, что в смене партийного руководства в Приозерье сейчас нет никакой необходимости.

Выступало еще несколько участников заседания. Говорили по-разному, кто складно, кто сбивчиво и волнуясь. Но смысл разговора был один: неверное предложение вносится, ошибочное.

Стоял на своем и Мыловаров. Настойчиво пытался разъяснить членам парткома их заблуждение, упрекал в политической близорукости, беспринципности, непонимании ситуации и прочих грехах. Но все было тщетно.

Мыловаров сидел предельно недовольный и озабоченный.

Мрачные мысли настойчиво сверлили его мозг: «Что же это такое? Я оказался не в состоянии справиться с этими упрямцами, не понимающими первейших обязанностей

коммуниста, не уяснившими, что такое партийная дисциплина? Как это воспримут в Ветлужске, если все так и закончится? Что я объясню Журавленко? Партком, мол, вопрос обсуждал, но менять Курганова не счел нужным? Он же в Москве начнет бить во все колокола. И везде подумают: что же это Мыловаров-то? Поехал и ничего не смог. Нет, эта история так кончиться не должна, и за нее еще поплатятся некоторые, ох как поплатятся...» Эту последнюю мысль он, не стесняясь, высказал вслух:

— Демократия, как известно, не исключает, а предусматривает в партии железную дисциплину. И тот, кто забывает это незыблемое правило, должен понимать, какую ответственность берет на себя. И должен быть готов к ответу. Вот так-то, дорогие товарищи.

Понял, однако, что никакого иного решения приозерцы не примут. Чуть наклонившись к Курганову, он нервно зашептал:

— Ну, что будем делать, Курганов? Гробят они тебя, окончательно гробят! Ведь все это против тебя обернется. Может, скажешь им, что с огнем играют? Не годится так, не приняты у нас в партии такие порядки.

На протяжении всего пленума у Михаила Сергеевича не раз возникала мысль: подняться, объяснить, что не следует парткому лезть на рожон. Он ведь знал, что недостатков в работе не так-то уж и мало и при желании по нему, Курганову, да и по Гаранину тоже, можно сделать любые выводы, и организационные в том числе. Понимал он и то, что тезисы, выдвинутые в статье Звонова об инертности руководства в осуществлении некоторых организационных перестроек, вовсе не случайны. Они, вероятнее всего, явились следствием сигналов с мест, ведь некоторые нововведения не устраивают не только приозерцев да ветлужцев. В ходе заседания он тихо спросил Мыловарова: было ли по поводу статей Звонова заседание бюро обкома? И знает ли о сегодняшнем парткоме Заградин?

Мыловаров нехотя процедил:

— Было такое заседание, было. И еще будет. Что же касается Заградина, то пора вам, Курганов, отвыкать прятаться за его спину. Теперь она вас уже не прикроет.

Однако Михаил Сергеевич никак не отреагировал на эти обидные слова и продолжал думать свое.

Если есть решение бюро обкома, то зачем эта запорожская сеча? Под воздействием этих мыслей Курганов пришел было к выводу, что надо попросить коммунистов уважить

его, Курганова, личную просьбу... Но как ни убеждал он себя в необходимости этого шага, весь его разум восставал против. Ведь что же тогда получается? Сдался ты? Струсил? Пошел на сделку с совестью? А ведь от такой сделки, от неискренности — всего один шаг до неправедного дела. Нет, Курганов, если тебе сейчас заявить об уходе, это будет трусостью и своего рода предательством всех этих людей, которые верят тебе, с которыми ты не один год делишь и горе, и радости. Как можно пойти на такое? Да, они могут понять тебя, могут даже поддержать просьбу, чтобы спасти тебя от лишней трепки нервов. Но как ты будешь глядеть им в глаза, этим людям, чего будут стоить мысли, что ты внушал им все эти годы о принципиальности, партийном долге коммуниста? Да судя по тому, что Мыловаров ушел от ответа на прямо поставленный перед ним Морозовым вопрос, и по неуверенному ответу Мыловарова ему самому, вероятнее всего, и нет никакого решения бюро обкома. А если даже и есть, то партком вправе просить обком пересмотреть свое решение.

Когда Мыловаров шепотом, но требовательно посоветовал ему самому убедить собравшихся в неизбежности требуемого решения, Курганов сухо, не глядя на него, ответил:

— Я скажу свое мнение, не беспокойтесь.— И с этими словами он поднялся за столом.— Вот сейчас Владимир Павлович потребовал от меня, чтобы я тоже определил свое отношение к обсуждаемому вопросу. Я всю жизнь работал там, где было нужно партии. Это делаю и сейчас, руководя партийной организацией Приозерского управления. Как руковожу — хорошо или плохо — не мне судить. Это виднее вам — коммунистам Приозерья. Ну и, конечно, областному комитету партии. Я могу лишь сказать, что делаю все, что могу, что в моих силах. Недостатков, недоработок у нас, к сожалению, много. Но сегодня, насколько я понял, не о них идет речь. Вопрос поставлен не о том, что исправить и как исправить, а как бы поскорее избавиться от Курганова и продемонстрировать тем самым свою острую реакцию на материалы «Земледельца». Неясно, однако, почему так спешат товарищи из Ветлужска встать по стойке смирно перед этими легковесными, верхоглядскими статьями? Может, сначала следовало бы в них тщательно разобраться? Надуманное, наносное отмести, предать забвению, а что подмечено разумно, учесть, исправить. Причины многих упущений в зоне, конечно, прежде всего в нас, в недостаточной эффективности руководства со стороны управления

и партийного комитета. Что же, надо исправлять, коль будет доверено. Есть, конечно, и другие причины медленного подъема села. Есть. Не все, что делается сейчас по усовершенствованию структуры сельхозорганов, внедрению новых культур, привьется в жизни. Но это уже вопросы не нашей, так сказать, компетенции. Это далеко не местные вопросы, и не нам их решать. Я убежден в том, что Центральный Комитет партии обязательно разберется во всем и поправит, что нужно поправить. Что же касается моей личности, то этот вопрос, в сущности, довольно простой. Если освобождение Курганова поможет делу, то Курганов и сам, не задумываясь, проголосует за это решение. Но пока... пока я секретарь партийного комитета и останусь на этом посту до тех пор, пока мне доверяют его коммунисты, доверяет моя партия. Когда же она сочтет необходимым принять в отношении меня какое-то иное решение — я его выполню беспрекословно. За тридцать лет пребывания в ее рядах я достаточно хорошо усвоил нормы партийной дисциплины и понимаю их умом и сердцем.

Курганов помолчал и со спокойствием, которое давалось ему с трудом, и с улыбкой, в которой не было ни капли веселости, продолжал:

— Но предложение товарищем Мыловаровым было внесено официально. Его надо поставить на голосование. Как считаете, Владимир Павлович?

Мыловаров нехотя ответил:

— Наверное, полагается.

— Мне это делать неудобно — все же обо мне речь-то идет. Сделайте это вы, товарищ Рощин, как заместитель секретаря парткома,— попросил Курганов.

Рощин не ожидал этого и осекшимся голосом провозгласил:

— Кто за предложение, чтобы, значит, освободить товарища Курганова от обязанностей первого секретаря парткома — поднимите руки.

Посмотрев в зал, уже звонче объявил:

— Таковых нет. А теперь кто за то, чтобы просить обком партии оставить товарища Курганова на занимаемом посту? Такие предложения вносились многими. Голосуем. Абсолютное большинство.

Так закончилось это заседание партийного комитета Приозерского совхозно-колхозного управления.

Но народ из парткома еще не выходил. Шел оживленный разговор. Одна группа шумела на директора и парторга

Приозерского отделения «Сельхозтехники». Березовцы возмущались задержками с вывозкой удобрений.

— Уж если кого снимать надо, так это ваших помощников, ответственных за эти дела,— говорил Озеров, обращаясь к Гаранину под дружный, но далеко не добрый смех всех присутствующих.

Другая группа участников заседания окружила начальника недавно созданного специализированного строительно-монтажного управления для строительства в колхозах и совхозах. Всем хотелось знать, когда оно начнет разворачивать свою деятельность. Очень уж велика нужда в его помощи. А Отченаш и Морозов толковали с Кургановым и Гараниным по поводу Крутояровских плавней. В дела межколхозного комбината Заградин вмешал важные московские организации, и оттуда уже приезжали ответственные представители. Но Отченаш опасался, как бы вновь не застопорилось дело из-за болезни Заградина.

Мыловаров же постоял некоторое время, послушал и, ни с кем не попрощавшись, незаметно вышел и медленно направился к стоявшей невдалеке машине. Когда Курганов и Гаранин спохватились, Мыловарова уже не было.

Глава 18

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАКАРА ФОМИЧА

Макар Фомич Беда чувствовал, как с каждым днем убывают его силы, понимал, что жить ему осталось немного. И все же его старое изношенное сердце еще билось, и Макар Фомич считал каждый новый день дорогим подарком. Вот пролетел еще один год, тоже хлопотный и беспокойный, хотя и не столь тяжелый, как предыдущий, когда так намучились с уборкой хлебов из-за сплошного ненастья. Нет, все же этот год был полегче, с урожаем получилось чуть лучше. И убрали без особых потерь, и с государством рассчитались вовремя. В минуты, когда с сердцем немного легчало, Макар Фомич говорил себе со слабой надеждой:

— Может, еще годик-другой протяну? Хорошо бы.

Но в начале октября Фомичу сделалось совсем худо, и он слег. Ни уколы, ни разные мудреные таблетки и микстуры, что ему прописывали врачи, не помогали, и Фомич чувствовал, что усилия эти бесполезны. Только чтобы не обижать медиков, он аккуратно исполнял все их советы и рекомендации. Сегодня он не сомкнул глаз ни на минуту и чувствовал, что прошедшая ночь не прибавила ему сил, а, наоборот, унесла какую-то их часть с собой.

— Пожалуй, пора, а то не успею,— проговорил Фомич и с трудом поднял с кровати пожелтевшие исхудавшие ноги.

Жена, спавшая чутко, сразу приподнялась:

— Фомич, Фомич, что ты там? Может, подать чего?

— Нет, нет, ничего. Ты того, спи, старая.

— А ты-то чего шебуршишься? Уснуть постарайся.

— В поля схожу.

— В какие еще поля? Врачи и по избе-то запретили ходить. Надо же что придумал.

— Ты, Прасковья, уймись и не перечь. Пойду я.—

Сказал это с трудом, но твердо, и Прасковья поняла, что пересилить старика не сможет.

«Пусть сходит к околице, подышит. Может, и полегчает»,— подумалось ей.

Макар Фомич собирался долго, медленно. Надел полушубок, валенки с галошами, свой видавший виды треух и тихо вышел в сени. Здесь он постоял немного, прислонившись к косяку, чтобы отдышаться, затем, открыв щеколду, выбрался на крыльцо. Солнца еще не было видно, но его первые робкие лучи уже подкрасили сумрачную кромку неба, и скоро она малиново заалела над Дальними Буграми. Наконец затуманенный тучами диск медленно выплыл из-за горизонта, высветлил лесные прогалины, опустевшие уже поля, прибавил багрянца поредевшей, трепещущей листве дубов и кленов.

В мелколесье, что подступало к окраине Березовки, Фомич постоял малость, привлеченный стрекотанием непоседливой сойки, сновавшей меж деревьев. «Вишь, как мечется, поди, запасы на зиму собирает. Молодец, пичуга». Вдалеке на чернотравье промелькнул белый пушистый комок. Фомич ухмыльнулся: «Косой тоже не дремлет. Шубу-то загодя на зимнюю заменил».

Одобрив хлопоты лесных обитателей, Фомич поковылял дальше, держа направление к Журавлиной косе.

Журавлиная излучина — это крутой, вздыбленный берег Славянки, как бы сторожащий противоположную, луговую пойму, через которую к Славянке мчится не менее своенравная Ваза и с ходу врезается в ее широкий поток. Между ними идет извечный спор: кто главнее. И спор этот, шумный, бурливый, далеко слышен окрест, ему чутко внимает раскинувшаяся на берегу дубовая роща. Ее густой темно-зеленый шатер летом, янтарно-золотой осенью виден отовсюду.

Любил это место Макар Фомич, с давних детских годов любил. Да и не только он. Все, или почти все, березовцы приходили сюда, чтобы полюбоваться видами родного края, послушать сварливый спор Вазы и Славянки, приходили и в радостные, и в горестные минуты.

Хоть и с трудом, но Фомич все же добрался до рощи и, стоя теперь у самого края берега и трудно и хрипло дыша, смотрел на родную округу.

Как на ладони виднелись близлежащие села и деревни — Кромы, Абросово, Шешино, Зарубино. А за ними угадывалась темная линия лесов, которые тянутся к Ракитинской

гряде и, наверное, еще дальше — к Муромским и Нижегородским лесам и таежным урочищам.

Невольно вспомнились и замелькали в памяти Макара Фомича его жизненные дороги и стежки. Вспомнились далекие-далекие дни юности, незатейливые молодежные сборища в этой роще, первые робкие уединенные прогулки с Пашей, тепло ее рук и губ. А потом... окопы и теплушки гражданской войны, продотряд, рейды по Харьковщине в составе одного из эскадронов Первой Конной. А по возвращении в Березовку бурный водоворот тогдашней жизни.

Шумные, крикливые сходки в комитете бедноты, продразверстка, раздел земельных наделов березовских и окрестных богатеев и выстрелы кулацких обрезов из-за угла. Затем первый колхоз в Приозерье, первые тракторы на его полях и первые колхозные урожаи. Год от года они становились весомее, достаток и радость все ощутимее входили в дома березовцев.

Потом нагрянуло лихо войны; тяжкие мучительные месяцы немецкой оккупации. Отчаянные схватки с врагом отряда Макара Беды в окрестных лесах, потом длинный путь Макара Фомича до Берлина. А после Великой Победы надо было поднимать порушенное хозяйство Березовки, возрождать землю, с бабами, ребятишками да с несколькими израненными мужиками при чудом уцелевших пяти лошадях и одном тракторе растить хлеб. Но и это осилили. Вновь ожила Березовка, год от года набирая силы.

И во все это, в большие и малые дела Березовки были вложены кропотливый, незаметный труд Фомича, его каждодневные усилия и заботы, вся страсть его беспокойной души.

Макар Фомич недомогал уже давно, врачи сбились с ног, ремонтируя его вконец износившееся сердце. Оно то шло на поправку, начинало работать как будто исправнее, то начинало сбиваться, западать, еле-еле двигая кровь по усталым, ослабевшим сосудам.

Сегодня ночью сердце вдруг остановилось, Макар Фомич почувствовал, что задыхается. Казалось, еще одна секунда — и все будет кончено. Но вот, словно преодолев какой-то невидимый мучительный рубеж, оно медленно, с трудом осилило свою немощь, заработало вновь. Испарина покрыла лоб старика, и он, осторожно, с опаской вздохнув, подумал: «Ну, вроде пока пронесло... Только чувствую — ненадолго. Надо кончить все земное, иначе не успею...»

Приход на Журавлиную излучину было первым делом,

которое он наметил из оставшихся земных забот. И был доволен, что добрался сюда, что удалось увидеть до боли родные места, поля с пожухлой стерней, на которой сверкают мириады капель холодной утренней росы, что еще раз послушал сварливый спор Вазы со Славянкой.

У него захватило дыхание, когда взгляд остановился на раскинувшейся неподалеку Березовке. Над деревней курились утренние дымки, блеклые лучи осеннего солнца серебрили влажные крыши домов, прихотливую путаницу голых ветвей на старых березах. Резвый порывистый ветер разгонял сероватые языки ночного тумана с лугов, что подступали к деревне, теребил алый флаг над зданием правления. «Вот и меня скоро не будет, а Славянка и Ваза все так же будут спорить, и все так же будет стоять Березовка»,— подумалось Фомичу. От этой мысли комок подступил к горлу, и две непрошеные слезы скатились по его морщинистым щекам. «Ну-ну, чего это расхлюпался, старый»,— одернул себя Фомич и стал осторожно спускаться тропой к большаку.

Дорога делила березовские поля на два обширных клина. Левый зеленел шелковистой изумрудной озимью, соседний темнел поднятой недавно зябью. Фомич остановился, долго придирчиво всматривался в густую зелень осенних всходов. Потом подошел к краю соседнего поля с поднятой зябью и взял горсть влажной земли. Ком был мягким, податливым, приятно холодил руку. «И озимь хорошая, и зябь подняли старательно, по-хозяйски. Молодец, Семеныч, следит за делом».

Ему вспомнилось, как несколько лет назад, когда Озеров только что приехал в Березовку, он настойчиво выспрашивал и Беду, и других хлеборобов о первых признаках готовности земли к пахоте, севу, о том, как определить зрелость хлебов. «Теперь он, конечно, подучен, и все же скажу ему, напомню, чтоб не запоздали со снегозадержанием, подготовки-то не вижу. Опять по снегу, по сугробам щиты-то возить будут...» — говорил сам с собой Макар Фомич, шагая по скользкой осенней дороге к Березовке. От деревни навстречу ему поспешала Прасковья.

Еще не доходя доброй сотни шагов до мужа, она набросилась на него:

— Ты чего удумал, по полям да лугам шастать? Гляди-ко, не сидится ему дома. Скоро врач из району приедет, а он прогуливаться отправился!

Макар Фомич не обратил на нападки Прасковьи ни

малейшего внимания и, легонько отстранив ее с дороги, прошел вперед. Через некоторое время остановился и, уняв одышку, проговорил:

— Зайдешь сейчас к Озерову, скажешь, что прошу заглянуть. Дочерям передай, чтобы пришли. Сегодня же! Брательнику в Зубатово тоже дай знать, и чтобы поспешил...

— Да что ты затеял-то? Зачем это всю родню кличешь? Что за радость у нас? Сам в могилу смотришь, а тоже, гляди, удумал гостей созывать!

— Потому и созываю, Паша.

Прасковья Никитична пристально посмотрела на своего старика.

— Да что ты, Фомич, в уме ли?

— Нет, нет, Прасковья, в уме и памяти я. Но конец чую. Потому и хочу проститься со всеми. По-людски проститься.

— Придет время — простишься, туда не к спеху.

— Вот оно и пришло.— И, видя, что Прасковья все еще недоверчиво отмахивается от него, раздраженно проговорил: — Ты что, старая? Понимать меня разучилась? Разве я любитель шутейничать?

Прасковья подняла глаза на мужа, увидела предельно серьезное выражение бледного лица и поняла вдруг с пронзительной ясностью, что Фомич и впрямь не шутит.

...Макар Фомич не спеша завернул на ферму, на молокозавод, прошел к мельнице. Недавно прошедшие дожди подняли уровень воды и снесли здесь часть насыпи под плотиной. Макар Фомич, подняв с переходных мостков какую-то брошенную планку, замерил снос.

— Надо сказать, чтобы не тянули с укреплением и досыпкой,— проворчал он, недовольный.— Иначе беды не оберешься.

Потом он из конца в конец прошел всю Березовку. То и дело снимал свой бараний треух, кланялся людям. На неизменные вопросы о самочувствии Фомич отвечал:

— Спасибо, скрипим пока...

Невдомек было березовцам, что прощается с ними Макар Фомич, прощается навсегда.

Придя домой, он разделся, нашел свою фронтовую металлическую расческу и привел в порядок все еще густые, но сплошь белые с желтизной волосы. Довольный тем, что удалось-таки сходить на Бугры и обойти хозяйство, с трудом улегся в постель.

В сенях послышался шум, завыли два женских прonзи-

тельных голоса, и в избу вошли обе дочери Макара Фомича со своими детьми.

Макар Фомич, крайне недовольный, выговорил им:

— Что это вы до срока голосить-то удумали? Живой я пока, живой.

На белом полотне подушки четко выделялось его восковое лицо, безжизненные пряди волос.

Слабым движением руки он подозвал дочерей и с трудом, часто останавливаясь, чтобы передохнуть, проговорил:

— Посоветовать кое-что хочу на прощанье. Тебе, Манятка, пора кончать молодиться, четвертый десяток пошел. Слышал я кое-что, да и сам замечал. Смотри, мужик твой терпеливый, но и его можно до беды довести.

Манятка вытирала платком глаза и молчала.

Старшей, Груне, Фомич сказал другое:

— За Петром гляди, приложиться любит. Золотой, работящий мужик, а это зелье далеко завести может И о меньшенькой, о Катерине, побольше заботься. Слабенькая она у вас.

Макар Фомич как-то удивительно ловко, незаметно каждой из дочерей вложил в руку по конверту.

— Ребятишкам от деда,— хмурясь, односложно объяснил он и предостерегающе поднял руку, упреждая выражение благодарности.

По деревне скоро разнесся слух, что Макар Фомич собрался умирать и прощается с односельчанами. К избе Беды гуськом пошли люди. Макар Фомич позвал Прасковью:

— Ты растрезвонила?

— Да что ты, Фомич! Передала только, кому велел.

— Передала. Видно, как передала. Где Озеров? Нина Семеновна? Бригадиров тоже не вижу.

— Забот у них, сам знаешь, сколько. Вот-вот появятся.

Пока же Макар Фомич принимал односельчан. Кое-кто пытался пошутить: что, мол, ты удумал, Фомич,— но, увидев его восковое, без кровинки лицо, сухие, узловатые руки, почти недвижно лежавшие на одеяле, умолкал.

Вскоре пришли Озеров и Нина.

— Что происходит, Макар Фомич? — обеспокоенно спросил Озеров.— Почему режим нарушаете и даже в поход ударились? А вам даже вставать категорически запрещено... И что это за разговоры в Березовке: Фомич умирает, Фомич прощается...

Макар Фомич болезненно поморщился, закашлялся.

Справившись, наконец, с удушьем, ответил на упрек:

— Жить, Коля, мне действительно осталось всего ничего.

— Макар Фомич, ну что вы такое говорите! — Нина Семеновна подвинулась со стулом ближе к кровати.— Вот уж не ожидала этого от вас.

Беда закрыл глаза, долго лежал молча. Затем проговорил:

— Что же тут такого, Нина Семеновна? Все мы смертны. Поэтому послушайте, что скажу. Лен надо восстанавливать у нас. Очень хорошо родился он на наших землях. И гречку. Золотые это культуры, выгодные. Курганов с Гараниным поддержат, толковал я с ними. И еще. Намедни Морозов Василий ко мне приезжал. Коль выгорит это дело с рыбхозом на Крутояровских плавнях — вступайте в долю. Выгода будет немалая.

Макар Фомич останавливался, очень долго и трудно кашлял, потом, отдохнув немного, опять говорил обычные, но разумные вещи. Видимо, то время, что болезнь держала его в постели, он дела артельные взвесил и так и этак.

Озеров и Нина Семеновна переглядывались. Многие слова Макара Фомича были как бы итогом их собственных мыслей, а он то и дело закрывал глаза, его слабеющие руки медленно, через силу перебирали складки ворсистого одеяла.

Нина, заметив это, проговорила:

— Макару Фомичу нужно отдохнуть.

Беда протестующе приподнял руку и тихо, почти шепотом выговорил:

— Погодите. Я вам главного не сказал. Помиритесь вы, ребята. По-настоящему, а не только для людских глаз. В семьях-то всякое бывает. Жизнь прожить — не поле перейти. Хорошие вы оба, настоящие, а мучаете друг друга так, что жалость берет. Хватитесь, да поздно будет, уйдет оно, времечко-то. А мне куда спокойнее лежать будет, коль знать буду, что мир и покой в вашем доме. Нельзя под одной крышей чужими жить.

Нина и Николай молчали. Да, трудно им было что-либо ответить сейчас умирающему другу. Но оба чувствовали его глубокую правоту, понимали его боль за них, как понимали и то, что надо им найти в себе силы и перейти тот холодный рубеж, что разделял их, сделал чужими друг другу.

За окном остановилась машина, хлопнула дверца.

— Может, Михаил Сергеевич? — обеспокоенно и с надеждой спросил Беда.— Курганыча жду...

Михаил Сергеевич молча поздоровался с Озеровым, с Ниной и, взяв стул, подсел к Беде. Лицо Макара Фомича собралось в вымученную улыбку, глаза засветились влажным блеском. Ему было трудно начать говорить, и он долго собирался с силами, правой рукой слабо пожимая холодные с улицы руки гостя.

— Что же это ты, Фомич,— начал было Курганов, но Беда остановил его:

— Спасибо, Сергеич... что приехал... Боялся я... не успеешь... Спасибо...

— Ну, за что же спасибо? Как было не приехать! Не чужие ведь. Сколько вместе всего видено, были радости, были и беды...— Сказав это, Курганов замолчал.

Были радости, были и огорчения. Все было. Но не было у людей, что собрались здесь у смертного одра Макара Фомича, разноголосицы в мыслях, неверия в дело, которое делали сообща, жили трудно, но дружно, опираясь на плечо друг друга.

Собравшись, наконец, с силами, Макар Фомич проговорил:

— Да, трудненько сейчас тебе. Ничего, скоро все прояснится, Сергеич, обязательно прояснится. В партии-то вон сколько умов. Разберутся, что к чему. А теперь главное, Михаил Сергеич. Передаю тебе документ свой партийный. Как совесть моя, не замаранный он. Ты ведь знаешь. Сам передай... куда след...— Макар Фомич, с трудом приподнявшись, пошарил рукой под подушкой, достал оттуда партийный билет в красной дерматиновой обложке и передал Курганову.

— Через тебя с партией прощаюсь,— чуть слышно прошептал он.

Курганов, Озеров и Нина сидели молча, оцепенелые. Было в этом бесхитростном и удивительно простом факте рвущее душу, сжимающее сердце горе и в то же время что-то бесконечно символическое, волнующее. Коммунист в полном сознании уходил из жизни, стараясь как можно лучше закончить свои земные дела. И главным из них, из этих дел, для него было выполнить свой последний долг перед товарищами, перед партией, к которой он принадлежал всю жизнь.

Нина не выдержала и торопливо вышла в сени и там,

прислонившись к стене, разрыдалась. Вслед за ней вышел и Озеров.

Макар Фомич открыл глаза, уголками губ улыбнулся Курганову и тихо проговорил:

— Пусть подойдет Прасковья.

Та подошла тут же. Макар Фомич поманил ее к себе ближе и чуть слышно проговорил:

— Ну, прощай, старая. Извиняй, коли что...

Прасковья запричитала было, но, увидев как недовольно скривилось лицо Фомича, уткнулась к нему в одеяло и тихо всхлипывала там.

С улицы слышалось мычание коров, требовательные покрикивания пастуха на непослушных буренок. Заурчал трактор, сигналя стаду. Какая-то машина промчалась, направляясь к большаку. Жизнь продолжалась.

Фомич, обессиленный, с трудом подняв веки, взглянул на сидящего рядом Курганова:

— Ну вот, теперь все. Прощай, Сергеич.

И замолчал, впал в беспамятство. Через несколько минут перестало биться его сердце...

Осенний день угасал, сумерки опускались на Березовку. Только западная кромка неба чуть светлела, но и она вскоре померкла.

Глава 19

КОНЕЦ АРИАДНИНОЙ НИТИ

Старший советник юстиции Корнилов, заняв небольшую комнату в помещении прокуратуры Приозерска, тщательно знакомился с документами дела по гибели гражданина Черняка.

Местных блюстителей закона, конечно, можно было упрекнуть и в ограниченных розыскных мерах, и в поверхностных исследованиях места и хода самого происшествия, в небрежном, торопливом изучении окружения погибшего, его личности. И уж никак нельзя было оправдать того обстоятельства, что не были установлены и разысканы некоторые из участников события.

Начал Корнилов со знакомства с бригадой, в которой работал Черняк.

...Виктор Степной — широкоплечий крепыш с неторопливыми движениями и спокойной, рассудительной речью упорно защищал честь своего коллектива:

— Ни в чем предосудительном наши ребята замешаны быть не могли. Все коммунисты или комсомольцы. Все учатся, освоили по две профессии. На Доске почета круглый год.

Корнилов скупо улыбнулся:

— Все это хорошо. Но прошу подробнее рассказать о новичках.

— Новички дело другое. Мы пока их еще не узнали как следует. Работать умеют, профессией владеют. Правда, держатся пока особняком, все вокруг своего старшого. И работать захотели вместе, и жить определились своей ватагой. Так и сформировалось звено Черняка. В общем вроде ничего, нормальные ребята, хотя пуда соли мы с ними еще не съели.

Попрощавшись со Степным, Корнилов стал не спеша перелистывать личные дела недавнего пополнения бригады Степного, внимательно всматривался в фотографии, приклеенные к анкетам.

Лейтенант Пыжиков напомнил:

— Вызванные здесь. Будем с ними беседовать?

— А как же? Но пусть подождут малость.

Новички из бригады Степного насторожили Корнилова не случайно. Почему они никому не дали знать о пропаже Черняка? В отдел кадров треста об этом сообщила табельщица. На ее вопрос: где же их звеньевой, ответили в том смысле, что, видимо, загулял где-то с их денежками. Оставшись, в сущности, без зарплаты, даже не заикнулись прорабу об авансе. Все эти вопросы довольно явственно возникали из следственного дела, ответа же на них, однако, не было... Конечно, может, ребята и ни при чем во всей этой истории. Они ведь довольно упорно настаивали при всех допросах, что весь вечер были в Сосновке и ждали Черняка.

Через полчаса трое парней входили в комнату следователя. Они хмуро, настороженно поздоровались и остановились у самой двери в вопросительных позах.

— Садитесь, молодые люди, давайте знакомиться. Я — следователь областной прокуратуры старший советник юстиции Корнилов. Ваши имена, фамилии, отчества.

Рыжий с оттопыренными ушами назвался: Козулин. Длинный Зачуваевым, а третий Верченым.

Козулин обратился к Корнилову:

— Позвольте вопрос. Почему нас вызвали? На каком таком основании? К истории, что произошла в Приозерске, мы никакого касательства не имеем. Прошу это заявление зафиксировать официально.

— Ну, фиксировать что-либо пока еще рано. Тем более никто не утверждает, что вы как-то причастны к ней — к этой истории.

Парни о себе рассказывали скупо, с ответами не спешили, держались настороженно.

Работали в Донецке, Одессе, Чернигове. Последние два года на сооружении элеватора под Ростовом. Но потом Черняк уговорил податься сюда.

Отпустив пока остальных, Корнилов оставил Козулина.

— Расскажите, Козулин, как у вас прошел тот день и вечер, когда сгинул ваш старшой.

— Ну как? До пяти часов были на работе, затем —

в общаге. Выпили малость. Сыграли в домино, в карты перебросились.

— Пожалуйста, точнее время. Когда вернулись в Сосновку? Когда ужинали?

— Ну, вернулись часов, наверное, в шесть. За выпивку сели, видимо, в семь.

— Как явствует из дела, все это было позже, Козулин, гораздо позже. И вернулись позже, когда в поселке все торговые точки были закрыты, и застольничать начали позднее. Иначе зачем бы сторожу поселка Чухнову мотаться за продуктами и выпивкой в Старую Сосновку?

— Ну, не знаю. Мы на часы-то не очень смотрели.

— Почему никому не сообщили, что Черняк не вернулся?

— А чего было трезвонить? Ну, задержался где-то, загулял малость. Всякое бывает.

— И если загулял, то на ваши деньги?

— Может быть, и так. Только не мог он их за полдня-то спустить. Думаю, обобрал его кто-то. Ведь при нем-то, как нам объясняли, обнаружили восемьдесят рэ, а получил он почти по двести на каждого.

— Как же вы жили без получки?

— С хлеба на воду перебивались. Задолжали кругом. И никто, между прочим, не чешется, чтобы компенсировать нам понесенную потерю.

Точно так же, как Козулин, вели себя Зачуваев и Верченый. Это, однако, не смутило Корнилова. Их одинаковое толкование любого факта или детали, связанных с тем вечером, когда должен был вернуться Черняк, только укрепили советника юстиции в некоторых его предположениях.

...Несчастье, обрушившееся на семью Кургановых, как свое собственное переживал парткомовский шофер Костя Бубенцов. Он давно и напрочь прикипел к Михаилу Сергеевичу, сдружился с младшим Кургановым, знал все его нехитрые секреты и задумки, частенько бывал поверенным в его «не подлежащих оглашению мужских делах».

Костя ни на минуту не сомневался в невиновности ребят, был убежден, что произошла нелепость, случайность, жил мыслью, как бы помочь им, но как?! Этого Костя не знал, хотя планов в голове возникало множество.

Как-то вечером, возвращаясь с заправки, он прихватил в машину работника горотдела милиции Пыжикова. Тот шел мрачный, задумчивый. Разговорились:

— Ну, как там продвигается дело с происшествием у озера?

Пыжиков вздохнул:

— Застряли мы с этим делом. Девчонки там вроде были, они бы прояснили ситуацию, но они как в воду канули — молчат, не обнаруживают себя.

— Тоже мне Шерлок Холмсы, каких-то там пигалиц в Приозерске отыскать не можете. Нет, ребята, зря вы государственный хлеб едите.

— Не все просто, товарищ Бубенцов. Вон ветлужские специалисты приехали, а концов-то пока тоже никак не найдут. А ты, вместо того чтобы язык чесать и делать разные безответственные выводы, помог бы нам. Ты же всех приозерских девчонок знаешь. Все время с ними гуртуешься, хотя уже и лысиной обзавелся. Вот и пошукал бы, что за птички участвовали в этом деле.

Мысль, высказанная Пыжиковым, не была новой для Бубенцова. Он и так не пропускал ни одного молодежного вечера, частенько околачивался на танцплощадках, при случае заводил разговор о происшедшем у озера. Но ничего существенного не обнаруживалось.

Как-то в один из вечеров, вскоре после разговора Бубенцова с Пыжиковым, Вера Толстихина — предмет давних и постоянных воздыханий Кости, стала подшучивать над виражами Бубенцова вокруг приозерских девчонок. Костя сначала отмахнулся, что, мол, делать, коль некоторые особы пренебрегают им, но потом решил ввести ее в свои заботы.

Вера насторожилась:

— Подожди-ка, Бубенцов. Тут случай один был.— И Вера рассказала, что несколько дней назад она заходила в общежитие строчевышивальной артели к приятельнице и, ожидая, пока та соберется и выйдет к ней, услышала отрывок удивившего ее разговора.

В некотором отдалении от крыльца стояли две девушки — Нина Красикова и Тося Булычева,— Вера их немного знала. С девушками были двое парней, и шел какой-то сердитый, приглушенный разговор. Вера уловила мужской голос:
— Если вякнете что-либо — прирежем, как гусынь.

Костя остолбенел и заставил Веру дважды повторить рассказанное.

— Ну надо же, зная такое — и молчать. Вот уж кто гусыня, так это ты, Верка! Какая ты, Толстихина, дуреха все-таки!

Костя даже не заметил ее обиды и, наскоро распрощавшись, ринулся в общежитие строчевышивальной артели.

...Корнилов только вошел в свой номер в гостинице, когда к нему постучал Бубенцов.

— Кто вам нужен? — спросил советник.

— Вы нужны. Лично. Вот эти две красавицы,— Костя указал на стоявших в коридоре Красникову и Булычеву,— хотят сообщить вам что-то важное.

— Проходите. Садитесь.

Выслушав лихорадочный, сбивчивый рассказ Красниковой и Булычевой, Корнилов достал из портфеля несколько фотографий:

— Кто приходил в общежитие?

— Вот этот и этот.— Красникова и Булычева показали на Верченого и Зачувасва.

— Сколько раз?

— Два раза. На второй день после той истории в парке. И вот на днях.

Корнилов неприязненно посмотрел на посетительниц:

— Что же это вы, дорогуши? Оставили в беде людей, которые вас же спасли от бесчестья. Как вы могли молчать? Прятаться? Совесть-то ваша где была? Завтра явитесь в прокуратуру. И не выезжайте из города без нашего разрешения.

Красникова и Булычева, несмотря на сухой, суровый тон Корнилова, вышли из гостиницы повеселевшие. Они так извелись за это время, так устали дрожать, ожидая то ли мести парней, то ли вызова в милицию к следователям, что готовы были выслушать и более резкие слова. У них не раз возникала мысль самим пойти в прокуратуру или милицию, но боязнь угрозы парней взяла верх. Потом, услышав о суде, успокоились. «Значит, без нас все обошлось». Однако повторный визит Верченого и Зачуваева, который случайно наблюдала Вера Толстихина, опять вверг их в панику.

А приход Верченого и Зачуваева был не случайным. После приезда бригады из Ветлужска троица решила не мешкая оставить приозерские края, а перед этим еще раз предупредить «пигалиц», чтобы молчали намертво.

— Раз мы решили смыться, то зачем нам эти чувихи,— заныл было Верченый, но его тут же осадил Козулин:

— У Корнилова сейчас только догадки да предположения, доказательств никаких. А коль эти мымры расколются...

он так начнет бить копытом, что из-под земли нас достанет. Нет, «пигалиц» надо предупредить, и как следует.

...Корнилов тепло поблагодарил Бубенцова, крепко пожал ему руку:

— Вы нам очень помогли, товарищ Бубенцов. Спасибо вам.

— Товарищ прокурор, ну когда же финиш-то? Ведь ребята зазря сидят.

— Скоро. Теперь уже скоро.

...Фактов и доказательств по происшествию в парке у озера было собрано уже немало. Корнилов теперь довольно ясно и обстоятельно представлял себе весь ход этой истории. Был уверен и в той роли, которую играли в ней новички из бригады Степного. Но Козулин, Зачуваев и Верченый настойчиво и упрямо отрицали поездку в Приозерск, участие в драке, настаивали на своем утверждении, что весь тот вечер были в общежитии. Опознание их Гурьевым, Удачиным, Красниковой и Булычевой на очных ставках объявили не более чем подстроенным следствием спектаклем.

— Мы и в глаза не видели этих людей... И настаиваем на привлечении к ответственности за лжесвидетельство всех этих лиц, которые якобы нас признали, опознали и тому подобное.

Корнилов, пристально посмотрев на Козулина, сухо проговорил:

— Далеко пойдете, Козулин. Только, к твоему же счастью, стреножим, обязательно стреножим...

Советник со дня на день ждал материалов из Москвы, с улицы Огарева и на погибшего, и его сподвижников. Он знал, что работники центрального уголовного розыска делают все возможное, чтобы разобраться в их прошлых жизненных стежках. Наконец поступили и эти материалы. Корнилов, прочтя их, с удовлетворением подумал: «Ну что же, старик, есть еще у тебя порох в пороховницах». Он вызвал всю троицу и спросил:

— Для честного, правдивого разговора созрели?

— А мы, гражданин следователь, только правду и говорили.

— Наоборот. Вы говорили сущую неправду. В Приозерске в тот день вы были. В происшествии вы участвовали. Это подтверждено показаниями Гурьева, Курганова,

Красниковой, Булычевой. В Сосновку же возвратились после случившегося, и довольно поздно...

— Может, вы и убийство Черняка нам хотите пришить? — хрипло задал вопрос Зачуваев.

— Степень участия и роль каждого из вас в драке, в итоге которой погиб ваш старшой, и в коллективной попытке к изнасилованию нам еще предстоит уточнить. Думаю, мы очень скоро будем знать, как случилось, что гражданин Чумак, он же Кряж, и он же Киржак, погиб...

Последние слова Корнилова произвели на троицу именно то впечатление, на которое он и рассчитывал. Удивленно вскинутые растерянные взгляды, ушедшая мигом спесь и бравада. И настороженное ожидание, что еще скажет этот мрачно-немногословный человек. Но Корнилов ничего не сказал больше, только повторил свой неоднократно дававшийся совет:

— Лгать, изворачиваться бесполезно. А правдивые, чистосердечные показания суд может в какой-то мере учесть.

Через несколько дней дежурный сообщил Корнилову, что Козулин, Зачуваев и Верченый просят о встрече.

На следующий день перед Корниловым сидел Козулин.

— Я готов рассказать следствию все, как было.

Троица была еще не из закоренелых, но уже достаточно опытна, и, когда увидела, что установлено подлинное имя их вожака, прекрасно поняла, что ложь теперь не только бессмысленна, но и вредна, ибо невольно наводит следствие на мысль — а нет ли за ними еще и более существенных происшествий?

Допросы Козулина, Зачуваева и Верченого заняли несколько дней. Теперь они рассказали все, и, кажется, откровенно и не хитря.

Еще несколько дней заняло обобщение, анализ всех материалов — показаний, протоколов очных ставок, заключений экспертиз. Наконец составлено обвинительное заключение. Закончив, Корнилов позвонил Никодимову, и они условились о встрече.

...Приозерские стражи порядка и охранители законности ждали Корнилова не без тревоги и волнения. Судили да рядили, как быть: может, какое-нибудь угощение организовать? Но как это советник поймет? Решили остановиться на скромном чаепитии.

Корнилов вовсе не был сухарем, он сам работал и рядовым участковым, и уполномоченным угрозыска, прошел

немалую школу, пока стал одним из ведущих работников прокуратуры области. Его тронула эта заботливость коллег. Шел-то он устроить им основательный разнос, но, подумав, что все это у них еще впереди, несколько смягчился.

Никодимов робковато спросил:

— Дело, видимо, подошло к концу?

— Да, следствие закончено,— ответил Корнилов.— И должен вам сказать прямо: вели вы это дело на редкость плохо, небрежно, непрофессионально. Обвинили не преступников, а тех, кто, в сущности, предотвратил преступление.

— Но убийство-то все-таки было? Значит, был и убийца,— заметил Никодимов.

— Вы не спешите и постарайтесь выслушать меня внимательно. Я считаю своим товарищеским и профессиональным долгом вскрыть ваши ошибки и промахи. Хочу, чтобы вы были лучше подготовлены к довольно строгому спросу, который, безусловно, еще предстоит.

Фабула дела, в сущности, очень проста. Некто Чумак, он же Кряж, он же Киржач, давно уже шастающий по кривым тропам, увлек на свою стезю еще троих ребят, когда-то работавших вместе с ним. Стали они типичными «бичами», ездили по городам и весям. Где подворуют, где подработают. Наконец Чумак попадается на грабеже. Осуждается на пять лет. Однако из колонии ему удается бежать. Под Ростовом на строительстве элеватора он вновь находит свою «бригаду» и везет к вам, в края Приозерские. По дороге обкрадывает аспиранта Черняка. Чумаку нужны были документы. Устраиваются в строительно-дорожное управление. Его участки далеко от города, лес, болота. Чумаку надо осесть, затеряться, замести следы своего побега.

Так вот, в тот майский день, опоздав получить зарплату у приезжавшего на участок кассира, группа Чумака отрядила за ней своего старшого. При этом условились, что к вечеру все они встретятся в Приозерске. Встретившись и изрядно выпив в кафе «Пингвин», направились в парк. Около павильона спортивного инвентаря им встречаются две молодые особы. На заигрывание незнакомых парней они ответили без излишней настороженности и боязни. Это подхлестнуло захмелевших гуляк к более смелым шагам. По знаку Чумака они теснят девчонок к пристройке рядом с павильоном, благо дверь полуоткрыта. Красникова и Булычева не сразу сообразили, к чему идет дело, а когда поняли, то одна уже была в объятиях Чумака, он лихорадоч-

но вталкивал ее в дверь, одновременно срывая нехитрые нынешние одежды, вторая тоже не в лучшем положении была в объятиях Козулина. Зачуваев и Верченый стояли на стреме. Испуганные крики Красниковой и Булычевой услышали шедшие на танцплощадку Курганов и Гурьев. Они подбежали к павильону, стали прорываться туда, но стоявшие у дверей Зачуваев и Верченый вступили с ними в драку. Чумак, оставив на некоторое время девицу, ринулся своим на помощь и, в частности, пошел на Курганова с ножом в руке. Курганов резким ударом кулака бьет Чумака в солнечное сплетение... Тот со стоном падает. Для всех участников потасовки это явилось полной неожиданностью. Красникова и Булычева, воспользовавшись этим, убегают. Увидев скорчившегося в кровавой луже Чумака, скрылись и трое его приятелей. Курганов и Гурьев бросились звонить в милицию и «скорую». А сподвижники Чумака в это время на подвернувшейся машине торопливо выбираются из города.

— Значит, злостное хулиганство, попытка к изнасилованию и убийство... Целый букет,— озабоченно и хмуро проговорил Никодимов.

Корнилов не согласился:

— Предумышленного убийства здесь нет. Чумак, пытавшийся ударить ножом Курганова, при падении напарывается на собственный нож сам... Ваше же утверждение, что следы руки Курганова не обнаружены лишь из-за обильных следов от рук владельца,— несостоятельно. Если бы следы были — они были бы обнаружены.

— Почему же «троица» так упиралась на следствии? — удивленно проговорил Никодимов.— Боялись, что могут быть заподозрены в убийстве? Дураки, как можно обвинить человека, если он не убивал?

Корнилов чуть удивленно посмотрел на него:

— Но вы же сделали это с Кургановым и Гурьевым. Хотя несостоятельность такого вывода была ясна и из заключения медицинской экспертизы о характере раны, о направлении ножевого удара, из дактилоскопических данных на рукоятке ножа. Обвинения в убийстве Козулин, Зачуваев и Верченый не боялись, так как не убивали. Но понимали, что за злостное хулиганство, за коллективную попытку к изнасилованию легко не отделаются. Потому и держались одной, обговоренной версии, заставили молчать Красникову и Булычеву. Здесь особенно существенна ваша недоработка, товарищ. Только нерадивостью и халатностью можно

объяснить, что столько времени не могли найти этих девиц.

Корнилов помолчал малость и спросил:

— Может, есть какие-нибудь вопросы?

Так как все молчали, он скупо, официально сообщил:

— Я оставляю вам копию нового обвинительного заключения по делу. Прошу ознакомиться и, если возникнут замечания, сообщить их мне. И вручаю вам официальное постановление об освобождении из-под стражи Михаила Михайловича Курганова и Виктора Васильевича Гурьева. Место судебного рассмотрения дела определит область. Мы поставим вас в известность.

Никодимов и Грачев провожали Корнилова до дверей. Прощаясь, он проговорил:

— И уж совсем последнее. Я бы на вашем месте сходил к Курганову. Надо бы проинформировать его. Да и извиниться перед человеком не грех. А извиниться вам перед ним есть за что. Работали бы ваши сотрудники добросовестнее, его доброе имя не было бы опорочено.

— Ну, его не так-то легко опорочить,— то ли с сожалением, то ли с радостью проговорил Никодимов.

— И все же советую хотя бы позвонить.

— А вы с ним встречаться не будете? — спросил Никодимов.

— Говоря откровенно, хотелось бы, но совестно. Из-за вас совестно.

Корнилов, придя в гостиницу, задумался. Что-то не было у него уверенности, что приозерские служители Фемиды поспешат успокоить Курганова. И решил позвонить сам. В трубке раздался глуховатый голос Михаила Сергеевича.

— Я вас слушаю.

— Говорит Корнилов, старший советник юстиции областной прокуратуры. Хочу сообщить вам, что мы закончили повторное расследование известного вам дела и завтра отбываем в Ветлужск.— И так как Курганов молчал, Корнилов спросил: — Почему не спрашиваете, к каким выводам мы пришли?

— Если хотите еще обострить мое горе — не стесняйтесь, постараюсь выдержать.

Корнилов поспешно проговорил:

— Вы можете наконец успокоиться, Михаил Сергеевич, ваш сын не виноват, я только что подписал постановление об освобождении его из-под стражи. И Гурьева тоже.

Снова не слыша никакого ответа Курганова, Корнилов спросил:

— Вы меня слышите? Поняли, что я сказал?

— Понял, все понял, товарищ Корнилов. Спасибо вам. От всего сердца.

Положив трубку, Курганов сидел долго, расслабленно опустив плечи, словно сняли с них непосильный, постоянно гнетущий груз. Он достал из кармана платок, вытер повлажневшие вдруг глаза и встал из-за стола. От внезапно нахлынувшей радости не знал, что делать. Надо же поехать обрадовать Елену, подумал он. Что же я, чудак, тяну? Он ринулся к телефону и вызвал машину.

Когда тронулись, Костя спросил:

— Куда, Михаил Сергеевич?

— Домой, Костя, домой. Радость у нас.

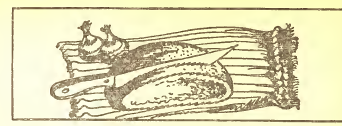
— А почему домой? В милицию заедем за Михаилом.

— А ты откуда знаешь?

— Вы, Михаил Сергеевич, просто недооцениваете Бубенцова. А Константин Бубенцов, как оказалось, ко всему прочему обладает еще даром криминалиста. Вот думаю, не сменить ли профессию. А вдруг во мне новый комиссар Мегре проявится?

Курганов удивленно посмотрел на Костю, но никак не отреагировал на его шутку. Он с нетерпением ждал встречи с сыном.

Так закончилось происшествие, случившееся в парке у озера, получила полную ясность история, которая серьезно беспокоила и волновала актив Приозерья, хотя никто почти и не сомневался, что распутывание этой ариадниной нити закончится именно таким результатом.



Глава 20

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Кабинет был все тот же. Те же массивные часы в углу кабинета мирно и невозмутимо отсчитывали время, все так же настойчиво зуммерили один за другим разноцветные телефоны, длинный стол, стоявший впритык к столу Заградина, все так же сплошь был занят банками и склянками с образцами семян, альбомами, руллонами чертежей. Вдоль противоположной окнам стены в легких деревянных подставках стояли аккуратно связанные небольшие снопы пшеницы, кукурузы, льна, клевера, еще каких-то злаков.

И все так же ветер колыхал тонкие занавески на окнах, за ними щетинился новостройками Встлужск.

Все было как прежде, но Заградин был другой. И дело было не во внешнем облике. Нет, внешне он был все тот же, только заметно похудевший. Та же седая вьющаяся шевелюра, волевой подбородок, седоватые вразлет брови, искристо-белая сорочка с темным галстуком, свободный сероватый костюм. Но были совсем иными глаза.

Курганов хорошо помнил их последнюю встречу в этом кабинете после дискуссии в доме отдыха артихекторов. Тогдашние глаза Заградина особенно запомнились Михаилу Сергеевичу. Была в них тогда глубокая тоскливая озабоченность и какая-то серая, пепельная усталость. И вместе с тем упрямость, отчаянная решимость. Сегодня этой упрямости было не меньше, но взгляд искрился, был полон какого-то внутреннего огня и нетерпения.

— Хорошо выглядите, Павел Васильевич. Значит, подлечили вас в Кунцеве-то,— проговорил Курганов и постучал три раза по деревянной кромке стола.

Заградин усмехнулся и не спеша согласился:

— Подлечили неплохо, это ты прав. Спасибо эскулапам.

Но где больше подлечили, я бы сказал, капитально подлечили, это в другом месте.

И, увидев недоуменный взгляд Курганова, рассмеялся:

— Что, не понимаешь?

— Откровенно говоря, не очень.

— Ну что ж, расскажу. Потерпи малость.

Он повернулся к телефонному столику, набрал номер Мыловарова и попросил:

— Владимир Павлович, с товарищами из Министерства совхозов вы встречайтесь пока сами, начните беседу без меня. Я тут с часик-полтора занят буду, а потом к вам подойду. Договорились? Ну вот так.— И, положив трубку, обратился к Курганову:

— Ну, как жизнь-то, Сергеич? Как там Приозерск?

Курганов пожал плечами:

— Живем заботами осени. Дела на сегодня таковы...

— Погоди о делах. Как Мишук?

— Дома. Доказана полная его невиновность. Правда, все еще в себя никак не придет. Громы и молнии мечет по адресу приозерских стражей порядка.

— И правильно делает, что мечет. Взвалить на парня такое...

— Утешаю его, что это, мол, жизненный урок. Пригодится.

— Ты сейчас повнимательнее с ним. Важно, чтобы глубоко не вошла эта обида, чтобы не через нее на мир-то смотрел.

— Да вроде нет. Парень-то он разумный. Скоро в армию. Готовится.

— Вот это отлично. Это то, что нужно.

Помолчали. Вздохнув, Курганов раскрыл блокнот.

— Ну, а в управлении...

Заградин, однако, с улыбкой прервал его:

— Толковый народ у вас в Приозерье и зубастый.

— Вы имеете в виду заседание парткома?

— И не только его. Прочитал я несколько писем, что пришли из ваших краев в Центральный Комитет партии. От Озерова, Морозова да и многих других. Но вот письмо от Беды тронуло меня особенно, и не только меня. Искреннее, волнующее. Прощается со всеми и в то же время печется о делах партийных.

— А так оно и есть, Павел Васильевич. Похоронили мы Макара Фомича.— И Курганов рассказал о последних днях старого ветерана.

Заградин проговорил с болью:

— Помню я его, хорошо помню. Каких людей партия воспитала... Пусть земля ему будет пухом...— Затем, помолчав, продолжал: — А живым о живом и думать надо. Вот что хочу сообщить тебе, Михаил Сергеевич. На днях в Москве я встретился с некоторыми ответственными товарищами. И должен тебе сказать, что вопросы, которыми мы с тобой обеспокоены, их в не меньшей мере, а даже в большей степени беспокоят, ибо и знают они больше, и ответственность на них лежит бо́льшая. Это дает основание думать и даже быть уверенным, что в ближайшее время будем исправлять некоторые поспешные и опрометчивые нововведения. Между прочим, заходила речь и о «Ветлужских зарисовках» в «Земледельце». У всех мнение такое, что очерки тенденциозны, субъективно оценивают положение дел на селе, искаженно трактуют кадровую политику партии.

Курганов медленно, подбирая слова, проговорил:

— Честно признаться, я до отчаяния порой доходил, истязал, допрашивал себя — правы мы или нет?.. И все равно не мог заставить себя думать иначе... Ведь жизнь-то одна, и прожита она вся с партией, в ее рядах, с ее делами и заботами. Только... Ты извини за такой вопрос... Ведь Сам-то, судя по печати, в отъезде. А характер у него знаешь какой.

Заградин ответил не сразу, а после долгого, очень долгого молчания.

Он, как и все в партии, активно, с энтузиазмом поддерживал инициативы Хрущева в первый период его работы на посту Первого секретаря ЦК. Хрущев в то время осуществлял те смелые шаги, которые предпринимала партия по демократизации общественной жизни страны, активизации всех слоев общества. Партия снимала с людей сковывающие путы укоренившихся привычек и норм, веры в готовые истины, порожденные и наложенные на них периодом культа личности Сталина; всячески поддерживала и поощряла все более растущую активность советских людей.

Возрождение ленинских норм и принципов государственной жизни, крупные меры по подъему экономики страны, удовлетворению материально-духовных потребностей народа, процесс воспитания осознанной ответственности каждого человека за жизнь общества давали свои ощутимые результаты.

День ото дня менялась географическая карта страны: росли новые города, поселки, промышленные центры. На берегах Волги и Камы возводились гигантские предприятия с самой современной технологией. Ажурными буровыми вышками щетинился тюменский ландшафт. Осваивались новые месторождения нефти и газа. Через таежные дебри Сибири и Дальнего Востока пролегали новые транспортные магистрали. На некогда залежных и целинных землях Казахстана колосились бескрайние, отливающие янтарем пшеничные поля. А голубые просторы космоса бороздили первые советские спутники и космические корабли.

Однако Заградин все чаще стал задумываться над тем, что мощно и стремительно взятый страной разбег спадает. Особо явственно это ощущалось на состоянии дел на селе.

После долгих размышлений он пришел к определенным выводам о причинах этого процесса.

Дело было в том, что пока Хрущев строго соблюдал принципы коллективного руководства, советовался с товарищами по работе, местными работниками, энергичные меры, осуществляемые по его инициативе по перестройке сельскохозяйственного производства, находили и понимание, и поддержку. Потом он стал больше уповать на свое глубокое знание проблем колхозной деревни, стал самолично принимать некоторые важные, принципиальные решения, приведшие к известным ошибкам, снижению темпов развития сельскохозяйственного производства.

И неуходящая глубокая тревога за дела на селе побудили Заградина искать встречи с Хрущевым.

Личная встреча, однако, не состоялась, и он отправил ту свою докладную записку, которая явилась основной темой их нервного разговора во время ветлужского обеда.

Павел Васильевич сначала постоянно думал и о своей записке, и о столь памятной беседе в доме отдыха архитекторов, ожидая скорых вызовов. Затем острота ожидания стала несколько стушевываться.

— Дел-то у товарищей, конечно, много и без моих докук,— подытожил он свои мысли.

На личные переживания первому секретарю обкома просто не было отпущено времени, да и характер у Заградина был другой. Он, вернувшись из больницы в Ветлужск, с головой окунулся в обкомовские дела. А их накопилось немало. Уборка шла туго, острейшей проблемой стал транспорт для вывозки картофеля и овощей. Павел Васильевич

пошел к Артамонову, но, встретив холодный, отчужденный прием, понял, что придется выкручиваться самим. Решив поскрести по сусекам, собрал в обкоме всех руководителей подчиненных области предприятий. Москвичи тоже оказали помощь. Развязав этот узелок, Заградин на несколько дней выбрался в северную зону области. Здесь-то его и разыскал работник приемной обкома, сообщивший о вызове в Москву.

...Возвращался он из этой поездки в столицу в глубокой задумчивости. В его памяти неотступно стояли лица товарищей по партии, с которыми пришлось встречаться: сосредоточенные, усталые, озабоченные. Он радовался их осведомленности положением дел в стране, глубокой, проникновенной заинтересованности сельскими делами, смелости суждений о причинах отставания сельского сектора в общей экономике страны, их решительному настрою по поводу мер, которые предстоит принимать.

Эти встречи и беседы окрылили Заградина, прибавили сил и энергии. Однако вопрос Курганова не был для него неожиданным... Он и сам не раз задумывался над ним. Мысли о том, что по возвращении в Москву Хрущев ничего не даст стронуть с места и все поведет по-прежнему, по-своему, приходили не раз и Павлу Васильевичу. В то же время он был глубоко уверен в необходимости серьезных изменений положения дел на селе. И Курганову постарался ответить более или менее уверенно.

— Не думаю, что произойдет то, что ты предполагаешь. Не думаю.— Затем, помолчав и улыбнувшись, закончил их встречу: — Ну, а сейчас за дела, Курганыч, за дела. Их у нас с тобой ох как много.

Распрощавшись, Михаил Сергеевич ушел. Но его слова все же вернули Павла Васильевича к тем тревожным и беспокойным мыслям.

Заградин не знал пока того, что скоро все встанет на свои места.

...Курганов в окружении большой группы приозерцев вышел на крыльцо Дома культуры и остановился. После напряженного, хлопотливого дня, проведенного в душноватом зале, так хотелось почувствовать бодрящую свежесть мороза, ощутить колкую прохладу снежной россыпи, которой кидался крутившийся по сугробам ветер.

— Ну, что же, товарищи, поздравляю вас. Конференция

прошла хорошо, организованно. Теперь дело за вами. Заметив несколько смятенное состояние Озерова, спросил настороженно:

— А ты что это, Николай Семенович, такой смурной? Какая докука тебя гложет? Давай-ка встряхивайся и все сомнения — по боку. Ну? Не вешай голову, секретарь, не печаль товарищей.— И, положив руку ему на плечо, добавил: — Теперь тебе даже хмуриться без повода нельзя, настроение людям будешь портить. Вот так-то, товарищ секретарь райкома.

Озеров откровенно озабоченно вздохнул:

— В себя никак не приду, Михаил Сергеевич. И хотя, как известно, после драки кулаками не машут, опять скажу: ошибку вы совершили. На мои хилые плечи взвалить такую ношу. Нахлебаетесь вы горя с таким секретарем.

— Ничего, Озеров, ничего. Не робей. Да и оснований для таких предположений не вижу. Смотри, какие подпорки-то у тебя! Что Рощин, что Крылов. Оба молодые, как жеребчики, только наваливай на них, любой воз потянут.— И Курганов, разыскав взглядом того и другого, спросил: — Как, орлы, не подведете первого секретаря?

Анатолий Рощин после пленума райкома тоже чувствовал себя «не в своей тарелке», но нашелся первым и чуть хрипловато от непрошедшего еще волнения ответил:

— Постараемся, Михаил Сергеевич.

А Василий Крылов со свойственной ему рассудительностью пробасил:

— Вроде ведь разукрупнять районы-то решили, а все равно махину создали. Так что помогать придется, Михаил Сергеевич.

Курганов рассмеялся:

— Прижимистый будет секретарь из тебя. Еще и в кресло-то не сел, а уж аванс требуешь.— Потом, довольный, согласился: — Район действительно большой получился, но ладный, интересный, я бы сказал. И село мощное, и предприятий много, экономика разнообразная. Есть где развернуться. Давно бы надо приозерские земли под одну крышу собрать. Ну да лучше поздно, чем никогда. Образцовым, опорным Приозерье в области должно быть.— Проговорив это, Курганов спохватился: — Ну, кажется, я повторять свое выступление начал. Что же, до свидания, товарищи.

— Когда нас покидаете, Михаил Сергеевич? — спросил Озеров.

— Сам-то завтра уеду, а семейство днями. Собраться им все же надо.

— Не забывайте Приозерье-то.

Курганов задумчиво ответил:

— Если бы и захотел, то не смогу. Более десяти лет жизни отдано — срок немалый.

Прощались долго и молча. И хотя не было оснований для печали — всем было, однако, грустновато. Расставались-то с Кургановым — человеком, с которым столько времени шли бок о бок. И хотя уезжал Михаил Сергеевич не за тридевять земель, а всего лишь в Ветлужск, все же будет он теперь вдалеке, а не тут — рядом. Не придешь в любой день и час к спокойному, рассудительному Курганову с пытливым заинтересованным взглядом, не возьмешь запросто в советчики по возникшему затруднению в делах, не поплачешься порой в жилетку по любому житейскому казусу.

Курганову тоже было тяжеловато это прощание, и он, пожав всем руки, поспешил с крыльца. Его, однако, догнал Озеров.

— Михаил Сергеевич, вопрос о Гаранине уже решен окончательно?

— Окончательно, Николай. Есть решение бюро обкома. Он нужен в Ветлужске. А на райисполком бери Ивана Отченаша — готовый председатель. Конечно, если он райкому не нужен, мы и его с удовольствием заберем в Ветлужск...

— Ну, вы уж совсем хотите нас ограбить.

— Озеров, побойся бога. Одного Гаранина и забираем-то.

— А себя вы не считаете?

— Нет, я не в счет.

— Моряка жалко срывать с рыбхоза. Дело-то пошло на лад.

— Ничего, замену найдете. Там около него полно энтузиастов. В Березовке-то кого избирать собираетесь?

— Уханова, я думаю.

— Правильно, Уханова. Люди его знают, и опыт у мужика немалый. И ты это дело, Николай Семенович, не затягивай. Сюда — в Приозерск — поскорее перебирайся — дел сам понимаешь сколько, а они ждать не любят.

— Вот проводим вас, а через два-три дня переберемся в райцентр.

— Провожать меня не надо. Бубенцов отомчит меня спозаранку. А вы вот что имейте в виду. Скоро пленум обкома. В ближайшие же дни соберитесь с членами бюро

и подумайте, с какой программой выступят на пленуме приозерцы. Коль нужда будет — загодя до пленума ко мне загляни, подумаем вместе.

...Распрощавшись с Озеровым, Курганов направился на южную окраину города, к Приозерским холмам, к знаменитому Бел-камню. Когда выдавался свободный час, Михаил Сергеевич захаживал сюда и раньше — полюбоваться открывшимся видом, пашнями и лесами, привольно раскинувшимся по берегам Славянки.

Шел Михаил Сергеевич не спеша, и мысли сегодня текли как-то ровнее и спокойнее. Сказывалось впечатление от только что прошедшей конференции приозерских коммунистов. Конференция действительно прошла деловито, четко, в спокойной товарищеской атмосфере. Курганов, правда, не сомневался в этом и раньше, он хорошо знал актив и своей, и соседней Зареченской зоны, но все же весь ход конференции, настрой делегатов, их глубокий заинтересованный подход к обсуждению состояния дел в колхозах и совхозах приятно обрадовали его. Никто не топтался на прошлом, не оправдывал организационными и структурными неурядицами последних лет отставание своих хозяйств. И хотя несколько делегатов говорили об этом, не могли, конечно, не говорить, но главной мыслью во всех выступлениях была забота о делах предстоящих. Сообща, без излишних споров люди искали пути, которые позволили бы им наверстать упущенное, сделать так, чтобы приозерские земли по возможности быстрее могли сполна вознаграждать нелегкий труд земледельца.

Курганов чувствовал, что этот уверенно-деловой и спокойный настрой приозерского актива благотворно подействовал и на его душевное состояние.

Он очень хорошо понимал, какой ответственный пост ему доверен, понимал, сколько потребуется труда, усилий, сколько бессонных ночей ему предстоит. Но тревожило его не это. Постоянно и неотступно беспокоила мысль — сумеет ли он охватить весь тот огромный круг проблем и вопросов, который должен решать первый секретарь обкома, хватит ли опыта, сил, знаний для этого, сумеет ли сплотить актив бывшего сельского и промышленного обкомов в единый коллектив, способный повести за собой областную организацию.

Может, кто другой безоглядно бы обрадовался столь крутым изменениям в своей судьбе, но Курганов был из той категории партийцев, которых отличает реальная оценка

своих сил и способностей и которые видят смысл своей жизни прежде всего в том, чтобы польза, отдача от их труда и деятельнсети была наибольшей, предельно ощутимой. Вот почему Михаил Сергеевич, когда в Центральном Комитете партии ему был предложен пост первого секретаря Ветлужского обкома партии, был не обрадован, а озабочен. Курганову казалось, что эта ноша не по нему.

Незадолго перед этим прошел октябрьский Пленум Центрального Комитета партии, решения его были единодушно одобрены и партией, и страной. Центральный Комитет партии энергично взялся за исправление некоторых необоснованных, торопливых нововведений. Восстанавливались многие порушенные звенья партийного и государственного аппарата, ликвидировались надуманные, не оправдавшие себя организационные структуры. Потребовалось укрепление многих партийных и государственных участков, и Заградин из Ветлужска был отозван на работу в Москву.

В числе других кандидатур на Ветлужск Павел Васильевич назвал и Курганова. Но тот при беседе в ЦК попросил время, чтобы подумать.

Подумать ему разрешили, и он позвонил Заградину.

— Павел Васильевич, очень нужен твой совет.

— Хорошо, что хоть советов не чураешься. Приезжай.

Заградин сразу же озадачил Михаила Сергеевича и тоном разговора, и вопросом, который задал:

— Ты что это, Курганов, капризничать вздумал? Почему согласия не даешь? Что за сомнение? С каких это пор коммунист Курганов стал считать не обязательным мнение Центрального Комитета?

Курганов удивленно посмотрел на Заградина и хотел тоже в том же тоне ответить на такой упрек, но сдержался. Спокойно, но не скрывая обиды, ответил:

— До сих пор, как вам это хорошо известно, я ни от каких поручений не отказывался. Верно ведь?

— Верно. Поэтому и непонятно нынешнее твое поведение.

— А что, я не имею права иметь свое мнение? Полагаю, что имею. В данном случае оно таково, что браться мне за этот пост вряд ли следует. Я должен, обязан даже честно сказать в Центральном Комитете о своих сомнениях.

— Ну, а причины-то, причины какие для таких сомнений?

— Причины очевидны: область огромная, вы это лучше меня знаете. Чтобы руководить ею, какой опыт нужен... Я готов работать где угодно и кем угодно, но чтобы дело было по моим силам, чтобы я не зря хлеб ел. Это первое обстоятельство. А второе — возраст. Все-таки немолод. Это тоже следует учитывать. Вы думаете, мне легко отказаться от такого доверия? Очень даже не легко. Но я никогда не кривил душой перед партией, не кривлю и сейчас.

Пытливо вглядываясь в собеседника, Заградин заговорил:

— Ну что же, давай рассмотрим твои возражения. Но сначала один вопрос: у тебя как со здоровьем?

— Пока не жалуюсь. Вот хозяйка моя — плоха.

— А что с Еленой Павловной?

— После истории с сыном никак в норму не войдет. Очень сдала за последнее время.

— Сын-то в армии?

— В танкистах.

— Ну, а Елену Павловну лечить будем. Полагаю, в Ветлужске врачи не хуже, чем в Приозерске.— И так как Курганов молчал, Павел Васильевич продолжал:

— Твою биографию мы, Михаил Сергеевич, знаем — и довоенную, и фронтовую, и мирную. Руководил партийными комитетами трех крупнейших заводов и строек, более десятка лет возглавляя районные партийные организации, партком такого управления, как Приозерское. Это опыт, да еще какой. Ну и потом, ты же знаешь — секретарями обкомов не рождаются. Все мы начинали так же, как и ты. Теперь о возрасте. Я не случайно спросил о здоровье. Если ты болен, это один вопрос, если здоров — то возраст не помеха. Он у тебя еще отнюдь не критический. Так что берись за Ветлужчину, помощников подбирай потолковее, и молодых в том числе. Артамонов возвращается в министерство. Председателя облисполкома Прохорова тоже решено забрать в Москву. Думаю, на эту роль подойдет Гарапин. Мыловаров тут был недавно. Исполнитель он неплохой, но очень уж привык ждать указаний свыше. Надо подумать, как его использовать, не обижая. Но живая партийная работа не по нему...

Курганов вопросительно поглядел на Заградина.

— Павел Васильевич, вы говорите со мной так, словно вопрос уже решен. А я ведь серьезно думаю: не ошибаетесь ли вы, справлюсь ли я с таким делом?

— Что значит — справлюсь ли? Все будет зависеть от

усилий, настойчивости, понимания меры своей ответственности за поручение ЦК и доверие коммунистов.

— Да я ведь не индульгенцию выторговываю. Поймите это. Уж если поручите везти этот воз — повезу добросовестно, не жалея ни сил, ни времени. Но предупредить о своих сомнениях обязан.

— Сомнения побоку, Курганыч. В пятнадцать часов встретимся на Секретариате ЦК.

...И вот уже позади объединенный пленум промышленного и сельского обкомов Ветлужчины, единогласно избравший Курганова своим первым секретарем. Позади и первые довольно хлопотливые недели работы в обкоме. Объединение аппарата обкомов, облисполкомов, комсомола, подбор и расстановка людей, слияние и перестройка наиболее важных государственных и общественных организаций области — все это требовало участия секретарей обкома, и прежде всего — первого секретаря. И все же обилие этих дел и хлопот не мешало нет-нет да и появиться той прежней мысли: за свое ли дело взялся? Потяну ли?

Сегодняшняя конференция приозерцев основательно подбодрила Курганова.

Удивительно просто и деловито толковали приозерцы о делах Приозерья, Ветлужчины да и всей страны, прямо, без оглядки и обиняков высказывались о том, чего ждут от восстановленных райкома и обкома, да и от него как первого секретаря. Говорили без красных слов, без восхваления его качеств, но с глубокой верой в то, что он, Курганов, это сможет, должен смочь. И эта глубокая, волнующая вера людей в него окрылила Михаила Сергеевича, развеяла его сомнения. Тревога в душе, конечно же, оставалась, это было естественно, воз-то предстояло везти действительно предельно тяжелый, но она уже не угнетала его с прежней силой.

...Направляясь к Приозерскому взгорью, погруженный в свои мысли, Курганов поначалу не расслышал, как кто-то окликнул его.

У калитки корягинского дома стоял Удачин. Курганов удивился:

— Виктор Викторович? И вы, оказывается, в приозерских краях? Какими судьбами?

— По своим управленческим делам приехал. А вы на конференции были? Ну, как она прошла?

— Хорошо.

— Решили прогуляться напоследок?

— Да. Захотелось пройтись немного.

— Может, проводить вас?

— Да нет, не стоит, места знакомые.

— Да, да, конечно. Желаю вам успеха на новом поприще. Может, как-нибудь ненароком и старые кадры вспомните.

— Ну зачем же ненароком. Вы человек известный и вовсе не забытый. Участок у вас и теперь не малый. Но если есть докука — заходите.

— Хотелось бы как-нибудь...

— Пожалуйста.

Попрощались, и Курганов все той же неспешной походкой продолжал свой путь, а Удачин вернулся в дом. Там его уже нетерпеливо ждали старые приятели, чтобы продолжить застольную беседу.

А беседа длилась уже давненько. Вновь по вызову Корягина слетелись в Приозерск старые дружки — Удачин и Пухов. Не было только Звонова.

— Что же это делается, дорогие товарищи? Что происходит? История-то ведь вспять пошла,— плаксиво вопрошал Пухов.

Отвечая на возглас Пухова, Удачин задумчиво проговорил:

— История, Пухыч, вспять не ходит. Повторяться может, но, как говорили мудрые, только в виде фарса. Все идет по законам диалектики. А мы, по-моему, все не туда гребем. Вот и Олег — казалось нам — голова, на всю страну гремел. А с «Ветлужскими зарисовками» обмишурился.

— А вы-то что, Виктор Викторович, то туда, то сюда? Можно подумать, что вы рады тому, что произошло. Подождите, вам еще Курганов вспомнит кое-что. Вы думаете, он забыл ваши шипы да колючки? Память у него хорошая.

— Ну, тише, тише,— вмешался Корягин.— Кажется, мы ссориться начинаем. Ни к чему это. Хозяйка, что у нас там на очереди?

— Спешу, спешу,— напевно ответила тут же появившаяся хозяйка.— Баранина на жару доходит. Сейчас подам, сию минуту.

И вновь продолжалась то мирная, то задиристая беседа.

Корягина больше всего занимало выдвижение его зятя — Василия.

— Ну надо же, Ваську-оглоеда секретарем райкома сделать. Ничего себе, нашли кадру.

— А ты зря, между прочим, на него зуб держишь. Парень

как парень, не глупее других. Помириться тебе с ним надо,— заметил Удачин.

Корягин взвился:

— Ну, уж извини-подвинься. Не будет этого. Посмотрим еще, как эти вновь испеченные секретари Приозерье будут разваливать.— И, помолчав, с трудом отходя от этих злобящих назойливых мыслей, Корягин со вздохом проговорил:

— А вот насчет Курганова мы действительно промашку дали. Не надо было нам так на мозоли ему наступать. А теперь, того и гляди, покажет свои коготки.

Удачин, к немалому удивлению друзей, проговорил совсем иное:

— А я думаю, зря мы паникуем. Видел я его только что. Нет, не мелочный он человек. Любить ему нас, конечно, не за что, но и прижимать он не будет. Многое из его характера мне не по душе, но мелочности, мстительности я за ним не замечал. К людям он, как правило, объективен и доброжелателен.

— Ох, Виктор Викторович, добрая у вас душа. Как бы нам не обмишуриться еще раз,— глубоко вздохнул Пухов.

Не потому, что добрую душу имел Виктор Викторович, а потому, что опыт имел больший, Курганова знал лучше, чем остальные, потому и оказался более правым в своих предположениях.

Прерванные встречей с Удачиным, размышления Курганова вновь вернулись к прежнему направлению.

Предстояло проведение партийных конференций и сессий местных советов в воссозданных районах. Немало осталось нерешенных вопросов с объединением и областных организаций. И все это надо было делать быстро, срочно, безотлагательно, потому что внимания обкома ждали проблемы более важные и неотложные. В ряде колхозов и совхозов обнаружилась острейшая нехватка кормов, слабо шел ремонт сельхозтехники, застряли с вывозкой удобрений...

Курганов тяжко вздохнул от обилия этих докучливых и остро тревожащих мыслей и проговорил, утешая себя:

— Ладно, завтра будем разбираться, что к чему.

По проторенной лыжниками дороге он взобрался на самый высокий гребень холмов — на Бел-камень и, остановившись недалеко от кромки крутого спуска к Славянке, окинул взглядом открывающуюся его взгляду панораму. Ему вспомнилось посещение Бел-камня в далеком пятьдесят

третьем году. После пленума райкома они поехали сюда вместе с Заградиным. В туманной мглистой дымке сумерек горели огни лишь правобережных сел и деревень, вся же округа левобережной части была в полной тьме, лишь редкие и тусклые огоньки проглядывались кое-где. Заградин все допытывался, в чем дело.

А объяснялось это просто. Правобережные колхозы жили землей, старательно поднимались на ноги, села же и деревни, расположенные по левому берегу Славянской поймы, с испокон веков тяготели к отхожим промыслам, хозяйство вели ни шатко ни валко, и артели, расположенные здесь, еле сводили концы с концами.

Так было тогда.

Сейчас же яркие пунктиры электрических огней полыхали то тут, то там по всей равнине, вплоть до далекой, еле виднеющейся на горизонте линии Ракитинских лесов. Эти огни ничего не могли сказать случайному посетителю приозерских холмов, но Курганову они говорили о многом. Да, было трудно и тяжко, да не все, далеко не все удалось сделать за эти годы, но ведь кое-что сделано. Среди этих россыпей огней он без труда угадывал и Березовку, и Бугры, и Алешино, и Абрамово, да и многие другие села. И огни — это не просто электрические фонари на улицах, на токах или фермах, а непреложное и очевидное свидетельство иной жизни этих сел и деревень, неуклонного и все нарастающего подъема их достатка. И вместе с постоянной озабоченностью Михаил Сергеевич ощутил некоторую толику радости. Ведь в любых, больших и малых заботах, коими жили приозерцы эти годы, в их бедах и неудачах, в их малых и больших победах была частица и его труда. И эта причастность к обыденным делам приозерцев наполнила существо Курганова какой-то волнующей неуходящей теплотой, он ощутимо почувствовал свою неразрывную органическую связь с этой мерцающей вечерними огнями приозерской землей, с привольно раскинувшимися по берегам Славянки полями, мирно спящими сейчас под пушистым снежным покровом...

Постояв еще немного на взгорье, Курганов стал спускаться вниз.

Мысли его вновь вернулись на прежний круг, настойчиво напоминая о делах, что предстояло решать завтра, послезавтра и потом. И уж не только приозерские поля будут требовать его внимания, сил и забот. Но все равно, даже за немыслимым обилием новых дел, Михаил Сергеевич

никогда не забудет эту расцвеченную живительными огнями бескрайнюю равнину, раскинувшуюся по берегам Славянки, до конца своих дней будет помнить поля Приозерья, коим отданы многие годы жизни, отдана часть его сердца.

На нижней смотровой площадке его ждал Бубенцов с машиной. Он ворчал:

— Куда вы пропали, мы же обыскались вас. Елена Петровна волнуется, прогнала меня сюда. Из Ветлужска вам звонили и из Москвы. А вы тут видами любуетесь.

— Эх, сухая душа у тебя, Бубенцов. И за что только тебя Вера полюбила. Удивляюсь.

— Значит, есть все-таки за что,— ответил Костя.

Через минуту-две Курганов, тронув его за плечо, попросил:

— Сослужи, Костя, мне еще одну последнюю службу — отвези завтра в Ветлужск пораньше.

— О чем речь, Михаил Сергеевич.

Рано утром, когда тусклый рассвет еще робко взбирался по серому зимнему небу и лишь над дальними Ракитинскими лесами начинала алеть узкая полоска зари, Курганов уже спешил в Ветлужск. Спешил к новому этапу жизни. Он знал, что впереди нелегкий путь и нелегкие дела, что предстоят радости от сделанного и огорчения от неудач и ошибок. К беспокойной, напряженной жизни спешил Курганов. Правда, к иному он никогда не стремился и не знал, что это такое — спокойная жизнь.

1985

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Трофимович Сизов

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Роман

Редактор **М. Вострышев**
Художник **Э. Насибулина**
Художественный редактор **А. Дианов**
Технический редактор **Н. Ганина**
Корректоры **О. Добромыслова, Г. Панова**

ИБ № 4907

Сдано в набор 14.05.87. Подписано к печати 27.08.87 А12063 Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Гарнитура литер Печать высокая с фотополимерных форм Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 36,96. Усл. краск отт. 36,96. Уч-изд. л. 39,56 Тираж 100 000 экз. Заказ 184. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003 г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25